

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 2 (156)
март — апрель 2020

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ,
СЕКСУАЛЬНОСТЬ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2020. — № 2 (156). — 485 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Д. В. Лебедев

Параданные: определение, типы, сбор и возможное применение 4

К. А. Гаврилов

Психометрическая парадигма в исследовании риска:
перевод на русский язык и апробация на студенческой выборке 33

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

П. А. Коротков, А. Б. Трубянов, Е. А. Загайнова

Частота самоубийств и продолжительность рабочего времени в России 51

Н. В. Абрамова

Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников
в управление жилищным фондом: социологический анализ 65

М. А. Малышев

Улучшение качества переговорного процесса в системе социального
партнерства Российской Федерации 84

О. Л. Лушникова

Факторы адаптации мигрантов из сельской местности (на примере одного
из народов Сибири — хакасов) 106

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

А. Д. Свирщевская, А. В. Пашкевич

Прочтение визуальных метафор о планировании карьеры у поколения
молодых миллениалов 123

Л. Д. Забоксицкая, Н. А. Хлебников, Т. А. Орешкина, Е. И. Комоцкий

Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной
сети «ВКонтакте» 148

С. В. Кульпин, Г. А. Савчук, О. А. Якимова

Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный
анализ тематических блогов 168

Е. Г. Ним

Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики 191

С. С. Савельева

Неравенство успехов и притязаний девятиклассников: уровень локальных
образовательных систем 212

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

Н. Ю. Егорова, А. Л. Янак, Е. С. Рябинская

Родительские роли в современной российской семье:

границы «мужского» 233

Е. С. Пяткова, О. Б. Савинская

Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений..... 252

Н. Г. Малошонок, И. А. Щеглова

Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов

инженерно-технического профиля..... 273

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2020..... 293

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

В. И. Дудина, А. Ф. Руппель

«Меня выводит из себя любая мелочь»:

самомедицинализация стресса и паттерны употребления фармацевтических
препаратов в цифровом обществе 312

А. В. Решетников, Ш. Г. Айвазян, Н. В. Присяжная

Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов 331

Н. П. Шок

Ответственность науки и общество: может ли биоэтика повлиять

на медицинскую практику? 347

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова, М. А. Юревич

Влияние ожиданий населения на макроэкономические параметры:

эконометрическая оценка на примере России 365

Ф. И. Шарков, О. И. Якушина

Концептуальные модели межкультурных отношений в процессе

формирования идентичностей индивидов и групп 385

Н. Д. Трегубова

Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания

исследования транснационализма в режиме онлайн..... 405

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Н. П. Попов

Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем 420

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А. Д. Назаров, Е. А. Назарова

Миграция как новая революция в современной Европе.

Рец. на кн.: Крастев И. После Европы.

М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018 441

С. Г. Ушкин

Бауман, или о безразличии.

Рец. на кн.: Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019;

Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019 450

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева

Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты:

Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II 457

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.915

Правильная ссылка на статью:

Лебедев Д. В. Параданные: определение, типы, сбор и возможное применение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 4—32. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>.

For citation:

Lebedev D.V. (2020) Paradata: definition, types, collection, and possible uses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—32. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>.

Д. В. Лебедев ПАРАДААННЫЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТИПЫ, СБОР И ВОЗМОЖНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

ПАРАДААННЫЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТИПЫ,
СБОР И ВОЗМОЖНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

PARADATA: DEFINITION, TYPES, COL-
LECTION, AND POSSIBLE USES

ЛЕБЕДЕВ Даниил Вадимович — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, аспирант школы по социологическим наукам, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: zenon-daniil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7246-8022>

Daniil V. LEBEDEV¹ — Research Assistant at International Laboratory of Social Integration Research; Ph.D. Student (Sociology); Faculty Member, Department of Sociological Research Methods
E-MAIL: zenon-daniil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7246-8022>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Преимуществом использования компьютеризированных и онлайн-методов сбора данных является в том числе возможность получения

Abstract. One of the advantages of computer-assisted and online data collection tools is also an opportunity to obtain a large array of information about the

широкого массива информации о процессе сбора — параданных. В представленном обзоре рассмотрены работы, применяющие параданные в разных исследовательских сферах; сформированы определение, типологии параданных; выделены основные направления применения такого рода данных, их ограничения, перспективы и возможности сбора. В заключении приведены практические рекомендации относительно максимально эффективной работы с параданными, их использования в качестве исследовательского инструмента.

Обзор будет полезен и интересен академическим и маркетинговым исследователям и методологам (наряду с практиками опросов). Прделанная работа будет способствовать лучшему пониманию такого типа данных, возможностей, связанных с их применением, ограничений и перспектив.

Ключевые слова: параданные, сбор данных, сбор параданных, наблюдения интервьюеров

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность Айгуль Маратовне Климовой (Мавлетовой) за ценные содержательные комментарии и советы, способствовавшие повышению качества этой обзорной статьи.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 177820172).

collection process, i.e. paradata. The article reviews the works employing paradata in various research areas. The author defines and classifies paradata and identifies the basic directions where paradata can be used paying attention to restrictions and collection opportunities. In conclusion, the author gives practical suggestions for the effective use of paradata as a research tool.

The review will be useful and interesting both to academic and marketing researchers and methodologists (along with practitioners). The paper will develop a better understanding of this data type, opportunities, constraints and future prospects related to its uses.

Keywords: paradata, data collection, paradata collection, interviewers' observations

Acknowledgments. The authors of the paper expresses gratitude to Aygul M.Klimova (Mavletova) for her valuable substantive comments which helped improve the quality of the review.

The article is supported by Russian Science Foundation (grant No. 177820172).

Введение

В последние три десятилетия в сфере методологии и методов сбора данных широкое распространение получили компьютеризированные и онлайн-способы сбора данных [Durrant, Kreuter, 2013]. В настоящий момент многие исследования используют стратегии смешивания методов сбора данных (mix-mode), одним из которых зачастую является либо онлайн-опрос [например, Kurakin, 2014], либо опрос с применением компьютерных технологий (телефонный, с использованием планшета) [например, Kozuyeva, Kosolapov, Porkin, 2016]. Кроме того, доказанная эффективность подобных способов сбора данных привела к тому, что в некоторых странах компьютеризированные или онлайн-опросы проводятся (или планируются к проведению) как альтернатива личному интервьюированию с бумажной анкетой в случае переписи населения [Reeves et al., 2018; Никитина, 2018].

Зачастую наиболее важными причинами задействования таких методов сбора данных являются: уменьшение стоимости (особенно в долгосрочной перспективе); снижение затрат на логистику (по сравнению с личными интервью с бумажными анкетами) — печать анкет, перевозка, вбивка данных; сокращение времени, требуемого для перевода имеющихся анкет в формат базы данных [Терентьев, Мавлетова, Косолапов, 2018; Лебедев, Богданов, 2019]. Кроме того, очень важным преимуществом стоит считать возможность сбора дополнительных данных, описывающих разные этапы процесса сбора данных (как сторону интервьюера, так и сторону респондента), — параданные [Мавлетова, 2017].

Термин «параданные» был впервые определен М. Купером в 1998 году как «побочные данные о процессе сбора данных, получаемые в результате использования компьютеризированных методов сбора данных» [Couper, 1998; Kreuter, Couper, Lyberg, 2010]. Важно отметить, что методологические исследования, в рамках которых использовались параданные, существовали и до этого (например, сведения о результате установления связи с респондентом употреблялись для определения более эффективного способа отбора респондентов [Eckman, 2013: 108; Fazio, 1990]). Тем не менее, распространение применения подобного типа данных и более комплексное их осмысление наблюдаются именно в последние два десятилетия [Bosnjak, 2001; Kreuter, Casas-Cordero, 2010; McClain et al., 2019], что связывается с широким распространением способов сбора данных, основанных на использовании компьютерных или онлайн-технологий [Olson, Parkhurst, 2013], а также с повышением интереса к анализу процесса сбора данных, выявлению ошибок и изучению возможностей их сокращения [Yan, Olson, 2013].

Исследования с применением параданных показывают их состоятельность в случае изучения различных аспектов методологии исследований, таких как описание эффектов интервьюера [Sharma, 2019], расчет корректировочных коэффициентов с учетом уровня неотчетов — отказов от ответов (nonresponse adjustment) [Lynn, Nicolaas, 2010], контроль процесса отбора респондентов интервьюерами [Караева, 2015], анализ коммуникации между интервьюером и респондентом и опросного инструментария в целом [Ипатова, 2014; Рогозин, Сапонов, 2014], оценка качества данных [Малошонок, Терентьев, 2014] и т. д. Проще говоря, параданные дают возможность заглянуть в процесс сбора информации, понять особенности поведения респондентов, интервьюеров, ситуации

интервью/прохождения интервью в целом [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Sharma, 2019; Sakshaug, 2013]. Параданные — это сведения о процессе сбора данных, которые зачастую применяются для оптимизации и повышения эффективности такого процесса [Kaczmarek, 2008].

Зачастую наиболее часто используемые типы параданных (например, время заполнения анкеты, результаты установления связи с респондентом, оценка интервьюером ситуации интервью) не требуют дополнительных финансовых вложений для их сбора и анализа [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Improving Surveys with Paradata, 2013; Sharma, 2019]. Это особенно справедливо в случае компьютеризированных и онлайн-опросов, для которых во многих платформах, занимающихся таким методом сбора данных, имеются встроенные инструменты для сбора наиболее общих параданных, которые при этом могут быть сведены к индивидуальному уровню каждого респондента и каждого вопроса [McClain et al., 2019; Терентьев, Мавлетова, Косолапов, 2018]¹. Стоит оговориться, что имеются также типы параданных, которые связаны с более трудоемкими процессами как сбора, так и анализа (этот аспект будет более детально освещен далее в разделе «Специфика работы с параданными») [Callegaro, 2013].

В русскоязычной научной литературе параданные были описаны в нескольких исследованиях [Сидоров, 2011; Ипатова, 2016; Она же, 2014; Рогозин, Сапонов, 2014; Мавлетова, 2017]. Стоит особенно выделить работы Н. Сидорова, А. Ипатовой и А. Мавлетовой. У первого автора дан хороший обзор на 2011 год с рефлексией по поводу определения, типов и примеров применений параданных [Сидоров, 2011]. А. Ипатовой представлены пример и возможности употребления параданных в контексте телефонных опросов [Ипатова, 2014]. В работе А. Мавлетовой показано, каким образом параданные могут быть использованы для адаптации опросного инструментария под различные характеристики респондентов и ситуации прохождения опроса [Мавлетова, 2017]. Эти статьи помогают получить общее представление о параданных и некоторых потенциальных возможностях их применения. Тем не менее, к сожалению, русскоязычная научная литература не дает комплексного описания параданных как инструмента, к которому широко обращаются при методологических исследованиях. В то же время, подобная работа является ключевой для развития согласованных методологических исследований параданных, их анализа, сбора и применения в практике, так как позволяет определить наиболее эффективные подходы, возможности сбора, границы параданных и их возможностей в целом.

Цель нашей обзорной статьи заключается в представлении общей информации о параданных. Структура обзора следующая: определение термина «параданные»; формирование типологии с учетом разных оснований для разделения различных типов параданных; описание сфер использования параданных в исследовательской практике; описание специфики параданных и трудностей их сбора, анализа и интерпретации; анализ перспективных направлений исследований, связанных с разработкой методов анализа и применения параданных в практике и методологической теории; описание возможностей сбора параданных. В заключении

¹ Также см.: Enjoy Survey. URL: <https://enjoysurvey.com/> (дата обращения: 07.10.2019); Survey Solutions. URL: https://support.mysurvey.solutions/headquarters/export/paradata_file_format/ (дата обращения: 10.10.2019).

приведен список практических рекомендаций, которые будут полезны исследователям, планирующим использовать параданные на практике.

Обзор стоит рассматривать как отправную точку для академических и маркетинговых исследователей, методологов и профессионалов опросной индустрии, рассматривающих возможности применения параданных, а также их перспективы, ограничения и требования по затратам ресурсов программного обеспечения.

Определение параданных

На текущий момент в сфере исследований методологии социальных наук отсутствует единое определение этого термина. Имеющиеся примеры концептуализации варьируются от довольно широких [Kreuter, Couper, Lyberg, 2010; Nicolaas, 2011; Matjasic, Vehovar, Manfreda, 2018] до очень узких [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; McClain et al., 2019]. Нередко имеющиеся определения могут даже в какой-то степени противоречить друг другу [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; McClain et al., 2019].

Наиболее часто упоминается уже приведенное в нашей статье определение М. Купера, приведенное выше и представленное на конференции Американской социологической ассоциации [Couper, 1998; Sharma, 2019]. Тем не менее, популярность этой дефиниции, скорее, объясняется тем, что именно в этом выступлении термин был впервые упомянут и описан. Развитие исследований с применением параданных на текущий момент указывает, что такое определение упускает значительную часть параданных, используемых для поправки на ошибку неотчетов (например, наблюдения и оценки интервьюеров относительно респондента, домохозяйства, района и ситуации интервью в целом) [Kreuter, Couper, Lyberg, 2010; Couper, Kreuter, 2013].

В этом контексте необходимо выделить наиболее важные характеристики параданных, а также кратко описать их отличие от сходных типов данных: вспомогательных (auxiliary data) и метаданных (metadata). Важно заметить, что нередко исследователи методологии социальных наук пренебрегают обсуждением возможного определения параданных в пользу обсуждения способов их сбора и использования [Lynn, Nicolaas, 2010].

Параданные могут быть описаны как дополнительные сведения, измеряемые в процессе заполнения опроса/интервью [Durrant, Kreuter, 2013; West, 2011; Matjasic, Vehovar, Manfreda, 2018]. Это данные о самом процессе, включающие поведенческие характеристики интервьюера, респондента, описание ситуации прохождения опроса/интервью, в том числе измеряемые с помощью вспомогательных устройств [Kreuter, Casas-Cordero, 2010]. Параданные недоступны перед проведением полевого этапа, но возникают и меняются в этом процессе, при этом они предоставляют возможность увидеть наиболее значимое поведение респондентов и интервьюеров при сборе данных (проведение интервью, заполнение онлайн-анкеты и т. п.) [Kaczmirek, 2008; McClain et al., 2019; Global Guideline: Online Research ESOMAR].

Выделяют несколько важных особенностей параданных. Они фиксируются на каждом этапе сбора данных [Finnamore, 2019]; в подавляющем большинстве случаев являются нереактивными (то есть собираются без ведома или согласия

со стороны респондентов, а также без указания на цели сбора такого рода данных — эта особенность и сопутствующие ей проблемы будут подробнее описаны в разделе «Специфика работы с параданными» нашей статьи) [Callegaro, 2013]; имеют различные уровни детализации и генерализации [Kaczmirek, 2008]; зачастую отличаются для каждого отдельно взятого респондента [Kaczmirek, 2008; Callegaro, 2013].

Параданные неразрывно связаны с метаданными и вспомогательными данными [Kreuter, Couper, Lyberg, 2010]. Нередко параданные описываются как одна из разновидностей метаданных (поведенческие) [Ипатова, 2014; Сидоров, 2011]. Тем не менее, в последние годы зачастую параданные выделяют как отдельную категорию наравне с метаданными [Smith, 2011; Kreuter, 2013; Мавлетова, 2017].

Метаданные описывают решения относительно различных этапов сбора данных, позволяющие понять структуру имеющихся данных [Мавлетова, 2017; Сидоров, 2011]. В отличие от параданных, такие сведения могут быть доступны до начала самого процесса их сбора, не отличаются по респондентам и интервьюерам (поскольку описывают данные макроуровня) и позволяют понять, каким образом были собраны данные (построение выборки, инструментарий, методы сбора данных и т. п.), но не дают возможность анализировать поведение интервьюеров или респондентов и ситуацию каждого отдельно взятого интервью [McClain et al., 2019].

Вспомогательные данные содержат информацию о респондентах или их группах, позволяющую использовать в анализе сведения, на которые не было получено прямого ответа от респондента в процессе интервью, но которые имеются в распоряжении у исследователей (например, связь результатов опроса с административными базами данных) [Kreuter, 2013]. Вспомогательные данные отличаются от параданных тем, что так же, как и метаданные, зачастую существуют до начала процесса их сбора; не обязательно описывают такой процесс (нередко это информация из административных источников о характеристиках респондента, интересующих исследователей); перед началом их сбора можно определить, какие типы параданных собирать дополнительно, тогда как для вспомогательных данных приходится ограничиваться тем, что есть изначально [Smith, 2011].

Обобщая приведенные особенности параданных, стоит отметить, что такой тип сведений описывает поведенческие характеристики респондентов и интервьюеров в процессе интервью/опроса, ситуацию интервью в целом и особенности респондента, домохозяйства или района, в котором проходило интервью, отмечаемые интервьюером.

Выделяются следующие отличительные черты параданных:

- они недоступны перед проведением полевого этапа, но появляются и меняются в процессе сбора данных²;
- фиксируются на каждом этапе сбора данных;
- являются нереактивными (не предполагают активного участия респондентов в их сборе и зачастую не указывают отвечающему на то, что подобные сведения собираются и будут каким-то образом использованы в анализе);

² Исключение составляют параданные из предыдущих исследований или волн исследований выбранного респондента. Особенно это релевантно в случае панельных исследований.

- имеют различные уровни детализации и генерализации (например, среднее время заполнения всей анкеты, время заполнения анкеты одним респондентом, среднее время заполнения одного вопроса, время заполнения отдельно взятого вопроса одним респондентом), в том числе могут описывать индивидуальный уровень одного респондента и отдельного вопроса.

Типы параданных

В этом разделе будет представлена типология параданных с учетом наиболее часто выделяемых характеристик и методов, позволяющих собирать такие данные. Важно заметить, что построение типологии усложняется с учетом того факта, что их формат, размер, аналитическая ценность данных и их наличие как таковое различаются как по методам сбора (личное интервьюирование с бумажной анкетой (paper and pencil personal interview — PAPI), с планшетом (computer-assisted personal interview — CAPI), телефонное интервью с помощью компьютера (computer-assisted telephone interview — CATI), онлайн-интервью (computer-assisted web interview — CAWI) и т. д.), так и по типам исследований (срезовые, лонгитюдные, панельные). То же справедливо относительно качества данных: в зависимости от типов их сбора, дизайна и контекста исследования в целом качество различных типов параданных может значительно варьироваться [West, Sinibaldi, 2013].

Прежде всего будут приведены наиболее часто упоминаемые типологии из зарубежной литературы; далее будет представлена обобщающая типология с учетом наиболее упоминаемых в зарубежных исследованиях подтипов параданных; после этого будут указаны ключевые характеристики, позволяющие разделять разные типы параданных.

М. Каллегаро предлагает разбиение на параданные об устройстве и параданные о навигации в опроснике [Callegaro, 2013; Callegaro et al., 2015]. Первые содержат релевантные сведения относительно характеристик компьютера или мобильного устройства, используемого при подключении к опросу (например, строка «пользователь — агент» (user agent string), в которой содержатся сведения о браузере, языке операционной системы и проч. — хороший обзор типов данных и возможностей работы с таким типом данных содержится в [Robmann, Gummer, Kaszmirsek, 2020]). Вторые описывают действия респондента при заполнении опроса (прокручивание страницы, изменение масштаба) и позволяют реконструировать непосредственно процесс указания респондентом ответа на заданный/представленный вопрос.

Имеется также разделение на прямые и непрямые параданные [Lynn, Nicolaas, 2010; Callegaro, 2015; Callegaro, Manfreda, Vehovar, 2015]. Оно исходит из ответа на вопрос, нужны ли дополнительные усилия и затраты временных и денежных ресурсов для получения такой информации. Прямые параданные записываются автоматически в процессе их сбора (например, время начала интервью, движения компьютерной мышью в процессе заполнения опроса), а непрямые требуют отдельных усилий по разработке инструментария и подключения дополнительных считывающих устройств (направление взгляда, размер зрачка и т. п.) [Galesic et al., 2008].

К. МакКлейн с коллегами выделяют четыре подтипа параданных с учетом различных видов исследований (срезовые, лонгитюдные, панельные) [McClain et al., 2019]: параданные из предыдущих исследований, параданные об установлении контакта/связи с респондентом, обращение к анкете со стороны респондента, представление ответа. На первом уровне используются данные об участии респондента в предыдущих волнах исследования или других исследованиях для выделения некоторых ключевых характеристик (например, средняя скорость представления ответов, использованные устройства). Второй уровень содержит имеющиеся сведения о процессе установления контакта/связи с респондентом (факт открытия письма, переход по ссылке и т. д.). Третий уровень отвечает за доступ к самому опроснику (используемое устройство, его характеристики, количество возвратов к анкете и проч.). Четвертый уровень включает информацию о поведении респондента в контексте представления ответов на вопросы (например, длительность ответа, переход на другие окна в браузере, движения мыши).

Важно отметить, что это разделение нестрогое и, скорее, должно восприниматься как разные уровни описываемых процессов. Информация об устройстве может быть использована как на уровне представления ответов, так и на уровне доступа к опросу; количество пропущенных ответов может быть характеристикой респондента и на уровне предыдущих исследований, и на уровне представления ответов на актуальный опрос [McClain et al., 2019: 199—201].

Обобщая имеющиеся типологии параданных и описываемые подтипы [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Smith, 2011; Погозин, Ипатова, 2015; Мавлетова, 2017; Сидоров, 2011; Callegaro, Manfreda, Vehovar, 2015; Kreuter, 2017a; Kaczmirek, 2008; Sharma, 2019; Sirkis, McGovern, 2019; Jans et al., 2019], можно выделить следующие пять типов параданных.

1. *Наблюдения интервьюера* — описание им ключевых особенностей ситуации интервью (факт наличия третьих лиц, вовлеченность респондента (по мнению интервьюера), оценка причины отказа от участия в интервью), характеристик домохозяйства (вероятность наличия детей в домохозяйстве, наличие партнера у респондента), района.
2. *Информация об устройстве, используемом для участия в опросе*, — данные: IP-адрес, тип подключения, браузер, операционная система, разрешение экрана, язык операционной системы, размер окна браузера, наличие в браузере JavaScript и Adobe Flash, их статус (активный/неактивный), cookie-файлы, user agent string, местоположение (GPS-локация), активность окна браузера с опросом.
3. *Данные о поведении в процессе заполнения анкеты (лог-файлы)* — скорость печати, движения и клики мышью, нажатие клавиш, прокручивание страницы, время (длительность интервью, ответы на отдельные вопросы), дата и время начала и окончания интервью, количество и последовательность исправлений, возвращение к предыдущим частям анкеты/вопросам, страница/вопрос, на котором случился разрыв — недозаполнение респондентом анкеты (dropout), предупреждения об ошибках при заполнении анкеты (количество, время, страница появления), последовательность заполнения вопросов, выбора ответов, факт возвращения к заполнению опроса после

выхода из опроса, в случае рандомизации вариантов ответов — их последовательность в каждом отдельном случае, увеличение масштаба.

4. *Параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных (level-of-effort)* — результаты дополнительных попыток установки контакта/связи с респондентом, путь интервьюера в процессе сбора данных (последовательность GPS-локаций), данные о контакте/связи с респондентом (call record data — время, дата, количество попыток контакта, описание/оценка характеристик процесса), история контактов/попыток связи с респондентом (данные о процессе связи с респондентом (contact paradata — успешность, количество, время)), характеристики интервьюеров.
5. *Вербальные и физиологические параданные* — аудиозапись интервью (комментарии и вопросы респондентов), речевые характеристики (скорость, паузы, напряженность голоса), движения взгляда, размер зрачков.

Последний тип не полностью отвечает ключевым принципам определения параданных, которое было приведено выше, относительно отдельных подтипов (особенно нереактивность в случае замера направления взгляда и размера зрачка). В этом случае можно оговориться, что, как правило, подобный тип параданных используется в экспериментальном (лабораторном) контексте и может считаться подходящим под цели методологических исследований, поскольку также описывает поведение респондентов в процессе заполнения опроса.

Приведенный список параданных не является конечным, но в нем указаны переменные (подтипы), относящиеся к различным типам параданных, обладающие наибольшей аналитической ценностью. Основанием для их объединения являлась встречаемость в исследовательской литературе.

Далее будут представлены несколько базовых характеристик параданных, выделяющих различные места сбора (сторона сервера/сторона пользователя), содержательные аспекты данных (устройство/навигация), этапы сбора данных (участие в предыдущих исследованиях/установление связи с респондентов/обращение к анкете/представление ответа), специфику сбора (прямые/непрямые), а также уровни агрегации (исследование/секция/ вопрос/действие).

Одной из важнейших характеристик параданных является место их сбора. Параданные могут собираться на стороне сервера (server-side) и на стороне клиента (пользователя или устройства) (client-side) [Heerwegh, 2003; Matjasic, Vehovar, Manfreda, 2018; Сидоров, 2011; Kaczmirek, 2008; Callegaro, 2013].

Серверная сторона сохраняет параданные, получаемые сервером, через который исследователям передаются данные из «поля». Такие параданные описывают детали посещения респондентом или интервьюером отдельных страниц онлайн-опросника/процесса заполнения опроса на планшете. Формат получаемых сведений в таком случае стандартизован для каждой страницы опроса и описывает результаты действия на странице. Ценность сведений, собираемых таким способом, выше, когда на странице меньше вопросов — в идеале один, тогда полученная информация может быть использована для описания процесса представления ответа на отдельно взятый вопрос.

Сторона пользователя собирает информацию (зачастую с помощью JavaScript) на самом устройстве и дает более широкий выбор подтипов параданных, кото-

рые могут быть записаны (движения мыши, нажатия клавиш, различные уровни затрачиваемого на опрос времени и т. д.), нежели сторона сервера. Параданные, собираемые на стороне устройства, описывают все события, в том числе внутри страницы. При этом количество получаемых данных возрастает, так же как и сложность их структуры и, соответственно, трудоемкость их обработки и анализа. В целом параданные, собираемые на стороне клиента (устройства/пользователя), отличают их точность, количество собираемой информации и тот факт, что этот тип параданных содержит больше информации о процессе заполнения опроса. Кроме того, в случае данных стороны клиента требуется наличие JavaScript на странице, тогда как данные стороны сервера собираются вне зависимости от характеристик устройства респондента и не требуют дополнительных затрат на программное обеспечение. Относительно оценивания длительности заполнения отдельных вопросов и опроса в целом параданные стороны клиента дают более точные сведения, так как данные стороны сервера включают в это время длительность передачи данных с устройства на сервер. Хотя эта разница редко превышает три-четыре секунды [Kaczmirek, 2008; Callegaro, 2013], в больших опросах это может значительно влиять на последующие результаты анализа параданных.

Дополнительным преимуществом параданных, получаемых со стороны пользователя, является тот факт, что при покидании опроса до его окончания данные серверной стороны о заполнении последней страницы не сохранятся, тогда как сторона клиента сразу запоминает любые полученные сведения вне зависимости от того, продолжит ли респондент опрос.

М. Каллегаро добавляет к этой характеристике также параданные, собранные с помощью приложений, указывая на то, что информация, собранная таким образом, также может быть расценена как параданные, но требует более активных действий по ее сбору со стороны респондентов (как минимум, отпадает нереактивность, поскольку респондентам необходимо самим установить приложение, предварительно ознакомившись с описанием целей сбора и последующего анализа подобных данных) [Callegaro, 2015]. С нашей точки зрения, описанные данные не отвечают критериям представленного выше определения параданных и, следовательно, их надо относить не к параданным, а, скорее, ко вспомогательным данным.

Важной характеристикой параданных являются различные уровни агрегации получаемых сведений (уровень исследования, секции, вопроса, действия) [Kaczmirek, 2008; Olson, Parkhurst, 2013]. Первый уровень относится к наиболее объемному типу параданных, которые записывают каждое отдельно взятое событие (движение мышью, нажатие клавиш и т. д.). Второй уровень содержит информацию одного типа для отдельного респондента, но по нескольким переменным (например, количество изменений вариантов ответов для каждого вопроса, средний уровень размера зрачка для каждого вопроса). На третьем уровне этот процесс происходит относительно либо всех переменных для одного респондента (длительность интервью, местоположение и проч.), либо одной переменной по всем респондентам (доля пропущенных данных для одной переменной и др.). На четвертом уровне происходит обобщение параданных по всем переменным и всем респондентам (среднее время заполнения опросника, доля ответивших и т. п.). Количество получаемых данных, доступных для анализа, снижается при

повышении уровня, тогда как совместно с этим повышается уровень агрегации [Kaczmirek, 2008: 63—65].

Направления применения параданных

Относительная новизна, продолжающееся интенсивное развитие технологий и возможностей замера данных разного типа приводят к тому, что список типов параданных и направлений их возможного использования постоянно расширяется. В этом разделе я сконцентрируюсь на наиболее популярных исследовательских направлениях применения параданных с целью показать широту возможностей, которые несут их сбор и анализ.

Существуют две основных стратегии работы с параданными: их использование после завершения сбора данных и анализ в процессе [Kreuter, 2017b]. На текущий момент в большинстве случаев параданные применяются после окончания процесса сбора данных [Kreuter, Couper, Lyberg, 2010].

Чаще всего параданные употребляются в качестве основных индикаторов различных типов ошибок и смещений в рамках теории общей ошибки опроса (Total Survey Error framework — TSE) [Корытникова, 2018; McClain et al., 2019; Караева, 2015; Погозин, Сапонов, 2014; Сидоров, 2011; Kreuter, 2017a]:

- ошибка покрытия может быть оценена с помощью общих параданных относительно времени и места проведения интервью/опроса [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Eckman, 2013];
- параданные о местоположении и перемещении интервьюера в процессе сбора данных могут быть использованы для оценки ошибки выборки [West, 2011; Wagner, Olson, Edgar, 2017; Choumert-Nkolo et al., 2019; Elevelt et al., 2019] наравне с более простыми типами параданных (уровень достижимости, кооперации) [Караева, 2015];
- наблюдения интервьюеров и параданные о процессе установления контакта/связи с респондентом могут быть полезны для изучения ошибки неотчетов (nonresponse error) и для расчета погрешности корректировки данных [Kreuter, 2017a; Kreuter, 2017b; Nicolaas, 2011];
- данные о нажатиях на клавиатуру, движениях и нажатиях мышью, а также о поведении респондента в процессе заполнения опроса в целом могут быть использованы для оценки ошибки измерения (measurement error) и валидности данных [Kreuter, 2017a; Nicolaas, 2011; Smith, 2011; Lynn, Nicolaas, 2010; Mavletova, Couper, Lebedev, 2018].

Согласно приведенной выше типологии К. МакКлейн с коллегами выделяют такие соответствия параданных возможному применению в контексте теории общей ошибки опроса [McClain et al., 2019: 199—201]: параданные из предыдущих исследований или волн исследования могут быть использованы в контексте изучения ошибки измерения и ошибки неотчетов; параданные этапа установления связи/контакта с респондентом подходят для оценки ошибки покрытия (coverage error) и ошибки неотчетов; данные относительно доступа к опросному инструментарию могут быть полезны в контексте изучения ошибки измерения и неотчетов; на этапе непосредственного участия респондента в опросе/интервью получаемые параданные могут пригодиться для оценки ошибки измерения.

Вне теории общей ошибки опроса параданные также имеют широкие исследовательские перспективы. Они позволяют оптимизировать процесс сбора данных, определить наиболее подходящие день недели и время дня для связи/установления контакта с респондентом [Мавлетова, 2017; Сидоров, 2011; Kreuter, 2017a; Durrant, Kreuter, 2013; Durrant, D'Arrigo, Steele, 2011], что может потенциально повысить уровень отклика или более точно определить вероятность отклика отдельных респондентов [Biemer, Chen, Wang, 2013]. Кроме того, сведения такого рода (например, длительность ответов на отдельные вопросы) могут быть основой для предоставления респондентам помощи или другой дополнительной информации, способной повысить качество получаемых данных [Kreuter, 2017b; Conrad et al., 2017].

Изучение поведения респондентов в процессе заполнения опроса/участия в интервью также предполагает использование параданных. В фокусе изучения могут находиться различные вопросы, решение которых зачастую приводит к изменениям в программном обеспечении опросных платформы в целях повышения качества получаемых данных. Это, например, изменение ответов, взаимодействие с активными элементами различных типов вопросов, изменение вариантов ответов [Yan, Olson, 2013]. Возможно также использование данных о движении респондента в процессе заполнения опроса для оценки уровня вовлеченности с помощью данных со смартфонов [Höhne, Revilla, Schlosser, 2019]. Кроме того, интересен пример М. Босняка, который на основе имеющихся параданных выделил семь типов респондентов на основе их поведения при заполнении опросника [Bosnjak, 2001; Bosnjak, Tuten, 2001; Callegaro, 2013].

Адаптивный дизайн — приспособление элементов опросного инструментария и процесса сбора данных под характеристики респондентов (вероятность участия) и определение оптимального времени окончания различных этапов сбора данных (в том числе введение дополнительного метода сбора данных) [Мавлетова, 2017; Kreuter, 2017a; Callegaro, 2014; Kirgis, Lepkowski, 2013]. В этом контексте могут быть использованы различные типы параданных (наблюдения интервьюеров, сведения об установлении связи/контакта с респондентом, поведение в рамках заполнения опроса), в том числе из предыдущих исследований/волн панельного исследования. Адаптация может проходить как для отдельных респондентов/домохозяйств, так и для отдельных труднодоступных групп в целях повышения уровня отклика и снижения уровня недозаполнения опроса [Мавлетова, 2017; West, 2011].

Назовем другие возможные направления использования параданных.

- Это может быть *контроль качества собираемых данных*, в том числе на предмет фальсификаций или фабрикаций со стороны интервьюеров [Рогозин, Ипатова, 2015; Laflamme, Maydan, Miller, 2008; Ипатова, 2014; Dajani, Marquette, 2015] и для оценки эффекта интервьюера [Sharma, 2019].
- *Корректирование опросного инструментария по ходу сбора данных* может происходить в результате анализа комментариев интервьюеров, анализа последней страницы перед уходом из опроса [Ипатова, 2016; Она же, 2014; Мавлетова, 2017; Kaczmirek, 2008]. Особенно это релевантно для панельных и лонгитюдных обследований, когда инструментарий значительно

не меняется, но его можно подкорректировать для получения информации более высокого качества.

- Возможна оценка качества дизайна и методологии исследования — значения достижимости, кооперации, отказов позволяют сравнивать исследования с разными дизайнами и проведенные в разных контекстах. [Звоновский, Соловьева, 2017; Караева, 2015; Matjasic, Vehovar, Manfreda, 2018; Stieger, Reips, 2010].
- Доступ к анализу коммуникации между интервьюером и респондентом в процессе сбора данных/контакта возможен благодаря анализу замечаний, комментариев интервьюеров и аудиозаписей интервью [Ипатова, Рогозин, 2014; Рогозин, Сапонов, 2014; Kreuter, Couper, Lyberg, 2010; Olson, Parkhurst, 2013]. Важно заметить, что в случае использования CATI как метода сбора данных может происходить одномоментный контроль со стороны супервайзера (одновременно со сбором данных), тогда как в других типах исследований с аудиозаписью коммуникации (CATI, CASI³) такая возможность отсутствует и прослушивание доступно только после окончания процесса сбора данных [Olson, Parkhurst, 2013].
- Параданные могут быть использованы в качестве дополнения к содержательным данным. Например, наблюдения интервьюеров и оценка степени кооперации и откровенности респондентов можно учитывать при расчете корректирующих коэффициентов [Ипатова, Рогозин, 2014; Рогозин, Сапонов, 2014; Nicolaas, 2011; Kreuter, Couper, Lyberg, 2010; Groves et al., 2007].
- С помощью параданных возможна оценка когнитивной нагрузки, возникающей у респондента или интервьюера при заполнении опросного инструментария. Для этого могут быть использованы показатели затрачиваемого времени на вопрос [Matjasic, Vehovar, Manfreda, 2018; Kaczmirek, 2008], размеров зрачков [Девятко, Лебедев, 2017; Девятко, 2018], изменения вариантов ответа [Nöhne, Schlosser, Krebs, 2017], движения мыши [Horwitz et al., 2017].

Специфика работы с параданными: проблемы и ограничения

Работа с параданными не лишена ограничений. В этом разделе будут описаны наиболее важные проблемные области и преграды на пути сбора, анализа и интерпретации параданных.

Значимое ограничение при сборе параданных проявляется при использовании комбинированных количественных методов (например, PAPI и CAPI в случае РМЭЗ НИУ-ВШЭ [Kozyreva, Kosolapov, Popkin, 2016; Лебедев, Богданов, 2019]). При этом некоторые типы параданных могут измеряться по-разному в случае отдельных методов сбора данных, что, несомненно, связано с появлением ошибки измерения. Так, длительность опроса может оцениваться интервьюером самостоятельно при опросе с бумажной анкетой, тогда как при использовании планшета эти данные будут собираться автоматически и будут более точными, при этом и те, и другие параданные в итоговой базе данных будут содержаться в одной и той же переменной [Kreuter, 2017b; McClain et al., 2019].

³ Самостоятельное заполнение опросника с использованием планшетного компьютера (computer-assisted self-interview).

Качество параданных (валидность, надежность, доля пропущенных данных) значительно отличается от одного подтипа к другому и зависит от типа, используемого метода и контекста исследования (время, тематика, характеристики района, домохозяйства, интервьюера, респондента) [West, Sinibaldi, 2013; Мавлетова, 2017; West, Kreuter, 2013; Nicolaas, 2011].

Специалистами отмечается также наличие некоторых ошибок измерения относительно отдельных подтипов параданных. Например, время реакции на представленный вопрос может варьироваться в зависимости от браузера, операционной системы, используемого устройства. В этом случае разница может быть минимальной (несколько миллисекунд), тем не менее, ее все равно нужно принимать во внимание [Stieger, Reips, 2010; Мавлетова, 2017; Kreuter, Casas-Cordero, 2010; West, 2011; West, Sinibaldi, 2013].

Возможно также появление пропущенных данных, что может значительно затруднять анализ и интерпретацию параданных [Kreuter, 2017b; Smith, 2011; Yan, Olson, 2013]. Некоторые типы параданных могут меняться на протяжении всего процесса заполнения одним респондентом отдельного опроса (например, продолжение заполнения опроса с другого устройства) и в случае данных стороны сервера не могут быть записаны полностью для одного респондента [Callegaro, 2013].

Комментарии и наблюдения интервьюеров являются одними из самых популярных типов параданных, при этом качество их измерения сильно подвержено субъективности интервьюеров, а сами они сложно стандартизируемы [Ипатова, 2016; Olson, Parkhurst, 2013]. К тому же, необходимость дополнительного замера отдельных параданных интервьюерами (заметки, комментарии, субъективные оценки), помимо ведения коммуникативной ситуации интервью и непосредственно общения с респондентом может приводить к повышенной когнитивной нагрузке на интервьюера. Результатом этого может стать снижение качества проведения интервью, получаемых данных и параданных [Мавлетова, 2017; Девятко, Лебедев, 2017; Smith, 2011].

Важная особенность параданных заключается в том, что большинство их типов может быть собрано без дополнительных затрат (как временных, так и денежных), а это может являться расслабляющим фактором для исследователей. В такой ситуации продумывание плана работы с параданными и их анализа может откладываться на этапы, наступающие после сбора данных. Тем не менее, ученые отмечают, что все измеряемые параданные должны собираться с заранее определенной целью и проработанной структурой анализа, чтобы быть действительно полезными [Ипатова, 2016; McClain et al., 2019; Heerwegh, 2003; Olson, Parkhurst, 2013]. Особенно это важно в контексте более сложных типов параданных (движения мыши, переход к другому окну браузера, нажатия клавиш), поскольку для их сбора зачастую требуется использование дополнительного программного обеспечения.

До сих пор нет явного консенсуса относительно этической стороны работы с параданными. С одной стороны, правовые и этические требования указывают на необходимость уведомлять респондентов о том, что их действия записываются [Global Guideline: Online Research ESOMAR; Сидоров, 2011; Kaczmirek, 2008]. С другой стороны, в таком случае возрастает вероятность отказа респондентов от записи параданных либо от участия в исследовании в целом [McClain et al.,

2019]. По результатам серии экспериментов с представлением виньеток уровень согласия на запись параданных варьировался от 59,5% в Нидерландах до 65,6 и 69,3% в США [Couper, Singer, 2013; Callegaro, 2015; Callegaro, 2014].

Параданные также варьируются по степени анонимности и опасности с точки зрения сохранности частной информации (например, время заполнения опросника, движения мышью, местоположение и аудиозапись интервью). По этой причине зачастую исследователи публикуют результаты и базы данных без добавления параданных, что затрудняет активное развитие сферы и дискуссии относительно разных аспектов сбора, анализа и интерпретации параданных [Nicolaas, 2011; Lynn, Nicolaas, 2010; Eckman, 2013].

В данный момент нет четкого ответа о том, какие данные можно собирать без согласия респондентов. Однако М. Купер предполагает, что вопрос сензитивности таких данных снимается, если они используются в контексте улучшения инструментария без сведения к индивидуальному уровню каждого отдельно взятого респондента [Couper, 2019].

Говоря о таких типах параданных, как местоположение интервью, аудиозапись и путь интервьюера в процессе сбора данных, нельзя не отметить тот факт, что их сбор неразрывно связан с проблемами корректирования собственного поведения со стороны респондентов и со стороны интервьюеров («Хоторнский эффект»). Кроме того, запись такого рода данных может отталкивать от участия в исследовании не только респондентов, но и интервьюеров. При этом дополнительной проблемой будут являться высокие затраты на обработку и интерпретацию подобных данных (особенно с учетом отсутствия устоявшихся стандартов и конвенций в сфере использования параданных) [Nicolaas, 2011; Sharma, 2019]. Несмотря на частое утверждение, что параданные являются бесплатным дополнением к получаемым данным (особенно в случае онлайн- и компьютеризированных опросов) [Olson, Parkhurst, 2013; Sharma, 2019], не стоит упускать из виду ресурсы, затрачиваемые на их обработку и анализ [Nicolaas, 2011; Wagner, Olson, Edgar, 2017; Elevelt et al., 2019]. Это важно в случае данных, собираемых на стороне устройства пользователя, которые имеют сложный формат и требуют дополнительных усилий для их конвертации (движения мыши, направление взгляда, перемещения интервьюера в процессе сбора данных) [Kreuter, 2017b; Heerwegh, 2003].

Работа с параданными, которые используются как индикаторы качества получаемых сведений, нередко требует определения допустимых значений. При этом имеющиеся конвенции могут не нести серьезных теоретических предпосылок. Так, М. Матяшич с коллегами показали, что зачастую, выбирая уровень допустимых значений по длительности заполнения анкеты, исследователи руководствуются общими представлениями (5% самых медленных и самых быстрых, все, кто находится в трех стандартных отклонениях от среднего значения, и т.д.), которые не основаны на проведенных исследованиях, а, скорее, отражают неподкрепленные исследованиями личные представления [Matjašič, Vehovar, Manfreda, 2018]. Обоснованный подход к выделению крайне допустимых значений может базироваться в том числе на типах вопросов, вариантах ответа, а также с учетом общего контекста исследования [Kaczmirek, 2008] на скорости чтения вопросов с учетом количества слов и вариантов ответов [Matjašič, Vehovar, Manfreda, 2018].

Важно понимать, что среди параданных, как и среди показателей качества данных, отсутствует один наиболее широкий и обладающий самой высокой описательной силой относительно поведения интервьюера и респондента тип. Важно пользоваться разными уровнями имеющихся данных, что позволит видеть картину (коммуникацию между интервьюером и респондентом, их поведение, ситуацию интервью в целом) с разных сторон.

Перспективные направления исследований

В этом разделе будут представлены перспективные направления исследований и работы с параданными. Этот раздел отличается от части с описанием имеющихся направлений использования параданных тем, что здесь описываются, скорее, планируемые направления их использования, которые пока не были воплощены или по каким-либо причинам ограничены в использовании в настоящее время.

На данный момент в опросной индустрии параданные активно применяются для контроля качества сбора данных с их комбинацией в определенные мониторинговые системы, которые позволяют наблюдать динамику выбранных параметров (в том числе параданных) в процессе проведения полевого этапа [Mohadjer, Edwards, 2018; Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Kirgis, Lepkowski, 2013]. В этом контексте важно разрабатывать комплексный подход и добавлять больше типов параданных, учитывая, что они могут быть полезны в контексте оптимизации процесса сбора данных, корректировки инструментария в процессе исследования, мониторинга интервьюеров и их выбора для проведения дополнительного обучения (например, при работе с планшетом, при коммуникации с респондентами).

Важной перспективой употребления параданных является представление индивидуальных стратегий достижения респондентов (установления связи/контакта) и адаптации опросного инструментария в случае панельных исследований [McClain et al., 2019; Callegaro, 2013]. Данные и параданные из прошлых волн могут быть очень полезными для снижения вероятности выбывания респондента из панели, а также для роста удовлетворенности участием в исследовании.

Параданные могут пригодиться также для сравнения ошибки покрытия между различными методами сбора данных и для оценки сопоставимости различных методов сбора данных при использовании стратегии комбинирования количественных методов сбора данных (mix-mode) [McClain et al., 2019]. Для этого очень полезны данные об установлении контакта/связи с респондентом. В случае онлайн-опроса такими параданными можно считать уведомления об открытии письма с приглашением и факт перехода по ссылке в письме.

С учетом ограничений, связанных с наблюдениями и комментариями интервьюеров, требуется работа по стандартизации и разработке детального инструментария для сбора такого типа параданных [Smith, 2011]. В перспективе обдуманное выделение наиболее важных характеристик поведения респондентов, ситуации интервью, домохозяйства и района помогут снизить нагрузку на интервьюеров, при этом повысив ценность получаемых данных.

Ученые отмечают недостаток исследований, связанных с использованием параданных для снижения ошибки измерения и корректировки на подобные смещения в данных [Yan, Olson, 2013].

Важным направлением исследований, связанных с применением параданных, является анализ того, каким образом отличаются поведение респондентов, интервьюеров и ситуация интервью в целом в случаях, когда параданные собираются, и в случаях, когда их сбор не происходит («Хоторнский эффект») [West, 2011].

Качество параданных до сих пор значительно варьируется в зависимости от используемых методов сбора данных, контекста исследования, характеристик интервьюеров и устройств для работы респондентов. Соответственно, требуется изучить оценку качества параданных и влияющих факторов [West, Sinibaldi, 2013].

Важно также работать с самими параданными, улучшать процесс их сбора, выделять новые релевантные типы и разрабатывать более эффективный инструментарий анализа и интерпретации параданных (особенно в контексте обучения супервайзеров и руководителей исследований работе с параданными) [Kreuter, Casas-Cordero, 2010; Nicolaas, 2011; Kreuter, Couper, Lyberg, 2010]. В том числе сюда можно отнести идеи использования более сложных методов анализа данных (например, Байесовские методы анализа данных) [Sharma, 2019]. Перспективным направлением можно считать работу с параданными процесса кодирования или вбивки информации. Потенциально такие параданные могут позволить оптимизировать процесс и иметь возможность его оценивать (например, выделять более надежных кодировщиков) [Lynn, Nicolaas, 2010].

Сбор параданных

Важным моментом в процессе работы с параданными является их сбор. Выделяют несколько возможных путей получения сведений такого рода: создание своего либо использование имеющегося программного обеспечения, применение функционала опросных программ/специализированных онлайн-платформ для сбора данных по интернету [Stieger, Reips, 2010].

В 2012 году В. Веховар с коллегами в ходе масштабного исследования проверили, какие параданные записываются различными видами программного обеспечения, занимающимися сбором данных онлайн. Из 143 представивших демоверсии компаний (всего было приглашено 365) 30 % подавали информацию по общему времени заполнения опроса, 4 % представляли информацию относительно длительности заполнения отдельных страниц и только 1 % позволяли измерять движения по опросу (возврат к предыдущим вопросам) [Callegaro, Manfreda, Vehovar, 2015; Vehovar et al., 2012: 63].

На данный момент есть основания полагать: рост интереса к параданным и перспективам их использования привел к тому, что большая доля опросных платформ дает возможность замера как минимум основных типов параданных (время прохождения всего опроса, дата и время начала, время заполнения отдельных страниц). Тем не менее, для более глубоких типов данных, описывающих поведение во время заполнения опроса (движения мыши, нажатия клавиш, прокручивание страницы), все еще требуется дополнительное программное обеспечение.

Цель этого раздела — описать, какие существуют программные решения для разных типов параданных. Важно заметить, что указанный тут список не является полным и направлен, скорее, на создание представления о том, какие есть про-

граммные решения для сбора разных типов параданных и какие ресурсы внедрения программного обеспечения несет использование тех или иных типов параданных.

Одним из первых видов подобного программного обеспечения является компонент JavaScript — Client-side paradata (CSP) [Heerwegh, 2003]⁴. Этот компонент, по сути, являющийся программным скриптом, может дополнить любое онлайн-исследование и собирать следующие данные (для всех действий указывается также время их совершения): открытие гиперссылок, взаимодействие с элементами ввода ответов/различными типами вопросов и завершение опроса.

Недавно Й. Хёне и С. Шлоссер представили дополненную версию кода CSP на базе JavaScript — SurveyFocus/Embedded client-side paradata (ECSP)⁵ [Höhne, Schlosser, 2018; Höhne, Schlosser, Krebs, 2017; Schlosser, 2018; McClain et al., 2019]. Она позволяет записывать такие параданные, как количество миллисекунд, прошедших с загрузки страницы до перехода к следующей, нажатия и движения мыши, прокручивание страницы, нажатие на кнопки клавиатуры, размер экрана в пикселях, масштабирование страницы с опросом, активность страницы веб-браузера с опросом, а также определять время, на которое респондент покидал окно с опросом [Höhne, Schlosser, Krebs, 2017].

Другим примером является программа PageFocus⁶ на JavaScript, которая указывает количество, время и длительность переключения со страницы с опросом на другую, а также время возвращения [Diedenhofen, Musch, 2017].

Имеются возможности сбора параданных и с помощью дополнительных плагинов к существующему программному обеспечению. Например, к платформе OpenSesame⁷ [Mathôt, Schreij, Theeuwes, 2012] — универсальному графическому конструктору экспериментов. Дополнительный плагин Mousetrap позволяет замерять различные характеристики использования мыши респондентом (движения, нажатия, в том числе относительно элементов на странице) и вводимые значения [Horwitz et al., 2017]. Важно заметить, что в этом случае разработанность основного программного обеспечения снимает сложности работы с такого рода данными (это может быть сделано без наличия развитых умений программирования). Кроме того, возможен прямой экспорт полученных данных в язык программирования R (с использованием пакета mousetrap), что также упрощает работу с этим типом данных [Kieslich, Henninger, 2017]⁸.

Существует также программное обеспечение Universal client-side paradata (UCSP) [Kaczmirek, 2008]⁹, которое позволяет наблюдать все нажатия мыши (вне зависимости от того, на какой элемент опроса кликнул респондент), записывать их

⁴ Детальное описание см.: [Heerwegh, 2003].

⁵ Более детальную информацию о ECSP, а также сам код и способ его внедрения в онлайн-опрос см.: [Schlosser, 2016].

⁶ Доступ к коду и другой документации возможен на сайте: URL: <https://github.com/deboerk/PageFocus/> (дата обращения: 03.04.2020).

⁷ Доступ для скачивания имеется на сайте: URL: <http://osdoc.cogsci.nl/> (дата обращения: 03.04.2020).

⁸ Mousetrap является бесплатным программным обеспечением и доступно для скачивания на сайте: URL: <https://github.com/pascalkieslich/mousetrap-os> (дата обращения: 03.04.2020). Пример использования программного обеспечения mousetrap приведен на сайте: URL: <https://github.com/pascalkieslich/mousetrap-os#examples> (дата обращения: 03.04.2020).

⁹ Доступ и примеры получаемых параданных можно найти на сайте Л. Качмирека: URL: <http://www.kaczmirek.de/ucsp/ucsp.html> (дата обращения: 03.04.2020). Также детальное описание см. в работе: [Kaczmirek, 2008].

количество, факт изменений выбранного варианта ответа и количество нажатий вне активных полей. Преимуществом UCSF является то, что для его использования необходимо лишь раз добавить в исследование код, который впоследствии будет замерять все нажатия мыши.

Й. К. Хёне с коллегами использовали инструмент SurveyMotion для замера передвижений и изменения положения смартфона в процессе прохождения онлайн-опроса респондентами. Для этого применялись данные акселерометров, встроенных в смартфоны [Höhne, Revilla, Schlosser, 2019]. В последствии эти данные можно использовать как показатель вовлеченности респондентов в процесс заполнения опроса (опрос на ходу может приводить к снижению качества получаемых данных в отличие от заполнения без движений). Сам инструмент написан на языке Java-Script и доступен в статье [Ibid.: 15].

Более комплексный подход наблюдается в случае программного обеспечения User-Action Tracer (UAT). Этот код позволяет сохранять информацию относительно использованного браузера, операционной системы, размера и масштаба монитора, времени всех действий в процессе заполнения опроса, все нажатия мыши (в том числе двойные), выборы вариантов ответа в различных типах вопросов, завершение опроса, вводимый текст и нажатые клавиши, а также позицию, в которой находился курсор в каждые полсекунды прохождения опроса [Stieger, Reips, 2010; Olson, Parkhurst, 2013]¹⁰. Тем не менее, важно заметить, что получаемый в результате текст с записанными параданными требует последующей конвертации (в итоге были проанализированы 336 262 действия всех респондентов). С. Стигер и У. Райпс использовали для этого отдельный скрипт Perl [Stieger, Reips, 2010].

Работа с поведенческим кодированием аудиозаписей интервью (определение изменения напряженности голоса, заинтересованности, комментариев и вопросов со стороны респондентов) возможна с помощью программы Sequence Viewer [Olson, Parkhurst, 2013]¹¹.

Для сбора наблюдений интервьюеров можно использовать инструментарий PEDAksi, представленный П. Линном в 2003 году. Анкета содержит вопросы для оценки интервьюерами различных характеристик домохозяйства (тип жилища, наличие домофона, тип входа в дом, количество этажей в здании, наличие охраны) и района (состояние зданий вокруг, регион, плотность населения, доля различных социальных групп в районе), где проживает респондент, отказавшийся от участия в исследовании [Lynn, 2003; Ипатова, 2016; Сидоров, 2011].

Дж. Синибальди с коллегами также использовали отдельный инструментарий, в котором просили интервьюеров оценивать тип жилища респондентов, наличие работающих взрослых, этнический состав домохозяйства респондента, предполагаемое количество детей в возрасте до 16 лет в домохозяйстве и их наличие в целом. Причем такие вопросы применялись для дополнения данных, получаемых от респондентов на случай их отказа от ответа на подобные прямые вопросы [Sinibaldi, Durrant, Kreuter, 2013].

¹⁰ Доступ к коду возможен по личному обращению к Стигеру, адрес электронной почты указан в источнике [Stieger, Reips, 2010: 1].

¹¹ Скачивание программы доступно на сайте: URL: <http://www.sequenceviewer.nl/> (дата обращения: 03.04.2020).

В Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) в конце каждого типа вопросников (детский, взрослый, опрос домохозяйства) интервьюерам необходимо заполнить короткий список вопросов относительно нахождения третьих лиц (членов семьи или посторонних людей) рядом при проведении интервью, отношения респондента к интервью, уровень понимания вопросов респондентом, его поведения, сообразительности, искренности, открытости, а также надежности полученной информации¹².

Кроме того, стоит привести примеры программного обеспечения для СAPI, которые позволяют собирать параданные

Blaise сохраняет значительное количество видов параданных — длительность опроса, длительность различных сессий заполнения опроса/опросов, строку user agent string и др. [Wood, Piskorowski, Williams, 2016; Olson, Parkhurst, 2013].

Важным преимуществом программного обеспечения Survey Solutions Всемирного банка для проведения СAPI-исследований является, помимо записи базовых параданных (время, длительность), запись местоположения интервью (в том числе есть возможность замерять GPS-локации в начале и в конце интервью)¹³.

Заключение

Параданные, несомненно, представляют большую ценность и открывают значимые перспективы для методологических исследований и практики опросных компаний. Особенно это актуально в современном контексте повышения доли исследований, проводимых онлайн и/или с использованием компьютерных технологий.

Целью этого обзора было показать, что такое параданные, каковы их типы, способы их сбора, возможности применения, ограничения и перспективные направления применения.

Параданные описывают поведенческие характеристики респондентов и интервьюеров в процессе интервью/прохождения опроса, ситуацию интервью в целом и особенности респондента, домохозяйства или района, в котором проходило интервью, отмечаемые интервьюером. Отличительными чертами параданных являются: недоступность перед проведением полевого этапа, но возникновение и изменения в процессе сбора данных (исключение — параданные из предыдущих исследований/волн исследований); фиксация на каждом этапе сбора данных; нереактивность; наличие различных уровней детализации и генерализации.

Было выделено пять типов параданных: 1) наблюдения интервьюеров; 2) информация об устройстве; 3) поведенческие особенности, касающиеся заполнения опроса; 4) характеристики интервьюеров и установления контакта/связи с респондентом; 5) вербальные и физиологические свойства, проявляющиеся при заполнении опроса/участии в интервью.

Далее показано, насколько широкий набор исследовательских задач связан с потенциальным использованием параданных. Затем выделены ограничения

¹² Вопросники // РМЭЗ НИУ-ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/question> (дата обращения: 10.10.2019).

¹³ См.: Survey Solutions. URL: https://support.mysurvey.solutions/headquarters/export/paradata_file_format/ (accessed: 10.10.2019).

работы с таким типом данных, описаны перспективные направления развития исследований и способов использования параданных. Приведены инструментальные примеры решений сбора параданных различных типов.

В соответствии с выделенными ограничениями и перспективами использования параданных разработаны следующие практические рекомендации работы с таким типом данных.

- Не бояться использовать параданные — их анализ открывает широкий набор перспектив по улучшению дизайна исследований, инструментария, корректировки данных и т. д. При этом даже для не самых удобных с точки зрения формата выгрузки типов параданных имеются решения (программное обеспечение, пакеты в R, Python — языки программирования), позволяющие работать с этими типами данных исследователям, у которых нет умения и/или опыта работы с подобными форматами данных.
- Применять запись параданных на стороне пользователя/устройства, которая позволяет иметь более широкий выбор типов параданных.
- Заранее продумывать стратегию работы с параданными (какие типы будут собираться, индикаторами чего они будут выступать и какое дополнительное программное обеспечение потребуется для их сбора).
- Аккуратно и внимательно работать с параданными, особенно в контексте их анализа и интерпретации, а также выбора допустимых значений, которые могут повлиять на последующие выводы.
- Предоставлять интервьюерам возможность записывать комментарии и наблюдения относительно процесса сбора данных. Такие сведения могут быть очень ценными как для качества инструментария и процесса сбора данных [Lynn, 2003; Maitland, Casas-Cordero, Kreuter, 2009], так и для вовлеченности и заинтересованности интервьюеров [Ипатова, 2016].
- Не перегружать интервьюеров дополнительным инструментарием, который требуется заполнить, чтобы не повышать когнитивную нагрузку. Делать процесс представления комментариев и оценок респондента/домохозяйства/района наиболее интуитивно понятным и когнитивно не затратным [Kreuter, Couper, Lyberg, 2010].
- Заранее продумывать способы унифицированного сбора параданных одного типа при использовании разных методов сбора данных или при их комбинировании (mix-mode).
- Применять возможности работы с параданными во время сбора данных (например, просить исследователей быть более внимательными к ответам респондентов, заполняющих анкету слишком быстро [Conrad et al., 2017]).
- Собирать и использовать разные типы и уровни параданных, чтобы иметь возможность описывать различные аспекты и этапы процесса сбора данных [Sharma, 2019].
- При предоставлении общего доступа к результатам исследований добавлять в базу данных такие параданные, которые не могут быть сведены к респондентам и раскрывать личную информацию (местоположение, аудиозаписи). Это способствует более активному развитию сферы работы с параданными, в том числе с помощью возможностей метаанализа.

Список литературы (References)

Девятко И. Ф. Разработка подхода к количественной мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров: результаты пилотного квазиэксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 627—637.

Devyatko I. F. (2018) Development of an Approach to Quantitative Multimodal Assessment of the Cognitive Load of Interviewers: Results of a Pilot Quasi-Experiment. *Bulletin of the RUDN, Russia. Series: Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 627—637. (In Russ.)

Девятко И. Ф., Лебедев Д. В. Глазами интервьюера, глазами респондента: контуры нового подхода к оценке когнитивной нагрузки при проведении опроса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 1—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.01>.

Deviatko I. F., Lebedev D. V. (2017) Through the Eyes of the Interviewer, through the Eyes of the Respondent: Outlining a New Approach Towards the Assessment of Cognitive Load During the Interview. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 1—19. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.01>.

Звоновский В. Б., Соловьёва Ю. В. Адаптация системы конечных кодов AAPOR к российской практике CATI-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 59—72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.06>.

Zvonovski V. B., Solovieva Yu. V. (2017) Adaptation of the AAPOR Final Code System for CATI Technique in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 59—72. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.06>.

Ипатова А. А. Использование параданных в анализе телефонных опросов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6. С. 34—41.

Ipatova A. A. (2014) The Use of Paradata in the Analysis of Telephone Surveys. *Telescope: a Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 6. P. 34—41. (In Russ.)

Ипатова А. А. Опыт анализа комментариев интервьюеров к телефонным интервью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 64—76. <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.05>.

Ipatova A. A. (2016) The Experience in the Analysis of the Interviewers Comments to Telephone Interviews. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 64—76. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.05>.

Ипатова А. А., Rogozin D. M. Условия коммуникативного успеха в стандартизованном телефонном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. P. 21—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>.

Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2014) A formula to communicative success in the structured telephone interview. *Sociological Journal*. No. 1. P. 21—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>. (In Russ.)

Караева О. С. «Поиски лучшей репрезентации»: сравнение телефонных и квартирных опросных методик в социально-политических исследованиях (методический эксперимент) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 1 (119). С. 116—128.

Karaeva O. S. (2015) «Searches for a Better Representation»: a Comparison of Telephone and Apartment Survey Techniques in Socio-Political Research (Methodological Experiment). *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 1 (119). P. 116—128. (In Russ.)

Корытникова Н. В. Параметры проверки и контроля качества онлайн-опроса с использованием параданных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 65—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.04>.

Korytnikova N. V. (2018) Use of Paradata in Quality Control of Online-Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 65—77. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.04>.

Лебедев Д. В., Богданов М. Б. Переход с PAPI на CAPI: опыт интервьюеров и характеристики, влияющие на их ожидания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 43—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.03>.

Lebedev D. V., Bogdanov M. B. (2019) Transition from PAPI to CAPI: Interviewers' Experience and Factors Influencing Their Expectations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 43—67. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.03>.

Мавлетова А. М. Использование параданных в опросах для корректировки и оптимизации полевых работ в адаптивном дизайне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 105—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.07>.

Mavletova A. M. (2017) Using Survey Paradata for the Fieldwork Corrections and Optimization in Adaptive Design. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 105—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.07>. (In Russ.)

Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. Влияние дизайна анкеты на качество данных в онлайн-опросах студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 15—26. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.02>.

Maloshonok N. G., Terentyev E. A. (2014) Effects of questionnaire design on data quality in student online surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 15—26. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.02>.

Никитина С. Ю. О подготовке и проведении пробной переписи населения 2018 года // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 4. С. 22—26.

Nikitina S. Yu. (2018) On the Preparation and Conduct of a Trial Population Census in 2018. *Questions of Statistics*. Vol. 25. No. 4. P. 22—26. (In Russ.)

- Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Контроль качества социальных обследований. М., 2015. URL: <ftp://w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/020915.pdf> (дата обращения: 13.08.2017).
- Rogozin D. M., Ipatova A. A. (2015) Control Over the Quality of Social Surveys. Moscow. URL: <ftp://w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/020915.pdf> (accessed: 13.08.2017). (In Russ.)
- Рогозин Д. М., Сапонов Д. И. Корпус ошибок автоматизированного телефонного опроса // *Полития*. 2014. № 4 (75). С. 145—162.
- Rogozin D. M., Saponov D. I. (2014) Corps of Errors in an Automated Telephone Survey. *Politeia*. No. 4 (75). P. 145—162. (In Russ.)
- Сидоров Н. Использование параданных в социологических исследованиях // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2011. № 4. С. 198—208.
- Sidorov N. (2011) The Use of Parades in Sociological Research. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No. 4. P. 198—208. (In Russ.)
- Терентьев Е. А., Мавлетова А. М., Косолапов А. М. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 3 (145). С. 47—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.03>.
- Terentyev E. A., Mavletova A. M., Kosolapov A. M. (2018) Computer-assisted personal interviewing for longitudinal household studies. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. No. 3 (145). P. 47—64. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.03>.
- Biemer P. P., Chen P., Wang K. (2013) Using Level-of-Effort Paradata in Non-Response Adjustments with Application to Field Surveys. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 176. No. 1. P. 147—168. <https://doi.org/10.1111/j.1467-985x.2012.01058.x>.
- Bosnjak M. (2001) Participation in Non-Restricted Web-Surveys: a Typology and Explanatory Model for Item-Nonresponse. Lengerich: Pabst Science Publishers.
- Bosnjak M., Tuten T. L. (2001) Classifying Response Behaviors in Web-Based Surveys. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 6. Iss. 3. P. JCMC636. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00124.x>.
- Callegaro M. (2013) Paradata in Web Surveys. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. P. 261—279. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch11>.
- Callegaro M. (2015) Using Paradata to Better Interpret Online Experiments and Non-Experiments. *Centre for Experimental Social Sciences*. 24 May. URL: <https://cess-nuffield.nuff.ox.ac.uk/> (accessed: 10.10.2019).
- Callegaro M. (2014) Using Paradata to Improve the Quality of Web Surveys: Some Examples and Applications. University of Southampton. URL: https://www.southampton.ac.uk/assets/sharepoint/groupsite/Administration/SitePublisher-document-store/Documents/Callegaro_Paradata_Web_Survey_RSS1.pdf (accessed: 10.10.2019).

Callegaro M., Manfreda K. L., Vehovar V. (2015) *Web Survey Methodology*. London: Sage. P. 318.

Choumert-Nkolo J., Cust H., Taylor C. (2019) Using Paradata to Collect Better Survey Data: Evidence from a Household Survey in Tanzania. *Review of Development Economics*. Vol. 23. No. 2. P. 598—618. <https://doi.org/10.1111/rode.12583>.

Conrad F., Tourangeau R., Couper M., Zhang C. (2017) Reducing Speeding in Web Surveys by Providing Immediate Feedback. *Survey Research Methods*. Vol. 11. No. 1. P. 45—61.

Couper M. P. (1998) A Measuring Survey Quality in a CASIC Environment. *Proceedings of the Survey Research Methods Section, ASA. Achieving Quality in Surveys*. Aug. P. 41—49. URL: <https://www.amstat.org/ASA/Membership/Sections-and-Interest-Groups.aspx>.

Couper M. (2019) Practical Challenges in Web Survey Methodology. *Web Survey Day. University of Ljubljana*. 25 Sept.

Couper M. P., Kreuter F. (2013) Using Paradata to Explore Item Level Response Times in Surveys. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 176. No. 1. P. 271—286. <https://doi.org/10.1111/j.1467-985x.2012.01041.x>.

Couper M. P., Singer E. (2013) Informed Consent for Web Paradata Use. *Survey Research Methods*. Vol. 7. No. 1. P. 57.

Dajani N., Marquette R. Q. (2015) Reinterview Detection and Prevention at Census: New Initiatives. URL: http://washstat.org/presentations/20150609/dajani_marquette-revised.pdf (accessed: 9.04.2019).

Diedenhofen B., Musch J. (2017) PageFocus: Using Paradata to Detect and Prevent Cheating on Online Achievement Tests. *Behavior Research Methods*. Vol. 49. No. 4. P. 1444—1459. <https://doi.org/10.3758/s13428-016-0800-7>.

Durrant G. B., D'Arrigo J., Steele F. (2011) Using Paradata to Predict Best Times of Contact, Conditioning on Household and Interviewer Influences. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 174. No. 4. P. 1029—1049. <https://doi.org/10.1111/j.1467-985x.2011.00715.x>.

Durrant G., Kreuter F. (2013) Editorial: the Use of Paradata in Social Survey Research. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 176. P. 1—3. <https://doi.org/10.1111/j.1467-985x.2012.01082.x>.

Eckman S. (2013) Paradata for Coverage Research. In: Kreuter (Hg.). *Kontaktformular*. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/fieldwork/germany/ESS6_contact_form_DE.pdf (accessed: 3.07.2014). P. 97—116.

Elevelt A., Bernasco W., Lugtig P., Ruiter S., Toepoel V. (2019) Where You at? Using GPS Locations in an Electronic Time Use Diary Study to Derive Functional Locations. *Social Science Computer Review*. Sept. 26. P. 1—18. <https://doi.org/10.1177/0894439319877872>.

- Fazio R. H. (1990) *A Practical Guide to the Use of Response Latency in Social Psychological Research*. London: SAGE Publications.
- Finnamore J. (2019) The Role of Survey Paradata in a Federal Statistical Agency's Commitment to Quality. *FedCASIC WorkshoP*. Apr. 16.
- Galesic M., Tourangeau R., Couper M., Conrad F. (2008) Eye-Tracking Data: New Insights on Response Order Effects and Other Cognitive Shortcuts in Survey Responding. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 5. P. 892—913. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn059>.
- Global Guideline: Online Research ESOMAR. URL: <https://www.esomar.org/what-we-do/code-guidelines/esomargrbn-online-research-guideline> (accessed: 1.04.2020).
- Groves R. M., Wagner J., Peytcheva E. (2007) Use of Interviewer Judgments about Attributes of Selected Respondents in Post-Survey Adjustment for Unit Nonresponse: an Illustration with the National Survey of Family Growth. *Proceedings of the Survey Research Methods Section, ASA*. P. 3428—3431.
- Heerwegh D. (2003) Explaining Response Latencies and Changing Answers Using Client-Side Paradata from a Web Survey. *Social Science Computer Review*. Vol. 21. No. 3. P. 360—373. <https://doi.org/10.1177/0894439303253985>.
- Höhne J. K., Revilla M., Schlosser S. (2019) Motion Instructions in Surveys: Compliance, Acceleration, and Response Quality. *International Journal of Market Research*. June 27. P. 1—15. <https://doi.org/10.1177/1470785319858587>.
- Höhne J. K., Schlosser S. (2018) Investigating the Adequacy of Response Time Outlier Definitions in Computer-Based Web Surveys Using Paradata SurveyFocus. *Social Science Computer Review*. Vol. 36. No. 3. P. 369—378. <https://doi.org/10.1177/0894439317710450>.
- Höhne J. K., Schlosser S., Krebs D. (2017) Investigating Cognitive Effort and Response Quality of Question Formats in Web Surveys Using Paradata. *Field Methods*. Vol. 29. No. 4. P. 365—382. <https://doi.org/10.1177/1525822x17710640>.
- Horwitz R., Henninger F., Brockhaus S., Kieslich P. J. (2017) Learning from Mouse Movements: Improving Questionnaire and Respondents' User Experience through Passive Data Collection. *IAB-Discussion Paper*. No. 34. P. 1—27.
- Jans M. et al. (2019) Analyzing and Using Web Paradata to Understand and Improve the Data Collection Process. *FedCASIC WorkshoP*. Apr. 16.
- Kaczmirek L. (2008) *Human-Survey Interaction: Usability and Nonresponse in Online Surveys*: Doctoral Dissertation. Mannheim: Universität Mannheim.
- Kieslich P. J., Henninger F. (2017) Mousetrap: an Integrated, Open-Source Mouse-Tracking Package. *Behavior Research Methods*. Vol. 49. No. 5. P. 1652—1667. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0900-z>.
- Kirgis N. G., Lepkowski J. M. (2013) Design and Management Strategies for Paradata-Driven Responsive Design: Illustrations from the 2006—2010 National Survey of Family Growth. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of*

- Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. P. 121—144. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch6>.
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. (2016) Data Resource Profile: the Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994—2013. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. No. 2. P. 395—401. <https://doi.org/10.1093/ije/dyv357>.
- Kreuter F. (ed.). (2013) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. Vol. 581. <https://doi.org/10.1002/9781118596869>.
- Kreuter F. (2013) *Improving Surveys with Paradata: Introduction*. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. P. 1—9. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch1>.
- Kreuter F. (2017a) Getting the Most Out of Paradata. In: Vannette D., Krosnick J. (eds.) *The Palgrave Handbook of Survey Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 193—198. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54395-6_24.
- Kreuter F. (2017b) Paradata. In: Vannette D., Krosnick J. (eds.) *The Palgrave Handbook of Survey Research*. Springer. P. 529—535. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54395-6_61.
- Kreuter F., Casas-Cordero C. (2010) Paradata. Working Paper Series des Rates für Sozial-und Wirtschaftsdaten. No. 136. P. 1—16.
- Kreuter F., Couper M., Lyberg L. (2010) The Use of Paradata to Monitor and Manage Survey Data Collection. In: *Proceedings of the Joint Statistical Meetings, American Statistical Association*. Alexandria: American Statistical Association. P. 282—296.
- Kurakin D. (2014) Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework (Working Papers of Institute of Education). Moscow: HSE Publishing House.
- Laflamme F., Maydan M., Miller A. (2008) Using Paradata to Actively Manage Data Collection Survey Process. In: *Proceedings of the Survey Research Methods Section, American Statistical Association*. Alexandria: American Statistical Association. P. 630—637.
- Lynn P. (2003) PEDAksi: Methodology for Collecting Data about Survey Non-Respondents. *Quality and Quantity*. Vol. 37. No. 3. P. 239—261.
- Lynn P., Nicolaas G. (2010) Making Good Use of Survey Paradata. *Survey Practice*. Vol. 3. No. 2. P. 1—5. <https://doi.org/10.29115/sp-2010-0010>.
- Maitland A., Casas-Cordero C., Kreuter F. (2009) An Evaluation of Nonresponse Bias Using Paradata from a Health Survey. In: *Proceedings of the Section on Survey Research Methods of the American Statistical Association*. Alexandria: American Statistical Association. P. 370—378.

- Mathôt S., Schreij D., Theeuwes J. (2012) OpenSesame: an Open-Source, Graphical Experiment Builder for the Social Sciences. *Behavior Research Methods*. Vol. 44. No. 2. P. 314—324. <https://doi.org/10.3758/s13428-011-0168-7>.
- Matjašič M., Vehovar V., Manfreda K. (2018) Web Survey Paradata on Response Time Outliers: a Systematic Literature Review. *Metodološki Zvezki*. Vol. 15. No. 1. P. 23—41.
- Mavletova A., Couper M. P., Lebedev D. (2018) Grid and Item-by-Item Formats in PC and Mobile Web Surveys. *Social Science Computer Review*. Vol. 36. No. 6. P. 647—668. <https://doi.org/10.1177/0894439317735307>.
- McClain C.A., Couper M. P., Hupp A. L., Keusch F., Peterson G., Piskorowski A. D., West B. T. (2019) A Typology of Web Survey Paradata for Assessing Total Survey Error. *Social Science Computer Review*. Vol. 37. No. 2. P. 196—213. <https://doi.org/10.1177/0894439318759670>.
- Mohadjer L., Edwards B. (2018) Paradata and Dashboards in PIAAC. *Quality Assurance in Education*. Vol. 26. No. 2. P. 263—277. <https://doi.org/10.1108/qae-06-2017-0031>.
- Nicolaus G. (2011) Survey Paradata: a Review. ESRC National Centre for Research Methods Review Paper. URL: http://eprints.ncrm.ac.uk/1719/1/Nicolaas_review_paper_jan11.pdf (accessed: 3.04.2020).
- Olson K., Parkhurst B. (2013) Collecting Paradata for Measurement Error Evaluations. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. Vol. 580. P. 43. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch3>.
- Reeves R., Horwitz R., Misra J., Hernandez-Viver A. (2018) Optimizing a Web Survey Instrument Using Paradata Measures. In: *United States Census Bureau*. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/newsroom/press-kits/2018/aapor/aapor-presentation-paradata.pdf> (accessed: 11.10.2019).
- Robmann J., Gummer T., Kaczmirek L. (2020) Working with User Agent Strings in Stata: the PARSEUAS command. *Journal of Statistical Software*. Vol. 92. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.18637/jss.v092.c01>.
- Sakshaug J. W. (2013) Using Paradata to Study Response to Within-Survey Requests. *Improving Surveys with Paradata*. P. 171—190. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch8>.
- Schlosser S. (2018) ECSP — Embedded Client Side Paradata. *Zenodo*. P. 1—32.
- Sharma S. (2019) Paradata, Interviewing Quality, and Interviewer Effects: Dissertation. Maryland: University of Maryland, College Park.
- Sinibaldi J., Durrant G. B., Kreuter F. (2013) Evaluating the Measurement Error of Interviewer Observed Paradata. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. No. S1. P. 173—193. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs062>.
- Sirkis R., McGovern P. (2019) Analyzing and Using Web Paradata to Understand and Improve the Data Collection Process. *FedCASIC WorkshoP*. Apr. 16.

Smith T. W. (2011) The Report of the International Workshop on Using Multi-Level Data from Sample Frames, Auxiliary Databases, Paradata and Related Sources to Detect and Adjust for Nonresponse Bias in Surveys. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 23. No. 3. P. 389—402. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edr035>.

Stieger S., Reips U. D. (2010) What are Participants Doing While Filling in an Online Questionnaire: a Paradata Collection Tool and an Empirical Study. *Computers in Human Behavior*. Vol. 26. No. 6. P. 1488—1495. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.05.013>.

Vehovar V., Čehovin G., Kavčič L., Lenar J. (2012) Survey Software Features Overview. URL: www.websm.org/uploadi/editor/1362408700WebSM_WSS_report_b_v04.pdf (accessed: 10.10.2019).

Wagner J., Olson K., Edgar M. (2017) Assessing Potential Errors in Level-of-Effort Paradata Using GPS Data. *Survey Research Methods*. Vol. 11. No. 3. P. 219—233.

West B. T. (2011) Paradata in Survey Research. *Survey Practice*. Vol. 4. No. 4. P. 1—8.

West B. T., Kreuter F. (2013) Factors Affecting the Accuracy of Interviewer Observations: Evidence from the National Survey of Family Growth. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. No. 2. P. 522—548. <https://doi.org/10.1093/poq/nft016>.

West B. T., Sinibaldi J. (2013) The Quality of Paradata: a Literature Review. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. P. 339—359. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch14>.

Wood L., Piskorowski A., Williams J. (2016) Transforming Survey Paradata. In: *17th International Blaise Users Group Conference*. Amsterdam.

Yan T., Olson K. (2013) Analyzing Paradata to Investigate Measurement Error. In: Kreuter F. (ed.) *Improving Surveys with Paradata: Analytic Uses of Process Information*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. P. 73—96. <https://doi.org/10.1002/9781118596869.ch4>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.761

Правильная ссылка на статью:

Гаврилов К. А. Психометрическая парадигма в исследовании риска: перевод на русский язык и апробация на студенческой выборке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 33—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.761>.

For citation:

Gavrilov K. A. (2020) Psychometric paradigm in risk research: a translation into Russian and a pilot study with a student sample. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 33—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.761>.

К. А. Гаврилов

ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ РИСКА: ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК И АПРОБАЦИЯ НА СТУДЕНЧЕСКОЙ ВЫБОРКЕ

ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ РИСКА: ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК И АПРОБАЦИЯ НА СТУДЕНЧЕСКОЙ ВЫБОРКЕ

PSYCHOMETRIC PARADIGM IN RISK RESEARCH: A TRANSLATION INTO RUSSIAN AND A PILOT STUDY WITH A STUDENT SAMPLE

ГАВРИЛОВ Кирилл Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kgavrilov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9666-9897>

Kirill A. GAVRILOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Analysis of Social Institutions Department
E-MAIL: kgavrilov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9666-9897>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье приводится перевод методики психометрической парадигмы (П. Словик, Б. Фишхоф, С. Лихтенштейн и др.) на русский язык.

Abstract. The article presents a translation of the psychometric paradigm (P. Slovic, B. Fischhoff, S. Lichtenstein and others) into the Russian language.

Эта методика апробируется на студенческой выборке ($n = 83$). Обнаруженные корреляции, а также результаты кластерного анализа в целом не противоречат двухфакторной структуре — наличию измерений «неизвестность» и «страх», обычно обнаруживаемой в зарубежных исследованиях. Иными словами, результаты апробации свидетельствуют о применимости методики в отечественных реалиях. Методика позволяет размещать риски в двумерном пространстве, образованном этими двумя измерениями. На наших данных по 12 рискам было обнаружено, что измерение «страх» позволяет отличать добровольные и недобровольные риски. В то же время максимальные значения по измерению «неизвестность» получили такие риски, как микроволновые печи, асбестовая пыль и окрашивание волос, что предположительно отражает специфику использованной студенческой выборки.

Ключевые слова: риск, восприятие риска, психометрическая парадигма

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Соотношение традиционных рисков и киберрисков: опыт использования расширенной версии „психометрической парадигмы“» (№ 20-01-023) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020—2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

Автор глубоко признателен М. В. Бутынку за ценные замечания по поводу содержания статьи и М. С. Соломину за помощь в проведении опроса.

The authors conducted a pilot study using a student sample ($n = 83$). The correlations and the cluster analysis results do not contradict the two-factor system, i. e. when the Unknown and Dread are present, which is often found in the foreign studies. In other words, the pilot study results point to the applicability of the method domestically. The method enables to place risks into a two-dimensional space. The data covering 12 risks show that the Dread dimension helps to distinguish between voluntary and involuntary risks. However, microwave ovens, asbestos dust and hair coloring obtained the maximum values for the Unknown dimension; this presumably reflects the specifics of the student sample.

Keywords: risk, risk perception, psychometric paradigm

Acknowledgments. The paper is part of the research project “Ratio between conventional risks and cyber risks: a case study with an extended version of the psychometric paradigm” (No. 20-01-023) in the framework of HSE Academic Fund Programme for 2020-2021 being part of Project 5—100.

The author expresses gratitude to M. V. Butynko for valuable comments and to M. S. Solomin for the assistance in conducting the survey.

Постановка исследовательской задачи

Один из влиятельных подходов к изучению восприятия риска, развивающихся в западной социальной науке, — психометрическая парадигма, предложенная П. Словиком и его коллегами (Б. Фишхофом, С. Лихтенштейном и др.) еще в 1970—1980-е гг. [Slovic, 1987; 1992; 2000]. Как отмечает Й. О. Цинн, этот подход стал одним из самых влиятельных в сфере междисциплинарных эмпирических исследований риска [Social Theories of Risk..., 2008: 11].

Отечественным исследователям в целом работы П. Словика и коллег известны [Гурвич и др., 2014: 117; Иванов, 2012]. Однако систематического изложения методики психометрической парадигмы, шаг за шагом иллюстрирующей процедуру поиска факторов, которые определяют пространство восприятия риска, с попыткой адаптировать методику для русскоязычных участников предпринято не было. Предлагаемая работа восполняет этот пробел. Во-первых, мы произведем краткую реконструкцию истоков возникновения этого направления исследований. Во-вторых, предложим перевод методики психометрической парадигмы и представим результаты ее апробации на отечественной выборке с попыткой оценить соответствие полученных данных ключевому открытию парадигмы — двухфакторной структуре пространства восприятия рисков.

В целом проделанная работа соответствует шагам, обычно предпринимаемым при попытке использовать методику на языке, отличном от оригинала. Так, О. В. Непочелович аналогичным образом провела апробацию шкалы рискованного поведения (Risk Behavior Scale) [Непочелович, 2014], А. В. Быков — шкалы самооценки альтруизма (Self-Report Altruism Scale) [Быков, 2014], А. А. Бызов — шкалы правого авторитаризма личности [Бызов, 2017]. Отметим, что пилотаж методики на очень ограниченной выборке (36 студентов) и с предъявлением всего двух рисков был произведен нами ранее [Гаврилов, 2016], представленный в настоящей статье перевод учитывает полученные тогда результаты.

Психометрическая парадигма в исследовании риска: основные идеи

Исходной точкой для рассматриваемого подхода послужил вопрос о соотношении рисков и выгод: «Насколько имеющийся уровень безопасности достаточен?»¹ [Fishhoff et al., 1978: 128]. Ответить на него можно как минимум двумя способами.

Первый способ — рассматривать реальное поведение людей, которое будет выступать индикатором приемлемости риска. Характерный пример — подход Ч. Старра, нацеленный на анализ «выявленных предпочтений» («revealed preferences») [Starr, 1969]. Детальный анализ работы Старра не входит в наши задачи², достаточно отметить, что оценить приемлемость различных видов активности (от курения до поездок на автомобиле) он предлагает с точки зрения их объективных «социальных издержек» (это вероятность смерти, например) и «социальной пользы» (это, в частности, вклад в доход индивида). Если даже в конкретный момент издержки неадекватно компенсируются выгодами, это произойдет исторически — «в процессе проб, ошибок и последующих корректирующих шагов» [Ibid: 1232].

¹ В оригинале: «How Safe is Safe Enough?».

² Для этого см. подробнее: [Иванов, 2012: 102, 103; Гаврилов, 2009: 58—61].

Второй способ — выяснить у представителей населения, приемлемы ли для них различные риски и опасности. Иными словами, происходит переход от «выявленных предпочтений» Старра к «высказываемым предпочтениям» («expressed preferences»). Тогда говорить о приемлемости многообразных рисков можно только в связи с реально воспринимаемым риском и воспринимаемым вознаграждением, а источником получения данных о восприятии могут стать опросы различных групп населения.

Очень условно исследование психометрической парадигмы можно разделить на два направления³.

Одно из них нацелено на оценку приемлемости различных рисков неспециалистами. Респондентам предъявляется перечень рисков и опасностей, каждый из которых оценивается по нескольким критериям, чаще всего по степени воспринимаемого риска (perceived risk) и приемлемости риска (acceptability risk). Б. Шовин, Д. Макри и Э. Мулле ссылаются на 26 исследований, проведенных с 1985 по 2007 г. В них предъявлялось от 30 рисков до 141 риска, а выборка составляла от 30 до 800 человек, причем хотя бы часть выборки всегда включала студентов [Chauvin, Macri, Mullet, 2007]. Среди упомянутых работ — два отечественных исследования. Во-первых, это считающаяся классической работа А. Мечитова и С. Ребрика по восприятию риска. В ней авторы сообщают о результатах опроса 10 научных работников и 17 студентов, которые оценивали 57 рисков по 100-балльной шкале, отражающей степень опасности для общества каждого риска [Мечитов, Ребрик, 1990]. Во-вторых, это исследование Родионовой и коллег, где на основе ответов 800 респондентов из Москвы и Тулы был составлен рейтинг 109 опасностей. Наиболее высокий риск оказался связан с ядерным оружием, войной, терроризмом, СПИДом и героином [Rodionova et al., 2009].

Другое направление в исследованиях психометрической парадигмы, которое и находится в фокусе рассмотрения настоящей статьи, нацелено на выявление факторов, определяющих пространство восприятия риска. В качестве исходного допущения, по крайней мере в ранних исследованиях, было принято, что на восприятие риска влияют разные характеристики самих рисков — эмпирически операционализируемых в виде различных суждений о природе и последствиях рисков. Перечень характеристик (суждений) варьировался от исследования к исследованию, пример суждений представлен в табл. 1.

Таблица 1. Характеристики риска, использованные представителями психометрической парадигмы

№	Название	Описание (задаваемый вопрос)
1	Недобровольность риска	Добровольно ли попадают люди в эти рискованные ситуации?
2	Отложенность воздействия	Насколько быстро наступает смерть в результате воздействия этого риска: немедленно или позже?
3	Неизвестность людям	Насколько хорошо или плохо информированы о данном риске люди, которые ему подвергаются?

³ Условно — хотя бы потому, что в исходных работах П. Словика и коллег они не разделялись, их изучали одновременно [Slovic, Fischhoff, Lichtenstein, 1985].

№	Название	Описание (задаваемый вопрос)
4	Неизвестность науке	Насколько хорошо или плохо этот риск известен науке?
5	Неконтролируемость	Если Вы подвержены данному риску, то можете ли Вы посредством личных навыков либо усердия избежать смерти от его воздействия?
6	Новизна	Такие риски являются новыми, неизвестными ранее или они старые, хорошо знакомы?
7	Катастрофичность	Такой риск убивает людей постепенно (хронический риск) либо сразу убивает большое число людей (катастрофический риск)?
8	Страх	Люди научились жить с таким риском и думать о нем довольно спокойно или он в значительной степени страшен для них — на уровне инстинкта?
9	Смертельные последствия	Когда возникает этот риск, насколько вероятно, что его последствия будут смертельны?
10	Отсутствие превентивного контроля	Можно или нельзя предотвратить все риски такого рода?
11	Невозможность снижения риска	Если несчастье произошло, то можно ли уменьшить (контролировать) ущерб?
12	Угроза будущим поколениям	Угрожает ли риск будущим поколениям?
13	Опосредованность	Люди подвергаются опасности от риска прямо или опосредованно?
14	Справедливость рисков и выгод	Распределяются ли выгоды справедливо среди тех, кто подвержен риску?
15	Глобальный катастрофизм	Угрожает ли опасность глобальной катастрофой?
16	Динамика уровня риска	Риск увеличивается или уменьшается?

Источник: [Slovic, 2000: 86, 138].

Примечание: полужирным шрифтом выделены характеристики, задействованные в нашем исследовании, курсивом — характеристики исходного исследования [Fischhoff et al., 1978].

Чаще всего для анализа эмпирических данных использовался факторный анализ методом главных компонент. В результате его применения, как правило, выявляются два фактора восприятия риска:

- 1) неизвестность/незнание риска (следует из того, что риск нельзя наблюдать непосредственно, он характеризуется отложенностью, новизной и др.);
- 2) страх перед риском (связан с воспринимаемой неспособностью контролировать риск, катастрофическими последствиями, недобровольностью и последствиями для будущих поколений) [Slovic, 1987: 281].

Наличие этих двух факторов подтверждается в более поздних исследованиях, включая сравнительно недавние [Fox-Glassman, Weber, 2016]. В целом за последние годы осуществлено множество опросов с использованием данной методики, в том числе за пределами США. В табл. 2 приведен перечень некоторых исследований, позволяющий в общих чертах оценить распространенность психометрической парадигмы.

Таблица 2. *Исследования психометрической парадигмы за пределами США*

Исследование	Страна	Год*	Количество			Тип опроса
			рисков	суждений	участников	
Goszczyńska, Tyszka, Slovic	Польша	1991	40	7	140	Самозаполнение
Savadori, Rumiati, Bonini	Италия	1998	38	14	258	«
Cha	Корея	2000	70	8	60	«
Bronfman, Cifuentes	Чили	2001	54	16	508	« по месту жительства
Chuk-Ling Lai, Tao	Китай (Гонконг)	2001	25	7	167	Почтовый опрос
Ohtsubo, Yamada	Япония	2003	10	14	878	«
Siegrist, Keller, Kiers	Швейцария	2006	24	9	448	«
Fox-Glassman, Weber	Нет данных	2013	30	9	75	Онлайн-опрос через Amazon Mechanical Turk
Al-Rawad, Khattab	Иордания	2015	25	9	429	Самозаполнение
Bassarak, Pfister, Böhm	Германия	2017	24	23**	493 и 88	Онлайн-опрос участников панели домохозяйств и онлайн-опрос студентов

Примечания.

* Указан год сбора данных, если он не обнаружен, то год публикации.

** Авторы существенно расширяют исходную методику психометрической парадигмы за счет привлечения новых концептов.

Приведенный в табл. 2 перечень неполный, однако анализ этих работ позволяет зафиксировать следующие тенденции.

Во-первых, большинство исследований проведено на нерепрезентативных выборках. Даже в случаях, когда заявляется о наличии генеральной совокупности, авторы, как правило, не говорят о репрезентативности результатов. Например, Н. Бронфман и Л. Сифуэнтес использовали репрезентативную выборку на уровне муниципалитетов Сантьяго, но отбор респондентов происходил методом доступных случаев [Bronfman, Cifuentes, 2003]. Исключением являются почтовые опросы, проведенные на сравнительно больших выборках в Японии [Ohtsubo, Yamada, 2007] и Швейцарии [Siegrist, Keller, Kiers, 2006] и с высокой долей ответивших (29,0 и 37,5% соответственно). Иными словами, результаты большинства опросов, указанных в табл. 2, не могут быть сопоставлены друг с другом, по крайней мере, в силу особенностей отбора участников исследования.

Примечательно также, что онлайн-опрос в качестве метода сбора данных стал использоваться сравнительно недавно. Это, вероятно, связано не только с новизной самого метода, но и со сложностью его инструментария. Так, К. Фокс-Глассман и Э. Вебер отмечают, что заполнение анкеты в среднем заняло пол-

тора часа [Fox-Glassman, Weber, 2016: 160], а это весьма проблематично для онлайн-исследования.

Во-вторых, практически все исследования применяют разные перечни суждений психометрической парадигмы, хотя «ядро», как правило, остается неизменным — девять суждений из работы Б. Фишхофа и соавторов [Fischhoff et al., 1978]. Впрочем, независимо от этого результаты сходятся: чаще всего фиксируется двухфакторная модель, обнаруженная П. Словиком и коллегами в 1970—1980-х гг. (см., например: [Fox-Glassman, Weber, 2016; Bassarak, Pfister, Böhm, 2017]).

В-третьих, количество оцениваемых рисков варьируется довольно существенно — от 10 до 70. Стоит также отметить, что, если изначально оцениваемые риски охватывали различные сферы, то в поздних исследованиях все чаще делается акцент на определенной тематической области. Например, М. Зигрист с коллегами изучают пищевые риски [Siegrist, Keller, Kiers, 2006], К. Фокс-Глассман и Э. Вебер — риски технологий [Fox-Glassman, Weber, 2016], а К. Бассарак и др. — социетальные риски [Bassararak, Pfister, Böhm, 2017]. Отметим также, что Б. Шовин и Д. Херман, помимо включения новых тематик риска, говорят о добавлении новых измерений риска и о расширении перечня суждений для оценки в качестве ключевых направлений развития психометрической парадигмы [Chauvin, Hermand, 2008]. В качестве примера можно назвать работу [Bassararak, Pfister, Böhm, 2017], где к традиционным добавляются суждения, характеризующие публичную «обсуждаемость» риска, а также моральный аспект тех или иных опасностей (впрочем, последние оказались тесно связаны с измерением «страх»).

Наша цель состояла в том, чтобы предложить перевод «ядра» методики — ключевых суждений, использовавшихся представителями психометрической парадигмы с момента ее возникновения» (см. табл. 1), и апробировать его на отечественной выборке. Результаты апробации можно считать удовлетворительными, если будет обнаружена традиционная двухфакторная структура, подобная обычно выявляемым измерениям «неизвестность» и «страх». Эмпирически это, как минимум, означает, что суждения, традиционно относящиеся к одному измерению, будут иметь более высокие корреляции друг с другом, чем с суждениями, отнесенными к другому измерению.

Методика

Для оценки рисков использовались 11 стандартных для психометрической парадигмы характеристик риска, в табл. 1 они выделены полужирным шрифтом. Каждый риск оценивался по этим характеристикам по семибалльной шкале.

Поскольку речь идет в большей степени об апробации методики в российском контексте, было решено ограничить перечень предъявляемых рисков. Для отбора в качестве базы использовался перечень из работы [Мечитов, Ребрик, 1990]. Одновременно перечень был дополнен за счет высокорейтинговых рисков, выявленных по результатам исследования [Rodionova et al., 2009]. Из 68 элементов итогового перечня с помощью датчика случайных чисел были отобраны следующие риски.

1. Асбестовая пыль.
2. Война.
3. Катание на роликах, роликовых досках.

4. Курение.
5. Микроволновые печи.
6. Окрашивание волос.
7. Опасность ядерной войны.
8. Пожары в зданиях.
9. Преступность.
10. Ручное огнестрельное оружие.
11. Терроризм.
12. Финансово-экономический кризис.

Таким образом, каждый респондент оценивал указанные риски по 11 стандартным шкалам психометрической парадигмы. Кроме того, задавались вопросы о поле, возрасте и об образовании респондента, а также о приблизительном времени, затраченном на заполнение анкеты и оценку того, насколько респонденту понравилось ее заполнять (5-балльная шкала и вариант «затрудняюсь ответить»). В заключительном блоке была возможность оставить текстовый комментарий по анкете.

Данные

Респондентами стали 83 студента НИУ ВШЭ (среди них — 65 девушек, средний возраст всех отвечавших — 19 лет 8 месяцев ($SD = 3.0$)). Для сбора данных использовалась печатная анкета. Участники исследования получали опросник для самостоятельного заполнения. Все респонденты были слушателями курса лекций автора настоящей статьи, в качестве вознаграждения они получали дополнительный балл к накопленной оценке за курс.

В целях минимизации эффекта переноса было подготовлено несколько анкет — с разным порядком предъявления рисков.

Результаты

Как и ожидалось, заполнение анкеты было сопряжено с трудностями, прежде всего, связанными с длительностью потраченного на это времени и с однотипными вопросами. На это указывали сами отвечавшие в комментариях. Показательно также, что только 3 респондента (4 %) оценили, что им «очень понравилось» (5 баллов) заполнение анкеты, а средний балл составил 2,9 ($SD = 0,8$). Кроме того, среднее время заполнения анкеты (самооценка) составило 45 минут ($SD = 26,7$), а максимальное значение — 3 часа. Это косвенно свидетельствует о том, что значительное увеличение числа оцениваемых рисков — как в традиционных исследованиях — существенно бы увеличило трудоемкость заполнения анкеты.

Как отмечалось выше, традиционно для психометрической парадигмы интересны поиск связей между суждениями и поиск факторов, определяющих пространство восприятия риска. Здесь существует два подхода.

Первый подход предполагает обработку агрегированных по респондентам (чаще всего используется просто усреднение) оценок риска, то есть анализ матрицы данных вида «риск — характеристика» [Slovic, 1987]. Матрица, полученная в результате проведенного опроса, представлена в табл. 3. Она позволяет, в частности, сделать вывод, что самые «недобровольные» виды риска — это терроризм, ядерная война, пожары в зданиях; наиболее «новые» риски связаны с микро-

волновыми печами, ядерной войной и проч. Разумеется, изучение пространства восприятия рисков в меньшей степени предполагает рассмотрение этих частных оценок. Вместо этого, как правило, подобная матрица «риск — характеристика» выступает в качестве основы для проведения факторного анализа, результатом его применения обычно становятся два ключевых измерения — «неизвестность» и «страх». К сожалению, в нашем случае на агрегированном уровне проведение факторного анализа недопустимо главным образом по причине недостаточного числа наблюдений (12 рисков) [Mundfrom, Shaw, Lu Ke, 2005], поэтому мы ограничились поиском корреляций. Для вычисления корреляций использовалось программное обеспечение IBM SPSS Statistics. Поскольку средние значения в матрице «риск — характеристика» можно трактовать как измеренные по интервальной шкале, мы использовали коэффициент корреляции Пирсона для оценки величины связи между характеристиками.

Таблица 3. Средние оценки рисков по суждениям

Риск	Недобровольность риска	Отложенность воздействия	Неизвестность людям	Неизвестность науке	Неконтролируемость	Новизна	Катастрофичность	Страх	Смертельные последствия	Отсутствие превентивного контроля	Невозможность снижения риска
Асбестовая пыль	5,0	5,7	5,2	2,7	3,5	3,2	2,3	3,1	3,9	3,1	3,4
Война	6,0	3,0	2,8	1,7	4,4	1,4	6,0	5,6	6,1	3,3	4,1
Катание на роликах, роликовых досках	1,8	5,0	2,3	2,3	1,4	2,6	3,1	1,6	1,9	2,2	2,0
Курение	1,4	6,6	1,5	1,3	2,0	1,8	1,3	1,4	4,3	2,2	2,6
Микроволновые печи	2,5	6,0	4,4	2,7	1,9	4,8	1,9	1,5	2,3	2,1	2,5
Окрашивание волос	1,4	5,9	3,3	2,4	1,7	3,8	2,2	1,5	1,8	1,6	2,2
Опасность ядерной войны	6,6	2,0	3,7	2,3	6,2	4,1	6,2	6,0	6,7	3,5	5,5
Пожары в зданиях	6,3	3,3	2,6	1,5	2,7	1,4	5,7	4,4	5,1	2,5	3,1
Преступность	6,1	3,4	3,1	1,8	3,7	1,5	4,2	4,1	4,5	3,8	3,3
Ручное огнестрельное оружие	4,6	2,4	2,8	2,0	3,6	2,3	4,8	4,3	5,4	2,5	3,6
Терроризм	6,7	1,9	3,2	2,5	5,0	3,1	6,7	5,8	6,2	4,0	5,0
Финансово-экономический кризис	6,1	6,1	4,0	2,2	3,1	2,6	2,4	2,6	2,1	3,6	2,2

Второй подход к анализу данных исходит из того, что использование лишь агрегированных значений не позволяет видеть значительную вариацию оценок на индивидуальном уровне [Marris et al., 1997]. Чтобы преодолеть это ограничение, на индивидуальном уровне К. Маррис и коллеги вычисляли усредненные коэффициенты корреляции (то есть анализировали матрицу вида «респондент — характеристика» для каждого риска в отдельности, а полученные коэффициенты корреляции⁴ далее усредняли). Это позволило авторам сделать вывод, что, хотя структура связей соответствует паттерну, обнаруженному на агрегированном уровне, однако при учете индивидуальных вариаций наблюдаются значительно более низкие значения корреляций [там же]. По нашему мнению, использование в качестве меры связи среднего значения корреляции — спорное решение, не позволяющее видеть тот факт, что для одного риска корреляция может оказаться низкой, а для другого — высокой. В связи с этим, помимо вычисления среднего значения коэффициента корреляции, мы использовали показатель «количество статистически значимых связей». Его мы вычисляли следующим образом.

1. Построение матрицы корреляций между характеристиками для каждого риска. В каждой ячейке коэффициент отражался при одновременном выполнении следующих условий:
  - значение r по модулю больше 0,3, что говорит о наличии хотя бы слабой связи между оценками;
  - статистическая (двусторонняя) значимость меньше 0,05.
2. Вычисление количества статистически значимых коэффициентов корреляции, обнаруженных на предыдущем шаге, для каждого сочетания характеристик. Иными словами, значение для отдельного сочетания равно 12 в случае, если при оценке всех 12 рассмотренных рисков наблюдалась хотя бы слабая связь между этими характеристиками, статистически значимо отличающаяся от 0, что позволяет говорить об универсальности связи.

Указанные корреляции на агрегированном уровне, а также средние коэффициенты корреляции и количество значимых связей на индивидуальном уровне представлены в табл. 4. В целом у нас отсутствуют доказательства того, что обнаруженные нами корреляции не являются ложными. В то же время более чем тридцатилетняя история психометрической парадигмы свидетельствует о том, что суждения (характеристики) выбраны в первую очередь на основании содержательных соображений, а обнаруживаемые латентные факторы поддаются однозначной интерпретации. Следовательно, у нас есть основания оставить за пределами рассмотрения настоящей статьи вопрос о наличии неких иных переменных, обуславливающих выявляемые связи, то есть не проверять гипотезу о наличии ложных корреляций.

⁴ Отметим, что на индивидуальном уровне каждая характеристика измерена по порядковой шкале, так как использовалась семибальная шкала. В связи с этим было бы более корректно применять ранговые коэффициенты корреляции. Однако для сохранения единообразия и имея в виду обширную дискуссию о применимости разных коэффициентов корреляции для порядковых шкал [Norman, 2010], мы также использовали коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 4. Связь между суждениями психометрической парадигмы на агрегированном и индивидуальном уровнях

Фактор	Неизвестность				Страх						
	Новизна	Отложенность воздействия	Неизвестность людям	Неизвестность науке	Неконтролируемость	Недобровольность	Катастрофичность	Страх	Смертельные последствия	Отсутствие превентивного контроля	Невозможность снижения риска
Новизна	—	0,2 -0,1 (1)	0,6* 0,2 (1)	0,8** 0,3 (5)	0,0 0,1 (0)	-0,3 0,0 (0)	-0,2 0,0 (2)	-0,2 0,0 (1)	-0,3 0,0 (0)	-0,2 0,1 (0)	0,1 0,0 (0)
	0,2 -0,1 (1)	—	0,1 0,0 (0)	0,1 0,0 (0)	-0,8** -0,1 (0)	-0,7** -0,1 (2)	-1,0** -0,4 (7)	-0,9** -0,2 (3)	-0,8** -0,2 (3)	-0,5 0,0 (0)	-0,8** -0,1 (2)
Отложенность воздействия	0,6* 0,2 (1)	0,1 0,0 (0)	—	0,8** 0,3 (7)	0,2 0,1 (2)	0,3 0,1 (2)	-0,1 0,1 (0)	0,0 0,1 (2)	-0,2 0,1 (0)	0,2 0,1 (0)	0,1 0,0 (1)
	0,8** 0,3 (5)	0,1 0,0 (0)	0,8** 0,3 (7)	—	0,1 0,1 (0)	0,0 0,0 (0)	-0,2 0,0 (0)	-0,1 0,1 (2)	-0,3 0,0 (0)	0,0 0,0 (0)	0,1 0,0 (1)
Неизвестность людям	0,0 0,1 (0)	-0,8** -0,1 (0)	0,2 0,1 (2)	0,1 0,1 (0)	—	0,8** 0,1 (1)	0,8** 0,1 (0)	0,9** 0,1 (1)	0,8** 0,1 (1)	0,8** 0,2 (3)	1,0** 0,2 (2)
	-0,3 0,0 (0)	-0,7** -0,1 (2)	0,3 0,1 (2)	0,0 0,0 (0)	0,8** 0,1 (1)	—	0,8** 0,1 (0)	0,9** 0,1 (3)	0,7* 0,0 (0)	0,9** 0,1 (1)	0,7* 0,1 (0)
Неизвестность науке	-0,2 0,0 (2)	-1,0** -0,4 (7)	-0,1 0,1 (0)	-0,2 0,0 (0)	0,8** 0,1 (0)	0,8** 0,1 (0)	—	0,9** 0,2 (4)	0,8** 0,2 (2)	0,6 0,0 (0)	0,8** 0,1 (1)
	-0,2 0,0 (1)	-0,9** -0,2 (3)	0,0 0,1 (2)	-0,1 0,1 (2)	0,9** 0,1 (1)	0,9** 0,1 (3)	0,9** 0,2 (4)	—	0,9** 0,2 (2)	0,7** 0,1 (0)	0,9** 0,2 (2)
Страх	-0,3 0,0 (0)	-0,8** -0,2 (3)	-0,2 0,1 (0)	-0,3 0,0 (0)	0,8** 0,1 (1)	0,1 (1) 0,7*	0,8** 0,2 (2)	0,9** 0,2 (2)	—	0,6 0,0 (1)	0,9** 0,2 (0)
	-0,2 0,1 (0)	-0,5 0,0 (0)	0,2 0,1 (0)	0,0 0,0 (0)	0,8** 0,2 (3)	0,2 (3) 0,9**	0,6 0,0 (0)	0,7** 0,1 (0)	0,6 0,0 (1)	—	0,6* 0,2 (1)
Смертельные последствия	0,1 0,0 (0)	-0,8** -0,1 (2)	0,1 0,0 (1)	0,1 0,0 (1)	1,0** 0,2 (2)	0,2 (2) 0,7*	0,8** 0,1 (1)	0,9** 0,2 (2)	0,9** 0,2 (0)	0,6* 0,2 (1)	—
	-0,2 0,1 (0)	-0,5 0,0 (0)	0,2 0,1 (0)	0,0 0,0 (0)	0,8** 0,2 (3)	0,2 (3) 0,9**	0,6 0,0 (0)	0,7** 0,1 (0)	0,6 0,0 (1)	—	0,6* 0,2 (1)
Отсутствие превентивного контроля	0,1 0,0 (0)	-0,8** -0,1 (2)	0,1 0,0 (1)	0,1 0,0 (1)	1,0** 0,2 (2)	0,2 (2) 0,7*	0,8** 0,1 (1)	0,9** 0,2 (2)	0,9** 0,2 (0)	0,6* 0,2 (1)	—
	0,1 0,0 (0)	-0,8** -0,1 (2)	0,1 0,0 (1)	0,1 0,0 (1)	1,0** 0,2 (2)	0,2 (2) 0,7*	0,8** 0,1 (1)	0,9** 0,2 (2)	0,9** 0,2 (0)	0,6* 0,2 (1)	—

Примечания.

Отнесение суждений к измерению «неизвестность» и «страх» произведено на основании предшествующих исследований [Slovic, 2000: 97, 142].

В первой строке каждой ячейки указана корреляция на агрегированном уровне, во второй строке — среднее значение коэффициента корреляции на индивидуальном уровне, а в скобках — количество статистически значимых коэффициентов по 12 наблюдениям (рискам).

* — статистическая значимость на уровне 0,05, ** — на уровне 0,01.

Как можно удостовериться, что имеющиеся данные соответствуют двухфакторной структуре, если проведение факторного анализа невозможно? Вероятно, одним индикатором будет специфический паттерн корреляций. Чтобы не противоречить двухфакторной структуре, суждения, относящиеся к одному фактору,

должны быть более тесно скоррелированными, чем суждения из разных факторов. На агрегированном уровне мы имеем следующую картину: суждения, относящиеся к фактору «неизвестность» («новизна», «отложенность воздействия», «неизвестность людям» и «неизвестность науке»), в среднем коррелируют друг с другом на уровне $r = 0,45$ (самая высокая корреляция между «новизной» и «неизвестностью» науке ($r = 0,83$), самая низкая — между «отложенностью воздействия» и «неизвестностью» науке ($r = 0,12$)), тогда как суждения, традиционно относимые к фактору «страх», связаны в среднем на уровне $r = 0,8$. Одновременно среднее значение корреляции между суждениями, соответствующими разным факторам, составляет $r = 0,33$. Иными словами, наши данные на агрегированном уровне не противоречат двухфакторной структуре, обнаруживаемой в рамках психометрической парадигмы. Впрочем, между суждениями, соответствующими разным факторам, зачастую наблюдаются очень высокие корреляции, что противоречит нашим ожиданиям, например, между «отложенностью воздействия» и «катастрофичностью» имеется связь на уровне $r = 0,97$.

Другой возможный способ показать соответствие имеющихся данных двухфакторной структуре — это проведение кластерного анализа на данных, представленных в табл. 3, где в качестве объектов кластеризации будут выступать суждения (характеристики рисков). По результатам иерархического кластерного анализа (метод внутригрупповых связей, мера — квадрат расстояния Евклида) мы получили следующее трехкластерное решение (дендрограмма отображена на рис. 1):

- кластер 1: «отложенность воздействия»;
- кластер 2: «новизна», «неизвестность людям» и «неизвестность науке»;
- кластер 3: «неконтролируемость», «недобровольность риска», «катастрофичность», «страшный», «смертельные последствия», «отсутствие превентивного контроля» и «невозможность снижения риска».

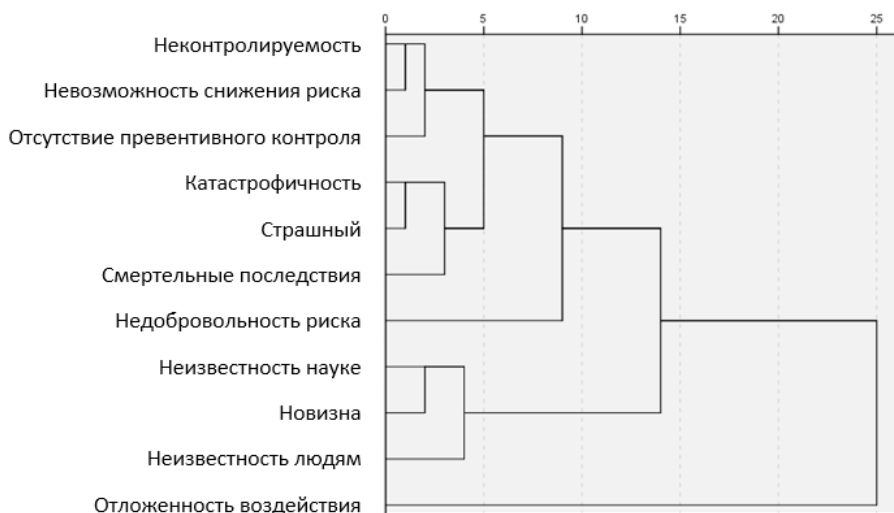

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа характеристик риска

Нетрудно заметить, что третий кластер включает все суждения, относимые к фактору «страх» в психометрической парадигме, а второй — все суждения, соответствующие фактору «неизвестность», за исключением «отложенности воздействия». Таким образом, данные на агрегированном уровне скорее соответствуют двухфакторному паттерну, традиционно выявляемому в исследованиях парадигмы.

Анализ на индивидуальном уровне осложняется прежде всего тем, что здесь наблюдаются гораздо более низкие корреляции по сравнению с агрегированным уровнем. Среднее значение средних корреляций составляет всего 0,10. Среднее значение для суждений, относящихся к фактору «страх», составляет 0,12, для суждений из фактора «неизвестность» — 0,14, тогда как средний показатель между группами суждений из разных факторов — 0,08. Иными словами, хотя средние чрезвычайно невелики, имеется паттерн, не противоречащий двухфакторной структуре.

В качестве альтернативного подхода на индивидуальном уровне возможен подсчет числа статистически значимых корреляций. Результаты следующие. Суждения, относящиеся к фактору «неизвестность», в среднем имеют 2,3 значимые корреляции — напомним, это очень низкий показатель, так как он варьируется от 0 до 12, где максимум наблюдается, если для каждого из 12 рисков имеется значимая ($p < 0,05$) связь на уровне не менее $r = 0,3$. Суждения, относящиеся к фактору «страх», в среднем имеют 1,2 значимые корреляции, тогда как суждения, попарно принадлежащие к разным факторам, имеют 1,1 значимую корреляцию. Иными словами, здесь наблюдается тот же паттерн, что и на агрегированном уровне, но сами связи чрезвычайно слабы.

Итак, если мы примем предположение о соответствии наших данных двухфакторной структуре, то можем отразить 12 рисков в двумерном пространстве. Поскольку вклады каждого суждения в соответствующий фактор на наших данных неизвестны, мы предположили, что их веса равны между собой. Таким образом, положение риска на оси «неизвестность» определяется средним значением по всем четырем суждениям («новизна», «отложенность воздействия», «неизвестность людям» и «неизвестность науке»), а на оси «страх» — по всем остальным⁵. Результаты отображения рисков в двумерном пространстве представлены на рис. 2. Примечательно, что самыми неизвестными рисками стали микроволновые печи и асбестовая пыль, самыми известными — война и пожары в зданиях. Что касается измерения «страх», то наибольшие значения по нему получили опасность ядерной войны и терроризм, а наименьшие — курение, катание на роликах, окрашивание волос и микроволновые печи. Судя по всему, именно измерение «страх» дифференцирует добровольные и недобровольные риски, так как именно первые предположительно не вызывают большого страха. Этот результат очень важен, поскольку еще на заре социальных исследований риска авторами отмечалось принципиальное различие между добровольными и недобровольными рисками [Starr, 1969].

⁵ Поскольку суждения, относящиеся к каждому фактору, положительно коррелируют друг с другом на агрегированном уровне, перекодирование суждений перед усреднением значений не требуется.

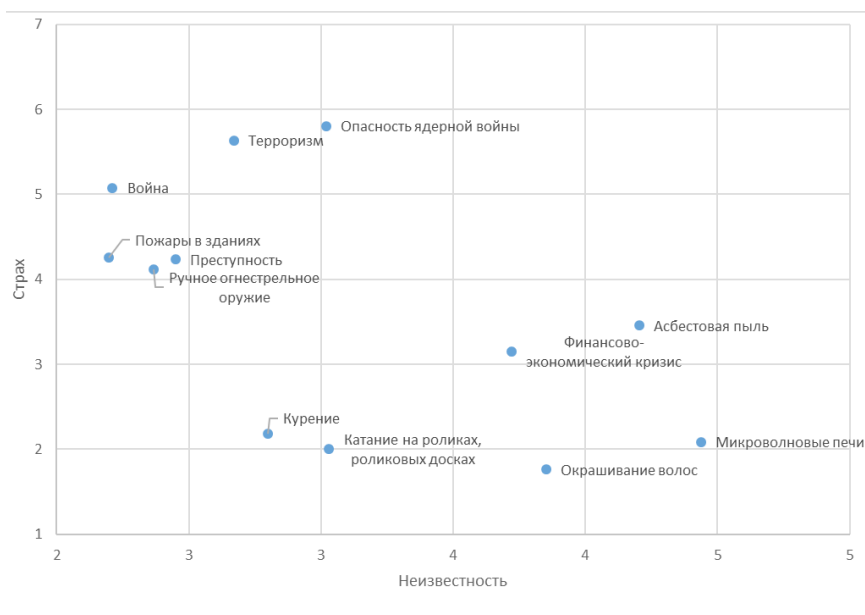

Рис. 2. Положение рисков относительно измерений «страх» и «неизвестность»

Заключение

Результаты апробации методики психометрической парадигмы на отечественной выборке показывают, что в целом наши данные, будучи основанными на обнаруженных корреляциях, не противоречат двухфакторной структуре, выявленной в зарубежных исследованиях. Расположение рисков в двумерном пространстве, реализованное по упрощенной методике, интуитивно понятно и ожидаемо. Прежде всего, измерение «страх» позволило отделить добровольные риски (курение, катание на роликах и др.), воспринимаемые как менее страшные, от всех остальных. Что касается измерения «неизвестность», то самыми неизвестными стали такие риски, как микроволновые печи, асбестовая пыль и окрашивание волос. Это, по-видимому, отражает недостаточную информированность опрошенных студентов относительно негативных эффектов данных объектов и действий. Впрочем, гомогенность выборки не позволяет проверить гипотезу о влиянии образования на оценку рисков по предложенным шкалам.

В то же время сделать более четкие выводы, в частности основываясь на классическом для такого рода работ факторном анализе, мешает перечень из всего 12 рисков. Это обстоятельство определяет перспективы работы над темой. Во-первых, требуется радикальное расширение перечня оцениваемых рисков хотя бы до 40—50. Во-вторых, желательно увеличить объем выборки, особенно если планируется анализ данных на индивидуальном уровне. При этом первый шаг существенно усложнит заполнение анкеты, а значит, наращивание объема выборки станет заведомо труднодостижимой задачей. Усложнение анкеты также делает практически невозможным проведение онлайн-опроса, по крайней мере, если респондентам не будет предложено значительного вознаграждения.

Иными словами, речь должна идти не только о переводе методики на русский язык, но и об адаптации дизайна исследования к сегодняшним реалиям в самом широком смысле слова. Должны быть минимизированы временные затраты респондентов на проведение опроса, рассмотрена возможность проведения онлайн-опроса, актуализирован перечень предъявляемых рисков и проч. Один из многообещающих примеров такой адаптации — опрос, проведенный в Чили Бронфманом и Сифуэнтесом, когда опросник был разбит на несколько составных, так что респонденты оценивали весь набор рисков только по части суждений [Bronfman, Cifuentes, 2003]. Как результат, существенно сократилось время заполнения анкеты, следовательно, появилась возможность использовать выборку, репрезентирующую население Сантьяго. Не исключено, что такой подход можно применить и для проведения онлайн-опроса. Впрочем, у такого решения имеются и недостатки, ключевой из них — ограниченные возможности по анализу данных на индивидуальном уровне, поскольку здесь каждый респондент оценивает риски только по части характеристик.

Указанные меры (расширение перечня предъявляемых рисков, увеличение выборки, адаптация дизайна) предполагается реализовать в будущих исследованиях. Настоящая публикация в этом смысле — лишь первый шаг на пути к более широкому применению психометрической парадигмы в русскоязычной среде. В частности, предстоит узнать, в какой мере пространство восприятия риска, выявленного по результатам опроса в России, соответствует тому, что было обнаружено в зарубежных исследованиях. В целом движение в данном направлении позволит включиться в дискурс о возможностях психометрической парадигмы и ее совершенствовании. Среди потенциально интересных вопросов — возможность добавления новых измерений восприятия риска [Bassarak, Pfister, Böhm, 2017] и применение методологии для изучения новых типов рисков, например киберрисков [van Schaik et al., 2017].

Список литературы (References)

- Бызов А. А. Шкала правого авторитаризма личности: оценка психометрических свойств на примере студенческой выборки // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2017. № 45. С. 72—102.
- Byzov A. A. (2017) Right-Wing Authoritarianism: the Estimation of the Scale's Psychometric Qualities on a College Student Sample. *Sotsiologiya 4M (Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling)*. Vol. 45. P. 72—102. (In Russ.)
- Быков А. В. Метод факторных виньеток и шкала самооценки альтруизма: сравнение онлайн- и офлайн-опросов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 39. С. 62—98.
- Bykov A. V. (2014) Factorial Vignettes Method and Self-Report Altruism Scale: Comparison of Online- and Offline-Surveys. *Sotsiologiya 4M (Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling)*. No. 39. P. 62—98. (In Russ.)
- Гаврилов К. А. Ответственность как аспект восприятия риска: возможность эмпирического изучения // Социология и общество: социальное неравенство и соци-

альная справедливость (Екатеринбург, 19—21 окт. 2016 г.): мат-лы V Всеросс. социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 2659—2667.

Gavrilov K. A. (2016) Responsibility as a Dimension of Risk Perception: the Potential of Empirical Study. In: Mansurov V. A. (ed.) *Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice (Ekaterinburg, Oct. 19—21, 2016): Materials of the V All-Russian Sociological Congress*. Moscow: Russian Society of Sociologists. P. 2659—2667. (In Russ.)

Гаврилов К. А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов / отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009.

Gavrilov K. A. (2009) *Sociology of Risk Perception: Experience of Reconstructing Key Approaches* / Mozgovaya A. V. (ed.) Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the RAS. (In Russ.)

Гурвич И. Н., Цветкова Л. А., Антонова Н. А., Ерицын К. Ю. Концептуализация поведения риска с позиций психологической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2014. Вып. 3. С. 113—120.

Gurvich I. N., Tsvetkova L. A., Antonova N. A., Yeritsyan K. Yu. (2014) Conceptualization of Risk Behavior in Psychological Science. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 3. Vol. 3. P. 113—120. (In Russ.)

Иванов А. В. Социальные теории восприятия риска в сравнительной перспективе // Поволжский торгово-экономический журнал. 2012. № 6 (28). С. 98—108.

Ivanov A. V. (2012) Social Theories of Risk Perception in a Comparative Perspective. *Volga Trade and Economic Journal*. No. 6 (28). P. 98—108. (In Russ.)

Мечитов А. И., Ребрик С. Б. Восприятие риска // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 87—95.

Mechitov A. I., Rebrik S. B. (1990) Risk Perception. *Psikhologicheskii Zhurnal*. Vol. 11. No. 3. P. 87—95. (In Russ.)

Непочелович О. В. Психометрическое обоснование опросника «Принятие риска» Э. Вебера, А. Блэис и Н. Бец // Философия и социальные науки. 2014. № 3. С. 63—67.

Nepochelowitch O. V. (2014) Psychometrical Validation of the Risk-Behavior Scale of E. Weber, A. Blais and N. Betz. *Journal of Philosophy and Social Sciences*. No. 3. P. 63—67. (In Russ.)

Al-Rawad M., Khattab A. (2015) Risk Perception in a Developing Country: the Case of Jordan. *International Business Research*. Vol. 8. No. 1. P. 81—96. <http://dx.doi.org/10.5539/ibr.v8n1p81>.

Bassarak C., Pfister H.-R., Böhm G. (2017) Dispute and Morality in the Perception of Societal Risks: Extending the Psychometric Model. *Journal of Risk Research*. Vol. 20 (3). P. 299—325. <http://dx.doi.org/10.1080/13669877.2015.1043571>.

Bronfman N., Cifuentes L. A. (2003) Risk Perception in a Developing Country: the Case of Chile. *Risk Analysis*. Vol. 23. No. 6. P. 1271—1285. <https://doi.org/10.1111/j.0272-4332.2003.00400.x>.

- Cha Y.-J. (2000) Risk Perception in Korea: a Comparison with Japan and the United States. *Journal of Risk Research*. Vol. 3. No. 4. P. 321—332. <https://doi.org/10.1080/13669870050132540>.
- Chauvin B., Hermand D. (2008) Contribution du Paradigme Psychométrique à l'étude de la perception des risques: une revue de la littérature de 1978 à 2005. *L'Année Psychologique*. Vol. 108. P. 343—386.
- Chauvin B., Macri D., Mullet E. (2007) Societal Risk Perception: a 19-country Comparison. *Psihologija Resurselor Umane*. Vol. 5. P. 25—35.
- Chuk-Ling L.J., Tao J. (2003) Perception of Environmental Hazards in Hong Kong Chinese. *Risk Analysis*. Vol. 23. No. 4. P. 669—684. <https://doi.org/10.1111/1539-6924.00346>.
- Fishhoff B., Slovic P., Lichtenstein S., Read S., Combs B. (1978) How Safe is Safe Enough? A Psychometric Study of Attitudes Towards Technological Risks and Benefits. *Policy Sciences*. Vol. 9. P. 127—152. <http://dx.doi.org/10.1007/bf00143739>.
- Fox-Glassman K.T., Weber E. U. (2016) What Makes Risk Acceptable? Revisiting the 1978 Psychological Dimensions of Perceptions of Technological Risks. *Journal of Mathematical Psychology*. Vol. 75. P. 157—169. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jmp.2016.05.003>.
- Goszczyńska M., Tyszka T., Slovic P. (1991) Risk Perception in Poland: a Comparison with Three Other Countries. *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 4. Iss. 3. P. 179—193. <https://doi.org/10.1002/bdm.3960040305>.
- Marris C., Langford I., Saunderson T., O'Riordan T. (1997) Exploring the «Psychometric Paradigm»: Comparisons between Aggregate and Individual Analyses. *Risk Analysis*. Vol. 17. Iss. 3. P. 303—312. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.1997.tb00868.x>.
- Mundfrom D., Shaw D., Lu Ke T. (2005) Minimum Sample Size Recommendations for Conducting Factor Analyses. *International Journal of Testing*. Vol. 5. No. 2. P. 159—168. https://doi.org/10.1207/s15327574ijt0502_4.
- Norman G. (2010) Likert Scales, Levels of Measurement and the «Laws» of Statistics. *Advances in Health Sciences Education: Theory and Practice*. Vol. 15. No. 5. P. 625—632. <https://doi.org/10.1007/s10459-010-9222-y>.
- Ohtsubo H., Yamada Y. (2007) Japanese Public Perceptions of Food-Related Hazards. *Journal of Risk Research*. Vol. 10. No. 6. P. 805—819. <https://doi.org/10.1080/13669870701342777>.
- Rodionova N., Vinsonneau G., Rivièrè S., Mullet E. (2009) Societal Risk Perception in Present Day Russia. *Human and Ecological Risk Assessment: an International Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 388—400. <https://doi.org/10.1080/10807030902761486>.
- Savadori L., Rumiati R., Bonini N. (1998) Expertise and Regional Differences in Risk Perception: the Case of Italy. *Swiss Journal of Psychology. Schweizerische Zeitschrift für Psychologie: Revue Suisse de Psychologie*. Vol. 57. Iss. 2. P. 101—113.

Siegrist M., Keller C., Kiers H. (2006) Lay People's Perception of Food Hazards: Comparing Aggregated Data and Individual Data. *Appetite*. Vol. 47. Iss. 3. P. 324—332. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2006.05.012>.

Slovic P. (1987) Perception of Risk. *Science*. Vol. 236. Iss. 4799. P. 280—285. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1126/science.3563507>.

Slovic P. (1992) Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm. In: Krinsky S., Golding D. (eds.) *Social Theories of Risk*. L.; N.Y.: Praeger. P. 117—152.

Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. (1985) Characterizing Perceived Risk. In: Kates R. W., Hohenemser C., Kasperson J. (eds.) *Perilous Progress: Managing the Hazards of Technology*. Westview. P. 91—125.

Starr C. (1969) Social Benefit versus Technological Risk. *Science*. Vol. 165. No. 3899 (Sept.). P. 1232—1238. <https://doi.org/10.1126/science.165.3899.1232>.

Van Schaik P., Jeske D., Onibokunc J., Coventry L., Jansene J., Kusev P. (2017) Risk Perceptions of Cyber-Security and Precautionary Behaviour. *Computers in Human Behavior*. Vol. 75. P. 547—559. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.05.038>.

Zinn J. O. (ed.) (2008) *Social Theories of Risk and Uncertainty: an Introduction*. Oxford; Malden: Blackwell Publishing.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.792

Правильная ссылка на статью:

Коротков П. А., Трубянов А. Б., Загайнова Е. А. Частота самоубийств и продолжительность рабочего времени в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 51—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.792>.

For citation:

Korotkov P. A., Trubyanov A. B., Zagaynova E. A. (2020) Suicide rate and working hours in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 51—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.792>.

П. А. Коротков, А. Б. Трубянов, Е. А. Загайнова ЧАСТОТА САМОУБИЙСТВ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ

ЧАСТОТА САМОУБИЙСТВ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ

SUICIDE RATE AND WORKING HOURS IN RUSSIA

КОРОТКОВ Петр Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия

E-MAIL: korotp@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0340-074X>

Peter A. KOROTKOV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

E-MAIL: korotp@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0340-074X>

ТРУБЯНОВ Алексей Борисович — кандидат биологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

E-MAIL: true47@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5432-7231>

Aleksey B. TRUBYANOV² — Cand. Sci. (Biology), Associate Professor

E-MAIL: true47@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5432-7231>

¹ Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia

² Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

ЗАГАЙНОВА Екатерина Андреевна — магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
E-MAIL: e.zagaynova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2342-9355>

Ekaterina A. ZAGAYNOVA³ — Master student
E-MAIL: e.zagaynova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2342-9355>

³ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Аннотация. Исследуется влияние продолжительности рабочего времени работающих по найму на частоту самоубийств на основе панельных данных по субъектам Российской Федерации за период с 2000 по 2017 гг. Гипотеза о существовании параболической (U-образной) связи между частотой самоубийств и продолжительностью рабочего времени работающих по найму статистически подтверждается. С ростом средней фактической продолжительности рабочей недели частота самоубийств снижается, достигая минимума при некотором оптимальном значении рабочего времени, а затем растет. Впервые установлено, что в России с учетом скрытых социально-экономических факторов (безработица, уровень благосостояния и др.) оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели для работающих по найму составляет 37,99 часов; для работающих по найму мужчин — 40,55 часов; для работающих по найму женщин — 35,69 часов. Оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели в России (37,99 часов) близко к европейскому оптимуму (38,72 часа), установленному авторами ранее. Это позволяет сделать вывод об универсальности статистической зависимости частоты самоубийств от продолжительности рабочего времени (по крайней мере в странах с относительно стабильной общественной ситуацией) и открывает возможности по управлению фондом времени в на-

Abstract. Based on panel data collected in the subjects of the Russian Federation from 2000 through 2017, the author examines how the length of employees' working day influences the suicide rate. A hypothesis stating that there is a U-shape relationship between the length of the employees' working time and the suicide rate is proved statistically. With an increase in the average actual weekly working hours the suicide rate decreases, thus reaching its minimum at a certain optimal number of hours, and then starts growing again. The author determines, for the first time, that given that there are hidden socio-economic factors (unemployment, level of well-being, etc.), an optimal number of working hours for individuals working as employed persons in Russia is 37,99 hours per week; 40,55 for the employed men; 35,69 for the employed women. An optimal number of average actual weekly hours in Russia (37,99) is close to the European optimal value (38,72) determined earlier by the authors. This leads to the conclusion that there is a universal statistical correlation between the suicide rate and the length of working time (at least in those countries where the social situation is relatively stable), which in turn opens possibilities to manage time towards an optimal working week in order to reduce the suicide rate influenced by routine activities to a minimum.

правлении оптимума продолжительности рабочей недели для снижения частоты самоубийств под влиянием повседневности до минимума.

Ключевые слова: частота самоубийств, рабочее время, повседневная жизнь, панельная регрессия

Keywords: suicide rate, working time, everyday life, panel regression

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00830.

Acknowledgments. The study is funded by Russian Foundation for Basic Research, research project No. 19-010-00830.

Постановка проблемы

Данная работа продолжает исследования связи между самоубийством как социальным явлением и использованием времени населением в повседневной жизни, отражающим социально-экономические условия.

Ранее в результате эконометрического анализа панельных данных для 22 европейских стран была установлена *U*-образная зависимость частоты самоубийств от средней фактической продолжительности рабочего времени работающих по найму [Коротков, Загайнова, 2017]. Оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели в европейских странах, найденное в виде решения на минимум уравнения параболической модели панельной регрессии со случайными эффектами, составило 38,72 часа.

В основе установленной статистической связи частоты самоубийств с продолжительностью рабочего времени лежит конфликт разнонаправленных тенденций, одну из которых составляет актуальная потребность человека, а другую — тенденция, препятствующая ее удовлетворению [Коротков, Загайнова, 2019]. В повседневной жизни работающие по найму испытывают типичский конфликт «работа — остальная жизнь», или «рабочее — внерабочее время». Работающие по найму должны трудиться, «отчуждать» свой труд, чтобы жить. Работа, выступая средством жизни, одновременно является для нее препятствием, ибо жизнь начинается только тогда, когда трудовая деятельность прекращается. Действительно, увеличение продолжительности рабочего времени пропорционально сокращает внерабочее время, необходимое для удовлетворения большинства актуальных потребностей. Кроме того, увеличение рабочего времени повышает вероятность конфликтов в профессиональной сфере, что также может мотивировать суицидальное поведение. Вместе с тем избыток внерабочего (или недостаток рабочего) времени вызывает неудовлетворенность и переживание дисбаланса жизненных сфер, поскольку работа помогает структурировать время [Моспан и др., 2016: 11]. В тяжелые периоды неструктурированного времени человек испытывает скуку или тревогу. Негативные переживания скуки или тревоги становятся одной из причин самоубийства [Юрьева, 2006]. По сведениям Всемирной организации здраво-

охранения, в 1,5 % случаев ведущей причиной суицидов является «пресыщенность жизнью» (скука, разочарование жизнью). Таким образом, избыток, равно как и недостаток рабочего времени, могут приводить к увеличению частоты самоубийств.

Однако экстраполировать полученные численные результаты на Российскую Федерацию (далее — РФ) преждевременно. Действительно, анализ связи между частотой самоубийств и использованием времени в личной жизни (в сферах быта и досуга) в странах с относительно стабильной общественной ситуацией показал, что в России и европейских странах значимые факторы самоубийства различаются [Коротков, Загайнова, 2019]. В России доминируют специфические факторы риска самоубийства — избыточный сон и затраты времени на бездеятельный отдых и уход за домом. В то время как в странах Организации экономического сотрудничества и развития значимый вклад в изменчивость частоты самоубийств вносят только факторы снижения риска самоубийства.

Таким образом, нельзя исключать национальные особенности связи частоты самоубийств с продолжительностью рабочего времени работающих по найму. Требуется дополнительное исследование с использованием современных методов эконометрического анализа для оценки и уточнения этой связи в РФ.

Основная гипотеза — между частотой самоубийств и продолжительностью рабочего времени работающих по найму независимо от пола существует корреляционная параболическая (*U*-образная) связь, предполагающая наличие оптимума рабочего времени, при котором наблюдается минимальное значение частоты самоубийств.

Дополнительная проверяющая гипотеза — временной диапазон рабочих часов, включающий оптимум рабочего времени, является «переломным». В «переломном» диапазоне с ростом доли занятого населения, отработавшего рабочие часы, частота самоубийств снижается, а в неоптимальных диапазонах до и после «переломного» — имеет другой знак, то есть растет.

Источники и данные

Источник данных о смертности от внешних причин, включая самоубийство, и бюджете времени населения РФ в региональном разрезе за 2000—2017 гг. — Росстат¹.

Зависимые переменные $Y_{all\ i,t}$, $Y_{male\ i,t}$, $Y_{female\ i,t}$ — частота самоубийств мужчин и женщин (всего), мужчин, женщин в трудоспособном возрасте на 100 000 населения в *i*-ом субъекте РФ в период *t*; независимые переменные $X_{all\ i,t}$, $X_{male\ i,t}$, $X_{female\ i,t}$ — средняя фактическая продолжительность рабочей недели занятого населения в возрасте 15—72 лет, работающих по найму мужчин и женщин (всего) в возрасте 15—72 лет, работающих по найму мужчин в возрасте 15—72 лет, работающих по найму женщин в возрасте 15—72 лет в *i*-ом субъекте РФ в период *t*. Дополнительно используются переменные, характеризующие структуру занятого населения (%) в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе в принятых диапазонах — менее 9, 9—15, 16—20, 21—30, 31—40, 41—50, 51 и более часов, мужчины и женщины (всего), мужчины, женщины.

¹ Росстат. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.06.2019).

Исходные данные представлены как по укрупненным регионам (например, Архангельская область), так и более детально до укрупнения регионов (например, Архангельская область без Ненецкого автономного округа, Ненецкий автономный округ и др.). При этом данные о частоте самоубийств для регионов до укрупнения доступны лишь с 2005 г. В связи с этим в анализе используются панельные данные в рамках текущего административно-территориального деления субъектов РФ, то есть по укрупненным регионам. Из панели исключаются некоторые республики Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Чечня) из-за ненадежной статистики, а также Республика Крым и г. Севастополь из-за ее отсутствия.

Динамика переменных, усредненных во времени, демонстрирует неуклонное снижение частоты самоубийств с 2000 г. Высказываются обоснованные сомнения в достоверности статистики самоубийств на фоне высокого значения блока причин смерти «Повреждения с неопределенными намерениями» (ПНН) [Юмагузин, Винник, 2019]. Эту причину называют «резервуаром» латентных самоубийств и особенно убийств [Иванова и др., 2013; Andreev et al., 2015]. Перераспределение смертей от ПНН в пользу самоубийств с использованием средней структуры внешних причин смерти без учета ПНН в России приводит к изменению (увеличению) частоты самоубийств, но тенденция снижения сохраняется.

Для уменьшения асимметрии распределения переменных $Y_{all\ i,t}$, $Y_{male\ i,t}$, $Y_{female\ i,t}$ в дальнейшем анализе используются их логарифмы $y_{all\ i,t}$, $y_{male\ i,t}$, $y_{female\ i,t}$. Переменные $X_{all\ i,t}$, $X_{male\ i,t}$, $X_{female\ i,t}$ также логарифмируются.

Анализ динамических характеристик данных с использованием панельных тестов на единичный корень и стационарность [Пелипась, Чубрик, 2007: 74] показывает, что $X_{all\ i,t}$, $X_{male\ i,t}$, $X_{female\ i,t}$ являются стационарными переменными с порядком интегрированности $I(0)$ в спецификации с индивидуальными эффектами, а $y_{all\ i,t}$, $y_{male\ i,t}$, $y_{female\ i,t}$ — стационарными переменными с порядком интегрированности $I(0)$ в спецификации с индивидуальными эффектами и линейными трендами. Единый порядок интегрированности обеспечивает сбалансированность уравнений регрессии.

Методы исследования

Для анализа связи частоты самоубийств со средней фактической продолжительностью рабочей недели применяется методология эконометрического анализа панельных данных, использованная при изучении связи частоты самоубийств со средней фактической продолжительностью рабочей недели в европейских странах [Коротков, Загайнова, 2017].

Отличие заключается в том, что вместо модели для средних значений используется более современная авторегрессионная модель с распределенным лагом ARDL [EViews 11..., 2019: 1026], реализующая метод объединенных среднегрупповых оценок. При этом концепция коинтеграции не используется, поскольку данные имеют порядок интегрированности $I(0)$.

Использование панельных данных позволяет более полно учесть влияние на частоту самоубийств неучтенных социально-экономических факторов (безработицы, в том числе скрытой, уровня экономического благосостояния и др.), вводя в модель панельной регрессии индивидуальные эффекты для каждого субъекта РФ [Балаш, 2002: 16].

На первом шаге строится модель панельной регрессии со случайными эффектами вида:

$$y_{i,t} = \mu + \beta_1 x_{i,t} + \beta_2 x_{i,t}^2 + u_i + \varepsilon_{i,t}, \quad (1)$$

где $y_{i,t}$ — зависимая переменная (логарифм частоты самоубийств населения в трудоспособном возрасте на 100 000 населения в i -ом субъекте РФ в период t);

$x_{i,t}$ — независимая переменная (логарифм средней фактической продолжительности рабочей недели занятого населения в возрасте 15—72 лет в статусе работающих по найму в i -ом субъекте РФ в период t);

$x_{i,t}^2$ — «квадрат» независимой переменной;

μ — свободный член;

u_i — индивидуальные эффекты, которые рассматриваются как случайные величины, не зависящие от времени и некоррелированные с остатками $\varepsilon_{i,t}$, имеющие нулевое условное (по объясняющим переменным) математическое ожидание и дисперсию σ_u^2 .

Модель случайных эффектов оценивается при помощи обобщенного метода наименьших квадратов (ОМНК), а для дисперсии случайных индивидуальных эффектов и дисперсии остатков используются оценки Swamy–Aroga. Оценки модели случайных эффектов являются наиболее эффективными, поскольку учитывают как изменение частоты самоубийств внутри одного региона, так и ее различие между регионами.

На втором шаге строится авторегрессионная модель с распределенным лагом ARDL, реализующая метод объединенных среднегрупповых оценок вида:

$$\Delta y_{i,t} = \theta_i (y_{i,t-1} + \beta_1 x_{i,t-1} + \beta_2 x_{i,t-1}^2) + \sum_{j=1}^{m-1} \lambda_{i,j} \Delta y_{i,t-j} + \sum_{j=1}^{m-1} \phi_{i,j} \Delta x_{i,t-j} + \sum_{j=1}^{m-1} \gamma_{i,j} \Delta x_{i,t-j}^2 + \mu_i + u_i, \quad (2)$$

где β_1, β_2 — параметры долгосрочной связи;

θ_i — коэффициент обратной связи, характеризующий скорость восстановления равновесного состояния;

выражение в скобках при коэффициенте θ_i — механизм корректировки равновесия (ЕСМ);

$\lambda_{i,j}, \phi_{i,j}, \gamma_{i,j}$ — коэффициенты краткосрочной связи;

$$\Delta y_{i,t-j} = y_{i,t} - y_{i,t-j}, \quad \Delta x_{i,t-j} = x_{i,t} - x_{i,t-j}, \quad \Delta x_{i,t}^2 = x_{i,t}^2 - x_{i,t-j}^2;$$

μ_i — константы;

$u_{i,t}$ — остатки уравнения регрессии.

Параметры долгосрочной связи одинаковы для всех субъектов РФ, включенных в панель, а все коэффициенты краткосрочной и обратной связи могут варьироваться по субъектам РФ. Оценки коэффициентов являются состоятельными и асимптотически нормальными как для переменных с порядком интегрированности $I(1)$, так и $I(0)$ [Пелипась, Чубрик, 2007: 80].

Спецификация всех моделей панельной регрессии — параболическая, то есть в качестве независимых переменных рассматриваются $x_{all\ i,t}$, $x_{male\ i,t}$, $x_{female\ i,t}$ и их

«квадраты» $x_{all\ i,t}^2$, $x_{male\ i,t}^2$, $x_{female\ i,t}^2$. Все расчеты осуществляются в эконометрическом пакете EViews 11.

На третьем шаге отбираются значимые модели панельной регрессии. Предпочтение отдается панельной регрессии со случайными эффектами как более эффективной.

На четвертом шаге анализируется направление связи между частотой самоубийств и средней фактической продолжительностью рабочей недели работающих по найму при помощи теста Грейнджера [Granger, 1969] для пар переменных с использованием уравнений вида:

$$\Delta y_{i,t} = \lambda_1 \Delta y_{i,t-1} + \varphi_1 \Delta x_{i,t-1} + \gamma_1 \Delta x_{i,t-1}^2 + \varepsilon_{i,t}, \quad (3a)$$

$$\Delta x_{i,t} = \lambda_2 \Delta y_{i,t-1} + \varphi_2 \Delta x_{i,t-1} + \gamma_2 \Delta x_{i,t-1}^2 + \varepsilon_{i,t}, \quad (3б)$$

где $\Delta y_{i,t}$, $\Delta x_{i,t}$, $\Delta x_{i,t}^2$ — абсолютные приросты изучаемых переменных;

$\varepsilon_{i,t}$ — остатки регрессии;

$\lambda_1, \lambda_2, \varphi_1, \varphi_2, \gamma_1, \gamma_2$ — коэффициенты регрессий. Количество лагов может варьироваться.

Если в уравнении (3б) $\lambda_2 \neq 0$, то переменная $x_{i,t}$ является слабо экзогенной по отношению к переменной $y_{i,t}$. Если $\lambda_2 = 0$, то $x_{i,t}$ является сильно экзогенной по отношению к $y_{i,t}$. Если $\varphi_1, \gamma_1, \lambda_2 \neq 0$, то между $y_{i,t}$ и $x_{i,t}$ существует взаимосвязь.

Поскольку уравнения (3а, б) содержат лаги зависимой переменной, что может приводить к смещению оценок, то оценивание параметров уравнений производится с помощью обобщенного метода моментов (GMM/DPD), учитывающего динамическую структуру панельных данных [EViews 11..., 2019: 1039].

На пятом шаге рассчитываются оптимальные значения средней фактической продолжительности рабочей недели работающих по найму. Оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели может быть найдено в виде решения на минимум уравнения панельной регрессии по формуле:

$$x_{i,t}^{(optimus)} = \frac{-\beta_1}{2 \cdot \beta_2}, \quad (4)$$

где $x_{i,t}^{(optimus)}$ — оптимальная средняя фактическая продолжительность рабочей недели занятого населения в возрасте 15—72 лет, работающие по найму, при котором достигается минимальное значение частоты самоубийств в трудоспособном возрасте на 100 000 населения;

β_1 — коэффициент при переменной $x_{i,t}$,

β_2 — коэффициент при переменной $x_{i,t}^2$ в уравнении панельной регрессии.

Дополнительная гипотеза о наличии «переломного» диапазона проверяется путем визуального анализа диаграмм рассеяния «частота самоубийств — структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе».

Результаты и обсуждение

модель для работающих по найму мужчин и женщин (всего) специфицировать не удалось. Остальные модели статистически значимы и дают близкие результаты. Далее рассматриваются модели панельной регрессии со случайными эффектами.

Уравнение панельной регрессии со случайными эффектами для работающих по найму мужчин и женщин (всего):

$$\hat{y}_{all,i,t} = 861,93 - 472,3x_{all,i,t} + 64,97x_{all,i,t}^2 \quad (5)$$

Уравнение панельной регрессии со случайными эффектами для работающих по найму мужчин:

$$\hat{y}_{male,i,t} = 654,93 - 351,81x_{male,i,t} + 47,54x_{male,i,t}^2 \quad (6)$$

Уравнение панельной регрессии со случайными эффектами для работающих по найму женщин:

$$\hat{y}_{female,i,t} = 220,07 - 122,06x_{female,i,t} + 17,08x_{female,i,t}^2 \quad (7)$$

Все модели статистически значимы, а знаки при коэффициентах регрессии имеют ожидаемые знаки (ветви параболы направлены вверх). Тест Хаусмана не отвергает нулевую гипотезу о некоррелированности объясняющих переменных и случайных эффектов для каждой модели.

Таким образом, основная гипотеза о существовании корреляционной параболической (*U*-образной) связи между частотой самоубийств и средней фактической продолжительностью рабочей недели работающих по найму независимо от пола статистически подтверждается.

Результаты направления связи между зависимыми и независимыми переменными представлены в таблице 1.

Таблица 1. Анализ направления связи между переменными

Переменные	Уравнение 3а		Уравнение 3б	
	коэффициент	<i>p</i> -значение	коэффициент	<i>p</i> -значение
$\Delta y_{all,i,t-1}$	1,03	0,000	0,003	0,000
$\Delta x_{all,i,t-1}$	-35,68	0,000	-13,20	0,000
$\Delta x_{all,i,t-1}^2$	4,90	0,000	1,80	0,000
$\Delta y_{male,i,t-1}$	0,78	0,000	-0,0018	0,137
$\Delta x_{male,i,t-1}$	38,19	0,015	27,32	0,000
$\Delta x_{male,i,t-1}^2$	-5,24	0,015	-3,73	0,000
$\Delta y_{male,i,t-2}$	0,29	0,000	0,0025	0,000

Переменные	Уравнение 3а		Уравнение 3б	
	коэффициент	p-значение	коэффициент	p-значение
$\Delta x_{male\ i,t-2}$	144,09	0,000	10,88	0,000
$\Delta x_{male\ i,t-2}^2$	-19,57	0,000	-1,49	0,000
$\Delta y_{female\ i,t-1}$	0,32	0,000	0,003	0,000
$\Delta x_{female\ i,t-1}$	-265,03	0,000	-29,37	0,000
$\Delta x_{female\ i,t-1}^2$	37,36	0,000	4,09	0,000

Полученные оценки формально свидетельствуют о наличии взаимосвязи между частотой самоубийств и средней фактической продолжительностью рабочей недели работающих по найму. Соответственно, зависимости (5—7) между изучаемыми переменными являются корреляционными, но не детерминационными.

Вместе с тем регрессионные модели (5—7) не являются моделями «черного ящика». Параболическая связь частоты самоубийств со средней фактической продолжительностью рабочей недели работающих по найму имеет предметное обоснование и подтверждается известными фактами: «каро-хисацу» (самоубийство от переработки) и самоубийство от пресыщенности жизнью. Кроме того, значения коэффициентов при переменных $\Delta y_{all\ i,t-1}$, $\Delta y_{male\ i,t-2}$, $\Delta y_{female\ i,t-1}$ в уравнении 3б пренебрежительно малы, то есть эти переменные вносят ничтожный вклад в среднюю фактическую продолжительность рабочей недели работающих по найму.

Из уравнений (5—7) по формуле (4) получаем оптимальные значения средней фактической продолжительности рабочей недели работающих по найму: $x_{all\ i,t}^{(optimus)} = 37,99$ часов для мужчин и женщин, $x_{male\ i,t}^{(optimus)} = 40,55$ часов для мужчин, $x_{female\ i,t}^{(optimus)} = 35,69$ часов для женщин.

Оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели работающих по найму мужчин и женщин $x_{all\ i,t}^{(optimus)}$ в России, равное 37,99 часов, близко к оптимуму рабочей недели в европейских странах — 38,72 часа [Коротков, Загайнова, 2017]. При этом $x_{all\ i,t}^{(optimus)}$ укладывается в диапазон 35—40 часов, который, по опросам жителей европейских стран, соответствует оптимальному режиму работы [Boniwel, Osin, 2015: 86].

Гендерные различия в оптимуме рабочей недели, по-видимому, объясняются тем, что работающие по найму женщины работают в среднем меньше мужчин на 2,9 часа в неделю. При этом оптимум для работающих по найму мужчин немного вышел за пределы указанного режима работы 35—40 часов.

В российской градации полученные оптимальные значения рабочей недели для работающих по найму мужчин и женщин (всего), женщин относятся к диапазону 31—40 часов. Для работающих по найму мужчин оптимум рабочей недели балансирует между диапазонами 31—40 часов и 41—50 часов. Анализ диаграмм рассеяния «частота самоубийств — структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе» (см. рис. 1) показал, что диапазон 31—40 часов действительно является «переломным».

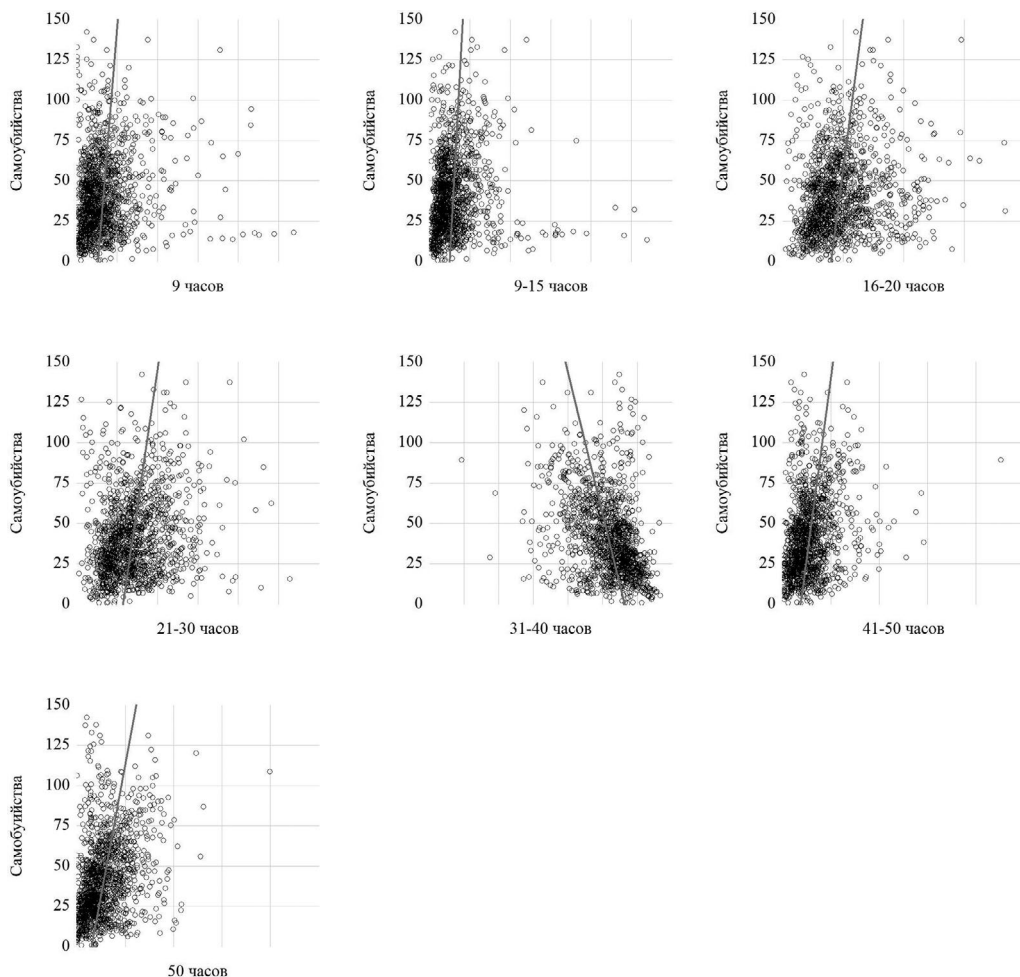

Рис. 1. Диаграммы рассеяния «частота самоубийств — структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе»

С ростом доли занятых мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше, отработавших менее 9, 9—15, 16—20, 21—30 часов в неделю, частота самоубийств растет. И только в диапазоне 31—40 часов, содержащем оптимум рабочей недели, с ростом доли занятых мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше частота самоубийств снижается. В следующих диапазонах 41—50 часов и более 50 часов с ростом доли занятых мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше частота самоубийств вновь растет. Это служит дополнительным подтверждением параболической связи частоты самоубийств с рабочим временем. Действительно, чем больше людей работают в неделю меньше или больше оптимума, тем выше частота самоубийств. Для работающих по найму мужчин, женщин в отдельности выводы аналогичные.

Заключение

Гипотеза о существовании корреляционной параболической (*U*-образной) связи частоты самоубийств с продолжительностью рабочего времени получила статистическое подтверждение на российских данных. Теоретическая основа данной связи — типический конфликт «работа — остальная жизнь», или «рабочее — внерабочее время» [Коротков, Загайнова, 2019]. Предметное подтверждение — международный социальный феномен «каро-хисацу» (самоубийство от переработки) [Kawanishi, 2008; Waters, 2017]² и самоубийство от пресыщенности жизнью (негативных переживаний тоски, скуки, разочарования, порождаемых недостатком труда) [Юрьева, 2006].

Показано, что с ростом средней фактической продолжительности рабочей недели частота самоубийств снижается, достигая минимума при некотором оптимальном значении рабочего времени, а затем растет. Впервые установлено, что в России с учетом скрытых социально-экономических факторов (безработица, уровень благосостояния и др.) оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели для работающих по найму мужчин и женщин составляет 37,99 часов; для работающих по найму мужчин — 40,55 часов; для работающих по найму женщин — 35,69 часов.

Использование средних значений может маскировать различия в распределении рабочих часов. Важно, что параболическая (*U*-образная) связь частоты самоубийств с продолжительностью рабочего времени дополнительно подтверждается результатами анализа диаграмм рассеяния «частота самоубийств — структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе». Анализ показал, что только в диапазоне 31—40 часов, содержащем оптимум рабочей недели, с ростом доли занятых мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше частота самоубийств снижается. В остальных — неоптимальных — диапазонах (9—15, 16—20, 21—30, 41—50, более 50 отработанных часов в неделю) с ростом доли занятых мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше частота самоубийств растет.

Полученные результаты согласуются с результатами предыдущих исследований авторов [Коротков, Загайнова, 2017]. Оптимальное значение средней фактической продолжительности рабочей недели в России (37,99 часов), при котором наблюдается минимум самоубийств, близко к оптимуму рабочей недели в европейских странах — 38,72 часа. С одной стороны, это позволяет сделать вывод об универсальности статистической зависимости частоты самоубийств от продолжительности рабочего времени, по крайней мере, в странах с относительно стабильной общественной ситуацией. С другой стороны, это открывает возможности по управлению фондом времени в направлении оптимума продолжительности рабочей недели (37,99 часов) для снижения частоты самоубийств от фактора продолжительности рабочего времени (как переработки, так и недоработки) до минимума.

Построенные эконометрические модели представляют особый интерес в контексте возможного перехода России на четырехдневную рабочую неделю, ини-

² См. также: Gorrivett Z. «Death from overwork» is so common in Japan there's even a word for it. But is it physically possible? // BBC Capital. 13 September 2016. URL: <http://www.bbc.com/capital/story/20160912-is-there-such-thing-as-death-from-overwork> (accessed 02.07.2019).

цированного председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым³. При осуществлении данного перехода дискуссионным остается вопрос о продолжительности рабочей недели. Во многих европейских странах принята 35-часовая пятидневная рабочая неделя. Однако, например, в Нидерландах узаконена 29-часовая рабочая неделя, а в Китае норма составляет 60 часов в неделю⁴.

Эконометрическое моделирование с использованием полученных регрессионных уравнений (5—7) позволяет оценить социальный эффект от перехода на новый режим труда, задавая на входе «реперные» значения продолжительности рабочей недели. Так, при 30-часовой рабочей неделе вклад этого фактора в частоту самоубийств мужчин и женщин (всего) в трудоспособном возрасте составит в среднем 7,1 случая на 100 000 человек при прочих неизменных факторах (то есть в социально-экономических реалиях России), при 35-часовой рабочей неделе — 6,2 случая на 100 000 человек, при 40-часовой рабочей неделе — 3,8 случая на 100 000 человек, а при 50 часовой (длинные рабочие часы) — 8,6 случая на 100 000 человек. Учитывая, что медиана частоты самоубийств составляет 29 случаев на 100 000 человек, вклад фактора продолжительности рабочей недели в частоту самоубийств можно считать существенным.

Установленная связь частоты самоубийств с продолжительностью рабочего времени является частным случаем статистической закономерности изменения частоты самоубийств при изменении использования времени в повседневной жизни в сферах труда, быта и досуга. С учетом результатов исследований влияния затрат времени на основные виды повседневной деятельности в сферах быта и досуга на частоту самоубийств [Коротков, Загайнова, 2019] наличие указанной связи позволяет строить более объемные и точные статистические модели зависимости самоубийства от фактора повседневности.

Список литературы (References)

Балаш В. А., Балаш О. С. Модели линейной регрессии для панельных данных : учебное пособие. М. : МЭСИ, 2002. 65 с.

Balash V. A., Balash O. S. (2002) The models of linear regression for panel data: a tutorial. 65 P. (In Russ.)

Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Семенова В. Г., Запорожченко В. Г., Землянова Е. В., Никитина С. Ю. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30> (дата обращения: 12.09.2019).

Ivanova A. E., Sabgayda T. P., Semenova V. G., Zaporozhchenko V. G., Zemlyanova E. V., Nikitina S. Yu. (2013) Factors of Distortion of Structure of Causes of Death of Able-bodied Population of Russia. *Social Aspects of Health of the Population*. No. 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30> (accessed 12.09.2019). (In Russ.)

³ Медведев увязал переход на четырехдневку с ситуацией в экономике // РИА Новости. 13.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190913/1558658063.html> (дата обращения: 13.09.2019).

⁴ Посчитаем трудовни. Во что отольется идея четырехдневной рабочей недели // Коммерсантъ. 02.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4073647> (дата обращения: 13.09.2019).

Коротков П. А., Загайнова Е. А. Взаимосвязь уровня распространенности самоубийств и продолжительности рабочего времени // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 4. С. 41—53. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-4-41-53>

Korotkov P. A., Zagaynova E. A. (2017) Interrelation between the prevalence rate of suicides and the length of working hours. *Statistics and Economics*. Vol. 14. No. 4. P. 41—53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-4-41-53>

Коротков П. А., Загайнова Е. А. Частота самоубийств и использование времени в сферах быта и досуга // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 106—115. Korotkov P. A., Zagaynova E. A. (2019) Suicide rate and time use in daily life and leisure activities. *Sociological Studies*. No. 1. P. 106—115. (In Russ.)

Моспан А. Н., Осин Е. Н., Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Бобров В. В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 8—29.

Mospan A., Osin E., Ivanova T., Rasskazova E., Bobrov V. (2016) Work–life balance in Russian production enterprise employees. *Organizational Psychology*. Vol. 6. No. 2. P. 8—29. (In Russ.)

Пелипась И., Чубрик А. Рыночные реформы и экономический рост в постсоциалистических странах: результаты эконометрического анализа // ЭКОВЕСТ. 2007. Т. 6. № 1. С. 60—94.

Pelipas I., Chubrik A. (2007) Market Reforms and Economic Growth in the Post-Socialist Countries: Results of the Econometric Analysis. *ECOWEST*. Vol. 6. No. 1. P. 60—64. (In Russ.)

Юмагузин В. В., Винник М. В. Оценка реального уровня убийств и самоубийств в регионах России // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 116—126. Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2019) Assessment of the real rates of homicides and suicides in the regions of Russia // *Sociological Studies*. No. 1. P. 116—126. (In Russ.)

Юрьева Л. Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск : Пороги, 2006. 472 с. Yuryeva L. N. (2006) *Clinical Suisidology*. 472 P. (In Russ.)

Andreev E. M., Shkolnikov V., Pridemore W. A., Nikitina S. Yu. (2015) A Method for Reclassifying Cause of Death in Cases Categorized as «Event of Undetermined Intent». *Population Health Metrics*. No. 13. Article 23. P. 1—25. <https://doi.org/10.1186/s12963-015-0048-y>.

Boniwell I., Osin E. (2015) Beyond time management: Time use, performance, and well-being. *Organizational Psychology*. Vol. 5. No. 3. P. 85—104.

EViews 11. User's Guide II. (2019) IHS Global Inc.

Granger C. W. J. (1969) Investigating Casual Relations by Econometric Methods and Cross-Spectral Methods. *Econometrica*. No. 37. P. 424—438. <https://doi.org/10.2307/1912791>.

Kawanishi Y. (2008) On Karo-Jisatu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? *International Journal of Mental Health*. Vol. 37. No. 1. P. 61—74. <https://doi.org/10.2753/imh0020-7411370104>.

Waters S. (2017) Workplace Suicide and States of Denial: The France Télécom and Foxconn Cases Compared. *Triplec*. Vol. 15. No. 1. P. 191—213. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i1.801>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.717

Правильная ссылка на статью:

Абрамова Н. В. Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников в управление жилищным фондом: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 65—83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.717>.

For citation:

Abramova N. V. (2020) Challenges and prospects for housing reform and the involvement of owners in the housing stock management: a sociological analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 65—83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.717>.

Н. В. Абрамова
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ ЖКХ И ВОВЛЕЧЕНИЯ
СОБСТВЕННИКОВ В УПРАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНЫМ ФОНДОМ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ
ЖКХ И ВОВЛЕЧЕНИЯ СОБСТВЕННИКОВ
В УПРАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНЫМ ФОН-
ДОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR
HOUSING REFORM AND THE INVOLVE-
MENT OF OWNERS IN THE HOUSING
STOCK MANAGEMENT: A SOCIOLOGICAL
ANALYSIS

АБРАМОВА Надежда Владиславовна —
аналитик, Национальный исследова-
тельский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия; препода-
ватель, Государственный академиче-
ский университет гуманитарных наук,
Москва, Россия
E-MAIL: nabramova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3603-3440>

Nadezhda V. ABRAMOVA^{1,2} — Research-
er; Lecturer
E-MAIL: nabramova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3603-3440>

¹ National Research University Higher School of Econo-
mics, Moscow, Russia

² State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia

Аннотация. На текущем этапе реформы ЖКХ большую значимость приобретает повышение эффективности работы его институтов, и в связи с этим возникает вопрос о степени вовлеченности жильцов в общественный контроль за управлением дома. В данной статье рассматриваются различные аспекты участия жителей многоквартирных домов в соседских сообществах. Эмпирической базой анализа послужили материалы отчета общероссийского исследования «Осведомленность россиян о реформе ЖКХ», проведенного в 2016 г. ВЦИОМ по заказу Некоммерческого партнерства «Национальный центр общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства „ЖКХ Контроль“», а также интервью с активистами многоквартирных домов. Интервью собраны в Москве, Московской, Ленинградской, Калужской областях. Теоретический подход базируется на концепции социального капитала и теории практической вовлеченности Л. Тевено. В процессе исследования было выделено два типа активистов: в новых домах — «социальные инноваторы», а в старых домах — «управдомы». При проведении общих собраний у активистов возникают сложности в мобилизации жильцов, так как они не обладают опытом в сфере гражданской и политической активности. Практики участия жителей в управлении домом находятся в стадии формирования. Активисты действуют в направлении внедрения новых практик, а обыватели не осознают их важность и их влияние на качество жилищно-коммунальных услуг. Возникший разрыв возможно уменьшить через проведение дальнейшей информационной работы Фондом содействия реформированию ЖКХ.

Abstract. Increasing the effectiveness of housing institutions is of the utmost importance at the current stage of the housing reforming. In this regard, a question has arisen as to whether the owners are ready (and to what extent) to be involved in the public control over the house management. The article considers how apartment owners participate in the activities of the neighborhood communities in their multi-storey buildings. The study is based on the report drawn from the nationwide study “Russian awareness of the housing reforms” conducted by VCIOM in 2016 and commissioned by Non-profit Partnership ZhKKh Kontrol (National centre of public control in the housing sector), as well as the interviews with the activists representing multi-storey buildings. The interview data were collected in Moscow, Moscow, Leningrad and Kaluga oblasts. The article employs the concept of social capital and L.Thevenot's pragmatic approach. Two types of activists are singled out: (1) social innovator in new houses, and (2) house manager (upravdom) in old houses. Activists are facing difficulties trying to gather the owners for meetings as they do not have enough experience in civic and political activities. Activist practices are still in their infancy. Activists are eager to introduce new practices, however, common people fail to realize the importance and the impact these practices may have on the quality of housing and utilities sector. The gap can be reduced through further awareness-building efforts by the Housing Reform Assistance Fund.

Ключевые слова: активисты, жилищно-коммунальные услуги, солидарность, совет дома, вовлеченность собственников

Keywords: activists, housing and utilities services, solidarity, house council, involvement of owners

В процессе реформирования жилищно-коммунального хозяйства (отсутствие четких целей, понимания потребностей основных акторов) население сталкивается с проблемами предоставления качественных жилищно-коммунальных услуг (далее ЖКХ) в многоквартирных домах (далее МКД). Это может проявляться как в неудовлетворенности данными услугами, так и в ухудшении благоустроенности жилья в процессе его эксплуатации. На основе исследования Центра общественного контроля по вопросам ЖКХ, проведенного в 2015 г. в субъектах РФ (31 979 обращений), выявлены следующие трудности: проблемы с начислением платы за ЖКУ и управление МКД, низкое качество коммунальных услуг, вопросы по размеру взноса на капитальный ремонт, неудовлетворительное состояние МКД [Разворотнева, 2016]. Эксперты также утверждают, что ухудшение качества услуг ЖКХ приводит к усложнению и росту проблем в жилищной сфере [Агитаев, 2013]. Для повышения качества работы институтов ЖКХ появляется необходимость в увеличении общественного контроля со стороны жильцов.

В связи с этим целесообразно изучение степени вовлеченности жильцов в управление МКД и ожиданий собственников жилья от реформ в сфере ЖКХ. В статье анализируется осведомленность жителей о данной реформе на основе материалов отчета общероссийского исследования «Осведомленность россиян о реформе ЖКХ» за сентябрь 2016 г. (проведенного ВЦИОМ по заказу Некоммерческого партнерства «Национальный центр общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства «ЖКХ Контроль»»). В опросе приняли участие 1600 человек из 46 регионов. Автором статьи было проведено 20 полуструктурированных интервью с активистами МКД. Интервью собраны в Москве, Московской (Долгопрудный, Лобня), Ленинградской (Выборг) и Калужской (Калуга) областях. К активистам многоквартирных домов мы относим участников инициативных групп, старших по дому, членов совета дома.

Реформирование ЖКХ как контекст вовлечения собственников в управление

За последние 20 лет ЖКХ претерпело значительные преобразования, и реформирование продолжается. В соответствии с Жилищным кодексом к настоящему времени имеется три способа управления домами: управляющая компания, товарищество собственников жилья, непосредственное управление. В последние годы в сфере управления МКД при помощи управляющих компаний выявился ряд проблем, таких как низкое качество предоставляемых услуг, задолженность перед ресурсоснабжающими организациями. В поисках решения проблем, связанных с управлением МКД управляющими компаниями, были созданы советы многоквартирного дома. Это относительно новое явление, инициированное принятием статьи 161.1 ЖК РФ. Список членов совета дома утверждается на общем собра-

нии жильцов. Совет дома контролирует качество услуг управляющих компаний и выполнение ими работ по управлению МКД. Общее собрание собственников проводится, чтобы принять совместные решения по наиболее важным вопросам. Именно общее собрание является базовым институтом управления домом.

В процессе реформирования ЖКХ предполагалось, что жильцы будут управлять своими домами на основе ТСЖ и затем через советы дома, но реализация идет медленно из-за возникновения препятствий [Housing..., 2003; Разворотнева, 2016]. Причины могут быть объяснены культурным и социальным контекстом, который был рассмотрен как российскими [Аузан, 2010; Полищук, 2008; Полтерович, 2007; Полищук, Борисова, Пересецкий, 2010], так и зарубежными авторами [Guiso, Sapienza, Zingales, 2010; Tabellini, 2008; Woolcock, Narayan, 2000]. К такому контексту отечественные исследователи относят национальные ценности, коррупцию чиновников, нецелевое использование институтов (создание ТСЖ сотрудниками прежних коммунальных служб), институциональные ловушки, особенности приватизации жилья в России, непрозрачность законодательства. Зарубежные ученые выделяют социальный капитал, доверие, гражданский (civic) капитал, общий институциональный капитал, специфический социальный капитал.

Ресурсный подход и концепция вовлеченности при анализе работы активистов МКД

Для построения теоретической рамки исследования мы обратились к концепции социального капитала, а также к идее практической вовлеченности Л. Тевено [Тевено, 2004]. Советы дома подобны локальным общественным движениям и низовым формам гражданского общества: они создаются для того, чтобы защищать права и интересы жильцов МКД. В России мобилизация жильцов проводится активистами, которые организуют так называемые инициативные группы [Как люди делают себя..., 2010]. В исследовании жильцы были разделены на активистов и обывателей.

В данной работе нас интересуют как структуры, так и социальные субъекты (агенты). В трактовке Э. Гидденса структура — это порождающие правила и ресурсы социального взаимодействия. Структура и деятельность дуальны, так как «структурные свойства социальных систем являются одновременно средством и результатом практик» [Giddens, 1984:107]. И особенно важно, что «состоявшееся в прошлом структурирование ситуаций и интересов заставляет в настоящем одних акторов действовать в направлении трансформации (социальных структур), а других — в направлении их стабильного воспроизводства» [Арчер, 1994:54].

Проведение собрания жильцов, участие в работе совета дома — это социальная инновация, которая требует от жильцов освоения новых практик. И жильцы отличаются по степени готовности участвовать в этих практиках. Фактически речь идет о расслоении по уровню социальной компетентности, когда возможности агентов варьируются в зависимости от их социальных ресурсов. Помимо работ Э. Гидденса ресурсный подход также представлен в работах П. Бурдьё [Бурдьё, 2002], Дж. Коулмана [Коулман, 2001], Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2004], Р. Патнэма [Putnam, 1995]. Так, П. Бурдьё определил социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными

сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» [Бурдые, 2002: 284]. С точки зрения Ф. Фукуямы, «социальный капитал — это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами» [Фукуяма, 2004: 52]. То есть доверие является базисом при формировании социального капитала: «Доверие — это возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общественными нормами» [там же: 52]. В концепции Р. Патнэма в социальный капитал помимо доверия включаются социальные нормы и социальные сети [Putnam, 1995].

Решение о распределении ресурсов в общественном секторе (мест общего пользования) принимаются на собрании жильцов дома через голосование, где выбор осуществляется большинством голосов, если точнее — медианным избирателем [Стиглиц, 1997]. Активисты не являются медианными избирателями, следовательно, если они хотят, чтобы их правила были приняты на общем собрании, они должны провести разъяснительную работу по убеждению медианного избирателя в необходимости тех или иных решений.

В исследовании нас интересует, как устанавливается связь между поведением жильцов и ситуациями, связанными с услугами ЖКХ. Для ответа на исследовательский вопрос мы обратились к прагматической социологии Л. Тевено [Тевено, 2004]. В данной теории нас привлекает идея, рассматривающая многообразие режимов вовлеченности: режим близости, режим планового действия, режим публичности. В случае возникновения «поломки» жители могут переключиться или в режим планового действия, или в режим публичности. Режим близости ограничивается пространством частной квартиры и не распространяется на дом в целом. Мы также применили концепцию солидарности, рассматривая последнюю как моральное явление. Эту линию развивает П. Штомпка: под солидарностью он подразумевает «заботу об интересах других, готовность предпринять действия во имя защиты их интересов, даже в том случае, если это будет идти в разрез с твоими собственными интересами» [Штомпка, 2005:283].

Культурные традиции пользования ЖКХ в МКД

Возникшие при распространении ТСЖ и советов МКД проблемы во многом совпадают с трудностями, появившимися в начале реформы кондоминиумов Эстонии. Это отсутствие интереса к местам общего пользования и чувства общности, различия в социально-экономическом статусе жителей. Встает вопрос, каким образом коллективная забота о местах общего пользования будет реализовываться на практике [Vihavainen, 2009]. В советское время не только общежития, коммунальные квартиры, отдельные квартиры, но и места общего пользования — лестницы, дворы, подвалы, чердаки и т. д., — принадлежали государству: дома обслуживали коммунальные организации (ЖЭК, РЭУ), жители практически не участвовали в этом процессе и не чувствовали ответственности. Если же хоть какой-то опыт коллективной самоорганизации и был в советское время, то он был связан прежде всего с коммунальными квартирами (на уровне квартиры)

и домкомами, жилищно-строительными кооперативами (на уровне дома). Опыт такой самоорганизации был крайне противоречивым и приводил скорее к пассивности жильцов. Поэтому переход от государственного патронажа к коллективной ответственности собственников жилья проходит не беспроблемно.

В советские времена сформировались особые правила по управлению коммунальной квартирой. С одной стороны, власти провозглашали формирование нового быта как способа контроля. С этой целью разрабатывалась система правил бытового поведения, и даже были изданы «Правила внутреннего распорядка», назначались квартирные уполномоченные [Герасимова, 2000]. Однако в реальности в коммунальной квартире шли процессы, противоположные официально заявленной политике. Они описаны, например, в произведениях М. Зоценко и М. Булгакова. Реакция жильцов на стратегии государства были различными. Одни группы жильцов принимали государственные жилищные стратегии и адаптировались к ним, в то же время как другие сопротивлялись. У жильцов формировалось отчуждение к публичному пространству, где пространство «принадлежало всем и никому в отдельности» [Утехин, 2001]. Забота о публичном пространстве проявлялась несколько иначе, чем о своем: «Окна коммунальной квартиры обычно моют раз в году, перед Пасхой (или, иначе, перед майскими праздниками). Но даже в этот день их не моют так тщательно, как их иногда моют в отдельных квартирах и — иногда — в комнатах квартир коммунальных» [там же].

Помимо тактик самоорганизации на уровне коммунальной квартиры были примеры жилищной самоорганизации на уровне дома. В период СССР функционировали домовые комитеты, жилищно-строительные кооперативы, жилищные товарищества. На домовые комитеты советская власть также возлагала надежды при формировании нового быта, но и здесь идея не была воплощена. Одной из причин были сложности при проведении общественной дискуссии в товариществах, что ярко показано в фильме Э. Рязанова «Гараж». Кроме того, жилищные товарищества и кооперативы были не очень распространены в советский период. К 1990 г. было 14 тыс. жилищных кооперативов, их доля в жилищном фонде составляла всего 4 % [Страйк, 1994]. Жилищно-коммунальными услугами управляло преимущественно государство. Отчасти равнодушное отношение жильцов к общедомовым пространствам можно объяснить и особенностями менталитета, сформированного под государственным влиянием [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005].

Неготовность собственников взять контроль и управление в свои руки связана со сложностью мобилизации жильцов [Доклад о состоянии..., 2010]. Благодаря взаимосвязям между активистами создается объединение (инициативная группа) для проведения общего собрания. Однако для достижения кворума на собрании необходимо возникновение доверия остальных жильцов к деятельности активистов [Putnam et al., 1993]. Яркие примеры нежелания обывателей взять управление в свои руки приводят исследователи в Москве [Борисова, 2014], в Ростове-на-Дону и Азове [Ермишина, Клименко, 2010]. Так, в Ростове-на-Дону большинство жителей считают, что забота о состоянии МКД является прерогативой городских и федеральных властей, и только 6,5 % готовы

принять участие в управлении домом [там же]. Финские исследователи полагают, что проблема плохого распространения ТСЖ в России связана с пассивностью и «советским менталитетом» людей и с институциональными препятствиями и недостатками в законодательстве [Vihavainen, 2009]. Такое явление, характеризующееся гражданской пассивностью людей, получило название «городское молчание» [Myllylä, 2001].

Что же еще может затруднять активное участие жильцов в решении вопросов, связанных с их домом? Для ответа на этот вопрос мы обратились к результатам опроса населения России, проведенного осенью 2007 г. [Мерсиянова, Якобсон, 2007]. В исследовании выделяются четыре ключевые причины. Первая причина — это неверие в возможности влиять на принятие решений. Вторая — индивидуализм. На третьем месте недостаток времени. На четвертом — низкое доверие властям всех уровней. Помимо этого, влияют недостаток знаний и некомпетентность. В опросе в Ростове-на-Дону [Ермишина, Клименко, 2010] были названы следующие факторы: низкая заинтересованность жильцов, сложности с мобилизацией, недоверие остальных жильцов к активистам — управленцам ТСЖ.

Как показывает опрос населения России, жильцы не верят в возможность влиять на принятие решений [Мерсиянова, Якобсон, 2007]. Ряд исследователей отмечают наличие разрыва между представлением о том, на каких принципах могло бы строиться российское общество (закон и мораль), и тем, какие принципы в обществе существуют (коррупция, личная выгода) [Патрушев, 2006]. И при анализе поправок в ЖК РФ можно отметить, что они нацелены скорее на усиление государственного (муниципального) присутствия в этой сфере и на ослабление роли собрания собственников [Генцлер, Прокофьев, 2017].

Жильцы выступают как потребители коммунальных услуг, и прежде всего их интересует своя квартира. Но если качество услуг их не удовлетворяет, то возникает необходимость в проведении собрания дома [Micheletti, 2002]. Коллективные действия могут реализоваться путем солидарных действий (проведение собрания дома) в рамках отдельного МКД и направлены на решение вопросов по управлению МКД [Шомина, 2008]. Решение о распределении общественных ресурсов принимается большинством в ходе голосования (собрания МКД): между альтернативами выбирается та, которая набирает большинство голосов. И здесь вступает в действие правило медианного избирателя, так как он определяет уровень расходов на общественные блага [Стиглиц, 1997].

По мнению ряда авторов, что реформирование ЖКХ тормозится «вертикальной схемой общественного договора» [Аузан, 2005; Сидорина, 2007]. Это утверждение находит поддержку и в международном распределении по индексу «гражданского капитала», который ставит Россию в нижнюю квартиль среди 70 стран [Guiso, Sapienza, Zingales, 2015]. Высокая степень централизации экономической и политической жизни в современной России (известная как «вертикальная схема») оставляет мало места для низовой инициативы и самоорганизации, так что в нашей еще только начинается дискуссия о коллективном собственнике в МКД и его поведении. Для того чтобы понять, возникает ли горизонтальный договор, можно проанализировать активность участия жильцов в общих собраниях дома по вопросам, связанным с управлением МКД.

Общая оценка населением качества жилищно-коммунальных услуг и осведомленность о проводимой реформе

При ответе на вопрос «Оцените, как меняется качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг» 20 % респондентов сказали, что качество предоставляемых услуг ухудшилось (см. рис. 1). Однако, встает вопрос о качестве данного вопроса, так как не приводится уточнений, что подразумевается под жилищно-коммунальными услугами.

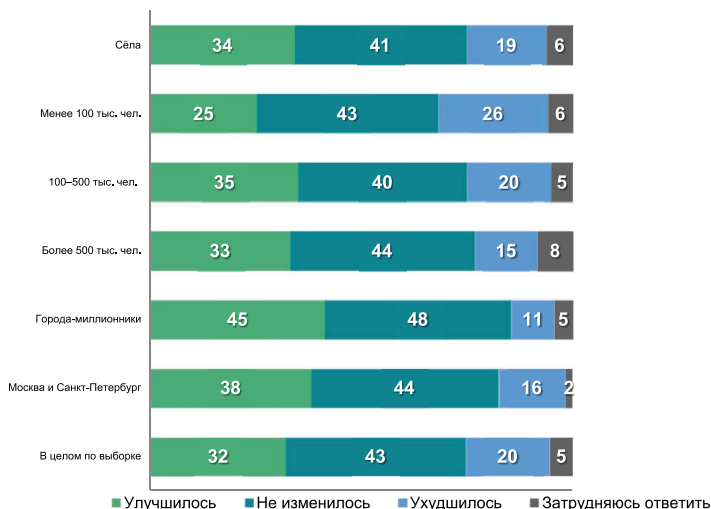

Рис. 1. Оценка качества предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, 2016 г., в %¹

Оценка качества предоставляемых услуг несколько хуже в городах с численностью менее 100 тыс. человек: 26 % считают, что качество услуг ухудшилось.

Несколько настораживает, что респондентам не был задан вопрос о проблемах в качестве предоставляемых ЖКУ: начисление платы за ЖКУ, управление МКД, качество коммунальных услуг, капитальный ремонт, неудовлетворительное состояние МКД.

Ответы респондентов на вопрос «Слышали ли вы о том, что в России сейчас проводится реформа ЖКХ, в рамках которой осуществляется капитальный ремонт многоквартирных домов, применяются энергосберегающие технологии, устанавливаются приборы учета воды, газа и электроэнергии, а жильцы самостоятельно выбирают способ управления многоквартирным домом?», показывают рост информированности населения в отношении данного направления реформы. Повышение информированности произошло дважды: в сентябре 2012 г. с 64 % до 74 %, в марте 2016 г. — до 83 %. Полную неосведомленность продемонстрировали 14 % населения [Осведомленность россиян..., 2016].

Таким образом, можно фиксировать общий высокий уровень осведомленности населения о реализации реформ в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

¹ Источник: [Осведомленность россиян..., 2016].

Население хорошо информировано о введении с 2014 г. обязательных ежемесячных взносов на капитальный ремонт. Так, в 2016 г. 73 % опрошенных сказали, что «хорошо знают об этом» [там же].

Формы участия собственников в управлении многоквартирными домами

Несколько вопросов посвящено выявлению форм участия собственников в управлении МКД. Мы рассмотрим территориальную дифференциацию включенности жителей в формы управления жилой недвижимостью, однако при проведении анализа будем учитывать ограничения выборки. В опросе ВЦИОМ приняло участие 1600 человек, метод исследования — формализованные личные интервью по месту жительства (квартирный опрос), и это может приводить к смещению.

Результаты опроса показывают, что большинство населения следующим образом участвует в проведении реформы: установили в квартире приборы учета вода — 80 %, установили в квартире энергосберегающие лампы и электроприборы — 69 %. То есть жильцы проявили высокую активность в реализации реформы ЖКХ на уровне своей квартиры. А вот если говорить об участии в управлении общим имуществом МКД, то здесь жильцы показали очень низкую активность: участвовали в избрании совета дома 13 %, участвовали в создании ТСЖ — 6 % [там же].

Отсутствие вовлеченности в процесс управления МКД можно объяснить тем, что понятие «частная собственность» в наибольшей степени ассоциируется у россиян с квартирой [Собственность в жизни россиян..., 2005: 4]. И в этом смысле в сознании населения под собственностью понимается квартира, а не дом в целом.

Между тем выявляется разница в форме участия жителей различных населенных пунктов при выборе частной УК. Так, жители городов более 500 тысяч и 100—500 тысяч оказались более активными и заинтересованными в этом вопросе, чем население Москвы и Санкт-Петербурга, городов-миллионников и малых городов. Если в Москве причиной более низкой активности можно назвать монополизацию рынка коммунальных услуг ГБУ «Жилищник», то в других населенных пунктах ее можно объяснить особенностями методики проведения опроса (квартирный опрос). Опрос показал, что население не заинтересовано в управлении общим имуществом МКД во всех типах населенных пунктов (см. табл. 1).

Таблица 1. **Участие россиян в основных направлениях ЖКХ, по типам населенного пункта, 2016, в %***

Форма участия	ВСЕГО	Москва и Санкт-Петербург	1 млн +	Более 500 тыс. чел.	100—500 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	Сёла
Установили в квартире приборы учета воды	80	92	87	88	84	79	68
Установили в квартире энергосберегающие лампы и электроприборы	69	67	68	67	73	69	68
Участвовали в благоустройстве придомовой территории	32	20	34	33	32	31	36

Форма участия	ВСЕГО	Москва и Санкт- Петербург	1 млн +	Более 500 тыс. чел.	100—500 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	Сёла
Участвовали в принятии решения на собрании жильцов о выборе способа формирования фонда капитального ремонта дома	11	7	14	13	12	12	8
Участвовали в принятии решения на собрании жильцов о проведении капитального ремонта дома	8	7	9	5	10	7	8
Участвовали в выборе собственников жилья частной УК	12	10	11	17	16	11	10
Участвовали в избрании Совета дома	13	15	16	17	12	12	11
Участвовали в создании ТСЖ	6	4	3	8	5	7	6
Участвовали в контроле деятельности частной УК	3	4	5	3	3	4	3
Ничего из перечисленного не делал(а)	6	5	5	1	3	7	11

* Источник: [Осведомленность россиян..., 2016].

Результаты опроса показывают, что наибольшую активность в управлении общим имуществом МКД проявляют люди старше 60 лет: участвовали в выборе собственников жилья частной УК — 19%, участвовали в избрании совета дома — 17% (см. табл. 2).

Таблица 2. **Участие россиян в основных направлениях ЖКХ, по возрастным группам, 2016, в %***

Форма участия	ВСЕГО	18— 24 года	25— 34 года	35— 44 года	45— 59 лет	60 и старше
Установили в квартире приборы учета воды	80	80	81	77	81	81
Установили в квартире энергосберегающие лампы и электроприборы	69	59	65	75	73	67
Участвовали в благоустройстве придомовой территории	32	28	28	29	34	37
Участвовали в принятии решения на собрании жильцов о выборе способа формирования фонда капитального ремонта дома	11	11	9	12	11	13
Участвовали в принятии решения на собрании жильцов о проведении капитального ремонта дома	8	6	6	7	8	11

Форма участия	ВСЕГО	18— 24 года	25— 34 года	35— 44 года	45— 59 лет	60 и старше
Участвовали в выборе собственников жилья частной УК	12	4	8	9	14	19
Участвовали в избрании Совета дома	13	8	13	10	14	17
Участвовали в создании ТСЖ	6	2	6	5	5	9
Участвовали в контроле деятельности частной УК	3	0	4	3	3	6
Ничего из перечисленного не делал(а)	6	12	6	7	4	5

* Источник: [Осведомленность россиян..., 2016].

Проблемы и условия солидаризации жителей МКД

Общая характеристика поля. Исследование проведено в Москве, Московской, Ленинградской, Калужской областях: в каждом доме — по два-три интервью, отбирались активисты. В Москве было выбрано два девятиэтажных дома 1980-х годов постройки, с разным количеством квартир от 144 до 162. В одном из домов проводился капитальный ремонт. В Ленинградской области были выбраны две «хрущевки» с количеством квартир от 80 до 90, в Калужской области — две новостройки с количеством квартир 144, в Московской области — две новостройки (17 и 22 этажа) с количеством квартир — 600 и 112.

Фоновая ситуация-контекст. В Ленинградской области ремонт домов и инженерно-технического оборудования в подвальных помещениях почти не проводился. Можно было наблюдать ржавые трубы, запах из подвального помещения. В одном из домов управляющая компания даже отказалась от обслуживания дома. В доме много лиц пенсионного возраста. В Москве дома несколько отличались друг от друга. В одном доме был проведен капитальный ремонт благодаря работе активистов дома. Состав жителей домов по социальным и демографическим характеристикам сильно различался. В Калужской и Московской областях дома были построены с 2007 по 2014 гг., так что состояние в целом было хорошее, но везде были жалобы на частые поломки лифтов. И в домах преобладало молодое население (до 40 лет с маленькими детьми). В одном из домов в Московской области жители сменили управляющую компанию, но через год «старая» УК вернула дом в свое управление. На момент опроса жители обратились в суд о легитимности передачи дома в управление прежней компании, так как предположили, что была фальсификация результатов общего собрания собственников.

В Москве произошла монополизация рынка ГБУ «Жилищник», что привело к огосударствлению рынка коммунальных услуг.

Активисты. Важную роль играет возраст дома, численность жителей и их социально-демографический состав. В домах советского периода («хрущевки» и 1980-х годов) активисты пенсионного возраста. А вот в новых домах возраст активистов в пределах 45 лет. Активисты различаются по своим стратегиям поведения. Так, активистов в новых домах можно отнести к типу «социальных инноваторов»,

а в старых домах — к «управдомам». «Социальных инноваторов» можно отнести к «ресурсоемким», так как у них качественное образование и высокие доходы. Этим людям свойственны следующие характеристики: использование информационных технологий; активное финансовое поведение [Абрамов, Зудина, 2010]. Они быстро осваивают инновации [Rogers, 1995]. Если говорить об их реализации в обществе, то для них важна профессиональная реализация и консюмеризм. При этом у «инноваторов» мало опыта в сфере гражданской и политической активности, а у «управдомов» такой опыт есть: они проводят очные собрания жильцов, размещают объявления на стендах в подъездах. В одном из новых домов помимо молодых активистов в состав совета дома вошла женщина пенсионного возраста, и молодежь отметила ее большую роль в организации собрания жильцов и переговоров с Государственной жилищной инспекцией (ГЖИ).

Активисты также различаются по факторам, влияющим на степень их активности. Так, «социальным инноваторам» свойственны индивидуализм, недостаток времени, низкое доверие властям всех уровней, сложности с мобилизацией, недоверие со стороны остальных жильцов. А «управдомам» — мобилизация жильцов через проведение регулярных собраний, сложности с поиском информации по изменению законодательства в сфере ЖКХ.

Активисты и в старых, и в новых домах первоначально относились к обывателям. Событием, которое приводит к началу процесса их активизации, становятся как нарушения в их финансовом планировании (ошибки в платежных документах), так и конфликты с управляющими компаниями (хамство, незаконные требования, судебные разбирательства, фальсификация собраний управляющими компаниями). Начинается трансформация обывательского фрейма, они переходят из режима близости в режим планового действия. Они начинают искать решение проблемы в интернете, в социальных сетях, в законодательстве. Затем переходят в режим публичности. На этой стадии в новых домах может начинаться обсуждение проблемы с другими жильцами и постепенное формирование инициативной группы. И на этой стадии в малых группах активистов возникают сложности в проведении общественных дискуссий. Затем следуют мероприятия по подготовке к общему собранию.

«Обыватели». Как мы упомянули ранее, поведение активистов несколько различается в новых и старых домах. В поведении «обывателей» также наблюдалась небольшая дифференциация. «Обыватели» ждут, что кто-то другой возьмет ответственность за управление в доме. В новых домах часть «обывателей» пытались решить свои проблемы через обращение в различные инстанции или на сайт «Добродел». В старых домах жильцам больше свойственна стратегия избегания конфликта и лояльности власти, поскольку их прошлый опыт взаимодействия с муниципальными властями не изменил ситуацию в доме. У жильцов в новых домах формальные правила и институты в большинстве случаев не вызывают доверия. Их рассматривают как инструмент поддержки деятельности УК.

Интересно посмотреть, как активные жители «хрущевки» в районном городе отзываются о пассивности большинства своих соседей: *«Всем безразлично, что за порогом у них происходит. Никого ни на что не раскачать»* (Галина, 55 лет, ЛО). Свою пассивность жители описывали следующим образом: «не высовываться», потому что «могут быть проблемы». И получается, что «...народ у нас немножко

не простой, немного дикий еще и запуганный» (Иван, 67 лет, ЛО). Подавляющим «гражданским чувством» районных жителей выступает обывательское поведение.

В Москве активисты в старых домах столкнулись не только с пассивностью жильцов, но и с подозрительностью и недоверием: «Появились слухи, что мы что-то плохое замыслим — «управление захватить», «дом продать» и пр. Дошло даже до жалобы участковому» (Людмила, 62 года, Москва).

Активисты в новостройке также отмечали, что жителей больше интересовали вопросы, связанные с их квартирой, чем с домом в целом: «Многим жителям вообще ничего не интересно. Они просто говорили, что неинтересно, и дверь закрывали. А еще были такие, которые вопросы задавали: про кондиционеры, уборку парковки, площадку для выгула собак, мытье пола в подъезде. Да, много еще чего. Мы им рассказывали, они опять те же вопросы задавали. С некоторыми по часу говорили. Простые вроде вещи, а им было совсем не понятно. Очень тяжело было так много объяснять» (Татьяна, 31 год, МО).

Проблемы солидаризации. К процессам солидаризации мы в первую очередь относим проведение общего собрания дома и работу совета дома и инициативной группы. И проблемы несколько различаются в новых и старых домах. Активисты подготавливались к общему собранию в доме: проводили встречи, расклеивали объявления, организовывали группы в социальных сетях, раздавали листовки. Мероприятия были направлены на создание доверия, предоставление полной информации. Наибольшие сложности при организации общего собрания возникли в доме со значительным числом собственников (600 квартир). В старых домах часть жильцов относились с осторожностью к проведению общего собрания собственников. Во всех домах есть своя оппозиция, то есть несколько жильцов, которые выступают против деятельности любых активистов. Наибольшая солидаризация была в старых домах, где активисты работали много лет и проводились регулярные собрания жильцов — здесь сыграло свою роль то, что многие соседи давно знали друг друга и сложилось определенное доверие между жильцами.

В Калужской области активисты объясняли и необходимость проведения общего собрания в доме: «Много приходилось объяснять. Если совет дома не будет создан, то администрация сама выберет. И совет дома могут создать фиктивный. А если контроля нет, то подъезды превращаются в невесть что. Про совет тоже. Совет же дома — это почти ТСЖ» (Сергей, 31 год, КО).

В новостройке жители охотнее принимали участие в собрании, если у них был негативный опыт с УК: «Встречался и созванивался только с соседями из своего подъезда. Попроще было общаться с теми, кто в доме пожил, кто уже пересекся с нашей УК. У многих были свои претензии к УК, и они готовы были ее сменить. А вот кто не жил в доме, им было сложно что-то объяснить, они же не знают, что в доме то происходит» (Фархад, МО, 52 года).

Солидаризация в «хрущевке» произошла только в самом критическом случае: «Ну, знаете, когда касается лично конкретно каждого, то объединяются. Вот в нашем доме когда крыша на пятом этаже у кого-то течет, то как бы никто не знает. А вот когда делали воду, и там, мы на горке живем, какой-то насос убрали и у нас не текла через колонки вода, мы очень объединились. То есть когда очень конкретно людей касается, они... Это вода. Без воды никак» (Евгения, 48 лет, ЛО).

Индивидуальная проблема не может мобилизовать локальное сообщество. Но как только она становится общей для всего дома, жильцы становятся способны на действия сообща.

Заключение

Реформа ЖКХ — это не только обновление инфраструктуры, реновация и ремонт зданий и технических сооружений, это также изменение направлений финансовых потоков и трансформация форм вовлеченности собственников в управление своим имуществом. В статье проводится критический анализ данных опроса ВЦИОМ по этой проблематике.

Целью проведения опроса ВЦИОМ является мониторинг основных показателей отношения общества к проводимой реформе ЖКХ. В качестве одной из заявленных задач обозначено определение уровня готовности россиян участвовать в мероприятиях в рамках реформы ЖКХ. К сожалению, в опросе не затрагивалась тема проблем в сфере ЖКХ, с которыми сталкивается население на повседневном уровне. В описании результатов опроса говорится, что «в декабре 2016 года доля граждан, принимавших участие в реформе ЖКХ, составила 94 %» [Осведомленность россиян..., 2016]. В связи с этим возникают сомнения относительно качества данного вопроса, поскольку при уточнении форм участия самой распространенной формой участия оказывается установка приборов учета потребления воды — об этом упомянуло около 80 % опрошенных. При этом о проблеме низкой вовлеченности населения в управление домом практически не упоминается, хотя сегодня жилищная политика склоняется к расширению самоуправления и ответственности за свою недвижимость владельцев имущества. Это объяснимо, поскольку таким образом государство переводит недовольство ЖКХ в плоскость отношений между собственниками и поставщиками ресурсов и услуг, а не между жителями и властью. В связи с этим предлагается доработать инструментарий с целью выявления позиции граждан относительно причин их низкого участия в управлении домом и неготовности к инициативам по решению проблем в области ЖКХ на уровне своего дома.

О целесообразности развития системы оценочных исследований в области жилищной политики свидетельствуют данные интервью, проведенных автором статьи. Анализ интервью показал, что в развитии форм самоуправления домом есть определенный потенциал, поскольку активная часть собственников понимает важность участия в делах своего дома и улучшения качества жизни через вовлечение в жизнь соседского сообщества. Следует отметить, что это касается далеко не всех жителей многоквартирных домов — многие жители готовы отдать заботы о доме более активным и компетентным соседям, сведя свое участие к голосованию по принципиальным вопросам. На основе материалов интервью выделено две типологических группы жителей, готовых к более глубокому вовлечению в дела домового хозяйства: активисты пенсионного возраста — в основном образованные пенсионеры, имеющие силы, возможности и время для активной работы на благо своего дома, и более молодые «социальные инноваторы» — инициативные горожане с активной жизненной позицией и пониманием экономических (например, рост стоимости недвижимости) и других выгод от эффективного управления домом.

Данная работа показывает, что в своей деятельности активисты сталкиваются с множеством сложностей. С одной стороны, управляющие компании не заинтересованы в контроле качества предоставляемых услуг и используют различные методы по лоббированию своих интересов: фальсификацию собраний, противодействие принятию невыгодных для них решений (изменение расценок, смену управляющей компании). При этом наша судебная система и работа контролирующих органов (например, ГЖИ) не способствуют тому, чтобы собственники могли контролировать работу управляющих компаний: при проведении собраний УК успешно затягивают решения по их смене на годы с судах, а ГЖИ готова принимать «отписки» УК на жалобы жителей. Иными словами, бюрократическая система управления и контроля над жилищной сферой препятствует повышению подотчетности ресурсоснабжающих и управляющих организаций жителям и советам домов.

С другой стороны, активисты сталкиваются с проблемой отсутствия солидаризации с остальными жильцами — наш анализ показал, что это связано с укоренившимся представлением многих жителей о том, что их ответственность за жилье прекращается за дверью квартиры, а все остальные проблемы должно решать государство. В этой ситуации нужно говорить о необходимости государственной поддержки активистов, а также о важности обмена опытом между активистами разных возрастов. Также следует отдельно изучать работу активистов и распространять «лучшие практики» в этой области.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 134—142. URL: [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6\(100\)_14_Abramov_Zydina.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6(100)_14_Abramov_Zydina.pdf) (дата обращения: 25.03.2020).

Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Social innovators: leisure practices and cultural consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 6. P. 134—142. (In Russ.) URL: [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6\(100\)_14_Abramov_Zydina.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/100/2010_6(100)_14_Abramov_Zydina.pdf) (accessed: 25.03.2020).

Агитаев Е. В. Реформе ЖКХ — 20 лет // Право и инвестиции. 2013. № 1—2. С. 96—103.

Agitaev E. V. (2013) Housing reform — 20 years: what are the results? *Law and investment*. No. 1—2. P. 96—103. (In Russ.)

Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50—68. Archer M. (1994) Realism and morphogenesis. *Sociological Journal*. No. 4. P. 50—68. (In Russ.)

Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3. С. 3—18.

Auzan A. A. (2005) Social contract and civil society. *Universe of Russia*. No. 3. P. 3—18. (In Russ.)

Аузан А. А. Национальные ценности и модернизация. М. : ОГИ, 2010.

Auzan A. A. (2010) National values and modernization. Moscow: OGI. (In Russ.)

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2005) History of Russia: the end or a new beginning? Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

Bourdieu P. (2002) Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. (In Russ.) URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed: 11.02.2020).

Борисова Е. И. Практика работы товариществ собственников жилья в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 177—200.
Borisova E. I. (2014). Homeowners associations in Russia. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 177—200. (In Russ.)

Генцлер И. В., Прокофьев В. Ю. Концептуальные предложения по дальнейшему развитию института управления общим имуществом в многоквартирном доме собственниками такого имущества // Городской альманах. Выпуск 7. 2017. М. : Фонд «Институт экономики города». С. 10—23.

Gentsler I. V., Prokof'ev V. Yu. (2017) Conceptual proposals for the further development of the common property management institute in an apartment building by the owners of such property. In: *Gorodskoj al'manakh*. No. 7. Moscow: Fund Institut ehkonomiki goroda. P. 10—23. (In Russ.)

Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда-Ленинграда, 1917—1991): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Gerasimova E. Yu. (2000) Soviet communal apartment: historical and sociological analysis (based on materials from Petrograd-Leningrad, 1917—1991). St. Petersburg. (In Russ.)

Собственность в жизни россиян: реальность и домыслы // Социологические исследования. 2005. № 11. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-11/property_paper.pdf (дата обращения: 16.03.2020).

Ownership in the life of Russians: reality and conjectures. (2005) *Sociologica IStudies*. No. 11. (In Russ.) URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-11/property_paper.pdf (accessed: 16.03.2020).

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 г. М. : Общественная палата Российской Федерации. 2010. URL: <https://www.oprf.ru/files/Doklad-OPRF-2010.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2010. (2010) Moscow: Public Chamber of Russian Federation. (In Russ.) URL: <https://www.oprf.ru/files/Doklad-OPRF-2010.pdf> (accessed: 16.03.2020).

Ермишина А. В., Клименко Л. В. В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. 2010. Т. 4. № 11. С. 105—136.
Ermishina A. V., Klimenko L. V. (2010) In search of effective owners in an apartment building. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 4. No. 11. P. 105—136. (In Russ.)

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М. : Логос, 2010.

How people make themselves. Ordinary Russians in unusual circumstances: conceptual understanding of eight observed cases. (2010) Ed. by V. A. Yadov, E. N. Danilova, K. Kleman. Moscow: Logos. (In Russ.)

Коулман Д. ж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

Coleman D. (2001) Social capital and human capital. *Social Sciences and Contemporary World Journal*. No. 3. P. 121—139. (In Russ.)

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М. : ГУВШЭ, 2007.

Mersiyanova I. V., Yakobson L. I. (2007) Social activity of the population and citizens' perception of the conditions for the development of civil society. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Осведомленность россиян о реформе ЖКХ. Отчет по результатам исследования для некоммерческого партнерства «Национальный центр общественного контроля в сфере ЖКХ». М. : ВЦИОМ, 2016. URL: http://kapremont02.ru/information/VTSIOM_Fond-ZHKH_Otchet_sentyabr_2016.pdf (дата обращения: 16.04.2019).

Russian awareness of housing and communal services reform. Report on the results of the research for the non-commercial partnership «National Center for Public Oversight of Public Utilities». (2016) Moscow: VCIOM. (In Russ.) URL: http://kapremont02.ru/information/VTSIOM_Fond-ZHKH_Otchet_sentyabr_2016.pdf (accessed: 16.04.2019).

Патрушев С. Проблемы легитимации институциональных изменений и варианты универсализации институционального порядка // Институциональная политология / под ред. С. В. Патрушева. М. : ИС РАН, 2006. С. 532—550.

Patrushev S. (2006) Problems of legitimizing institutional changes and options for universalizing institutional order. In: *Institutional Political Science* / Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: IS RAS. P. 532—550. (In Russ.)

Полищук Л. И. Нецелевое применение институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 38—44.

Polishhuk L. I. (2008) Inappropriate use of institutions: cause and effect. *Economic issues*. No. 8. P. 38—44. (In Russ.)

Полищук Л., Борисова Е., Пересецкий А. Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 115—135.

- Polishhuk L., Borisova E., Peresetskij A. (2010) Collective property management in Russian cities: an economic analysis of homeowners' associations. *Voprosy ekonomiki*. No. 11. P. 115—135. (In Russ.)
- Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М. : Экономика, 2007.
Polterovich V. M. (2007) Elements of Reform Theory. Moscow: Economics. (In Russ.)
- Разворотнева С. В. Мониторинг проблем в сфере ЖКХ // Аналитический вестник. № 1 (600). Актуальные вопросы жилищно-коммунального хозяйства. 2016. С. 25—28.
Razvorotneva S. V. (2016) Monitoring problems in the housing sector. *Analytical Bulletin*. No. 1 (600). Actual issues of housing and communal services. P. 25—28. (In Russ.)
- Сидорина Т. Ю. Социальный контракт и гражданское общество в исторической перспективе // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 5. С. 118—128.
Sidorina T. Yu. (2007) Social contract and civil society in historical perspective. *Economic Bulletin of Rostov State University*. Vol. 5. No. 5. P. 118—128. (In Russ.)
- Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. М. : Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.
Stiglitz J. (1997) Public Sector Economics. Moscow: MSU, INFRA-M. (In Russ.)
- Страйк Р. Дж., Косарева Н. Б. Реформа жилищного сектора России в 1991—1994 гг. М. : Фонд «Институт экономики города», 1994.
Strike R. J., Kosareva N. B. 1994. The reform of the housing sector in Russia in 1991—1994. Moscow: Institute of City Economics. (In Russ.)
- Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 5—14.
Thévenot L. (2004) Science live in this world together. *Neprikosnovennyj zasap*. No. 3. P. 5—14. (In Russ.)
- Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М. : ОГИ, 2001.
Utekhin I. V. (2001) Sketches of communal life. Moscow: OGI. (In Russ.)
- Шомина Е. С. Самоорганизация жителей на локальном уровне // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. Под ред. Л. И. Якобсона. М. : Вершина. 2008. С. 263—289.
Shomina E. S. (2008) Self-organization of residents at the local level. In: Factors of development of civil society and mechanisms of its interaction with the state / Ed. by L. I. Yakobson. Moscow: Verшина. P. 263—289. (In Russ.)
- Штомпка П. Социология. М. : Логос, 2005.
Sztompka P. (2005) Sociology. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, Ермак, 2004.
Fukuyama F. (2004) Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST, Ermak. (In Russ.)

- Giddens A. (1984) *The constitution of society; outline of the theory of structuration*. Berkeley: University of California Press.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2010) Civic Capital as the Missing Link. *NBER Working Paper No. w15845*. <https://doi.org/10.3386/w15845>.
- Housing and Communal Services in Russia: Completing the Transition to a Market Economy. (2003) World Bank. 31 P. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/639381468759274533/pdf/290150English0RU0housing0and0communal.pdf> (accessed: 16.03.2020).
- Micheletti M. (2002) Individualized Collective Action. *Paper for the Nordic Political Science Association's Meeting*. Aalborg. P. 14—17.
- Myllylä S. (2001) *Street Environmentalism. Civic Associations and Environmental Practices in the Urban Governance of Third World Megacities* Tampere University Press, Tampere. URL: <http://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/67064/951-44-5048-5.pdf?sequence=1> (accessed: 16.03.2020).
- Putnam R. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1. P. 65—78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>.
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400820740>.
- Rogers E. M. (1995) *Diffusion of Innovations*. N.Y.: Free Press.
- Tabellini G. (2008) Institutions and Culture. *Journal of the European Economic Association*. No. 6. P. 255—294.
- Vihavainen R. (2009) *Homeowners' Associations in Russia after the 2005 Housing Reform*. Kikimora Publication.
- Woolcock M., Narayan D. (2000) Social capital: Implications for development theory, research, and policy. *World Bank Research Observer*. Vol. 15. No. 2. P. 225—249. <https://doi.org/10.1093/wbro/15.2.225>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.677

Правильная ссылка на статью:

Малышев М. А. Улучшение качества переговорного процесса в системе социального партнерства Российской Федерации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 84—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.677>.

For citation:

Malyshev M. A. (2020) Improving the quality of negotiation process in the social partnerships system in Russia . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 84—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.677>.

М. А. Малышев

УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IMPROVING THE QUALITY OF NEGOTIATION PROCESS IN THE SOCIAL PARTNERSHIPS SYSTEM IN RUSSIA

МАЛЫШЕВ Максим Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: malishev@spa.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4672-6005>

Maksim A. MALYSHEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Faculty of Public Administration

E-MAIL: malishev@spa.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4672-6005>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы улучшения качества переговорного процесса в системе социального партнерства России за счет совершенствования единой

Abstract. The article explores how to improve the negotiation process in the Russian social partnership system by improving a single negotiation campaign at a local level, i.e. at shop-floor level. The

переговорной кампании на локальном уровне социального партнерства — уровне первичной профсоюзной организации. Авторская методология опирается на систему методов, ключевыми из которых являются онлайн-опрос, контент-анализ и фокус-группа с использованием методики Ликерта. В статье впервые обобщен опыт по ведению единой переговорной кампании в субъектах Российской Федерации, оценены действующие механизмы, применяемые в социальной защите интересов трудящихся. Анализ субъективных и объективных факторов позволил выявить, что повышению эффективности единой переговорной кампании препятствует стремление к самостоятельности и независимости ряда лидеров профсоюзных организаций. В негативном секторе оказалась реализация соглашений (региональных и отраслевых). Главное достоинство статьи заключается в том, что в ней указывается на существенную зависимость переговорного процесса от субъективного фактора — профсоюзных лидеров. Важно стимулировать их к ведению комплексной работы в рамках реализации основных принципов переговорной кампании, сосредоточив внимание на увеличении заработной платы, прожиточного минимума и необходимости усиления контроля как со стороны профсоюзов, так и со стороны государственных органов. Развитие профсоюзных лидеров необходимо сосредоточить на получении знаний и практического опыта ведения переговоров, изучении нормативно-правовой базы. Одновременно им необходимо научиться заручаться поддержкой коллектива и со стороны вышестоящих органов. Гармоничное развитие всех элементов переговор-

author employs a set of techniques; the major ones are online survey, content analysis and focus groups using the Likert scale. The article summarizes the experience concerning the introduction of a single negotiation campaign in the subjects of the Russian Federation and provides assessment of the existing mechanisms used to protect the interest of workers. The analysis of subjective and objective factors suggests that the desire of certain trade unions' leaders to be independent largely hampers the effectiveness of a single negotiation campaign. The article highlights that there is a strong dependence between negotiation process and a subjective factor (leaders of trade unions). It is essential to inspire them to make comprehensive efforts in the framework of implementation of the negotiation campaign basic principles with a focus on a salary and minimum wage increase and a need to strengthen control both by trade unions and state bodies. The leaders of trade unions should gain additional skills: they need to obtain practical experience in negotiations and study legislative regulations. Simultaneously, they need to be supported by their team and the superior bodies. To make social partnership in the Russian Federation more effective and productive all these elements should be well balanced.

ного процесса послужит залогом повышения эффективности и результативности социального партнерства в Российской Федерации.

Ключевые слова: переговоры, профсоюз, лидеры, социальная сфера, социальное партнерство, социальный диалог, качество

Keywords: negotiations, leaders, social sphere, social partnership, quality, trade union, social dialogue

Введение

В условиях глобального экономического кризиса, внешнего и внутреннего давления перед российскими компаниями встала проблема повышения конкурентоспособности. Менеджмент организаций ищет пути повышения лояльности и эффективности труда сотрудников российских компаний [Buley et al., 2016]. Сложная социально-экономическая ситуация затрудняет выполнение государством своих обязательств по заботе о гражданах, обеспечению их подходящей работой, созданию благоприятных условий труда и жизнедеятельности. Сами работники нередко оказываются на грани выживания и не желают мириться с унижительным положением, пренебрежением к своим проблемам [Ежемесячный мониторинг..., 2018].

Протесты работников только тогда приобретают силу, когда объединяются центром противодействия (которым нередко выступают профсоюзы) или стремлением совместно решать возникающие проблемы путем ведения цивилизованных переговоров. В современных условиях переговорный процесс — это прежде всего процесс совместного принятия решений, заключающийся в сближении позиции участников переговоров, постепенном преодолении разногласий относительно оптимального пути решения той или иной проблемы.

Одной из технологий эффективного взаимодействия в рамках социального партнерства является единая переговорная кампания (далее ЕПК). Она строится на соблюдении трех принципов: единые сроки, единые действия, единые требования. Соблюдая их, первичные профсоюзные организации могут наиболее эффективно пользоваться консультационно-правовой поддержкой территориальных и отраслевых профсоюзов. Важно добиваться доверия от всех участников переговорного процесса [Rogach, Frolova, Ryabova, 2018].

Ключевые принципы ЕПК были определены постановлением Генерального совета Федерации независимых профсоюзов № 3—3 от 2 октября 2002 г. «Об организации единой кампании по заключению коллективных договоров и соглашений». Аналогичные акты были приняты в российских регионах.

Выработанные единые подходы к согласованным действиям всех уровней профсоюзной системы позволяют упорядочить переговорный процесс в Российской Федерации, консолидировать усилия профсоюзов на достижение большего эффекта в процессе переговоров. Наемные работники, охваченные традиционными формами трудовых отношений, как отмечается в исследованиях, лучше защищены на рынке труда [Precarious Employment..., 2016]. Данные Международной орга-

низации труда показывают, что традиционные трудовые отношения охватывают не более одной четверти работников¹, и это негативно сказывается на повседневной и трудовой жизнедеятельности [Rodgers, 1989], которая может затронуть любых наемных работников [Sciarra, 2004; Schmidt, 2002].

Важные аспекты повышения эффективности переговорного процесса в системе социального партнерства — уровень образования, подготовленность, личностные, лидерские качества профсоюзного лидера. Необходимым условием достижения успеха профсоюзным лидером является непрерывное развитие лидерских качеств [Bronkhorst et al., 2015].

Высокая потребность в повышении эффективности переговорного процесса в системе социального партнерства на локальном уровне и отсутствие готовых рекомендаций по его оптимизации вызвали необходимость проведения данного исследования. Эмпирические данные, а также результаты исследований в сфере социального партнерства [Малышев, 2019; Володин, Малышев, Татарникова, 2015], показывают, что существует ряд проблем по реализации ЕПК: нарушение сроков проведения переговорной кампании; неготовность профсоюзных лидеров вести переговоры; низкий профессионализм профсоюзных кадров, снижающий эффективность переговорного процесса; неготовность работодателей нести расходы, связанные с предоставлением дополнительных прав работникам.

Особенности современного положения заключаются и в том, что переговорный процесс на местах нередко затягивается. Так, в ряде коммерческих компаний собрание акционеров проводится довольно поздно (март-апрель), что, безусловно, влияет на сроки и интенсивность проведения переговорного процесса. Имеются случаи, когда переговорный процесс на местах ведется не два-три месяца, а растягивается до восьми месяцев.

Особенно острой является проблема по упрочнению внутренних горизонтальных связей между членскими организациями, а также налаживание более интенсивного и целенаправленного обмена информацией с федеральным (включая отраслевой) уровнем. Проблему усугубляют слабость представительства работодателей в переговорном процессе, незаинтересованность предпринимателей в создании сильных профсоюзов, сужение правовых норм участия работников в управлении организацией и др.

В целях повышения эффективности ЕПК необходимо более детальное и всестороннее нормативно-правовое и социологическое исследование имеющегося опыта на местах по успешной реализации переговорного процесса на различных уровнях социального партнерства. Вне всякого сомнения, анализ трудностей в проведении ЕПК позволяет избежать многих проблем в формировании цивилизованных партнерских отношений.

Методология исследования

Цель исследования — найти пути повышения эффективности переговорного процесса в системе социального партнерства за счет совершенствования единой

¹ World Employment and Social Outlook. (2015). The Changing Nature of Jobs. *International Labour Organization*. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2015-changing-nature-of-jobs/lang-en/index.htm> (дата обращения: 15.04.2020).

переговорной кампании на локальном уровне социального партнерства — уровне первичной профсоюзной организации.

Основные задачи состоят в том, чтобы на основе анализа документов профсоюзной отчетности, опроса профсоюзных лидеров и профработников:

- 1) обобщить опыт по ведению единой переговорной кампании в субъектах Российской Федерации;
- 2) оценить, в какой мере действующие механизмы ЕПК фактически применяются в социальной защите интересов трудящихся.
- 3) проанализировать субъективные и объективные факторы, препятствующие эффективному проведению ЕПК;
- 4) оценить степень реализации принципов ЕПК на уровне первичной профсоюзной организации.

Исследование проводилось в два этапа. Первый (декабрь 2015 г.— декабрь 2017 г.) — сотрудниками кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова; второй (январь 2018 г.— январь 2019 г.) — фокус-группой экспертов, которая собиралась несколько раз на протяжении года в одном и том же составе.

Гипотеза исследования — успех проведения единой переговорной кампании существенно зависит от реализации на местах конкретных действий сторон социального партнерства по социальной защите интересов трудящихся. При этом созданию более цельной и эффективно управляемой системы социальной защиты способствует формирование социального механизма, защищающего в равной степени интересы социальных партнеров, что возможно через переговорный процесс на различных уровнях социального партнерства.

В исследовании применялась направленная квотная выборка с использованием комплексного метода отбора респондентов, в результате приняли участие 540 человек. Квоты задавались по полу, возрасту, статусу профработников. В состав респондентов вошли: председатели профкомов предприятий, их заместители, профсоюзный актив, а также руководители территориальных организаций объединенных профсоюзов и работники аппарата Центральных комитетов профсоюзов. Выбор данных целевых групп был продиктован необходимостью более полного анализа реализации механизмов ЕПК. Критерием отбора респондентов выступало знание объекта исследования, опыт участия в переговорном процессе.

Географический охват исследования — 19 российских городов: Москва, Иваново, Архангельск, Ижевск, Уфа, Тула, Челябинск, Пермь, Санкт-Петербург, Киров, Кемерово, Реутов, Нижний Новгород, Тюмень, Орел, Самара, Оренбург, Петрозаводск, Саратов.

Основными методами исследования стали анкетный опрос, анализ документов профсоюзной отчетности, фокус-группа. При определении объема выборочной совокупности использовались принципы конструирования средней выборки, а также экспертный анализ. Для сбора и обработки информации применялась методика активного непрерывного мониторинга на базе профсоюзных организаций различных субъектов РФ. Сбор первичной информации осуществлялся методом стандартизированного анкетирования по месту работы и учебы респондентов.

Анкетирование респондентов проводилось анонимно методом самостоятельно-го заполнения анкеты. Выбор данного метода был продиктован минимальным влиянием интервьюера на опрашиваемых и необходимым контролем над формированием группы респондентов.

Эмпирические данные обрабатывались с помощью программ Excel и IBM SPSS Statistics 22, вслед за этим осуществлялся их содержательный анализ. Результаты исследования представлены в виде таблиц и рисунка, которые содержат результаты анализа и статистической обработки полученных данных.

На заключительном этапе исследования фокус-группа при помощи сравнительного анализа с использованием методики Ликерта сопоставляла полученные данные с реальным положением дел по проблеме исследования на начало 2019 г.

Фокус-группа состояла из десяти экспертов из числа отечественных и зарубежных ученых, профессорско-преподавательского состава, представителей бизнес-структур. В распоряжении фокус-группы было оборудование, позволявшее экспертам взаимодействовать друг с другом, находясь на большом удалении, посредством сети Интернет, на общем экране, одновременно отображались комментарии всех десяти экспертов — членов фокус-группы, при соблюдении принципа анонимности.

Результаты

Стратегия проведения единой переговорной кампании требует не только постановки приоритетных целей и задач, но и проведения анализа возможных ресурсов для их обеспечения. Необходимыми ресурсами для успешного проведения ЕПК являются: организационные, информационные, финансовые, материальные, людские, временные, социально-психологические и т. д.

Эффект влияния в ходе проведения ЕПК определяется наличием солидарных действий профсоюзов. Одним из мощных стимулов достижения солидарных действий, безусловно, является соблюдение единых сроков проведения переговорного процесса. Анализ слабых сторон ЕПК показывает, что за 2016 г. наметились определенные позитивные сдвиги по части исполнительской дисциплины на местах по соблюдению намеченных сроков подписания соглашений и коллективных договоров. Вместе с тем были выявлены и слабые стороны, связанные с нежеланием работодателей участвовать в переговорном процессе. Самоустраненность государства от участия в переговорном процессе [Малышев, Малышева, 2017] зачастую создает питательную почву для многочисленных нарушений достигнутых социальными партнерами обязательств, а также законодательно предписанных действий. Какова же на сегодняшний день ситуация, связанная с выполнением принципа ЕПК «единые сроки»?

В ходе опроса респондентов просили оценить соблюдение принципа «единые сроки». Распределение ответов показывает, что примерно каждый третий респондент из числа председателей профсоюзных комитетов присваивает данному принципу максимальный балл (5 баллов). Больше половины респондентов поставили положительные оценки по данной позиции. Кроме того, максимальный балл получили и такие принципы ЕПК, как «единые действия» и «единые требования» (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ степени реализации принципов ЕПК, %

Принципы	Оценка 2016—2017 гг. (баллы)									
	1		2		3		4		5	
Единые сроки	10,3	80,9	21,6	11,2	35,1	28,9	16,5	20,3	15,5	30,7
Единые действия	10,9	50,4	23,8	12,4	26,7	30,8	18,8	19,7	18,8	31,6
Единые требования	12,7	40,1	16,7	11,6	37,3	25,8	60,9	22,5	25,5	35,9
Информационно-пропагандистская поддержка	90,6	40,6	16,3	12,5	40,4	28,1	12,5	30,0	20,2	24,8
Нормативно-правовое обеспечение	90,6	30,3	14,4	90,8	35,6	26,7	15,4	25,1	24,0	35,1
Сила и влияние членских организаций	90,3	60,1	18,6	14,2	44,3	30,0	12,4	24,2	14,4	25,6
Профессионализм кадров	80,8	30,2	17,6	8,5	27,5	26,5	15,7	26,8	28,4	35,0
Взаимодействие членских организаций	80,3	40,7	17,7	13,6	43,8	30,6	13,5	26,2	15,6	24,8
Снижение социальной напряженности	9,0	9,0	20,0	15,6	40,0	27,6	14,0	23,2	16,0	24,6

Интересно отметить, что соблюдение единых сроков переговоров не рассматривается респондентами в качестве приоритетного фактора успешности переговоров. Первое место в оценках занимают «умение отстаивать выдвинутые требования в течение переговоров», «профессионализм и авторитет лиц, участвующих в проведении переговоров», «четкость формирования выдвигаемых требований и предложений». Это говорит о необходимости постоянного развития профсоюзных лидеров, прохождения курсов повышения квалификации, использования различных, в том числе дистанционных форм обучения, обучения онлайн и офлайн [Moore, Pearson, 2017]. Можно предположить, что соблюдение единых сроков для рядовых профработников и профлидеров является основным, но не обязательным принципом проведения переговоров. Это можно объяснить тем, что существенные расхождения в оценках по данной позиции были получены в зависимости от региона, который представляли респонденты. Иными словами, сроки проведения переговорного процесса во многом определяются местными условиями и конкретной позицией самих профсоюзных лидеров. Заметим, что корреляционный анализ не выявил значимую связь между сроками проведения переговорной кампании и степенью социальной напряженности в трудовом коллективе, коэффициент корреляции Пирсона составил 0,028.

Также была установлена незначительная корреляция между степенью взаимодействия членских профорганизаций с вышестоящими профорганами различных уровней и соблюдением сроков единой переговорной кампании. В то же время больше половины респондентов высказались за то, что такое взаимодействие с различной интенсивностью имеет место по всем уровням социального партнерства. Однако за исследуемый период отмечается низкое количество контактов между федеральным уровнем и первичными профсоюзными организациями. По-видимому, причины такой ситуации связаны не только с субъективными,

но и с объективными факторами, обусловленными особенностями профсоюзной структуры. Р. Хайман отмечает зависимость коллективного представительства работников от секторов и профессий [Hуman, 1995].

В ходе исследования также не было выявлено непосредственной зависимости между интенсивностью контактов на различных уровнях социального партнерства и соблюдением сроков переговорной кампании. Однако прослеживается определенная отрицательная зависимость между численностью работников профсоюзной организации и количеством контактов первичной организации с членскими профсоюзными организациями отраслевого и территориального уровней (коэффициент корреляции составил соответственно: $-0,361$, $-0,341$). Так, с уменьшением численности работников первичной организации возрастает число контактов с членскими организациями территориального и отраслевого уровней, и наоборот. Очевидно, что небольшие по численности первичные профсоюзные организации из-за отсутствия необходимых ресурсов чаще прибегают к интенсивным взаимодействиям с отраслевыми и территориальными профсоюзными организациями для своей правовой, организационной и консультационной поддержки (см. табл. 2).

Интересно отметить, что в целом по выборке доля исследуемых профсоюзных организаций с численностью до тысячи человек составила 71 % (до 500 человек — 62 %).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените степень взаимодействия Вашей профсоюзной организации с вышестоящими профсоюзными органами различных уровней», сравнительный анализ за период 2015—2016 гг., %

Уровень/ Частота взаимодействия	Постоянные взаимные контакты		Периодические контакты		Ситуативные контакты		Контактов не имеем		Затрудняюсь ответить	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Федеральный	30,6	40,7	80	70,8	13,0	19,4	19,6	52,2	55,8	15,8
Региональный	16,3	14,2	12,6	24,3	16,3	19,4	22,2	28,7	32,6	13,1
Отраслевой	47,1	40,9	20,4	25,5	12,7	16,4	20,5	10,3	16,6	60,9
Территориальный	25,0	40,3	22,6	27,0	60,5	11,4	50,6	10,4	39,5	10,9
Местный	44,5	62,0	12,7	17,7	20,7	80,7	40,5	40,8	34,5	60,8

Примечание. Различия статистически значимы на уровне $p(x^2) < 0,01$.

Полученное распределение показывает, что по сравнению с предшествующим годом наблюдается определенный рост количества постоянных контактов между первичными профсоюзными организациями, а также с членскими организациями территориального уровня. Можно предположить, что такой рост обусловливается пониманием на местном уровне важности данных контактов, заинтересованностью в прямом диалоге с администрацией по решению своих проблем, а также ростом числа соглашений, заключаемых на территориальном уровне в региональном разрезе. Однако о фиксации определенных трендовых зависимостей по данным точечным исследованиям говорить пока рано.

Технология ведения переговоров, солидарных действий

В ходе социологического исследования респонденты отвечали на вопрос: «Какие формы взаимоотношений с работодателями и собственниками Вы считаете для профсоюзов наиболее приемлемыми?». 98 % респондентов наиболее приемлемой формой взаимодействия назвали конструктивные переговоры. Значительно меньше тех, кто выбрал позицию «Открытая конфронтация на основе ультиматумов» (2 %) (см. рис. 1).

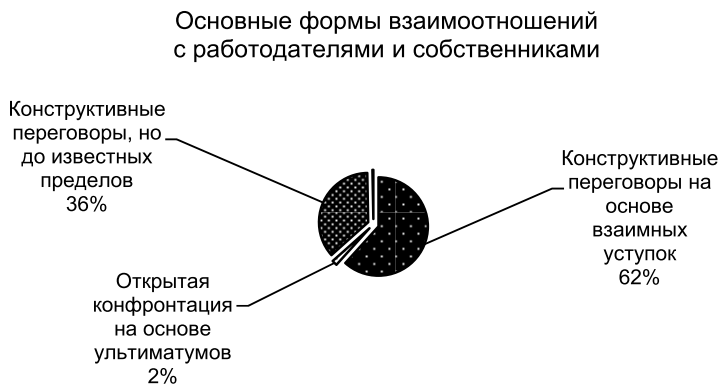

Рис. 1. Основные формы взаимоотношений с работодателями и собственниками

Результаты опроса позволили выделить основные формы воздействия, которые могут использоваться первичными организациями во время переговоров. На первом месте в рейтинге форм воздействия находится позиция «коллективное письменное обращение к работодателю и в адрес властных структур». Далее идут позиции «обращение в вышестоящие профсоюзные органы» (2 место) и «методы коллективного воздействия» (3 место).

Очевидно повышенное внимание на местах к использованию таких форм, как коллективное письменное обращение к работодателю и в адрес властных структур. Думается, что в будущем приоритет использования таких «бескровных» форм сохранится. Позиция «массовые акции» набирает небольшое количество ответов, так как это «трудозатратная» форма выражения мнения трудового коллектива, которая требует особой проработки и организации.

Влияние российского государства на становление российской модели социального партнерства, существующая международная специфика рынка труда — неустойчивая занятость [Cranford, Vosko, Zukewich, 2003], неполная, сезонная [Policies and Regulations..., 2011], разбалансированные социально-трудовые отношения на местном, региональном (государственном) уровне, угрожающие интересам работника [Duval, Furceri, 2018], результаты экспертного интервью с руководителями территориальных организаций и работниками аппарата ЦК профсоюзов указывают на множество проблем проведения массовых акций — «пассивность» трудящихся (крайне низкая численность участников, люди боятся идти на митинги страха применения санкций и т. д.), незнание членами профсою-

зов своих прав, неумение заинтересовать массы, незаинтересованность властей (показательно, что власти скорее разрешат акцию в поддержку мессенджера Telegram и за свободу интернета, как это было в Москве, чем митинг трудящихся, как «свистка для выпуска общественного недовольства»). Характерно и то, что власти всячески пытаются сорвать проведение митингов, включая силовые формы воздействия, организацию антимиитинговых выступлений (митинги 27 июля и 3 августа 2019 г. в Москве).

Однако практика профсоюзного движения тоже развивается — на местах активно используются комбинированные формы массовых акций — митинги-пикеты и др. С успехом используются и митинги одного требования, которые проводятся на должном нормативно-правовом уровне.

Один из важнейших вопросов технологии ведения переговоров, солидарных действий связан с тем, какую позицию занимают социальные партнеры в период переговоров. Вести переговоры необходимо соотносительно с конкретной ситуацией на основе общепринятых правил. Это заставляет серьезно готовиться к переговорам, готовить переговорщиков и организовывать систему их квалифицированной поддержки. Как же представители трудящихся оценивают свою силу и в чем она выражается?

Распределение оценок респондентов позволяет сделать следующие выводы. Приблизительно каждый второй респондент (47,2%) склонен оценивать позицию профсоюзов на переговорах как удовлетворительную. Каждый третий респондент присваивает профсоюзам балл «хорошо» (35,6%). Около 10% респондентов пессимистично оценивают профсоюзную позицию на переговорах («неудовлетворительно»). Значительно меньше тех респондентов, которые оценивают позицию профсоюзов на «отлично» (7,6%). Сильные стороны профсоюзов на переговорах представлены в таблице 3.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «В чем Вы видите силу профсоюзной стороны во время проведения переговоров?»**

Оценочные позиции	Численность, чел.		Стаж работы					
	До 500	Свыше 500	До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Более 15 лет
Вера в то, что спорный вопрос будет решен	7	10	5,0	11,3	16,9	20,2	22,4	24,3
Высокий уровень профессионализма профсоюзных работников	9,1	11	6,9	12,5	14,7	19,0	19,8	27,2
Поддержка профсоюза со стороны работников	12,1	11	7,7	13,8	13,8	19,8	19,1	25,8
Нормативно-правовая защищенность профсоюзных работников	5	8,6	5,2	18,6	11,4	21,7	14,0	29,1
Высокий уровень активности работников	5,8	5,5	6,1	13,5	20,3	17,6	15,5	27,0

Оценочные позиции	Численность, чел.		Стаж работы					
	До 500	Свыше 500	До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Более 15 лет
Отсутствие страха перед работодателем	8,2	7,2	8,1	12,7	16,8	19,3	20,3	22,8
Высокая активность профсоюза	8	5,9	5,0	11,1	18,9	19,4	20,0	25,6
Большая рекламная работа	1,9	2,1	0,0	10,0	22,0	14,0	26,0	28,0
Знание экономики предприятия	5,2	9	6,8	12,3	12,3	17,1	17,8	33,6
Информированность переговорщиков о проблемах работников	6	7,2	5,1	16,7	13,5	16,7	17,3	30,8
Наличие солидарности с представителями других профсоюзных организаций	2,4	3,2	9,1	17	16,0	19,2	14,8	23,8
Поддержка вышестоящих профсоюзных органов	9,8	7,6	6,8	13,6	17,4	17,0	17,0	28,1
Отсутствие страха перед увольнением	4,6	4,9	6,3	12,0	25	16,3	17	22,5
Объединение работников целью коллектива	3,3	2,5	4,9	11,1	18,5	19,8	16,0	29,6
Привлечение руководителей различного уровня в качестве посредников для сбора пакета предложений	2,1	2,5	7,3	14,5	21,8	10,9	18,2	27,3
Участие профсоюза в формировании финансового плана предприятий	5	5,1	9,8	15,9	15,2	15,9	17,4	25,8
Другое	0	0	-	-	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить	0,3	0,9	0,0	12,5	12,5	37,5	25,0	12,5

Распределение показывает, что респонденты, представляющие различные по численности профсоюзные организации, схожи в своих оценках. Так, первое место занимает позиция «поддержка профсоюза со стороны работников». Далее идет позиция «высокий уровень профессионализма профсоюзных работников» (второе место). На третьем месте «вера в то, что спорный вопрос будет решен».

Распределение ответов в зависимости от стажа работы позволило выявить, что с увеличением стажа работы возрастает число респондентов, выбирающих позиции «вера в то, что спорный вопрос будет решен», «высокий уровень профессионализма профсоюзных работников», «отсутствие страха перед работодателем», «высокая активность профсоюза», «знание экономики предприятия».

Чаще, чем в среднем по выборке, позицию «наличие солидарности с представителями других профсоюзных организаций» выбирали респонденты со стажем работы до одного года. Вместе с тем респонденты с опытом работы более 15 лет

чаще указывали позиции «знание экономики предприятия» и «объединение работников целью коллектива». Можно предположить, что представители с большим стажем работы в своих оценках склонны полагаться на свои силы и опыт. Иными словами, рассчитывают на себя. Зато представители группы с небольшим опытом работы ориентируются на поддержку других (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем Вы видите силу профсоюзов во время переговоров?» (за период 2016—2017 гг.), в %

Результаты сравнительного анализа распределения оценок за исследуемый период позволяют зафиксировать некоторые изменения в оценках респондентов. Так, по сравнению с 2016 г., в оценках респондентов упал уровень уверенности в том, что спорный вопрос будет решен на переговорах. По всей видимости, респонденты из числа профсоюзных лидеров рассчитывают на большую и кропотливую работу по подготовке к переговорам. Существенно выросла и доля (с 3% до 9%) тех респондентов, которые с оптимизмом смотрят на поддержку вышестоящих профсоюзных организаций.

В ходе исследования выяснялись основные причины невыполнения соглашений и коллективных договоров, с которыми встречаются на местах (см. рис. 3).

Рис. 3. Структура основных причин невыполнения соглашений и коллективных договоров за 2016—2017 гг.

Структура распределения ответов о причинах невыполнения соглашений и коллективных договоров за 2017 г. по большинству позиций повторяет структуру за предшествующий период исследования. Вместе с тем в текущей структуре наблюдаются существенные изменения. Так, заметны значимые изменения в оценках респондентов по позиции «нестабильность работы предприятия и отрасли». Количество респондентов, выбравших эту позицию, составило 10% против 18,2% в 2016 г. Происходящие в оценках изменения во многом объясняются относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в стране. Часть типичных проблем обусловлена тяжелым социально-экономическим положением предприятия, и, как следствие, недостатком у администрации средств на социальную защиту трудящихся, реализацию социальных программ. Нельзя не учитывать и «сезонные колебания» в оценках, которые дают респонденты социально-экономической ситуации на предприятиях. Мнения респондентов за исследуемый период менялись: от надежд на то, что ситуация (в начале 2016 г.) изменится, до разочарования в складывающейся ситуации (к середине 2016 г.). Вместе с тем в начале и в се-

редине 2017 г. наблюдался умеренный рост числа респондентов, оценивавших ситуацию как удовлетворительную.

На обсуждение фокус-группой были вынесены результаты социологического опроса и контент-анализа, рассматривалась степень освоения профсоюзными лидерами принципов единой переговорной кампании. На основе сравнительного анализа с положением дел в 2019 г. были высказаны мнения о характере изменений в ведении переговорного процесса профсоюзными лидерами. Существенных изменений в системе «коллективный договор — отраслевое соглашение — региональное соглашение» не произошло. Коллективный договор в основном дополняет и конкретизирует содержание отраслевого и регионального соглашений. Информированность профсоюзных лидеров в 2017 г. несколько повысилась (31 %), с одновременным увеличением доли не полностью информированных (19 %) и тех, кто затруднялся ответить (8 %). Среди ключевых факторов, существенно влияющих на ход переговорной кампании, остались практический опыт (23 %), знание нормативно-правовой базы (19 %) и профессиональные знания (17 %).

Упорядочить переговорный процесс и консолидировать усилия профсоюзов позволяют знание и использование технологий переговорного процесса. В этой связи респондентов просили ответить на вопрос: «Укажите, какие технологии налаживания партнерских отношений с работодателями и органами власти Вы чаще всего используете в своей работе?». Распределение ответов представлено на рисунке 4.

Примечательно, что за исследуемый период 2016—2017 гг. голоса респондентов по используемым технологиям распределились примерно одинаково. Как видно из полученных данных, чаще всего респонденты прибегали к технологии «проведение переговоров, поиск социального диалога». Также следует отметить, что профсоюзные лидеры чаще, по сравнению с другими позициями, указывают, что пользуются технологиями «достижение компромисса, консенсуса» и «заключение соглашений и договоров». Менее «востребованы» при переговорах технологии «подготовка к проведению забастовок» и «лоббирование интересов работников в органах власти и объединениях работодателей».

На фоне отсутствия единых подходов к проведению ЕПК, «размытости» механизмов межуровневого взаимодействия и довольно условной взаимосвязи правовых документов социального партнерства по-прежнему сложной выглядит проблема использования неоптимальных форм участия в разработке и заключении соглашений различного уровня социального партнерства. В структуре форм участия в разработке и заключении региональных соглашений наблюдается значительный перевес голосов по позициям «внесение предложений в письменной форме» и «участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения». Данные опроса показывают, что все меньше становится доля участников обсуждения предложений в проекте соглашения на собрании первичной организации.

Если говорить в целом о динамике предпочтений профсоюзных лидеров в отношении отраслевых соглашений, то за последний период произошли весьма значительные изменения в оценках, свидетельствующие о нестабильности положения по ряду отраслевых профсоюзов. Особые изменения наблюдаются по таким

формам участия, как «внесение предложений в письменной форме», «непосредственное участие в переговорах», «участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения». Тем не менее следует признать, что данные формы взаимодействия остаются наиболее приемлемыми (см. табл. 4, 5).

Структура используемых технологий налаживания партнерских отношений

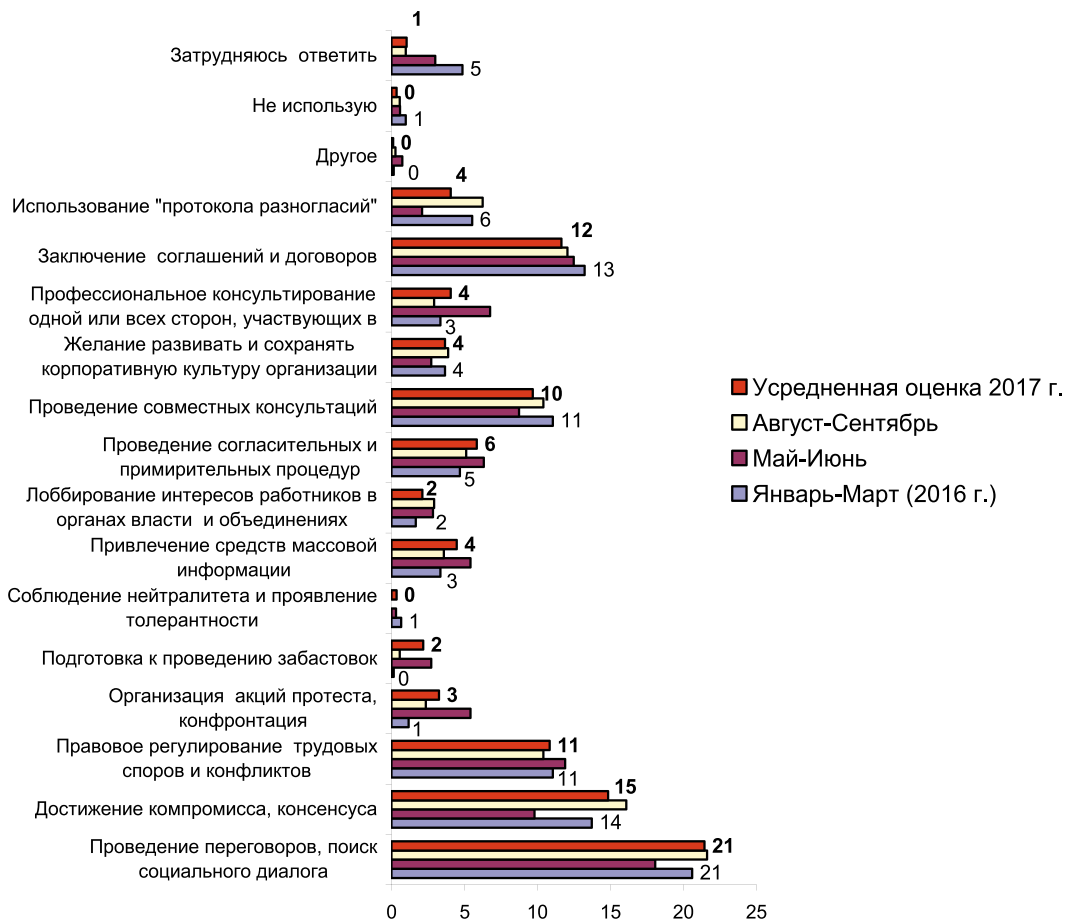

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Что лежит в основе использованных технологий налаживания партнерских отношений?»

Таблица 4. **Распределение ответов по формам участия в разработке и заключении регионального соглашения за весь период исследования, %**

Формы участия	2016 г.			2017 г.
	Январь-март	Май-июнь	Август-сентябрь	
Внесение предложений в письменном виде	45,0	34,5	50,0	21,8
Участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения	47,5	29,1	32,1	21,4
Внесение предложений устно в беседе с профсоюзными активистами	15,0	27,3	17,9	15,1
Непосредственное участие в переговорах	32,5	16,4	28,6	14,7
Участие в коллективных акциях протеста в поддержку требований, выдвигаемых на переговорах	12,5	20,0	12,5	12,2
Участие в обсуждении предложений в проекте соглашения на собрании первичной организации	22,5	20,0	12,5	10,1
Затрудняюсь ответить	5,0	20,0	3,6	3,8
Другое	—	—	3,6	0,8

Таблица 5. **Распределение ответов по формам участия в разработке и заключении отраслевого соглашения за весь период исследования, %**

Формы участия	2016 г.			2017 г.
	Январь-март	Май-июнь	Август-сентябрь	
Внесение предложений в письменном виде	51,7	29,0	60,6	29,7
Участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения	25,9	55,1	35,2	20,3
Внесение предложений устно в беседе с профсоюзными активистами	25,9	27,5	22,5	16,3
Участие в обсуждении предложений в проекте соглашения на собрании (конференции) первичной организации	27,6	21,7	12,7	12,2
Непосредственное участие в переговорах	5,2	23,2	12,7	11,0
Участие в коллективных акциях протеста в поддержку требований, выдвигаемых на переговорах	8,6	17,4	7,0	7,7
Затрудняюсь ответить	1,7	1,4	2,8	2,8
Другое	—	—	—	—

Распределение ответов по формам участия в разработке и заключении генерального соглашения несколько отличается от вышеприведенных распределений. Чаще всего называются такие формы, как «внесение предложений в письменном виде», «участие в обсуждении предложений в проекте соглашения на собрании (конференции) первичной организации». Далее по частоте упоминания идет «участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения». Чуть меньше респондентов называют позицию «участие в коллективных акциях протеста в поддержку требований, выдвигаемых на переговорах» (см. табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответов по формам участия в разработке и заключении генерального соглашения за весь период исследования, %**

Формы участия	Январь-март	Май-июнь	Август-сентябрь	2017 г.
Внесение предложений в письменном виде	23,1	—	45,5	24,6
Участие в обсуждении предложений в проекте соглашения на собрании (конференции) первичной организации	37,4	17,8	—	21,7
Участие в заседании выборного профсоюзного органа по обсуждению проекта соглашения	29,7	—	10,2	13,0
Участие в коллективных акциях протеста в поддержку требований, выдвигаемых на переговорах	15,4	33,3	—	12,3
Затрудняюсь ответить	15,4	16,7	27,3	12,3
Внесение предложений устно в беседе с профсоюзными активистами	15,4	33,3	18,2	10,5
Непосредственное участие в переговорах	—	15,6	—	2,9
Другое	—	—	9,1	1,8

Выработка единых требований переговорной кампании

Особое место в выработке единых требований занимает определение профсоюзными организациями наиболее эффективных механизмов влияния и формирования единой позиции.

Авторитет профсоюзной организации представляет собой один из ресурсов воздействия, с помощью которой обеспечивается контроль за действиями работодателя, согласование интересов социальных партнеров. Авторитет — это специфическое общественное отношение между людьми. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Обладает ли профсоюзная организация авторитетом среди работников?» (см. рис. 5).

Результаты опроса показывают, что практически во всех исследуемых группах освобожденных и неосвобожденных профсоюзных работников большинство респондентов склоняются к тому, что профсоюзная организация обладает авторитетом. Значительно меньше респондентов думают иначе. По-прежнему у профсоюзных лидеров сохраняется уверенность во влиянии профсоюзной организации, и это несмотря на то, что общественное мнение может не всегда объективно оценивать роль и значение профсоюзов.

О влиянии и авторитете профсоюзов свидетельствуют массовые акции, организуемые профсоюзными лидерами, а также достигаемые ими результаты. Важнейшим условием достижения успеха профсоюзным лидером является его непрерывное развитие [Kirillov et al., 2017]. Примечательно, что в беседе с исследователями многие председатели профкомов указывали на то, что авторитет в современных социально-экономических условиях формируется конкретными делами и информацией об их результатах.

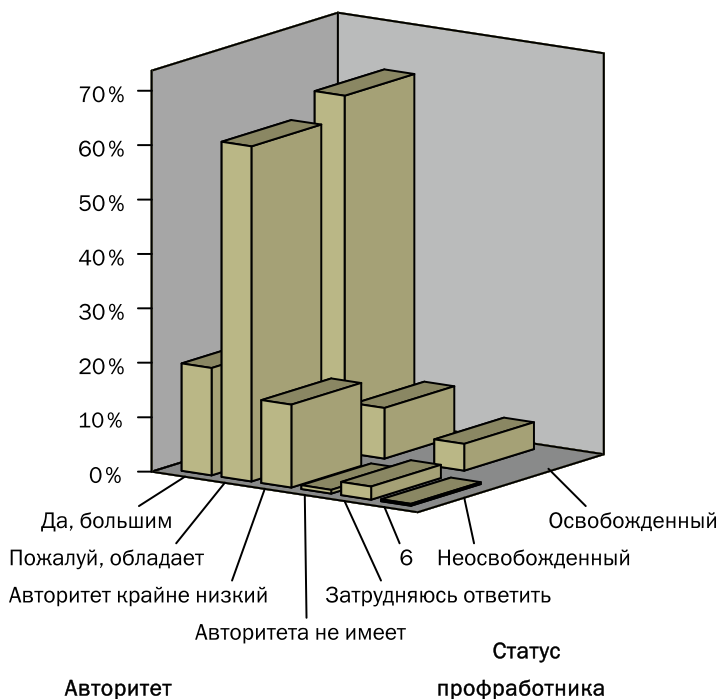

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Обладает ли профсоюзная организация авторитетом среди работников?», в %

Несмотря на наблюдаемое сходство в оценке рассматриваемых проблем, в представленных ответах имеются определенные отличия. Так, по мнению 13,5% респондентов, в качестве отдельной проблемы ЕПК следует рассматривать расширение прав профсоюзов, еще 10,6% считают важным обратить особое внимание на совершенствование нормативно-правовой базы регулирования социально-трудовых отношений. Примечательно, что представители первичных организаций с численностью до 500 человек (в отличие от представителей профорганизаций с численностью более 5000 человек) более склонны к предложению по расширению прав профсоюзов. Чаше, чем в целом по выборке, представители профсоюзных организаций с численностью до 200 человек высказывались за совершенствование нормативно-правовой базы регулирования социально-трудовых отношений. Особый интерес для оценки технологии проведения ЕПК представляет оценка наиболее предпочтительных форм взаимоотношений с работодателями и собственниками (см. табл. 7, 8).

На фокус-группе обсуждалась степень освоения профсоюзными лидерами принципов единой переговорной кампании в защите интересов работников, с акцентом на необходимости постоянного приведения системы ЕПК в соответствие с новыми российскими социальными и экономическими реалиями. С этой целью были выявлены препятствия для проведения переговорного процесса, а также сформулированы варианты развития системы защиты работников организации (региона).

Таблица 7. *Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы сегодня должны быть в центре внимания единой переговорной кампании?» 2016—2017 гг.*

Оценочные позиции	2016 г.		2017 г.	
	%	Место	%	Место
Повышение зарплаты	23,5	1	31,0	1
Повышение социальных гарантий	16,4	2	21,8	2
Улучшение условий труда	13,0	3	15	3
Расширение прав профсоюзов	11,6	4	14,6	4
Совершенствование нормативно-правовой базы регулирования социально-трудовых отношений	9,1	5	10,6	5
Другое	22,1	—	11,3	—

Таблица 8. *Распределение ответов на вопрос: «Какие вопросы вызывают наибольшие разногласия во время проведения переговоров?», %*

Оценочные позиции	Январь—март	Май—июнь	Август—сентябрь	2017 г.
Система и размер оплаты труда, денежных вознаграждений, компенсаций, доплат	26,3	25,0	29,0	29,5
Социальная защита	10,6	14,5	16,2	16,6
Установление механизмов регулирования оплаты труда	10,6	11,5	10,3	10,6
Жилищные проблемы	6,4	9,4	7,3	9,4
Обеспечение занятости работников	4,7	4,6	5,2	6,0
Обеспечение условий охраны труда, производственной безопасности	7,3	3,9	6,1	5,9
Другое	25,9	30,7	16,9	21,9

Существенных различий в ответах респондентов в зависимости от сферы их профессиональной деятельности выявлено не было. Безусловно, превалирует решение вопросов, связанных с регулированием заработной платы. Так как работники и работодатели имеют разную переговорную силу, в модели поиска и подбора соответствий [Diamond, 1982] заработная плата определяется в ходе «торга» между сторонами переговорного процесса.

В целом по исследуемым подвыборкам сложился определенный дисбаланс. Причина этого дисбаланса во многом предопределяется особенностями переговорного процесса в отраслевом и территориальном разрезе. Не последнее место по влиянию на распределение ответов оказывает исполнение законов, регулирующих социально-экономическое положение работников.

Заключение

Повышение эффективности переговорного процесса в системе социального партнерства является основным направлением реализации законных прав работников на отстаивание своих интересов. Результаты исследования подтвердились

гипотеза: успех проведения единой переговорной кампании существенно зависит от реализации на местах конкретных действий сторон социального партнерства по социальной защите интересов трудящихся. Важнейшим условием является создание гармоничной системы, учитывающий интересы всех сторон переговорного процесса на различных уровнях социального партнерства.

Реализация ЕПК остается одним из основных стратегических направлений становления системы социального партнерства. В ходе исследования было установлено, что спрос на ЕПК в региональном разрезе носит пока ограниченный характер — в силу того, что интересы многих профсоюзных лидеров на местах пока еще не связаны с организацией комплексной работы в рамках реализации основных принципов переговорной кампании.

Практика реализации соглашений (региональных и отраслевых) показывает, что профсоюзная сторона сталкивается здесь с невыполненными обязательствами по сокращению задолженности по заработной плате. Проблема их реализации и ответственности сторон находится в прямой зависимости коллективного представительства работников от секторов и профессий. Негативно влияет на эффективность социального партнерства несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей переговорный процесс. Соглашения, по сути, лишаются своей нормативной компоненты, что делает их наиболее уязвимыми правовыми актами.

В интересах повышения эффективности переговорного процесса в системе социального партнерства предложены следующие пути:

1. Вопросы социальной защиты должны решаться в первую очередь самостоятельно — каждый на своем уровне;
2. стимулировать профсоюзных лидеров к ведению комплексной работы в рамках реализации основных принципов переговорной кампании, сосредоточив внимание на увеличении заработной платы, прожиточного минимума и необходимости усиления контроля как со стороны профсоюзов, так и со стороны государственных органов;
3. развитие профсоюзных лидеров сосредоточить на получении знаний и практического опыта ведения переговоров, изучение нормативно-правовой базы. Одновременно им необходимо научиться заручаться поддержкой коллектива и вышестоящих органов.

Эти меры позволят повысить эффективность переговорного процесса в системе социального партнерства.

Список литературы (References)

Володин А. П., Малышев М. А., Татарникова С. Н. Социально-трудовые отношения в условиях внешних ограничений: проблемы и возможности социального партнерства в муниципальных образованиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 61—86.

Volodin A. P., Malishev M. A., Tatarnikova S. N. (2015) Social and Labor Relations Under the Conditions of External Constraints: The Challenges and Opportunities of Social Partnership in Municipal Formations. *E-journal. Public Administration*. No. 52. P. 61—86. (In Russ.)

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г.— октябрь 2018 г. // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации ; под ред. Т. М. Малевой. 2018. С. 1—36.

Maleva T. M. (2018) Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population: 2015— October 2018. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. P. 1—36. (In Russ.)

Малышев М. А. Коллективный договор как инструмент защиты интересов наемных работников // Социология. 2019. № 1. С. 136—146.

Malyshev M. A. (2019) Collective agreement as a tool to protect the interests of employees. *Sociology*. No. 52. P. 136—146. (In Russ.)

Малышев М. А., Малышева Н. С. Проблемы формирования социального государства в России // Труд и социальные отношения. 2017. № 1. С. 111—127.

Malyshev M. A., Malysheva N. S. (2017) Problems of forming social state in Russia. *Labor and Social Relations journal*. No. 1. P. 111—127. (In Russ.)

Bronkhorst B., Steijn B., Vermeeren B. (2015) Transformational Leadership, Goal Setting, and Work Motivation: The Case of a Dutch Municipality. *Review of Public Personnel Administration*. Vol. 35. No. 2. P. 124—145. <https://doi.org/10.1177/0734371X13515486>.

Buley N. V., Demchenko T. S., Makushkin S. A., Vinichenko M. V., Melnichuk A. V. (2016) Human resource management in the context of the global economic crisis. *International Journal of Economics and Financial Issues*. Vol. 6. No. 8S. P. 160—165.

Cranford C. J., Vosko L. F., Zukewich N. (2003) Precarious Employment in the Canadian Labor Market: A Statistical Portrait. *Just Labour*. Vol. 3. P. 6—22. <http://doi.org/10.25071/1705-1436.164>.

Diamond P. A. (1982) Wage Determination and Efficiency in Search Equilibrium. *Review of Economic Studies*. Vol. 49. No. 2. P. 217—227. <http://doi.org/10.2307/2297271>.

Duval R., Furceri D. (2018) The Effects of Labor and Product Market Reforms: The Role of Macroeconomic Conditions and Policies. *IMF Economic Review*. Vol. 66. No. 1. P. 31—69. <http://doi.org/10.1057/s41308-017-0045-1>.

Hyman R. (1995) Industrial Relations in Europe: Theory and Practice. *European Journal of Industrial Relations*. Vol. 1. No. 1. P. 17—46. <https://doi.org/10.1177/095968019511003>.

Kirillov A. V., Ushakov D. S., Vinichenko M. V., Makuchkin S. A., Melnichuk A. V. (2017) Career Opportunities for the Management's Personnel Reserve. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. Vol. 12. No. 5b. P. 723—733. <https://doi.org/10.12973/ejac.2017.00205a>.

Moore K. A., Pearson B. J. (2017) Soft skills in an online class. *HortTechnology*. Vol. 27. No. 5. P. 583—585. <https://doi.org/10.21273/HORTTECH03672-17>.

International Labour Organization. Policies and Regulations to Combat Precarious Employment. (2011) Geneva: International Labour Office (ILO).

Part 1: Patterns, Trends and Policy Strategy. (2016) Precarious Employment in Europe. European Parliament. 196 p.

Rodgers G., Rodgers J. (1989) Precarious Jobs in Labour Market Regulation: The Growth of Atypical Employment in Western Europe. Brussels: International Labour Organisation. 312 p.

Rogach O. V., Frolova E. V., Ryabova T. M. (2018) Theory of «trust» in the focus of expectation study concerning educational space key actors. *European Journal of Contemporary Education*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 392—399. <https://doi.org/10.13187/ejced.2018.2.392>.

Sciarrra S., Davies P., Freedland M. (2004) Employment Policy and the Regulation of Part-time Work in the European Union. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. 388 P. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511495045>.

Schmidt M. (2002) News of Atypical Work in Germany: Recent Developments as to Fixed-term Contracts, Temporary and Part-time Work. *German Law Journal*. Vol. 3. No. 7. <https://doi.org/10.1017/S2071832200015182>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.635

Правильная ссылка на статью:

Лушникова О. Л. Факторы адаптации мигрантов из сельской местности (на примере одного из народов Сибири — хакасов) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 106—122. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.635>.

For citation:

Lushnikova O. L. (2020) Adaptation Factors of Migrants from Rural Area: Peoples of Siberia Case Study (the Khakass People). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 106—122. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.635>.

О. Л. Лушникова

ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ НАРОДОВ СИБИРИ — ХАКАСОВ)

ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ НАРОДОВ СИБИРИ — ХАКАСОВ)

ADAPTATION FACTORS OF MIGRANTS FROM RURAL AREA: PEOPLES OF SIBERIA CASE STUDY (THE KHAKASS PEOPLE)

ЛУШНИКОВА Ольга Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия
E-MAIL: oltolt@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

Olga L. LUSHNIKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Department of Economics and Sociology
E-MAIL: oltolt@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

Аннотация. В работе анализируются результаты исследования адаптационных процессов одного из народов Сибири — хакасов. Разные исследования и статистические данные

Abstract. The paper analyzes the results of a study on the adaptive capacity of the Khakass people, indigenous people living in Siberia. Various papers and statistical data show that the Khakass

доказывают, что хакасы испытывают трудности привыкания к условиям городской жизни. Поэтому фокус статьи направлен на изучение решающих факторов встраивания представителей хакасского этноса в городскую среду. Статья построена на материалах опроса бывших сельских жителей хакасской национальности, сейчас проживающих в городских поселениях Хакасии ($n = 403$). Для оценки успешности адаптации приезжих из села вычислен интегральный показатель адаптированности. В соответствии с ним все опрошенные распределены на три уровня: низкий (128 человек), средний (139) и высокий (136 человек). Для выяснения связи уровня адаптированности с различными факторами использован анализ корреляций: подсчитаны и проанализированы значения коэффициентов связи Пирсона.

Результаты исследования показывают, что уровень адаптированности опрошенных варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик приезжих (возраста, семейного положения, наличия детей, уровня образования), а также коррелирует с некоторыми социально-экономическими факторами (трудоустройством, характером труда, жилищными условиями). Сделан вывод о том, что в целом в регионе сложилась ситуация, благоприятствующая миграции сельского населения: сравнительно высокий (для Сибири) уровень урбанизации, разнообразный полиэтничный состав населения. Наряду с этим можно обозначить факторы, затрудняющие закрепление коренного населения в городе: осознание себя в качестве этнического меньшинства, а также некоторая инертность, сдержи-

people are experiencing difficulties trying to adapt to urban lifestyle. That is why the focus of the paper is to study major factors helping this people to fit into the urban environment. The article is based on the data of a survey conducted among those Khakass who left their rural communities and currently reside in the urban localities across Khakassia ($n = 403$). The integrated index of adaptive capacity was used to assess how successful the newcomers are. Depending on the index values all the respondents were divided into three levels of adaptive capacity: low (128 respondents), average (139 respondents) and high (136 respondents). Correlation analysis was used to examine the relationship between the levels of adaptive capacity and different factors: Pearson's correlation coefficients were calculated and analyzed.

The results show that the level of adaptive capacity among respondents varies depending on socio-demographic characteristics of the newcomers (their age, family status, presence of children, level of education), correlates to certain socio-economic factors (employment, nature of work, living conditions). The author concludes that the situation in the region encourages rural population to move into cities (a relatively high (for Siberia) level of urbanization, ethnic diversity). However, certain factors prevent the indigenous population from gaining a foothold in a city (self-perception as an ethnic minority, inertia hindering them in the pursuit of radical changes).

вающая хакасов в стремлении к кардинальным переменам.

Ключевые слова: адаптация, мигранты из сельской местности, внешние факторы, социально-демографические характеристики, уровни адаптированности, хакасы

Keywords: adaptation, rural migrants, external factors, socio-demographic features, levels of adaptability, Khakass people

Благодарность. Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (№ МК-6401.2018.6).

Acknowledgments. Grant from the Russian President to support young Russian scientists (No. MK-6401.2018.6).

Введение

Традиционно коренные народы Сибири проживают в сельской местности. По данным последней переписи населения, основная часть (81,5%) алтайцев — преимущественно сельское население, среди хакасов примерно две трети (61,6%) проживают в сельских поселениях, около половины тувинцев (53,2) и бурятов (48,7%) также сконцентрированы в сельской местности¹. Однако в условиях кризиса современного села, который связан с безработицей, деградацией социальной сферы, пьянством и в целом с отсутствием ближайших перспектив развития, актуализируется проблема сохранения коренных народов. В таких обстоятельствах миграция из села в город может рассматриваться в качестве стратегии выживания для некоторых народов Сибири. Это особенно актуально для хакасов, численность которых, согласно последней переписи, сократилась (хотя до этого происходил естественный прирост хакасского этноса)². На наш взгляд, по отношению к хакасам более целесообразно использовать слово «этнос». Однако, учитывая, что в данных переписей населения используют термин «национальности» (например, «население наиболее многочисленных национальностей»), в статье мы употребляем эти слова как синонимы. Понятие «народ» мы применяем преимущественно при постановке проблемы сохранения коренных народов Сибири (как объединяющего понятия для разных этносов, проживающих на территории Сибири).

Вообще доля титульного этноса в Хакасии незначительна: около 12% от общей численности населения Республики, при этом основная часть хакасов проживает в сельской местности. Сосредоточение коренного населения в сельских территориях связано, во-первых, с традиционным укладом жизни хакасов и преимуще-

¹ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство : в 2 кн. Кн. 1. С. 566, 571, 573, 575.

² См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 14 т. М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4 : в 2 кн. Кн. 1. С. 631; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 575.

ственно с ведением сельского хозяйства (в основном животноводства); во-вторых, с более низкой миграционной активностью по сравнению с представителями других этносов, проживающих на территории Республики. Об этом свидетельствуют данные исследований различных периодов: исследования 1970-х годов показали, что интенсивность выбытия хакасов за пределы Сибири была ниже в три-пять раз, чем у русских [Чуднова, Кожуховская, 1979: 58]; только 10—12% мигрировавших в город хакасов оставались там на постоянное место жительства [Белешапкина, 1973: 150]. В 2000-е годы представители хакасского этноса проявляли высокие темпы «возвратной» миграции в село, тогда как русские, наоборот, чаще мигрировали в город³.

Такие данные наводят на мысль о том, что хакасы плохо приспосабливаются к условиям городской жизни, а это часто вынуждает их возвращаться в сельскую местность. Для нас важно понять, какие факторы оказываются решающими в процессе адаптации коренного населения Хакасии в городских условиях.

Степень изученности

В целом интерес к изучению адаптационных процессов народов Сибири возник еще в 1990-е годы в связи с переходом к рыночным отношениям. В тот период проводилось много исследований, посвященных изучению того, каким образом приспособились к изменившимся условиям социальной реальности представители коренных народов Сибири: тувинцы [Балакина, Кылдыгай, 2012], алтайцы [Екеева, Екеев, 2007], хакасы [Тугужекова, 2007].

На современном этапе ракурс исследований изменился: в связи с миграционным оттоком из сельской местности и с ростом городского населения актуализировались проблемы внутренней (сельско-городской) миграции, в том числе вопросы адаптации приезжих в условиях города. Например, в Республике Бурятия изучаются особенности влияния сельской миграции на городское пространство [Бадараев, 2014], практики расселения сельских мигрантов в условиях города [Бреславский, 2011], вопросы адаптации молодежи к городскому и образовательному пространству [Буянова, 2006]. В Республике Тыва проводятся сравнительные исследования городских и сельских тувинцев, изучаются практики освоения видов деятельности, принятых в городской среде [Хольшина, Брюханцева, 2015].

В Хакасии собственно исследований по изучению адаптации мигрантов из сельской местности не так много. В основном ученые изучают в целом урбанизационные процессы [Тиникова, 2018] или миграционную ситуацию в регионе [Баранцева, 2015]. Есть ряд работ, которые затрагивают некоторые аспекты жизни сельских мигрантов в городских условиях, например их социально-демографические характеристики [Анайбан, 2006], мотивы переезда в город [Субботина, 2003], удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности [Остапенко, 2003]. Однако комплексных исследований, посвященных собственно пониманию процессов адаптации хакасов в условиях городской среды, не проводилось. Данное исследование направлено на устранение этого пробела.

³ См.: Население Республики Хакасия за 2001—2011 годы : стат. сб. Абакан : Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия, 2012. С. 16.

Фокус нашего исследования направлен на изучение факторов, которые прямо связаны с адаптацией хакасов в условиях городской жизни. В соответствии с этим необходимо определить:

- 1) каким образом успешность адаптации варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик приезжих;
- 2) связан ли уровень адаптированности с профилями занятости сельских мигрантов;
- 3) какие факторы препятствуют адаптации переехавших в город хакасов.

Теоретико-методологические основания исследования

Среди факторов, оказывающих влияние на процессы адаптации приезжего населения, исследователи выделяют социально-политическую стабильность в регионе [Зубков, 2014: 289], наличие свободного жилого фонда [Проскурякова, 2007: 60], характер межэтнических взаимодействий [Жукова, 2007: 20], информационную специфику адаптивной ситуации [Ромм, 2002: 63] и др. Конечно, количество факторов, определяющих процесс адаптации, велико [Юркевич, 2009: 102], поэтому более значимыми для мигрантов представляются факторы, от которых зависит качество их жизни в условиях новой среды. Это, прежде всего, уровень экономического развития региона «вселения», рынок труда, уровень заработной платы и т. д. Результаты исследований доказывают, что есть прямая связь возможностей адаптации с типом поселений, свидетельствующая о существенно меньших возможностях для жителей средних и малых городов [Адаптационные стратегии населения, 2003: 24]. На процесс адаптации сельских мигрантов влияют особенности их расселения в условиях города. По мнению исследователей, значительная часть сельчан, переезжающих в город, в силу экономических барьеров в основном оседает на его окраинах и в пригороде [Бреславский, 2011: 22]. Компактное расселение, с одной стороны, сглаживает трудности приспособления сельчан в городе за счет поддержки со стороны таких же приезжих, но, с другой стороны, может препятствовать формированию городской идентичности.

Конечно, успешность включения в условия новой среды варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик приезжих. Согласно исследованиям, сводный показатель адаптации больше связан с социально-демографическими характеристиками: возрастом, семейным положением, наличием детей, образованием и др. [Свиридов, 2002: 93]. Доказано, что интенсивность миграции существенно выше в молодых возрастах [Миграция сельского населения, 1970: 109]. Для людей старших возрастных групп миграция обусловлена экономическими причинами: отсутствием работы, низким уровнем жизни, необходимостью «поднимать детей на ноги». Результаты исследований доказывают, что среди сельских мигрантов примерно половину составляют «семейные» — те, кто состоит в браке и имеет одного ребенка или двух детей [Анайбан, 2006: 12]. Для пожилых людей переезд в город чаще связан с вынужденными причинами: с невозможностью вести самостоятельный образ жизни в сельских условиях из-за ухудшения состояния своего здоровья или с необходимостью помогать детям (например, в воспитании внуков). В целом же в пожилом возрасте люди реже решаются на кардинальные перемены в своей жизни, в том числе на переезд в город.

Распространенным является представление о том, что более высокий уровень образования способствует более успешной адаптации в новой среде [Леденёва, 2014: 88]. Однако существует и противоположное мнение, основанное на том, что знание и опыт занимают последнее место в иерархии факторов, определяющих успех адаптации [Дискин, Авраамова, 1997: 29]. Социально-экономические факторы, отражающие обустройство переселенцев (жилье, трудоустройство, бытовые условия), тоже представляются значимыми для процесса приспособления [Жукова, 2007: 17]. Кроме того, существенную роль в адаптации играют ценностно-нормативные представления мигрантов, их установки, личный опыт, привычки и т. д., которые иногда оказываются более значимыми для включения в условия новой среды.

Эмпирическая база

В эмпирическую базу исследования вошли материалы опроса, проведенного в 2018 году методом формализованного интервью в разных городах и поселках городского типа Хакасии (было охвачено пять городов и три поселка). Генеральную совокупность составили бывшие сельские жители хакасской национальности, проживающие в городских поселениях Хакасии. Определение всех характеристик генеральной совокупности не представлялось возможным: отсутствуют статистические данные о численности и половозрастной структуре некоренных городских жителей по национальному составу (в переписи не приводятся данные о продолжительности проживания городского населения в разрезе отдельных национальностей). Кроме того, нет данных о национальной принадлежности внутрирегиональных мигрантов, такая информация не фиксируется при ведении статистического учета мигрантов. Поэтому при определении выборочной совокупности были заданы квоты (по полу и возрасту). В качестве ориентира использовались данные о социально-демографических характеристиках городского населения республики, в том числе потому, что среди городского населения преобладают приезжие горожане, то есть проживающие в городских поселениях не с рождения (они составляют 62,4% от всего городского населения региона)⁴. Введение квот также было необходимо во избежание формирования гомогенной выборочной совокупности.

Отбор респондентов осуществлялся несколькими способами: во-первых, опрошены жители районов с наибольшей концентрацией приезжих из сельской местности (в общежитиях малосемейного типа, домах гостиничного типа, ведомственных общежитиях); во-вторых, проведен уличный опрос в микрорайонах компактного проживания хакасов; в-третьих, использована информация от знакомых, родственников, коллег о приезжих из села; в-четвертых, для поиска респондентов применен метод «снежного кома». В целом опрошено 500 человек, однако в результате ремонта выборки, а также выбраковки некачественно заполненных опросных листов анализировались данные 403 анкет.

В целом по причине отсутствия достоверных сведений о структуре генеральной совокупности, препятствий для реализации принципа случайности, особенностей отбора респондентов в районах наибольшей концентрации, повышающих вероятность попадания в выборку наименее адаптированной части сельских мигрантов,

⁴ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. С. 330.

полученные результаты нельзя в полной мере распространять на генеральную совокупность. Реализованная выборка преимущественно пригодна для выявления наиболее устойчивых типов и анализа связей между исследуемыми переменными, в данном случае — для выделения групп с разными уровнями адаптированности и для анализа связей успешности адаптации с разными факторами.

Для оценки успешности приспособления приезжих в городе вычислен интегральный показатель, отражающий уровень адаптированности. Выделено несколько индикаторов, позволяющих оценить успех адаптации: сформированность городской идентичности; уверенность в будущем; целевая установка (готовность прилагать усилия для улучшения своей жизни); общая удовлетворенность своей жизнью; связь с деревней; ощущение улучшения жизни после переезда; характер взаимоотношений с соседями; трудоустройство; характер труда; жилищные условия (проживание в собственном или съемном жилье); материальная состоятельность (уровень материального положения — денег хватает только на еду, хватает на еду и одежду и т. п.). Значения каждого индикатора были нормализованы. Интегральный показатель адаптированности вычислен путем суммирования баллов по всем индикаторам для каждого респондента. Для распределения опрошенных на уровни за основу взят диапазон значений $(-1,2; 1,2)$ как интервал с наиболее часто встречающимися значениями. Он поделен на три части: высокому уровню адаптированности соответствовал интервал $(-1,2; -0,4)$; среднему — $(-0,3; 0,3)$; низкому — $(0,4; 1,2)$. Интервал для группы среднего уровня намеренно сужен с целью выявить более отчетливые различия между группами высокого и низкого уровней. Остальные значения вне этого интервала отброшены. В результате опрошенные распределились на три группы с разным уровнем адаптированности: низким (128 человек), средним (139) и высоким (136 человек). Для выяснения связи уровня адаптированности с социально-демографическими характеристиками и другими факторами применялся анализ корреляций: высчитывались и анализировались значения коэффициентов связи Пирсона. Обработка данных производилась с использованием прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19.

Различия между группами мигрантов с разным уровнем адаптированности

Основная часть респондентов (87 %), принявших участие в опросе, — внутрирегиональные мигранты. Из-за пределов Хакасии прибыл примерно каждый седьмой опрошенный, причем в основной своей массе это люди старших возрастных групп (старше 35 лет). Для жителей республики в условиях безработицы распространенной практикой является переезд на Север (преимущественно в северные районы Красноярского края, например в Норильск, Дудинку). По прошествии лет такие переселенцы, накопив определенный капитал, иногда возвращаются в Хакасию и нередко выбирают город в качестве места проживания. Поэтому можно предположить, что для таких хакасов миграция рассматривается не столько как переезд в городскую местность, сколько как возвращение на историческую родину. Поэтому, несмотря на то, что и внутренние, и внешние мигранты являются выходцами из сельских поселений, мотивы переезда у них разные, соответ-

ственно, процесс адаптации протекает по-разному, в данном исследовании мы не рассматриваем эту категорию переселенцев.

Среди внутренних мигрантов, переселившихся в городскую местность, более половины (54 %) являются выходцами из небольших сел с населением менее 500 жителей. Однако, согласно полученным результатам, они хуже приспосабливаются к городской жизни: в группах средней и низкой адаптированности больше жителей именно малых сел. Среди тех, кто хорошо закрепился в городе, наоборот, больше приезжих из крупных сел. Возможно, приезжие из больших селений быстрее осваиваются в городе в силу того, что практики городской жизни присутствуют и в крупных селах.

Анализ социально-демографических характеристик респондентов показал, что статистически значимых различий между опрошенными по полу в группах с разным уровнем адаптированности нет (см. табл. 1). Различия по возрасту прослеживаются, но лишь на уровне статистической тенденции (коэффициент связи Пирсона 0,085 при $p = 0,089$).

Таблица 1. Социально-демографические характеристики приезжих в группах с разным уровнем адаптированности (%)

Социально-демографическая характеристика	Индикатор	Уровень адаптированности			Итого
		низкий	средний	высокий	
Пол	мужчины	36	31	33	100
	женщины	29	37	34	100
Возраст	18—24	29	27	44	100
	25—34	29	42	29	100
	35—54	32	33	35	100
	55 и старше	39	35	26	100
Семейное положение	холостые (ранее не состоявшие в браке)	33	27	40	100
	состоящие в браке	29	36	35	100
	разведенные, овдовевшие	39	40	21	100

Полученные данные согласуются с результатами других исследований, подтверждающих наличие различий между мигрантами разных возрастных групп. Например, И. А. Жукова подчеркивает, что вероятность низкого уровня адаптированности лиц пенсионного возраста значительно выше, чем лиц трудоспособного возраста [Жукова, 2007: 19]. Конечно, нельзя утверждать, что именно возраст оказывает влияние на успешность включения приезжих в новую среду. Скорее всего, возраст связан с определенными социально-психологическими особенностями личности, которые обуславливают адаптационные процессы. Люди старшего возраста более инертны в отношении усвоения новых моделей поведения из-за сложившейся у них системы ценностей, привычек и т. д. У молодежи процесс адаптации протекает легче, что связано, во-первых, с более гибкой системой поведения, которая в этот

возрастной период еще формируется, а во-вторых, с уже имеющимся опытом проживания в городе (молодежь, как правило, осваивает городской образ жизни еще в процессе получения образования в городе). Можно также предположить, что молодым людям, не обремененным семьей и детьми, проще переносить некоторые неудобства (например, съемное жилье), поэтому среди них высокоадаптированных больше (44%). Однако одинокое проживание (а именно у разведенных, овдовевших), особенно в пожилом возрасте, скорее, отрицательно коррелирует с успешностью адаптации: среди этой категории опрошенных меньше всего тех, кто смог хорошо освоиться в городских условиях (всего 21%). Поэтому наличие семьи и детей можно оценивать как мотивирующий фактор в процессе адаптации.

Можно также считать, что у приезжих с более высоким уровнем образования процесс адаптации к новой среде проходит более успешно. Вообще образовательный уровень опрошенных довольно высокий: примерно треть (36%) респондентов имеют высшее образование (в том числе незаконченное), почти половина (48%) — начальное и среднее профессиональное образование. Возможно, это связано с тем, что сельчане с более высоким уровнем образования имеют более высокие притязания, поэтому чаще решаются на переезд. По мнению исследователей, на селе в основном остаются апатичные, часто пьющие люди [Никулин, 2014: 36], которые, вероятно, в большей степени готовы мириться со сложившимся положением дел, в силу чего реже покидают свое место жительства.

Согласно полученным нами результатам, уровень адаптированности положительно коррелирует с уровнем образования сельских мигрантов (значение коэффициента связи Пирсона составило 0,144 при $p = 0,004$). В группе приезжих с высоким уровнем адаптированности почти половина (45%) опрошенных имеют высшее образование (в том числе незаконченное высшее) (см. рис. 1). В других группах образовательный уровень приезжих ниже: среди них преобладают хакасы с начальным профессиональным и средним профессиональным образованием.

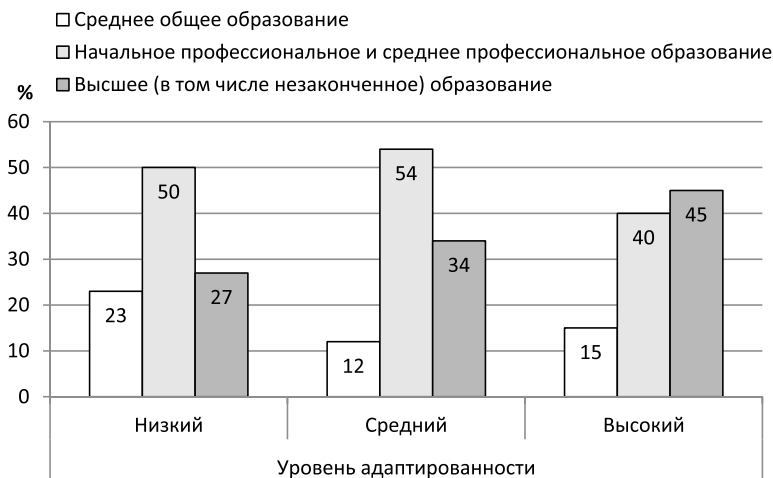

Рис. 1. Распределение опрошенных по уровню образования в группах с разным уровнем адаптированности (%)

Однако некоторые исследователи считают, что уровень образования не играет существенной роли в процессе адаптации, а если образовательно-квалификационный потенциал в процессе адаптации «работает», то только при наличии соответствующих социальных связей [Адаптационные стратегии населения, 2003: 24]. Несмотря на это, можно считать, что более высокий уровень образования увеличивает шансы на более успешное трудоустройство.

Результаты опроса показали, что хакасы, приехавшие из сельской местности, чаще трудоустраиваются в сферах торговли, питания и услуг, строительства, транспорта и т. д. Сравнение полученных данных с результатами исследования занятости внешних мигрантов [Мукомель, 2017: 72] показало, что в некоторых сферах деятельности внешние и внутренние мигранты распределяются примерно одинаково: в сферах, связанных со строительством, с транспортом, коммунальными услугами, гостиницами, питанием (см. табл. 2).

Таблица 2. **Сферы занятости внешних и внутренних мигрантов (%)**

Сфера занятости	Внешние мигранты	Внутренние мигранты
Торговля, ремонт, бытовые услуги	33,6	13,0
Строительство	16,3	15,0
Транспорт	7,0	7,0
Коммунальные, социальные, персональные услуги	13,9	23,0
Гостиницы, общественное питание	7,2	
Домашние хозяйства	8,0	1,0
Другое	14,0	7,0
Образование, культура, здравоохранение и др.	—	34,0

Среди мигрантов коренного населения Хакасии примерно треть (34%) составляют те, кто работает в сферах образования, культуры, здравоохранения, а также в органах управления или правоохранительных органах, но в основном это городские «долгожители» — те, кто проживает в городе больше 10 лет. Среди недавно прибывших (проживающих в городе меньше одного года) работают в этих сферах всего четыре человека.

Вместе с тем, спектр основных сфер деятельности приезжих не дает ясного представления об успешности их адаптации. Поэтому в ходе опроса мы попросили респондентов указать, с каким видом труда в большей степени связана их работа: с умственным трудом, требующим профессиональных знаний; умственным трудом, не требующим специальных знаний; коммуникативным трудом; квалифицированным физическим трудом, требующим профессиональных знаний;

неквалифицированным физическим трудом. Результаты показали, что имеется прямая связь успешности адаптации сельских мигрантов с характером их трудовой деятельности (значение коэффициента связи Пирсона составило 0,314 при $p=0,000$) (см. рис. 2).

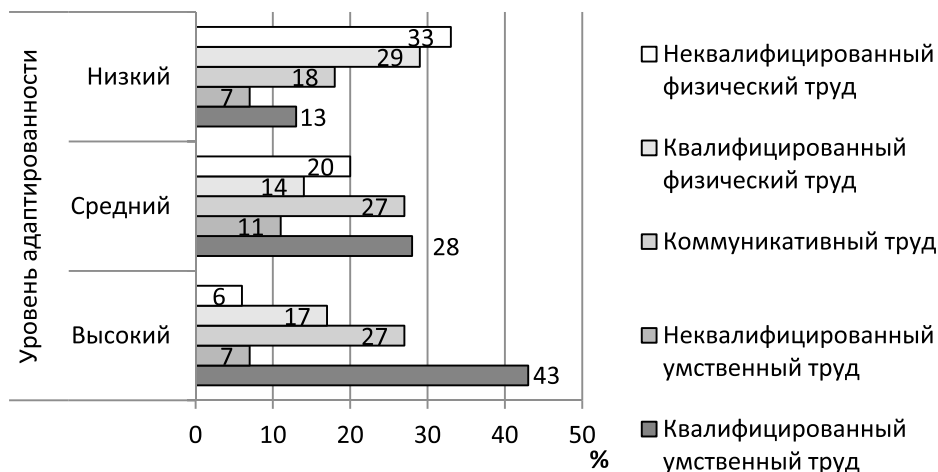

Рис. 2. Соотношение опрошенных по характеру трудовой деятельности в группах с разным уровнем адаптированности (%)

В группе с высоким уровнем адаптированности больше всех опрошенных, чья работа связана с умственной деятельностью. Причем 43% из них — работники именно квалифицированного умственного труда, требующего наличия профессиональных знаний (учителя, врачи, юристы). Среди низкоадаптированных преобладают приезжие, труд которых в основном связан с физической работой: как квалифицированной (29%), требующей профессиональных знаний (электрики, слесари), так и неквалифицированной (33%) (разнорабочие, грузчики, уборщицы).

Трудности включения хакасов в городскую среду связаны не только с трудоустройством, но и с освоением непривычных для коренного населения «городских» профессий. Традиционный образ жизни хакасского этноса тесно связан с сельским и лесным хозяйством, промыслами. Предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности обычно размещались в традиционных районах проживания коренного населения (на юге республики), поэтому преобладающими для хакасов являются сельскохозяйственные виды деятельности. Крупные предприятия тяжелой промышленности концентрировались вокруг городских поселений, где проживало в основном русское население. Хакасы, переселяясь в город, ощущали некоторое неравенство: по их мнению, у них было меньше возможностей для карьерного роста, чем у русских. Результаты этносоциологических исследований подтверждают, что русские сосредоточивались преимущественно в отраслях тяжелой промышленности с хорошими зарплатами и богатой социальной базой, а хакасы в основном работали на мелких предприятиях легкой и пищевой промышленности с невысокой заработной пла-

той [Остапенко, 2003: 3]. Конечно, сложно оценить, являются представления о неравных возможностях причиной низкой адаптированности хакасов или, наоборот, следствием неудавшегося закрепления в городе. В целом почти треть (32 %) опрошенных при переезде в город испытывали трудности, связанные с поиском работы и трудоустройством.

Однако проблема трудоустройства для приезжих хакасов стоит не на первом месте. Основной проблемой, препятствующей закреплению коренного населения в городе, является отсутствие собственного жилья (53 %). При этом уровень адаптированности прямо коррелирует с наличием собственной жилплощади в городе у бывших сельских жителей (коэффициент связи Пирсона равен 0,287 при $p=0,000$) (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение опрошенных по жилищным условиям в группах с разным уровнем адаптированности (%)

Среди высокоадаптированных больше хакасов, проживающих в собственном жилье (76 %). В группах с невысокими уровнями адаптированности тоже довольно много опрошенных, имеющих собственный дом или квартиру, однако доля проживающих в съемном жилье среди них тоже весьма высока (39 % и 42 %). Траты на съемное жилье составляют основную часть расходов приезжих из села, существенно урезая возможности на удовлетворение других потребностей (например, культурно-досуговых). Респонденты отмечают, что именно отсутствие собственного жилья для них является главной причиной предполагаемого возвращения в село, поэтому от решения жилищного вопроса во многом зависит закрепление сельских хакасов в городе. В целом социально-экономические факторы, связанные с обустройством переселенцев, оказывают ощутимое влияние на обретение определенного статуса субъектов, обеспечивают их приспособление к ценностям, нормам среды, способствуют интеграции в новое сообщество [Жукова, 2007: 17].

Заключение

Резюмируя, можно заключить, что для коренного населения Хакасии в целом сложились благоприятные условия для миграции из села в город: во-первых, это достаточно высокий (для Сибири) уровень урбанизации республики⁵; во-вторых, разнообразный состав населения, значительную долю которого составляют мигранты разных периодов переселения (только 37,6% городского населения региона проживает в городах с рождения)⁶.

Уровень адаптированности опрошенных хакасов варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик приезжих (возраста, семейного положения, наличия детей, уровня образования), а также социально-экономических факторов (трудоустройства, характера трудовой деятельности, жилищных условий). В этом плане полученные результаты согласуются с данными других исследований.

Вместе с тем не менее значимыми (а, возможно, и более значимыми) в процессе адаптации хакасов оказываются факторы, затрудняющие встраивание коренного населения в условия городской жизни. В первую очередь к ним относится численное преобладание русских на территории Хакасии (особенно среди городского населения), в результате чего хакасы ощущают себя в качестве *этнического меньшинства*, имеющего меньше возможностей для социального роста. Почти треть (29%) опрошенных вообще не имеют целевой установки на активные способы адаптации («Я не хочу ничего менять», «Я вряд ли смогу что-нибудь изменить», «Все устроится само собой», «Будь что будет»). Поэтому фактором, препятствующим процессу адаптации коренного населения в городской среде, можно считать некоторую *инертность*, сдерживающую хакасов в стремлении к любым переменам. В этом смысле выбор сельской местности для проживания иногда представляется более «упрощенной» стратегией выживания для коренного этноса. Однако изучение данных аспектов адаптационных процессов требует дальнейших исследований.

Список литературы (References)

Адаптационные стратегии населения / под ред. Е. М. Авраамовой. СПб. : Компьютербург, 2003.

Avraamova E. M. (ed.) (2003) *Adaptation Strategies of Population*. Saint Petersburg: Computerburg. (In Russ.)

Анайбан З. В. Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования) // Информационно-аналитический бюллетень № 3. М. : Институт востоковедения РАН, 2006.

Anayban Z. V. (2006) *The Degree of Adaptation and Factors of Adaptation Behavior of the Main Ethnic Groups of the Republic of Khakassia to New Conditions of Reality (Based on the Ethnosociological Study)*. *Informational Analytical Bulletin No. 3*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. (In Russ.)

⁵ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. С. 167.

⁶ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. С. 330.

Бадараев Д. Д. Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14 (2). С. 59—63.

Badaraev D. D. (2014) Rural and Urban Migration as Factor of Adaptation to Social and Economic Processes. *The Buryat State University Bulletin*. No. 14 (2). P. 59—63. (In Russ.)

Балакина Г. Ф., Кылдыгай А. Ч. Особенности социально-экономической адаптации этнических групп в Республике Тыва // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 69—77.

Balakina G. F., Kылдыгай A. C. (2012) Specifics of Ethnic Groups Socio-Economic Adaptation in the Republic of Tyva. *Sociological Studies*. No. 4. P. 69—77. (In Russ.)

Баранцева Н. А. О некоторых признаках современной миграционной ситуации в Республике Хакасия // Новая наука: современное состояние и пути развития / отв. ред. И. Н. Пилипчук. Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2015. С. 118—122.

Barantseva N. A. (2015) About Some Features of Contemporary Migration Situation in the Republic of Khakassia In: Pilipchuk I. N. (ed.) *New Science: Contemporary State and Ways of Development*. Ufa: Limited Liability Company Agency of international Studies. P. 118—122. (In Russ.)

Белошапкина В. Н. Роль миграции в освоении хакасами нетрадиционных профессий // Торжество ленинской национальной политики / ред. кол.: В. А. Асочаков, В. Л. Бобровник, В. Г. Карпов, С. П. Ултургашев, М. А. Унгвицкая. Абакан : Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1973. С. 143—154.
Beloshapkina V. N. (1973) The Role of Migration in Mastering of Non-Traditional Occupations by the Khakass People. In: Asochakov V. A., Bobrovnik V. L., Karpov V. G., Ulturgashev S. P., Ungvitskaya M. A. (eds. board) *The Triumph of the Lenin's National Policy*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History. P. 143—154. (In Russ.)

Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4—1 (72). С. 22—25.

Breslavsky A. S. (2011) The Rural Migrants in the Space of the Post-Soviet Ulan-Ude. *Izvestiya of Altai State University Journal*. No. 4—1 (72). P. 22—25. (In Russ.)

Буянова А. Ю. Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству // Вестник Евразии. 2006. № 3. С. 24—40.

Buyanova A. Y. (2006) Ulan-Ude: Adaptation of Rural Youth to Urban and Educational Space. *Vestnik Evrazii*. No. 3. P. 24—40. (In Russ.)

Дискин И. С., Авраимова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24—33.

Diskin I. S., Avraamova E. M. (1997) Adaptation of Population and Elites (Institutional Preconditions). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 24—33. (In Russ.)

Екеева Н. М., Екеев Н. В. Алтайцы на рубеже XX—XXI веков (к проблеме современных этносоциальных процессов в Республике Алтай) // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения / отв. ред. З. В. Анайбан. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. С. 148—165.

Ekeeva N. M., Ekeev N. V. (2007) Altai at the Turn of XX—XXI Centuries (The Problem of Contemporary Ethnic and Social Processes in the Republic of Altai). In: Aniban Z. V. (ed.) *The Southern Siberia in an Epoch of Change: The Adaptive Capacities of the Population*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. P. 148—165. (In Russ.)

Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.

Zhukova I. A. (2007) Social Adaptation of Migrants in the Social and Cultural Space of the Region. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociological Sciences. Moscow. (In Russ.)

Зубков В. В. Миграционный потенциал как объект социологического изучения // Вестник ТОГУ. 2014. № 2 (33). С. 287—290.

Zubkov V. V. (2014) Migratory Potential as Object of Sociological Measurement. *Bulletin of PNU*. No. 2 (33). P. 287—290. (In Russ.)

Леденёва В. Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. М. : Спутник+, 2014.

Ledeneva V. Yu. (2014) Models of Social Adaptation and Integration of Labor Migrants. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)

Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М. : Мысль, 1970.

Zaslavskaya T. I. (ed.) (1970) Migration of Rural Population. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>.

Mukomel V. I. (2017) Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages. *Statistics and Economics*. No. 6. P. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>. (In Russ.)

Никулин А. М. Аграрное наследие Т. И. Заславской и современность // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 33—44.

Nikulin A. M. (2014) Agricultural Heritage of T. I. Zaslavskaya and Contemporaneity. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 33—44. (In Russ.)

Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень № 1. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2003.

Ostapenko L. V. (2003) Social and Economic Aspects of Adaptation of Russians and Khakass People to the Conditions of a Transforming Society (On Materials of Ethno-Sociological Study in the Republic of Khakassia). *Informational Analytical Bulletin No. 1*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. (In Russ.)

Проскурякова О. Л. Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник ОГУ. 2007. № 4. С. 58—63.

Proskuryakova O. L. (2007) Migrants' Adaptation as a Social Process. *Vestnik of the OSU*. No. 4. P. 58—63. (In Russ.)

Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск : Наука, 2002.

Romm M. V. (2002) *Adaptation of Personality in Society: Theoretical and Methodological Aspect*. Novosibirsk: Science. (In Russ.)

Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 90—95.

Sviridov N. A. (2002) Adaptation Processes in the Youth Environment (Far Eastern Situation). *Sociological Studies*. No. 1. P. 90—95. (In Russ.)

Субботина И. А. Демография. Язык. Социальные настроения. Этносоциальные проблемы (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень № 3. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2003.

Subbotina I. A. (2003) Demography. Language. Social Mood. Ethno-Social Problems (On the Materials of Ethno-Sociological Research in the Republic of Khakassia). *Informational Analytical Bulletin* No. 3. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. (In Russ.)

Тиникова Е. Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235—257. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/816> (дата обращения: 08.03.2019.). <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>.

Tinikova E. E. (2018) Transformation of Urban Settlement in the National Republics of Southern Siberia in the Mid XXth — to early XIst century. *The New Research of Tuva*. No. 4. P. 235—257. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/816> (accessed: 08.03.2019). <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>. (In Russ.)

Тугужекова В. Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения / отв. ред. З. В. Анайбан. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. С. 114—128.

Tuguzhekova V. N. (2007) Ethnic and Migration Processes in the Contemporary Khakassia. In: Aniban Z. V. (ed.) *The Southern Siberia in an Epoch of Change: the Adaptive Capacities of the Population*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. P. 114—128. (In Russ.)

Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 855—857.

Kholishina M. A., Bryukhantseva O. A. (2015) Analysis of Adaptation of Urban and Rural People of the Indigenous Nationality of the Republic of Tuva. *Young Scientist*. No. 23 (103). P. 855—857. (In Russ.)

Чуднова В. И., Кожуховская Н. Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск : Наука, сибирское отделение, 1979.

Chudnova V. I., Kozhukhovskaya N. F. (1979) Population of Sayan TIC (Generation and Settlement). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch of RAS. (In Russ.)

Юркевич Г. П. Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 10. С. 101—116.

Yurkevich G. P. (2009) Theory of Social Adaptation in the History of Sociological Works. *Actual Problems of Contemporary Science*. No. 10. P. 101—116. (In Russ.)

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.754

Правильная ссылка на статью:

Свищевская А. Д., Пашкевич А. В. Прочтение визуальных метафор о планировании карьеры у поколения молодых миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>.

For citation:

Svirshchevskaya A. D., Pashkevich A. V. (2020) Interpreting visual metaphors related to career planning as viewed by younger Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>.

А. Д. Свищевская, А. В. Пашкевич

ПРОЧТЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОР О ПЛАНИРОВАНИИ КАРЬЕРЫ У ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЫХ МИЛЛЕНИАЛОВ

ПРОЧТЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
О ПЛАНИРОВАНИИ КАРЬЕРЫ У ПОКО-
ЛЕНИЯ МОЛОДЫХ МИЛЛЕНИАЛОВ

INTERPRETING VISUAL METAPHORS
RELATED TO CAREER PLANNING AS
VIEWED BY YOUNGER MILLENNIALS

СВИЩЕВСКАЯ Анна Дмитриевна — магистр академической программы факультета социальных наук «Прикладные методы социального анализа рынков», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: adsvirshchevskaya@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4987-7431>*

*Anna D. SVIRSHCHEVSKAYA¹ — MA in Applied Methods of Social Analysis of Markets, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: adsvirshchevskaya@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4987-7431>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ПАШКЕВИЧ Анна Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

*E-MAIL: apashkevich@hse.ru
https://orcid.org/0000-0003-1596-9669*

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования, реализованного авторами с применением техники глубинных метафор для изучения характера построения карьеры поколением молодых миллениалов в возрасте 21—24 лет, имеющих опыт работы не менее полутора лет. Методически исследование сочетает в себе элементы биографического интервью, подготовку респондентами «визуальных комплексов» (диафильмов) о планировании своей карьеры и обсуждение («прочтение») этих визуальных образов вместе с исследователями. Особое внимание уделено диагностике ключевых поколенческих страхов. На основе десяти главных метафор и страхов эмпирически выделены шесть моделей построения профессионального пути, или четыре модели в укрупненной раскладке: карьера как калькулируемый проект («вижу цель — не вижу препятствий»), карьера как неразменность жизненных принципов («выбор большинства других мне не подходит»), карьера как воплощение заданной традиции («так было принято, потому так надо»), карьера как безлимитное приключение («одним словом, авантюра»). Статья содержит детальное описание типологии, а также всех визуальных метафор, полученных в проведенном исследовании, в виде структурных схем.

Anna V. PASHKEVICH¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Faculty of Social Sciences

*E-MAIL: apashkevich@hse.ru
https://orcid.org/0000-0003-1596-9669*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article provides an analysis of the results of a survey conducted by the authors. Using a “deep metaphor” technique the authors explore career-building activities of the Millennials aged 21–24 with a working experience of at least one year and a half. The methodological basis of the paper is a combination of biographical interviews, a visual set of metaphors related to career planning prepared by respondents (filmstrips) and discussion (interpretation) of these visual images with the researchers. A special attention is paid to analyzing the key generational fears. On the basis of ten dominant metaphors and fears the authors single out six models of building a career path, or four models in a scaled-up version. Those models are (1) career as a calculated project (“I see the goal and see no barriers”), (2) career viewed through invariable life principles (“the choices made by many others do not suit me”), (3) career as an established tradition under implementation (“this has always been common, thus this is what I need to do”), (4) career as an unlimited adventure (“an adventure, in one word”). The article proposes a detailed typology and presents all the visual metaphors drawn from the study in the form of structural schemes.

Ключевые слова: поколение миллениалов, глубинные метафоры, планирование карьеры, социологическое интервью, визуальные данные, поколенческие страхи

Keywords: millennial generation, deep metaphors, career panning, sociological interview, visual data, generational fears

Введение: оптика исследования планирования карьеры

Социологи, проводящие качественные исследования, нередко сталкиваются с метафорами, «прочтение» которых требует специально разработанных инструментов, одним из которых является техника глубинных метафор ZMET — Zaltman Metaphor Elicitation Technique [Zaltman, Zaltman, 2008]. Зародившись в области психологии, зачастую она используется как инструмент «извлечения» реакций респондентов на объект изучения или затронутую тему. В рамках проводимого исследования техника была адаптирована под социологическое рассмотрение для структурирования ключевых метафор о планировании карьеры молодыми миллениалами (в возрасте до 24 лет). Исследование выстроено через анализ визуальных данных, так как изучаемое поколение склонно проговаривать свои убеждения через язык «собирабельных» визуальных образов¹.

Постановка проблемы исследования

Вопрос исследования: вариативность сценариев планирования профессионального пути молодыми миллениалами в эпоху глобализации.

«Быстрее, выше, сильнее» — девиз олимпийских игр, знакомый каждому человеку. И современный мир все в большей степени приобретает очертания олимпийской арены. Контекст протекающей глобализации задает новые императивы современности — усложненные максимы наружной жизни, одной из которых признается *культ высокой скорости*. Человек постоянно куда-то стремительно мчится, становясь похожим на атлета, бегущего марафон в гонке за золотой медалью. «Все движется настолько быстро, что экономисты даже не успевают что-то высчитывать, а эксперты — рассказывать»². Жизнь современного общества вынуждает быть быстрым — отчасти не столько по собственному желанию, сколько для соответствия заявленным тенденциям и социальным эталонам внешнего успеха, это внешнее (витрина) рвется вперед. Страх быть «не в тренде» определяет траекторию действий [Гофман, 2017: 141]. Сегодня все происходит настолько стремительно, что не остается возможности для вдумчивой адаптации к новоизобретенному, «медленному осмыслению» происходящего. В структуре видения будущего собственный горизонт планирования сужается и сжимается: становится сложно прогнозировать события завтрашнего дня, следующего месяца, грядущего года и тем более увидеть отчетливую перспективу долгосрочного. Исчезает стабильность, а ясность

¹ Авторы статьи выражают благодарность всем участникам исследования за согласие в проведении социологического интервью на тему «Планирование карьеры».

² См.: Чулок А. А. Цифровая экономика: взгляд экономиста сквозь призму глобальных трендов. Открытая лекция в рамках проекта «Университет, открытый городу: Вышка в Парке Горького». 26.07.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kp6hOKn3JhU> (дата обращения: 21.03.2020).

приобретает иную риторику — каждый день как новый комплекс событий, нередко неожиданный и спонтанный.

Какие тенденции охватывают в этот момент рынок труда? Он трансформируется так же стремительно, как и все остальное, в связи с чем профессии теперь рассматриваются в призме «*новых* — профессий для новой экономики, *трансформирующихся* — профессий, которые изменяются под давлением технологий, и *устаревающих* — профессий, будущее которых находится под угрозой»³. Некогда традиционный линейный путь планирования карьеры, при котором сотрудник «выращивался» в рамках одной компании от низших до ведущих должностей, все меньше подходит для современных реалий — сегодняшние молодые специалисты долго не задерживаются на одном месте, порываясь ухватиться за многочисленные предоставленные им возможности. Новая парадигма мышления получила название *калейдоскопного мышления*, при котором «планирование карьеры диктуется не компанией, а собственными ценностями индивида, критериями и решениями»⁴ [Mainero, Sullivan, 2006: 111].

Наряду с этим особое внимание следует обратить на восприятие профессии (как выбора жизни) современной молодежью, рассмотрев его через *призму инвестиции* — инвестируя сейчас, ожидаешь получить дальнейшую капитализацию. Предвкушая высокую доходность в будущем (заметим, эта доходность может не быть получена), молодой специалист старается «вложиться повыгоднее», составить свое резюме из упоминаний об участии в деятельности разнообразных коротких проектов, но в реалиях высоких скоростей и стремительных изменений все сложнее определить необходимость той или иной активности — что выбрать (?), как себя применить (?), на какой дороге найти счастье (?). В контексте высокого риска целью профессионального обучения становится прикладное и практичное — находясь в состоянии неопределенности, человек потребляет «отрывочные» знания, способные обеспечить «немедленную экономическую отдачу» [Покровский, 2005: 148]. Кропотливое возвращение фундаментального знания требует длительных усилий, времени на которые не хватает ввиду нынешнего ритма жизни — эклектично распределенного, многослойного, торопливого. А если фундаментальное и кажется важным, то эффекты от его приобретения воспринимаются отдаленными, теряющими актуальность для культуры всеобщего ускорения. Человек не готов ждать, и оттого стремится «расщепить» многие привычные вещи, у которых раньше четко не определялись границы начала и окончания [Покровский, 2003]. Это касается не только знаний, но и времени [Денисова и др., 2017]. Траектория времени отныне раскладывается на серию коротких отрезков, каждый из которых воспринимается как отдельный проект, достаточно краткосрочный [Покровский, 2003]. Современный человек живет проектами с конкретными датами начала и окончания, «*время перенарезается на отдельные строго отмеренные отрезки*» [Николаев, 2017: 289], своего рода микродстанции, короткометражки. После реализации одного проекта придется

³ См.: Судаков Д. Как быть успешным в 2025 году? Открытая лекция в рамках профориентационного проекта для родителей и их детей «Университет, открытый городу: Высшая школа карьеры». 15.02.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=23&v=9WQfXJAEAU (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ Перевод авторов.

сразу взяться за новый — и, как следствие, все в таком водовороте начинает казаться временным и нестабильным.

Тем не менее можно распознать и просвет иных трендов: время заставляет действовать быстро, однако взамен оно предоставляет *вариативную палитру возможностей для собственной реализации*. Существует много векторов движения, путей для конкретизации своего выбора, возможностей комбинировать друг с другом почти все что угодно. Осмелимся предположить (утверждать), что предыдущие поколения не имели такого широкого выбора, какой имеет поколение миллениалов — молодежь, рожденная в эпоху всеобщего ускорения.

Мы сталкиваемся с размытостью процесса и структурных элементов планирования профессии, карьеры в эпоху глобализации и, как следствие, *нечеткостью предмета исследования*, что затрудняет его изучение строго формальными классическими методиками социологического опроса. В данном случае представляется уместным использование рисуночной методики для улавливания полифонии образов в вопросах планирования карьеры [Пашкевич, Сапрыкина, 2015]. Вместе с тем важно обратить особое внимание на эмпирический объект проводимого исследования — поколение миллениалов: «<...>, они люди визуальной культуры — им легче смотреть, чем читать и слушать» [Радаев, 2019: 188]. *Визуальные образы* выступают языком коммуникации этого поколения. Их коммуникация между собой строится на изображениях — снимках, картинках, фотографиях и других визуальных артефактах. Для социологического рассмотрения визуальной риторики в притязаниях этого молодого поколения относительно вопросов планирования карьеры воспользуемся элементами методологии глубинных метафор ZMET и попытаемся «прочитать» контент и транслируемые сигналы о построении профессионального пути. Традиционно слово «карьера» ассоциируется с такими категориями, как *движение, рост, преобразование или поиск новизны*, что свидетельствует о возможности адаптации исходной (классической) модели глубинных метафор под решение социологической задачи. Ожидается, что можно увидеть их в визуальном нарративе респондентов и проследить, какие встречаются аллегории, когда обсуждается карьера.

Выбор эмпирического объекта: почему они и кто они, молодые миллениалы?

Важность поколенческих установок в контексте планирования карьеры неоднократно подтверждена исследованиями [Clarke, 2008; Gubler et al., 2015; Черников, 2014; Долженко, 2015]. Фокус нашей работы сосредоточен на поколении российских миллениалов (также называемом поколением Y, поколением Next, поколением сети), период рождения которых пришелся на 1985—2003 гг.⁵ (в 2019 г. старшим представителям этого поколения исполнилось 34 года, в то время как младшим — 16 лет). Поколение миллениалов представляет особый исследовательский интерес в рамках изучаемой темы по нескольким причинам. Миллениалы постепенно становятся самой многочисленной трудоспособной группой населения. По прогнозам, к 2025 г. они «захватят» 75 % рабочих мест в мире

⁵ Согласно временным рамкам, для широкой общественности озвучиваемым в проекте «RuGenerations».

[PriceWaterhouseCoopers, 2008], причем именно «захватят», а не займут. Среди миллениалов силен дух конкурентной борьбы: они постоянно ставят себе цели и работают над их достижением, держат высокую планку и не желают ее понижать. Что их мотивирует? Основной посыл, усвоенный миллениалами посредством различных каналов коммуникации, — важность достижения успеха в жизни, чаще всего измеряемого аплодисментами. По этой причине на рынке труда миллениалы считаются самым «нетерпеливым» поколением: они часто меняют места работы, поскольку грезят о быстром рывке и «пробуют разные возможности для достижения успеха» [Ng et al., 2010: 282]. Как уже заявляют многие работодатели, «это не мы интервьюируем их (миллениалов), это они интервьюируют нас» [ibidem]. Представители молодого поколения имеют множество векторов выбора, однако в отсутствии «внятной картины будущего» и понимания себя в настоящем испытывают разнообразные страхи. Один из наиболее четко прослеживаемых — страх поражения и неспособности выстоять в конкурентной борьбе. Они боятся быть непризнанными, оказаться на обочине жизни (как когда-то оказались многие из их родителей в 1990-е годы, прошедшие испытание профессиональным унижением и «потерей лица» — от статуса инженера научного института низведенные до роли продавца гаечных ключей на городском рынке) и лишиться всего того, что у них уже есть (например, доступ к определенным благам, комфорту). На ранних карьерных этапах им важно сделать себе яркое имя, читаемое по внешним признакам (так называемый микробренд): стать заметными, заявить о себе, чтобы в одних случаях выраженно проявить свою оригинальность (и получить аплодисменты, добрать эмоции), а в других — быть понятыми окружающими.

Важно принять во внимание, что в настоящем исследовании рассматривается планирование карьеры молодыми миллениалами, которые проживают в стремительно движущейся среде мегаполисов и крупных городских агломераций с присущей ей каледоскопностью, мельканием различных новшеств и событий. В определенном смысле можно говорить, что именно они представляют собой «авангардную» группу по отношению к подавляющему большинству молодежи в России, обладая следующими выраженными характеристиками: встраивание повседневной жизни в ритм мегаполисов, получение высшего образования, ориентир на высокооплачиваемую работу в коммерчески востребованных и быстроразвивающихся отраслях экономики, включенность в глобальные тренды и коммуникации. Можно предположить, что карьерные траектории миллениалов, проживающих за пределами областных центров, где время пока еще движется на порядок медленнее в сравнении с темпами больших городов, эпицентров стихийных изменений, формируются иначе.

Структура выборки исследования: критерии

Для приглашения к интервью респонденты отбирались методом «снежного кома», с максимизацией вариации состава выборки — люди с достаточно разными биографиями и детерминантами своего профессионального пути. Выборка строилась по трем критериям: временной период в рамках поколения, длительность опыта работы, область знаний текущей профессиональной деятельности. Коротко поясним эти критерии.

Критерий 1 — *временной период в рамках поколения*. Поскольку имеет место так называемый «поколенческий шаг» и каждое поколение покрывает временной промежуток в 15—20 лет [Радаев, 2018: 17], можно выделить три группы миллениалов. У миллениалов поколенческий шаг составляет 19 лет, отсылающий к конкретной «предыстории» социализации и историческому контексту их юности, формирующему ценности и модели поведения: 1) «дети перестройки» (родились в 1985—1991 гг., X-миллениалы), 2) «дети лихих девяностых» (родились в 1992—1997 гг., Y-миллениалы), 3) «дети нового времени» (родились в 1998—2003 гг., Z-миллениалы). Представители одного поколения могут контрастно отличаться друг от друга — в особенности эта тенденция характерна для тех, чьи годы рождения приходятся на начало и окончание поколенческих рамок (те, кому сейчас 34 года, и те, кому только 16, — носители разных ценностных установок, однако и те, и другие считаются миллениалами). В рамках настоящего исследования было принято решение рассматривать миллениалов второго и начала третьего подпериодов (молодых миллениалов) по следующим причинам. Возраст этой группы на сегодняшний день составляет от 21 до 27 лет и является наиболее активным периодом для построения карьеры, поиска себя на профессиональном поприще. Как правило, молодые россияне в этом возрасте отдают предпочтение вступлению в брак для создания семьи (средний возраст вступления в брак в России в 2017 г. для мужчин составляет 27,4 года, для женщин — 25,3 года)⁶, в связи с чем реализация себя в профессиональной сфере становится для них главным приоритетом и критерием пройденного жизненного пути.

Критерий 2 — *длительность опыта работы*. С целью получения рефлексивных ответов в качестве порогового значения был установлен опыт работы от полутора лет, в заметной степени позволяющий человеку дать первую оценку своей профессиональной деятельности, подвести первые итоги. Также важно отметить, что специфика проводимого исследования подразумевает под «релевантным» профессиональным опытом именно опыт работы в структуре различных организаций (компаний) с целью профессионального развития (роста или научения) в интересующей сфере, то есть стремление к стратегическому планированию карьеры. В выборку не включались представители поколения, занимающиеся ради получения заработка «случайными» работами, которые не рассматриваются как приоритетные для будущего развития.

Критерий 3 — *область знаний*. Рассматривались профессии социально-экономической области знаний, так как они характеризуются меньшей формализованностью и большей массовостью распространения, без промедления реагируют на глобальные вызовы и, как следствие, трансформации рынка труда.

В исследовании, которое проводилось в Москве весной 2019 г., приняли участие 12 человек (табл. 1) в возрасте от 21 до 24 лет, состав по полу: четыре мужчины и восемь женщин.

Для половины опрошенных характерна полная занятость, в то время как другая половина еще только получает высшее образование (3—4 курс) и совмещает учебу с работой. Средняя продолжительность опыта работы информантов состав-

⁶ Итоги наблюдения. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/reports.html (дата обращения: 25.03.2020).

ляют 2,2 года, все они вовлечены в самые разнообразные профили деятельности в рамках социально-экономической сферы: менеджмент, аналитика, копирайтинг, финансы, логистика, HR.

Таблица 1. Социально-профессиональный профиль участников исследования

№	Пол	Год рождения	Степень образования	Опыт работы	Род деятельности
1	Ж	1996	Бакалавр, 4 курс	3 года	HR (IT-рекрутмент)
2	Ж	1998	Бакалавр, 3 курс	1,5 года	HR (обучение и развитие)
3	М	1995	Выпускник, магистратура	3 года	Финансовая аналитика
4	М	1997	Бакалавр, 4 курс	2,2 года	Копирайтинг
5	Ж	1995	Выпускник, магистратура	2,5 года	Управление продуктом
6	Ж	1995	Выпускник, бакалавриат	2,2 года	Логистика
7	Ж	1995	Выпускник, бакалавриат	3,5 года	Категорийный менеджмент
8	М	1998	Бакалавр, 4 курс	1,5 года	Аналитика
9	Ж	1998	Бакалавр, 3 курс	1,5 года	Проектный менеджмент
10	Ж	1998	Бакалавр, 3 курс	1,5 года	HR (документооборот)
11	Ж	1996	Выпускник, бакалавриат	2 года	HR (рекрутмент)
12	М	1995	Выпускник, магистратура	2 года	Финансы

Инструментарий исследования: планирование карьеры на языке метафор

В исследовании применяется качественная методология с комбинированием двух методов сбора данных: полуструктурированное интервью и техника глубинных метафор ZMET, результатам которой посвящена текущая статья. В работе нашли отражение десять глубинных метафор: семь стандартных и три выделенных нами дополнительно (учитывая предмет исследования)⁷. Метафоры «классической модели» были описаны Дж. Зальтманом по итогам проведения двенадцати тысяч интервью в более чем тридцати странах мира — эти метафоры прослеживались в историях респондентов с наибольшей частотой и таким образом составили корпус индикаторов предложенной им исследовательской методики. Согласно концепции Дж. Зальтмана, задача беседы с человеком состоит в совместном (интервьюер и респондент) получении структуры образов, оказывающих влияние на восприятие респондентом тех или иных сложных, трудно проговариваемых или многоаспектных явлений, когда нелегко подобрать нужные слова, а легче найти визуальный аналог, «собираемый» визуальный образ. Методика позволяет человеку четче опознать себя в системе координат исследуемой темы [Zaltman,

⁷ Дополнительно к классической модели мы выделили три метафоры: «ожидания на финише», «выбор из семи дорог», «уникальность». Подробно обо всех метафорах будет сказано далее.

Zaltman 2008]. Глубинные метафоры выявляются с помощью изображений: респондентов просят подобрать пять — девять изображений, иллюстрирующих их отношение и видение изучаемой темы исследования. При этом важно подчеркнуть, что изображения не должны иметь прямых указаний непосредственно на сам объект исследования, а должны воспроизводить объект с помощью метафорических образов [Zaltman, Coulter, 1995].

Задание для участников нашего исследования было сформулировано следующим образом: «К нашей встрече подготовь, пожалуйста, пять — семь любых изображений, которые в наглядной степени соответствовали бы твоим личным притязаниям, маршрутам или этапам, когда речь заходит о выражении „планировать свой профессиональный путь“. Какой он, твой профессиональный путь?». Между назначением даты каждого интервью и его непосредственным проведением оставался промежуток времени (как правило, три-четыре дня), чтобы участникам хватило времени на обдумывание вопроса о планировании своего профессионального пути и подбор релевантных, по их мнению, визуальных аналогов. В ходе выполнения задания они могли задать уточняющие вопросы, прояснить детали, в результате чего с ними сложилась двухступенчатая модель коммуникации — до интервью и во время его проведения. Следует отметить, что выбранный формат с предварительным заданием способствовал достижению доверительной атмосферы между исследователями и каждым из будущих собеседников. В результате получается так, что изображения одновременно начинают и завершают беседу о планировании карьеры. Подготовленные визуальные образы направлялись нам до начала интервью, позволяя изучить их и выдвинуть предположения о возможных вариантах социологической интерпретации, прочтения. Реализация интервью с визуальным материалом включала несколько этапов⁸.

Этап 1. Истории про изображения. Респондент подробно описывает каждое подготовленное им изображение, отвечая на следующие вопросы: «Расскажи, пожалуйста, про каждое подготовленное тобой изображение. По какой причине ты выбрал именно его? Как оно отражает твои размышления и личные притязания в планировании профессионального пути?»

Этап 2. Отсутствующие изображения. Респонденту задаются проективные (опосредованные) вопросы об отсутствующих изображениях, а именно: «Были или нет у тебя какие-то мысли, к которым не получилось подобрать изображения?». Если респондент отвечал утвердительно, задавались уточняющие вопросы: «Опиши, пожалуйста, эти мысли. С чем связаны сложности с их визуализацией?»

Этап 3. Задание-триада. Интервьюер выбирает три случайных изображения и просит респондента обозначить, чем два (любых) из них между собой схожи, но отличаются от третьего. Вопросы сформулированы следующим образом: «Рассмотри, пожалуйста, три этих изображения. Подумай, какие два из них наи-

⁸ Оригинальная методика относится к области психологии и включает семь этапов, полноценное проведение которых занимает полтора-два часа. Однако для социологической аппликации исследовательские процедуры были адаптированы и предметно уточнены по заданиям, состоявшим из трех ключевых этапов, дополненных вопросами биографического интервью. Оценивая «вклад» каждого из этапов методики, следует сказать, что он ощутим: эти три этапа являются своеобразным фундаментом, на котором выстраивается последующая детализация полученных визуальных данных.

более схожи между собой. Что их объединяет? Что отличает их от последнего изображения?»

Вместе с тем прочтение визуальных метафор сопровождалось уточняющими вопросами биографического характера, в число которых вошли вопросы о выборе и становлении профессионального пути, осмыслении своей профессии в контексте современных тенденций профессионального мира, видении карьерного трека в перспективе пяти — десяти лет. Вопросы биографического интервью помогли задать комплексный фон для описания индивидуальных историй жизни и их влечения в социальную типологию сценариев построения карьеры.

Этап сбора данных и его специфика

По результату подбора визуальных материалов участники исследования могут быть условно отнесены к двум группам: *«проявившие неподдельный интерес к поиску изображений»* и *«столкнувшиеся со сложностями при поиске изображений»* (в пропорции 3:1 соответственно). К первой группе отнесены девять респондентов, для которых выполнение предварительного задания не доставило особых сложностей. В нескольких случаях количество подбираемых ими изображений превышало число, оговоренное нами, в связи с чем напрашивается вывод, что им было искренне интересно «копаться» в своих мыслях и подбирать к ним «говорящие» снимки. Поскольку до окончания интервью детали о методике не сообщались (они были проговорены респондентам и объяснены в завершении беседы), по завершении разговора участникам было интересно хотя бы немного о ней узнать. Поиск изображений и их дальнейшее обсуждение оказались для этой группы крайне полезными, поскольку молодые работники получили возможность увидеть себя в системе координат. Вторую группу представляют три участника, испытывавшие некоторые сложности в ходе выполнения предложенного задания, количество подобранных ими изображений оказалось несколько меньше запрошенного. Тем не менее на интерпретации данных это не отразилось, поскольку все изображения существовали не автономно, а подкреплялись собственным прочтением со стороны респондентов и пояснением логики подбора, складываясь в цельную историю. Таким образом, количество изображений варьировалось среди респондентов: от трех изображений у тех, кто затруднился с подготовкой комплекта визуальных материалов, до девяти изображений у тех, кто справился с заданием в установленных количественных рамках. С целью выделения основной сюжетной линии мы самостоятельно выставили себе ограничения по количеству изображений, включаемых в каждый диафильм: по три-четыре изображения в одних случаях, по пять изображений в остальных.

На этапе сбора данных мы столкнулись с вполне ожидаемой ситуацией высокой загруженности участников исследования: чтобы встроиться в насыщенный график молодых работников, интервью проводились как после работы (преимущественно), так и во время обеденного перерыва. Техника ZMET «вплетена» в интервью, беседа по визуальному материалу является завершающей и подводит итог всему обсуждаемому. Вместе с тем методика позволяет индивиду выразить свои установки и модели поведения по отношению к собственной профессиональной деятельности через визуальный контент.

Процедура анализа изображений: структурная модель визуальных метафор

Изображения каждого участника — его личная история, «пленка» пройденных этапов и остановок, задел на будущее. Поэтому мы решили укомплектовать каждый отдельный нарратив в диафильм (авторское нововведение).

Рис. 1. Структура диафильма

Все участники следуют своей логике, выдержанной в определенной *последовательности изображений (микроэпизодов)*: фиксировалось, какие изображения помещены на старте и на финише истории, какие располагаются между ними — в центре сюжета. Далее каждый диафильм анализировался по шести векторам [Сапрыкина, Пашкевич, 2015: 85—88]: 1) устанавливалась принадлежность к одной из смыслообразующих групп в зависимости от стиля изображений, 2) определялся тематический вектор (основная сюжетная линия), 3) выделялись центральные символы каждого микроэпизода, 4) фиксировались особенности колоратуры и эмоционального фона (общего подобранного цветового решения), 5) оценивались четкость и прорисованность визуального ряда, 6) характеризовалось отношение респондента к заданной теме (стереотипность или эксклюзивность представленных изображений).

Поскольку респонденты подбирали готовые изображения (картинки), их не надо было прорисовывались собственноручно. В ходе беседы изображения интерпретировались и наполнялись смыслами, что свидетельствует о неслучайном их попадании в нарративы участников исследования. По завершении интервью исследовательские априорные прочтения сопоставлялись с тем, что сказано самими респондентами, — в ряде случаев между ними наблюдались заметные различия, которые корректировались. Например, на одном из изображений была представлена девушка, запечатленная на фоне разноцветных воздушных шаров. Ее лица не видно, поскольку снимок сделан со спины, однако руки тянутся высоко вверх, создавая ощущение уверенности и свободы. Поначалу предполагалось, что этот эпизод иллюстрирует свободу самовыражения в рамках выбранного рода деятельности, но оказалось, что респондент видел олицетворение найденного баланса в своей профессиональной сфере: по времени, которое затрачивается на работу, заработной плате, благоприятной атмосфере в коллективе, ощущению пользы от работы (воздушные шары в данном случае стали визуальной аллегорией разных компонентов равновесия в профессии). В табл. 2 представлена концептуальная структура полученных изображений и их упорядочения в виде метафор.

**Таблица 2. Репрезентация глубинных метафор
в вопросах планирования карьеры молодыми миллениалами**

Метафора	Краткое описание метафоры	Примеры визуальных образов (изображений), через которые метафора раскрывает характер планирования карьеры*
«Баланс/ дисбаланс»	Идея гармонии и равновесия в своей жизни, идея удержания равновесия / отсутствие баланса, нарушение гармонии, их разрушение	<i>Баланс:</i> «симметрично правильное дерево», «дерево с густой кроной», с разных сторон которого люди движутся навстречу друг другу. <i>Дисбаланс:</i> подчеркнутость «ломаных линий», выраженная асимметрия форм, искривления пути, «нехватка воздуха» / «толкотня» на изображении, нарушение равновесия на «чашах весов».
«Преобразование»	Трансформации, заметно происходящие в жизни: значимо, качественно по-новому изменяющиеся для человека роли, статусы, состояния	<i>Эволюция растения:</i> «от маленького ростка до цветка». <i>Эволюция человеческой жизни:</i> «от маленького ребенка до пожилой старушки». <i>Театральная сцена:</i> «современная профессия как работа в примерочной: лицо человека, меняющего маски разных профессий».
«Путь»	Осмысление своей жизни в оптике движения: дороги, тропы, траектории, путешествия, экспедиции, странствия	<i>Поступательный путь:</i> «человек, поднимающийся вверх по лестнице», «эволюция растения»: от маленького ростка до цветка. <i>Путанный путь:</i> «лабиринт», «человек, плутающий по лабиринту», «неоднозначность выхода», «замкнутый круг». <i>Путь по путеводной звезде:</i> «колючие ветви, за которыми светит солнце», «странники в пустыне, следующие за мерцанием звезды».
«Контейнер»	Образы чувствительных для человека тем: воспоминаний, чувств, эмоций, иногда ностальгии, иногда грез	«Ребенок, дующий на одуванчик», «ребенок, отпускающий в небо воздушный шар», «человек, управляющий нарисованным самолетом».
«Связь»	Образы, указывающие на принадлежность или же, напротив, отчужденность от определенных обстоятельств и персон, противопоставление себя другим или сопричастность им, их деятельности	<i>Принадлежность к группе:</i> «люди, проводящие брейн-шторм за большим рабочим столом», «земной шар, на котором люди связаны друг с другом тонкими нитями». <i>Социальное одобрение:</i> «девушка на красной ковровой дорожке», «жест поднятых вверх больших пальцев рук».
«Контроль»	Возможности воздействия, деятельного реагирования на жизненные ситуации, с которыми человек сталкивается в повседневности	<i>Внешний контроль:</i> «образ человека на руководящей должности, маркированный деловым стилем одежды и папкой в руках», «земной шар, находящийся в руках». <i>Внутренний контроль:</i> «человек, наблюдающий из окна высотных этажей бизнес-центра за жизнью там, на земле („футбол, в который играют другие, но не я“), но не дающий себе права отказаться от работы».

* Краткое описание метафор применительно к исследованию и примеры визуальных образов (изображений) даются на основе эмпирического материала, собранного авторами статьи.

Метафора	Краткое описание метафоры	Примеры визуальных образов (изображений), через которые метафора раскрывает характер планирования карьеры*
«Ресурсы»	Средства, помогающие человеку в достижении разного рода целей	<i>Люди как ресурсы:</i> «человек, принимающий решение в кругу близких людей, стремящихся дать совет». <i>Знания как ресурсы:</i> «мозг», «стопка книг», «компьютерная программа», «Excel». <i>Рабочие принадлежности как ресурсы:</i> «блокнот», «ежедневник», «Macbook Pro», «сайт headhunter».
«Ожидания на финише»	Результаты, которые человек желает видеть по окончании своего участия в какой-либо деятельности как конечный продукт	<i>Ожидания через вещи:</i> «автомобиль класса люкс». <i>Ожидания в виде Я-картинки:</i> «отдельный кабинет как маркер менеджерской позиции», «образ стильной успешной business woman», «человек, удаленно работающий на берегу океана, работа которого не привязана ни к месту, ни ко времени».
«Выбор из семи дорог»	Мучительность выбора, человек на распутье, несколько привлекательных (глянцевых) альтернатив	«Тропинка, расходящаяся в разные стороны», «Указатель с разными дорогами без указания пунктов прибытия», «выбор из пяти кружек, одинаковых по форме и размеру, но разных по цвету», иллюстрация пословицы «лучше синица в руках, чем журавль в небе» (выбор в пользу журавля).
«Уникальность»	Нахождение эксклюзивных моделей поведения, новых стандартов	«Человек складывает зонт, когда другие прячутся от дождя», «стикер „улыбка“ на фоне стикеров грусти», «одинаковый путь, но разные лестницы для его преодоления».

Описание результатов: типология планирования карьеры

В каждом из нарративов в среднем фиксировалось по четыре-пять метафор, среди которых одна-две являлись наиболее выраженными, доминирующими⁹. На основании этого в ходе исследования нами разработана типология¹⁰ планирования карьеры молодыми миллениалами. В табл. 3 приводится перечень выделенных типов и подобранные им названия с соответствующими акцентами в каждом из типов.

⁹ В Приложении 1 представлены глубинные метафоры в разрезе нарративов каждого из респондентов.

¹⁰ При разработке типологии косвенно была предпринята попытка оттолкнуться от типов социального действия М. Вебера (с его «расщеплением» действия на целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное). В случае проведенного исследования о планировании карьеры метафоры были собраны в четыре смысловые группы в координатах «практичность — рассудительность — осмотрительность — импульсивность».

Таблица 3. **Репрезентация типов планирования карьеры молодыми миллениалами**

Тип планирования карьеры	Разновидность типа планирования карьеры	Акцент в модели планирования карьеры
1. Карьера как калькулируемый проект («вижу цель — не вижу препятствий»)	—	Практичность
2. Карьера как неразменность жизненных принципов («выбор большинства других мне не подходит»)	2.1. Карьера как выработка «правильного голоса»	Рассудительность
	2.2. Карьера как стратегия вынужденного первенства	
3. Карьера как воплощение заданной традиции («так было принято, потому так надо»)	3.1. Карьера как линейное восхождение на вершину	Осмотрительность
	3.2. Карьера как мучительный выбор приоритета (между семьей и работой)	
4. Карьера как безлимитное приключение («одним словом, авантюра»)	—	Импульсивность

1. Карьера как калькулируемый проект: «вижу цель — не вижу препятствий» (четыре интервью). Планирование профессионального пути у четырех респондентов этой группы происходит так, что перед собой они конструируют финальную цель *не в отдаленной перспективе* и хронометражную очередность событий, ведущих к ней. Эта цель конкретна и не размыта (конечный продукт им понятен), соотносима с ресурсами, способными оказать решающее значение в ее достижении — эти миллениалы в достаточной мере *практичны*. Они думают, что ясным образом осознают, к чему идут и за что борются. Доминирующими метафорами являются две: «*ожидания на финише*» и «*ресурсы*». У одного из респондентов, к примеру, даже заготовлен целый набор инструментов, определяющих (по его мнению) каскадное построение карьеры. Визуально эти ресурсы «проговорены» в виде таких изображений, как «мозг» (метафора когнитивного капитала, явленная как «способность анализировать информацию, делать вывод»), «ежедневник» (визуальная аллегория навыков управления временем и предписанными действиями), «успешный business-talk» (в ситуации которого люди рассматриваются в первую очередь как ресурс и выгодные перспективы трудоустройства). Примечательна одна из выдержек интервью (PN^o 3):

«Подобная вещь [ежедневник] необходима. Если мне что-то надо записать и не забыть, я скорее пользуюсь какими-то бумажками по-быстрому. Это скорее не для того, чтобы что-то не забыть, а чтобы план на свою жизнь построить на несколько месяцев, на полгода, или то, что я планирую изучить, развить в ближайшее время. Строгая вещь успешного человека» (м, 1995, финансовая аналитика).

Появляется и метафора многозадачности в виде «человека-осьминога»: «*многозадачность — любимое слово на всех работах*» (ж, 1995, управление продуктом). Эта многозадачность прочитывается представителями молодого поколения именно как норма современности, где правилом становится репутация «чело-

века-многоножки», «щупальца» которого ловко захватывают каждую из приплывающих откуда угодно задач. Прямым следствием переключения на количественные показатели является риск неизбежного понижения планки качества (и они признают это). Однако в такой «игре по правилам» есть, по убеждению респондентов данной группы, и свои «манящие огни», перед которыми трудно устоять, — это возможность вырасти в своих глазах по результатам соревнований на скорость. Осведомленность о необходимых действиях (требуемых для того, чтобы получить результат), их кажущаяся просчитываемость позволяют по прошествии времени уверенно продвигаться вверх по ступеням карьерной лестницы, к своей вершине, не без нотки самолюбования («это мною сделано», «я достаточно хорош», «я собой доволен»). *Ключевой страх* — проиграть, когда многие на тебя смотрят и оценивают.

2. Карьера как неразменность жизненных принципов: «выбор большинства других мне не подходит» (четыре интервью). Акцент в модели планирования карьеры в данном случае делается на рассудительности (обдумывании своего выбора), что подразумевает приверженность индивида смысложизненным ориентирам, коренящимся в личном мировоззрении, и взвешенность принимаемых решений. С первого взгляда многое может казаться привлекательным, однако эти миллениалы не станут в моменте хвататься за разные «плюшки» и стихийно срывать звезды с неба, а будут оценивать их с позиции своих убеждений — могут ли они за это взяться или нет, вписывается ли планируемое действие в канву этики и просто собственных взглядов, или противоречит им. Так, в их случае скорее «внешнее идет за внутренним», не наоборот. Тем не менее в этой группе были зафиксированы два совершенно разных мотива, требующих разграничения между собой и прорисовки двух разных подходов. Понятие социального «нормативного» и соотнесение с ним не чуждо первой группе, а вторая пытается найти ему противопоставление, дать новое переосмысление. Поясним это.

2.1. Карьера как выработка «правильного голоса» (два интервью). При выборе траектории своего профессионального становления смысложизненные ориентиры для миллениалов этой подгруппы являются своего рода «фильтрами», на основании которых они оценивают приемлемость того или иного действия со своей стороны. В попытке найти призвание они стремятся расслышать свой внутренний голос и наложить его на общечеловеческие максимы правильной жизни. Будучи не готовыми отходить от своих принципов и убеждений, они боятся разочарования — что однажды их личностные ориентиры потребуют пересмотра. Критерием успеха в карьере для них становится моральное признание результатов профессиональных действий, интерпретация их как благородных со стороны внешних наблюдателей — как подтверждение верного пути.

Визуальная репрезентация построения карьеры одного из участников исследования (PN^o 2) выстраивается вокруг собирательных категорий «быть услышанным», «получить одобрение» окружающих. Социальное одобрение и поощрение являются своего рода маркерами качества, метриками успеха: если действия одобряются, значит, сделано правильно. Представленные в диафильме визуальные метафоры

всесторонне олицетворяют принадлежность к обществу и необходимость получения положительных отзывов о реализуемых ценностях на профессиональном поприще: «жест поднятых вверх больших пальцев рук», «ладони, обнимающие друг друга с теплом и поддержкой». В центре сюжета иллюстрируется рабочая обстановка, где прослеживаются такие ценности социального взаимодействия, как доброжелательность и взаимопомощь: респондент указал, что при их отсутствии с большой долей вероятности будет менять место работы, а доминирующей метафорой в данном случае является «связь»:

«В моей работе для меня очень важна дружественная атмосфера, в общем-то, если коллеги будут высказывать свое одобрение, если они будут поддерживать и как-то положительно реагировать на то, чем я занимаюсь, то мне будет все даваться намного более просто» (ж, 1998, HR: обучение и развитие).

Ключевой страх — не оправдать ожидания других.

2.2. Карьера как стратегия вынужденного первенства (два интервью). Основополагающей ценностью и одновременно доминирующей метафорой, которая предопределяет действия (в случае респондентов РN^о 6 и РN^о 7), является «уникальность». Здесь недостаточно просто найти себя в профессии — важно добиться смелой эксклюзивности, выделяться на фоне остальных. Диафильм одного из респондентов этой подгруппы начинается с сюжета о том, что не нужно прятаться под зонтом (как другие вокруг), когда проблемы (*преграды* — это несуществующие капли дождя) надуманны. На следующем изображении респондент показывает необходимость пробовать разные роли и оценивать их с позиции своих убеждений — визуальной метафорой служит картинка «в примерочной»:

«Я пытаюсь всегда, когда я вижу какую-то привлекательную для себя, может быть, роль, я пытаюсь оценить, насколько это подходит мне и моей персоналии, моим качествам каким-то внутренним, моим убеждениям... по мне ли этот костюм» (ж, 1995, категорийный менеджмент).

Судя по реплике, респонденту чрезвычайно важно достижение соответствия между внутренне ожидаемым (задуманным) и внешне реальным (воплощенным наяву) — не сможет «загнать» себя в роль, противоречащую его личным притязаниям и принципам. Далее в центр сюжета помещается метафора уникальности — респондента не пугает, а, наоборот, даже привлекает быть непохожим на других, находить оригинальные модели поведения, спорить с привычными шаблонами, поскольку именно такого рода действия поднимают на ступень выше (по мнению респондента):

«Моя уникальность — это вопрос, который я постоянно себе задаю. В чем мои знания уникальны? Почему сейчас интересно будет слушать меня? Почему я могу продать себя на рынке труда? Для меня это такой вопрос, флажок, к которому я всегда возвращаюсь — а что я сейчас делаю для того, чтобы быть уникальной? Это — конкурентное преимущество» (ж, 1995, категорийный менеджмент).

Респондент бежит «на опережение», однако крейсерская скорость и попытки взять бразды правления в свои руки носят вынужденный характер. Во введении мы упоминали о контексте сужения и сжатия горизонта планирования, при котором сложно делать прогнозы, в особенности относительно долгосрочного будущего. Одна из реалистичных возможностей оставаться в курсе, чтобы просчитывать шаги и своевременно переходить к необходимым действиям — следовать стратегии вынужденного лидерства. Уникальность нередко конвертируется во внешний успех и «зарабатывает» статус своему обладателю, что обеспечивает его востребованность как специалиста. *Доминирующий страх* в данном случае — сойти с дистанции, оказавшись на обочине жизни без признания. Чтобы этого не допустить, по мнению респондентов этой группы, необходимо на высоких скоростях брать самые смелые горизонты, выходя за порог утвержденного, за рамки принятого мышления.

Таким образом, в этих портретах можно проследить планирование карьеры, осуществляемое в рациональном ключе и тесно переплетенное с ценностной риторикой и личной системой взглядов: чем могу поступиться, а чем — нет.

3. Карьера как воплощение заданной традиции: «так было принято, потому так надо» (два интервью). Акцентом в выделении текущей модели планирования карьеры служит *осмотрительность*, предполагающая укорененность действий в существующих традициях и опору на устоявшиеся практики. Эти явления нашли отражение в нарративах двух респондентов, однако с качественно разных ракурсов.

3.1. Карьера как линейное восхождение на вершину (одно интервью). Традиция проявляется в линейном типе построения карьеры (PN^o 10): от стадии к стадии, от ступени к ступени — последовательно, проходя все этапы и роли, не перепрыгивая, поступательно, планомерно. Доминирующей метафорой в данном случае является метафора «пути», причем пути преимущественно прямого, не витиеватого и без изломов, и не в виде многоходового запутанного лабиринта. На трех изображениях из пяти в диафильме этого респондента путь представлен в виде многоуровневой лестницы геометрически правильной формы, устремленной ввысь, на верхних ступенях которой предстоит рано или поздно пожинать плоды своей деятельности. Вначале мы упоминали тезис, что линейный тип планирования карьеры, когда работник «выращивался» от должности к должности в масштабах одной компании, постепенно уходит в прошлое. На смену ему приходит калейдоскопная модель планирования карьеры, при которой работники не задерживаются надолго на одном месте, а «прыгают» (именно этот глагол) из компании в компанию в поисках новых возможностей и горизонтов. В соответствии с этим трудовое поведение респондента (PN^o 10) ортогонально современным «кричащим» трендам, оно как «старое пальто», вышедшее из моды, поскольку укоренено в карьерных практиках, устоявшихся в далекие времена, ныне проходящие и идущие на спад, редко кого привлекающие. С абсолютной готовностью он принимает именно их, эти традиционные эталоны карьерного пути, ориентируясь на верное и добросовестное профессиональное «служение», «выслугу лет» и др. Его карьерный путь

емко иллюстрируется словами: «делай что должен, и будь что будет». *Ключевой страх* — поддаться моде и увлечься духом времени, «заразиться им».

3.2. *Карьера как мучительный выбор приоритета: между семьей и работой (одно интервью)*. В отношении другого респондента в этой группе (PN^o 12) можно сказать, что его традиционность имеет иную природу и отсылает к чувствительному для многих вопросу: поиску баланса между семейной жизнью и профессиональной, бюджета времени (внимания и участия) на то и другое. В стремлении одновременно реализовать себя в профессии, но и не уйти в работу целиком, многие люди *пытаются жить* между личной и профессиональной сферами жизни, не выбирая приоритет. На всех картинках в визуальном ряду показан молодой работник, который понуждает себя трудиться вопреки «снежному кому» разных дел, разбирая завалы своих профессиональных обязательств и, главное, обещаний. Он словно бежит олимпийский марафон, постоянно преодолевая барьеры и препятствия, утопая в написании отчетов, в то время как «за окном парни играют в футбол» (M, 1995, финансы), а ему только и остается, что наблюдать с высотных этажей бизнес-центра за жизнью там, на земле, не давая себе права отказаться от работы. Единственный глоток воздуха — послерабочее время, позволяющее хотя бы немного отдохнуть, «строить непрофессиональные дела и черпать вдохновение» (M, 1995, финансы), но его остается крайне мало, считанные минуты маленьких радостей. В то время как он инвестирует себя в профессиональную деятельность (то есть по-настоящему тратит себя), другие посвящают свое время семейным хлопотам и трудам. Так, имея перед глазами два выбора, он пытается балансировать между ними, не в пользу семьи. В репликах этого респондента виден явный внутренний протест, однако он предпочитает отодвигать свои ценности на дальний план, с высокой долей вероятности через некоторое время этого человека ожидает эмоциональное выгорание. В представленной коллекции картинок доминируют метафоры «баланс» и «дисбаланс» (разрушение). *Ключевой страх* — так и не ответить на свой внутренний призыв, заглушить его. Обесценить пройденное.

Следует сказать, что в культуре ускорения семья постепенно выносятся за скобки привычного уравнения жизненных ценностей. В стремлении обеспечить своему будущему достойный уровень жизни и подушку финансовой безопасности миллениалы откладывают создание семьи. Неверно было бы утверждать, что у них нет ценности семьи как таковой: они боятся, что не сумеют на должном уровне ее содержать или, например, не смогут свободно путешествовать и перемещаться по миру, не успеют, как им кажется, посмотреть его. Социологически это важный факт, поскольку выявленные феномены перерастают в серьезный внутренний конфликт между жизнью для семьи и жизнью ради работы. Люди не готовы (пока еще не готовы) отказаться от традиционной, передаваемой из века в век онтологически выстроенной модели семьи и семейных ценностей, но на примере конкретного респондента видно, что в реалиях сегодняшнего дня выбор делается в пользу профессиональной жизни. Создается иллюзия (мечта) того, что все это когда-нибудь обязательно успеется, но только не сейчас, и что время еще есть... Наряду с этим причиной откладывания брака с целью построения семьи для миллениалов остается осознание поверхностности человеческих отношений,

их скоротечности, и взаимного недоверия: люди друг друга по большому счету не знают, один для другого — как труднораспознаваемый «икс», плохо знакомы, а постоянное общение в мессенджерах и социальных сетях нередко оказывается мнимым узнаванием друг друга.

4. Карьера как безлимитное приключение: «одним словом, авантюра» (два интервью). Акцент в модели планирования карьеры в данном случае поставлен на *импульсивности*. В ситуации, когда есть пестрая палитра возможностей для собственной реализации, предоставленной поколению миллениалов, существенной проблемой становится выбор. В контексте этих вводных действительно сложно выбирать: появляется страх ошибки, боязнь сделать неправильный выбор, недосмотреть. Доминирует метафора «*выбора из семи дорог*», непонимания себя. Так, подавляющее большинство изображений одного из участников исследования (P№ 1) связано только с выбором — респондент выбрал себе общую сферу для профессионального развития (это образ горы), однако вокруг нее множество мелких ответвлений, между которыми также необходимо сделать выбор в пользу конкретного вектора развития. На одном из изображений представлена девушка, выбирающая из одинаковых кружек: «*тебе нужно выбрать, какая из этих кружек, какую ты хочешь, а иногда это сложно сделать*» (ж, 1996, HR: IT-рекрутмент). В центре сюжета диафильмов оказывается человек, который пытается уменьшить число открывшихся перед ним степеней свободы и выбрать одну из многочисленных дорог для дальнейшего пути следования:

«Процесс томительных мучений у себя в голове, кем же я все-таки хочу быть. Есть куча вариантов, когда ты не знаешь, что для тебя лучше, и как это должно происходить. И ты думаешь, а может сюда, а что там, и анализируешь этот вариант, этот вариант...» (м, 1997, копирайтинг).

В силу постоянной необходимости выбирать человек как будто петляет по лабиринту в поисках выхода, неоднократно перестраивая маршруты, однако он не может знать наверняка, что ожидает его за следующим поворотом — чем дело кончится, сможет ли он когда-нибудь выйти оттуда и прекратить петлять по дорогам. На первый взгляд, это удручающее прочтение ситуации. Однако смысл всего визуального ряда как цельной истории проясняется в последнем изображении, по которому видно, что респонденту отнюдь не нужна стабильность и стопроцентная предсказуемость, иначе становится скучно жить — важен сам процесс погони за птицей счастья, летающей где-то высоко над землей. Между синицей в руках и журавлем в небе респондент выбирает журавля:

«Ты отнекиваешься от каких-то протоптанных дорожек, от советов, ты просто грызешь гранит науки сам, своими рукамиочищаешь себе путь, короче, журавль — это про риски, преодоление препятствий, это — не про комфорт. Но зато ты можешь быть в небе. В руках что угодно может произойти... хотя руки — это комфорт... хотя руки — ты как будто находишься в клетке, тебя в эти руки загнали, в этот комфорт, и ты в клетке» (ж, 1996, HR: IT-рекрутмент).

Жизнь воспринимается как сюрприз: для некоторых миллениалов она привлекательна и ценна своей непредсказуемостью, от этого живется интереснее, *оживляется сама жизнь*. Это может пугать и настораживать, но взамен, по их убеждению, обретается свобода маневров, приобретает карьера как сложное (экстремальное) путешествие со многими неизвестными в этом комплексе уравнений. *Ключевой страх* — не завершить это испытание-приключение, полет длиною в жизнь, счастливой концовкой. Когда была точка отправления (А), а точка прибытия (В) так и не состоялась: когда корабль остается в море, не найдя свою гавань.

Заключение: попытки осмысления поколенческой эксклюзивности

С использованием техники глубинных метафор ZMET в настоящей статье рассмотрена визуальная репрезентация притязаний молодых миллениалов в вопросах планирования карьеры, позволяя уточнить существующий социологический портрет этого поколения в научной литературе¹¹. Несколько глубинных метафор встречаются особенно часто в нарративах участников исследования. К ним относятся «путь», «связь», «ресурсы» (в семи нарративах), «ожидания на финише» и «выбор из семи дорог» (в шести нарративах). Метафора «путь» является классической и вполне ожидаемой в отношении изучаемого предмета исследования: молодые миллениалы, находясь на начальных этапах своего профессионального роста, воспринимают его в духе непрерывного движения, в ходе которого каждый следующий шаг приближает к намеченным целям или дает массу новых открытий, приобретений. У некоторых из них уже обозначены четкие ориентиры, другие еще продолжают петлять по лабиринтам в поисках той самой притягательной дороги, и так или иначе все это путь, каким бы четким или плохо различимым он ни был в картине собственного восприятия жизни. Повторно укажем, что размытость и неопределенность выступают синонимами современности. Тем не менее, несмотря на туманность контекста нынешней эпохи и разреженность границ будущего, молодые миллениалы в нарративах интервью представляются неунывающими путниками. За счет высоких скоростей перед их глазами постоянно меняется изображение, оно всегда другое: мелькают краски, мелькают лица и события. Создается видимость постоянного движения жизни, а не пребывания на одном месте. Возникает ощущение новизны (или ее иллюзия) — кажется, что все время появляется что-то новое, и, кроме того, формируется чувство собственной причастности ко всему вокруг происходящему:

«В Москве, не знаю, рождественская ярмарка, город постоянно украшен. Естественно, это — видимая часть, внутри это может быть более плачевно, но этот вечный праздник жизни, он не может не радовать» (ж, 1998, HR: обучение и развитие).

Часть поколения миллениалов уже имеет конкретные «ожидания на финише» в среднесрочном горизонте, соотносимые с «ресурсами» («обрастание» социальными связями — один из них) для их достижения. Другие стремятся остановить свой выбор, постепенно сокращая (а в ряде случаев внезапно отбрасывая) число

¹¹ Наиболее комплексный анализ характеристик поколения миллениалов представлен в книге: [Радаев, 2019].

существующих степеней свободы. Тем не менее метафора «выбор из семи дорог» конструирует центральный сюжет заметного количества нарративов — молодые миллениалы несут на себе бремя выбора *наряду с размытостью критериев выбора*. Им предоставлено много векторов движения, возможностей комбинировать, проводить эксперимент здесь и сейчас, а предмет этого эксперименты — собственная жизнь. Отличительной особенностью этого поколения выступает вера в личный успех: неудачи постигают других, а тебя по счастливым обстоятельствам они обойдут стороной.

Другая особенность молодых специалистов этого поколения — регулярные инвестиции в социальный капитал, вследствие чего метафора «связь» проходит красной нитью в ряде интервью. При сравнении миллениалов с предшествующими поколениями их внешняя деятельность заметно выделяется совместностью привлеченных усилий, вследствие чего умение работать в команде считается неотъемлемой компетенцией XXI века:

«В одиночку сложно что-то делать, просто ты не выдержишь, поэтому важно уметь работать в команде. Только с помощью проверенных людей ты сможешь чего-то добиться» (м, 1997, копирайтинг).

или

«Не нужно, идя по своему профессиональному пути, идти по головам, нужно помогать другим. Нужно быть проактивным и придерживаться принципа „выиграл — выиграл“. Это — хороший закон, по которому нужно жить, то, что делает людей людьми. <...> Поэтому на этом изображении я — тот, который тянет падающего человека на платформу» (м, 1998, аналитика).

В дополнение к этому, чтобы сделать свой карьерный путь насыщеннее, особое место в системе координат молодых миллениалов занимает нетворкинг, формируемый целенаправленно для извлечения постоянных выгод (возможно, краткосрочных — только здесь и сейчас) и выстраивания маршрута для регулярных переходов на новые рубежи своей профессиональной деятельности. Этим и может отчасти объясняться тезис о том, что миллениалам характерна способность «бросать работу» («выходить из рабочих отношений» без предупреждений¹²), как если бы у них не было времени (или готовности) на правильно завершаемые отношения, *объяснение себя другим*. Они словно на практике «прощупывают» критерии понятий «да» или «нет», «хорошо» или «плохо», репутация или риски, «мое» или «чужое», «привлекательный» или «отталкивающий». Почему? Интервью с респондентами в ряде случаев дает пищу для размышлений и попытки ответа на этот важный вопрос: *слишком высока цена за неверно принимаемые решения в своей жизни. Ключевой страх* — не стать собой в этом мире, где всего чрезмерно много и с избытком, и есть шанс запутаться в выборе, когда выбор становится не очевиден. Тогда «зачем себя тратить, если вдруг понимаешь, что выбор сделан

¹² Этот тезис обсуждается в книге: [Радаев, 2019].

ошибочно?». Объяснениями становятся такие аргументы: «Некогда разбираться, все мчится на полном ходу, иначе не успеешь и упустишь».

Редко, но все же в нарративах проговаривается один из выходов — не вникая в формат вежливого, корректного (по манерам) завершения отношений, просто исчезнуть. Такая модель поведения характеризует далеко не всех представителей рассматриваемого поколения, но у кого-то склонность к ней присутствует. Эта модель поведения проявляется как решительный «выход наружу» накопленных несопадений (подчас острых разногласий) между видением своей жизни и ситуацией, в которой они по факту проживают свое настоящее — так называемый диссонанс желаемой для себя картины мира и фактической картины, сложившейся ввиду принятых когда-то решений, не получивших спустя время статус положительной оценки с их собственной стороны. И с этими, заметно накопленными, противоречиями они разрывают связь в одночасье, без объяснений.

Уязвимость поколения состоит в его страхах. Какие страхи прослеживаются в проведенных интервью? Главный из них — *крушение себя*, боязнь совершить принципиальную ошибку, *себя не распознать в системе жизненных координат, себя себе не вернуть*. Отметим эти страхи, согласно выделенным структурным типам по итогам социологического рассмотрения:

- *Проиграть, когда многие на тебя смотрят и оценивают.*
- *Не оправдать ожидание других.*
- *Сойти с дистанции, оказавшись на обочине жизни без признания.*
- *Поддаться моде и увлечься духом времени, «заразиться им».*
- *Не ответить на внутренний призыв, заглушить его. Обесценить пройденное.*
- *Остаться в море, не найдя свою гавань.*

Важно осознавать, что миллениалы — это поколение молодежи, рожденной в начавшуюся эпоху всеобщего ускорения, в соответствии с чем им свойственно поддержание высокого темпа жизни без права на остановку в ритме масштабного оживленного города для осмысления в *тишине* пройденного пути и работы над ошибками. Долго ли удастся выдержать этот крейсерский темп?

Список литературы (References)

Гофман А. Б. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 141—150. <https://doi.org/10.7868/S0132162517100166>.

Gofman A. B. (2017) Too fast? The Culture of Deceleration in the Present-Day World. *Sociological Studies*. No. 10. P. 141—150. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162517100166>.

Денисова М. С., Бушина Д. В., Пашкевич А. В. Куда уходит время? Методика обобщенной социологической оценки ресурса времени современного горожанина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2017. № 45. С. 44—71.

Denisova M. S., Bushina D. V., Pashkevich A. V. (2017) Where Does the Time Go? The Method of Generalized Sociological Evaluation of the Time Resource of the Modern

Citizen. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology 4M)*. No. 45. P. 44—71. (In Russ.)

Долженко Р.А. Трансформация системы управления персоналом в условиях роста доли работников — представителей поколения Y // Управление корпоративной культурой. 2015. № 3—4. С. 214—222.

Dolzhenko R. A. (2015) Transformation of the Human Resource Management System in Terms of Workers Proportion Growth: the Representatives of Generation Y. *Management of Corporate Culture*. No. 3—4. P. 214—222. (In Russ.)

Николаев В. Г. Социальная организация времени и жизненный мир // Вопросы социальной теории. 2017. Т. IX. С. 284—293.

Nikolaev V. G. (2017) The Social Planning of Time and Life World. *Questions of Social Theory*. Vol. IX. P. 284—293. (In Russ.)

Пашкевич А. В., Сапрыкина Т. А. Какая она, престижная работа? (реконструкция социальных представлений на основе прочтения рисуночных данных) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 74—91. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/129/2015_129_6_Pashkevich_Saprykina.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

Pashkevich A. V., Saprykina T. A. (2015) What a Prestigious Job is Like? (Reconstruction of Social Representations Based upon Pictorial Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 74—91. (In Russ.) URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/129/2015_129_6_Pashkevich_Saprykina.pdf (accessed: 25.03.2020).

Покровский Н. Е. В зеркале глобализации // Отечественные записки. 2003. № 1 (10). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/v-zerkale-globalizacii> (дата обращения: 25.03.2020).

Pokrovsky N. E. (2003) In the Mirror of Globalization. *Notes of the Fatherland*. No. 1 (10). (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/v-zerkale-globalizacii> (accessed: 25.03.2020).

Покровский Н. Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 148—154.

Pokrovsky N. E. (2005) The Side Product of Globalization: Universities in the Face of Radical Changes. *Social Sciences and Modernity*. No. 4. P. 148—154. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Radaev V. V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. 224 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>.

Radaev V. V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: HSE Publishing House. 224 P. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>.

Сапрыкина Т. А., Пашкевич А. В. О процедуре кодирования рисуночных данных в социологическом исследовании: на примере изучения представлений о престижной работе // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 41. С. 80—119.

Saprykina T. A., Pashkevich A. V. (2015) The Procedure of Pictorial Data Formalization in Sociological Research: the Study of Representations about Prestigious Job. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology 4M)*. No. 41. P. 80—119. (In Russ.)

Черников Б. В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 153—158.

Chernikov B. V. (2014) Differentiation of Labor Values among Modern Workers Generations. *Vestnik of Tomsk State University*. No. 385. P. 153—158. (In Russ.)

Clarke M. (2008) Understanding and Managing Employability in Changing Career Contexts. *Journal of European Industrial Training*. Vol. 32. No. 4. P. 258—284. <https://doi.org/10.1108/03090590810871379>.

Gubler M., Biemann T., Tschopp, C., Grote, G. (2015) How Career Anchors Differentiate Managerial Career Trajectories: A Sequence Analysis Perspective. *Journal of Career Development*. Vol. 42. P. 412—430. <https://doi.org/10.1177/0894845315572891>.

Mainiero L. A., Sullivan S. E. (2006) *The Opt-Out Revolt: Why People are leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*. Mountain View (CA): Davis-Black.

Ng E. S. W., Schweitzer L., Lyons S. T. (2010) New Generation, Great Expectations: a Field Study of the Millennial Generation. *Journal of Business and Psychology*. Vol. 25. No. 2. P. 281—292. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9159-4>.

PriceWaterhouseCoopers. (2008) *Millennials at Work: Perspectives From a New Generation*. URL: <https://www.pwc.com/co/es/publicaciones/assets/millennials-at-work.pdf> (accessed: 02.06.2019).

Zaltman G., Zaltman L. H. (2008) *Marketing Metaphoria: What Seven Deep Metaphors Reveal about the Minds of Consumers*. Harvard Business Press. <https://doi.org/10.1108/07363760810915707>.

Zaltman G., Coulter R. H. (1995) Seeing the Voice of the Customer: Metaphor-based Advertising Research. *Journal of Advertising Research*. Vol. 35. No. 4. P. 35—51.

Приложение 1

Таблица 4. Глубинные метафоры в разрезе проведенных интервью

	«Баланс/Дисбаланс»	«Преобразование»	«Путь»	«Контейнер»	«Связь»	«Контроль»	«Ресурсы»	«Ожидания на финише»	«Выбор из 7 дорог»	«Уникальность»
Респондент 1			✓		✓		✓		✓	
Респондент 2		✓	✓		✓				✓	
Респондент 3							✓	✓		
Респондент 4			✓		✓		✓	✓	✓	✓
Респондент 5			✓			✓	✓	✓		
Респондент 6							✓		✓	✓
Респондент 7	✓	✓	✓		✓					✓
Респондент 8			✓	✓	✓	✓		✓		
Респондент 9						✓	✓	✓		
Респондент 10	✓		✓	✓	✓			✓	✓	
Респондент 11	✓	✓			✓		✓		✓	
Респондент 12	✓					✓				

✓ — встречающаяся метафора.

✓ — доминирующая метафора.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.692

Правильная ссылка на статью:

Забокрицкая Л. Д., Хлебников Н. А., Орешкина Т. А., Комоцкий Е. И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 148—167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.692>.

For citation:

Zabokritskaya L. D., Khlebnikov N. A., Oreshkina T. A., Komotsky E. I. (2020) Possibilities to study youth values through Vkontakte social network accounts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 148—167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.692>.

Л. Д. Забокрицкая, Н. А. Хлебников, Т. А. Орешкина, Е. И. Комоцкий ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРОФИЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРОФИЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

POSSIBILITIES TO STUDY YOUTH VALUES THROUGH VKONTAKTE SOCIAL NETWORK ACCOUNTS

ЗАБОКРИЦКАЯ Любовь Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: zabokritskaya@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4653-4409>

Liubov D. ZABOKRITSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, School of public administration and entrepreneurship, Graduate School of Economics and Management
E-MAIL: zabokritskaya@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4653-4409>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ХЛЕБНИКОВ Николай Александрович — кандидат химических наук, директор Института фундаментального образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: na.khlebnikov@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3662-1039>

ОРЕШКИНА Татьяна Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: t.a.oreshkina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0004-7709>

КОМОЦКИЙ Евгений Игоревич — ассистент кафедры аналитики больших данных и видеоанализа, Школы профессионального и академического образования, Института радиоэлектроники и информационных технологий — РТФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: evgeny.komotsky@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2112-4486>

Аннотация. Работа посвящена изучению ценностных ориентиров молодежи через анализ профиля социальной сети «ВКонтакте». В исследовании показано, что различия в политических, религиозных и ценностных установках молодых пользователей социальной сети могут быть дифференцированы по полу и возрасту. Полученные данные сопоставлены с результатами традиционных социологических исследований. Сделан

Nikolai A. KHEBNIKOV¹ — *Cand. Sci. (Chemistry), Director of Institute of Fundamental Education*
E-MAIL: na.khlebnikov@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3662-1039>

Tatiana A. ORESHKINA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, School of public administration and entrepreneurship, Graduate School of Economics and Management*
E-MAIL: t.a.oreshkina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0004-7709>

Evgeny I. KOMOTSKY¹ — *Assistant of the Department Big Data and Video Analytics Methods, School of Professional and Academic Education, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems*
E-MAIL: evgeny.komotsky@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2112-4486>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article explores the values of young people through their profiles on Vkontakte social media website. The study shows that political, religious and value-based settings of young people can be differentiated in terms of gender and age. The data obtained are compared with the results of conventional sociological studies. The authors conclude that youth values can be studied through Vkontakte social network profiles and

вывод о возможности изучения ценностей молодежи через анализ профиля «ВКонтакте», а также о необходимости дальнейших сравнительных исследований по данной тематике. В качестве выборочной совокупности выступает молодежь Екатеринбурга в возрасте от 14 до 30 лет, имеющая заполненный открытый профиль в социальной сети «ВКонтакте» ($N = 57\,860$). Для получения данных применены технологии работы с данными социальной сети «ВКонтакте» посредством ее API-интерфейса. Обработка собранных данных осуществлялась в IBM SPSS Statistics Base 22.0.

Ключевые слова: наука о данных, анализ социальных сетей, социология молодежи, жизненные ценности, ВКонтакте

Благодарность. Авторы статьи выражают благодарность Ю. Р. Вишневному (УрФУ) за поддержку и конструктивную критику.

further comparative studies are necessary. The sample frame is represented by young people aged 14-30 who live in Yekaterinburg and have complete public Vkontakte profiles ($N = 57\,860$). API was used for obtaining and analyzing the data; IBM SPSS Statistics Base 22.0 was used for the data processing.

Keywords: data science, analysis of social networks, sociology of youth, life values, VKontakte

Acknowledgments. The authors express gratitude to Yu. R. Vishnevsky (Ural Federal University) for support and constructive criticism.

Введение

Для всех, кто работает с молодежью, важно иметь представление о том, что значимо для нее, каковы ее ценности [Гражданская культура..., 2016: 61]. Молодежь является своеобразным барометром общественного настроения и той социальной группой, в которой наиболее динамично формируются и трансформируются ценностные ориентации. Сформировавшиеся в молодежной среде ценностные ориентации в дальнейшем будут оказывать значительное влияние на общество в целом.

Введенное еще античными мыслителями, понятие ценности используется в различных науках. Оно получило множество определений, характеристик и сравнений, как правило, дополняющих друг друга [Беляев, 2004]. Согласно определению, представленному еще в Советском энциклопедическом словаре, ценность — это «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, установках, идеалах, целях» [Советский энциклопедический словарь, 1988: 1473]. А ценностная ориентация — «избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении» [там же].

Поскольку ценности социальной группы изучаются за счет фиксации состояния системы ценностных ориентиров, то у исследователей возникает вопрос, что конкретно следует фиксировать (какой набор установок, убеждений, представлений) при изучении ценностей. Анализ различных методик изучения ценностей молодежи показал, что не существует «всеобъемлющего перечня ценностей, релевантных для любых социальных групп / для всех индивидов. В этом случае выявляются наиболее обобщенные и активные на данный момент времени элементы ценностной структуры респондентов, включающие в себя и готовые стереотипы из окружения респондента, и элементы общественного дискурса» [Гегер, 2010]. Таким образом, в различных социальных группах может фиксироваться и изучаться различный набор установок, убеждений, представлений, который и характеризует ценностные ориентиры данной социальной группы.

Молодежь, в отличие от других социальных групп, характеризуется массовым присутствием в социальных сетях. Именно поэтому представляется перспективным и целесообразным изучение молодежи и ее ценностей с помощью методов цифровой социологии и данных, получаемых из социальных сетей. Такого рода данные могут использоваться в дополнение к полученным традиционными методами исследования или как самостоятельные, фиксируемые в виртуальном пространстве.

Среди российской молодежи наиболее популярна социальная сеть «ВКонтакте». Например, среди школьников 16—18 лет основной ее называют 86 % респондентов [Королева, 2016]. Таким образом, благодаря высокой популярности и представленности молодежи профиль в социальной сети «ВКонтакте» может быть применен для изучения ценностей молодежи как специфической социальной группы.

Отметим, что способность собирать и анализировать цифровые следы человеческого поведения из социальных сетей представляет новую парадигму сбора данных [Gonçalves, Perra, Vespignani, 2011]. Информацию из социальных сетей активно применяют во всех социально-экономических сферах жизни человека, от анализа политических процессов [Hermida, Lewis, Zamith, 2014] и фиксирования путей распространения инфекционных заболеваний для медицины [Chew, Eysenbach, 2010] до принятия решений о возможности выдачи кредита физическому лицу [Cambria, Wang, White, 2014].

В России также наблюдается рост числа социологических, политологических и маркетинговых исследований, построенных на анализе данных из социальных сетей. В частности, в журнале «Социологические исследования» представлены статьи о буддийских сообществах в социальной сети «ВКонтакте» (используется модель социальных графов) [Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров, 2018], структуре и функциях онлайн-сообществ [Рыков, Кольцова, Мейлахс, 2016], особенностях речевого поведения в социальной сети [Рыйгас, 2013] и др. В настоящем журнале также опубликовано значительное число исследований на основе данных российской социальной сети «ВКонтакте». Они посвящены таким темам, как рейтинг интересов молодежи по социальным группам [Бразевич и др., 2019], восстановление пропущенных данных о городе проживания пользователей по сети друзей [Кавеева, Гурин, 2018], территориальная привязка пользователей [Замятина, Яшунский, 2018], гендерная самопрезентация подростков [Щекотуров, 2017], индекс восприятия контента [Щекотуров, 2016], визуальные образы пользователей [Ушкин, 2012] и др.

Большинство подобных работ носит экспериментальный характер, так как их авторы лишь апробируют различные возможности получения, обработки и представления данных [Губа, 2018]. Исследования, посвященные возможностям использования встроенных анкет в социальных сетях, носят единичный характер. Например, авторы из Томского государственного университета использовали анкетные данные пользователя социальной сети «ВКонтакте» для построения стратегии поиска и удержания абитуриентов с высоким образовательным потенциалом [Можаева, Суханова, Феценко, 2018].

В настоящее время нет единой точки зрения, можно ли доверять полученным из социальных сетей данным о человеке. Имеется мнение, что пользователь может преднамеренно исказить данные о себе. Однако традиционные методы эмпирических исследований в социологии также не лишены подобного риска. Согласно другой позиции, данные, в том числе и анкетные, представленные в виртуальном пространстве, являются фрагментом объективной реальности, и уже поэтому должны подлежать исследованию. Сторонники данного подхода утверждают, что для молодежи виртуальное пространство сливается с объективной реальностью, и это обуславливает достоверность получаемой из социальных сетей информации [Rogers, 2019].

При регистрации в социальной сети «ВКонтакте» человек вносит в свой профиль множество сведений: имя, фамилия, дата рождения, пол, город проживания, место рождения, языки общения, семейное положение (статус и личность, с кем состоит в отношениях), кроме того, можно внести сведения о бабушках, дедушках, родителях, детях, внуках и т. п. В отдельной вкладке добавляются сведения о месте работы или учебы, данные о военной службе и контакты для связи. Особый интерес для социологов, изучающих молодежь, представляет вкладка «Жизненная позиция», в которой отражены следующие сведения: политические предпочтения; мировоззрение; главное в людях; главное в жизни; отношение к курению; отношение к алкоголю.

Таким образом, вкладка «Жизненная позиция» дает набор сведений, характеризующих ценности людей, которые могут быть изучены в социальных сетях. Очевидно, что обобщенная информация из вкладки «Жизненная позиция» раскрывает лишь часть ценностной структуры пользователя социальной сети. Другими элементами ценностных ориентаций, которые могут быть изучены в социальной сети, являются подписки пользователя, лайки, содержание видеоряда и даже структура друзей, то есть все, что дает нам понимание о нравственных принципах и нормах, установках, идеалах и целях пользователей. Выше нами упомянуты исследования, проведенные по данным тематикам. Поскольку каждый из элементов ценностной ориентации в социальных сетях выявляется с помощью определенного набора технологических процедур, которые, в свою очередь, только разрабатываются и апробируются учеными, то в рамках каждой из представленных публикаций в области Online Big Data, как правило, рассматривается только одна из технологий по сбору или извлечению информации из социальных сетей. Анализ профиля социальной сети «ВКонтакте» и его вкладки «Жизненная позиция» также требует разработки и апробации технологии по сбору и обработке информации. Впоследствии,

анализ профиля в совокупности с другими технологиями изучения пользователя позволит получать максимально полную и объективную информацию о ценностях респондентов в социальных сетях.

В научной литературе нет единого мнения, к какому методу сбора социальной информации относится выгрузка открытых данных из социальных сетей. В зависимости от задач исследования можно обосновать это как контент-анализ, где документом выступает страница каждого отдельного пользователя, показателем — пункт анкеты, а счетной единицей — слово или словосочетание [Онлайн исследования в России 3.0, 2012]. С другой стороны, данные, полученные из профиля пользователя в социальной сети «ВКонтакте», содержат также ряд сведений, которые мы можем рассмотреть и проанализировать как социологическую анкету, заполненную не анонимным пользователем.

В этом случае данные можно перекодировать и перенести для последующего анализа в статистический пакет SPSS или Vortex. Эта операция дает возможность не только статистической обработки подобных данных, но и их сопоставления с результатами обычных анкетных опросов. Такой метод обработки данных позволит большему числу социологов использовать данные социальных сетей.

Настоящая публикация имеет своей целью показать возможности изучения ценностных ориентаций молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» посредством методов цифровой социологии. Специфика методов цифровой социологии заключается в том, что в ней используются технологии Data Science, статистические программы для обработки и представления этих данных, а также традиционный социологический анализ полученных результатов.

Методика исследования

Для изучения ценностей молодежи через встроенную анкету в социальной сети «ВКонтакте», посредством API-интерфейса социальной сети «ВКонтакте», с помощью методов `users.search` и итеративного перебора по датам рождения (параметры метода `age_from` и `age_to` а также `birth_day` и `birth_month`) были выгружены профили 832 442 человек, указавших Екатеринбург в качестве города проживания.

Полученный список ID был опрошен с помощью метода `users.get` (с использованием дополнительного параметра вывода — `personal`). Подробная схема работы представлена на рисунке 1.

Далее данные выгружались в программу для работы с электронными таблицами Microsoft Office Excel. Внутренними возможностями программы Microsoft Excel данные были перекодированы (через автозамену) и перенесены в программу IBM SPSS Statistics Base 22.0. Перенесение данных в SPSS позволило наиболее полно провести обработку данных и провести их статистический анализ.

Выборка

Исследование строилось на основе изучения профилей молодежи города Екатеринбурга. Были отобраны только открытые аккаунты, отвечающие возрастному критерию. Отметим, что под молодежью мы понимаем возрастную группу от 14 до 30 лет.

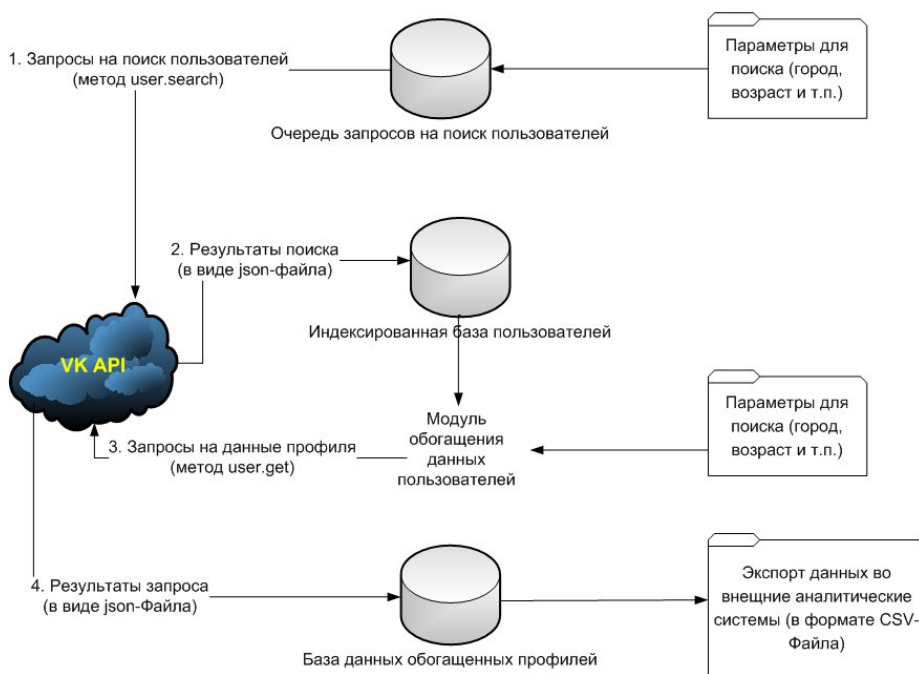

Рис. 1. Выгрузка данных профилей пользователей из социальной сети «ВКонтакте»

Таким образом, в качестве генеральной совокупности исследования выступила вся молодежь города Екатеринбурга. Выборочная совокупность представлена молодыми людьми из города Екатеринбурга, зарегистрированными в социальной сети «ВКонтакте», имеющими открытый и заполненный профиль. Выборка, применяемая в исследовании, — сплошная.

Мы отдаем себе отчет, что пользователи могли намеренно исказить информацию о себе или долгое время не обновлять сведения и т. д. Вопрос соответствия опубликованной информации о ценностях молодежи данным социологических опросов является предметом настоящего и будущих исследований авторского коллектива. Для минимизации фейковых аккаунтов для анализа отбирались только заполненные профили. Под заполненным профилем понимались те анкеты, в которых было заполнено хотя бы одно поле «жизненная позиция» (см. табл. 1). Поля вкладки «жизненная позиция» представляют систему установок и убеждений, которой придерживается или желает транслировать своему окружению пользователь. Декларируемые политические предпочтения, религиозные взгляды, жизненные приоритеты, отношение к вредным привычкам и ценности (вкладка «вдохновляет») являются ценностными ориентирами и могут проявляться в реальном поведении молодежи.

В Екатеринбурге, по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области¹ данным, проживает по-

¹ Рассчитано авторами по данным Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.04.2020).

рядка 350 тысяч молодых людей в возрасте от 14 лет до 30 лет, а в социальной сети «ВКонтакте» численность жителей того же возраста в два раза выше. Это можно объяснить, во-первых, наличием фейковых аккаунтов, а во-вторых, тем, что молодежь, проживающая в окрестностях Екатеринбурга, приписывают себя к жителям мегаполиса. В результате отбора было выделено 57 860 аккаунтов (это 7 % от исходной выгрузки, или 16 % от общего число молодежи города). Исходные выгрузки указанных аккаунтов размещены на ГитХаб².

Таблица 1. Поле «жизненная позиция» в профиле пользователя «ВКонтакте»

Тип поля (мнемикод в APIVK)	Возможные значения
Политические предпочтения (Political)	Не выбраны, индифферентные, коммунистические, социалистические, умеренные, либеральные, консервативные, монархические, ультраконсервативные, либертарианские.
Мировоззрение (religion)	Не выбрано, иудаизм, православие, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм, конфуцианство, светский гуманизм, пастафарианство. Возможно свое значение.
Главное в людях (people_main)	Не указано, не выбрано, ум и креативность, доброта и честность, красота и здоровье, власть и богатство, смелость и упорство, юмор и жизнелюбие.
Главное в жизни (life_main)	Не указано, не выбрано, семья и дети, карьера и деньги, развлечения и отдых, наука и исследования, совершенствование мира, саморазвитие, красота и искусство, слава и влияние.
Отношение к курению (smoking)	Не указано, не выбрано, резко негативное, негативное, компромиссное, нейтральное, положительное.
Отношение к алкоголю (alcohol)	Не указано, не выбрано, резко негативное, негативное, компромиссное, нейтральное, положительное.
Вдохновляют (inspired_by)	Открытый вопрос

Отметим, что до 2012 г. пункт «Политические предпочтения» назывался «Политические взгляды», «Мировоззрение» — «Религиозные взгляды», а сам раздел «Жизненная позиция» имел название «Убеждения». Несмотря на произошедшее переименование пунктов профиля, их содержание осталось без изменений.

Всего в выборку попало 49% женских аккаунтов и 51% мужских. Результаты исследования виртуального населения также показывают превалирование мужчин над женщинами в социальной сети «ВКонтакте» [Замятина, Яшунский, 2018]. Распределение аккаунтов по возрасту представлено в таблице 2.

Наиболее широко представлены аккаунты пользователей в возрасте от 19 до 30 лет. В данном возрастном диапазоне число аккаунтов за каждый год варьировалось от 3,9 тыс. до 4,5 тыс.

² URL: https://github.com/komockye/urfu_sna (дата обращения: 10.04.2020).

Таблица 2. Половозрастная структура аккаунтов (в % от числа ответов)

Возраст	Пол		В среднем
	Женский	Мужской	
С 14 до 17	9,2	8,3	8,7
С 18 до 24	49,5	47,5	48,5
С 25 до 30	41,3	44,1	42,7

Основные результаты и обсуждение

Согласно расчетам среднеарифметической, молодежь города Екатеринбурга имеет следующую активность во «ВКонтакте»: 159 аудиозаписей, 136 друзей, 105 подписчиков, 99 фотографий, 90 видеозаписей, подписки на 54 интересных страницы и 55 групп. Выше представлена статистика средних значений, мода же по всем видам активности равняется 0. Исключение составил вид активности «фотографии», где мода равняется единице.

Активности во «ВКонтакте» — это не просто набор статистических данных. Изучение каждой из представленных форм активности дает исследователям возможность получить огромный массив данных о респондентах. Например, изучая структуру друзей, можно определить демографические характеристики самого респондента, а подписки и группы, в которых он состоит, позволяют определять его культурные и психологические особенности. Несомненно, чем больше информации о респондентах подлежит нашему анализу, тем более целостную картину о ценностях молодежи мы можем представить. В данном же исследовании мы ставили задачей изучить только анкетные данные, представленные в самой социальной сети «ВКонтакте».

Исследование профилей молодежи было сфокусировано на изучение раздела «жизненная позиция». Первый пункт данного раздела — «политические предпочтения» (см. табл. 3). Это закрытый перечень ключевых политических взглядов.

Таблица 3. Политические предпочтения молодежи, распределение по возрасту (в % от числа ответов)

Варианты ответов	Возраст			В среднем
	14—17	18—24	25—30	
Умеренные	12,2	26,2	29,9	26,5
Социалистические	4,8	5,2	5,5	5,3
Либеральные	2,5	4,6	6,5	5,3
Коммунистические	3,4	3,6	4,1	3,8
Индифферентные	2,2	3,6	5,6	4,3
Монархические	1,2	2,1	3,4	2,6
Консервативные	0,7	1,4	2,5	1,8
Ультраконсервативные	0,4	0,9	1,5	1,1
Либертарианство	0,5	1,0	0,9	0,9
Не выбрано	72,1	51,4	40,1	48,4

Представленные данные показывают следующую тенденцию: с возрастом политическая неопределенность снижается, причем это происходит достаточно быстрыми темпами (см. рис. 2). Тем не менее доля молодежи с неопределенными политическими предпочтениями составляет почти половину (48,4%). Анализ распределения политических предпочтений по полу не выявил существенных различий. Аполитичность также подтверждают результаты анкетного опроса молодежи, проведенного нами в 2016 г. [Гражданская культура..., 2016: 107].

Среди определившейся с политическими предпочтениями молодежи лидируют с большим отрывом умеренные политические взгляды (26,5%). Остальные типы политических предпочтений не превышают 5,3%. Меньше всего последователей у таких крайних политических течений, как либертарианство (0,9%) и ультраконсервативные взгляды (1,1%). Учитывая объем нашей выборки, 1% молодежи в численном выражении составляет почти 600 человек, что является значимым числом в масштабах одного города. Учитывая возможности социальных сетей, единомышленники могут легко находить и поддерживать друг друга.

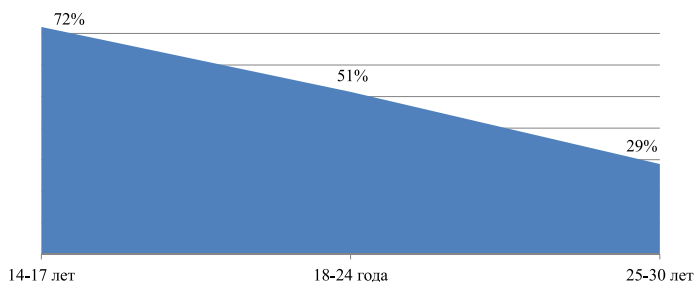

Рис. 2. Доля профилей с неуказанными политическими взглядами в зависимости от возрастной группы

Интересна трансформация политических взглядов в зависимости от возраста. Так, чем старше становятся пользователи, тем реже они поддерживают социалистические и коммунистические взгляды, и тем чаще — умеренные. Данная закономерность представлена на рисунке 3.

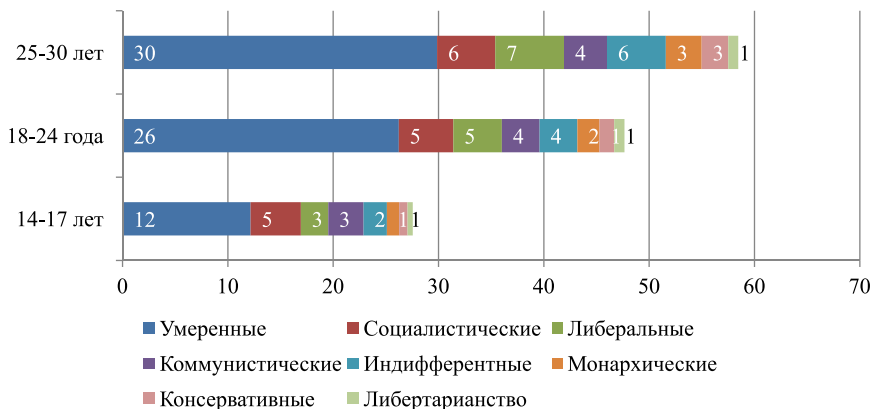

Рис. 3. Нормированная диаграмма политических взглядов пользователей в зависимости от возрастной группы (в процентах)

Далее нами был рассмотрен пункт профиля «Мировоззрение». Это полузакрытый перечень наиболее распространенных религиозных взглядов (см. табл. 4).

Таблица 4. «Мировоззрение», распределение по возрасту (в % от числа ответов)

Варианты ответов	Возраст			В среднем
	14—17	18—24	25—30	
Православие	19,2	31,8	36,5	32,7
Ислам	2,7	3,3	3,7	3,3
Светский гуманизм	1,7	2,3	2,8	2,5
Буддизм	1,2	1,6	2,0	1,8
Атеизм	1,2	1,7	1,1	1,3
Католицизм	1,0	1,3	1,1	1,2
Пастафарианство	0,6	1,2	1,0	1,0
Протестантизм	0,4	0,6	0,7	0,7
Иудаизм	0,5	0,5	0,4	0,5
Конфуцианство	0,3	0,4	0,6	0,5
Агностик	0,2	0,5	0,3	0,4
Свой вариант	2,5	5,0	7,5	5,8
Не выбрано	68,5	49,8	42,3	48,3

В данном пункте, так же, как и в «политических предпочтениях», наблюдается закономерность: с возрастом сокращается число неопределившихся с мировоззренческими взглядами (см. рис. 4). На первом месте среди религиозных взглядов у молодежи Екатеринбурга стоит православие (32,7%). Отметим, что данные социологических исследований также показывают, что подавляющее большинство россиян причисляют себя к православным [Гражданская культура..., 2016: 196].

Все иные мировоззренческие взгляды и религиозные убеждения в сумме набрали менее 19%. Интересно, что у сторонников такой пародийной религии, как пастафарианство, набрался 1% последователей, в то время как доля ряда традиционных религий меньше.

В данном вопросе у молодых людей была возможность написать свой вариант ответа, чем и воспользовалось чуть больше 7%, или около 4 тыс. человек. Анализируя свободные ответы респондентов, удалось их дополнительно классифицировать на три большие группы: атеизм, свой вариант и агностик. В группу «свой вариант» были отнесены все выдуманные персонажи, их возлюбленные, различные предметы и нецензурные высказывания. Чаще всего высказывания в группе «свой вариант» носили иронический характер. «Свой вариант» выбрали 5,8% мужчин и 1,2% девушек. Существенных различий между полом и религиозными взглядами выявить не удалось.

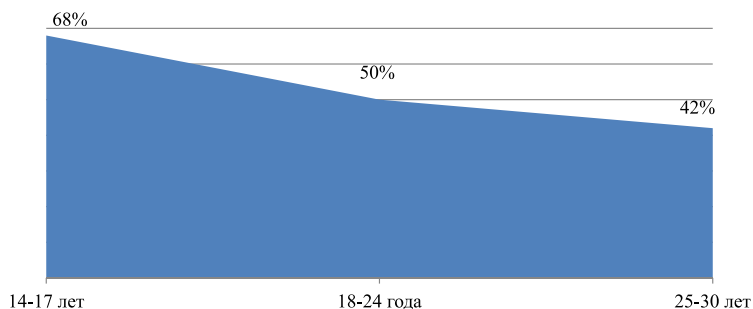

Рис. 4. Доля профилей, в которых не указано мировоззрение в зависимости от возрастной группы

Следующий пункт профиля пользователя — «Главное в жизни». Данный пункт представляет собой закрытый перечень вариантов ответа относительно жизненных установок, убеждений и представлений человека. Так же как и в предыдущих пунктах, имелась возможность выбрать только один вариант ответа.

Таблица 5. «Главное в жизни» молодежи, распределение по полу (в % от числа ответов)

Варианты ответов	Пол		В среднем
	Женский	Мужской	
Семья и дети	48,6	41,1	44,8
Саморазвитие	17,1	18,5	17,8
Развлечения и отдых	7,4	10,5	9,0
Карьера и деньги	4,9	8,5	6,7
Совершенствование мира	4,9	6,3	5,6
Красота и искусство	7,2	2,9	5,0
Слава и влияние	1,0	2,0	1,5
Наука и исследования	1,2	2,1	1,7
Не указано	7,7	8,1	7,9

Самым популярным ответом стал вариант «семья и дети» (44,8%), особенно среди женщин (48,6%). Таким образом, ценностное отношение к семье сохраняет лидирующее положение в молодежной среде. Результаты социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса, также показывают, что «семья в представлении молодых свердловчан по-прежнему остается одной из главных ценностей» [Гражданская..., 2016: 64].

Второй по важности стала ценность «саморазвитие», ее отметили 18% молодых людей. Данная ценность чуть более важна для мужчин, чем для женщин. В целом для мужчин имели перевес такие ценности, как: саморазвитие, развлечения и отдых, карьера и деньги, слава и влияние, наука и исследование. Для женщин

большее значение имеют семья и дети, также красота и искусство. Приведенные наблюдения проиллюстрированы на рисунке 5.

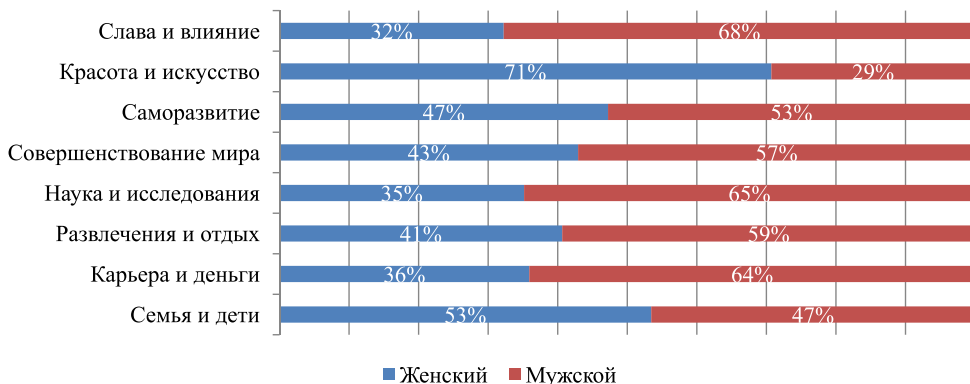

Рис. 5. Нормированная диаграмма взглядов на главное в жизни пользователей в зависимости от пола (% по строке)

Следующий пункт профиля в социальной сети «ВКонтакте» также характеризует жизненные установки, убеждения и представления человека, но через выделение наиболее значимых черт для респондентов в других людях. Это пункт «главное в людях» (см. табл. 6), предлагающий закрытый перечень вариантов ответа.

Таблица 6. «Главное в людях», распределение по возрасту (в % от числа ответов)

Варианты ответа	Возраст			Всего
	14—17	18—24	25—30	
Доброта и честность	52,1	48,7	46,3	47,9
Юмор и жизнелюбие	18,2	17,0	14,5	16,0
Смелость и упорство	8,3	10,1	12,9	11,1
Ум и креативность	8,4	10,0	12,3	10,8
Красота и здоровье	5,6	6,1	4,8	5,6
Власть и богатство	1,7	2,3	2,6	2,4
Не указано	5,7	5,8	6,6	6,2

Больше всего молодежь ценит в других людях доброту и честность (47,9%), юмор и жизнелюбие (16%), а также смелость и упорство (11,1%). Мы можем наблюдать, что с возрастом значение таких качеств других людей, как доброта и честность, юмор и жизнелюбие, постепенно снижается. В то же время с возрастом растет значение таких прагматических черт, как ум и креативность, власть и богатство, а также смелость и упорство (см. рис. 5).

Анализ распределения вариантов ответов по полу показал, что для мужчин большее значение имеют смелость и упорство (11,6% у мужчин, против 10,7% у женщин),

а также власть и богатство (2,8% у мужчин, против 2% у женщин). Для женщин более значимы доброта и порядочность (49,7% у женщин, против 46,3% у женщин).

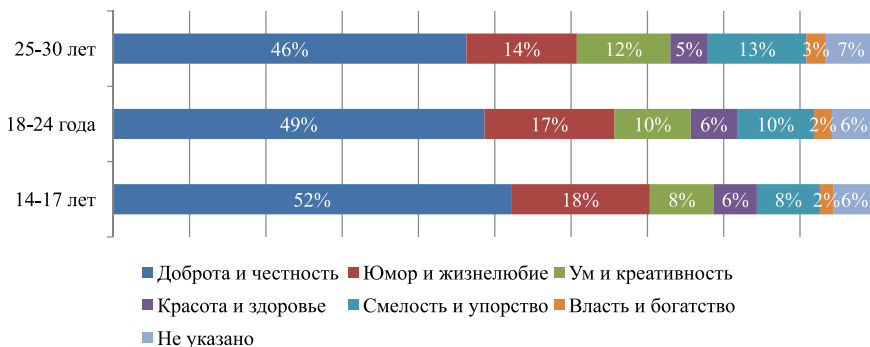

Рис. 6. Нормированная диаграмма взглядов на главное в людях в зависимости от возрастной группы (процент по строке)

В разделе «жизненная позиция» содержится два вопроса направленных на выявление отношения человека к таким социальным привычкам, как курение и употребление алкоголя. Оба вопроса закрытые. Результаты анализа пункта профиля «отношение к курению» представлены в таблице 7.

Таблица 7. Отношение к курению, распределение по возрасту (в % от числа ответов)

Варианты ответов	Возраст			Всего
	14—17	18—24	25—30	
Резко негативное	44,1	31,5	18,8	27,2
Негативное	21,8	22,9	23,9	23,2
Нейтральное	9,9	16,9	22,5	18,7
Компромиссное	3,3	6,9	10,4	8,1
Положительное	4,2	7,3	8,2	7,4
Не указано	16,7	14,5	16,2	15,4

Исходя из представленных ответов, среди молодежи превалирует негативное отношение к курению. В сумме позиции «резко негативное» и «негативное» отношение дают 50,2% от общего числа ответов. Положительное отношение к курению отметило абсолютное меньшинство молодых людей. Мы также можем наблюдать тенденцию, что у молодых людей из младшей возрастной группы значительно ярче выражена резко негативная позиция. Молодежь старшей возрастной группы имеет более выраженную нейтральную и компромиссную позицию.

Распределение по полу показало, что женщины имеют более выраженную негативную позицию. У мужчин превалирует компромиссное, нейтральное и положительное отношение к курению. Явно положительное отношение к курению отметили 10,2% мужчин против 4,4% женщин.

Схожий результат показал анализ следующего пункта профиля в социальной сети — «отношение к алкоголю» (см. табл. 8).

Таблица 8. **Отношение к алкоголю, распределение по полу (в % от числа ответов)**

Варианты ответов	Распределение по полу		Всего
	Женский	Мужской	
Нейтральное	20,2	22,8	21,5
Резко негативное	21,2	20,4	20,8
Негативное	20,3	17,4	18,8
Компромиссное	12,3	12,7	12,5
Положительное	4,1	8,6	6,4
Не указано	21,9	18,1	20,0

Женщины более негативно относятся к алкоголю. У мужчин в большей степени придерживаются нейтральной и положительной позиции. Так, имеют положительное отношение к алкоголю 8,6% мужчин против 4,1% женщин.

Вместе с тем в молодежной среде отношение к курению негативнее, чем к алкоголю. Курение явно не в тренде более чем у половины молодых людей (50,4%).

Последний пункт раздела «жизненная позиция» в социальной сети «ВКонтакте» имеет название «Вдохновляет». Здесь респондент может в свободной форме написать любое количество слов, описывающих, что для него значимо, всевозможные мотивационные факторы. Вдохновение — это всегда особое творческое состояние человека. Фиксируя то, что вдохновляет человека, социолог узнает, что мотивирует последнего к конкретной деятельности и творческому мышлению.

Поскольку данный вопрос носит открытый характер, для его анализа мы применили подсчет частот появления ключевых слов (см. табл. 9). Разброс ключевых слов чрезвычайно обширен. Поскольку ряд ключевых слов аналогичны по смыслу, то мы их сгруппировали по определенным тематикам. Далее представлен топ-10 самых встречаемых слов (тем) в пункте «Вдохновляет».

Таблица 9. **Ключевые слова/темы по частоте их упоминания в пункте «Вдохновляет»**

№ темы	Ключевые слова/темы	Частота (в ед.)
1	Музыка	3763
2	Любовь/любимый человек	1307
3	Известные люди (фамилии артистов, ученых, предпринимателей и др.)	1293
4	Друзья	991
5	Книги	839
6	Природа	798
7	Семья (члены семьи)	754
8	Спорт	521
9	Жизнь	519
10	Природа	357

Молодежь больше всего вдохновляют любимая музыка и любимые люди. Разброс людей-персонажей (строка «известные люди») весьма обширен, так как это не только любимый человек, но и кумиры. Под кумирами респонденты понимают любимых музыкантов, писателей, артистов, предпринимателей, политиков и других значимых людей.

Отметим так же, что в пункте «Вдохновляет» семья оказалась на пятом месте по частоте упоминаний, тогда как в пункте «Главное в жизни» семья и дети находятся на первом месте по степени значимости. Данный факт может быть связан с тем, что «Главное в жизни» характеризует приоритетность установок, убеждений и представлений респондента, а пункт «Вдохновляет» — мотивационные и творческие предпосылки личности. Таким образом, семья как ценность может иметь ведущие значение для человека, но мотивирует его на творчество и позитивную деятельность нечто другое, а именно то, в чем человек находит для себя возможность для отдыха, самовыражения и саморазвития.

Хотелось бы отметить, что ряд ключевых слов встречались чрезвычайно редко. Например, слово «деньги» встретилось всего 92 раза, «успех» — 58 раз, «наука» — 16 раз, а «власть» — всего пять.

Необходимо понимать, что для получения целостной картины социокультурных процессов, проходящих в молодежной среде, желательно применять несколько эмпирических методов исследования и дополнять методы цифровой социологии традиционными эмпирическими методами. В продолжение данного исследования нами запланирован анкетный опрос молодежи Екатеринбурга. Предполагается, что полученные данные позволят более целостно отразить социокультурный портрет молодежи города, а также сопоставить анкетные данные, полученные традиционным способом, с данными цифровой социологии.

Мы также считаем, что «многие вопросы в рамках социологии культуры требуют макроанализа, то есть взгляда сверху на все культурное пространство» [Губа, 2018]. Данные, представленные в социальных сетях, дают нам не просто информацию о ценностных ориентациях респондентов, но достаточно подробную информацию об акторах, что позволяет ставить более интересные вопросы [Bail, 2014].

Заключение

Анализ результатов исследования показал, что в социальной сети среди пользователей просматриваются ценностные различия, которые могут быть дифференцированы по полу и возрасту. Так, чем младше возраст пользователя социальной сети, тем меньше шансов, что у него определены политические, религиозные взгляды или убеждения, но больше вероятность в том, что указаны идеалистические ценности. С возрастом растет значение прагматических взглядов. Ценности женщин ориентированы больше на семью, а мужчин — на развитие. Молодежь Екатеринбурга остается аполитичной. На первом месте стоит ценность семьи и детей. В других людях молодежь ценит прежде всего доброту и честность. Наблюдается стремление к здоровому образу жизни и негативное отношение к вредным привычкам. Молодежь находит вдохновение в музыке, а также в любимых людях.

Таким образом, нами были изучены ценности молодежи, которые зафиксированы в профиле социальной сети «ВКонтакте». Зафиксированные ценности харак-

теризуют положительные или отрицательные значения объектов окружающего мира для молодежи и проявляются в изученных установках, убеждениях и представлениях. Технически возможно получать информацию об одних пользователях в различных социальных сетях, но имеются нормативно-правовые и технические риски, что требует дополнительного изучения.

Ключевые тенденции, выявленные нами через анализ встроенной анкеты профиля в социальной сети «ВКонтакте», соотносятся с основными выводами социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса в 2016 г. под руководством Ю. Р. Вишневого. Более близко сопоставить результаты этих исследований (как и результаты данного исследования и всех иных) помешало расхождение в построении вопросов и индикаторов в профиле и анкетном листе. В будущем для проведения сравнительных оценок между данными, полученными из социальных сетей и традиционными эмпирическими методами, требуется разработка содержания анкетных листов, сопоставимых с анкетой из профиля во «ВКонтакте».

Молодежь города Екатеринбурга активно пользуется социальной сетью «ВКонтакте», благодаря чему при отборе только заполненных аккаунтов и обработке данных в статистическом пакете SPSS возможно получить информацию, характеризующую не только цифровой след, но и реальный социальный портрет молодежи города. Несмотря на то, что данный тезис требует дальнейшего изучения и подтверждения, именно «инновационные статистические методы, новая компьютерная наука и оригинальные теории отдельных областей знания и способны привести к наибольшему результату в социальных науках» [King, 2013].

Социальные сети дают социологам новые возможности изучения ценностей молодежи, в том числе через встроенную анкету. Привлечение специалистов в области Data Science позволяет повысить оперативность и качество собираемых данных, а также расширить выборочную совокупность вплоть до ее полного совпадения с генеральной совокупностью. В то же время привлечение социологов к работе с Big Data позволяет использовать статистические методы и оригинальные теории, которые задают сам смысл исследовательской работы. На стыке традиционных социологических задач и методов анализа и новых источников и технологий получения этих данных формируется новое направление социологии — цифровая социология.

Список литературы (References)

Бадмацыренов Т. Б., Скворцов М. В., Хандаров Ф. В. Топологические характеристики буддийского сообщества в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 74—82. <https://doi.org/10.31857/S013216250000756-4>.

Badmatsyrenov T. B., Skvortsov M. V., Khandarov F. V. (2018) Topological characteristics of the Buddhist Community in the VKontakte social network. *Sociological Studies*. No. 8. P. 74—82. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250000756-4>.

Беляев И. А. Ценностное содержание целостного мироотношения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2. С. 9—13.

Belyaev I. A. (2004) The Value content of the integral world relation. *Bulletin of the Orenburg State University*. No. 2. P. 9—13. (In Russ.)

Бразевич С. С., Сафронова Ж. С., Бразевич Д. С., Матюхец Д. В. Исследование интересов молодежи через тематический репертуар общения в студенческой среде: кейс социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 193—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.09>.

Brazevich S. S., Safronova Z. S., Brazevich D. S., Matyukha D. V. (2019) Studying the youth interests through the thematic repertoire of student communication: a case study of Vkontakte social network. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 193—211. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.09>.

Гегер А. Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 132—141.

Geger A. E. (2010) Identification of individual and group values in the youth group. Relevant methodological solutions. *Sociological Studies*. No. 1. P. 132—141. (In Russ.)

Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневецкий, Л. Д. Забокрицкая, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина, Д. С. Попов, О. Б. Франц, М. В. Ячменева; под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневецкого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 244 С. URL: <http://hdl.handle.net/10995/53124> (дата обращения: 11.04.2020).
Civil culture of youth of Sverdlovsk region: Tendencies, problems, prospects. (2017) Ayvazyan A. A. et al. Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Ural State University. 244 P. (In Russ.) URL: <http://hdl.handle.net/10995/53124> (accessed: 11.04.2020).

Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 213—236.

Guba K. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? *Russian sociological review*. No. 1. Vol. 17. P. 213—236.

Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>.

Zamyatina N. Yu., Yashunsky A. D. (2018) Virtual geography of virtual population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 117—137. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>.

Кавеева А. Д., Гурин К. Е. Локальные сети дружбы «ВКонтакте»: восстановление пропущенных данных о городе проживания пользователей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 78—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.05>.

Kaveeva A. D., Gurin K. E. (2018) VKontakte' local friendship networks: identifying the missed residence of users in profile data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and*

Social Changes. No. 3. P. 78—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.05>. (In Russ.)

Королева Д. О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 205—224.

Koroleva D. O. (2016). Always online: the use of mobile technologies and social networks by modern teenagers at home and at school. *Educational Studies*. 2016. No. 1. P. 205—224. (In Russ.)

Можаева Г. В., Суханова Е. А., Фещенко А. В. Привлечение и удержание университетами абитуриентов с высоким образовательным потенциалом с помощью анализа открытых пользовательских данных социальной сети «ВКонтакте» // Открытое и дистанционное образование. 2018. № 4 (72). С. 52—58.

Mozhaeva G. V., Sukhanova E. A., Feshchenko A. V. (2018) Attraction and retention of applicants with high educational potential with the help of open user data of the social network «Vkontakte». *Open and distance education*. No. 4 (72). P. 52—58. (In Russ.)

Онлайн исследования в России 3.0 / под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. М. : Кодек, 2012. 420 с.

Online research in Russia 3.0. (2012) Ed. by Shashkin A. V., Devyatko I. F., Davydov S. G. Moscow: Code. 420 P. (In Russ.)

Рыйгас Е. В. Религиозные взгляды в виртуальной реальности (на примере текстов в социальной сети vkontakte.ru) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 115—120.

Rygas E. V. (2013) Religious views in virtual reality (on the example of texts in the social network vkontakte.ru). *Sociological Studies*. No. 6. P. 115—120. (In Russ.)

Рыков Ю. Г., Кольцова О. Ю., Мейлахс П. А. Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 30—42.

Rykov Yu. G., Koltsova O. Yu., Meilakhs P. A. (2016) Structure and functions of online communities: network mapping of HIV-relevant groups in the social network Vkontakte. *Sociological Studies*. No. 8. P. 30—42. (In Russ.)

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е издание. М. : Советская энциклопедия, 1988.

Soviet encyclopedic dictionary. (1990) Chief editor A. M. Prokhorov. 4th edition. Moscow: Soviet encyclopedia. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5. С. 159—169.

Ushkin S. G. (2012) Visual images of the users of the social network «Vkontakte». *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 159—169. (In Russ.)

- Щекотуров А. В. Индекс восприимчивости контента виртуального сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 297—312. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.14>
- Schekoturov A. V. (2016) Sensivity index of virtual community content. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 297—312. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.14>
- Щекотуров А. В. От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентации в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 327—343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.17>.
- Shchekoturov A. V. (2017) From flirting to sex reassignment: adolescents' alternative practices of self-presentation on VKontakte social media website. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 327—343. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.17>.
- Bail C. A. (2014) The Cultural Environment: Measuring Culture with Big Data. *Theory and Society*. Vol. 43. No. 3. P. 465—524.
- Cambria E., Wang H. X., White B. (2014) Guest Editorial: Big Social Data Analysis. *Knowledge-based systems*. Vol. 69. P. 1—2. <https://doi.org/10.1016/j.knosys.2014.07.002>.
- Chew C., Eysenbach G. (2010) Pandemics in the Age of Twitter: Content Analysis of Tweets during the 2009 H1N1 Outbreak. *PLOS ONE*. 5(11): e14118. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0014118>.
- Gonçalves B., Perra N., Vespignani A. (2011) Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number. *PLUS ONE*. 6(8): e22656. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022656>.
- Hermida A., Lewis S. C., Zamith R. (2014) Sourcing the Arab Spring: A Case Study of Andy Carvin's Sources on Twitter During the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Journal of computer-mediated communication*. Vol. 19. No. 3. P. 479—499. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12074>.
- King G. (2013) Restructuring the Social Sciences: Reflections from Harvard's Institute for Quantitative Social Science. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 47. No. 1. P. 165—172. <https://doi.org/10.1017/S1049096513001534>.
- Rogers R. (2019) *Doing Digital Methods*. London: Sage.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656

Правильная ссылка на статью:

Кульпин С. В., Савчук Г. А., Якимова О. А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>.

For citation:

Kulpin S. V., Savchuk G. A., Iakimova O. A. (2020) Why young people create content about healthy lifestyles: factor analysis of thematic blogs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>.

С. В. Кульпин, Г. А. Савчук, О. А. Якимова

ЗАЧЕМ МОЛОДЕЖЬ СОЗДАЕТ КОНТЕНТ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

ЗАЧЕМ МОЛОДЕЖЬ СОЗДАЕТ КОНТЕНТ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

WHY YOUNG PEOPLE CREATE CONTENT ABOUT HEALTHY LIFESTYLES: FACTOR ANALYSIS OF THEMATIC BLOGS

КУЛЬПИН Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: s.v.kulpin@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>

Sergey V. KULPIN¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
E-MAIL: s.v.kulpin@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

САВЧУК Галина Анатольевна — кандидат социологических наук, зав. кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: Galina.Savchuk@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>

ЯКИМОВА Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: o.a.iakimova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2212-4357>

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть, как отражается в контенте блогов, связанных с тематикой здорового образа жизни, мотивация молодежи к их созданию и ведению, а также зависимость популярности блога от типа контента.

Опираясь на выявленные с помощью неформализованного интервью мотивы (принести общественную пользу, показать свой опыт и личностный рост, коммуникация с друзьями, возможность заработать), авторы выдвинули гипотезу, что та или иная мотивация влияет на контент, который создает блогер, а следовательно, она может быть выявлена через соответствующую символическую репрезентацию. Для проверки этой гипотезы был использован факторный анализ (метод главных компонент).

Результаты исследования показывают, что популяризация здорового образа жизни может осуществляться как за счет повышения социальной

Galina A. SAVCHUK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of Department of Integrated Marketing Communications and Branding
E-MAIL: Galina.Savchuk@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>

Olga A. IAKIMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: o.a.iakimova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2212-4357>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article attempts to explore how young people's motivation to create and maintain blogs related to healthy lifestyle is reflected in the blog content and investigates the relationship between the blog popularity and types of content.

Using the motives (to bring the common good, to present the experience and personal growth, interactions with friends, opportunity to earn money) revealed through unstructured interviews, the authors develop a hypothesis stating that motivation can shape blog's content, thus it can be discovered through the corresponding symbolic representation. The authors use Factor Analysis (principal component technique) to test this hypothesis.

The findings suggest that popularization of healthy lifestyles can be achieved through growing social responsibility of young bloggers, their striving towards socially approved patterns to be discussed and proposed to their audience, as well

ответственности молодых блогеров, стремления обсуждать и предлагать аудитории социально одобряемые паттерны поведения, так и через коммерциализацию блогов, которая возможна на росте популярности данной темы и внимания к ней со стороны подписчиков. Наибольшими возможностями по монетизации контента обладают блогеры, ориентированные прежде всего на коммуникацию с аудиторией (при второстепенности остальных мотивов): у них больше всего подписчиков, активно реагирующих на контент.

Ключевые слова: социальные медиа, молодежь, здоровый образ жизни, факторный анализ

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00850 «Институциональное моделирование экономики интернет-пространства России»).

Введение

Развитие социальных медиа вовлекает молодежь в создание и потребление контента, связанного с различными темами. Для выявления закономерностей функционирования социальных медиа важно понять, что заставляет молодого человека выбрать ту или иную тему для ведения блога, с чем связан данный выбор. С одной стороны, существование социальных медиа дает возможность свободного выбора темы для творческой деятельности по созданию контента, и можно утверждать, что блогер ничем не ограничен и реализует в интернете собственные интересы. С другой стороны, социальные медиа как социальный феномен требуют, чтобы деятельность блогера была интересна аудитории, в противном случае контент будет иметь мало просмотров, то есть не будет популярным. Интерес аудитории подписчиков к контенту и их реакции на него в значительной степени направляют и определяют содержание блогов. Если рассматривать ведение блога как социальную деятельность, то нужно сосредоточить анализ на том, какой смысл придают акторы своей деятельности, какие ожидания они с ней связывают, и совпадают ли эти ожидания с реакцией аудитории.

Для изучения данного вопроса авторами был выбран частный случай: презентация молодежи в социальных медиа здорового образа жизни. Как отмечают

as commercialization of blogs due to the growing popularity of this topic and the followers' attention. Only those bloggers who are predominantly oriented towards interaction with their audience (with the remainder motives being secondary) have more opportunities than others: they have the largest number of followers who actively react to their content.

Keywords: social media, youth, healthy lifestyle, factor analysis

Acknowledgments. The study is funded by Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-010-00850 "Institutional Modeling of Russian Cyberspace Economy").

авторы ежегодного общероссийского исследования российского рынка высоких технологий, «медиапотребление и поведение молодежи в интернете все чаще становится предметом интереса исследователей и бизнеса в целом» [Казарян, 2018: 15]. В свою очередь, обращение к теме здорового образа жизни позволяет оценить, насколько современные каналы коммуникации способствуют развитию позитивных явлений общественной жизни, и какие факторы могут способствовать вовлечению в этот процесс молодежи. Сама же популяризация здорового образа жизни в молодежной среде актуальна с точки зрения развития человеческого капитала России.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть, как отражается в контенте блогов, связанных с тематикой здорового образа жизни, мотивация молодежи к их созданию и ведению, а также зависимость популярности блога от типа контента.

Средства поиска, обмена и распространения информации претерпели огромные изменения в последние годы. В частности, социальные медиа (например, Facebook, Twitter, Википедия, YouTube, блог и т. д.) за последние несколько лет радикально изменили способ коммуникации людей. Ранее информационное поведение было описано как всеобъемлющая и многогранная концепция, включающая все взаимодействие человека с информацией, а именно признание потребности в информации, ее поиске и оценке [Wilson, 2000]. Социальные связи особенно важны в этом отношении, потому что они могут создавать и стимулировать поток информации.

Как отмечает С. Г. Ушкин, региональная российская молодежь получает информацию в большей степени через телевидение. При этом «фиксируется постепенная утрата монополии на контролирование информационных потоков со стороны традиционных СМИ: лидером пока остается телевидение, но вплотную к нему располагаются социальные сети, опережая радио, печатные газеты и журналы, электронные газеты и журналы, новостные сайты и порталы» [Ушкин, 2017: 59].

Социальные медиа предлагают многообещающие возможности как для распространения, так и для сбора информации, и полученные из них сведения оказывают все большее влияние на повседневную жизнь людей. Например, в то время как одни социальные медиа сохраняют и поддерживают общение в рамках существующих социальных отношений, другие могут быть основаны на общих интересах [boyd, Ellison, 2007].

Знание того, как может быть спровоцирован интерес к здоровому поведению, как можно стимулировать решение о более здоровом поведении и как можно поддержать изменения здорового поведения, является важным аспектом укрепления здоровья и тесно связано с информационным поведением [Prochaska, Velicer, 1997]. Главное отличие социальных медиа от традиционных интернет-источников — переход от монолога (информация распространяется через веб-страницы, газеты или журналы в интернете) к диалогу (несколько человек могут общаться, задавать вопросы, обмениваться информацией и получать отзывы друг от друга). При этом есть вероятность распространения неточной и вводящей в заблуждение информации.

Сайты социальных медиа оказали влияние на улучшение доступа к информации о том, как быть здоровым, как поддерживать себя в хорошей форме, к информации

по профилактике различных болезней и противодействию им [Freyne et al., 2010; Zhang, He, Sang, 2013]. Люди могут влиять на поведение других людей в отношении здоровья, предлагая им свои мнения и советы [Scanfeld, Scanfield, Larson, 2010], а также используя социальные медиа для оказания эмоциональной поддержки [Oha et al., 2013; Savolainen, 2010]. Однако ученые также отмечают, что достоверность и полезность информации из социальных медиа могут быть сомнительными [Moorhead et al., 2013; Sajadi, Goldman, 2011].

Поддержание формы или нормального веса, это одна из составляющих здорового образа жизни. Польская исследователь А. Май [Maj, 2018] отмечает, ссылаясь на опросы, что интернет является одним из самых популярных источников информации о похудении. Так, автор разделяет всех блогеров, которые делают видео о способах похудения, в зависимости от мотивации к публикации тематических видео на четыре группы:

1. мотиваторы — те, кто делится своим опытом похудения, чтобы мотивировать других;
2. новаторы — те, кто представляет новые способы ухода за телом;
3. документаторы — те, кто сосредоточился на документировании пошагового подхода к получению стройной фигуры,
4. трансляторы — те, кто обратил внимание на опыт других пользователей интернета, кто занимается похудением.

Такая типология дает представления о том, что делают блогеры, но не дает информации о том, зачем они этим занимаются.

Б. Кинард отмечает, что с каждым днем сайты социальных медиа все больше наполняются образами еды [Kinard, 2016]. Поскольку многие из этих изображений демонстрируют свежую, яркую и здоровую пищу, обмен фотографиями продуктов питания через социальные медиа может оказывать долгосрочное положительное влияние на привычки потребления.

Исследователи советского периода [Бестужев-Лада, 1980; Полунина, 1999] рассматривали понятие «образ жизни» как сложно-структурированную категорию, выделяя здоровый образ жизни как ее качественный уровень. В рамках этих исследований были определены основные критерии здорового образа жизни [Лисицын, Полунина, 1984], такие как рациональное питание, физическая активность, общая гигиена, закаливание, отказ от вредных привычек и режим сна. Современные российские социологи акцентируют внимание на направлениях трансформации здорового образа жизни [Возьмитель, 2017; Тощенко, 2016], ценностно-нормативном содержании ЗОЖ [Лапин, 1993; Рывкина, 2001], исследовании проблем взаимообусловленности качества жизни и социально здорового поведения [Брехман, 1987], проблемах социального управления формирования здорового образа жизни [Лига, 2011]. Все большее внимание ученых привлекает образ жизни молодежи: состояние здоровья, в том числе общественного, степень восприимчивости вредных привычек, отношение к спорту и физической культуре [Белова, 2008; Журавлева, 2002; Ушакова, 2007].

О. А. Немова и соавторы [Nemova et al., 2016] отмечают, что центральное место среди социокультурных механизмов, формирующих отношение молодежи к здоровому образу жизни, занимает семья как важнейший социальный институт

общества. Именно в семье через повседневную практику и ежедневное общение закладываются мировоззренческие ценности и установки. Между тем нельзя абсолютизировать воздействие семьи на сознание человека. Институт образования, система дополнительного образования, институт средств массовой информации способны корректировать мировоззренческие ценности и установки молодежи.

Однако, несмотря на то что по исследуемой теме накоплен значительный аналитический материал, слабоизученными остаются вопросы формирования социально здорового поведения молодых россиян, особенности детерминации данного феномена, пути оптимизации государственной политики в области формирования здорового образа жизни в современной России. Кроме того, в исследованиях, по которым сделан обзор, не затрагиваются вопросы эффективности такого канала коммуникации, как интернет, для популяризации здорового образа жизни, изучения возможностей социальных медиа в развитии данного процесса, анализа того, кто и зачем может заниматься популяризацией здорового образа жизни в социальных медиа. Последнее обстоятельство обусловило определение цели нашего исследования.

Методология

В ходе эмпирического исследования был проведен анализ трех социальных медиа: Facebook, Instagram и YouTube. Выбор этих социальных медиа связан с тем, что они позволяют проанализировать разные аспекты популяризации здорового образа жизни: текстовый и визуальный (статичные изображения и видео). Полученные результаты можно сопоставлять с данными зарубежных исследований, так как эти социальные медиа присутствуют в российском и в зарубежном интернет-пространстве.

На основании анализа научной литературы, зарубежных и отечественных подходов к изучению здорового образа жизни было выбрано пять тем, которые блогеры определяют для своих аккаунтов как центральные: правильное питание, спорт, поддержание здоровья, эмоциональное здоровье, отказ от вредных привычек.

При отборе аккаунтов для анализа использовались хештеги, распространенные в молодежной среде, которые чаще всего встречаются в публикациях про здоровый образ жизни в социальных сетях: правильное питание — #пп, #здороваяеда, #правильноепитание, #здоровоепитание, #ппрецепты; спорт — #спорт, #фитнес, #тренировка, #фитоняшка, #спортсмен; поддержание здоровья — #иммунитет, #здоровье, #сауна, #бассейн, #будьздоров; эмоциональное здоровье — #йога, #медитация, #психосоматика, #психотерапия, #йогапрактика; отказ от вредных привычек — #некурю, #непью, #зависимость, #вредныепривычки, #переменыклучшему. По каждому хештегу отбирались 40 самых новых и популярных аккаунтов, ссылки на которые выпадали первыми при поиске. Учитывая, что каждое из социальных медиа имеет свою специфику, разную аудиторию в России и, соответственно, разную вероятность присутствия выбранных тем, а одна из задач исследования — сопоставить данные по всем трем социальным медиа, при отборе авторы руководствовались следующими принципами: если была такая возможность, то по каждому хештегу отбиралось одинаковое число аккаунтов в каждом из социальных медиа; если в Facebook или YouTube находилось меньше

13 аккаунтов, то все недостающие для данного хештега отбирались в Instagram. Таким образом, по темам «правильное питание», «спорт», «поддержание здоровья» и «эмоциональное здоровье» было отобрано по 200 аккаунтов. По теме «отказ от вредных привычек» — только 123. В процессе отбора аккаунтов для анализа выяснилось, что, в отличие от других тем здорового образа жизни, эта не является центральной для блогеров и появляется только как разовая в блогах, специализирующихся на самой разнообразной тематике. Был определен дополнительный критерий отбора для данной группы: регулярность постов по данной теме не менее двух-трех в месяц, на протяжении трех-четырех месяцев. В результате такого отбора аккаунты по социальным медиа распределены следующим образом: 62,2% зарегистрированы в Instagram, 30,6% — в YouTube, 7,2% — в Facebook. Сбор данных велся с марта по май 2018 г. Выборочную совокупность для анализа составили 925 единиц наблюдения.

Информация из аккаунтов была систематизирована с помощью контент-анализа, выделено пять блоков информации: основные характеристики блогера, реклама в блогах, отклик подписчиков на представленную текстовую и визуальную информацию, текстовое и визуальное (изображения и символы, представляющие здоровый образ жизни) наполнение постов.

В качестве дополнения полученных данных для более глубокого понимания исследовательских вопросов были проведены 20 интервью с владельцами аккаунтов по темам здорового образа жизни. Использовалась целевая выборка. Критерии отбора: наличие аккаунта по теме здорового образа жизни в одном из трех социальных медиа, аккаунт при отборе по хештегу должен попадать в 40 самых новых и популярных. Было опрошено 14 женщин и 6 мужчин. Возраст опрошенных: 19—25 лет — 11 человек, 26—30 лет — 8 человек, 31—35 лет — 1 человек. Высшее образование имеют 15 респондентов, неоконченное высшее — 5. Темы блогов респондентов: правильное питание — 3 респондента; спорт и фитнес — 5; поддержание здоровья — 4; эмоциональное здоровье — 5; отказ от вредных привычек — 3.

Неформализованное интервью позволило «посмотреть» на изучаемую проблему «глазами» активных пользователей социальных медиа и дополнить статистические данные интерпретацией блогеров по поводу того, что и зачем они делают. Методика проведения неформализованного интервью была следующей: интервьюер отбирал аккаунт по заданным критериям, связывался с его владельцем через социальные медиа, получал согласие респондента дать интервью и проводил его опосредованно, через социальные медиа, по разработанному путеводителю. Выбор опосредованной формы проведения интервью связан с тем, что для владельцев аккаунтов общение через социальные медиа привычно и удобно, такой подход позволил получить информацию в референтных для респондента условиях. Путеводитель по интервью состоял из шести блоков информации: общее понимание здорового образа жизни блогером; мотивация к созданию блога и процесс его ведения; совпадение реального поведения и представленного в блоге; трудности у блогера с ведением здорового образа жизни, если они есть; мотивация блогером к ведению здорового образа жизни своих подписчиков; отношение подписчиков к публикуемой информации и формы взаимодействия блогера с ними.

Результаты исследования

По данным проведенного исследования, молодежи интересна тема здорового образа жизни. Блогеры, создающие данный контент, за редким исключением — молодые люди до 35 лет. Данные аккаунты имеют достаточно большое число подписчиков, и это тоже, как правило, молодежь (у 82,2% аккаунтов количество подписчиков превышает тысячу человек, а у 39,9% — 10 тысяч человек). Создаваемый блогерами контент регулярно просматривается почти половиной их подписчиков (47,1%) с разной степенью активности (от 1 до 100 000 просмотров и выше в месяц), из них 16,9% аккаунтов просматриваются очень часто и имеют не менее 10 000 просмотров в месяц.

Социально-демографические характеристики блогеров доступны для анализа не в полном объеме: сведения о себе владельцы аккаунтов размещают по желанию. Единственная характеристика, известная о каждом блогере, — это пол: 58,4% владельцев аккаунтов по темам здорового образа жизни — женщины, а 41,6% — мужчины. Информацию о своем роде деятельности указали 84,0% блогеров, некоторые указали одновременно несколько: тренеры — 31,4%, спортсмены — 12,7%, фитнес-модели — 9,8%, врачи — 9,4%, психологи — 5,6%, большинство составили блогеры, чей род деятельности не связан со здоровым образом жизни: 37,9%, а 16,0% — не указали в аккаунте свой род деятельности. Возраст указан в 58,0% аккаунтов: 18—24 года — 10,8% блогеров; 25—30 лет — 24,7%; 31—35 лет — 22,5%; старше 35 лет — 0,1%. Образование указано в 36,6% аккаунтов: имеют высшее образование — 23,1% блогеров, среднее и средне-специальное — по 1,7%. Семейное положение указали 39,3% блогеров: проживают с собственной семьей — 32,4%, с родителями — 3,1%, в одиночку — 2,8%. В 40% аккаунтов есть информация по числу детей: есть дети у 25,6% блогеров, нет — у 14,4%. Географическое положение владельцев аккаунтов определено в 45,5% случаях: Центральный федеральный округ — 23,7%, Северо-Западный — 6,6%, Сибирский — 3,9%, Дальневосточный — 3,2%, Приволжский — 2,6%, Уральский — 2,5%, Южный — 2,0%, Северо-Кавказский — 1,2%.

В Instagram на первом месте по популярности находится тема поддержания здоровья, второе и третье места делят темы правильного питания и спорта, затем следует тема отказа от вредных привычек, затем — тема эмоционального здоровья, в то время как в YouTube на первом месте — тема эмоционального здоровья, на втором — спорта, на третьем — правильного питания, на четвертом — поддержания здоровья, на пятом — отказа от вредных привычек, а в Facebook на первом месте тема эмоционального здоровья (с большим отрывом от других), на втором — правильного питания, на третьем — спорта, темы поддержания здоровья и отказа от вредных привычек в данном социальном медиа отсутствуют. Вместе с тем интерес к темам здорового образа жизни в примерно равной степени характерен для пользователей всех социальных медиа: в YouTube, Instagram, Facebook различается количество страниц, посвященных темам здорового образа жизни, но модальность поведения подписчиков таких страниц во всех социальных медиа скорее похожа.

С точки зрения создания и ведения блога темы правильного питания и отказа от вредных привычек больше интересны женщинам, и их интерес к здоровому образу жизни, как правило, не связан с профессиональной деятельностью. Тему

поддержания здоровья выбирают чаще мужчины, чем женщины, и их интерес к данной теме также не связан с профессиональной деятельностью. Темы спорта и эмоционального здоровья в одинаковой степени интересны женщинам и мужчинам, но в этом случае на ведение блогов влияет профессиональный интерес: среди пишущих по теме спорта на первом месте находятся тренеры, на втором — спортсмены, а среди пишущих по теме эмоционального здоровья на первом месте — тренеры, на втором — блогеры, чья профессия не связана со здоровым образом жизни, а на третьем — психологи.

В таблицах 1 и 2 приведены взаимозависимости между темами блогов и наличием в них контактов для сотрудничества по размещению рекламы и, собственно, рекламы.

Таблица 1. Зависимость наличия контактов для размещения рекламы в блоге и темы блога

Контакты для сотрудничества по размещению рекламы	Тема блога					
	Правильное питание, %	Поддержание здоровья, %	Спорт, %	Эмоциональное здоровье, %	Отказ от ВП, %	В целом, %
Да	34,5	74,0	45,0	75,5	11,4	51,1
Нет	65,5	26,0	55,0	24,5	88,6	48,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропущено 6 из 929 объектов (0,6%).

** Коэффициент Крамера [0..1]: 0,456, вероятность ошибки: 0,10%.

Таблица 2. Зависимость наличия рекламы в блоге и темы блога

Наличие рекламы	Тема блога					
	Правильное питание, %	Поддержание здоровья, %	Спорт, %	Эмоциональное здоровье, %	Отказ от ВП, %	В целом, %
Да	44,5	71,5	32,5	77,0	10,6	50,3
Нет	55,5	28,5	67,5	23,0	89,4	49,7
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропущено 6 из 929 объектов (0,6%).

** Коэффициент Крамера [0..1]: 0,464, вероятность ошибки: 0,10%.

Как видно из таблиц, тематика постов блогеров, ориентированных на заработок в социальных медиа, сконцентрирована преимущественно вокруг поддержания физического и эмоционального здоровья.

В таблице 3 представлена зависимость объектов рекламы и темы блога.

Таблица 3. Зависимость объекта рекламы и темы блога

Что рекламирует	Тема блога					
	Правильное питание, %	Поддержание здоровья, %	Спорт, %	Эмоциональное здоровье, %	Отказ от ВП, %	В целом, %
Не определено	47,6	10,5	67,5	21,5	16,3	33,6
Продукты питания	20,0	14,0	1,0	3,0	5,7	8,6
Магазины	13,5	18,0	8,5	3,0	4,1	9,7
Спортивное питание	7,6	3,5	8,5	2,0	1,6	4,8
Заведения общественного питания	2,9	0,5	1,0	5,5	1,6	2,4
Кухонные принадлежности	2,9	26,5	0,5	0,0	0,0	6,6
БАДы	5,3	10,0	1,5	0,0	0,8	3,7
Оздоровительные центры	0,6	7,0	2,5	14,5	0,0	5,5
Студии	0,0	7,0	0,0	12,0	0,0	4,3
Туры	1,2	9,5	2,0	5,0	0,0	3,9
Книги, фильмы	0,0	8,0	1,5	17,5	0,0	6,0
Залы	1,8	8,0	1,5	8,0	2,4	4,6
Фитнес-центры	2,9	27,0	1,5	19,0	4,9	11,9
Другие составляющие здорового образа жизни	24,7	9,5	20,5	4,5	8,9	13,7
Другое, не связанное со здоровым образом жизни	18,2	28,0	14,5	5,0	73,2	24,2
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропущено 36 из 929 объектов (3,9%).

** Коэффициент Крамера [0..1]: 0,424, вероятность ошибки: 0,10%.

Достаточно очевидно, что объекты рекламы разнятся в зависимости от темы блога. В блогах о правильном питании в основном рекламируют продукты питания (20%) и магазины, где их можно купить (13,5%). В блогах про физическое оздоровление и эмоциональное оздоровление чаще всего рекламируют фитнес-центры (27% и 19% соответственно). Наименее предрасположены к тематической рекламе блогеры об отказе от вредных привычек: 73,2% рекламного контента не соответствует теме блога.

Интересно также посмотреть на форматы, которые используют блогеры для рекламы. В таблице 4 представлена взаимосвязь форматов рекламы и темы блога.

Таблица 4. Зависимость формата рекламы и темы блога

Формат рекламы	Тема блога					
	Правильное питание, %	Поддержание здоровья, %	Спорт, %	Эмоциональное здоровье, %	Отказ от ВП, %	В целом, %
Видео	17,5	40,0	60,4	59,0	1,6	36,1
Фото	32,5	77,5	59,4	61,5	10,6	50,5
Текст	42,0	79,0	64,2	51,5	10,6	51,4

** Коэффициент Крамера [0..1], показывающий связь между форматом рекламы и темой блога, варьируется от 0,435 (текстовая реклама) до 0,460 (фотореклама), при вероятности ошибки в каждом случае: 0,10 %.

Как можно заметить, блоги по темам, связанным с правильным питанием, чаще используют текстовый формат рекламы; блоги о поддержании здоровья и отказе от вредных привычек — фото и текстовый форматы. Блоги о спорте и эмоциональном здоровье применяют разные форматы рекламы в приблизительно равных пропорциях.

Таким образом, как показывают результаты анализа выборки, практически 50 % всех блогеров в той или иной мере зарабатывают на рекламе в социальных медиа. При этом объект рекламы зачастую напрямую связан с тематикой блога, но это далеко не правило. Ярко выраженных разделений по использованным форматам рекламы не выявлено. Вместе с тем не очевидно, является ли стремление заработать на рекламе ведущим мотивом деятельности для создания и ведения блога по темам здорового образа жизни или нет.

Для того чтобы перейти к анализу того, как отражается в контенте блогов, связанных с тематикой здорового образа жизни, мотивация молодежи к их созданию и ведению, нам потребовались гипотезы о мотивах выбора в качестве темы блога одной из тем здорового образа жизни. Для этого были использованы данные качественного исследования, проведенного методом полуструктурированного интервью. На материалах интервью выделены четыре группы респондентов в зависимости от мотивов ведения блогов.

В основе мотивов создания блога первой группы лежит потребность в том, чтобы информировать пользователей интернета о пользе ведения здорового образа жизни через свой личный опыт. Респонденты из этой группы подчеркивали, что изначальной целью было желание делиться опытом, советами, рекомендациями и знаниями о той сфере здорового образа жизни, в которой они разбираются. Также для них было важно разрушить стереотипы, которые существуют в сфере здорового образа жизни. Важно, что блоги позволяют владельцу позиционировать себя как специалиста, который разбирается в выбранной теме.

Для второй группы ведение блога дало возможность разобраться в себе, получить знания и опыт в определенной сфере жизни, которыми потом можно делиться с другими. Так, респонденты-женщины, которые ведут блоги по теме эмоционального здоровья, в интервью рассказали, что толчком к созданию блогерской платформы послужила попытка «принять себя», «полюбить себя такой, какая есть». Соответственно, на первом месте у этих блогеров потребность разобраться в своих внутренних психологических проблемах и противоречиях, а затем вести об этом соответствующие записи в интернете.

Респонденты из третьей группы начали вести блоги по темам «отсутствие вредных привычек» и «спорт и фитнес» в силу своего интереса к социальным коммуникациям. Как пояснили блогеры, они создали профиль в социальных медиа, начали загружать тот контент, который им интересен. Потом увидели, что стала набираться аудитория — количество подписчиков росло. Это послужило причиной постоянного ведения блога.

Четвертая группа указывает на возможность зарабатывать с помощью блога дополнительные денежные средства. Блогеры указали на то, что можно совмещать заработок с полезной для общества деятельностью: благодаря их контенту люди узнают правду о вредных привычках и почему следует заниматься спортом.

Опираясь на выявленные мотивы (принести общественную пользу, показать свой опыт и личностный рост, коммуникация с друзьями, возможность заработать), мы выдвинули гипотезу, что та или иная мотивация находит отражение в контенте, который создает блогер, следовательно, она может быть выявлена через соответствующую символическую репрезентацию. Для проверки этой гипотезы мы использовали факторный анализ (метод главных компонент), применив его к подмассиву данных, собранных по двум блокам информации: 1) реклама в блогах; 2) визуальное наполнение постов (изображения и символы, представляющие здоровый образ жизни). Каждый блок включал в себя ряд бинарных переменных (П), по которым в бланке контент-анализа фиксировалось присутствие либо отсутствие заданных признаков:

Блок 1: Реклама в блогах.

П17: Наличие рекламы.

П10: Контакты для сотрудничества по размещению рекламы.

Блок 2: Визуальное (изображения и символы, представляющие здоровый образ жизни) наполнение постов.

П187: Тело/Фигура.

П188: Лицо.

П189: Природа.

П190: Общественный интерьер (в качестве фона).

П191: Домашний интерьер (в качестве фона).

П192: Семья.

П193: Друзья, коллектив.

П194: Предметы, связанные со здоровым образом жизни.

П195: Предметы, не связанные со здоровым образом жизни.

Рассчитанные с целью оценки возможности проведения факторного анализа для вышеперечисленных переменных критерии КМО (0,7) и сферичности Баттлера ($<0,05$) свидетельствуют о приемлемости и адекватности применения факторного анализа к сформированной нами выборке. Для анализа было отобрано три фактора с собственными значениями, превосходящими единицу, которые в совокупности объясняют 50,5% суммарной дисперсии переменных. По результатам факторного анализа было получено три группы переменных с высокими факторными нагрузками ($>0,4$), и это подтверждает нашу гипотезу о том, что контент аккаунтов конструируется блогерами не случайным образом: очевидно, что это происходит под влиянием определенных факторов (см. табл. 5).

Таблица 5. **Распределение рекламы и визуализаций здорового образа жизни в отношении факторов**

Реклама/Визуализации	Факторы (компоненты)		
	1	2	3
Семья	,712		
Предмет, не связанный с ЗОЖ	,688		
Друзья	,639		
Природа	,625		
Контакты для сотрудничества		,792	
Наличие рекламы		,772	
Домашний интерьер		-,510	
Предмет, связанный с ЗОЖ		,465	
Общественный интерьер			,810
Лицо			,692
Тело			,559

Как следует из таблицы 5, первый фактор объединяет аккаунты блогеров, размещающих в сети преимущественно изображения, касающиеся их семьи и/или друзей (П192: образы семьи и П193: образы друзей), а также изображения природы (П189: образы природы). Очевидно, что эти популяризаторы здорового образа жизни любят проводить время в кругу близких людей (родственников, друзей), часто вне дома — на природе, поэтому мы обозначили фактор 1 как «коммуникативная ориентация», то есть ориентация на создание коллектива единомышленников, совместное проведение досуга.

Во второй фактор входят репрезентации аккаунтов, в которых блогеры продвигают какой-либо продукт или услугу (П17: наличие рекламы и П194: предметы, связанные со здоровым образом жизни), а также предоставляют реквизиты для сотрудничества с рекламодателями (П10: контакты для сотрудничества). Учитывая смысловую связь между этими переменными, логично предположить, что блогеры демонстрируют готовность к сотрудничеству с организациями, производящими товары или предоставляющими услуги для здорового образа жизни, поскольку ориентированы на монетизацию своей активности в социальных сетях. Исходя

из этого, мы назвали фактор 2 «прагматическая ориентация», имея в виду ориентацию на монетизацию контента.

Третий фактор объединил аккаунты, содержащие изображение лица и/или тела блогера (П188: образы лица и П187: образы тела/фигуры) в момент времени, когда он/она находятся в общественном пространстве (П190: общественный интерьер). Вошедших в эту группу блогеров объединяет практика размещения в социальных сетях преимущественного собственных изображений, и мы предположили, что в контексте тематики здорового образа жизни эти блогеры делятся своим личным опытом или знаниями, или рассказывают о собственных достижениях, возможно, демонстрируют их. Мы присвоили этому фактору метку «ориентация на самопрезентацию», предполагая, что к этой ориентации можно отнести как позиционирование себя в качестве профессионала по какой-то из тем здорового образа жизни, так и демонстрацию того, что с помощью здорового образа жизни блогеру удалось достигнуть какого-то успеха или справиться с личными проблемами.

В соответствии с тремя отобранными факторами были сгенерированы три новые переменные: 1) коммуникативная ориентация, 2) прагматическая ориентация и 3) ориентация на самопрезентацию, факторные значения которых расположены в интервале от -2 до $+2$. Корреляционный анализ демонстрирует значимую связь этих переменных (факторов) с социально-демографическими характеристиками блогеров, выбором социального медиа и темой блога, а также — с реакцией подписчиков (см. табл. 6).

Таблица 6. **Корреляционный анализ факторов ориентации к ведению блогов о здоровом образе жизни с некоторыми смысловыми переменными**

Смысловые переменные	Факторы		
	Коммуникативная ориентация (1)	Прагматическая ориентация (2)	Ориентация на самопрезентацию (3)
<i>Социально-демографические характеристики блогеров</i>			
Пол	,246**	,262**	,159**
Возраст	-,115**	,160**	,160**
Образование	,132**	,141**	-,154**
Семейное положение	,333**	,093**	-,123**
Наличие детей	,430**	,119**	-,056
Род деятельности	,053	,256**	,165**
<i>Выбор социального медиа</i>			
Социальное медиа	,250**	-,008	,091**
<i>Тема блога</i>			
Тема блога	,000	,189**	-,419**
<i>Характеристики и реакции подписчиков</i>			
Количество подписчиков	,174**	-,227**	-,043
Пол подписчиков	,139**	,185**	,220**
Возраст подписчиков	-,170**	,244**	-,117**

Смысловые переменные	Факторы		
	Коммуникативная ориентация (1)	Прагматическая ориентация (2)	Ориентация на самопрезентацию (3)
Вовлеченность по лайкам в среднем для одного поста за месяц	,173**	–,304**	–,107**
Просмотры в среднем для одного поста за месяц	,312**	–,286**	–,149**
Репосты в среднем для одного поста за месяц	,108**	–,047	,120**
Комментарии в среднем для одного поста за месяц	,070*	–,372**	–,147**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Для анализа связи некоторых характеристик аккаунтов и выделенных нами на основе факторного анализа ориентаций к ведению блогов о здоровом образе жизни мы разбили факторные значения на четыре группы процентилей (квартили), где «1» означает отсутствие связи факторных значений с интересующей нас переменной, «2» — присутствие слабой связи между ними, «3» — наличие сильной связи и, соответственно, «4» — очень сильную связь между соответствующими факторными значениями и выбранной переменной. В таблице 7 представлено распределение преобладающего в процентном отношении квартиля для каждого из значений заданных переменных в рамках выделенного фактора. При этом метка «–» соответствует значению первого квартиля — отсутствие связи переменной и фактора, метка «+» — наличие слабой связи (второй квартиль), соответственно метки «++» и «+++» — присутствие «сильной» и «очень сильной» связи (третий и четвертый квартили).

Таблица 7. Распределение преобладающего показателя силы связи фактора и значений ряда переменных

Смысловые переменные	Значения переменных	Факторы		
		Коммуникативная ориентация (1)	Прагматическая ориентация (2)	Ориентация на самопрезентацию (3)
<i>Социально-демографические характеристики блогеров</i>				
Пол	Мужчины	–	–	++
	Женщины	+++	+++	+++
Возраст	18—24	+++	+++	+
	25—30	++	–	++
	31—35	–	–	++
Образование	Среднее	+++	+	+++
	Средне-специальное	+++	+	+++
	Высшее	–	–	++

Смысловые переменные	Значения переменных	Факторы		
		Коммуникативная ориентация (1)	Прагматическая ориентация (2)	Ориентация на самопрезентацию (3)
Семейное положение	Холост/не замужем	+++	+	+++
	Женат/замужем	–	+	++
	Живет с родителями	+	+++	+++
Наличие детей	Да	–	–	++
	Нет	+	–	+
Род деятельности	Спортсмены	++	+	+
	Врачи	++	+	++
	Психологи	++	–	++
	Тренеры	+++	++	–
	Фитнес модели	–	–	+
	Любители	–	–	+
<i>Выбор социального медиа</i>				
Социальное медиа	Instagram	–	–	++
	You Tube	+++	++	+
	Facebook	++	–	+++
<i>Тема блога</i>				
Тема блога	Здоровое питание	+++	++	+++
	Поддержка здоровья	–	–	++
	Спорт	+	++	–
	Эмоциональное здоровье	++	–	+
	Вредные привычки	–	+++	–
<i>Характеристики и реакции подписчиков</i>				
Количество подписчиков	до 1 тыс.	–	+++	++
	от 1 до 3 тыс.	–	–	+++
	от 3 до 10 тыс.	+	+	–
	от 10 до 100 тыс.	++	+	+++
	от 100 до 500 тыс.	+++	++	+
	свыше 500 тыс.	+++	–	+
Вовлеченность (лайки) в среднем для одного поста за месяц	до 500	+	+++	+++
	от 500 до 2 тыс.	++	++	+
	от 2 до 10 тыс.	+++	–	+
	от 10 до 50 тыс.	++	–	+
	от 50 до 100 тыс.	+++	–	++
	свыше 100 тыс.	+++	+	н/д
Количество просмотров в среднем для одного поста за месяц	до 500	++	++	–
	от 500 до 2 тыс.	–	+	+++
	от 2 до 10 тыс.	+++	–	+
	от 10 до 50 тыс.	++	+	+
	от 50 до 100 тыс.	–	+	+
	свыше 100 тыс.	+++	–	++

Смысловые переменные	Значения переменных	Факторы		
		Коммуникативная ориентация (1)	Прагматическая ориентация (2)	Ориентация на самопрезентацию (3)
Количество комментариев в среднем для одного поста за месяц	до 500	–	+++	+++
	от 500 до 2 тыс.	–	–	–
	от 2 до 10 тыс.	++	–	++
	от 10 до 50 тыс.	+++	–	–
Пол подписчиков	Мужской	–	–	++
	Женский	+++	++	+++
Возраст подписчиков	18—24	+++	++	+
	25—30	+++	–	++
	31—35	–	–	+++

Анализ представленных в таблице 7 данных позволяет выделить следующие основные характеристики групп блогеров, движимых ориентацией на 1) поддержание и расширение круга своей коммуникации, 2) монетизацию публикуемого контента и 3) популяризацию себя (самопрезентацию), своего субъективного и/или профессионального опыта.

В группе блогеров с «очень сильной» и «сильной» коммуникативной ориентацией преобладают женщины в возрасте от 18 до 30 лет (с большей вероятностью от 18 до 24 лет). Они не связаны узами брака и не имеют детей, активно занимаются спортом, имеют отношение к медицине и/или психологии (возможно, это их будущая профессия), многие из них работают (подрабатывают) тренерами. Эти блогеры имеют аккаунты преимущественно в YouTube и Facebook и пишут о правильном питании и эмоциональном здоровье. Аккаунты блогеров с коммуникативной ориентацией пользуются наибольшей популярностью у аудитории: у них большее число подписчиков (свыше пятисот тысяч) и количество просмотров подписчиками их постов (свыше ста тысяч). У них максимальное число оставляемых комментариев (от десяти до пятидесяти тысяч) и лайков (свыше ста тысяч). При этом преобладающие пол и возраст подписчиков совпадают с аналогичными характеристиками блогеров — это женщины в возрасте от 18 до 30 лет.

В группе блогеров с «очень сильной» и «сильной» прагматической ориентацией преобладают очень молодые женщины (возраст 18—24 года), возможно, они студентки вузов и колледжей. Многие из них еще живут с родителями, не имеют детей и занимаются тренерской работой (вероятно, для значительной части это способ дополнительного заработка). Они ведут аккаунты на YouTube, тематика которых сосредоточена на отказе от вредных привычек, правильном питании и спорте. Аккаунты блогеров с акцентированной прагматической ориентацией пользуются наименьшей популярностью в сравнении с теми, где доминирует ориентация на самопрезентацию или, тем более, коммуникативная ориентация. Действительно, у прагматично ориентированных только до одной тысячи подписчиков, лишь до пятисот просмотров за месяц и столько же лайков и комментариев. Возраст и пол основной части подписчиков соответствуют возрасту и полу основ-

ной массы блогеров с сильно выраженной прагматической ориентацией — это женщины в возрасте от 18 до 24 лет.

Группа блогеров с «очень сильно» и «сильно» выраженной ориентацией на самопрезентацию представлена женщинами и мужчинами в возрасте от 25 до 35 лет со средним специальным или высшим образованием. Среди них есть как те, кто уже имеет семью и детей, так и те, кто живет один или с родителями. Создатели аккаунтов, вошедших в эту группу, зачастую являются профессиональными психологами и врачами, предпочитают такие социальные сети, как Facebook и Instagram, где они преимущественно пишут о правильном питании и поддержании здоровья. Аккаунты, отнесенные к группе «ориентация на самопрезентацию», имеют в пределах ста тысяч подписчиков и в пределах двух тысяч просмотров каждого поста за месяц. Вовлеченность подписчиков, судя по лайкам и комментариям, невысока — до пятисот соответственно. Группа подписчиков представлена как женщинами, так и мужчинами, доминирующим возрастным интервалом является 25—35 лет.

Выводы

В целом тема здорового образа жизни в социальных медиа вызывает интерес у молодежи. Об этом свидетельствует как то, что существует группа блогеров, которая создает контент по темам, связанным со здоровым образом жизни (правильное питание, спорт, поддержание здоровья, эмоциональное здоровье, отказ от вредных привычек), так и то, что у этих блогов есть активная аудитория, которая регулярно просматривает контент и реагирует на него характерным для социальных медиа образом (лайки, репосты, комментарии). Контент блогов по темам здорового образа жизни неоднороден и различается. Анализ блогов, содержащих рекламу, показывает, что 50 % всех блогеров в той или иной мере зарабатывают на рекламе в социальных медиа. При этом объект рекламы зачастую напрямую связан с тематикой блога, но это далеко не правило. Ярко выраженных разделений по использованным форматам рекламы не выявлено.

В свете анализа блога как социальной деятельности мы пытались выявить мотивы владельцев аккаунтов и то, как они отражены в создаваемом контенте. При анализе мотивации к созданию блогов о здоровом образе жизни, основанном на полужурналистских интервью, мы выделили следующие мотивы: потребность в том, чтобы информировать и просвещать интернет-пользователей о пользе ведения здорового образа жизни, используя свои профессиональные знания и личный опыт; разобраться в себе и решить свои собственные проблемы с помощью ведения блога по одной из тем здорового образа жизни; стремление общаться с друзьями на темы, которые интересны самому блогеру; возможность зарабатывать дополнительные денежные средства.

Для проверки на основе количественных данных, могут ли эти мотивы быть выражены через контент блогов, была проведена процедура факторного анализа. В результате были выделены три фактора, которые условно названы «коммуникативная ориентация», «прагматичная ориентация» и «ориентация на самопрезентацию». Также выявлено, что существует связь между рядом характеристик аккаунтов и выделенными ориентациями на ведение блогов о здоровом образе жизни.

Так, если коммуникативная и прагматическая ориентации распространены преимущественно среди блогеров — девушек в возрасте от 18—24 лет, находящихся в процессе получения образования, то ориентация на самопрезентацию в большей степени характерна для молодых женщин и мужчин более старшей возрастной группы (25—35 лет) уже имеющих высшее или среднее специальное образование.

Среди блогеров, не имеющих детей и не состоящих в браке, скорее выражены коммуникативная и прагматичная ориентации, при этом среди тех, кто живет с родителями, чаще встречается последняя. Блогерам, у которых есть собственная семья и дети, чаще свойственна ориентация на самопрезентацию.

Также эта ориентация больше характерна для блогеров-врачей и психологов, чем для имеющих другой род деятельности. В этом можно усмотреть и латентный прагматизм: сообщая о своей профессии, эти блогеры, ведя аккаунты о здоровом образе жизни, занимаются одновременно продвижением собственных услуг, наращивая тем самым потенциальную клиентскую базу. Вместе с тем для врачей и психологов в такой же степени, как ориентация на самопрезентацию, характерна и коммуникативная ориентация. А прагматическая ориентация сильнее всего выражена у тренеров и заключается в том, чтобы зарабатывать на рекламе, в то время как блогеры с ориентацией на самопрезентацию продвигают себя: доминирующий в их аккаунтах визуальный ряд — это изображения собственного лица и/или тела в различных общественных интерьерах (офис, тренинг, спортивный зал и пр.).

Но среди тренеров еще сильнее, чем прагматическая ориентация, выражена коммуникативная ориентация. Эти данные, скорее всего, свидетельствуют о неоднородности группы тренеров-блогеров. Вероятно, одни тренеры ведут блоги в первую очередь для коммуникации, в том числе со своими подопечными, и другие — с целью монетизировать контент.

Отличия с точки зрения ориентации на ведение блога о здоровом образе жизни касаются выбора как темы блога, так и социального медиа. Для тех, кто ведет блоги по теме правильного питания, примерно в одинаковой степени характерны все виды ориентаций, но несколько меньше других — прагматическая. Коммуникативная ориентация чаще свойственна тем, кто выбирает тему эмоционального здоровья и такие социальные медиа, как YouTube и Facebook. Прагматическая ориентация в большей степени характерна для аккаунтов по темам отказа от вредных привычек и спорта, размещенных, как правило, на YouTube. Ориентация на самопрезентацию больше распространена среди блогеров, пишущих по теме поддержания здоровья, преимущественно в Facebook и Instagram.

Согласно полученным нами данным, наибольшей популярностью у аудитории пользуются аккаунты блогеров, у которых выражена коммуникативная ориентация — у них максимальное (по сравнению с остальными) число подписчиков, которые не только регулярно просматривают новые посты, но и активно взаимодействуют с блогерами посредством интерактивной обратной связи (максимальное по сравнению с остальными группами число комментариев и лайков).

На противоположном полюсе оказываются аккаунты, создаваемые блогерами с доминирующей прагматичной ориентацией. У них, наоборот, минимальное (на фоне двух других групп) количество подписчиков и просмотров, а также комментариев и лайков.

Аккаунты блогеров с ориентацией на самопрезентацию пользуются умеренной популярностью. У них достаточно много подписчиков, которые довольно регулярно просматривают вновь появляющиеся посты. Тем не менее их вовлеченность, судя по числу комментариев и лайков, может быть оценена лишь как умеренная (она выше, чем у блогеров с выраженной прагматичной ориентацией, но ниже, чем у блогеров с коммуникативной ориентацией).

Таким образом, популяризация здорового образа жизни может развиваться как за счет повышения социальной ответственности блогеров, стремления обсуждать и предлагать аудитории социально одобряемые паттерны поведения, так и за счет коммерциализации блогов, которая возможна на росте популярности данной темы и внимания к ней со стороны подписчиков. При этом наибольшие возможности по монетизации контента у тех блогеров, кто в первую очередь ориентирован на коммуникацию с аудиторией. Такие блоги имеют больше всего подписчиков, активно реагирующих на посты.

Список литературы (References)

Белова Н. И. Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 84—86.

Belova N. I. (2008) Paradoxes of a healthy lifestyle of studying youth. *Sociological studies*. 2008. No. 4. P. 84—86. (In Russ.)

Бестужев-Лада И. В. Социальные показатели образа жизни советского общества: методологические проблемы. М.: Наука, 1980. 216 с.

Bestuzhev-Lada I. V. (1980) Social indicators of the lifestyle of Soviet society: methodological problems. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Брехман И. И. Введение в валеологию — науку о здоровье. Л.: Наука, 1987. 206 с.

Brekhman I. I. (1987) Introduction to valeology — the science of health. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Возьмитель А. А. Реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 4 (48). С. 55—64.

Vozmitel A. A. (2017) Re-conceptualization of the sociological approach to studying the way of life. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 4 (48). P. 55—64. (In Russ.)

Журавлева И. В. Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2002. 240 с.

Zhuravleva I. V. (2002) Health of adolescents: a sociological analysis. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Казарян К., Сайкина М. Экономика Рунета / Экосистема цифровой экономики России 2018: Ежегодное общероссийское исследование российского рынка высоких технологий. URL: https://raec.ru/upload/files/ru-ec_booklet.pdf (дата обращения: 31.03.2019).

Kazaryan K., Saykina M. *Runet Economy / Ecosystem of the Digital Economy of Russia 2018: Annual All-Russian study of the Russian high-tech market.* (In Russ.) URL: https://raec.ru/upload/files/ru-ec_booklet.pdf (accessed 31.03.2019).

Лапин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17—28.

Lapin N. I. (1993) Social values and reforms in crisis Russia. *Sociological studies*. No. 9. P. 17—28. (In Russ.)

Лига М. Б. Качество жизни: генезис идей // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4. С. 237—244.

Liga M. B. (2011) Life Quality: Genesis of Ideas. *Scientific notes ZabSU. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*. No. 4 P. 237—244. (In Russ.)

Лисицын Ю. П. Образ жизни и здоровье населения. М., 1992. 40 с.

Lisitsyn Yu. P. (1992) Lifestyle and public health. Moscow. (In Russ.)

Лисицын Ю. П., Полунина И. В. Здоровый образ жизни ребенка. М., 1984.

Lisitsyn Yu. P., Polunina I. V. (1984) Healthy lifestyle baby. Moscow. (In Russ.)

Немова О. А., Кутепов М. М., Кутепова Л. И., Ретивина В. В., Фролова Н. В. Социокультурные механизмы трансляции ценностей (на примере приобщения молодежи Нижнего Новгорода к здоровому образу жизни) // Теория и практика физической культуры. 2016. № 11. С. 48—50. (In Russ.)

Nemova O. A., Kutepov M. M., Kutepova L. I., Retivina V. V., Frolova N. V. (2016) Values translating social and cultural mechanisms: case study of healthy lifestyle cultivation in Nizhny Novgorod youth. *Theory and Practice of Physical Culture*. No. 11. P. 48—50. (In Russ.)

Полунина Н. В. О некоторых аспектах научного подхода к формированию здоровья детей // Журнал профилактики заболеваний и укрепления здоровья. 1999. № 4. С. 5—9.

Polunina N. V. (1999) On some aspects of the scientific approach to the formation of children's health. *Journal of Disease Prevention and Health Promotion*. No. 4. P. 5—9. (In Russ.)

Рывкина Р. В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 32—39.

Ryvkina R. V. (2001) Lifestyle of the population of Russia: social consequences of the reforms of the 90s. *Sociological studies*. No. 4. P. 32—39. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6—17.

Toshchenko Zh. T. (2016) Life world and its meanings. *Sociological studies*. No. 1. P. 6—17. (In Russ.)

Ушакова Я. В. Здоровье студентов и факторы его формирования // Вестник НГГУ. 2007. № 4. С. 197—202.

Ushakova Ya. V. (2007) Students' health and factors of its formation. *Bulletin of Novosibirsk State University*. No. 4. P. 197—202. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Кофейни, джентльменские клубы и социальные сети, или где сегодня формируется общественное мнение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 52—62. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.03>.

Ushkin S. G. (2017) Coffee shop, gentlemen's club and social network, or where the public opinion is shaped today. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 52—62. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.03>.

Boyd D. M., Ellison N. B. (2007) Social network sites: definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 13. No 1. P. 210—230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>.

Freyne J., Berkovsky S., Kimani S., Baghaei N. (2010) Improving health information access through social networking. In: T. S. Dillon, D. L. Rubin, W. Gallagher, A. S. Sidhu, A. Tsybmal (Eds.). *IEEE 23rd International Symposium on Computer-Based Medical Systems*, October 12—15, 2010, Perth, Australia, (P. 334—339). New York, NY: IEEE. <https://doi.org/10.1109/CBMS.2010.6042666>.

Kinard B. R. (2016) Insta-Grams: The Effect of Consumer Weight on Reactions to Healthy Food Posts. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 19. No. 8. P. 481—486. <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0085>.

Maj A. (2018) A healthy mind in a healthy body — Recipes for a healthy living as seen in Polish vlogs. *Qualitative Sociology Review*. Vol. 14. No. 2. P. 116—129. <https://doi.org/10.18778/1733-8077.14.2.07>.

Moorhead S. A., Hazlett D. E., Harrison L., Carroll J. K., Irwin A., Hoving C. (2013) A new dimension of health care: systematic review of the uses benefits, and limitations of social media for health communication. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 15. No. 4: e85. <https://doi.org/10.2196/jmir.1933>.

Oha H. J., Lauckner C., Boehmer J., Fewins-Bliss R., Li K. (2013) Facebooking for health: an examination into the solicitation and effects of health-related social support on social networking sites. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29. No. 5. P. 2072—2080. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.04.017>.

Prochaska J. O., Velicer W. F. (1997) The transtheoretical model of health behavior change. *American Journal of Health Promotion*. Vol. 12. No.1. P. 38—48. <https://doi.org/10.4278/0890-1171-12.1.38>.

Sajadi K. P., Goldman H. B. (2011) Social networks lack useful content for incontinence. *Urology*. Vol. 78. No. 4. P. 764—767. <https://doi.org/10.1016/j.urology.2011.04.074>.

Savolainen R. (2010) Dietary blogs as sites of informational and emotional support. *Information Research*. Vol. 15. No. 4. Paper 438. <http://InformationR.net/ir/15-4/paper438.html>.

Scanfeld D., Scanfeld V., Larson E. L. (2010) Dissemination of health information through social networks: twitter and antibiotics. *American Journal of Infection Control*. Vol. 38. No. 3. P. 182—188. <https://doi.org/10.1016/j.ajic.2009.11.004>.

Wilson T. D. (2000) Human information behaviour. *Informing Science*. Vol. 3. No. 2. P. 49—55. <https://doi.org/10.28945/576>.

Zhang Y., He D., Sang Y. (2013) Facebook as a platform for health information and communication: a case study of a diabetes group. *Journal of Medical Systems*. Vol. 37. No. 3. Article number: 9942. <https://doi.org/10.1007/s10916-013-9942-7>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.989

Правильная ссылка на статью:

Ним Е. Г. Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 191—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.989>.

For citation:

Nim E. G. (2020) Student discourse on digital self-tracking: rhetorics and practices . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 191—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.989>.

Е. Г. Ним

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ЦИФРОВОМ СЕЛФ-ТРЕКИНГЕ: РИТОРИКИ И ПРАКТИКИ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ЦИФРОВОМ СЕЛФ-ТРЕКИНГЕ: РИТОРИКИ И ПРАКТИКИ

НИМ Евгения Генриевна — кандидат социологических наук, доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nimeg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7349-9429>

STUDENT DISCOURSE ON DIGITAL SELF-TRACKING: RHETORICS AND PRACTICES

Evgeniya G. NIM¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Faculty of Communications, Media, and Design

E-MAIL: nimeg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7349-9429>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассмотрено, как российские студенты осмысливают и практикуют цифровые технологии селф-трекинга (мобильные приложения, фитнес-браслеты, умные часы), позволяющие получать биометрические и поведенческие данные. Пред-

Abstract. The article examines how Russian students comprehend and use digital technologies for self-tracking (mobile apps, smart wristbands, smartwatches) allowing them to receive behavioral biometrics data. The study presents the results of a reflexive thematic analysis of

ставлены результаты рефлексивного тематического анализа студенческих эссе по этой теме. Какие смыслы и значения селф-трекинга актуализируют студенты в своих работах? Как они описывают собственный опыт использования селф-трекинговых технологий? Как видят цифровое будущее и конструируют футурологический дискурс селф-трекинга? Исследование показало, что селф-трекинг может концептуализироваться как ценностный, телесный, социальный и технологический феномен. Практически у всех студентов есть тот или иной опыт селф-трекинга, при этом некоторые стремятся его ограничить или по ряду причин отказались от него. Основываясь на историях студентов (и бывших, и актуальных пользователей), автор статьи предлагает условно различать три стиля цифрового селф-трекинга: «геймер», «менеджер», «трансформер». Для «геймера» важны чувства азарта, удовольствия и новизны; «менеджер» стремится к устройению порядка в «голове» и жизни; «трансформер» хочет радикально изменить себя телесно и ментально. В реальности любой селф-трекер сочетает все три роли, при этом одна из них может доминировать. По мнению студентов, существующие технологии самоизмерения не способны создать сильную мотивацию к самооптимизации, но в будущем их эффективность может возрасти. В части эссе студенты развивают антиутопический дискурс селф-трекинга, обозначая ряд проблем, таких как: использование личных данных в интересах корпораций, перспектива принудительного селф-трекинга (и тотального контроля), трансформация социальных практик и институтов под влиянием «цифровых двойников». Признавая неизбежность

student essays on the topic. What meanings do the students actualize in their works? How do they describe their personal experience in self-tracking technologies? How do they envisage the digital future and construct the futurological discourse related to self-tracking? The study shows that self-tracking is conceptualized as a value-based, corporeal, social and technological phenomenon. Almost all the students have a certain degree of experience in self-tracking, however some of them strive to limit it or have stopped using it for a number of reasons. Based on student stories (former and current users) the author proposes to tentatively distinguish three self-tracking strategies: (1) gamer, (2) manager, and (3) transformer. Gamers prize passion, enjoyment and newness; managers lean more toward bringing order to their lives; transformers are eager to make radical changes to body and mind. In actual life any self-tracker combines all three roles with one of them being dominant. According to the students, self-tracking technologies are not capable of inciting a strong motivation for self-optimization but their effectiveness might increase in the future. Dystopian discourse in the student essays points to the problems such as the use of personal data for the benefit of large corporations, prospects for coercive self-tracking (and total control), transformation of social practices and institutions under the influence of “digital doubles”. Recognizing the inevitability of further technological development the authors of the essays consider it important to critically assess possible consequences and risks of human and social life datafication.

дальнейшего технологического развития, авторы эссе считают важным критически оценивать возможные последствия и риски «датафикации» человека и социальной жизни.

Ключевые слова: селф-трекинг, цифровые технологии, «Quantified self», российские студенты, рефлексивный тематический анализ

Keywords: self-tracking, digital technologies, «Quantified self», Russian students, reflexive thematic analysis

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 17-01-0077) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017—2019 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

Acknowledgments. The article was part of the study (grant No. 17-01-0077) carried out in the framework of HSE Academic Fund Program in 2017–2019 (grant No. 17-01-0077) and Russian Academic Excellence Project 5–100.

Введение

Благодаря стремительному развитию индустрии мобильных и носимых устройств цифровой селф-трекинг становится все более заметной практикой [Ajana, 2018; Lupton, 2016; Neff, Nafus, 2016]. На сегодняшний день существуют сотни мобильных приложений, позволяющих отслеживать физические показатели, ментальное состояние и социальную активность пользователей. С их помощью можно измерять число пройденных шагов, расход калорий, давление, пульс, объем выпитой воды, качество сна, уровень стресса и т. д. Некоторые фитнес-приложения для мониторинга здоровья, например Apple Health и Samsung Health, уже по умолчанию встроены в смартфоны. Менее доступны для массового потребителя умные часы, фитнес-браслеты, бижутерия и одежда с сенсорными датчиками, также обладающие функциями сбора биометрических данных. Как следует из рекламных сообщений, селф-трекинговые технологии обещают пользователям стать «лучшей версией себя» — более осознанными, здоровыми и продуктивными. Эти инструменты персональной информатики адресованы, прежде всего, молодежи и людям, ведущим активный образ жизни.

Флагманом движения селф-трекинга является основанное в 2007 г глобальное сообщество Quantified self (QS) с его девизом: «Самопознание через цифры»¹. Приверженцы QS преследуют различные цели — от углубления саморефлексии до оздоровления и биохакинга. Они используют множество QS-инструментов, включая медицинские приборы и собственные разработки. Свою практику от-

¹ Одноименный сайт сообщества находится по адресу: URL: <https://quantifiedself.com> (дата обращения: 10.04.2020).

слеживания и анализа индивидуальных метрик участники сообщества называют «повседневной наукой». Движение QS развивает «датаистскую парадигму» [Ruckenstein, Pantzar, 2015: 403], призывая нас переосмыслить жизнь с позиций «Вы есть Ваши данные». В настоящее время термин Quantified self применяется не только к членам этого комьюнити, но и ко всем, кто измеряет различные аспекты своей повседневности с помощью цифровых устройств.

Хотя селф-трекинг связывают, прежде всего, с мониторингом здоровья и физической активности, в более широком смысле он подразумевает квантификацию любых рутинных практик. Это могут быть еда, работа, чтение, прогулки, общение с друзьями, покупки, медитация, секс. Такой всепроникающий селф-трекинг — проявление фундаментального процесса «глубокой медиатизации» [Couldry, Hepp, 2016], трансформирующего все сегменты социальной жизни. При этом интерес к селф-трекингу поддерживают не только энтузиасты и производители QS-технологий, но и другие социальные акторы: страховые компании, банки, медицинские и образовательные учреждения, работодатели. Здоровые и благополучные клиенты и сотрудники — лучший способ избежать определенных рисков и затрат. Технологии селф-трекинга работают как инструменты биопедагогика, мотивирующие граждан на систематическую «заботу о себе» [Fotopoulou, O’Riordan, 2017; Williamson, 2015]. К примеру, страховые компании предлагают снижение размера взносов при условии, что клиент ведет здоровый образ жизни, соглашаясь на долгосрочное наблюдение со стороны страховщика посредством цифровых устройств [Кляйнеберг, 2018]. Корпоративные программы укрепления здоровья, включающие QS-технологии, устроены аналогичным образом: сотрудник получает определенные бонусы². Использование фитнес-приложений может быть рекомендовано в школах и вузах [Richardson, Mackinnon, 2018; Schaefer et al., 2016]. Активно разрабатываются селф-трекинговые технологии в сфере здравоохранения [Swan, 2012; Topol, 2015]. И даже операторы мобильной связи предлагают «гиги за шаги»³. Все эти процессы свидетельствуют о том, что цифровой селф-трекинг не следует рассматривать лишь как индивидуальный выбор или молодежную моду. Селф-трекинг тяготеет к экспансии во многие «социальные миры», при этом в ряде случаев приобретает добровольно-принудительный характер. Конечно, пока немногие организации используют QS-технологии. Однако тенденция «датафикации» [Dijk van, 2014; Mayer-Schoenberger, Cukier, 2013], преобразующей социальные действия в количественные онлайн-данные, будет лишь возрастать со временем, и, следовательно, селф-трекинг получит еще большее распространение.

В этом контексте всесторонние исследования селф-трекинга — QS-технологий, пользователей, практик, эффектов, дискурсов — приобретают особую актуальность. В России изучение селф-трекинга как социокультурного феномена только начинается, и данное исследование призвано внести вклад в развитие этого на-

² Например, согласно исследованию фонда Kaiser Family Foundation 2019 года, 11% американских работодателей, реализующих программы медицинского страхования, собирают данные о здоровье своих сотрудников с помощью мобильных приложений и носимых девайсов. См.: URL: <http://files.kff.org/attachment/Report-Employer-Health-Benefits-Annual-Survey-2019> (дата обращения: 12.04.2020).

³ Акция оператора мобильной связи «Билайн».

правления. В частности, мы исследуем дискурсы и практики селф-трекинга среди студентов, профиль обучения которых связан с медиатехнологиями и от которых можно ожидать повышенного интереса к цифровому самонаблюдению.

Обзор литературы и теоретическая «оптика»

Цифровой селф-трекинг активно изучается в рамках и на пересечении социальных, медицинских и компьютерных наук. Представители двух последних областей более оптимистичны в оценке возможностей QS-технологий для самоменеджмента и улучшения здоровья [Swan, 2012; Topol, 2012, 2015]; проводимые ими исследования направлены, прежде всего, на повышение эффективности систем персональной информатики [Li, Dey, Forlizzi, 2010; Rooksby et al., 2014; Epstein et al., 2015; Kersten-van Dijk et al., 2017]. Для большей части социальных исследований селф-трекинга характерна критическая «оптика», в свете которой становятся видны его потенциальные риски и дискурсивные конструкции. В них выражается обеспокоенность по поводу все возрастающего влияния идеологии «датаизма» [Dijk van, 2014] и «власти метрик» [Beer, 2016], использования данных пользователей в интересах корпораций [McEwen, 2018; Till, 2014, 2019], роли QS-инструментов в формировании «оптимизированных» нелиберальных граждан [Lupton, 2016]. Именно этот критический подход с присущим ему фукодианским вниманием к дискурсам «заботы о себе» лежит в основе нашего исследования [Foucault, 1988]. При этом мы разделяем точку зрения, согласно которой следует избегать чрезмерной поляризации дебатов о селф-трекинге и формулировать альтернативные перспективы его изучения [Sharon, 2017].

Особое значение для нас также имеет ряд исследований, посвященных выявлению стилей цифрового самоизмерения. Их авторы предлагают различные типологии QS-практик, основываясь преимущественно на результатах глубинных интервью.

В частности, британские исследователи [Rooksby et al., 2014] описали пять модусов селф-трекинга в зависимости от мотивации пользователей: «целенаправленный», «документирующий», «диагностический», «вознаграждающий» и «фетишизированный». Их типология позволяет понять намерения селф-трекеров, но упускает тот факт, как люди воспринимают свои девайсы. Этот фактор учли австралийские социологи [Lyal, Robards, 2017], установившие три роли, которые атрибутируют пользователи своим трекерам активности: «инструмент», «игрушка» и «наставник». Их данные показывают, что люди сами «настраивают» тип отношений между собой и цифровым устройством. Несколько иную концептуализацию селф-трекинга предложили немецкие исследователи [Gerhard, Nepp, 2018]: они выделили два базовых типа селф-трекеров — «прагматиков» и «энтузиастов». Если «прагматики» используют трекинг вынужденно, лишь для достижения конкретных целей (например, сбросить вес) и обычно не афишируя это занятие, то для «энтузиастов» это органичная часть их активного образа жизни, которой они охотно делятся с другими. Однако систематический селф-трекинг — это довольно редкое явление. Датские исследователи [Gorm, Shklovski, 2019] описывают более распространенную практику «эпизодического применения», которой свойственны ошибки, прерывания и индивидуальные модификации. В то время как многие

исследователи рассматривают селф-трекинг как личный выбор, австралийский социолог Д. Луптон показала, что он может быть не только инициативным, но и навязанным извне и даже эксплуатирующим [Lupton, 2016].

Часть недавних зарубежных публикаций посвящена исследованиям селф-трекинга среди молодежи [Goodyear, Armour, Wood, 2019; Lupton, 2018; Montagni et al., 2018; Pang et al., 2019; Radovic et al., 2018; Ridgers et al., 2018]. Их авторы выявляют мотивацию, барьеры и эффекты использования фитнес-трекеров у школьников и студентов. Примечательно, что некоторые из этих ученых рекомендуют применять QS-технологии в рамках учебного процесса, чтобы повысить вовлечение подростков в слежение за своим здоровьем и физической активностью [Schaefer et al., 2016]. В то же время, другие исследования показывают, что сами тинейджеры не разделяют образовательную ценность фитнес-технологий и скептически относятся к попыткам их внедрения в учебных учреждениях [Goodyear, Kerner, Quennerstedt, 2019].

Наше исследование ставит целью выявить, как цифровой селф-трекинг осмысливается и практикуется российскими студентами. В отличие от упомянутых работ, использующих данные опросов и наблюдений, здесь материалом для анализа стали студенческие эссе. Их изучение позволило понять, какие смыслы, ценности и стили цифрового самоизмерения могут разделяться или проблематизироваться в среде университетской молодежи.

Дизайн исследования

В данной работе представлен качественный анализ 112 эссе, написанных студентами одного из московских вузов в марте 2019 года, во время изучения курса по медиаисследованиям. Средний возраст авторов эссе — 20 лет, девушки составляют 83%, юноши — 17%.

Эссе можно было развить в трех направлениях: 1) культура селф-трекинга; 2) личный опыт селф-трекинга; 3) будущее селф-трекинга. В задании указывалось, что это разграничение условное и в одном тексте можно затронуть все три аспекта. Для подготовки к письменной работе рекомендовался краткий список литературы [Ним, 2018; Ajana, 2018; Gilmore, 2016; Fotopoulou, O’Riordan, 2017; Lupton, 2016; Neff, Nafus, 2016; Pink, Fors, 2017]. Требовалось, чтобы в эссе объемом 1000 слов было не менее двух ссылок на исследования QS в контексте их оспаривания или подтверждения. Таким образом, текст был не спонтанный, а в определенной мере теоретически нагруженный, и в этом его специфика.

Решение анализировать эссе как эмпирический материал в исследовании селф-трекинга принято ретроспективно (с согласия авторов эссе) и вполне обоснованно. Во-первых, студенты могут рассматриваться как (не-)пользователи селф-трекинг-технологий, а их тексты — как отчеты информантов о своем потребительском опыте или причинах его отсутствия. Во-вторых, мы имеем дело с будущими медиапрофессионалами и медиаисследователями. Возможно, одним предстоит разрабатывать и продвигать подобные технологии, другим — писать об этих технологиях научные статьи. В-третьих, студенты — социальная категория, в отношении которой гипотетически возможен «принудительный» селф-трекинг [Lupton, 2016]. Как было показано выше, такой тренд в мировой образовательной

практике уже существует. И «голоса» студентов, которые потенциально могут быть вовлечены в такую цифровую биопедагогику, важно услышать.

Вместе с тем, отметим свойства исследуемых текстов, создающие сложности и приводящие к «сопротивлению» аналитическим процедурам. Прежде всего, это учебные работы, написанные в соответствии с определенными требованиями преподавателя и предназначенные для оценивания. В эссе есть теоретический бэкграунд, нередко чисто условный, но в той или иной мере задающий направление интерпретации. Это «ближущие» тексты, в которых индивидуальные смыслы отчасти как бы засвечены «авторитетными» дискурсами (что сходно с явлением социально желательных ответов при проведении опросов). Кроме того, стилистически это очень разнородные работы, от философских изысканий, социальной аналитики и конспективных рефератов до художественных эссе и личных историй. Количественный анализ таких текстов был бы затруднен. Тем не менее, несмотря на эти осложняющие характеристики, данные эссе являются эвристически богатым материалом для исследования.

Нами были сформулированы следующие исследовательские вопросы.

- Какие смыслы и значения селф-трекинга актуализируют студенты в эссе?
- Как они описывают свой опыт использования селф-трекинговых технологий?
- Как конструируется футурологический дискурс селф-трекинга в студенческих эссе?

Для получения ответов на эти вопросы был применен рефлексивный тематический анализ в версии В. Браун и В. Кларк [Braun, Clarke, 2006]. В рамках этого подхода кодирование понимается как открытый и гибкий процесс, где коды возникают в ходе чтения и интерпретации текстов. При этом, если код схватывает один смысл или идею, тема возникает в результате кластеризации сходных кодов. Темы концептуализируются как «сквозные» смысловые паттерны, организованные вокруг ключевых концептов. Исследователь здесь, скорее, сторителлер, который должен рассказать «хорошую» (связную и убедительную) историю о наборе данных, осознавая, что привносит в нее свой личный опыт и субъективность.

Селф-трекинг как объект рефлексии

На первом этапе исследования выявлена проблематика студенческих эссе, для чего проанализированы их заголовки. В названии эссе актуализированы его ключевые смыслы. Формулировки тем не всегда полностью соответствуют содержанию; некоторые из них не совсем удачны стилистически. Тем не менее, они отражают значимость для студентов определенных идей и проблем, связанных с культурой цифрового селф-трекинга.

В процессе кодирования названий эссе выделены три тематических фокуса: концептуализация селф-трекинга; практика селф-трекинга; селф-трекинг и идентичность.

В случае концептуализации селф-трекинга заголовки эссе отвечают на вопрос «что это?» (см. табл. 1). В них отражена попытка идентифицировать и оценить селф-трекинг как социальный феномен. Конструкция таких названий содержит альтернативный вопрос с союзом «или» («Селф-трекинг: друг или враг?») либо дефинирующий оборот с союзом «как» («Селф-трекинг как способ защиты от хаоса»). В первом случае

проблематизация селф-трекинга происходит посредством бинарных оппозиций, во втором — через выбор определенного значения. Помимо конструктивных особенностей, здесь имеются содержательные различия. В частности, в заголовках этой группы можно выделить концептуализации четырех типов:

1) ценностные концептуализации размещают селф-трекинг в пространстве таких понятий, как «благо», «прогресс», «идеал», «развитие», «познание», претендуя на оценку его роли в улучшении или регрессе человека и культуры;

2) телесные концептуализации в большей мере сосредоточены на селф-трекинге как инструменте конструирования «здоровья» и «здорового тела», его параметров и норм;

3) социальные концептуализации актуализируют политические, правовые и экономические контексты селф-трекинга, связывая его с темами идеологии, власти и неравенства (включая апелляции к известным антиутопиям);

4) технологические концептуализации акцентируют роль селф-трекинга в развитии новой цифровой материальности, «датафикации» человека и жизненной среды.

Таблица 1. Способы концептуализации селф-трекинга в заголовках эссе

Концептуализация селф-трекинга	Альтернативный вопрос. Селф-трекинг:	Фокус на одном аспекте. Селф-трекинг как...
Ценностная	Благо или зло? Друг или враг? Двигатель прогресса либо абсурда? Self-tracking or self-tricking? Упрощение или усложнение жизни?	Способ защиты от хаоса Способ улучшения качества жизни Катализатор процесса саморазвития Попытка догнать идеального себя Кризис познавательной способности
Телесная	Легкий путь к здоровью или неумение слушать свое тело? Рациональное построение тела либо одержимость?	Фактор развития культуры идеального тела Механизм укрепления расстройств пищевого поведения
Социальная	Внешнее расширение или принудительный контроль извне? «О дивный новый мир» либо «1984»?	Механизм авторитаризации общества Новый паноптикум
Технологическая	(Нет примеров)	Маркер развития квантификации человеческого тела и сознания Синхронизация человека с инфраструктурой

Из названий студенческих эссе можно реконструировать термины позитивного и негативного словарей цифрового селф-трекинга. Прогрессистская риторика селф-трекинга оперирует такими понятиями, как «здоровье», «саморазвитие», «улучшение жизни», «защита от хаоса», «прогресс», «друг», «благо». Критическая QS-риторика использует регрессивный язык описания: «одержимость», «кризис самопознания», «принудительный контроль», «авторитаризм», «паноптикум», «враг», «зло». Авторы ряда эссе склонны к поляризации и морализации дискурса селф-трекинга (это может быть и приемом речевого воздействия). Однако даже в тех

случаях, когда заголовок эссе явным образом выражает авторскую позицию, в самих текстах селф-трекинг чаще предстает как сложный феномен, которому трудно дать однозначную оценку.

Помимо вопроса «что это?» применительно к селф-трекингу студенты задавались и целым рядом других (см. табл. 2).

Таблица 2. **Другие ключевые QS-темы и вопросы в заголовках эссе**

Темы	Заголовки
Практика селф-трекинга	
Мотивы	Зачем я занимаюсь селф-трекингом? Стоит ли медиатизировать свои привычки? Селф-трекинг: почему это не мое?
Эффекты	Действительно ли селф-трекеры облегчили мне жизнь? Может ли оптимизация жизни разрушить ее? Почему селф-трекинг заставляет меня страдать?
Риски	Опасен ли селф-трекинг? Что скрывает селф-трекинг? Кому и зачем нужны наши данные?
Селф-трекинг и идентичность	
Я	Я слежу за собой и горжусь этим! «Оптимальный человек» в контексте культуры селф-трекинга. Лайфлоггинг, селф-трекинг и проблема идентичности
Гаджеты	Гаджеты для селф-трекинга — кто они для нас? Селф-трекеры и игра в самого себя: личный опыт. Кто контролирует ситуацию: Вы или Ваши гаджеты?
Другие	Селф-трекинг: для себя или для общества? Как трекеры физической и социальной активности размывают границы частной жизни. Межличностное взаимодействие в контексте практики селф-трекинга

Фокусирование на *практике селф-трекинга* присуще эссе, в названиях которых отражены мотивы, эффекты, а также риски использования технологий селф-трекинга. В этих текстах авторы описывают преимущественно свой опыт цифрового самоизмерения либо причины его отсутствия или отказа от этой практики («Почему я перестала считать шаги? Личный опыт селф-трекинга, с которым, к счастью, покончено»). Ожидается, что одним практика QS помогла оптимизировать свою жизнь («Как мобильные медиа могут служить помощниками в борьбе с вредными привычками?»), в то время как другие считают ее эффекты разрушительными («Почему селф-трекинг заставляет меня страдать?»). Смежной темой является обсуждение возможных рисков селф-трекинга («Кому и зачем нужны наши данные?»).

Третий фокус, обозначенный как *селф-трекинг и идентичность*, объединяет эссе с названиями, проблематизирующими восприятие себя, цифровых девайсов и дру-

гих людей в контексте QS-культуры. Например, это такие формулировки: «Человек измеримый», «Селф-трекеры и игра в самого себя», «Как трекеры физической и социальной активности размывают границы частной жизни». Этот тематический паттерн имплицитно несет идею ассамбляжей, возникающих из взаимодействий людей и не-людей [Lupton, 2019].

Отметим, что границы между выделенными тематическими фокусами в названиях эссе довольно подвижны. Те или иные смысловые акценты в заголовках эссе отражают различные «точки входа» в проблематику селф-трекинга, а также предпочтения студентов в способах рефлексии над темой — через обобщения или конкретизацию, поляризацию или развитие одного инсайта, ценностную «нейтральность» или «нормативность». В другом контексте стоило бы обсудить, насколько в принципе удачны названия работ и вынесенные в них исследовательские вопросы, однако здесь мы не оцениваем эссе как учебные задания.

Жизнь с цифровым селф-трекингом (и без)

Большинство авторов эссе имеет некоторый опыт использования селф-трекинг-технологий хотя бы потому, что этот опыт может возникать автоматически, «совершенно без ведома владельца» (Елена, 29)⁴. Как было замечено в том же эссе, «во встроенный шагомер на телефонах с IOs не заходил только ленивый». В то же время, степень интереса и вовлеченности в практику селф-трекинга среди студентов очень различается.

Часть студентов сознательно не относит себя к пользователям QS-технологий, предпочитая альтернативные способы самопознания и самооптимизации. Как правило, они имеют опыт знакомства с фитнес-трекерами, который их не вдохновил. Для достижения своих целей они заводят бумажные буллет-джурналы, устраивают «челленджи» в социальных медиа, изобретают свои системы «кнута и пряника», а в качестве тренеров и терапевтов выбирают людей. В целом не-пользователи QS-технологий считают, что в управлении своей жизнью лучше полагаться на собственные разум, чувства и волю, которые «невозможно запрограммировать, скачать в App Store или Google Play» (Евгения, 104). Практики квантификации тела и человеческой активности оцениваются ими как проявление «кризиса телесности» (Элина, 7), равно как и «кризиса познавательной способности человека» (Денис, 101).

Другая категория студентов также избегает цифрового самоизмерения, однако по иным причинам. Их эссе — это истории отказа от практики селф-трекинга, которая оказалась для них травматичной. Они сообщают о зависимости, стрессах, страхах, тревожности, панических атаках, пищевых расстройствах, связывая их с использованием QS-технологий. Например, Никита на протяжении трех лет применял целый комплекс инструментов самослежения: Apple Watch, «Здоровье» на iPhone, счетчик калорий Lifesum, умный будильник Sleepzy, автотрекер сна Pillow, трекер настроения Daylio, менеджер задач Todoist, тайм-трекер Timeular. Для него «самым страшным... было пропустить день в одном приложении и сломать статистику», поэтому он жил «в постоянном напряжении» (Никита, 73). Кто-то

⁴ Все имена авторов эссе изменены. Цифра в круглых скобках, указанная после имени студента, означает порядковый номер эссе в анализируемом корпусе работ. Эссе нумеровались в алфавитном порядке фамилий авторов.

разочаровался в самой идее селф-трекинга и пришел к выводу, что «это абсолютная трата времени и забивание мозгов цифрами, которые только и понимаются теоретически» (Светлана, 14). Эти студенты, по крайней мере, временно оставили практику QS и вернулись к «нормальной» жизни: «...заново научилась лениться, лежать на диване и смотреть кино» (Алена, 13).

Некоторые студенты прекратили использование определенных фитнес-приложений, поскольку уже выработали необходимую привычку, например научились соблюдать диету или контролировать водный баланс. Хотя в текущий момент у них нет потребности применять QS-инструменты, они открыты этому опыту и считают его полезным.

Собственно те, кого можно назвать приверженцами селф-трекинга, представляют собой довольно неоднородный сегмент. Среди них есть пользователи с многолетним стажем (до 5 лет) и те, кто периодически экспериментирует с различными устройствами и программами. Одним «приложения и данные помогли вернуться к жизни» (Наталья, 3) и совершить «большой прорыв» в самопознании (Дина, 4). Другие прошли сложный путь отношений с фитнес-девайсами: «Я до сих пор пользуюсь несколькими приложениями... но не позволяю им оказывать влияние на свой эмоциональный фон и стараюсь проще относиться к срывам и неудачам на своем пути к здоровому образу жизни» (Ольга, 46).

Основываясь на суждениях и историях студентов, можно смоделировать несколько стилей селф-трекинга. В зависимости от мотивов и особенностей использования инструментов самослежения селф-трекер может выступать как «геймер», «менеджер» или «трансформер». Это, скорее, идеальные типы, чем эмпирическая типология реального опыта. «Игрок» борется с рутинной, ему важны чувства азарта, удовольствия и новизны. «Менеджер» сражается с хаосом, его задача — навести в жизни порядок и повысить свою продуктивность. «Трансформер» бросает вызов несовершенству, стремясь приблизиться к тому, что он считает идеалом.

«Геймеры»

Безусловно, в широком смысле все пользователи цифровых технологий селф-трекинга являются «игроками» хотя бы потому, что в большинстве случаев эти технологии «геймифицированы» [Whitson, 2013]. Это привлекательно для поколения, которое «выросло на видеоиграх, поэтому его когнитивные установки близки к алгоритмам игры» (Елизавета, 106). «Геймер» как особый тип селф-трекера — это тот, кто «играет» со своими данными в целях самопознания и/или развлечения, соревнуясь с виртуальным собой и другими «цифровыми двойниками».

«Гаджеты для измерения себя становятся теми же игрушками Тамагочи из детства. Только сейчас зверюшкой внутри экрана стал сам пользователь. Он также кормит себя, выводит на прогулку и смотрит, как меняются данные после определенных действий. Пользователи делают это даже не из-за того, что им правда важно это знать — иногда они совсем не понимают, что значат цифры... Они делают это потому, что это похоже на игру... Они ставят себе цели, челленджи. Это та же компьютерная игра, только главный персонаж — Вы сами» (Алла, 34).

Эти рассуждения, описывающей опыт селф-трекинга со стороны, находят определенное подтверждение в словах другой студентки:

«Я не узнала о себе ничего нового. Однако наблюдать за графиками в приложении оказалось очень интересно — я чувствовала себя игровым персонажем с показателями здоровья, голода и сна, которые меняются в зависимости от того, как этот персонаж проводит время.

...Мы с братом используем умные весы вместе... Эти показатели легко интерпретируются в игровые уровни, и тогда соревнование становится измерением, кто лучше прокачал своего персонажа... К сожалению, простые видеоигры со временем приедаются, и однообразный селф-трекинг довольно быстро потерял для меня привлекательность» (Зарина, 56).

Пока селф-трекер «не вышел из игры», он/она испытывает позитивные эмоции от трекинга. Например, студент, использующий онлайн-платформу «Викиум» для развития внимания, памяти и мышления, так описывает свои впечатления:

«Все-таки речь идет об игре, и портал постоянно сравнивает твои результаты с результатами коллег... Победил в игре? Обогнал соперника? Мозг в любом случае доволен... Следить за своими достижениями и так называемым индексом производительности хочется без конца, а улучшение результатов дарит мгновенную радость... Я получаю удовольствие, проходя тренажеры Wikium. В первую очередь, это отличный способ начать день...» (Денис, 32).

Отличительной чертой «геймера» является то, что он/она обычно не практикует «направленный» селф-трекинг [Rooksby et al., 2014] для решения конкретных проблем. «Геймером» движет интерес к самому себе как реальному и виртуальному объекту. Такие пользователи хотят узнать «предел своих возможностей» (Лариса, 5), «как далеко я могу зайти» (Алексей, 61), «как долго я продержусь... что мне это даст» (Алена, 13). Они исследуют и тестируют не только самих себя, но и свои цифровые гаджеты. «Игроки» — это экспериментаторы, которым нравится следить за развитием селф-трекинговых технологий и пробовать их на себе.

«Менеджеры»

Этот тип селф-трекеров стремится лучше справляться с повседневными задачами, выдерживая серьезные темпы и нагрузки, сопряженные с учебой, работой и активной жизнью в мегаполисе. Они нуждаются в самодисциплине и самодисциплине, чтобы стать осознаннее, улучшить самочувствие, повысить свою социальную продуктивность. Среди других инструментов селф-трекинга особое значение для «менеджеров» имеют планировщики задач и приложения для формирования полезных привычек.

«Сейчас мои дни сильно похожи на список задач, которые нужно выполнить максимально быстро, эффективно и до конца... И в те редкие случаи, когда все задачи выполняются вовремя, в конце дня я чувствую удовлетворение и наконец-то засыпаю

спокойно, чтобы завтра проснуться и закрыть все задачи следующего дня... Но всё не может быть так идеально... Если взять сервис Asana, которым я пользуюсь по работе, то просроченная задача загорается красным и выглядит очень агрессивно, а после выполнения задачи в срок по экрану начинают прыгать единороги с радугой. Не буду скрывать, я предпочитаю второй вариант» (Камилла, 87).

Другая студентка, ежедневно использующая приложение HabitBull, также отмечает его дисциплинирующее влияние, связанное с четкой визуализацией негативных санкций и поощрений:

«Каждый день я могу придумать тысячу оправданий, чтобы лежать... в кровати, заказать пиццу вместо готовки, перенести на завтра упражнения по французскому или выпить пива с друзьями. Но приложения беспощадны: они не знают, что пользователь устал за неделю или у него был плохой день. Если цель не выполнена — день будет отмечен красным.

...Это вызывает чувство ответственности. Через определенный промежуток времени эта ответственность уже почти не зависит от самих приложений: пользователь просто чувствует, что — „красное“, а что — „зеленое“» (Вероника, 99).

Для «менеджеров» важно не терять равновесия в динамичном жизненном потоке, держать все в голове и эффективно решать поставленные задачи. Селф-трекинг здесь — это прежде всего способ создать порядок из хаоса и взять контроль над временем. В отличие от «геймера», с любопытством испытывающего пределы самого себя и своего гаджета, «менеджер» стремится к «нормализации» многих аспектов собственной деятельности. Селф-трекинг становится практикой, помогающей стать более успешным в условиях «нестабильности жизни» (Камилла, 87). Однако люди, которые «превратили свою жизнь в систему» (Галина, 97), так же как и «геймеры», могут однажды усомниться в том, что это действительно необходимо для их саморазвития.

«Трансформеры»

Вероятно, самым «чистым» образцом «трансформеров» являются «биохакаеры» [Ruckenstein, Pantzar, 2015: 410]. Они преследуют цель стать «сверхлюдьми» и пытаются изменить свое тело на уровне биохимии и генетики. Биохакинг тесно связан с идеями трансгуманизма и превентивной медицины, направленными на преодоление старости и смерти. Цифровой селф-трекинг — обязательная составляющая этой практики. В то же время, такой подход требует регулярного прохождения медицинских тестов на сотни биомаркеров, которые могут быть осуществлены только в профессиональных клиниках.

Будучи экстремальным проявлением «трансформинга», биохакинг хорошо демонстрирует его суть: стремление к идеалу «сверхчеловека». Если «геймерам» интересно узнать свои пределы (которые могут оказаться и ниже «нормы»), а «менеджерам» важно быть «в норме», то «трансформер» намерен выйти далеко за границы «человеческого». Однако, поскольку биохакинг является уделом довольно узкого круга его приверженцев, имеет смысл расширить понимание категории

«трансформеров». В контексте данного исследования «трансформеры» — это люди, которые стремятся радикально изменить себя, собственное тело и свою жизнь, используя для этого системы селф-трекинга. «Радикальность» этих изменений — довольно неопределенный маркер, который отражает, скорее, субъективные ощущения самого практикующего.

Среди наших студентов не оказалось тех, кого можно отнести к ярко выраженным «трансформерам», основываясь на описаниях их собственного опыта. Однако автор одного эссе (Арина, 55) построила его на нескольких интервью с приверженцами QS, и созданный ею образ одной из респонденток определенно соответствует этому типу. История этой респондентки, по ее же словам, стала «канонической» в среде инстаграм-блогов о здоровом образе жизни.

«В старшей школе у респондентки был лишний вес, который обусловил ее подростковые комплексы и множественные проблемы с социальной адаптацией. После поступления в вуз она села на диету, занялась спортом и сбросила 15 килограммов. По ее словам, с внешним преображением («из гадкого утенка в прекрасного лебедя») изменились ее жизнь и восприятие респондентки социумом. Однако практики, используемые ею в ходе «преображения», и поведенческие привычки остались».

Информантка Арины последние несколько лет ведет активный образ жизни, занимается спортом, постоянно использует фитнес-браслет, приложение FatSecret и специальные весы для продуктов.

«Сейчас она продолжает следить за потребляемыми и расходуемыми калориями. Каждый раз, когда приходит уведомление с фитнес-браслета или из приложения для слежения за питанием, она расстраивается. Ей кажется, что она недостаточно активна или слишком много ест. По ее словам, самое ужасное уведомление, которое ей приходит: „Молодец! Ты прошла 10 000 шагов за сегодня. Но ты можешь лучше“».

Автор эссе размышляет о вкладе селф-трекинговых технологий в культивирование «одержимости идеальным телом» (Арина, 55), используя результаты своего интервью как свидетельство такого влияния. Героиня ее истории — «трансформер» не только на уровне мотивации, видимые изменения произошли с ее телом и стилем жизни. При этом фрустрации, связанные с телесной идентичностью, как следует из приведенной истории, остались: раньше они были обусловлены отклонением от «нормы», а теперь — с недостижимостью «идеала».

Важно понять, что практически любой приверженец селф-трекинга сочетает все три выделенные нами роли, являясь и «геймером», и «менеджером», и «трансформером». Вопрос в том, какая из этих ролей в его/ее мотивации доминирует. Вероятно, невозможно быть «трансформером», не соревнуясь с самим собой и не стремясь упорядочить свою жизнь. Для «геймеров» игра может продолжаться только при условии «реальных» изменений биометрических и социальных показателей. Что касается «менеджеров», то, играя со своими данными, они также меняют собственное мышление и организацию жизни. Другой вопрос, какова роль цифровых технологий самоконтроля в достижении такой «самооптимизации».

По мнению многих студентов, эта роль вспомогательная, вторичная: *«Любая технология, даже самая успешная, не заставит нас добиваться результата, пока мы сами этого не захотим»* (Елизавета, 106). Сами по себе инструменты QS не являются причиной желаемых изменений и трансформаций и во многих случаях пока не способны поддержать или усилить мотивацию пользователя. Однако в будущем эффективность систем селф-трекинга может значительно возрасти — это отдельный сюжет в студенческих эссе.

Антиутопический дискурс селф-трекинга

Размышляя о позитивной роли селф-трекинговых технологий в будущем, студенты связывают их, прежде всего, с развитием медицины и оздоровлением общества. Постоянный мониторинг «биодаты», стимулирование физической активности, ведение мобильных медицинских карт, оперативная связь с медицинским учреждением, расширение функций диагностики — все эти возможности носимых цифровых девайсов, по мнению студентов, способствуют прогрессу в области здравоохранения. Однако это, казалось бы, очевидное социальное благо может «дорого стоить», если доступ к биометрическим данным пользователей будут иметь третьи лица: *«Я могу с легкостью представить, как банк не выдает человеку медицинскую страховку, ипотеку или кредит только потому, что данные с Apple Watch считали у него возможность порока сердца»* (Никита, 73).

Студентов также тревожит перспектива того, что селф-трекинг в будущем может стать повсеместным и принудительным, превратится в инструмент тотального надзора государства и частных корпораций над гражданами. Оцифровка и квантификация личности представляются как *«крайний рубеж вторжения в человеческую жизнь, оставляющий человеку из приватного только, пожалуй, собственные мысли»* (Дарина, 63).

И это будет не только слежение «сверху», каждый станет объектом цифрового наблюдения для других:

«Ты... находишься в зоне тотального контроля. Твой начальник, посмотрев приложение, знает, во сколько ты проснешься, твои коллеги в курсе, что вместо работы над проектом ты ходил вечером в бар... Ты окружен датчиками, которые уже не просто отслеживают — они говорят с тобой. „Ваш пульс выше 120, постарайтесь успокоиться“... „Ваши друзья упомянули Ваше имя десять раз... и три раза говорили о Вас нехорошо“. Ты будешь знать всё. О тебе будут знать всё... Такой контроль — ночной кошмар любого футуролога... Так ли нам необходимо постоянно следить за собой, и влияет ли это действительно на успех того или иного дела?» (Галина, 97).

В этой модели социального мира всепроникающий селф-трекинг способен изменить коммуникативные практики всех социальных институтов. В них будут активно участвовать «цифровые двойники» (поскольку «Вы есть Ваши данные»). Как пишет одна из студенток, *«в поликлиниках больше не нужно будет заводить карту пациента, при выборе работы не придется упоминать свои личностные качества, даже при выборе партнера не нужно будет рассказывать о себе»* (Вера, 10). Собственно, сам выбор во всех ситуациях может быть делегирован алгоритмам,

которые на основе анализа персональных данных сами будут распределять человека на наиболее подходящие для него социальные позиции и роли. Каждый будет на «своем месте», на максимуме своей продуктивности — идеальный объект дисциплинарной власти в ее неолиберальной версии.

Авторы некоторых эссе, воображая будущее селф-трекинга, развивают идею о том, что QS-технологии будут становиться все более *«инвазивными»*. Реконструируя их описания, можно выстроить шкалу проникновения селф-трекинговых технологий в человеческое тело, где есть четыре уровня: 1) быть на теле (соприкоснуться); 2) воздействовать на тело тактильно; 3) проникать в тело; 4) вживляться в качестве имплантов. Первые два уровня цифровыми гаджетами уже пройдены — они являются носимыми (на запястье, в руке, на шее) и вступают с пользователем в активный тактильный контакт (разного рода вибрации в смарт-часах или браслетах). Следующий этап — подкожное проникновение, которое позволит сенсорному датчику производить биохимический анализ крови и при обнаружении отклонений от допустимых показателей вводить корректирующие препараты. Такое устройство, *«помпа, аналогичная инсулиновой»* (Тамара, 83), могло бы регулировать не только физическое, но и психоэмоциональное состояние носителя сенсора. В репрессивном государстве перспективы применения *«инвазивных»* технологий слежения еще более разнообразны: *«В трекеры могут быть встроены шокеры, механизмы, наркотики, дозаторы с ядом»* (Игорь, 85). Наконец, в отдаленном будущем произойдет натурализация селф-трекинговых устройств, например посредством нейроинтерфейсов, обеспечивающих прямую связь между мозгом человека и компьютером. И поскольку такой симбиоз представляется очень вероятным и даже неизбежным, *«нам необходимо научиться думать о самих себе, о своих качественных характеристиках как о наборе данных»* (Илья, 48). Соучастие в сборе этих данных *«вовсе не будет личным делом каждого и все мы станем уже неотъемлемой частью облака»* (Александр, 69).

Развивая антиутопический дискурс, авторы эссе апеллируют к источникам трех типов. Во-первых, это научные исследования, рассматривающие феномен селф-трекинга преимущественно в фукодианской «оптике», где он предстает как проявление биополитики и дисциплинарной «заботы о себе». Во-вторых, это известные антиутопии (романы, фильмы, сериалы), сюжеты которых позволяют моделировать роль информационных технологий в недемократических режимах. В-третьих, это медиа, освещающие достижения в сфере мобильной и носимой электроники, а также социальные аспекты дигитализации (например, систему социального рейтинга в Китае). Встречаются в эссе и отсылки к советской истории — в контексте рассуждений о практиках идеологического контроля в тоталитарном обществе.

Авторы ряда работ иллюстрируют свое видение цифрового будущего эпизодами из британского телесериала «Черное зеркало», первый сезон которого вышел в 2011 году. Этот сериал стал не только заметным культурным феноменом, но и объектом критических медиаисследований [Cirucci, Vacker, 2018]. «Черное зеркало» репрезентирует социальные страхи и опасения, связанные с рисками развития информационных технологий, при этом воспринимаясь зрителем как визионерский проект:

«Сегодня, когда смотришь сюжеты сериала „Черное зеркало“ про чипы, которые вживлены под кожу и которые записывают все, что делает, видит и слышит человек („История всей твоей жизни“), клон умершего человека, который полностью состоит из его „цифровой личности“ („Я скоро вернусь“), личностный социальный рейтинг, который помогает тебе устроиться лучше в жизни („Нырок“), или имплантат, который вживается в тело ребенка и помогает отслеживать его перемещения и действия („Архангел“), — они не кажутся такими уж и далекими и утопичными» (Юлия, 109).

Размышляя о будущем селф-трекинг-технологий, авторы эссе прогнозируют их дальнейшее развитие и все более глубокое проникновение во все сферы нашей жизни. Сегодня QS-инструменты — *«лишь продукт так называемой индустрии личностного роста»* (Мила, 102), далекая от совершенства цифровая версия лайф-коуча. Однако становясь все более умными, вездесущими и незаметными, подобные технологии с большой вероятностью изменят онтологию человека и социального мира. Остановить технический прогресс, по мнению студентов, невозможно, но задавать вопросы о социальных рисках и последствиях использования информационных технологий важно. Как заключает в своей работе Дарина (63), *«необходим баланс и критический взгляд на происходящее: цифровая оптимизация жизни слишком близка к ограничению ее свободы».*

Заключение

Как показало наше исследование, рефлексия студентов по поводу селф-трекинга может идти в различных направлениях — от частных описаний собственного опыта до социально-философских обобщений. Размышляя о том, что такое селф-трекинг как индивидуальный выбор и явление культуры, авторы эссе используют прогрессистскую, критическую или нормативно нейтральную риторику.

Также мы обнаружили, что степень и характер вовлечения студентов в цифровой селф-трекинг вариативны. На момент написания эссе значительная часть авторов не являлась пользователями QS-технологий в силу разных причин. Среди не-пользователей технологий селф-трекинга выявились три категории. Одни изначально предпочитают альтернативные методы самопознания и самодисциплины, стараясь как можно меньше привязываться к цифровым устройствам. Другие прошли довольно долгий путь селф-трекинга и отказались от его использования, столкнувшись с травматичными эффектами. Третьи взяли паузу, поскольку уже сформировали нужные привычки с помощью определенных гаджетов и приложений, но в целом открыты для продолжения подобной практики. Все эти статусы подвижны, их изменение зависит от внутренних потребностей и внешних обстоятельств.

Основываясь на историях и бывших, и действующих селф-трекеров — студентов, мы предложили различать три стиля цифрового селф-трекинга. В зависимости от мотивов и особенностей применения QS-технологий это «геймер», «менеджер» и «трансформер». Для «игрока» значимы чувства азарта, новизны и удовольствия; «менеджер» нацелен на наведение порядка в «голове» и жизни; «трансформер» желает кардинально изменить себя телесно и ментально. В реальности любой селф-трекер так или иначе сочетает все три описанные роли, но одна из них в его/ее мотивации может доминировать. Данная типология стилей селф-трекинга от-

части сходна с теми, которые были предложены в предыдущих исследованиях [Gerhard, Hepp, 2018; Gorm, Shklovski, 2019; Lyall, Robards, 2017; Rooksby et al., 2014], но имеет отличительные особенности⁵.

По мнению студентов, существующие цифровые технологии самоизмерения не способны сами по себе привести их пользователя к самооптимизации, их мотивирующее влияние не так велико. Однако в будущем эффективность систем селф-трекинга может значительно возрасти, прежде всего в области здоровья и медицины. В то же время студенты развивают антиутопический дискурс селф-трекинга, тем самым конструируя ряд проблемных зон: использование личных данных в интересах корпораций, перспектива принудительного селф-трекинга (и даже тотального контроля), трансформация социальных практик и институтов под влиянием участия в них «цифровых двойников». Признавая неизбежность дальнейшего технологического развития, авторы эссе считают важным критически оценивать возможные последствия и риски «датафикации» человека и культуры.

Безусловно, у этого исследования есть ограничения. Его участники — студенческая городская молодежь (жители мегаполиса), получающая образование в сфере медиакоммуникаций. Здесь априори есть интерес к цифровым устройствам и с точки зрения жизненного стиля, и с учетом профессиональных ориентиров. Тем интереснее было обнаружить, что эти факторы не обуславливают приверженность идее цифровой квантификации сами по себе. Полученные нами результаты дополняют уже имеющиеся концептуализации QS-практик, основанные преимущественно на качественных интервью с информантами из разных социальных групп. Исследования селф-трекинга на гомогенных выборках, подобных нашей, позволяют, с одной стороны, подтвердить относительную универсальность ранее разработанных моделей, с другой — собрать недостающие фрагменты пазла, детализирующие практику селф-трекинга в ее разнообразии.

Список литературы (References)

Кляйнеберг М. Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селф-трекинга и самооптимизации — на пути к обществу здоровья? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 17—23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.102>.

Kleineberg M. (2018) Illness and Health in Times of Self-Tracking, Wellness and Self-Optimization. On the Way to the Health Society? *Vestnik of St Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 34. No. 1. P. 17—23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.102>. (In Russ.)

Ним Е. Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172—192. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-172-192>.

⁵ Мы не склонны объяснять сходство нашей модели с уже существующими типологиями селф-трекинга тем, что студенты «воспроизвели» эти типы под влиянием прочитанной литературы. В частности, тип «геймера» имеет мотив развлечения, который универсален. Не обязательно читать работу [Lyall, Robards, 2017], чтобы написать в эссе, что фитнес-гаджет воспринимается тобой как игрушка. Что касается «менеджера» и «трансформера», эти стили не были выделены как таковые в более ранних исследованиях, хотя присущие им черты описывались по отдельности или в других комбинациях.

Nim E. G. (2018) Self-Tracking as a Practice of Quantifying the Body: Conceptual Outlines. *Antropologicheskij Forum*. No. 38. P. 172—192. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-172-192>. (In Russ.)

Ajana B. (ed.) (2018). *Self-Tracking: Empirical and Philosophical Investigations*. Cham: Palgrave Macmillan.

Beer D. (2016) *Metric Power*. London: Palgrave Macmillan. <http://doi.org/10.1057/978-1-137-55649-3>.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp0630a>.

Cirucci A. M., Vacker B. (eds.) (2018) *Black Mirror and Critical Media Theory*. Lanham: Lexington Books.

Couldry N., Hepp A. (2016) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Dijck J. van (2014) Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 197—208. <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>.

Epstein D. A., Ping A., Fogarty J., Munson S. A. (2015) A Lived Informatics Model of Personal Informatics. In: *ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing*. Osaka: UbiComP. P. 731—742. <https://doi.org/10.1145/2750858.2804250>.

Fotopoulou A., O’Riordan K. (2017) Training to Self-Care: Fitness Tracking, Biopedagogy and the Healthy Consumer. *Health Sociology Review*. Vol. 26. No. 1. P. 54—68. <https://doi.org/10.1080/14461242.2016.1184582>.

Foucault M. (1988) The Care of the Self: Vol. 3. In: Foucault M. *The History of Sexuality*. New York: Pantheon.

Gerhard U., Hepp A. (2018) Digital Traces in Context Appropriating Digital Traces of Self-Quantification: Contextualizing Pragmatic and Enthusiast Self-Trackers. *International Journal of Communication*. Vol. 12. P. 683—700.

Gilmore J. N. (2016) Everywear: The Quantified Self and Wearable Fitness Technologies. *Media & Society*. Vol. 18. No. 11. P. 2524—2539. <https://doi.org/10.1177/1461444815588768>.

Goodyear V. A., Armour K. M., Wood H. (2019) Young People and Their Engagement with Health-Related Social Media: New Perspectives. *Sport, Education and Society*. Vol. 24. No. 7. P. 673—688. <https://doi.org/10.1080/13573322.2017.1423464>.

Goodyear V. A., Kerner C., Quennerstedt M. (2019) Young People’s Uses of Wearable Healthy Lifestyle Technologies: Surveillance, Self-Surveillance and Resistance. *Sport, Education and Society*. Vol. 24. No. 3. P. 212—225. <https://doi.org/10.1080/13573322.2017.1375907>.

- Gorm N., Shklovski I. (2019) Episodic Use: Practices of Care in Self-Tracking. *New Media & Society*. Vol. 21. No. 11—12. P. 2505—2521. <https://doi.org/10.1177/1461444819851239>.
- Kersten-van Dijk E. T., Westerink J. H. D. M., Beute F., IJsselsteijn W. A. (2017) Personal Informatics, Self-Insight, and Behavior Change: A Critical Review of Current Literature. *Human—Computer Interaction*. Vol. 32. No. 5—6. P. 268—296. <https://doi.org/10.1080/07370024.2016.1276456>.
- Li I., Dey A., Forlizzi J. (2010) A Stage-Based Model of Personal Informatics Systems. In: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: ACM. P. 557—566. <https://doi.org/10.1145/1753326.1753409>.
- Lupton D. (2018) «Better Understanding about What's Going on»: Young Australians' Use of Digital Technologies for Health and Fitness. *Sport, Education and Society*. Vol. 25. No. 1. P. 1—13. <http://dx.doi.org/10.1080/13573322.2018.1555661>.
- Lupton D. (2016) *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*. Cambridge: Polity. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12495>.
- Lupton D. (2019) The Thing-Power of the Human-App Health Assemblage: Thinking with Vital Materialism. *Social Theory & Health*. Vol. 17. No. 2. P. 125—139. <https://doi.org/10.1057/s41285-019-00096-y>.
- Lyll B., Robards B. (2017) Tool, Toy and Tutor: Subjective Experiences of Digital Self-Tracking. *Journal of Sociology*. Vol. 54. No. 1. P. 108—124. <https://doi.org/10.1177/1440783317722854>.
- Mayer-Schoenberger V., Cukier K. (2013) *Big Data. A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*. London: John Murray Publishers.
- McEwen K. D. (2018) Self-Tracking Practices and Digital (Re)productive Labour. *Philosophy & Technology*. Vol. 31. P. 235—251. <https://doi.org/10.1007/s13347-017-0282-2>.
- Montagni I., Cariou T., Feuillet T., Langlois E., Tzourio C. (2018) Exploring Digital Health Use and Opinions of University Students: Field Survey Study. *JMIR MHealth and UHealth*. Vol. 6. No. 3. e65. <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5876492>.
- Neff G., Nafus D. (2016) *Self-Tracking*. Cambridge: The MIT Press.
- Pang B., Varea V., Cavallin S., Cupac A. (2019) Experiencing Risk, Surveillance, and Presumption: Health and Physical Education Students' Perceptions of Digitised Health and Physical Activity Data. *Sport, Education and Society*. Vol. 24. No. 8. P. 801—813. <https://doi.org/10.1080/13573322.2018.1491835>.
- Pink S., Fors V. (2017) Self-Tracking and Mobile Media: New Digital Materialities. *Mobile Media & Communication*. Vol. 5. No. 3. P. 219—238. <https://doi.org/10.1177/2050157917695578>.
- Radovic A., McCarty C. A., Katzman K., Richardson L. P. (2018) Adolescents' Perspectives on Using Technology for Health: Qualitative Study. *JMIR Pediatrics and Parenting*. Vol. 1. No. 1. e2. Available at: <http://pediatrics.jmir.org/2018/1/e2/>.

Richardson S., Mackinnon D. (2018) Becoming Your Own Device: Self-Tracking Challenges in the Workplace. *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 43. No. 3. P. 225—250. Available at <https://doi.org/10.29173/cjs28974>.

Ridgers N.D., Timperio A., Brown H., Ball K., Macfarlane S., Lai S.K., Richards K., Mackintosh K.A., McNarry M.A., Foster M., Salmon J. (2018) Wearable Activity Tracker Use among Australian Adolescents: Usability and Acceptability Study. *JMIR Mhealth Uhealth*. Vol. 6. No. 4. e86. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5917084/>.

Rooksby J., Rost M., Morrison A., Chalmers M. (2014) Personal Tracking as Lived Informatics. In: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: ACM. P. 1163—1172. <https://doi.org/10.1145/2556288.2557039>.

Ruckenstein M., Pantzar M. (2015) Beyond the Quantified Self: Thematic Exploration of a Dataistic Paradigm. *New Media & Society*. Vol. 19. No. 3. P. 401—418. <https://doi.org/10.1177/1461444815609081>.

Schaefer S. E., Ching C. C., Breen H., German B. (2016) Wearing, Thinking, and Moving: Testing the Feasibility of Fitness Tracking with Urban Youth. *American Journal of Health Education*. Vol. 47. No. 1. P. 8—16. <https://doi.org/10.1080/19325037.2015.1111174>.

Sharon T. (2017) Self-Tracking for Health and the Quantified Self: Re-Articulating Autonomy, Solidarity, and Authenticity in an Age of Personalized Healthcare. *Philosophy & Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 93—121. <https://doi.org/10.1007/s13347-016-0215-5>.

Swan M. (2012) Health 2050: The Realization of Personalized Medicine through Crowdsourcing, the Quantified Self, and the Participatory Biocitizen. *Journal of Personalized Medicine*. Vol. 2. No. 3. P.93—118. <https://doi.org/10.3390/jpm2030093>.

Till C. (2019). Creating «Automatic Subjects»: Corporate Wellness and Self-Tracking. *Health*. Vol. 23. No. 4. P. 418—435. <https://doi.org/10.1177/1363459319829957>.

Till C. (2014) Exercise as Labour: Quantified Self and the Transformation of Exercise into Labour. *Societies*. Vol. 4. P. 446—462. <https://doi.org/10.3390/soc4030446>.

Topol E. (2012) *The Creative Destruction of Medicine: How the Digital Revolution Will Create Better Health Care*. New York: Basic Books. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2012.0803>.

Topol E. (2015) *The Patient Will See You Now: The Future of Medicine Is in Your Hands*. New York: Basic Books.

Whitson J. R. (2013) Gaming the Quantified Self. *Surveillance & Society*. Vol. 11. No. 1—2. P. 163—176. <https://doi.org/10.24908/ss.v11i1/2.4454>.

Williamson B. (2015) Algorithmic Skin: Health-Tracking Technologies, Personal Analytics and the Biopedagogies of Digitized Health and Physical Education. *Sport, Education and Society*. Vol. 20. No. 1. P. 133—151. <https://doi.org/10.1080/13573322.2014.962494>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.790

Правильная ссылка на статью:

Савельева С. С. Неравенство успехов и притязаний девятиклассников: уровень локальных образовательных систем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>.

For citation:

Savelyeva S. S. (2020) Inequality of success and aspirations among ninth-graders: levels of local educational systems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>.

С. С. Савельева

НЕРАВЕНСТВО УСПЕХОВ И ПРИТЯЗАНИЙ ДЕВЯТИКЛАССНИКОВ: УРОВЕНЬ ЛОКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

НЕРАВЕНСТВО УСПЕХОВ И ПРИТЯЗАНИЙ ДЕВЯТИКЛАССНИКОВ: УРОВЕНЬ ЛОКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

INEQUALITY OF SUCCESS AND ASPIRATIONS AMONG NINTH-GRADERS: LEVELS OF LOCAL EDUCATIONAL SYSTEMS

САВЕЛЬЕВА Светлана Сергеевна — заместитель заведующего Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
E-MAIL: sv.savelieva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6547-0180>

Svetlana S. SAVELYEVA¹ — Deputy Head, Laboratory of Sociology in Education and Science
E-MAIL: sv.savelieva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6547-0180>

¹ HSE Campus in St Petersburg, Russia

Аннотация. В статье поставлена цель сфокусировать внимание на возможностях, которые дает изучение социального неравенства на уровне отдельных локальностей. Проведено сравнение особенностей неравенства

Abstract. The paper focuses on the opportunities provided by the studies of social equalities at the levels of separate localities. The author analyzes the specifics of inequalities of success and claims in three different types of localities: rural

успехов и притязаний на трех территориях разного типа: сельского района, малого города и мегаполиса. Эмпирическую базу исследования составили данные опросов Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) общим объемом в 8965 учеников 9-х классов.

С помощью линейного и логистического регрессионного моделирования протестированы следующие предикторы: пол школьника, уровень образования его матери, социально-экономический статус и культурный капитал родителей, статус школы. В случае моделей с зависимой переменной в виде образовательных притязаний протестирована также успеваемость. Полученные результаты сопоставлены при помощи расчета предельных эффектов.

Результаты продемонстрировали, что в каждой из локальностей складывается свой особенный характер социального воспроизводства. Большие репрезентативные выборки показывают нам лишь возможную общую логику, тогда как сплошные выборки на отдельных территориях позволяют более точно измерить эффекты. Знание локального контекста в этих кейсах дает возможность объяснить полученные результаты.

Ключевые слова: социальное неравенство, локальный контекст, образовательные притязания

area, small city and large city. The study is based on the data of surveys conducted by the Sociology of Education and Science Laboratory (HSE – St Petersburg) involving 8,965 ninth-graders.

The following predictors were tested using linear and logistic regression models: pupil's gender, pupil's mother's education levels, parental socio-economical status and cultural capital, and school's status. In the case of a dependent variable presented as educational claims, tests for school performance were also made. The results obtained were compared using marginal effect calculations.

The findings show that each locality has its own specifics of social reproduction. Large representative samples can only suggest a possible general logic whereas continuous sampling in particular localities enables a more accurate measurement. In this regard, knowing the local contexts helps to explain the results that were obtained.

Keywords: social inequality, local context, educational claims

Введение

Доминирующим способом сбора данных для анализа неравенства образовательных притязаний и успехов в обучении остаются большие репрезентативные выборки. В целом в современных исследованиях в этой области можно выделить несколько подходов в соответствии с уровнем анализа и особенностями сбора данных. Одни исследования направлены на сопоставление результатов национальных опросов, другие — городских и сельских регионов, третьи — на сравнение так называемых соседств. В последние годы популярным становится взгляд на проблему с учетом особенностей локальности.

Современные подходы к изучению неравенства: уровень анализа

Зачастую неравенство мыслится как различия в условиях и возможностях между жителями сельской и городской местности. Неоднократно было доказано, что образовательный выбор и ожидания учеников сельских школ значительно ниже ожиданий учеников городских школ [Haller, Virkler, 1993; Khattri, Riley, Kane, 1997; Roscigno, Crowley, 2001; Константиновский, 1999 и др.]. Хотя все еще спорным остается вопрос о том, что в большей мере способствует возникновению таких различий в притязаниях: низкий социально-профессиональный статус (далее — СПС) семей, проживающих в сельской местности, особенности сельских школ или оба эти фактора [Khattri, Riley, Kane, 1997]. В любом случае сельские школы меньше финансируются, чем городские. Соответственно, в селах у учителей ниже заработная плата, больше нагрузка, ниже квалификация, а школы отличаются меньшими размерами, недостатком оборудования, содержанием программы. В итоге все это выливается в менее качественное образование учеников и задает определенную образовательную траекторию сельским ученикам [Gándara, Gutiérrez, O'Hara, 2001; Hardré, Sullivan, 2008; Khattri, Riley, Kane, 1997; Lee et al., 2000; Leithwood, Jantzi, 2009].

Выводы этих и подобных исследований обычно основаны на анализе национальных статистических баз данных, например National Education Longitudinal Study¹, или на городских данных о системе образования мегаполиса, или на данных, собранных при помощи стратифицированных выборок школ (с различной вариацией критериев: статус школы, тип местности и проч.). Зачастую это сравнения нескольких показателей на высоком уровне обобщения, они не ставят задачу уловить эффекты локального контекста и не позволяют этого сделать.

Еще один уровень измерения неравенства в образовании — *место проживания или соседство* (neighborhood). Социальный и этнический состав окружения, в котором проживает и социализируется ребенок, влияет на его образование и дальнейшие успехи. И в Европе, и в США ученые утверждают, что существует не только эффект школы (состав учеников), но и эффект соседства [Raudenbush, Bryk, 1986; Kauppinen, 2008]. Такой подход доказывает, что модели, объясняющие успехи школьников, должны учитывать множественный контекст: в них необходимо включать факторы не только на уровне соседства, но и на уровне школы. Оптимальным методическим решением этой задачи является построение

¹ См.: National Education Longitudinal Study: URL: <https://nces.ed.gov/> (дата обращения: 14.04.2020).

иерархических линейных моделей (HLM) [Raudenbush, Bryk, 1986; Arum, 2000]. Такой взгляд довольно популярен в последние десятилетия, когда повсеместно наблюдается рост сегрегации по месту жительства, а вместе с ней и школьной сегрегации [Owens, Reardon, Jencks, 2016; Reardon, Owens, 2014]. Однако дизайн таких исследований требует большого объема данных, детализированного на каждом уровне.

С 1990-х годов актуализируется пространственный подход, исследователи начинают проводить анализ на уровне небольших локальностей, чтобы учитывать особенности и организацию локальных пространств. В исследованиях образовательных систем появляется несколько новых терминов, отражающих эту концепцию. Анализ начинают проводить на уровне Local Educational Authorities [White et al., 2001], микрорынков [Bowe, Ball, Gewirtz, 1994] или «local spaces of education» [Stošić, 2012]. Образовательные притязания начинают рассматривать с точки зрения «ландшафта выбора», когда они фреймированы конкретной локальностью в соответствии с ее материальными и социальными характеристиками [Bowe, Ball, Gewirtz, 1994]. Обнаруженные на локальных уровнях различия заставляют исследователей говорить о существовании «неравенства места» и сравнивать не только пригородные и сельские, но и, например, городские центральные и бедные кварталы (inner city) [Roscigno, Tomaskovic-Deve, Crowley, 2006].

Ученые начинают чаще обращаться к анализу разного рода неравенств на уровне районов/мест. Исследование этого уровня позволяет увидеть различия в структуре возможностей, сложившихся в определенной местности, что не исчерпывается различиями между типами территории («городской/сельский»). Для этого сравниваются данные, собранные на небольших территориях, но в полном объеме.

В настоящей статье используется сходная логика: сопоставляются особенности неравенства образовательных притязаний на примере трех локальностей с различными характеристиками. Одна представляет собой сельский район Ленинградской области, другая — малый город, также расположенный в Ленинградской области, третья — мегаполис Санкт-Петербург.

Современные исследования факторов неравенства

Исследования на протяжении десятков лет находят доказательства тому, что успехи в обучении и образовательные притязания учеников, так же как их дальнейшее трудоустройство и доход, связаны с социально-экономическим положением и капиталами родителей. Корреляция социально-экономического положения семьи, например, с академическими достижениями ученика составляла 0,343 (до 1980-х годов) и 0,299 (с 1990 до 2000 года), по данным метаанализа [Sirin, 2005]. В процессе воспроизводства играют роль не только занятость, профессиональный статус, доход и уровень образования родителей, но и структура, социальный и культурный капитал семьи [Entwisle, Astone, 1994; Woessmann, 2004 и др.].

В России, как и в других странах, образовательные притязания и успеваемость школьников во многом зависят от характеристик семьи. Из выпускников 9-х классов, чьи родители имеют высшее образование, 87 % переходят в старшие классы; из тех, у чьих родителей оно отсутствует, переходят в следующий класс лишь 47 %.

Влияние уровня образования родителей на образовательную траекторию детей остается даже при контроле по успеваемости школьника [Bessudnov, Malik, 2016].

Базовыми предикторами успехов в обучении являются не только социально-экономические характеристики семьи, но и пол. Традиционно девочки получают в школе более высокие оценки [Entwisle, Alexander, Olson, 2005]. Однако до недавнего времени более высокие успехи в обучении у девочек не были связаны с дальнейшими высокими образовательными достижениями [Mickelson, 1989].

Как показывают международные и российские исследования, помимо семьи, на воспроизводство социально-экономического неравенства воздействует школа. На успехи ученика могут влиять характеристики школы, а также особенности национальной школьной системы. Согласно российским исследованиям, межшкольная дифференциация связана в первую очередь со статусом школы: ученики, посещающие школы с повышенным статусом (гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением предметов), отличаются более высоким социально-экономическим статусом и успехами в обучении [Константиновский и др., 2006; Рощина, 2012; Уваров, Ястребов, 2014].

Методы, данные и переменные

Эмпирическую базу нашего исследования составили данные опросов, проведенных в трех локальностях². В сельском районе в 2009 году реализован сплошной опрос девятиклассников, а также их родителей. В результате составлена единая база данных о 493 учениках из всех 18 школ. В малом городе Ленинградской области в 2011 г. проведен сплошной опрос девятиклассников, в итоге собраны эмпирические данные о 368 учениках из всех восьми школ города. В качестве мегаполиса выступил город Санкт-Петербург. База данных собрана из двух опросов, проведенных Научно-учебной лабораторией «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ в 2010 и 2014 гг. Она составила 8104 анкеты, собранные в 211 школах. Дизайн исследований, проведенных в мегаполисе, не позволял отобрать для сравнения один район или несколько районов, где были бы опрошены все девятиклассники. В этом кейсе использована стратифицированная выборка. Чтобы обеспечить представительность вероятностной выборки учеников с разными статусами и успеваемостью, критерием отбора взяли статус школы (обычная школа, школа с углубленным изучением предмета, гимназия/лицей).

Понять особенности локального контекста на первом этапе помогла дескриптивная статистика. Далее было проведено регрессионное моделирование: сначала построены линейные регрессионные модели, предсказывающие успехи в обучении, затем — логистические регрессии, объясняющие образовательные притязания учеников. На следующем этапе в дополнение к логистическим регрес-

² Сбор данных был организован в рамках коллективных проектов Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург с 2007 по 2014 г. (поддержан Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Часть настоящего исследования была поддержана также Российским гуманитарным научным фондом (проект № 16-03-00802 «Дифференциация школ и образовательный выбор: школа и родители» 2016—2018 гг.).

Кроме того, в нашей научной работе использованы результаты проекта «Рисковое поведение подростков и климат школы: влияние родителей и сверстников», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

сиям были рассчитаны предельные эффекты³ средней оценки для вероятности выбора учеником высшего образования, единственного фактора из тестируемых, который имеет значение во всех трех кейсах. Заключительная процедура помогла в интерпретации влияния регрессоров на зависимую переменную и дала возможность сопоставить особенности локальных неравенств.

В качестве зависимой переменной в первой группе регрессионных моделей выступили успехи в обучении девятиклассника — средняя успеваемость ученика по пяти основным предметам (русский язык, алгебра, физика, иностранный язык, биология) в виде интервальной переменной со значениями от 2 до 5. (Рассчитана на основе самоотчета учеников в рамках анкетирования.) Во второй группе регрессионных моделей зависимой переменной стали образовательные притязания ученика. Это бинарная переменная: значение 1 соответствуют планам ученика получить в дальнейшем высшее образование, значение 0 — отсутствию у него планов получать этот уровень образования.

В качестве предикторов выступили:

1. Пол учащегося — бинарная переменная, означающая: 0 — женский пол, 1 — мужской пол школьника.
2. СПС. Он представлен в виде международного социально-экономического индекса ISEI⁰⁸, основанного на международном стандартном классификаторе профессий (ISCO-08). В соответствии с ним существующие профессии ранжируются в зависимости от их престижа в обществе и от требуемого уровня образования. В этой системе классификации самые высокие баллы, более 80, присваиваются высококвалифицированным профессионалам, а самые низкие, менее 20, — необразованным «синим воротничкам». Переменная представляет собой среднее значение ISEI отца и матери, принимая значения от 16 до 89.
3. Уровень образования матери. Это категориальная переменная, закодированная следующим образом: 1 — мать окончила только школу, 2 — мать окончила училище или 4) колледж (получила начальное или среднее профессиональное образование), 3 — мать получила высшее образование⁴.
4. Культурный капитал родителей — количество книг на полке в семейной библиотеке. Эта переменная принимает значение 1 — если в доме всего одна полка книг или меньше; 2 — если в семейной библиотеке от одной до пяти книжных полок; 3 — если книги занимают более пяти полок.
5. Тип школы — бинарная переменная, где 0 означает обычный статус школы (средняя общеобразовательная школа, далее — СОШ), 1 — школу повышенного статуса (куда включены гимназии, лицеи и школы с углубленным изучением предметов).

Описательная статистика по ключевым переменным представлена в табл. 2 Приложения.

³ Расчет предельных эффектов помогает измерить ожидаемое изменение зависимой переменной определенной объясняющей переменной, сохраняя при этом все ковариаты постоянными.

⁴ Использование в анализе образования матери (а не отца или обоих родителей) продиктовано двумя причинами. Во-первых, такой подход является стандартным в мировой практике. Во-вторых, в ответах на вопрос об образовании матери пропущенных значений гораздо меньше, чем в вопросе об образовании отца.

Описание локальностей: социально-экономический контекст, пространственные особенности и местные образовательные системы

Сельский тип локальности в выборке представляет Приозерский район Ленинградской области. Он находится относительно недалеко от мегаполиса (Санкт-Петербурга). Несмотря на наличие довольно большого города — районного центра, территория является преимущественно сельской. В общей сложности в районе насчитывается чуть более 60 000 жителей, из которых на городских территориях проживает меньше одной трети (30%). Средняя заработная плата в районе отличалась невысоким уровнем и на момент опроса составляла всего 14 535 руб. Местная система образования состояла из 18 школ, из них 6 — основные общеобразовательные школы (по 9 классов). Большинство из них довольно удалены друг от друга (обеспечивают образование для детей, проживающих поблизости). Основные характеристики территорий и выборки исследований на этих территориях, а также среднемесячная заработная плата приведены в табл. 1 Приложения.

В районе много популярных туристических мест и дачных поселков. Основная транспортная магистраль (представлена в виде шоссе и железной дороги) тянется с юга (от Санкт-Петербурга) на север к районному центру. Территория сильно пересечена озерами и вытянута вдоль большого озера, что отражается в виде локализации многих поселков и требует от семей довольно больших издержек, чтобы добраться до колледжей или университетов районного центра либо мегаполиса. В самом районе возможности выбора учебных заведений после 9-го или 11-го класса весьма ограничены.

Малый город Кириши, ставший одним из кейсов, на момент опроса являлся одним из самых процветающих в Ленинградской области. Он был основан в качестве центра одной из перспективных промышленных отраслей в 1960-х годах в 150 км от Ленинграда, начал успешно развиваться и быстро вырос до размеров малого города. На момент исследования население города составляло чуть более 50 000 человек.

Кроме градообразующего завода, на территории города развиваются несколько современных производств. В результате низкий уровень безработицы и высокий уровень средней заработной платы выгодно отличают этот город от остальных населенных пунктов области. По данным Петростата, уровень регистрируемой безработицы на 1 января 2014 года составил 0,49%, что являлось средним показателем по области. По средней заработной плате город находится в числе лидеров, на момент опроса она даже превышала среднюю заработную плату мегаполиса, составив 43 134 руб. (см. табл. 1 Приложения). Локальную общеобразовательную систему малого города составляют 8 школ, включая 1 лицей и 1 гимназию. Большинство выпускников школ, решивших получать высшее образование, отправляется учиться в Санкт-Петербург.

Мегаполис Санкт-Петербург — самый многочисленный по населению в России после столицы. Он является одним из основных транспортных узлов и экономических центров страны. Средняя заработная плата здесь на момент опроса составляла 40 697 руб. (см. табл. 1 Приложения), однако разброс значений в большом городе очень велик.

Санкт-Петербург имеет одну из самых больших систем среднего образования в нашей стране. По данным Санкт-Петербургского центра оценки качества образования и информационных технологий, на 2016/2017 учебный год в городе насчитывалось 600 государственных дневных средних общеобразовательных учреждений. Их можно разбить на основные группы в зависимости от статуса: обычные школы (СОШ) и школы повышенного статуса — школы с углубленным изучением предметов и гимназии/лицеи.

Эти группы различаются не только образовательными программами, но и образовательными результатами, выраженными в виде ЕГЭ, как показывает анализ: баллы ЕГЭ учеников трех типов школ значительно разнятся (см. рис. 1)⁵.

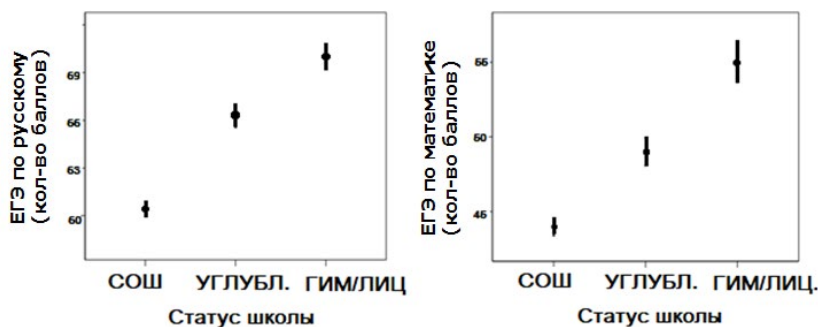

Рис. 1. Баллы ЕГЭ по русскому и математике учеников школ с разными статусами

Успешнее всего сдают ЕГЭ в гимназиях и лицеях, меньшее количество баллов получают в школах с углубленным изучением предметов, самые низкие успехи демонстрируют в обычных школах.

Описательная статистика данных — локальный контекст

Жители локальностей существенно различаются по основным исследуемым параметрам. Общее описание переменных, их средних, пропущенных значений и проч. представлено в табл. 1 Приложения. Сопоставим ключевые параметры, которые вошли в регрессионные модели в качестве независимых факторов.

Три локальных контекста отличаются *уровнем образования* местных жителей. В Санкт-Петербурге 61,9% опрошенных школьников имеют матерей с высшим образованием, тогда как в Киришах таковых — 55,8%, а в Приозерском районе — всего 25,4%. В мегаполисе с большей вероятностью проживают люди с высшим образованием, в отличие от кейсов малого города и сельской местности, где с большей вероятностью можно встретить жителей со школьным образованием (Кириши) или школьным, начальным профессиональным и средним специальным образованием.

⁵ Данные о школах, полученные от Регионального центра оценки качества и информатизации образования, дополнены данными о результатах ЕГЭ школ с сайта «Школы Санкт-Петербурга» (см.: URL: <https://shkola-spb.ru/> (дата обращения: 14.04.2020)). Взяты результаты ЕГЭ за несколько лет — с 2010 по 2014 г. и сгенерированы средние значения каждой школы за четыре года.

Средний СПС семьи отличается неочевидным образом: самый низкий характерен для Киришей — 44,28 баллов, более высокий — для Приозерского района и Санкт-Петербурга — 48,51 и 49,28 баллов соответственно. Почему сельский кейс отличается более высоким значением?

Распределение значений СПС в сельском кейсе заметно отличается от нормального, поскольку имеет всплеск верхних величин (см. рис. 2). В ходе сплошного опроса девятиклассников в выборку попали дети заместителя главы местной администрации, директора ДК, заместителя директора школы, частный предпринимателей и других членов местной элиты.

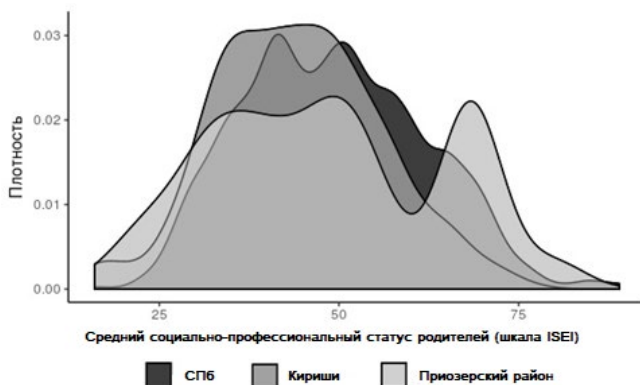

Рис. 2. График плотности распределения значений СПС в трех локальностях

Жители Петербурга не характеризуются какими-то особенными паттернами в обладании культурным капиталом, в отличие от жителей Киришей и Приозерского района. В сельской местности значимо больше тех, кто имеет более пяти полок книг. В Киришах больше, чем ожидалось, учеников, чьи родители имеют дома менее одной полки книг (см. рис. 3).

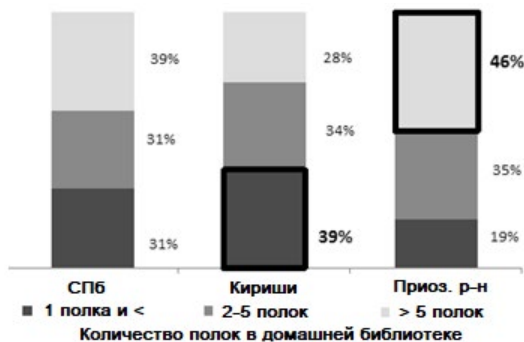

Рис. 3. Культурный капитал жителей трех локальностей, выраженный в количестве книг дома
Примечание. Жирными границами отмечены значения, где стандартизованные остатки отличаются высокими положительными значениями.

В успехах в обучении учеников трех локальных образовательных систем наблюдается диспаритет. Средняя оценка по пяти основным предметам значительно различается: ученики имеют самые низкие результаты в сельской местности, чуть выше — в малом городе, самые высокие оценки — в мегаполисе (F -статистика = 81,342***, 2 степени свободы) (см. рис. 4). Хотя система оценивания учителем отчасти субъективна и является способом отмечать успехи на фоне остального класса или школы, даже она демонстрирует неравенство в успехах.

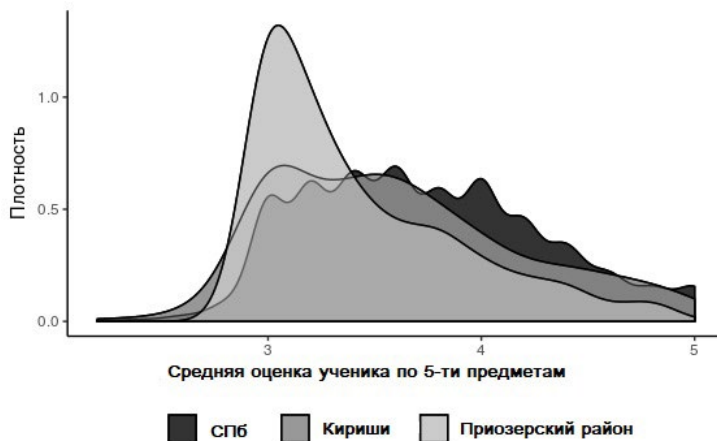

Рис. 4. График плотности распределения значений средней оценки по трем локальностям

Образовательные притязания учеников из разных локальностей также заметно отличаются. В Санкт-Петербурге больше желающих получать высшее образование — 74,0 %, тогда как в Киришах их 62,0, а в Приозерском районе — 51,7 %. При этом в Киришах с большей вероятностью, чем в других кейсах, выбирают обучение в колледжах и техникумах — 26,0 % (в Петербурге таких девятиклассников 13,3 %, в Приозерском районе — 13,9 %).

Результаты регрессионного моделирования

С помощью регрессионного моделирования были выявлены универсальные и уникальные предикторы успехов в обучении 6 и образовательных притязаний школьников. В следующих таблицах представлены результаты линейной регрессии (PM-1 — см. табл. 1) и логистической регрессии (PM-2 — см. табл. 2).

Таблица 1. Результаты линейной регрессии:
зависимая переменная — средняя оценка ученика, PM-1

Показатель	Приозерский р-н			Кириши			Петербург		
	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение
Константа	0,00	2,02—2,20	<,001***	0,00	2,70—3,27	<,001***	0,00	3,30—3,42	<,001***
Пол (женский): мужской	-0,31	-0,18—-0,10	<,001***	-0,14	-0,29—0,04	,010**	-0,26	-0,31—0,26	<,001***

⁶ В случае ненормального распределения переменной, производилась ее нормализация.

Показатель	Приозерский р-н			Кириши			Петербург		
	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение	Стат. кор.	Доверительный интервал	Значение
Образование матери (среднее):									
ПТУ/ССУЗ	0,07	-0,03—0,09	,347	0,20	0,07—0,46	,009**	0,07	0,04—0,14	<,001***
Высшее	0,28	0,06—0,22	<,001***	0,17	0,01—0,39	,037*	0,11	0,08—0,17	<,001***
СПС семьи	0,06	-0,00—0,00	,280	0,16	0,00—0,01	,009**	0,14	0,00—0,01	<,001***
Статус школы (СОШ): повышенный	—	—	—	0,02	-0,12—0,19	,681	0,05	0,03—0,08	<,001***
Культурный капитал (книг менее 2 полок)									
2—5 полок	0,17	0,01—0,14	0,017*	0,28	0,19—0,49	<,001***	0,10	0,09—0,16	<,001***
Более 5 полок	0,23	0,04—0,17	0,002**	0,29	0,22—0,54	<,001***	0,17	0,16—0,23	<,001***
Количество наблюдений	324			291			6342		
Предсказанный R ²	,221			,187			,141		

Примечания. Полу жирным выделены статистически значимые различия. СЭС — социально-экономический статус. Уровень значимости: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1 ' ' 1.

**Таблица 2. Результаты логистической регрессии:
зависимая переменная — выбор высшего образования в дальнейшем, РМ-2⁷**

Показатель	Приозерский район			Кириши			Петербург		
	OR	Доверительный интервал	Значение	OR	Доверительный интервал	Значение	OR	Доверительный интервал	Значение
Константа	0,00	0,00—0,04	<,001***	,00	0,00—0,00	<,001***	0,01	0,00—0,01	<,001***
Средняя оценка	,01	2,10—8,05	<,001***	6,02	3,17—12,22	<,001***	3,89	3,29—4,60	<,001***
Пол (женский): мужской	0,69	0,40—1,18	,177	0,81	0,45—1,46	,478	0,87	0,75—1,01	,073
Образование матери (среднее):									
ПТУ/ССУЗ	,23	0,59—2,60	,582	2,07	0,85—5,17	,112	1,71	1,37—2,14	<,001***
Высшее	,74	0,69—4,40	,238	1,79	0,77—4,20	,174	1,67	1,33—2,09	<,001***
СПС семьи	1,02	1,00—1,03	,090	1,03	1,00—1,06	,057	1,02	1,01—1,03	<,001***
Статус школы (СОШ):									
Повышенный	—	—	—	1,71	0,80—3,85	,180	1,33	1,11—1,60	,002**
Культурный капитал (книг менее 2 полок):									
2—5 полок	1,19	0,57—2,52	,637	2,59	1,32—5,18	,006**	1,20	0,99—1,44	,059
Более 5 полок	1,37	0,66—2,90	,402	2,14	1,03—4,52	,043*	1,12	0,92—1,35	,262
Количество наблюдений	284			291			4764		

Примечания. Полу жирным выделены статистически значимые различия. Уровень значимости: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1 ' ' 1.

⁷ Модели были проверены на интеракционные эффекты.

Полученные результаты для удобства анализа сведены в следующей таблице — отмечены статистически значимые результаты в моделях, рассчитанных по каждой из локальностей (см. табл. 3).

Таблица 3. Сводный итог значимых результатов регрессионных моделей

Независимый фактор	Средняя оценка			Притязания		
	Сельский район	Малый город	Мегаполис	Сельский район	Малый город	Мегаполис
Средняя оценка	—			X	X	X
Пол	X	X	X	—	—	—
Образование матери	X — Высшее	X — ПТУ/ССУЗ	X ПТУ/ССУЗ	—	—	X
СПС семьи	—	X	X	—	—	X
Культ. капитал	X	X	X	—	X	—
Статус школы	—	—	X	—	—	X

Примечание. X означает, что фактор оказался значимым.

Сопоставление результатов двух регрессионных моделей показывает, что тестируемые факторы играют разную роль для успеваемости и притязаний в различных локальностях. *Пол* выполняет универсальную функцию в успеваемости, однако он остается незначимым для притязаний. *Уровень образования* матери связан со средней оценкой ученика во всех трех кейсах, но связь отличается в нюансах: в сельском районе эффект дает высшее образование, тогда как на городских территориях начальное и среднее профессиональное образование родителей значимо повышает успеваемость школьника. Связь уровня образования матери с притязаниями ребенка наблюдается лишь в мегаполисе. *Культурный капитал* семьи повышает оценки ученика, хотя для притязаний имеет значение только в малом городе. *СПС* родителей связан с успеваемостью на городских территориях, однако для притязаний важен лишь в мегаполисе. *Статус школы* играет роль, хоть и небольшую, но значимую, в мегаполисе.

Результаты расчета предельных эффектов универсального фактора притязаний — успеваемости ученика — позволяют детально и пошагово сравнить локальности (см. рис. 5; более детально предельные эффекты по каждому кейсу представлены рис. 1—3 в Приложении). Вероятность планировать обучение в вузе у школьника со средним баллом 3 в сельской местности и малом городе сравнима и составляет в Приозерском районе — 39%, в Киришах — 42%. В Санкт-Петербурге эта вероятность значительно выше — 63%. И снова вероятность поступить в вуз не отличается у учеников с высокой средней оценкой (в 4,5 баллов) в малом городе и мегаполисе (93 и 92% соответственно), тогда как шансы у учеников с аналогичной успеваемостью в сельской местности составляют лишь 84%.

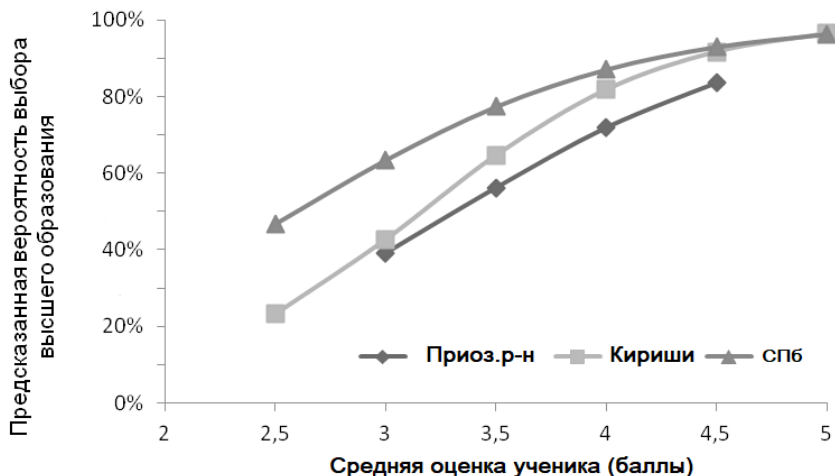

Рис. 5. Предельные эффекты средней оценки для выбора высшего образования по кейсам

Заключение

Исследования в России показывают, что капиталы семьи воспроизводятся в виде образовательных притязаний школьников [Константиновский, 2010; Рощина, 2012; Уваров, Ястребов, 2014]. Чем выше материальный достаток, культурный капитал и уровень образования родителей, тем устойчивее их положение на рынке труда, тем выше у их детей успехи в учебе. Результаты нашей работы проиллюстрировали, что *уровень связи СПС, культурного капитала и уровня образования* на успеваемость школьника различаются в разных локальностях. Они исчезают или становятся гораздо слабее в случае с образовательными притязаниями.

Связь *СПС семьи* с успеваемостью школьника отсутствует в сельском кейсе, а с притязаниями остается только в мегаполисе. *Уровень образования* матери имеет значение в случае с успеваемостью в каждом из кейсов, но в ситуации с притязаниями играет роль только в мегаполисе. *Культурный капитал* родителей связан с успехами в обучении, это универсальная для всех кейсов связь, а в случае с притязаниями она теряет значение, за исключением малого города.

Пол связан с академическими успехами школьников: девочки всегда получают более высокие оценки, чем мальчики, как доказывают многочисленные исследования [Слободская, Сафронова, Ахметова, 2008; Entwisle, Alexander, Olson, 2005 и др.]. Данная работа показывает не только этот феномен, но и ту особенность, что при контроле успеваемости во всех локальностях связь пола с притязаниями нивелируется. Более высокая успеваемость девочек не влечет за собой более высокие притязания.

Статус школы играет небольшую, но статистически значимую роль в мегаполисе: ученики школ повышенного статуса получают более высокие оценки и отличаются более высокими образовательными притязаниями. Этот эффект согласуется

с результатами анализа других данных, там также отмечалась крайне слабая связь с характеристиками образовательных учреждений [Рощина, 2012; Уваров, Ястребов, 2014].

Паттерны или комбинации факторов, которые универсальны и работали бы на воспроизводство на любых территориях, отсутствуют. В сельском кейсе, в отличие от остальных, отмечаются наименьшее число родителей с высшим образованием, наименьшая средняя оценка учеников и наличие группы с высоким СПС. В этом контексте с успехами в обучении и с образовательными притязаниями связано наименьшее количество факторов. Имеют значение только универсальные факторы для успеваемости (пол, образование матери), а также культурный капитал. При этом эффект дает наличие высшего образования у матери, тогда как в городских кейсах — наличие начального или среднего профессионального образования. Для притязаний имеет значение лишь успеваемость.

Малый город характеризуется тем, что в его социально-профессиональной структуре отсутствуют группы с высоким статусом, жители не отличаются высоким культурным капиталом и с меньшей вероятностью, чем в других кейсах, планируют обучение в вузах. Здесь система воспроизводства неравенства основана не только на универсальных факторах. Кроме них, с успеваемостью также связаны СПС родителей и культурный капитал, тогда как с притязаниями — только успеваемость и культурный капитал. Критически важным является обладание книгами даже в небольшом объеме: если дома имеется библиотека хотя бы в две книжные полки, шансы ученика устремиться к высшему образованию заметно повышаются.

Мегаполис отличается наибольшим числом предикторов успеваемости и притязаний. Успеваемость связана со всеми тестируемыми факторами, притязания — со всеми, за исключением пола и культурного капитала. Это единственный кейс, где обнаруживается эффект школьной дифференциации. Статус школы играет отдельную роль в формировании неравенства: повышает академические успехи и образовательные притязания. В малом городе школы повышенного статуса не дают такого эффекта.

Предсказанная вероятность выбора высшего образования показывает: несмотря на то, что в сельской местности наблюдается наименьшее количество предикторов успехов и притязаний, шансы местных школьников на высокие притязания в сравнении с мегаполисом при равных оценках заведомо ниже. Впрочем, среди учеников с высокой оценкой этот разрыв немного сокращается. В этом отношении интересен малый город: шансы на высокие притязания у учеников с низкой успеваемостью невысоки и идентичны шансам сельских школьников с такими же оценками, тогда как шансы у отличников сопоставимы с шансами отличников из большого города.

Полученные результаты обращают наше внимание на то, что академические успехи, образовательные притязания, элементы социальной мобильности и образовательные системы стоит изучать на ограниченных территориях. Большие репрезентативные выборки показывают нам лишь возможную общую логику, тогда как сплошные выборки отдельных локальностей позволяют более точно измерить эффекты. Понимание локального контекста в этих кейсах дает возмож-

ность уловить нюансы, чтобы эффекты объяснить. В данной статье было показано, что общим трендом для всех трех кейсов является неравенство шансов на высокие образовательные устремления, однако характер этого неравенства отличается от кейса к кейсу, в каждой из локальностей задается свой характер социального воспроизводства. В перспективе это открывает возможности точечных мер образовательной политики, адекватных локальному социальному и образовательному контексту.

Список литературы (References)

Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентация и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М. : Эдиториал УРСС, 1999.

Konstantinovskiy D. L. (1999) *The Dynamics of Inequality. Russian Youth in a Changing Society: Orientation and Paths in the Field of Education (from the 1960s to the 2000s)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. Т. 99. С. 40—65.

Konstantinovskiy D. L. (2010) *Inequality in Education: the Russian Situation. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. T. 99. P. 40—65. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 186—202.

Konstantinovskiy D. L., Vakhstein V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Y. M. (2006) *The Availability of Quality General Education in Russia: Opportunities and Limitations. Issues of Education*. No. 2. P. 186—202. (In Russ.)

Рощина Я. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257—277. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-257-277>.

Roshchina Y. (2012) *Family Capital as a Factor of Educational Opportunities for Russian High School Students. Educational Studies*. No. 1. P. 257—277. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-257-277>. (In Russ.)

Слободская Е. Р., Сафронова М. В., Ахметова О. А. Личностные особенности и стиль жизни как факторы школьной успеваемости подростков // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 70—79.

Slobodskaya E. R., Safronova M. V., Akhmetova O. A. (2008) *Personal Characteristics and Lifestyle as Factors of School Performance of Adolescents. Psychological Science and Education*. No. 2. P. 70—79. (In Russ.)

Уваров А. Г., Ястребов Г. А. Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 23. Т. 2. С. 103—132.

- Uvarov A. G., Yastrebov G. A. (2014) The Socio-Economic Situation of Families and the School as Competing Factors in Educational Opportunities: the Situation in Russia. *World of Russia. Sociology. Ethnology*. No. 23. Vol. 2. P. 103—132. (In Russ.)
- Arum R. (2000) Schools and Communities: Ecological and Institutional Dimensions. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 395—418. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.395>.
- Bessudnov A., Malik V. (2016) Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories Upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Educational Studies*. No. 1. P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>.
- Bowe R., Ball S., Gewirtz S. (1994) «Parental Choice», Consumption and Social Theory: The Operation of Micro-Markets in Education. *British Journal of Educational Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 38. <https://doi.org/10.1080/00071005.1994.9973982>.
- Buchmann C., DiPrete T.A. (2006) The Growing Female Advantage in College Completion: The Role of Family Background and Academic Achievement. *American Sociological Review*. Vol. 71. No. 4. P. 515—541. <https://doi.org/10.1177/000312240607100401>.
- Ensminger M. E., Slusarcick A. L. (1992) Paths to High School Graduation or Dropout: A Longitudinal Study of a First-Grade Cohort. *Sociology of Education*. Vol. 65. No. 2. P. 95—113. <https://doi.org/10.2307/2112677>.
- Entwisle D. R., Alexander K. L., Olson L. S. (2007) Early Schooling: The Handicap of Being Poor and Male. *Sociology of Education*. Vol. 80. No. 2. P. 114—138. <https://doi.org/10.1177/003804070708000202>.
- Entwisle D. R., Alexander K. L., Olson L. S. (2005) First Grade and Educational Attainment by Age 22: A New Story. *American Journal of Sociology*. Vol. 110. No. 5. P. 1458—1502. <https://doi.org/10.1086/428444>.
- Entwisle D. R., Astone N. M. (1994) Some Practical Guidelines for Measuring Youth's Race/Ethnicity and Socioeconomic Status. *Child Development*. Vol. 65. No. 6. P. 1521—1540. <https://doi.org/10.2307/1131278>.
- Gándara P., Gutiérrez D., O'Hara S. (2001) Planning for the Future in Rural and Urban High Schools. *Journal of Education for Students Placed at Risk (JESPAR)*. Vol. 6. No. 1—2. P. 73—93. https://doi.org/10.1207/s15327671espr0601-2_5.
- Haller E. J., Virkler S. J. (1993) Another Look at Rural-Nonrural Differences in Students' Educational Aspirations. *Journal of Research in Rural Education*. Vol. 9. No. 3. P. 170—178.
- Hardré P. L., Sullivan D. W. (2008) Student Differences and Environment Perceptions: How They Contribute to Student Motivation in Rural High Schools. *Learning and Individual Differences*. Vol. 18. No. 4. P. 471—485. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2007.11.010>.
- Kauppinen T. M. (2008) Schools as Mediators of Neighbourhood Effects on Choice between Vocational and Academic Tracks of Secondary Education in Helsinki. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 3. P. 379—391. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn016>.

- Khattri N., Riley K. W., Kane M. B. (1997) Students at Risk in Poor, Rural Areas: A Review of the Research. *Journal of Research in Rural Education*. Vol. 13. No. 2. P. 79—100.
- Lee V. E., Smerdon B. A., Alfeld-Liro C., Brown S. L. (2000) Inside Large and Small High Schools: Curriculum and Social Relations. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. Vol. 22. No. 2. P. 147—171. <https://doi.org/10.3102/01623737022002147>.
- Leithwood K., Jantzi D. (2009) A Review of Empirical Evidence about School Size Effects: A Policy Perspective. *Review of Educational Research*. Vol. 79. No. 1. P. 464—490. <https://doi.org/10.3102/0034654308326158>.
- Mickelson R. A. (1989) Why Does Jane Read and Write so Well? The Anomaly of Women's Achievement. *Sociology of Education*. Vol. 62. No. 1. P. 47—63. <https://doi.org/10.2307/2112823>.
- Owens A., Reardon S. F., Jencks C. (2016) Income Segregation between Schools and School Districts. *American Educational Research Journal*. Vol. 53. No. 4. P. 1159—1197. <https://doi.org/10.3102/0002831216652722>.
- Raudenbush S., Bryk A. S. (1986) A Hierarchical Model for Studying School Effects. *Sociology of Education*. Vol. 59. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.2307/2112482>.
- Reardon S. F., Owens A. (2014) 60 Years after Brown: Trends and Consequences of School Segregation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 40. P. 199—218. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043152>.
- Roscigno V. J., Crowley M. (2001) Rurality, Institutional Disadvantages, and Achievement/Attachment. *Rural Sociology*. Vol. 66. No. 2. P. 268—292.
- Roscigno V. J., Tomaskovic-Devey D., Crowley M. (2006) Education and the Inequalities of Place. *Social Force*. Vol. 84. Iss. 4. P. 2121—2145. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0108>.
- Sirin S. R. (2005) Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*. Vol. 75. No. 3. P. 417—453. <https://doi.org/10.3102/00346543075003417>.
- Stošić P. (2012) Lokale Bildungsräume Zwischen Struktur und Handlung. *Tertium Comparationis*. Vol. 18. No. 1. P. 12—24.
- Tach L. M., Farkas G. (2006) Learning-Related Behaviors, Cognitive Skills, and Ability Grouping when Schooling Begins. *Social Science Research*. Vol. 35. Iss. 4. P. 1048—1079. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2005.08.001>.
- White P., Gorard S., Fitz J., Taylor C. (2001) Regional and Local Differences in Admission Arrangements for Schools. *Oxford Review of Education*. Vol. 27. No. 3. P. 317—337. <https://doi.org/10.1080/03054980124586>.
- Woessmann L. (2004) How Equal are Educational Opportunities? Family Background and Student Achievement in Europe and the US. *CESifo Working Paper Series*. No. 1162.

Приложение

Таблица 1. **Характеристики локальностей, их образовательных систем и выборок опроса**

Описание территорий			
Локальная образовательная система	Тип территории	Численность жителей (чел.)*	Среднемесячная заработная плата (руб.)
Приозерский район	сельская	61 400 (на 2010 год)	14 535 (на 2009 год)**
Кириши	городская	52 500 (на 2013 год)	43 134 (на 2013 год)***
Санкт-Петербург	городская	5 192 000 (на 2014 год)	40 697 (на 2014 год)****
<i>Локальные образовательные системы и выборка опросов</i>			
Локальная образовательная система	Количество школ (на момент опроса)	Количество школ в выборке (% от общего числа)	Количество опрошенных учеников
Приозерский район	18	18 (100%)	368
Кириши	8	8 (100%)	493
Санкт-Петербург	600 (на 2016/2017)	211 (29%)	8104

* Под данным Петростата. См.: Ленинградская область в 2018 году. Официальное издание. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). Санкт-Петербург, 2019; Санкт-Петербург в 2018 году. Официальное издание. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). Санкт-Петербург, 2019.

** По данным Федеральной службы государственной статистики. См.: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=416390002009 (дата обращения: 19.02.2020).

*** По данным Федеральной службы государственной статистики. См.: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=416241012013 (дата обращения: 19.02.2020).

**** См.: Санкт-Петербург в 2018 году. Официальное издание. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). Санкт-Петербург, 2019.

Таблица 2. **Описательная статистика основных переменных по трем локальностям**

		Локальная образовательная система		
		Петербург	Кириши	Приозерский р-н
Средняя оценка по пяти предметам				
	Среднее значение	3,740	3,616	3,425
	Ст. отклонение	0,553	0,577	0,473
	Макс. Значение	5	5	5
	Мин. Значение	2	2	3
	% Пропущенных значений	1,481	1,359	1,440
СПС семьи (среднее значение ISEI обоих родителей)				
	Среднее значение	49,281	44,279	48,509
	Ст. отклонение	12,557	11,485	15,928

		Локальная образовательная система		
		Петербург	Кириши	Приозерский р-н
	Макс. Значение	89	76	80
	Мин. Значение	16	16	16
	% Пропущенных значений	14,561	8,424	22,312
Пол: частота (%)				
	Женский	3998 (49,3)	185 (50,3)	242 (49,1)
	Мужской	3907 (48,2)	183 (49,7)	251 (50,9)
	Пропущенные значения	199 (2,5)	—	—
Уровень образования матери: частота (%)				
	Среднее	795 (9,8)	51 (13,9)	59 (12,0)
	ПТУ или ССУЗ	1975 (24,4)	87 (23,6)	200 (40,6)
	Высшее	4500 (55,5)	174 (47,3)	88 (17,8)
	Пропущенные значения	834 (10,3)	56 (15,2)	146 (29,6)
Культурный капитал (число книг): частота (%)				
	Одна полка и меньше	2435 (30,0)	142 (38,6)	73 (14,8)
	Больше одной полки	5448 (67,2)	225 (61,1)	314 (63,7)
	Пропущенные значения	221 (2,7)	1 (0,3)	106 (21,5)
Образовательные притязания: частота (%)				
	Не планируют получать ВО	1723 (21,3)	140 (38%)	209 (42,2)
	Планируют получать ВО	6284 (77,5)	228 (62%)	224 (45,4)
	Пропущенные значения	97 (1,2)	—	60 (12,2)
Статус школы				
	Обычная школа	4228 (52,2)	296 (80,4)	493 (100)
	Школа с углубленным изучением	739 (9,1)	—	—
	Гимназия, лицей	3137 (38,7)	72 (19,6)	—
	Пропущенные значения	—	—	—
Размер выборки		8104	368	493

Примечание. ВО — высшее образование.

Предельные эффекты для выбора высшего образования: Приоз.район

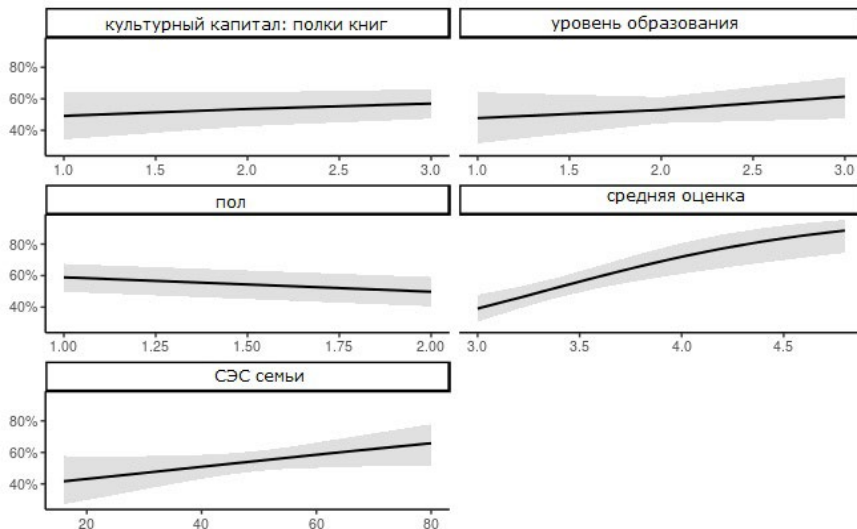

Рис. 1. Предельные эффекты для выбора высшего образования (Приозерский район)

Предельные эффекты для выбора высшего образования: Кириши

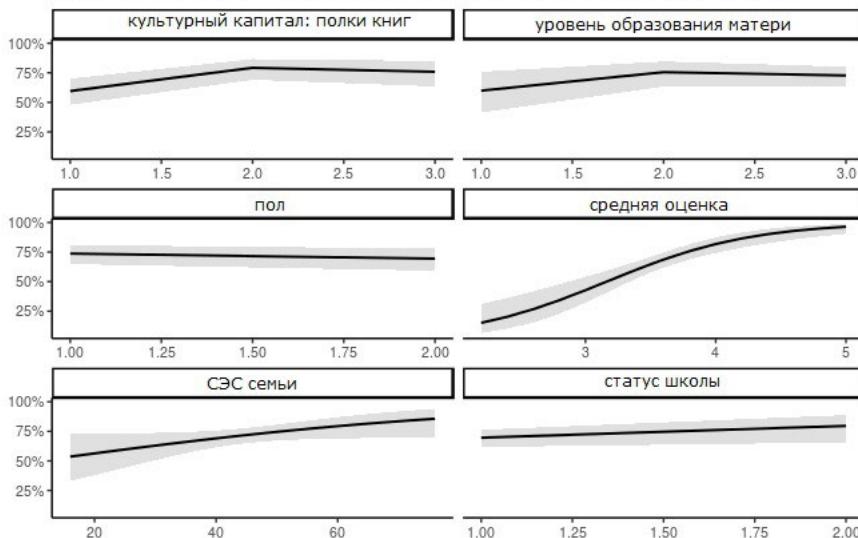
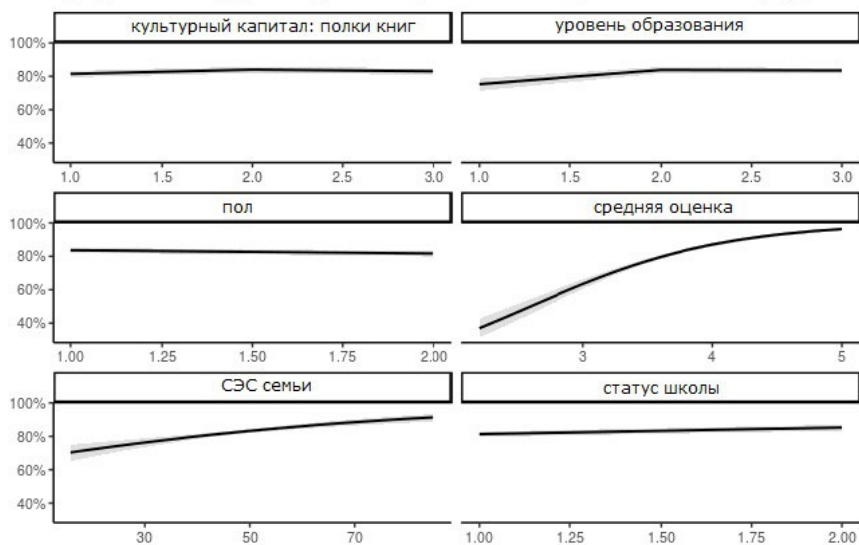

Рис. 2. Предельные эффекты для выбора высшего образования (Кириши)

Предельные эффекты для выбора высшего образования: Петербург

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782

Правильная ссылка на статью:

Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>.

For citation:

Egorova N. Y., Yanak A. L., Ryabinskaya E. S. (2020) Parental roles in the modern Russian family: the male boundaries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>.

Н. Ю. Егорова, А. Л. Янак, Е. С. Рябинская РОДИТЕЛЬСКИЕ РОЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ГРАНИЦЫ «МУЖСКОГО»

РОДИТЕЛЬСКИЕ РОЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ГРАНИЦЫ «МУЖСКОГО»

PARENTAL ROLES IN THE MODERN RUSSIAN FAMILY: THE MALE BOUNDARIES

ЕГОРОВА Надежда Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: nadegorova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5914-8021>

Nadezhda Yu. EGOROVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: nadegorova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5914-8021>

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia

ЯНАК Алина Леонидовна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: alinayanak91@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

РЯБИНСКАЯ Елена Сергеевна — аспирант, социолог кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: Ryabinskaya95@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5265-3615>

Аннотация. В условиях множественности изменений семейно-брачной сферы актуален глубокий анализ направлений трансформационных процессов в рамках отдельных семейных субинститутов. Объектом исследования в статье являются родительские роли, их распределение в современной российской семье. Представляются результаты исследований (с использованием методов количественного и качественного опросов), проведенных авторами в Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2017—2019 гг., касающихся как представлений о родительских ролях и функциях, так и практик реализации этих ролей. Взгляды на родительство и отцовство рассматриваются в контексте движения от традиционной к эгалитарной модели супружеских отношений. Делается вывод о противоречивости процесса. С одной стороны, можно говорить о формировании

Alina L. YANAK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant, Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: alinayanak91@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

Elena S. RYABINSKAYA¹ — Post Graduate Student, Sociologist, Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: Ryabinskaya95@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5265-3615>

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Multifaceted changes within marriage and family life require a more thorough study of transformational processes within particular family sub-institutions. The focus of the paper is parental roles and their distribution in the Russian family. The article is based on the results of surveys conducted by the authors in Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod Oblast in 2017-2019 (using quantitative and qualitative survey methods); the surveys touched on the perceptions of parental roles and parenting practices. Parenthood and fatherhood are considered through the prism of traditional egalitarian marriage relationship. The authors conclude that the process is ambivalent. On the one hand, there is a willingness to share parenthood-related duties. On the other hand, men are more oriented towards children's leisure activities rather than child care and actively involved in son's upbringing rather than parenting daughters. The paper empha-

готовности разделять обязанности, связанные с родительством. С другой стороны, мужчины больше ориентируются на организацию досуга детей, чем на уход, активнее включаются в воспитание сыновей, чем дочерей. В статье подчеркивается разница в целях и процессе социализации мальчиков и девочек, что скорее будет способствовать воспроизводству традиционной/патриархатной модели семьи и родительства.

Ключевые слова: родительство, отцовство, родительские роли, вовлеченность отца

sizes the difference in the goals and the process of socialization of boys and girls. This is more likely to contribute to the reproduction of traditional/patriarchal model of family and parenthood.

Keywords: parenting, fatherhood, parental roles, father's involvement

Введение

Распределение ролей в супружеской/родительской сферах долгое время рассматривалось в рамках традиционного восприятия мужской и женской позиций в семье. Первые концепции пола, в том числе социологические, противопоставляли «мужское» и «женское», обосновывали необходимость и неизбежность разделения труда в обществе/семье по половому признаку, жестко привязывали определенные социальные роли к конкретному полу, считая эти роли естественным и очевидным продолжением биологических отличий мужчин и женщин [Воронина, 2004: 30]. В рамках структурно-функционального подхода Т. Парсонс подчеркивал, что именно дифференциация ролей в семье поддерживает стабильность семейной системы. И несмотря на общественные изменения и возможные исключения, «роль взрослой женщины по-прежнему состоит прежде всего в выполнении ее семейных функций в качестве жены, матери и домашней хозяйки, в то время как роль взрослого мужчины прежде всего осуществляется в профессиональном мире, на работе, а также в обеспечении своей семьи определенным статусом и доходом» [Парсонс, 2006: 97—98].

Представительницы феминистского направления в рамках постепенно складывавшегося гендерного подхода поставили под сомнение справедливость, а потом и неизбежность такой расстановки сил. В частности, Н. Чодороу доказывала, что ассиметричное родительство (фактически материнство при постоянно отсутствующем отце) воспроизводит сложившуюся модель полового разделения труда [Чодороу, 2000], закрепляя гендерное неравенство. Вовлекая мужчину в сферу заботы о детях и снимая женскую монополию на родительство, возможно выстроить иную, эгалитарную модель отношений взамен традиционной/патриархатной.

Изменения, происходящие в сфере семьи, брака, родительства на рубеже XX—XXI вв., затронули различные аспекты функционирования этих, казалось бы, консервативных социальных институтов. Не только меняется внешний облик семьи (становятся все более разнообразными формы супружества, демогра-

фическая структура семейной группы/домохозяйства), но и ролевая структура, создающая основу для распределения обязанностей и зон ответственности между мужем — женой, матерью — отцом, становится весьма подвижной, сложной и противоречивой [Жизненные миры современной российской семьи, 2015: 55—60]. В условиях трансформации актуальными становятся вопросы востребованности и представленности различных гендерных моделей (традиционной — эгалитарной), а также возможности и перспективы достижения гендерного равенства, в том числе в российских реалиях.

Стоит отметить, что в отечественной социологии семьи по-прежнему нет единства в интерпретации многочисленных изменений семейно-брачной сферы. Функциональный подход остается востребованным и актуализируется в контексте концепции кризиса моногамной семьи [Антонов, 2018; Синельников, 2018]. Тотальные изменения рассматриваются как дисфункция (репродуктивная, брачная и воспитательная) данного института, грозящая его деинституционализацией. Фактически противопоставляются традиционный (многодетный, нормативный, стабильный, образцовый, желаемый, но «вымирающий») и современный (малодетный, многообразный, малоустойчивый, патологический, бесперспективный, но ныне получающий широкое распространение) типы семьи. Модель «кормилец — домохозяйка» считается желаемой, оптимальной, единственно возможной с точки зрения успешного выполнения семьей ее основных функций, в первую очередь родительских [Антонов, 2014].

Трансформационная концепция развития семьи [Вишневский, 2008; Голод, 2008; Гурко, 2008; Клецин, 1994] интерпретирует изменения в семейно-брачной и родительской сферах как модернизацию, адаптацию семейных институтов к жизни общества в контексте его общих социально-политических, социально-экономических, социокультурных, социетальных модификаций. В данном случае актуализируются исследования эгалитарного варианта распределения домашней, иждивенческой и воспитательной нагрузок между мужьями и женами, отцами и матерями, многообразия семейных структур, моделей родительства и т. д.

В рамках гендерного подхода трансформация в сфере семьи, брака и родительства интерпретируется как ломка традиционного гендерного порядка [Кон, 2009: 98—104]. Подвергаются изменениям и женские, и мужские социальные роли, наблюдается несоответствие современных трансформирующихся образцов устоявшимся канонам маскулинности и феминности. Закономерно, что в концепт «маскулинность», которая представляет собой «социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующих мужчинам в определенной культуре и субкультуре в определенное время» [Клецина, 2009: 30], встраивается категория «отцовство». Оно является обязательным показателем «мужской силы», элементом образа «настоящего мужчины» (нормативной, или гегемонной, маскулинности, то есть способа реализации социальной власти, вертикали мужского доминирования) и наиболее вариабельным, проблематичным компонентом мужской гендерной идентичности [Ильиных, 2011; Клецина, 2009; Кон, 2009; Чернова, 2011; Чикалова, 2012]. В качестве одних из структурных оснований традиционной, универсальной маскулинности исследователи выделяют антиженственность, позицию силы и доминирования. При

этом подчеркивают, что следование данным канонам не способствует адекватной адаптации к меняющимся условиям реальности. Целесообразнее рассматривать множественную маскулинность, которая обуславливает множественную отцовскую идентичность в контексте плюральности семей и родительских практик. Так, «традиционное» отцовство трактуется как «отсутствующее», или «патриархальный дефицит», означая минимальное и второстепенное участие мужчин в семейных процессах, повседневной заботе о детях [Клецина, 2009; Рождественская, 2010; Хитрук, 2016]. В процессе развития общества, адаптации к социальным преобразованиям, выработки новых норм и ценностей современные мужчины-семьянины демонстрируют новые паттерны поведения (ответственное, активное, вовлеченное отцовство), в том числе через родительские гражданские инициативы, социальные сети, блогосферу [Чернова, 2018].

Сегодня все больше отечественных исследований свидетельствуют о переменах в восприятии супружеских и родительских ролей, о движении от «традиционализма» к «эгалитаризму». В этом контексте актуализируется научный дискурс баланса семьи и работы, вклада мужчин и женщин в организацию и реализацию домашнего труда [Андреева, Лукьянова, 2019; Бурханова, Праведников, 2016; Егорова, Сизова, 2014 (а); Калабихина, Шайкенова, 2019; Ошергин, Багирова, 2018; Чернова, 2012]; изучаются гендерные установки молодежи в сфере семейно-брачных отношений [Гурко, Мамиконян, 2018; Гурко, 2019; Нечаева, 2018]; подчеркивается растущее многообразие практик в сфере семьи, супружества, родительства, в том числе предполагающее разделение родительских функций, включение отцов в процессы воспитания, общения, ухода [Безрукова, 2013; Гурко, 2008; Жизненные миры современной российской семьи, 2015; Шевченко, 2010; Янак, 2018]. В контексте указанных теоретических подходов и фиксируемых российскими исследованиями изменений закономерными являются вопросы о возможностях воспроизводства и распространения новых практик вовлеченного отцовства, готовности представителей сильного пола заниматься детьми вместе и наравне с женщинами, а также о возникающих сложностях и противоречиях, связанных с восприятием роли современного отца в гендерном разрезе.

В рамках данной статьи мы будем отвечать на эти вопросы, сосредоточив внимание на родительских ролях, взглядах, представлениях, на их распределении среди реальных отцов и потенциальных родителей, на практиках реализации отцовства. Главная наша цель — сфокусировать внимание на гендерных аспектах, касающихся как представлений о разделении родительских функций в семье, так и непосредственных отцовских практик.

Эмпирическая база исследования

Она основана на материалах количественного (анкетирование студентов третьего и четвертого курсов нижегородских вузов, N = 472) и качественного (глубинные интервью с мужчинами, имеющими детей, N = 46) исследований, проведенных в 2017—2019 гг.

В первом случае была квотная выборка с контролем пола респондентов и направления подготовки: опрошены обучающиеся естественных/технических и общественных/гуманитарных специальностей.

Информанты второго исследования — отцы в возрасте от 24 до 57 лет, из них: семь отцов из полных первобрачных семей, девять отцов/отчимов из сводных семей, восемь отцов/отчимов в сожительстве, восемь одиноких отцов, 14 нерезидентных отцов, проживающих на территории Нижегородской области. Для обработки данных использован метод контент-анализа с привлечением программного пакета ЛЕКТА. Объем базового словаря — более 96 000 лексем. В результате выделены 134 семантические цепочки, отражающие различные аспекты отцовской роли. Объясняющая способность модели — 28 %.

Результаты исследования

Традиционность против эгалитарности: разделение зон ответственности в представлениях и практиках

По мнению большинства (83 %) студентов, родительство является обязанностью обоих партнеров, что в целом свидетельствует о расположенности молодых людей к эгалитарной модели родительства. Тем не менее, необходимость разделения родительской ответственности наиболее выражена в представлениях девушек, чем юношей (89 % и 78 % соответственно). Лишь небольшой процент молодых людей полагает, что многое зависит от пола ребенка или что воспитание детей — это в основном материнская обязанность. Юношей, придерживающихся данных позиций, почти в два раза больше, чем девушек (9 % и 5 %, 10 % и 4 % соответственно). Таким образом, представления юношей о родителстве оказываются более традиционными, а представления девушек — более эгалитарными.

Тенденцию к эгалитаризации семейных отношений подтверждает факторный анализ суждений, с разных сторон характеризующих традиционную и эгалитарную модели родительства (табл. 1). Согласно фактору (1), определяющему традиционную модель, мужчина является лидером и основным добытчиком семьи, поэтому его ценность определяется величиной его заработка и успешностью как профессионала. Уход за ребенком и забота о нем — задача матери. Во взаимоотношениях с детьми мужчина соблюдает психологическую дистанцию, не проявляет эмоционального участия. При необходимости он может навязать им свою волю. Согласно фактору (2), определяющему эгалитарную модель, отцовство для мужчины — не менее важная часть жизни, чем материнство для женщины. Они в равной мере ответственны за качество воспитания и развитие ребенка. Мужчина должен разделять с женщиной не только обязанности, связанные с организацией досуга ребенка, но и повседневные хлопоты по уходу за ним. Отцу следует знать, что можно или чего нельзя ожидать от ребенка в его возрасте, что его радует, а что нет. Отец должен оказывать эмоциональную поддержку ребенку и его матери. И та, и другая модели подчеркивают необходимость авторитета отца в семье. Значимость этого суждения для двух, казалось бы, противоположных наборов суждений, с одной стороны, говорит о сохраняющейся патриархальности взглядов, несмотря на заявление молодых о готовности к равенству, с другой стороны, еще раз подтверждает противоречивость представлений студентов о родительских и семейных ролях, гетерохронность, но не хаотичность процесса их трансформации [Нечаева, 2018: 116].

Таблица 1. Факторная модель анализа суждений, касающихся родительства

Суждение	Фактор	
	1	2
Для отца важно знать, что радует ребенка, а что нет	—	,692
Отец должен заниматься совместной деятельностью с ребенком	—	,670
Отец должен оказывать эмоциональную поддержку матери и ребенку	—	,661
Мужчина и женщина в равной мере ответственны за качество воспитания и развития ребенка	—	,645
Отец всегда должен находить время на ребенка, когда ребенку это необходимо	—	,616
Мужчина должен ставить семью на первое место	—	,589
Мужчина должен поступаться своими интересами ради интересов ребенка	—	,560
Степень вовлеченности отца в общение, игру с ребенком должна быть такой же, как у матери	—	,517
Мужчина должен разделять с женщиной обязанности по уходу за ребенком	—	,490
Отцу всегда следует знать, что можно или чего нельзя ожидать от ребенка в его возрасте	—	,449
Отцовство для мужчины — не менее важная часть жизни, чем материнство для женщины	—	,445
Дети должны уважать и слушаться отца независимо от обстоятельств	,418	,402
Мужчина должен быть лидером в семье	,602	—
Отец необязательно должен быть включен в повседневную заботу о ребенке	,593	—
Уход за ребенком и забота о нем — задача женщины, а не мужчины	,573	—
Авторитет отца поддерживается психологической дистанцией между ним и ребенком	,573	—
Отцу не следует открыто проявлять ласку и нежность к ребенку	,571	—
Ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью как профессионала	,453	—
Отцу необходимо навязывать свою волю ребенку	,446	—
Взаимоотношения отца с ребенком осуществляются при посредничестве матери	,434	—
Ответственность матери за материальное благополучие семьи должна быть такой же, как у отца	-,330	—

Примечание. Полученные факторы объясняют 35 % дисперсии. Для оценки качества построенной факторной модели были использованы критерий адекватности выборки КМО ($=0,85$) и критерий Бартлетта ($<0,05$).

Ранжирование факторных значений позволило увидеть гендерный аспект происходящих изменений. Самые высокие показатели по шкале «традиционность» демонстрируют юноши (средний балл — 2,8), а по шкале «эгалитарность» — девушки (средний балл — 2,6). При этом девушки в меньшей степени склонны к традиционной модели родительства (2,2 балла против 2,8 баллов), чем юноши — к эгалитарной (2,4 балла против 2,6 баллов). Можно сделать вывод, что в представлениях молодых людей демократизация семейных отношений происходит разными темпами.

Реальный опыт семейной жизни нередко вносит коррективы в установки на должное или желаемое делегирование функций. В практиках семей опрошенных отцов большинство придерживаются традиционной модели распределения родительских и в целом семейных обязанностей, которая, к тому же, поддерживается в семьях с женой / мамой-домохозяйкой. В то же время сохранение

за мужчиной социальных практик «зарабатывателя», «кормильца», «добытчика», высоких профессиональных и карьерных притязаний вступает в конкуренцию с отцовством. Кроме того, современные мужчины вынуждены приспосабливаться к активной занятости женщин на рынке труда. Функциональная рационализация, а значит, отцовская вовлеченность в семейные процессы, в том числе в воспитание детей, составляют одну из копинг-стратегий матерей, а также траекторию расширения сфер влияния мужчины в приватном пространстве [Егорова, Сизова, 2014 (b); Исупова, 2015; Римашевская, Малышева, Пискалова-Паркер, 2017].

«У нас нет четкого разделения обязанностей. Например, посуду помыть могу и я, и она, приготовить поест может как она, так и я. К слову, готовить Вера не любит, а для меня это любимое занятие. Проснулся утром — сковородку в руки, и все довольные и сытые. Уборкой в основном занимается Вера, но, бывает, прибираюсь и я. Может быть, некоторые скажут, что это все чисто женская работа, но я так не считаю. Уборка, стирка, глажка — все это отнимает столько же сил и времени, как и любая физическая работа» (М., 32 года, воспитывает пасынка в сожительстве).

«Пока мы жили с ними <бывшей женой и детьми>, я мог все делать: и выкупать, и приготавливать, и накормить, и погулять с детьми. Я никогда не боялся домашней работы...» (М., 55 лет, контактирует с дочерьми после развода).

«Получается, когда они <дети> у нас росли, мы всегда делегировали: кто-то готовит кушать... я, например, по воскресеньям готовлю семейные обеды сам» (М., 44 года, воспитывает четверых детей в полной первобрачной семье).

Некоторые мужчины отмечают, что они не прочь сменить место работы, если им будет предложен более гибкий график, чтобы иметь возможность чаще и больше находиться дома, проводить время с ребенком/детьми. Особенно это характерно для отцов из полных семей.

«Могу сказать, что мало очень времени уделяю <ребенку>, так как работаю. Бывает, в выходные гуляем, если погода плохая — дома сидим, занимаемся, в развивающие игры играем. ...Надо увлекаться хорошим хобби, которое бы приносило доход, и ты находился бы дома или в любой момент мог бы вернуться домой. Поэтому, наверное, выбрал бы более удобный график, для того чтобы чаще быть дома...» (М., 30 лет, воспитывает дочь в полной первобрачной семье).

При этом распад семьи объективно и значительно атрофирует подобные стремления, а отцовское монородительство, напротив, пусть и вынужденно, но максимизирует участие мужчины во всех сферах жизнедеятельности семьи.

«В девять вечера возвращаюсь с работы и превращаюсь в жуткую помесь кухонного комбайна, пылесоса и стиральной машины. Пока еще не осознал, что дети выросли и многое уже могли бы делать сами» (М., 40 лет, самостоятельно воспитывает сына и дочь после развода).

«Я предложил разделить обязанности по дому. Теперь в моем ведении — стирка и глажка, а старшая дочь готовит и убирается, теперь в этом ей помогает и младшая... Пришлось учиться, ведь не всегда ей <старшей> удается приготовить ужин, прихожу с работы и готовлю. Бывает, даже в интернете рецептики ищу» (М., 48 лет, вдовец, воспитывает двоих дочерей).

«В выходные хочется отдохнуть после рабочей недели, побыть с сыном, пообщаться, заняться домашними делами. Иногда Сережа уходит погулять с друзьями, я пока что-то чищу, стираю и т.д.» (М., 43 года, самостоятельно воспитывает сына после развода).

Родительские функции: что могут и хотят мужчины?

Согласно материалам обоих исследований, роль отца предполагает широкий набор обязанностей, подразумевающих всестороннее участие мужчины в жизни ребенка на разных этапах его взросления.

Уже состоявшиеся отцы осознают важность и ценность отцовского участия в воспитании детей. Помимо выполнения традиционных, патриархальных ролей кормильца, дисциплинатора, «имиджмейкера» и защитника семьи на публичных площадках, сегодня отцы акцентируют внимание на родительской ответственности, непосредственном вкладе в присмотр и занятия с детьми, на гигиеническом уходе, совместных играх, передаче жизненного опыта, становится значимой практика активной вовлеченности мужчин в сферу родительства [Янак, 2018].

«В основном так получается, что отец — это добытчик, поэтому у него не очень много времени остается, чтобы заниматься семьей. По моему мнению, успешный отец — тот, у кого хватает времени на всё. То есть который может и денег в семью принести, и внести свой вклад в воспитание ребенка, а не спрашивать у жены, почему он у нас такой вырос» (М., 29 лет, воспитывает сына в полной первобрачной семье).

«Надо заводить семью только тогда, когда человек сформировался и в ментальном, и в физическом, и в социальном планах... Когда может адекватно содержать, воспитывать детей. Если человек бегает на трех-четырёх работах, домой приходит никакущий только для того, чтобы купить поесть, то адекватного воспитания детей не будет» (М., 25 лет, имел короткий опыт воспитания ребенка партнерши от предыдущего союза).

«Хороший отец должен воспитать своего ребенка настоящим человеком, с большой буквы Ч... заботиться о нем и делать все, чтобы его ребенок был счастлив. Должен приносить деньги в дом и вкладывать их в развитие ребенка» (М., 32 года, воспитывает пасынка в сожительстве).

«В первую очередь, ребенку с отцом должно быть интересно. Любить — это само собой разумеется» (М., 43 года, дважды разведен, поддерживает отношения с детьми).

«Необходимо знать, когда и в каком количестве нужно и можно давать ребенку свободу, изучить, в какие игры он играет, может ли играть в данном возрасте, с какого возраста может ходить в магазин, как приучить к карманным расходам и т.д. Только недавно

стал задумываться над этим, так как сын растет... Решил заняться саморазвитием, очень хочется быть хорошим папой» (М., 38 лет, самостоятельно воспитывает сына после развода).

Студенты полагают, что отец должен «общаться, разговаривать с ребенком» (средний балл — 4,7), интересоваться его успехами и обсуждать проблемы (4,7), принимать участие в выборе детского сада, школы и кружков, в которые будет ходить его ребенок (4,6), гулять (4,6) и играть с ним (4,5), читать и укладывать спать (4,3), посещать врачей (4,1), учить уроки (4,1) и ходить на родительские собрания (4,0), кормить (4,0), купать (4,0) и пеленать (3,9) его, заниматься с ним домашними делами (3,8) (табл. 2).

Таблица 2. **Обязанности отца, %, средний балл**

Суждение	Несогласие	И да, и нет	Согласие	Средний балл
Общаться, разговаривать с ребенком	1	4	95	4,7
Интересоваться жизнью ребенка (увлечениями, успехами, проблемами)	1	2	97	4,7
Участвовать в обсуждении вопросов и в принятии решений об образовании и развитии ребенка (выбирать детсад, школу, кружки)	0	5	94	4,6
Гулять с ребенком на свежем воздухе	1	6	94	4,6
Играть с ребенком	1	6	93	4,5
Учить ребенка читать	4	11	85	4,3
Укладывать ребенка спать, читать ему сказки	4	11	84	4,3
Посещать врачей с ребенком	6	16	77	4,1
Заниматься с ребенком подготовкой уроков, проверкой домашнего задания	8	15	77	4,1
Ходить на родительские собрания	10	18	72	4,0
Кормить ребенка	9	19	72	4,0
Купать ребенка	9	17	74	4,0
Пеленать, переодевать ребенка	12	21	66	3,9
Заниматься с ребенком домашними делами (уборка, приготовление пищи и т.п.)	16	24	61	3,8

Девушки оказываются более требовательными к родительской роли мужчины, чаще считая, что эти действия должны быть неотъемлемой частью ролевого набора отца. Также стоит отметить, что деятельность, связанная с организацией досуга ребенка на протяжении всего этапа взросления (от его младенчества до окончания им школы), оказывается для юношей более привлекательной, чем рутинная, ежедневная, обеспечивающая постоянный уход за маленькими и подрастающими детьми. Эта работа должна, по всей видимости, все так же оставаться за женщиной.

Гендерный аспект был отмечен и во взглядах студентов на помощь партнерше / супруге в период подготовки к рождению ребенка. Девушки чаще считают, что женщина нуждается в разносторонней поддержке на протяжении всей беременности. Они надеются на проявление терпения и заботы (99 % против 93 %), совместное посещение детских магазинов (68 % против 61 %), семейных групп подготовки к родам (31 % против 20 %). Юноши больше настроены на помощь беременной жене непосредственно во время родов (28 % из них полагают, что важно присутствовать на родах, среди девушек такого мнения придерживаются 11 %) и участие в организации этого процесса, рассматривая для себя в качестве значимой задачи совместное посещение врачей (60 % против 55 %), выбор родильного дома, врача, акушерки (48 % против 39 %).

Еще один важный аспект, связанный с процессом воспитания, касается выстраивания отношений с детьми разного пола.

Большинство студентов считают, что объем внимания, уделяемого ребенку, не должен зависеть от того, мальчик это или девочка. Тем не менее, степень участия мужчины в воспитании дочери и сына несколько различается и характеризуется большей вовлеченностью отца в социализацию мальчика, нежели девочки. Разница выглядит не очень существенной, но является статистически значимой. Например, молодые люди отмечают, что в период младенчества и раннего детства отец должен чаще играть с сыном, купать и пеленать его, затем, в период дошкольного и школьного возрастов, активнее принимать участие в решении вопросов, касающихся образования и развития сына, интересоваться его жизнью и уделять время его увлечениям, ходить с ним в походы и на рыбалку, играть с ним в спортивные игры, общаться с педагогами сына и посещать вместе с ним врачей, покупать ему продукты и одежду.

Анализ нормативной модели современного отцовства в представлениях студентов предполагал изучение вопроса о распределении родительских обязанностей в семьях опрошенных. Основные функции по уходу и воспитанию выполняла мать (средний балл — 9,0), чуть реже эти задачи решались совместными усилиями матери и отца (средний балл — 8,7). При этом матери вели себя более активно по отношению к дочери, а по отношению к сыну оба родителя были включены в процесс воспитания. Отцы чаще вовлекались в воспитание сына, нежели дочери (табл. 3).

Таблица 3. Реализация родительских функций в семьях опрошенных студентов, средний балл

Член семьи	Респондент	Средний балл	
Мать	Юноши	9,0	7,9
	Девушки		10,2
Отец	Юноши	2,1	2,4
	Девушки		1,7
Мать и отец в равной мере	Юноши	8,7	9,4
	Девушки		7,9

Примечание. Разница статистически значима с использованием U-критерия Манна—Уитни для независимых выборок при $p < 0,05$.

В зоне компетентности матери находились исключительно повседневные обязанности по уходу за ребенком и по его воспитанию, например уход за маленькими детьми, поход к врачам, посещение родительских собраний. Совместными усилиями принимались решения об образовании и развитии ребенка, организовывался его досуг. Оба родителя интересовались успехами и проблемами своего ребенка, материально обеспечивали семью. В зону компетентности отца в основном включались обязанности, связанные с организацией досуга ребенка. Таким образом, детальное изучение функций, выполняемых основными субъектами воспитания в семьях студентов, позволяет проследить преемственность во взглядах молодых людей.

В реальных практиках отцов эта разница становится и более существенной, и более объяснимой. Так, в отношении сыновей подчеркивается необходимость выстраивания доверительных, дружеских отношений, но с компонентами научения, строгости. Подспудно мужчины считают, что смогут самореализоваться и самоидентифицироваться в роли отца, прежде всего, в процессе воспитания сына, поскольку стремятся к самопроекции в нем, хотят быть для него примером, прививать «мужские» умения и интересы, общаться «на равных». Такие отцы сознательно ставят себя на второстепенные позиции в отношении дочерей, вменяя заботу о них матерям.

«Отец важен в семье, особенно для мальчика... Быть примером для него, научить его быть мужчиной, защищать и уважать женщин. А так как у меня девочка, то... В основном бывшая жена занималась воспитанием и больше времени проводила с дочкой» (М., 41 год, редко общается с дочерью после развода).

«В целом, она <жена> пытается навязать мне это <уход за детьми>, но поскольку это девочки, я считаю, что ими должна заниматься непосредственно мама, так как в них надо развивать женственность... Я мужчина, мне тяжело просто это, во-первых. Во-вторых, в них должно быть все-таки стеснение перед мужским полом. То есть помыться, причесаться и прочее — это должно быть на маме» (М., 34 года, воспитывает двоих дочерей в полной первобрачной семье).

«Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я для него становился отцом, а он для меня — сыном. Когда мы созванивались, он рассказывал мне о прошедшем дне, своих успехах и неудачах. Я помогал ему решить «мальчишковые» вопросы и поддерживал его всячески <до того, как начали жить все вместе>. Сейчас за его успеваемостью в школе слежу я, мне нравится делать с ним уроки, часто возжу в кино, на мультики, ходим в парк аттракционов... Иногда любим просто посидеть дома, поиграть в игры на приставке. ...Паша — достаточно самостоятельный ребенок, он редко обращается с какими-то проблемами. Если проблемы есть, в первую очередь он идет ко мне. Я в свою очередь, делаю все возможное для того, чтобы их решить» (М., 32 года, воспитывает пасынка в сожительстве).

«Мальчики — это всегда трудности, но так как я тоже мужчина, все могу объяснить и понять» (М., 47 лет, самостоятельно воспитывает двоих сыновей после развода).

«У меня два сына. Элементарно, я его <младшего> забираю, везу на участок, начинаю его приобщать к бензо-, электроинструменту. Мы выезжаем в поле, я его сажаю за руль, ему безумно нравится включать дворники, поворотники... Он счастлив, больше ему ничего не надо... Если мальчик, отец должен обязательно обучать его всему... В первом браке тоже мальчик, с которым не дают общаться. Ему 7 лет... жду, когда вырастет. Очень большая вероятность, что, когда дети, мальчишки особенно, вырастают, они ищут своих отцов. Я надеюсь, что так будет» (М., 33 года, воспитывает сына в повторном браке, не общается с ребенком от предыдущего союза).

В целом мужчинам легче адаптироваться к родительской роли во взаимодействии с мальчиками-сыновьями, понятнее, как выстраивать свое поведение с ними.

«С сыном проще... Парень есть парень. Общих интересов-то много: и с железом поковыряться, и спорт, и что-то другое еще. Папа умеет? Умеет. Папа научит? Научит» (М., 43 года, дважды разведен, поддерживает отношения с детьми от прошлых браков).

Отцы с осторожностью, трепетом отзываются о дочерях, считая, что в общении с ними больше сложных нюансов, к ним требуется более внимательный, гибкий и мягкий подход. Причем категоричнее о роли отца в воспитании дочерей отзываются мужчины, не имеющие родительского опыта в отношении девочек.

«Дочь, наверное, с одной стороны, более закрыта от отца... хотя, с другой... Многие отцы в итоге дочерей любят больше... нет, неправильно... Больше за них переживают, наверное... Стараются быть мягче в общении, но принципиальнее в воспитании, методах. Просто не представляю, как орать на дочь» (М., 38 лет, воспитывает сына в сожительстве).

«Я очень строгий... И... мне очень сложно было, когда у нас появилась доча, перестраиваться после трех пацанов... Это армия: «Смирно!», «Вольно!», «Разойдись!» А девочка — это другое. Поэтому на первых порах мне супруга даже кидала психологические статьи, ссылки о том, как любить дочу, как с ней нужно разговаривать...» (М., 44 года, воспитывает четверых детей в полной первобрачной семье).

По сути, отцы идентифицируют дочерей не просто с женскими, но и с материнскими образами, олицетворяющими заботу, любовь, домашний очаг.

«Второго <ребенка> я не хотел, жена настаивала... Но я не пожалел! Тем более сын. Я с самого начала сына хотел... Девчонка, конечно, тоже хорошо... они все равно более заботливые...» (М., 36 лет, воспитывает сына и дочь в полной первобрачной семье).

«Из сына надо делать мужика, не тряпку. А девочка — лапочка... Мальчишки — они, знаете, вылетели из родительского гнезда, и не факт, что они еще позвонят, а девочки всегда возвращаются, тянутся к родителям, домой. Поэтому девочку обязательно надо» (М., 33 года, воспитывает сына в повторном браке, общается с ребенком от предыдущего союза).

Однако некоторые отцы все же выбирают гендерно нейтральный стиль воспитания, который проявляется, в частности, в развитии у сыновей различных бытовых навыков, традиционно присущих для женщин.

«Честно скажу, я очень хорошо воспитал своих сыновей. Каждый из моих сыновей — находка для любой девушки. Они умеют готовить, гладить, стирать... То, чего современная девушка, вероятно, по большей части делать не может» (М., 44 года, воспитывает четверых детей в полной первобрачной семье).

Выводы и дискуссия

Результаты проведенных исследований показывают, что движение к эгалитаризации в сфере родительства становится все более заметным как на уровне представлений, так и в реальных практиках семей. Но процесс этот сложен, противоречив и неравномерен.

Более образованная часть молодежи, студенчество, в целом ориентирована на распределение обязанностей и ответственности родительских функций, но с определенными оговорками. В результате в рамках анализируемых исследований мы пока наблюдаем, скорее, постепенное включение мужчин в родительство, нежели осознанную готовность к равенству в этой сфере. Безусловно, функции родительства, задачи взрослого по отношению к ребенку сегодня разнообразны. И это разнообразие, создавая возможность и необходимость распределения обязанностей через вовлечение мужчины, не стирает гендерное неравенство. «Мужское» и «женское» восприятие родительства, отцовства четко прослеживается и в представлениях студентов, и в отцовских практиках. Включаясь в жизнь детей, мужчины выбирают определенные роли, связанные, например, с проведением свободного времени, формированием хобби, избегая не очень интересных, рутинных, а, значит и менее престижных для них видов деятельности по уходу и воспитанию. Как отцы, они гораздо смелее и увереннее чувствуют себя в качестве наставника и друга более понятных им сыновей, возлагая на женский пол ответственность за воспитание девочек. Последнее еще раз подчеркивает никуда пока не исчезающие гендерные аспекты социализации, которые ориентированы на воспроизводство по сути традиционных/ патриархатных взглядов на воспитание и гендерные роли, в том числе в сфере семьи и родительства.

В то же время стоит еще раз обратить внимание на выявленное разнообразие отцовских практик. Несмотря на доминирование традиционной модели родительства и отцовства, возникают и реализуются новые, альтернативные варианты, предполагающие не только вовлечение, но и равенство, а иногда и полную ответственность отца за воспитание ребенка, уход за ним.

Появляющиеся и распространяющиеся новые практики родительства и отцовства все сложнее рассматривать через призму кризисной концепции развития семьи — только как дисфункции/девиации семьи. Становится очевидным, что иная, альтернативная традиционной, гендерная модель возможна, в том числе в российских реалиях. Она фиксируется как в представлениях людей, в данном случае наиболее образованной социальной группы — студентов, так и в практиках

самих отцов. Тем не менее, возвращаясь к основам функционального, а затем и системного подходов, пока до конца не ясно, насколько различные модели могут быть успешны с точки зрения стабильности семьи как микросистемы и функциональны как системы частного порядка [Парсонс, 2002: 92—97], другими словами, какие факторы, причины, условия индивидуального и социального характера способны поддержать/разрушить существующие и формирующиеся модели родительства/отцовства. На эти вопросы еще предстоит ответить.

Список литературы (References)

Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Между работой, детьми и торговым центром: баланс жизни и труда в семьях молодых российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 122—141. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08>.

Andreeva J. V., Lukyanova E. L. (2019) Between Work, Children and Shopping Center: Work-Life Balance in the Families of Young Russian Workers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 122—141. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08>. (In Russ.)

Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апр. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273> (дата обращения: 3.04.2020).

Antonov A. I. (2014) The Institutional Crisis of the Family and Family and Demographic Structures in the Context of Social Change and Social Inequality. *Family and Demographic Studies (electronic journal)*. Apr. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273> (accessed: 3.04.2020). (In Russ.)

Антонов А. И. О стратегии и тактике семейно-демографической политики в связи с институциональным кризисом семейных функций и людских ресурсов // Семья в современном обществе / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2018. С. 15—20.

Antonov A. I. (2018) On the Strategy and Tactics of Family-Demographic Policy Regarding Institutional Crisis of Family Functions and Human Resources. In: Riazantsev S. V., Rostovskay T. K. (eds.) *Family in Modern Society*. Moscow: Eco-Inform. P. 15—20. (In Russ.)

Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.

Bezrukova O. N. (2013) Fatherhood in Transforming Society: Mothers' Expectations and Fathers' Practices. *Sociological Studies*. No. 11. P. 118—130. (In Russ.)

Бурханова Ф. Б., Праведников А. В. Влияние темпоральных характеристик трудовой занятости на баланс семьи и работы // Вестник ВЭГУ. 2016. № 2 (82). С. 51—60.

Burkhanova F. B., Pravednikov A. V. (2016) Influence of Temporal Characteristics of Employment on Family and Work Balance. *Vestnik VEGU*. No. 2 (82). P. 51—60. (In Russ.)

Вишневецкий А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7. С. 8—13.

Vishnevskij A. G. (2008) Evolution of the Russian Family. *Ecology and Life*. No. 7. P. 8—13. (In Russ.)

Воронина О. А. Традиционные философские, социологические и психологические теории пола // Социология гендерных отношений: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. З. Х. Саралиевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 8—31.

Voronina O. A. (2004) Traditional Philosophical, Sociological and Psychological Theories of Gender. In: Saraliev Z. H. (ed.) *Sociology of Gender Relations: Textbook for Students of Higher Educational Institutions*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (RUSSPE). P. 8—31. (In Russ.)

Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82—90. Golod S. I. (2008) Procreation, Plural Erotic Landscape: History and Modern State. *Sociological Studies*. No. 12. P. 82—90. (In Russ.)

Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М. : Институт социологии РАН, 2008. Gurko T. A. (2008) *Marriage and Parenthood in Russia*. Moscow: Institute of Sociology of RAS. (In Russ.)

Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2. С. 65—80.

Gurko T. (2019) Student's Attitudes to Parenthood and the Social Roles of Men and Women. *Sociological Science and Social Practice*. No. 2. P. 65—80. (In Russ.)

Гурко Т. А., Мамиконян М. С. Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 192—226. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.547>.

Gurko T. A., Mamikonyan M. S. (2018) Students' Attitudes when It Comes to Marriage, Family and Relationships between Genders. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 27. P. 192—226. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.547>. (In Russ.)

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014а. № 4. С. 97—102.

Egorova N. Y., Sizova I. L. (2014) Has Russian Family Chance to Become a Supportive One? *Sociological Studies*. No. 4. P. 97—102. (In Russ.)

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. 2014б. Т. 16. № 1—2. С. 204—212.

Egorova N. Y., Sizova I. L. (2014) Distribution of Work and Responsibilities in Modern Families. *Personality. Culture. Society*. Vol. 16. No. 1—2. P. 204—212. (In Russ.)

Ильиных С. А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 101—109.

Ilinykh S. A. (2011) Multiple Masculinity. *Sociological Studies*. No. 7. P. 101—109. (In Russ.)

Исупова О. Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185—194.

Isupova O. G. (2015) Mothers Career: Children and Employment Strategies. *Sociological Studies*. No. 10. P. 185—194. (In Russ.)

Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>.

Kalabikhina I. Y., Shaikenova Z. K. (2019) Time Spent on Household Work: the Determinants of Gender Inequality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>. (In Russ.)

Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) формы семьи: формы и содержание // Рубеж. 1994. № 5. С. 166—179.

Kletsin A. A. (1994) Non-Marital and Alternative (Non-Modal) Families: Forms and Content. *Rubezh*. No. 5. P. 166—179. (In Russ.)

Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.

Kletsina I. S. (2009) Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 29—41. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009.

Kon I. S. (2009) Man in the Changing World. Moscow: Vremya Publ. (In Russ.)

Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / под ред. И. И. Елисейевой. СПб. : Реноме, 2018. С. 114—141. Nechaeva N. A. (2018) Representations of Students Youth about Gender and Family Marriage Relations. In: Eliseeva I. I. (ed.) *New Importance of Family and Intergenerational Relations for Russia and China*. St. Petersburg: Renome. P. 114—141. (In Russ.)

Ошергин М. Н., Багирова А. П. Отцовский родительский труд: факторы актуализации исследований // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15—16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 302—304. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.517>.

Oshergin M. N., Bagirova A. P. (2018) Father's Parental Labour: Factors of Actualization of Research. In: Vishnevsky Y. R. (ed.) *XI Urals Sociological Readings. Social Space and Time of the Region: Problems of Sustainable Development: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 15—16, 2018)*. Ekaterinburg: University of Humanities. P. 302—304. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.517>. (In Russ.)

Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек, общество, управление. 2006. № 2. С. 95—103.

Parsons T. (2006) American Family: Its Relationship to Personality and to the Social Structure. *Man, Society, Management*. No. 2. P. 95—103. (In Russ.)

Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002.

Parsons T. (2002) About Social System. In: Chesnokova V. F., Belanovski S. A. (eds.) Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Римашевская Н. М., Малышева М. М., Писклакова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28—41.

Rimashevskaya N. M., Malysheva M. M., Pisklakova-Parker M. P. (2017) Balancing Fathers: Matching Professional and Family Roles as a Cornerstone of Society's Sustainability. *Narodonaselenie (Population)*. No. 2. P. 28—41. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75—89.

Rozdestvenskaya E. Y. (2010) Fatherhood: a Liberal Trend from «Father» to «Daddy»? *Sociological Journal*. No. 3. P. 75—89. (In Russ.)

Саралиева З. Х., Блонин В. А., Егорова Н. Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2015.

Saraliev S. H. Blonin V. A., Egorova N. Yu. et al. (2015) Life Worlds of the Modern Russian Family. Nizhny Novgorod: Lobachevsky University. (In Russ.)

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

Sinelnikov A. B. (2018) Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>. (In Russ.)

Хитрук Е. Б. Визуализация «отцовской революции» в контексте смены философских парадигм // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 2 (8). С. 97—107.

Khitruk E. B. (2016) Visualization of «Father's Revolution» In the Context of a Change of Philosophical Paradigms. *Praxema. Problems of Visual Semiotics*. No. 2 (8). P. 97—107. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295—308.

Chernova Z. V. (2012) Balance of Family and Work: the Policy and Individual Mother's Strategies. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 295—308. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2011. № 4 (24). С. 81—86.

Chernova Z. V. (2011) Fatherhood and Family Policy Models. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*. No. 4 (24). P. 81—86. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. № 15. С. 6—23. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.1>.

Chernova Z. V. (2018) Representation of Fatherhood: Blogs' Sociological Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 15. P. 6—23. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.1>. (In Russ.)

Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 43—53.

Chikalova E. A. (2012) Studies of Fatherhood and Masculinity: Points of Intersection. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 43—53. (In Russ.)

Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории / Европейский гуманитарный университет: центр гендерных исследований. Минск : ПРОПИЛЕИ, 2000. С. 29—76.

Chodorow N. (2000) The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender (Part III. Sexual Identification and Reproduction of Mothering). In: *Anthology of Gender Theory / European Humanities University: Center of Gender Studies*. Minsk: PROPILES. P. 29—76. (In Russ.)

Шевченко И. О. Институт отцовства: состояние, тенденции, проблемы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 3. С. 278—286.

Shevchenko I. O. (2010) The Institution of Fatherhood: Condition, Trends, Problems. *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Art Studies*. No. 3. P. 278—286. (In Russ.)

Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2018. № 2 (50). С. 124—131.

Yanak A. L. (2018) Father's Involvement in Different Types of Families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*. No. 2 (50). P. 124—131. (In Russ.)

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.679

Правильная ссылка на статью:

Пяткова Е. С., Савинская О. Б. Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>.

For citation:

Pyatkova E. S., Savinskaya O. B. (2020) Normative perceptions of misandry among two generations of women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>.

Е. С. Пяткова, О. Б. Савинская НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИЗАНДРИИ У ЖЕНЩИН ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИЗАНДРИИ У ЖЕНЩИН ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

ПЯТКОВА Елена Сергеевна — бакалавр факультета социальных наук, студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: espyatkova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2783-2846>

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osavinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3858-6644>

NORMATIVE PERCEPTIONS OF MISAN- DRY AMONG TWO GENERATIONS OF WOMEN

*Elena S. PYATKOVA*¹ — Bachelor (Soc.), Graduate, Faculty of Social Sciences; Master's Program 'Applied Methods of Social Analysis of Markets', Faculty of Social Sciences
E-MAIL: espyatkova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2783-2846>

*Olga B. SAVINSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: osavinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3858-6644>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена мизандрии, который характеризуется проявлением негативных установок по отношению к нормативным стандартам мужественности мужчин со стороны женщин. Формирование нового понимания женственности и мужественности, расширение нормативных границ гендерных идентичностей приводят к возникновению нового концепта мизандрии. Он фиксирует перенесение на мужчин некоторых характеристик гегемонной маскулинности, признаваемых в традиционной культуре как негативные, но нормативно допустимые, и закрепляет такие характеристики в гендерных стереотипах современного общества. Эти стереотипы становятся основанием для дискриминации и подавления мужчин, а также для переопределения представлений женщин о нормативной мужественности. В теоретической части статьи описано общее представление о феномене мизандрии и его месте в обществе, рассмотрены исследования, касающиеся сексизма в отношении мужчин и мизандристских установок.

Эмпирическая база исследования — интервью и онлайн-опрос женщин двух поколений в возрасте от 18 до 55 лет. В исследовании использована стратегия смешивания методов, которая включала последовательно качественный (сбор глубинных интервью) и количественный (онлайн-опрос) этапы. Операционализирован и детально описан феномен мизандрии, в частности, выявлены и охарактеризованы его четыре основных компонента. В рамках количественного этапа разработана шкала мизандрии, которая позволила оценить ее уровень проявления

Abstract. The article explores the phenomenon of misandry characterized by female negative settings towards normative standards of masculinity. Misandry is due to new perceptions of femininity and masculinity and the expansion of normative boundaries of gender identities. The concept implies that certain features of hegemonic masculinity, commonly perceived as negative but normatively acceptable, are attributed to men and firmly establishes these characteristics in the gender stereotypes of the modern society. These stereotypes have become discriminatory and oppressive towards men and constitute grounds for redefinition of female perceptions of normative masculinity. The theoretical framework of the study contains a general description of misandry and its place within society and presents the works highlighting sexism towards men and misandry attitudes.

Interviews and online survey conducted among women aged 18-55 representing two generations makes up the empirical basis of the study. The authors use mixed methods combining qualitative (in-depth interview) and quantitative (online survey) techniques. The misandry phenomenon is operationalized and described in detail; a particular attention is paid to its four key components. The authors developed a misandry scale which helped to assess how the phenomenon is manifested in the two generations as well as to reveal the relationships to socio-demographic characteristics.

у двух поколений и связь с социально-демографическими характеристиками.

Ключевые слова: мизандрия, гендерные стереотипы, гиноцентризм, маскулинность, сексизм, стратегии смешивания методов

Keywords: misandry, gender stereotypes, gynocentrism, masculinity, sexism, mixed methods research

Введение

Несмотря на постепенные изменения, культура современных обществ остается патриархатной¹, неся элементы традиционных культур и задавая определенные нормативные образцы женственности и мужественности [hooks, 2005]. Вместе с позитивными сторонами гендерных составляющих идентичности человека сегодняшние нормы и образцы поведения, базирующиеся на традиционных представлениях о мужественности и женственности, все больше подвергаются рефлексии и критике (см., например: [Connell, 2001, 2005], [Кон, 2008, 2009], [Kimmel, 2001]). Фокусами такой критики становятся сексуальная объективация, насилие в отношении женщин, дискриминация по признаку пола на основе традиционной гендерной нормативности социальных ролей, сексуальной ориентации и т. д. Подобные допустимые образцы поведения, прорастающие из традиционных обществ, детерминированы разными механизмами контроля и доминирования мужчин над женщинами, так же как механизмами контроля поддержания в обществе гегемонной маскулинности [hooks, 2005].

Рефлексивный анализ и критика гендеризованных норм и образцов, как в социологической полемике, так и в СМИ и социальных сетях в последние десятилетия приводят к формированию нового понимания женственности и мужественности, расширению нормативных границ гендерной идентичности обоих полов. Исходя из этого, формируется и более ясное понимание мизандрии, которая иногда называется «обратный» или «второй» сексизм² [Benatar, 2012] и определяется как социальный феномен принижения или дискриминации статуса мужчин, проявляющийся в установках женщин на противоположный пол и соответствующим им поведению. Мизандрия основана на перенесении негативных, но общественно допустимых характеристик «гегемонной мужественности» [Connell, 2005; hooks, 2005] на мужчин как социальную группу, а также на закреплении этих характеристик в реформирующихся гендерных стереотипах. Такие стереотипы начинают приобретать все более заметный характер, подавляя мужчин и переопределяя их собственные представления о мужской гендерной идентичности, как и представления женщин о нормативной маскулинности [Nathanson, Young, 2001, 2006, 2010], усиливая разобщенность во взглядах между мужчинами и женщинами и снижая их солидарность в обществе.

¹ «Патриархат — это политико-социальная система, которая утверждает, что мужчинам свойственно доминировать, демонстрируя и добиваясь своего превосходства перед всеми слабыми социальными группами, в частности перед женщинами, и наделяя себя правом доминировать и управлять слабыми, поддерживать доминирование через разные формы психологического терроризма и насилия» [hooks, 2005].

² Вслед за рядом авторов, чьи работы процитированы далее, в следующем пункте по обзору теоретических подходов мы определяем мизандрию как одно из проявлений дискриминации в отношении мужчин или (обратного) сексизма.

Появляющиеся научные дискуссии об изменяющихся установках в отношении мужчин, о нормативной маскулинности и возникающих на этой основе дискриминационных практиках в отношении мужчин рождают потребность в концептуализации мизандрии (*misandry*), ее эмпирических границ, а также в разработке методики ее измерения. Как можно определить мизандрию в современном понимании? Каким образом можно измерить на практике негативные стереотипные представления о мужчинах и нормативной мужественности? Насколько распространены эти стереотипы? Меняются ли они от поколения к поколению в контексте того, что сегодняшнее российское общество делает медленные, но поступательные шаги от традиционализма к современности? Такие исследовательские вопросы остаются неизученными в социальных науках и потому стали мотивационной основой для данного исследования.

Гендерные исследования маскулинности

Исследования мужского и маскулинности начали набирать обороты с конца 1980-х гг. [Кон, 2008]. Акцент был сделан на изучении *гегемонной маскулинности* и ее вариативности в зависимости от социального контекста, культуры общества и позиций разных групп мужчин в социальной структуре [Connell, 2001; Мещеркина, 2002], что сейчас принято относить к интерсекциональной репрезентации маскулинности [Здравомыслова, Темкина, 2018: 53, 54].

Одним из первых начал исследовать маскулинность австралийский социолог Р. В. Коннелл [Connell, 1987]. Он предложил новый структурно-конструктивистский подход к изучению гендера и гендерных отношений и ввел понятие «гендерная система» [Тартаковская, 2007]. По мнению Коннелла, чтобы построить модель гендерной системы, необходимо проследить гендерные различия в ключевых сферах общества. Так, он выделяет четыре самостоятельных и равнозначных аспекта измерения гендерных отношений: «...отношения власти; производственные отношения (разделение труда); катексис (эмоциональные отношения); символические репрезентации» [там же]. Анализируя отношения власти, Коннелл указывает, что структурную основу гендера составляет механизм установления властных отношений через конструирование гегемонной маскулинности. Вместе с тем он утверждает, что в современном мире вариативность проявления маскулинности увеличивается, и выделяет четыре модели, которые проявляются сегодня в западном обществе: *гегемонная маскулинность* (особая конфигурация гендерных практик, гарантирующая доминирующее положение мужчин в обществе и подчинение женщин); *подчинение* (представление общей структуры гендерных отношений в рамках модели подчинения и доминирования между мужчинами); *соучастие* (модель поведения мужчин, не соответствующих нормативным стандартам гегемонной маскулинности); *маргинализация* (модели взаимодействия гендера с другими структурными единицами, как класс и раса) [Connell, 2005].

М. Киммел, описывая гендерное общество, дает объяснение тому, как конструируется мужественность у американцев. Он считает, что основной чертой американской мужественности является боязнь других мужчин, то есть гомофобия. Данное явление заключается не в боязни гомосексуалистов, а в страхе потерять мужественность в глазах других мужчин, быть осмеянным или униженным отно-

сительно своего поведения. Попытки сохранения мужественности могут привести к насилию над женщинами [Kimmel, 2001: 266—287]. В противоположность этому исследованию Д. Гилмор не прибегает к использованию понятия «гегемонная маскулинность», однако в исследовании задается вопросом: «В самом ли деле всюду мужчины похожи в своей озабоченности тем, чтобы быть мужчинами?» [Гилмор, 2005]. Для ответа на этот вопрос он анализирует культурные конструкты и стереотипы развивающихся обществ и обнаруживает, что для большинства таких народов основными характеристиками мужественности являются не столько стремление к мужским достижениям и самоутверждение, сколько защита семьи, щедрость и жертвенность. Его исследования подтверждают гипотезу о том, что маскулинность выступает социальным конструктом, существенно различающимся в разных культурах.

Представления о маскулинной нормативности неодинаковы и в разных социальных стратах. Е. Ю. Мещеркина выявила различия в репрезентации и восприятии мужественности у среднего и рабочего классов [Мещеркина, 2002: 268—287]. Так, представители среднего класса основным предназначением мужчины видят заботу о семье и своих близких, принятие ответственности за них. Представители же рабочего класса, наоборот, больше склонны к рассуждениям о мужественности в индивидуальном ключе. Мужским предназначением они видят нахождение способа выживания в трудных социальных ситуациях. Им более свойственны сексистские установки: маскулинная уверенность у представителей рабочего класса выражена в большей степени. Позднее, соединяя измерения класса и поколения, А. В. Ваньке и И. Н. Тартаковская сравнили представления о маскулинности в нарративах рабочих трех исторических периодов: позднесоветского, перестроечного и современного. Изучая конкурирующую гегемонную маскулинность предпринимателя, они переосмыслиют значимость труда у рабочих, ее обсуждение в публичной и приватной сферах [Ваньке, Тартаковская, 2016]. С. Ушакин также затрагивает тему восприятия мужчины в современном обществе и развивает свою концепцию «видимости мужественности», которая основывается на двух аспектах мужской идентичности: мужественность как инсценированное явление, которое предполагает наличие некоторого зрителя; мужественность как символ или даже иллюзия [Ушакин, 2002: 479—503].

Представления о гендерных ролях меняются с течением времени. Так, существуют исследования, дебатирующие сдвиг гендерных ролей и повышение независимости женщин за последние 50 лет, порождение новых стратификационных рамок, а вместе с этим — новых общественных логик установления и оправдания социального порядка. Появляются новые образы мужественности, например образ метросексуала, который вынужден постоянно следить за своей внешностью, принимая новые стандарты «настоящего» мужчины, транслируемого СМИ, в частности мужскими журналами [там же].

Мужчина всегда находился в иерархических и соревновательных отношениях с другими мужчинами, однако сегодня ему приходится не в меньшей степени конкурировать и с женщинами. В образовании, политике, на рабочих местах и даже в семейно-брачных отношениях женщины все больше обретают равные права с мужчинами, вместе с этим происходит расширение нормативных рамок и цен-

ностей, у женщин появляется открытая агрессия в отношении мужчин [Кон, 2009]. Главенствующая роль мужчины начинает подвергаться сомнению. В связи с этим мужчины все больше чувствуют себя ущемленными из-за повышения конкуренции за лучшие рабочие места и возникающей социальной нормы участия в домашних делах [Зальцман, Мататиа, О'Райли, 2008]. Угнетение мужчин проявляется не только в осмыслении и проблематизации их главенствующих позиций в обществе, но и в культурных аспектах маскулинных образов. Мужчины представляются в негативном свете, с ними связывают агрессию, домогательства, преступления, принижают их социальную роль относительно их функций, как на работе, так и в семье. Эти процессы приводят к появлению такого относительно нового феномена, как мизандрия, основанного на переоценке вполне традиционных характеристик мужественности.

Теоретические и эмпирические исследования мизандрии

Довольно часто можно услышать о существовании сексизма в отношении женщин, однако появляется и альтернативное мнение: сегодня сексистские установки формируются и в отношении мужчин, что обозначается понятием мизандрии. Так, Д. Бенатар утверждает, что мужчины на сегодняшний день испытывают серьезную половую дискриминацию, и это постепенно становится проблемой современного общества [Benatar, 2012]. По мнению Бенатара, мужчины подвергаются насилию, как со стороны мужчин в ходе преступлений или в сексуальной сфере, так и со стороны женщин в результате домашнего насилия; в то же время, такое насилие рассматривается не настолько категорично, как если бы оно было совершено над женщинами. Отцы традиционно воспринимаются в качестве источника материального обеспечения детей, нежели исполнителей отцовской функции воспитания. В итоге по сравнению с матерями отцы реже могут получить право на опеку над своими детьми при разводе. Эти факты говорят о существовании дискриминации в отношении мужского пола, которая чаще всего проявляется имплицитно и не воспринимается в обществе как проблема.

Одними из первых начали изучать феномен мизандрии П. Натансон и К. К. Янг [Nathanson, Young, 2001, 2006, 2010]. Они концептуализируют использование понятия мизандрия как «коллективно и культурно распространенное мировоззрение, а не личную эмоцию, такую как неприязнь или гнев» [Nathanson, Young, 2006: 10]. Эти ученые говорят о мизандрии, или «обратном» сексизме, как о феномене, который довольно быстро распространяется в современной культуре, принимая статус «мейнстрима». Согласно этим авторам, ранее не существовало ни одного систематического исследования мизандрии, поэтому основной целью их исследования было собрать доказательства и продемонстрировать распространенность мизандрии в современной культуре, которая стала восприниматься как само собой разумеющийся, не привлекающий к себе внимание феномен.

Во второй части своей трилогии названные авторы рассматривают проявление данного феномена в правовой сфере [Nathanson, Young, 2006]. По их мнению, современное общество после появления феминистских дебатов в большей степени готово обсуждать специфические потребности и проблемы женщин, поэтому оно постепенно становится гиноцентричным, в то время как особые мужские

потребности, находящиеся вне представлений о гегемонной маскулинности, все еще обсуждаются мало.

Натансон и Янг [Nathanson, Young, 2010] также говорят о том, что основным источником возникновения мизандрии является одна из форм феминизма — «идеологический феминизм», которая оказала большое влияние непосредственно на современную культуру. Они выделяют восемь признаков данной формы феминизма: 1) эссенциализм (акцентирование внимания на уникальных качествах женщин); 2) иерархия (утверждение превосходства женщин над мужчинами); 3) коллективизм (преуменьшение прав отдельных мужчин по сравнению с целями женщин); 4) утопизм (стремление к установке идеального социального порядка в истории); 5) селективный цинизм (присвоение вины и направление подозрений на мужчин); 6) революционизм (принятие новых политических программ); 7) консеквенциализм (разработка убеждений, которые «оправдывают средства»); 8) квазирелигиозность (создание основ светской религии) [Nathanson, Young, 2010]. Подытоживая, авторы утверждают, что мизандрия и мизогиния, как укорененные феномены в обществе, являются серьезными проблемами, которые необходимо искоренять, так как они «подрывают человеческую солидарность морально, социально и политически» [ibidem].

Развивая работы этих авторов, признаки проявления мизандрии описывает Дж. Спритцлер:

- когда речь идет об изнасиловании, мужчина всегда ассоциируется с преступником, а женщина — с жертвой;
- домашнее насилие также отождествляется с моделью «мужчина — насильник, женщина — жертва»;
- разрыв в размерах заработной платы мужчин и женщин порождает конфликт между представителями обоих полов;
- происходит трансформация восприятия роли отца как эмоционального субъекта, участвующего в роли воспитателя детей, однако нормативное представление закрепляет образ отца как источника материального дохода [Spritzler, 2013].

П. Малми [Malmi, 2009], выявляя формы дискриминации в отношении мужчин в Финляндии, разработал серию связанных миметических высказываний, которые отражают стереотипы в отношении мужчин — мизогинистские или же мизандристские. Они основаны на феминистских теориях и эмпирических наблюдениях (табл. 1). Эти нормативные суждения могут стать основой для изучения мизандрии как нормативных представлений, детерминирующих дискриминационное отношение к мужчинам.

Развивая концептуальные разработки понимания феномена мизандрии как культурного явления и как совокупности нормативных представлений, предопределяющих дискриминационное отношение к мужчинам, мы считаем важным сделать следующий шаг и изучить мизандрию эмпирически, сформировав специальную шкалу «мизандристских установок» среди женщин³.

³ Согласно уже имеющемуся международному опыту изучения мизогинии [Захарова, Савинская, 2017] — феномена, противоположного мизандрии, исследуется установка в отношении противоположного пола. Если изучается установка в отношении своего же пола, то этот феномен называется «внутренняя мизогиния» или же «внутренняя мизандрия». Именно поэтому в рамках эмпирического исследования были опрошены только женщины.

Таблица 1. Меметический дрейфт от мизогинии к мизандрии в сексистских стереотипах о мужчинах и женщинах*

Мизогинистские стереотипы о мужчинах	Нейтральные стереотипы	Мизандристские стереотипы о мужчинах
Мужчины умственно и физически сильнее женщин	Мужчины сильнее женщин	Мужчины в большей степени представляют угрозу для женщин, отсутствие самодисциплины у мужчин показывает, что женщины более умны
Мужчины более рациональны, духовны и менее движимы своей природой и плотью, чем женщины (которые склонны к неверности)	Мужчины имеют равные с женщинами или более сильные сексуальные наклонности, чем у женщин	Мужчины — это гиперсексуальный, или «сексуальный сумасшедший» пол, что делает их склонными к аморальному поведению, например, к сексуальной неверности и изнасилованиям (хотя это не относится к джентльменам)
Мужчины имеют более высокую самодисциплину и более моральны, чем женщины	Мораль и самодисциплина не являются вопросами пола	Женщины имеют более высокую самодисциплину и более моральны, чем обычные мужчины
Мужчины лучше принимают быстрые решения	Мужчины более напористы	Мужчины в среднем агрессивны и жестоки (но это не относится к джентльменам)
Они более рациональны	Мужчины больше ориентированы на цели и инструментальны	Мужчины расчетливы, бесстрастны и незмоциональны
Они не такие истеричные и нестабильные, как женщины	Мужчины не могут заплакать так же легко, как женщины	Мужчины эмоционально отстранены
Мужчины более сосредоточенные и определенные	Мужчины концентрируются только на одной вещи в один момент	Мужчины не могут сосредоточиться на нескольких вещах одновременно, подобно женщинам

* Адаптировано по: [Malmi, 2009].

Дизайн исследования

Для достижения поставленной цели была выбрана стратегия смешивания методов [Савинская и др., 2016], которая последовательно включает качественный (полуструктурированные интервью) и количественный (онлайн-опрос) этапы [Morgan, 2014]. На основе анализа качественных данных выдвинуты гипотезы и разработан инструментарий для проведения количественного онлайн-опроса. Эмпирическим объектом исследования были выбраны женщины двух поколений. Исследование проводилось в 2018 г., поэтому стоит учитывать, что на тот момент возрастные группы имели следующие характеристики: поколение X (1963—1984 годов рождения) в возрасте от 34 до 55 лет и поколение Y (1984—2000 годов рождения) в возрасте от 18 до 33 лет⁴. Выбор двух поколений обусловлен предположением о том, что молодые люди в большей степени восприимчивы и подвержены влиянию новшеств, в то время как старшее поколение более консервативно в своих взглядах [Радаев, 2018].

⁴ Дергунов Т. Теория поколений // Социальная психология. 2014. URL: <http://psixologiya.org/socialnaya/menedzhmenta/2155.html> (дата обращения: 07.02.2018).

На качественном этапе было взято восемь полуструктурированных интервью (четыре — с женщинами поколения Y и 4 — поколения X). Поиск информанток осуществлялся через сообщества в социальных сетях, посвященных семейным вопросам и досугу. Выборка на количественном этапе была квотной: в равных долях были представлены женщины поколений X и Y, состоящие в разных группах социальных сетей («ВКонтакте» и Facebook). При отборе социальных групп для размещения онлайн-опроса одним из важных критериев были их максимальная тематическая разнородность и отсутствие феминистской направленности для минимизации рисков возникновения возможных смещений полученных данных. В связи с этим информация об опросе размещалась в сообществах развлекательных, материнских и обсуждающих жилищные проблемы. Для идентификации респонденток по географическому признаку в онлайн-анкете использовался вопрос-фильтр, который позволил отобрать только жительниц города Москвы и Московской области. Для расчета объема выборки применялась формула Рукавишников [Рукавишников, Паниотто, Чурилов, 1984]. Объем выборки составил 278 человек, среди которых 56% составляют женщины поколения Y и 44% — поколения X.

Качественный этап

На основе описанной выше теоретической рамки мы исходили из четырех главных категорий мизандрии как мужененавистнической установки. Это ролевая дифференциация в частной и публичной сферах, восприятие мужчин как агрессивной социальной группы, селективный цинизм или принижение мужских черт характера, гиноцентризм (приоритизация женщин и их качеств). Применяя осевое кодирование, мы систематизировали те смыслы, которые встретились в интервью, и описали каждую из категорий.

Ролевая дифференциация в частной и публичной сферах

Одним из основных показателей наличия или отсутствия мизандристских установок женщин является представление о распределении ролей и признание иерархии мужчин и женщин дома и на работе.

Так, отношение к мужской роли в семье можно разделить на две противоположные группы:

1) *«мужчина должен быть главой семьи»*. Данная модель подразумевает «мягкий» патриархатный союз, где мужчина оказывает эмоциональную и финансовую поддержку женщине, зарабатывая больше и принося в семью основной доход, но не принимает единолично все решения в семье. Роль женщины в данном случае признается второстепенной: *«Рулит потихонечку. Но это не нужно знать мужчине»* либо *«Жена должна создавать уют»*. За счет выполнения женщиной домашних функций создается баланс во взаимоотношениях в семье;

2) должно быть *«равноправие в отношениях»*. Согласно этой модели женщины отрицают возможность главенствующей функции мужчины в семье, которая может принижать роль женщины, ее права и свободы. Необходимо мнения обоих супругов учитывать равнозначно, а решения обсуждать и принимать совместно.

Несмотря на различие мнений относительно распределения ролей, в обоих случаях прослеживается приоритизация финансовой функции мужчины: *«Вот*

я, да, живу в такой системе координат, когда мужчина — это все-таки добытчик. Он должен зарабатывать и приносить все в семью, в дом, как бы такой общинный строй (смех)» (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит).

Кроме этих двух типичных представлений о ролевом распределении, появляются и новые представления, которые, как отмечается информантами, уже присущи современному гендерному порядку в обществе. Прежде всего это смещение иерархии в сторону усиления позиции женщины и ослабление значимости роли мужчины в семье и супружеских отношениях. Это влияет на взаимоотношения внутри семьи. Информантки отмечают появление и постепенное распространение модели отношений «сильная женщина — слабый мужчина», где основные решения принимаются и действия реализуются исключительно женщиной. Появляются практики реализации нового гендерного распределения ролей в семье, где «кормильцем», приносящим доход, выступает женщина. Смена супружеских ролей, тем не менее, может не приводить к исчезновению дискриминации в их отношениях: «В моей семье мама — глава семьи, папа слушает маму, что мама скажет, то папа и делает. Мама часто унижает отца, и я считаю, что это не очень правильно» (И. 2, 20 лет, не замужем, в отношениях не состоит). Такая же тенденция усиления женских позиций происходит, по мнению информанток, в публичной сфере, однако при этом остается главное условие гендерного неравенства — дискриминация слабого, доминирование сильного в парных отношениях.

Приоритетная позиция мужчины на рабочем месте воспринимается как дискриминация в отношении женщин и становится одной из причин формирования негативных установок в отношении мужчин. Гендерная сегрегация в сфере труда происходит за счет выделения «мужских» и «женских» качеств, при этом мужчины наделяются негативными качествами. Если женщины характеризуются информантками как «дисциплинированные», «ответственные», «более усидчивые», «самостоятельные», «более внимательные», то мужчины — как «неорганизованные», те, кто «много забывает», «много упускает», «занимается какой-то фигней» и т. д.

Таким образом, рассуждая об идеальном и фактическом распределении мужских и женских ролей, можно проследить тенденцию к усилению негативного отношения к доминированию мужчин в трудовых и семейных отношениях и к замене на доминирование женщин.

Восприятие мужчин как агрессивной социальной группы

На сегодняшний день мужчины напрямую ассоциируются с виновной стороной, когда речь заходит о преступлениях, в частности о домашнем насилии и изнасилованиях. В ходе интервью информантки часто употребляли слова «агрессия», «ярость», «жесткие», «агрессивные», «наглые», что подтверждает подсознательное восприятие мужчин как субъекта потенциальной агрессии. Тем не менее, респондентки не всегда соглашались с тем, что они чувствуют потенциальную опасность от мужчин. Отвечавшие на вопрос о том, что бы они чувствовали, оказавшись вечером в темном переулке с незнакомым мужчиной или незнакомой женщиной, женщину ни в одном из случаев не ассоциировали с опасностью, в то время как мужчина, наоборот, вызывал только негативные ассоциации: «Когда я поздно вечером еду куда-то одна, и мне некомфортно, есть чувство страха, что неизвест-

но, что у него в голове» (И. 3, 21 год, не замужем, состоит в отношениях). Такое негативное восприятие влияет на выбор места, способа и времени передвижения женщин, меняя их распорядок дня и приемы взаимодействия с социальным окружением в разное время суток. Посредством этого формируются новые социальные практики «защиты от мужчин», в то время как практик «защиты от женщин», а также негативного их восприятия в этом отношении в ответах информанток не отмечалось: «Я, во-первых, стараюсь часто по ночам никуда одна не выходить, во-вторых, всегда держу все под контролем, я всегда смотрю, не идет ли кто-то сзади меня. Обязательно слежу, чтобы за мной в подъезд никто не заходил, и в округе не идет ли кто-нибудь» (И. 8, 35 лет, не замужем, состоит в отношениях).

По мнению информанток, проявления агрессии со стороны мужчин связаны с социальным статусом последних, успешностью реализации себя в обществе, а также с воспитанием и нормами поведения, устоявшимися в отношении мужчин. Недоверие к мужчинам как к социальной группе проявляется не только в связи с преступлениями и насилием по отношению к женщинам, но и при обсуждении сексуальной измены как культурного феномена: «Мужчины склонны к изменам, не потому что им надоедает своя женщина, а потому что они по натуре самцы, этого не выбить...» (И. 1, 21 год, не замужем, в отношениях не состоит). Мужчины характеризуются как «охотники», «ловеласы», «самцы». Информантки объясняют распространенность мужских измен не социальными причинами, а «животными инстинктами», присущими мужчинам биологически. Тем не менее, женщины также могут являться причиной сексуальной неверности мужчин: «Почему я не доверяю, что человек не будет мне изменять? Потому, что я не верю, что я такая офигенная и классная и что от меня никто не уйдет» (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). Проявления неверности со стороны мужчин способствуют снижению женской самооценки, поиску недостатков в себе, заставляют женщин винить себя, что также может повлиять на формирование негативных установок по отношению и к себе, и к мужчинам как социальной группе.

Таким образом, мужчины подсознательно воспринимаются как потенциально опасная и агрессивная социальная группа, посредством этого формируются повседневные практики «защиты от мужчин», растет тенденция к общему недоверию к мужчинам, как из-за потенциально возможного нанесения физического вреда, так и в силу сексуальной неверности и психологического дискомфорта.

Селективный цинизм или принижение мужских черт характера

Анализ интервью показал, что появляется тенденция к формированию собирательного негативного образа мужского характера, что также становится основой для принижения мужчин. Это подтверждают такие высказанные в интервью характеристики в адрес мужчин, как «становятся трусливыми», «очень слабые», «боятся потерять свою зону комфорта», «ничего не могут», «ни рыба ни мясо» и т. д. Информантки сравнивают то, что «было раньше», и то, что происходит в настоящее время. Функция мужчины сводится к поддержанию социального статуса женщины: «Все время мужчин уважали. Идет пара, и женщина по-любому смотрит на своего мужчину. А что сейчас? Идет женщина, а рядом с ней — приложение. Как я часто слышу фразу среди своих знакомых, что он просто осеменитель, и все.

А что от него? Что он есть, что его нет» (И. 1, 21 год, не замужем, в отношениях не состоит).

Наиболее ярко негативное отношение к современным мужчинам прослеживается в представлении о современных среднестатистических мужчинах и «идеальных/настоящих» мужчинах. Как правило, первые характеризуются пассивностью в бытовых делах, отсутствием интереса во взаимодействии с семьей, однако отличаются самовлюбленностью и «излишней» уверенностью в своей правоте, желанием навязать свою точку зрения в разговоре, что уже осознается как негативная черта характера. Вместе с тем среднестатистические мужчины характеризуются как мягкотелые, трусливые, безответственные. Данные характеристики довольно сильно отличаются от представлений женщин об идеальном мужчине, который выглядит в их глазах «успешным», «надежным», «воспитанным», «серьезно настроенным».

Одни информантки придерживаются мнения, что настоящие мужчины еще существуют. Другие же говорят о том, что их почти не осталось: *«Да, таких мужчин стало мало. Я уже не говорю о том, чтобы совершать какие-то безумные поступки в хорошем плане, радовать женщину. Да, их стало мало, к сожалению»* (И. 6, 42 года, замужем).

Описанные характеристики, присущие среднестатистическому мужчине, имеют явный негативный окрас, принижающий типично мужские черты характера и подавляющий мужскую социальную активность. Эти высказывания отражают еще один аспект мизандрии — селективный цинизм.

Гиноцентризм

Одной из основных предпосылок возникновения феномена мизандрии выделяют возникновение гиноцентристских установок в обществе, или приоритизации женщин и их качеств по отношению к мужчинам. Так, исходя из анализа предыдущих выделенных компонентов мизандрии, можно отметить появляющуюся тенденцию принижения мужчин и мужских качеств за счет приоритизации женских. О женщине говорят как о «сильной», «независимой», «самостоятельной». По мнению информанток, она «не нуждается в мужчинах» и «умеет приспособиться к жизни».

Современная женщина является более «организованной» в повседневных делах, что особенно прослеживается в сравнении с мужчиной: *«Особенно современные девушки, которым и в зал нужно ходить, и правильно питаться, реснички, ноготочки — вот это все нужно уместить вместе с учебой, работой, мужиком своим, с подругами и вообще со всем. Вот они как-то находят на все время. А парни: „Работа, больше я ничего не успеваю, не поем сегодня вообще“»* (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). *«Женщины делают на работе намного больше, успевают намного больше»* (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). Женщина, по мнению информанток, продолжает играть в своем доме роль «хозяйки» и «хранительницы очага». Однако образы и статус этой роли меняются: информантки отмечают, что «женщина — главная», «жена решает», она «более умная», «хитрая» и «мудрая», чем мужчина. Вместе с тем, такие эпитеты, как «добрая», «нежная», «милая», «совестливая», оказываются не менее ценными. На работе,

в отношениях с друзьями, в семье женщина является сильной, организованной, самостоятельной по сравнению с противоположным полом, что предопределяет усиление гиноцентристских установок как части мизандрии.

Количественный этап

Поскольку мизандрия — это сложный феномен, который укоренен в разных практиках повседневности и, к тому же, обсуждается как сензитивная тема для обыденного разговора, была разработана сумматорная шкала нормативных представлений о мужчинах на основе четырех компонентов, описанных выше (см. приложение 1).

1. *Ролевая дифференциация.* Показатель отражает склонность воспринимать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические.
2. *Восприятие мужчины как агрессора.* Показатель отражает негативное восприятие мужчин как объект неизбежной потенциальной агрессии.
3. *Селективный цинизм или принижение мужских черт характера.* Показатель отражает склонность принижать мужчин как социальную группу за счет их качеств, присущих группе в целом.
4. *Гиноцентризм.* Показатель отражает склонность респондента к приоритизации женщин и их качеств по сравнению с мужскими.

Для каждого компонента было разработано от 8 до 11 суждений. Для определения уровня надежности разработанной шкалы мизандрии был рассчитан коэффициент α Кронбаха, значение которого для всех составленных суждений составляет 0,910. Это означает высокую корреляцию между суждениями и высокий уровень надежности полученной модели.

Для того чтобы выявить и оценить уровень мизандрии у женщин двух поколений, проживающих в Москве и Московской области, был использован метод Visual Bining, который позволяет создавать группы/категории из непрерывной переменной. Так, сумматорная переменная мизандрии (сумма значений по всей шкале) была поделена на 4 уровня относительно среднего значения (151,4) и плюс/минус его стандартного отклонения (28,7), которая позволила предположить, что среди женщин двух поколений преобладает средний уровень (значения от 152 до 180) проявления мизандрии.

Были также проанализированы средние значения и статистики по основным компонентам переменной.

Таблица 2. *Статистики по компонентам мизандрии*

Показатель	Гиноцентризм	Агрессия	Ролевая дифференциация	Селективный цинизм
Среднее	33,4	45	33,5	39,5
Медиана	34	45,5	34	40
Мода	32	51	37	39
Стд. отклонение	8,7	11,6	6,5	9,6

Показатель		Гиноцентризм	Агрессия	Роловая дифференциация	Селективный цинизм
Сумма		9275	12513	9317	10986
Квартили	25	28	37	29	33
	50	34	45	34	40
	75	40	52	38	47

Чтобы посмотреть, существуют ли значимые различия в уровне проявления мизандрии среди женщин поколений X и Y, был проведен дисперсионный анализ (t -критерий для двух независимых выборок). Его результаты показали, что уровень мизандрии у женщин поколения X, равный 156, выше, чем у женщин поколения Y, равный 148 ($p = 0.05$). Первоначальная гипотеза о том, что мизандрия в большей степени свойственна женщинам младшего поколения, не подтвердилась.

Далее был проведен анализ на выявление взаимосвязи между уровнем мизандрии и различными социально-демографическими характеристиками посредством корреляционного и однофакторного дисперсионного анализа, а также с помощью t -критерия для двух независимых выборок. Было выявлено, что среди женщин с детьми уровень мизандрических установок (равный 156) выше, чем у женщин без детей (равный 147; $p = 0.05$).

Таким образом, прослеживается статистически значимая взаимосвязь с проявлением мизандрии у женщин старшего поколения и у женщин, которые имеют детей. Скорее всего, речь идет об одной и той же группе опрошенных: чем старше женщина, тем больше вероятность наличия ребенка. Что касается семейного положения, распределения ролей в отношениях, образования, материального положения, характера сожительства, полноты родительской семьи, то в данном случае статистически значимого влияния на данные переменные выявлено не было.

На основании исследования этой пилотной выборки можно предположить, что мизандрия выступает культурно укорененным в обществе феноменом. Мы видим две логики интерпретации проявления более выраженных мизандрических установок среди женщин поколения X: с одной стороны, это действительно могут быть поколенческие сдвиги в установках женщин, с другой стороны, это может быть связано с жизненным циклом. Так, с возрастом и накоплением опыта исполнения гендерных ролей в семье проявление мизандрии у женщин усиливается. Возможно, для более обоснованного ответа на этот вопрос необходимо дальнейшее изучение феномена мизандрии в лонгитюдных исследованиях.

Дискуссия и заключение

Исследование мизандрии, как и исследование мизогинии, представляется новой для российской социологии, но вместе с тем очень важной темой. Эти две стороны гендерной дискриминации связаны с формированием гендерной солидарности — согласованности в принятии мужчинами и женщинами изменяющихся гендерных норм и ценностей, признания и уважения гендерных различий, изменяющихся гендерных ролей. Снижение гендерной солидарности может привести к излишней напряженности в обществе, поэтому публичная дискуссия о фено-

менах мизандрии и мизогинии, о предотвращении двунаправленной гендерной дискриминации и принижения очень важна для устойчивой трансформации современных обществ.

На качественном этапе нашего исследования было показано, что мизандрия как мужененавистническая установка вслед за мизогинией является второй стороной гендерных дискриминационных установок и практик, формирующих гендерное неравенство. Интервью, сфокусированные на обсуждении выявленных ранее сторон мизандрии [Malmi, 2009], показали существование этого феномена в российском обществе и подтвердили имеющуюся в общественном мнении предрасположенность к негативизации образа современных мужчин и приоритизации женских качеств по отношению к мужчинам разных возрастов, семейного положения и социальных статусов. Современный среднестатистический российский мужчина, с точки зрения таких информанток, характеризуется пассивностью в бытовых делах, отсутствием интереса во взаимодействии с семьей, но при этом отличается «излишней» уверенностью в своей мужественности и самовлюбленностью.

С методической точки зрения качественный этап дал возможность сформулировать основные эмпирические индикаторы для четырех составляющих феномена мизандрии: гиноцентризм, ролевая дифференциация, восприятие мужчин как потенциально агрессивной социальной группы и селективный цинизм. Было показано, что эти четыре аспекта присутствуют в российском общественном сознании так же, как в других европейских обществах.

На втором этапе исследования была разработана шкала мизандрии, которая показала высокий уровень надежности (на основании расчета коэффициента α Кронбаха). В ходе анализа количественной базы данных было выявлено, что негативные установки по отношению к мужчинам в большей степени проявляются у женщин старшего поколения, а также у женщин, имеющих детей, что, скорее всего, взаимосвязано.

Настоящее исследование было поисковым и опиралось на небольшие выборки, поэтому представляется целесообразным проведение дальнейших исследований с доработкой наполненности высказываний каждого компонента шкалы мизандрии, а также проведение более масштабного исследования с возможностью переноса результатов на генеральную совокупность.

Список литературы (References)

Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136—153.

Vanke A. V., Tartakovskaya I. N. (2016) Transformations of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 4. P. 136—153. (In Russ.)

Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / пер. с англ. А. А. Казанкова. М. : РОССПЭН, 2005.

Gilmore D. (2005) Formation of Masculinity: Cultural Concepts of Masculinity. Ttransl. from Engl. Kazankov A. A. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. М. : ИД «Коммерсантъ», 2008.

Salzman M., Matathia A., O'Reilly A. (2008) A New Man: Marketing through the Eyes of Women. Moscow: Kommersant. (In Russ.)

Захарова Е. К., Савинская О. Б. Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения Миллениум // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 63—81.

Zakharova E. K., Savinskaya O. B. (2017) Mixed Methods Research of Internalized Misogyny among the Millennial Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 63—81. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is «Masculinity»? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (In Russ.)

Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. и под ред. О. Оберемко, И. Тартаковской. М. : РОССПЭН, 2006.

Kimmel M. (2006) Gender Society. Transl. from Engl. Oberemko O., Tartakovskaya I. (eds.). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.

Kon I. (2008) Hegemonic Masculinity as a Factor of Male (Non-)Health. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No. 4. P. 5—16. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009.

Kon I. S. (2009) Man in a Changing World. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Мещеркина Е. «Бытие мужского сознания»: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 268—287.

Meshcherkina E. (2002) «Being Masculine Consciousness»: the Experience of Reconstruction of Masculine Identity Middle and Working Class. In: Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness: Collected Papers*. Moscow: New Literary Observer. P. 268—287. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/s0132162518030029>.

Radaev V. V. (2018) Millennials against Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/s0132162518030029>. (In Russ.)

- Рукавишников В. О., Паниотто В. И., Чурилов Н. Н. Опросы населения: метод. опыт. М. : Финансы и статистика, 1984.
- Rukavishnikov V. O., Paniotto V. I., Churilov N. N. (1984) Population Surveys: Method. Practice. Moscow: Finansy i Statistika. (In Russ.)
- Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21—29.
- Savinskaya O. B., Istomina A. G., Larkina T. Yu., Kruglova K. D. (2016) Conceptual Ideas of Mixed Methods Research: Stages of Development and Current Debates. *Sociological Studies*. No. 8. P. 21—29. (In Russ.)
- Тартаковская И. Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннела // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5—23.
- Tartakovskaya I. N. (2007) Gender Theory as the Theory of Practices: Robert Connell's Approach. *Sociological Journal*. No. 2. P. 5—23. (In Russ.)
- Ушакин С. Видимость мужественности // О муже(Н)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 479—503.
- Oushakine S. (2002) Appearance of Masculinity. In: Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness: Collected Papers*. Moscow: New Literary Observer. P. 479—503. (In Russ.)
- Фридан Б. Загадка женственности / пер. с англ. ; вступ. ст. А. Ворониной. М. : Прогресс-Литера, 1994.
- Friedan B. (1994) *The Feminine Mystique*. Transl. from Engl.; Introduct. art. by Voronina A. Moscow: Progress-Litera. (In Russ.)
- Benatar D. (2012) *The Second Sexism: Discrimination against Men and Boys*. New York: John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118192337>.
- Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Connell R. W. (2005) *Masculinities*. Cambridge; Oxford: Polity Press.
- Connell R. W. (2001) The Social Organization of Masculinity. In: Whitehead S. M., Barrett F. J. (eds.) *The Masculinities Reader*. Cambridge: Polity Press. P. 30—50.
- hooks B. (2005) *The Will to Change: Men, Masculinity and Love*. New York: Washington Square Press.
- Kimmel M. (2001) Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity. In: Whitehead S. M., Barrett F. J. (eds.) *The Masculinities Reader*. Cambridge: Polity Press. P. 266—287. <https://doi.org/10.4135/9781452243627.n7>.
- Malmi P. (2009) *Discrimination against Men: Appearance and Causes in the Context of a Modern Welfare State*. Rovaniemi: University of Lapland.

Morgan D. L. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: a Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, California: Sage.

Nathanson P., Young K. K. (2006) *Legalizing Misandry: from Public Shame to Systemic Discrimination against Men*. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press-MQUP. https://doi.org/10.1111/j.1744-1617.2007.177_1.x.

Nathanson P., Young K. K. (2010) *Sanctifying Misandry: Goddess Ideology and the Fall of Man*. Montreal: McGill-Queen's Press-MQUP.

Nathanson P., Young K. K. (2001) *Spreading Misandry: the Teaching of Contempt for Men in Popular Culture*. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press — MQUP.

Spritzler J. (2013) *Misandry: an Obstacle to Solidarity between Men and Women*. [Electronic Resource.] URL: <http://www.newdemocracyworld.org/culture/misandry.html> (accessed: 3.12.2017).

Приложение 1

Шкала измерения мизандрии как нормативных представлений в отношении мужчин

Ниже представлены несколько суждений о современных мужчинах и женщинах.

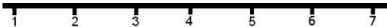
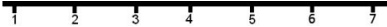
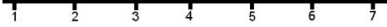
Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы с ними согласны.

(Используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 7, где 1 — полностью не согласна, а 7 — полностью согласна.)

Гиноцентризм	
Женщины более моральны, чем мужчины	
Женщины более умные и хитрые в отношениях, чем мужчины	
Женщины являются более организованными в повседневных делах, чем мужчины.	
Женщины могут сосредоточиться на нескольких делах одновременно, в то время как мужчины — нет	
Женщины лучше контролируют себя, чем мужчины	
Женщины более ответственные, чем мужчины	
Женщина должна в первую очередь любить себя и заботиться о себе, а потом уже о мужчине	
Женщины обычно более самостоятельные, чем мужчины	
Восприятие мужчины как агрессора	
Когда речь заходит о домашнем насилии, мужчины чаще выступают насильниками, а женщины — жертвами	
Мужчины в среднем агрессивны и жестоки (хотя это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины в большей степени представляют угрозу для женщин	
Среди преступников обычно больше мужчин, чем женщин	
Мужчины в среднем склонны к обманам и сексуальной неверности (но это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины в среднем склонны к аморальному поведению, такому как изнасилование (хотя это не относится ко всем мужчинам)	

Чаще всего мужчины вызывают недоверие	
Мужчины в большей степени способны на преступление, чем женщины	
Мужчину обычно легко вывести из себя	
Большинство мужчин грубые и эгоистичные (хотя это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины чаще лезут в драку, чем женщины	
Ролевая дифференциация	
Чаще всего мужчины занимают руководящие должности на работе только потому, что они мужчины	
Мужчины зачастую добиваются успеха за счет своей расчетливости и эгоистичности	
Женщины более ответственно подходят к работе, чем мужчины	
Основная функция мужчины в семье — зарабатывать денег	
После развода ребенок должен оставаться с матерью	
Говорить о том, что мужчина в семье должен быть главным, уже не актуально	
Ситуация, когда мужчина сидит дома с ребенком, а женщина работает, сегодня довольно распространена	
Довольно часто сегодня в отношениях женщина доминирует	
Селективный цинизм	
Сегодня часто встречаются пассивные и безынициативные мужчины	
В последнее время мужчины стали более инфантильными и женоподобными	
Мужчины все реже берут на себя ответственность	
Большинство мужчин самовлюбленные и самонадеянные	
Мужчина не должен уделять много времени и внимания своей внешности (делать прически, маникюр и т. д.)	

<p>Мужчины сегодня довольно редко ухаживают за женщиной (уступают место, пропускают вперед, платят в ресторане и т.п.)</p>	
<p>Настоящих мужчин сегодня почти не осталось</p>	
<p>Мужчины эмоционально отстранены</p>	
<p>Мужчины являются расчетливыми и бесстрастными</p>	

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.945

Правильная ссылка на статью:

Малошонок Н. Г., Щеглова И. А. Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов инженерно-технического профиля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>.

For citation:

Maloshonok N. G., Shcheglova I. A. (2020) Role of gender stereotypes in student dropouts of STEM programs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>.

Н. Г. Малошонок, И. А. Щеглова РОЛЬ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ОТСЕВЕ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

РОЛЬ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В
ОТСЕВЕ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

ROLE OF GENDER STEREOTYPES IN STU-
DENT DROPOUTS OF STEM PROGRAMS

МАЛОШОНОК Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра социологии высшего образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>*

*Natalia G. MALOSHONOK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Director, Centre for Sociology of Higher Education
E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ЩЕГЛОВА Ирина Александровна — младший научный сотрудник Центра социологии высшего образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: ishcheglova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5949-9617>

*Irina A. SHCHEGLOVA¹ — Junior Researcher, Centre for Sociology of Higher Education
E-MAIL: ishcheglova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5949-9617>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Движение к гендерному паритету в области инженерных, математических и компьютерных наук является одной из ключевых задач при повышении количества и качества подготовки выпускников данных специальностей. Как показывают предыдущие исследования, гендерная сегрегация заключается не только в том, что меньшее количество девушек выбирает направления подготовки инженерно-технического профиля, но и в том, что во время обучения девушки чаще склонны не заканчивать данные образовательные программы. Статья посвящена выявлению различий в масштабах и факторах отсева юношей и девушек из вуза на основе данных всероссийского лонгитюдного исследования студентов, поступивших в 2015 г. на компьютерные и инженерные направления подготовки. Показано, что в целом девушки реже, чем юноши, отчисляются из университета по результатам первых трех семестров. Однако наличие гендерных стереотипов негативно связано с их вероятностью получить диплом. Девушки, убежденные в том, что их одноклассники считают юношей более способными к изучению математики, имеют большую вероятность быть отчисленными из вуза.

Ключевые слова: высшее образование, гендерная сегрегация, образова-

Abstract. Moving towards gender parity in engineering, computer and mathematical sciences is essential in an attempt to enhance student learning in STEM fields. As the previous studies suggest, gender segregation is not only revealed through a smaller number of female students choosing to receive a technical education but also through the fact that female students are more likely not to complete these educational programs. The article highlights differences in the scope and factors behind student drop-outs and is based on the data of a nationwide longitudinal survey conducted among students who were admitted to engineering and computer programs in 2015. The study shows that female students are less likely than male students to drop out after the first three semesters. However, gender stereotypes negatively affect female chances of getting a degree. Those girls who believe that their fellow students consider men to be more predisposed towards mathematics are more likely to drop out of university.

Keywords: higher education, gender segregation, learning outcomes, stu-

тельные результаты, отсеяв, компьютерные и инженерные направления подготовки

dent attrition, computer science and engineering majors

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-013-00675 «Факторы выбытия студентов инженерных направлений подготовки в российских вузах». Авторы выражают огромную благодарность членам исследовательского коллектива за помощь в подготовке материалов и предоставление данных для анализа: Игорю Сергеевичу Чирикову, директору консорциума «Student Experience in Research University», ведущему научному сотруднику Калифорнийского университета в Беркли, научному руководителю Центра социологии высшего образования НИУ ВШЭ; Евгении Дмитриевне Шмелевой, научному сотруднику Центра социологии высшего образования НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The study is funded by Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-013-00675 “Factors behind dropouts of engineering students of the Russian universities”). The authors express gratitude to Igor S. Chirikov (SERU Consortium Director, Senior Researcher at UC Berkeley, Research Adviser at HSE Center for the Sociology of Higher Education) and Evgeniya D. Shmeleva (Research Fellow at HSE Center for the Sociology of Higher Education) for their support and the provision of the data.

Введение

Критическая масса высококвалифицированных кадров в области инженерии и наукоемких отраслей является важным условием глобальной конкурентоспособности страны и ее экономического развития [Xie, Fang, Shauman, 2015]. Согласно результатам исследования «Дефицит кадров», проведенного рекрутинговой компанией ManpowerGroup¹, за последние десять лет инженерные профессии вошли в пятерку самых востребованных в мире. В связи с этим многие страны уделяют большое внимание увеличению числа специалистов в области естественных наук, технологии, инженерии и математики (STEM: science, technology, engineering and math) [Hagedorn, Purnamasari, 2012; Bahr et al., 2017], а также качеству подготовки таких специалистов [Gereffi et al., 2008; Atkinson, Mayo, 2010]. Так, в США в 2012 г. недостаток кадров для заполнения рабочих мест в области STEM оценивался в один миллион человек [Bahr et al., 2017]. В таких странах, как Индия и Китай, напротив, проблема заключается не в количестве, а в низком качестве подготовки специалистов [Gereffi et al., 2008].

Российские исследования показывают, что количество и качество текущей подготовки будущих инженеров не удовлетворяет потребностям российских

¹ Talent Shortage 2018 // ManpowerGroup. 27.06.2018. URL: <https://manpowergroup.ru/media/research/2018-talent-shortage-survey.html> (дата обращения: 12.04.2020).

работодателей [Фрумин, Добрякова, 2012]. Устойчивый спрос работодателей на данных специалистов нашел отражение в распределении контрольных цифр приема в высшие учебные заведения. В 2018/2019 учебном году 47 % очных бюджетных мест на программах бакалавриата и специалитета было выделено для инженерных направлений подготовки и 10 % — в области естественных наук². Таким образом, более половины государственных средств, выделяемых на высшее образование, идут на подготовку студентов данных направлений подготовки.

Однако задача по обеспечению российского рынка труда квалифицированными кадрами инженерно-технического профиля осложняется наличием двух обстоятельств. Во-первых, на данных направлениях подготовки наблюдается наивысший процент студентов, не завершающих обучение в вузе по данной специальности, что снижает эффективность государственных инвестиций [Горбунова, Кондратьева, 2013; Kondratjeva, Gorbunova, Hawley, 2017]. Во-вторых, отличительной характеристикой естественнонаучных и инженерных образовательных программ, как в России, так и в мире, является наличие гендерной³ сегрегации (преобладание мужчин в общей совокупности студентов) [Stoet, Geary, 2018]. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доля выпускников женского пола по направлениям подготовки бакалавриата в области естественных и инженерных наук в России в 2013 г. составила 35 %⁴. В 2018 г. среди поступивших на направление подготовки в области «Инженерное дело, технологии и технические науки» бакалавриата и специалитета было всего 26 % девушек⁵. Доля девушек в общем приеме на укрупненное направление «Математика и механика» составила 31 %, на направление «Компьютерные и информационные науки» — 27 %, «Физика и астрономия» — 32 %. При этом в общем приеме на все направления подготовки доля женщин составляет 53 %.

Наличие гендерного дисбаланса является негативным феноменом не только в социальном и этическом понимании, но и выражается в экономических потерях и отрицательном влиянии на экономический рост стран [Ferrant, Kolev, 2016]. Так, результаты исследований говорят о том, что мужчины и женщины, работая совместно над STEM-проектами, предлагают более инновационные идеи, а компании, ориентированные на поддержание гендерного баланса сотрудников, более успешны⁶. Что касается наукоемких отраслей, то имеющиеся данные указывают на отсутствие значимой разницы между качеством исследований, проводимых учеными-мужчинами и учеными-женщинами [Atkinson-Bonasio, 2017]. Несмотря на это, дефицит специалистов инженерно-технического профиля продолжает расти. Например, в Великобритании ежегодно не хватает около 20 000 выпускников

² Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/VGZkuVnp1h5rLAAIBZ1AsP5zv4zhl79t.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

³ В тексте понятия *гендер* и *пол* будут использоваться как синонимичные.

⁴ OECD. Education at a Glance 2015: OECD Indicators. 2015.

⁵ Здесь и далее приводятся результаты расчета авторов на основании статистики Министерства науки и высшего образования РФ, размещенной на сайте: <https://minobnauki.gov.ru/ru/activity/statan/stat/highed/>. Статистические показатели получены в результате заполнения вузами формы ВПО-1.

⁶ Thompson D. The Secret to Smart Groups: It's Women // The Atlantic. 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/01/the-secret-to-smart-groups-isnt-smart-people/384625/> (accessed 12.04.2020).

инженерных специальностей [Mellors-Bourne et al., 2017]. Поэтому выравнивание гендерного состава среди студентов и выпускников традиционно мужских направлений подготовки будет способствовать обеспечению рынка труда квалифицированными специалистами и, как следствие, экономическому росту.

Гендерный разрыв в инженерно-технической области возникает не только на этапе выбора направления подготовки [Goy et al., 2018] или при трудоустройстве девушек после окончания данных образовательных программ по специальности [Powell, Dainty, Bagilhole, 2012], но и на этапе обучения в вузе. Исследования показывают, что девушки чаще отчисляются с инженерно-технических направлений подготовки или переводятся на другие специальности [Barker et al., 2009; Astorne-Figari, Speer, 2018]. В рамках данного исследования мы изучим масштабы и факторы отсева девушек с направлений инженерно-технического профиля в российских вузах.

Одним из наиболее популярных объяснений гендерных различий в выборе инженерно-технических направлений подготовки и отсева являются существующие в обществе гендерные стереотипы [Ambady et al., 2001; Burtner, 2005; O'Dea et al., 2018; Ceci, Williams, 2010]. Поэтому в качестве ключевого фактора отсева мы рассмотрим роль гендерных стереотипов в отсева девушек данных направлений подготовки.

Масштаб отсева девушек и юношей

Наличие гендерного разрыва на этапе выбора направления подготовки инженерно-технического профиля не вызывает сомнения и является важной проблемой во многих странах [Goy et al., 2018]. Однако с масштабом отсева девушек и юношей, уже поступивших на инженерные, математические и естественно-научные специальности, не все так очевидно. Одни исследования показывают, что у девушек значительно выше вероятность не завершить программу инженерно-технического профиля по сравнению с юношами [Griffith, 2010; Astorne-Figari, Speer, 2018]. Например, в работе [Barker, McDowell, Kalahar, 2009] демонстрируется, что мужской пол является значимым предиктором намерения закончить обучение по направлению «Компьютерные науки». Другие исследования указывают на более высокие достижения девушек по направлениям инженерно-технического профиля [Szelényi, Inkelas, 2010]. В то же время ряд исследований демонстрирует отсутствие значимых различий в достижениях студентов мужского и женского пола инженерно-технического профиля [Voyer et al., 2007; Lindberg et al., 2010].

Что касается российских реалий, то масштабных исследований гендерных различий в отсева студентов инженерно-технического профиля не проводилось. Если рассматривать феномен отсева в целом, а не в разрезе направлений подготовки, то результаты имеющихся исследований показывают, что в среднем девушки имеют меньшую вероятность отсева из российских университетов, чем юноши [Горбунова, Кондратьева, 2013; Kondratieva et al., 2017]. Данная тенденция характерна и для других стран [Vincent-Lancrin, 2008]. Однако так как зарубежные исследования показывают, что ситуация на специальностях инженерно-технического профиля отличается от других специальностей, и гендерная сегрегация наблю-

дается в вероятности закончить образовательную программу, мы предполагаем, что в нашем исследовании мы также будем наблюдать более высокие шансы для девушек быть отчисленными из университета (*первая гипотеза*).

Гендерные стереотипы и их взаимосвязь с образовательными результатами

Объяснение различий в отсеве девушек и юношей возможно через понятие «угрозы подтверждения стереотипа» (*stereotype threats*), которое было введено в 1995 г. Клодом Стиллом и Джошуа Аронсоном. «Угроза подтверждения стереотипа» представляет собой психологический феномен, в рамках которого стереотип может оказывать негативное влияние на поведение человека в связи с чувством беспокойства о том, что другие оценивают его через призму стереотипа, или опасение подтвердить стереотип своими действиями [Steele, Aronson, 1995]. Таким образом, представители группы, относительно которых существует негативный стереотип, склонны испытывать эмоциональное давление, связанное с наличием вероятности подтвердить стереотип через свои действия [Shapiro, Williams, 2012]. Было установлено, что «угроза подтверждения стереотипа» может негативно воздействовать на продуктивность человека [Гулевич, 2013]. Актуализируя социальную идентичность человека, «угроза подтверждения стереотипа» приводит к тому, что человек приписывает себе негативные особенности, свойственные представителям его группы [Marx, Stapel, 2006].

Для изучения возможного влияния гендерных стереотипов на успешность девушек в освоении образовательных программ по компьютерным наукам и инженерии мы будем использовать теоретическую рамку «множественных угроз подтверждения стереотипов» (*multi-threat framework*), представленную в работе Шапиро и Уильямс [Shapiro, Williams, 2012]. В рамках нее было выделено три источника стереотипов: *сам субъект (the self)/другие, внешние по отношению к социальной группе (outgroup others)/другие, принадлежащие к той же социальной группе (ingroup others)*. В качестве «*других, внешних по отношению к социальной группе*», в данном исследовании будут выступать преподаватели, «*других, принадлежащих к той же социальной группе*» — одноклассники.

Взаимосвязь между гендерными стереотипами и образовательными результатами можно проследить на результатах нескольких экспериментальных исследований. Ученые из Гарвардского и Мичиганского университетов изучили эффект позитивного и негативного социокультурного стереотипизирования по половому и расовому признакам на образовательные достижения детей [Ambady et al., 2001]. Полученные результаты показали, что девушки лучше всего справлялись с заданиями, когда происходила активация их расовой идентичности (в начале эксперимента девушкам говорили, что представители их расы лучше справляются с заданием) и хуже при активации гендерной принадлежности (упоминание о том, что юноши справляются с заданием лучше девушек). В то время как юноши показывали наилучшие результаты при активации их гендерной и расовой принадлежности. Работа С. Спенсера и коллег показала схожие результаты на взрослой выборке, представленной мужчинами и женщинами, которые были случайным образом поделены на две группы: экспериментальную и контрольную [Spencer, Steele, Quinn, 1999]. Обеим группам

предлагалось решить математический тест. Участникам экспериментальной группы перед началом теста сообщили, что в ходе анализа заданий данного теста было установлено, что мужчины выполняют его лучше, чем женщины, а контрольная группа получила информацию об отсутствии различий результатов теста в зависимости от пола участников. Результаты эксперимента показали, что женщины в экспериментальной группе справились с тестом значительно хуже мужчин, в то время как в контрольной группе не было выявлено различий между результатами участников мужского и женского пола [ibidem].

Мы предполагаем, что наличие гендерных стереотипов, выражающихся в убеждении, что юноши лучше разбираются в предмете обучения, будет влиять на учебное поведение и результаты девушек. Девушки могут опасаться подтвердить негативные стереотипы, в связи с чем будут стараться избегать выполнения заданий, требующих математических навыков, а также демонстрировать более низкую успеваемость по курсам, в которых применяется математика. В конечном счете угрозы подтверждения стереотипов и их влияние на учебное поведение приведут к увеличению вероятности отчисления девушек из университета. *Вторая гипотеза исследования звучит так: представления девушек, а также их одногруппников и преподавателей о том, что юноши более способны к математике, чем девушки, увеличивают вероятность отчисления девушек из университета.*

Данные

Для проверки гипотез в исследовании используются данные, собранные Институтом образования НИУ ВШЭ и Стэнфордским университетом в рамках международного сравнительного исследования образовательных достижений студентов инженерных направлений подготовки вузов «Student Undergraduate Performance» (SUPER-test)⁷. В данной статье мы рассматриваем студентов, обучавшихся на 17 направлениях подготовки, которые можно разделить на две группы: инженерные и компьютерные науки. Использовалась многоступенчатая случайная выборка: на первом этапе случайным образом было отобрано 34 российских вуза, на последующих этапах случайным образом отбирались до трех направлений подготовки в одном вузе, затем — до трех учебных групп каждого направления подготовки. В отобранных учебных группах к участию в исследовании приглашались все студенты первого и третьего курса. Отклик студентов составил 87 %. Участие студентов в исследовании было добровольным.

В рамках данной работы анализируются данные опроса 2607 студентов первого курса, собранные осенью 2015 г., а также данные о выбытии, предоставленные по тем же студентам весной 2017 г. координаторами проекта SUPER-test в исследуемых вузах. Таким образом, в качестве зависимой переменной в рамках исследования рассматривается выбытие студента из вуза по результатам первых трех сессий. В таблице 1 Приложения представлены характеристики выборки и генеральной совокупности по 17 рассматриваемым направлениям подготовки. Доля женщин в общем приеме для генеральной совокупности представлена для 2018 г. и характеризует приблизительное гендерное соотношение на направлении подготовки.

⁷ Международное исследование инженерного образования. URL: <https://ioe.hse.ru/cshe/supertest> (дата обращения: 12.04.2020).

Измерения и аналитическая стратегия

Для проверки гипотез мы использовали, во-первых, данные об отсевах студентов, предоставленные координаторами вузов весной 2017 г. В рамках статьи используется показатель институционального отсева, который учитывает факт отчисления студента из университета, но не включает ситуации, когда студенты переводились с одной образовательной программы на другую внутри одного и того же университета. Во-вторых, ответы студентов осенью 2015 г. на три вопроса, которые измеряли наличие гендерных стереотипов о способностях девушек и юношей к математике. Вопросы анкеты SUPER-test, относящиеся к гендерным стереотипам, были сформулированы следующим образом:

(1) Кто, на Ваш взгляд, является более способным в изучении математики — юноши или девушки? (2) Кого, как Вам кажется, Ваши преподаватели математических предметов считают более способными в изучении математики — юношей или девушек? (3) Кого, как Вам кажется, большинство Ваших одногруппников считают более способными в изучении математики — юношей или девушек? Респондентам предлагалось ответить на эти вопросы, используя следующие варианты ответа: 1) юноши намного лучше; 2) юноши немного лучше; 3) у юношей и девушек одинаковые способности к математике; 4) девушки немного лучше; 5) девушки намного лучше.

Для того чтобы определить, как наличие гендерных стереотипов взаимосвязано с отсевом студентов (*гипотеза 2*), был проведен многоуровневый регрессионный анализ (mixed effects logistic regression). Данный метод анализа был выбран исходя из особенностей построения выборки в рамках исследования. Выборка имеет иерархическую структуру: респонденты образуют кластеры по переменной «группа», а группы объединяются по переменной «вуз». Таким образом, в регрессионном анализе выделяется три уровня: 1) студенты; 2) группы; 3) вузы. Интерсепты варьируются по группам и по вузам (random intercepts).

В таблице 1 представлены три регрессионные модели, в которые последовательно включались группы переменных. Первая модель включает контрольные переменные: 1) пол (1 — мужской, 0 — женский), 2) направление подготовки (инженерные науки — базовая переменная), 3) насколько вуз и 4) направление подготовки, на котором обучается студент, были приоритетными для него при поступлении (1 — вуз/направление было приоритетным, 0 — вуз/направление не было приоритетным); 5) обучался ли студент в школьные годы в классе с углубленным изучением математики и физики (1 — обучался в классе с углубленным изучением математики и физики, 0 — обучался в другом классе); 6) имел ли опыт обучения в образовательных организациях среднего профессионального образования (СПО) (1 — имел опыт, 0 — не имел опыта); 7) принадлежность к самому «бедному» квартилю по социально-экономическому положению (1 — принадлежит самому нижнему квартилю, 0 — принадлежит к другим квартилям); 8) наличие хотя бы у одного из родителей высшего образования (1 — хотя бы один родитель имеет высшее образование; 0 — ни один родитель не имеет высшее образование); 9) селективность вуза (1 — вуз принадлежит к 25 % вузов принимающих студентов с самыми высокими баллами ЕГЭ, 0 — не принадлежит к этой категории).

Выбор данных переменных в качестве контрольных обусловлен тем, что предыдущие исследования показывают их важное значение при объяснении отсева

студентов. Так, убеждения студентов относительно специальности в начале обучения и характеристики выбора влияют на их успешность в университете и получение диплома по данной специальности [Stinebrickner, Stinebrickner, 2013]. При этом студенты, чей реальный выбор вуза не совпал с планируемым, более склонны проявлять намерения покинуть университет [Leppel, 2001; Casanova et al., 2018]. Поэтому в модель были добавлены переменные, отражающие, учится ли студент в вузе и на направлении подготовки, на которые изначально хотел поступить.

Предыдущий образовательный опыт также имеет большое значение для понимания причин отсева. Исследования показывают, что опыт обучения студентов в вузе после СПО [Dougherty, 1992; Ehrenberg, Smith, 2004] рассматривается как фактор отсева. Кроме того, важное значение может иметь опыт обучения студента в классе с физико-математическим уклоном, поскольку выбор STEM-специальности совершается чаще всего еще в школьные годы и обусловлен интересом к математическим и естественно-научным дисциплинам [Maltese, Tai, 2011].

Социально-экономическое положение студента [Chen, 2009] и наличие высшего образования хотя бы у одного родителя [Sahin et al., 2017] — характеристики семьи студента, которые часто связывают с затруднениями в адаптации и отсевом из университета. Переменная, измеряющая социально-экономическое положение студента, была сконструирована исходя из ответов студентов на вопрос «Что из перечисленного было в собственности у Вашей семьи (считая семьей Вас, Ваших родителей и родных братьев/сестер) в течение последнего года Вашего обучения в школе?». Респондентов просили ответить «да» или «нет» относительно следующих предметов: холодильник; микроволновая печь; ноутбук или планшет; кондиционер / сплит-система; автомобиль; стиральная машина; посудомоечная машина; пылесос. Исходя из ответов на этот вопрос, был сгенерирован индекс, а затем переменная, отражающая принадлежность респондентов к квартилям по данному индексу. В анализ была включена переменная, отражающая принадлежность респондентов к самому нижнему («бедному») квартилю по индексу социально-экономического положения.

Что касается селективности вузов и масштабов отсева студентов, то наблюдается существенное различие между подходами российских и зарубежных вузов, в частности американских, по отношению к отсеву. Для российских селективных вузов высокий процент отсева является показателем качества образования. Как правило, российские селективные вузы имеют дополнительные источники финансирования и не борются за сохранение бюджетных мест, финансируемых за счет средств федерального бюджета. В свою очередь, неселективным вузам, в которых часто имеет место недобор на бюджетные места, невыгодно отчислять студентов [Груздев, Горбунова, Фрумин, 2013]. В американских вузах низкий отсев студентов рассматривается в качестве одного из важнейших показателей конкурентоспособности вуза и его эффективности, и особое внимание уделяется программам, направленным на удержание студентов [Горбунова, Кондратьева, 2013]. В рамках данной работы к селективным были отнесены 25 % вузов (из всех российских вузов), которые отбирают абитуриентов с самыми высокими баллами ЕГЭ.

Во вторую регрессионную модель наряду с переменными в первой модели были включены показатели, измеряющие наличие гендерных стереотипов в со-

ответствии с моделью, предложенной в работах Дж. Шапино и Э. Уильямс [Sharigo, Williams, 2012]: (1) убеждение, что юноши лучше разбираются в математике, (2) убеждение, что, по мнению преподавателей, юноши лучше разбираются в математике, (3) убеждение, что, по мнению однокурсников, юноши лучше разбираются в математике. В третью модель были добавлены эффекты взаимодействия между полом и переменными, измеряющими гендерные стереотипы.

Результаты

Масштаб отсева

Среди студентов первого курса, принявших участие в исследовании осенью 2015 г., к концу второго курса (весна 2017 г.) из вуза было отчислено 19% учащихся. Для образовательных программ по направлениям, относящимся к компьютерным наукам, доля выбывших учащихся составила 21%, для инженерных направлений — 18%. При этом доля отчисленных студентов на обоих направлениях подготовки существенно выше для юношей (20% против 15% для девушек, хи-квадрат = 6,929, df = 1, p < 0,01). Разрыв в доле отчисленных для юношей и девушек, обучающихся инженерным и компьютерным наукам, составил 7% и 5% соответственно (см. рис. 1). Таким образом, результаты исследования не подтверждают первую гипотезу исследования и демонстрируют, что на направлениях подготовки в области инженерии и компьютерных наук, так же как и на других направлениях подготовки, девушки отчисляются реже, чем юноши [Горбунова, Кондратьева, 2013; Kondratieva et al., 2017].

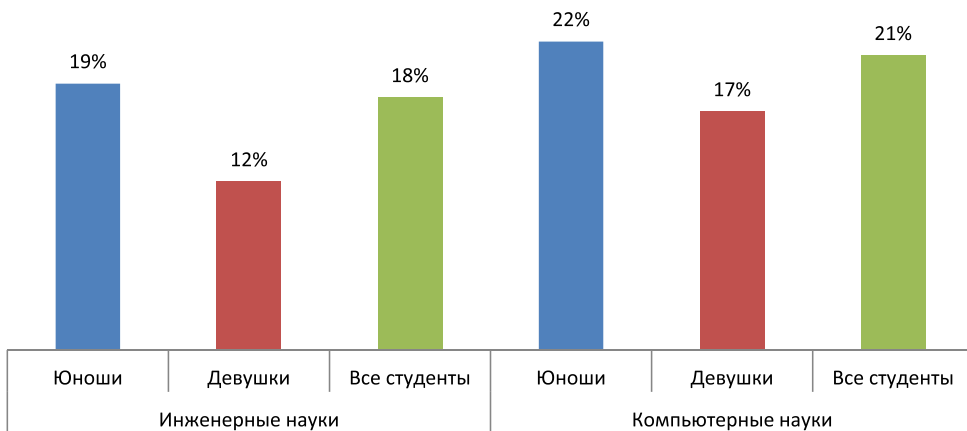

Рис. 1. Доля отчисленных студентов по полу в разрезе направлений подготовки, в %

Гендерные стереотипы

В среднем юноши более склонны считать, что их способности к математике превосходят способности девушек. Такого мнения придерживается почти половина студентов мужского пола (49%) (см. рис. 2). Хотя среди девушек доля приверженцев данного мнения существенно ниже, около трети студенток (34%) также считают, что юноши имеют лучшие способности к математике. Более половины

девушек (58 %) и 45 % юношей считают, что студенты обоих полов имеют одинаковые способности, и это может косвенно свидетельствовать об отсутствии у этих студентов гендерных стереотипов. Значительно меньшая доля студентов (15 % девушек и 6 % юношей) убеждены в превосходстве математических способностей девушек над юношами.

Распределения ответов девушек и юношей относительно мнения преподавателей о способностях студентов разных полов к математике практически не различаются. Более половины студентов (61 % юношей и девушек) считают, что преподаватели не дифференцируют математические способности в зависимости от пола. Почти треть студентов (32 % юношей и 28 % девушек) считают, что преподаватели выше оценивают способности юношей к математике. Меньшая доля студентов (11 % девушек и 7 % юношей) склонна придерживаться противоположного мнения.

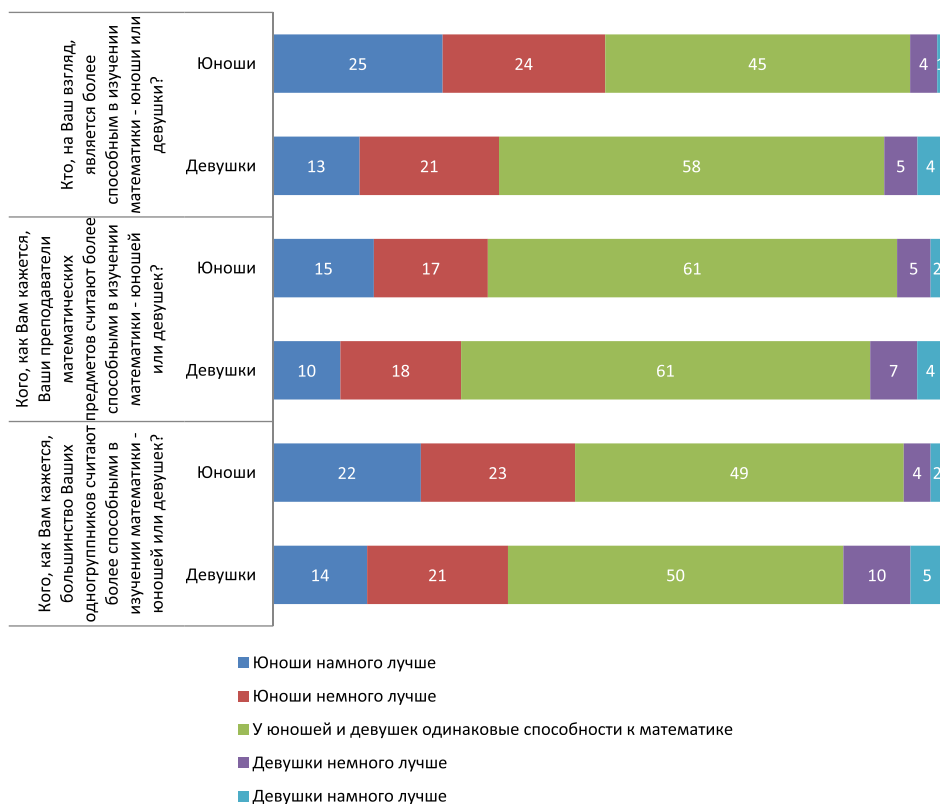

Рис. 2. Гендерные стереотипы у девушек и юношей, в %

В среднем студенты склонны приписывать гендерные стереотипы одногруппникам в большей мере, чем преподавателям. Около половины юношей (45 %) и более трети девушек (35 %) отмечают, что их одногруппники склонны оценивать выше способности юношей к математике. Половина студентов (49 % юношей и 50 % девушек) считают, что их одногруппники одинаково оценивают математические способности

обоих полов. Также меньшая часть, 15% девушек и 6% юношей, полагают, что их одноклассники оценивают выше математические способности девушек.

В целом можно отметить, что юноши склонны чаще говорить о превосходстве мужских способностей к математике, а девушки — о превосходстве женских. Однако относительно всех рассмотренных переменных наблюдается существенный перекос ответов обоих полов в сторону существующего в обществе гендерного стереотипа относительно превосходства способностей юношей к математике. Около трети респондентов женского пола в каждом вопросе выбирали варианты ответов, согласующиеся с этим гендерным стереотипом. Если рассматривать ответы на все три вопроса, то 51% девушек хотя бы в одном вопросе отметили вариант ответа, отражающий гендерный стереотип о превосходстве математических способностей юношей. Среди респондентов мужского пола данный показатель достигает 60%.

Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов

Для анализа роли гендерных стереотипов в отсеве студентов были построены три многоуровневые регрессионные модели (см. табл. 1). Первая модель включает контрольные переменные, отражающие социально-демографические характеристики студентов, их предыдущий опыт обучения, приоритетность вуза и направления подготовки при поступлении, а также селективность вуза. Было обнаружено, что студенты, обучающиеся на приоритетных для себя направлениях подготовки, имеют значительно меньший шанс быть отчисленными по результатам первых трех сессий по сравнению со студентами, для которых направление их обучения не было приоритетным при поступлении.

Добавление в модель переменных, измеряющих гендерные стереотипы, привело к незначительному увеличению AIC на 3,9 и BIC на 21,5, что свидетельствует о том, что данные переменные не улучшают качество модели. Во второй модели наличие гендерных стереотипов не является значимым предиктором отсева. В третью модель были включены эффекты взаимодействия пола с переменными, измеряющими гендерные стереотипы. Это привело к уменьшению AIC на 4,9 и BIC на 16,6, что свидетельствует о незначительном повышении качества модели. Один из трех эффектов взаимодействие пола с переменными, измеряющими гендерные стереотипы, оказался значимым на уровне 0,05. Данный эффект может быть интерпретирован следующим образом: девушки, считающие, что их одноклассники оценивают математические способности юношей выше, имеют статистически выше шансы быть отчисленными из университета по сравнению с девушками, не имеющими данного убеждения. Эффекты взаимодействия пола с двумя другими переменными, отражающими наличие гендерных стереотипов, оказались статистически незначимыми.

Таблица 1. Коэффициенты (odds ratio) многоуровневых регрессионных моделей, предсказывающих выбытие студента из университета к концу второго курса (по результатам трех сессий)

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Мужской пол	1,47**	1,50**	1,75**
Компьютерные науки	1,30	1,31	1,32

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Выбор вуза и направления подготовки			
Приоритетный вуз при поступлении	0,92	0,92	0,93
Приоритетное направление подготовки при поступлении	0,55***	0,55***	0,54***
Социально-экономическое положение и предыдущий опыт			
Класс с углубленным изучением математики или физики	1,13	1,13	1,16
Поступил(а) в вуз после СПО	1,44	1,43	1,44
Нижний квартиль по СЭС	1,18	1,17	1,16
Хотя бы один родитель имеет высшее образование	0,87	0,87	0,87
Селективный вуз	0,78	0,77	0,77
Убеждения относительно связи способностей и пола			
Убеждение, что юноши лучше разбираются в математике		0,87	0,76
Убеждение, что преподаватели считают, что юноши лучше разбираются в математике		1,13	0,85
Убеждение, что однокурсники считают, что юноши лучше разбираются в математике		0,94	1,82*
Взаимодействия			
Мужской пол * Убеждение, что юноши лучше разбираются в математике			1,21
Мужской пол * Убеждение, что преподаватели считают, что юноши лучше разбираются в математике			1,43
Мужской пол * Убеждение, что однокурсники считают, что юноши лучше разбираются в математике			0,43*
Random effects: variance (std. Dev.) for Intercept	Группа: 0,301 Университет: 0,107	Группа: 0,298 Университет: 0,108	Группа: 0,299 Университет: 0,105
	Loglik = -1208,7, AIC = 2441,5, BIC = 2511,7	Loglik = -1207,7, AIC = 2445,4, BIC = 2533,2	Loglik = -1207,2, AIC = 2440,5, BIC = 2516,6

Обсуждение результатов

Увеличение доли девушек, обучающихся на инженерно-технических направлениях, так же как уменьшение отсева девушек с этих направлений и улучшение их карьерных перспектив в области STEM, — приоритетные задачи по развитию инженерно-технического образования [Blackburn, 2017]. Исследования показывают, что важным препятствием к решению этих задач являются гендерные стереотипы, существующие в обществе [Spencer, Steele, Quinn, 1999]⁸. В рамках данного исследования мы изучили роль гендерных стереотипов в отсеке девушек, обучающихся на направлениях подготовки в области компьютерных и инже-

⁸ См. также: Thompson D. The Secret to Smart Groups: It's Women // The Atlantic. 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/01/the-secret-to-smart-groups-isnt-smart-people/384625/> (accessed 12.04.2020).

нерных наук. Основываясь на данных предыдущих эмпирических исследований, а также теоретической рамке множественных угроз подтверждения стереотипов Дж. Шапино и Э. Уильямс [Shapiro, Williams, 2012], мы предполагали, что в силу существующих в студенческой среде гендерных стереотипов о превосходстве математических способностей юношей девушки будут находиться под давлением опасений подтвердить негативные стереотипы о себе, что приведет к снижению их успеваемости и увеличит их шансы быть отчисленными из университета.

Гипотеза о большем масштабе отсева среди девушек не подтвердилась в рамках эмпирического исследования. К концу второго года обучения в репрезентативной выборке российских студентов, поступивших в 2015 г. и обучавшихся на специальностях в области инженерии и компьютерных наук, доля юношей, отчисленных из университета, превышала долю девушек. Наши результаты согласуются с данными предыдущих исследований об отчислении российских студентов на всех направлениях подготовки [Горбунова, Кондратьева, 2013; Kondratjeva et al., 2017]. Гендерное соотношение студентов инженерных специальностей и направлений в области компьютерных наук, отчисленных из университета, совпадает с общим соотношением по всем специальностям. Данный факт отличает российские вузы от зарубежных, где по данным многих исследований доля отчисленных девушек превышает долю юношей [Astorne-Figari, Speer, 2018; Griffith, 2010; Barker et al., 2009]. Данное отличие может быть объяснено различиями в феномене отсева в России и в зарубежных вузах, в частности в США. В России подавляющее число студентов инженерно-технического профиля обучаются за счет средств государства, а основная причина отчисления студентов — академическая неуспеваемость, в то время как в США большая часть студентов самостоятельно платят за обучение, а значительную долю отчисленных студентов составляют те, кто решил покинуть вуз по собственному желанию. Таким образом, государственное финансирование обучения может стать весомым аргументом для девушек в пользу завершения обучения даже при условии неудовлетворенности получаемым образованием и студенческим опытом. Другое объяснение наблюдаемых отличий в масштабе отсева студентов разного пола может быть связано со склонностью к рискованному поведению юношей и девушек. Было показано, что студенты, склонные рисковать, имеют выше шанс быть отчисленными из университета [Кочергина, Прахов, 2016]. При этом юноши более склонны к рискованному поведению, чем девушки [Byrnes, Miller, Schafer, 1999]. Данное обстоятельство может объяснять большие шансы юношей быть отчисленными из университета, в том числе при обучении на инженерно-технических направлениях подготовки.

Однако меньшая доля девушек, отчисленных из университета, не означает, что на отсев девушек, обучающихся на инженерно-технических направлениях подготовки, не оказывают влияние гендерные стереотипы. Многоуровневый регрессионный анализ показал, что наличие у девушек убеждений в том, что одноклассники считают юношей более способными к решению математических задач, увеличивает их шансы быть отчисленными из университета по результатам трех сессий. Таким образом, основываясь на теоретической рамке Дж. Шапино и Э. Уильямс, можно предположить, что девушки, обучающиеся на инженерных и компьютерных специальностях [Shapiro, Williams, 2012], опасаются подтвердить

негативные стереотипы своих одноклассников, и это отрицательно сказывается на их успешности в освоении образовательной программы и вероятности закончить ее в срок.

Результаты данного исследования демонстрируют важность работы с гендерными стереотипами относительно способностей юношей и девушек к точным наукам в студенческой среде. Для этого необходимы специальные интервенции, нацеленные на вовлечение девушек в STEM, формирование в них уверенности в своих силах и создание благоприятного климата для их развития в областях STEM [Szelényi, Inkelas, 2010; Wang, Degol, 2017] как на уровне общего образования, так и в вузах. Опыт некоторых университетов по реализации подобных интервенций показывает их эффективность. Организация семинаров, научных мероприятий с привлечением женщин, которые добились успеха в точных науках и могут выступать ролевой моделью, демонстрируя свои достижения в STEM, способствует повышению привлекательности инженерных, математических и естественнонаучных направлений в вузах [Jansen, Joukes, 2013]. Также исследования показывают, что размер класса может быть связан с академическими результатами девушек, обучающихся по STEM направлениям подготовки. В маленьких группах девушки склонны проявлять большую вовлеченность⁹. Таким образом, разработка интервенций для борьбы с гендерными стереотипами и создание благоприятного психологического климата позволят увеличить процент девушек, получающих высшее образование в области инженерных и компьютерных наук, что приведет к повышению эффективности инвестиций в подготовку высококвалифицированных кадров в этих областях.

Список литературы (References)

Горбунова Е. В., Кондратьева О. С. Анализ гендерных различий в выбытии из вуза российских и американских студентов программ бакалавриата // *Universitas*. 2013. № 1. С. 48—69.

Gorbunova E. V., Kondratjeva O. S. (2013) Analysis of gender differences in the graduation of Russian and American students from undergraduate programs. *Universitas*. No. 1. P. 48—69. (In Russ.)

Груздев И. А., Горбунова Е. В., Фрумин И. Д. Студенческий отсев в российских вузах: к постановке проблемы // *Вопросы образования*. 2013. № 2. С. 67—81.

Gruzdev I., Gorbunova E., Froumin I. (2013) Academic Dismissal in Russian Higher Education Institutions: Defining the Problem. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 67—81. (In Russ.)

Гулевич О. А. «Стереотипная угроза»: самосбывающееся пророчество в сфере образования // *Психологическая наука и образование*. 2013. № 2. С. 15—33.

Gulevitch O. A. (2013) «Stereotype threat»: a self-fulfilling prophecy in education. *Psychological Science and Education*. No. 2. P. 15—33. (In Russ.)

⁹ Smaller class size means more success for women in STEM // *ScienceDaily*. 24.07.2019. URL: www.sciencedaily.com/releases/2019/07/190724155943.htm (дата обращения: 12.04.2020).

Кочергина Е., Прахов И. Взаимосвязь между отношением к риску, успеваемостью студентов и вероятностью отчисления из вуза // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 206—228.

Kochergina E., Prakhov I. (2016) Relationships between Risk Attitude, Academic Performance, and the Likelihood of Drop-outs. *Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 206—228. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-206-228..>

Фруммин И. Д., Добрякова М. С. Что заставляет меняться российские вузы: договор о невовлеченности // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 159—191.

Froumin I. D., Dobryakova M. S. What makes Russian universities change: disengagement compact. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 159—191. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-159-191.>

Ambady N., Shih M., Kim A., Pittinsky T. (2001) Stereotype susceptibility in children: Effects of identity activation on quantitative performance. *Psychological Science*. Vol. 12. No. 5. P. 385—390. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00371.>

Astorne-Figari C., Speer J. D. (2018) Drop out, switch majors, or persist? The contrasting gender gaps. *Economics Letters*. Vol. 164. P. 82—85. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2018.01.010.>

Atkinson R. D., Mayo M. (2010) Refueling the US Innovation Economy: Fresh Approaches to Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) Education. Information Technology and Innovation Foundation.

Atkinson-Bonasio A. (2017) Gender balance in research: new analytical report reveals uneven progress. Elsevier. URL: <https://www.elsevier.com/connect/gender-balance-in-research-new-analytical-report-reveals-uneven-progress> (accessed 12.04.2020).

Barker L. J., McDowell C., Kalahar K. (2009) Exploring factors that influence computer science introductory course students to persist in the major. *ACM SIGCSE Bulletin*. Vol. 41. No. 1. P. 153—157. <https://doi.org/10.1145/1539024.1508923.>

Bahr P. R., Jackson G., McNaughtan J., Oster M., Gross J. (2017) Unrealized potential: Community college pathways to STEM baccalaureate degrees. *The Journal of Higher Education*. Vol. 88. No. 3. P. 430—478. <https://doi.org/10.1080/00221546.2016.1257313.>

Blackburn H. (2017) The status of women in STEM in higher education: A review of the literature 2007—2017. *Science & Technology Libraries*. Vol. 36. No. 3. P. 235—273. <https://doi.org/10.1080/0194262x.2017.1371658.>

Burtner J. (2005) The Use of Discriminant Analysis to Investigate the Influence of Non-Cognitive Factors on Engineering School Persistence. *Journal of Engineering Education*. Vol. 94. No. 3. P. 335—338. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2005.tb00858.x.>

Byrnes J. P., Miller D. C., Schafer W. D. (1999) Gender differences in risk taking: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 3. P. 367—383. <https://www.doi.org/10.1037/0033-2909.125.3.367.>

Casanova J. R., Cervero A., Núñez J. C., Almeida L. S., Bernardo A. (2018) Factors that determine the persistence and dropout of university students. *Psicothema*. Vol. 30. No. 4. P. 408—414.

Ceci S. J., Williams W. M. (2010) Sex differences in math- intensive fields. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 19. P. 275—279. <https://doi.org/10.1177/0963721410383241>.

Chen X. (2009) Students Who Study Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) in Postsecondary Education. Washington, DC: Natl. Center for Educ. Statistics.

Dougherty K. (1992) Community Colleges and Baccalaureate Attainment. *The Journal of Higher Education*. Vol. 63. No. 2. P. 188—214. <https://www.doi.org/10.2307/1982159>.

Ehrenberg R. G., Smith C. L. (2004) Analyzing the success of student transitions from 2- to 4-year institutions within a state. *Economics of Education Review*. Vol. 23. No. 1. P. 11—28. [https://doi.org/10.1016/s0272-7757\(03\)00078-5](https://doi.org/10.1016/s0272-7757(03)00078-5).

Ferrant G., Kolev A. (2016) The economic cost of gender-based discrimination in social institutions. Organisation for Economic Co-operation and Development Center. URL: https://www.oecd.org/dev/development-gender/SIGI_cost_final.pdf (accessed 12.04.2020).

Gereffi G., Wadhwa V., Rissing B., Ong R. (2008) Getting the numbers right: International engineering education in the United States, China, and India. *Journal of Engineering Education*. Vol. 97. No. 1. P. 13—25. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2008.tb00950.x>.

Goy S. C., Wong Y. L., Low W. Y., Uzoigwe A. G. (2018) Swimming against the tide in STEM education and gender equality: a problem of recruitment or retention in Malaysia. *Studies in Higher Education*. Vol. 43. No. 11. P. 1793—1809. <https://doi.org/10.1080/03075079.2016.1277383>.

Griffith A. L. (2010) Persistence of women and minorities in STEM field majors: Is it the school that matters? *Economics of Education Review*. Vol. 29. No. 6. P. 911—922. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2010.06.010>.

Hagedorn L. S., Purnamasari A. V. (2012) A realistic look at STEM and the role of community colleges. *Community College Review*. Vol. 40. No. 2. P. 145—164. <https://doi.org/10.1177/0091552112443701>.

Jansen N., Joukes G. (2013) Long Term, Interrelated Interventions to Increase Women's Participation in STEM in the Netherlands. *International Journal of Gender, Science and Technology*. Vol. 5. No. 3.

Kondratjeva O., Gorbunova E. V., Hawley J. D. (2017) Academic Momentum and Undergraduate Student Attrition: Comparative Analysis in US and Russian Universities. *Comparative Education Review*. Vol. 61. No. 3. P. 607—633. <https://doi.org/10.1086/692608>.

Leppel K. (2001) The Impact of Major on College Persistence among Freshmen. *Higher Education*. Vol. 41. No. 3. P. 327—342.

Lindberg S. M., Hyde J. S. Petersen J. L., Linn M. C. (2010) New trends in gender and mathematics performance: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 136. No. 6. P. 1123—1135. <http://dx.doi.org/10.1037/a0021276>.

Maltese A. V., Tai R. H. (2011) Pipeline persistence: Examining the association of educational experiences with earned degrees in STEM among US students. *Science education*. Vol. 95. No. 5. P. 877—907. <https://doi.org/10.1002/sce.20441>.

Marx D. M., Stapel D. A. (2006) It's all in the timing: measuring emotional reactions to stereotype threat before and after taking a test. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 5. P. 687—698. <https://doi.org/10.1002/ejsp.310>.

Mellors-Bourne R., May T., Haynes K., Talbot M. (2017) Engineering UK 2017. The state of engineering. URL: <https://www.engineeringuk.com/media/1355/enguk-report-2017.pdf> (accessed 12.04.2020).

O'Dea R.E., Lagisz M., Jennions M. D., Nakagawa S. (2018) Gender differences in individual variation in academic grades fail to fit expected patterns for STEM. *Nature Communications*. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-06292-0>.

Powell A., Dainty A., Bagilhole B. (2012) Gender stereotypes among women engineering and technology students in the UK: lessons from career choice narratives. *European Journal of Engineering Education*. Vol. 37. No. 6. P. 541—556. <https://doi.org/10.1080/03043797.2012.724052>.

Sahin A., Ekmekci A., Waxman H. C. (2017) The relationships among high school STEM learning experiences, expectations, and mathematics and science efficacy and the likelihood of majoring in STEM in college. *International Journal of Science Education*. Vol. 39. No. 11. P. 1549—1572. <https://doi.org/10.1080/09500693.2017.1341067>.

Shapiro J. R., Williams A. M. (2012) The role of stereotype threats in undermining girls' and women's performance and interest in STEM fields. *Sex Roles: A Journal of Research*. Vol. 66. No. 3—4. P. 175—183. <https://doi.org/10.1007/s11199-011-0051-0>.

Spencer S. J., Steele C. M., Quinn D. M. (1999) Stereotype threat and women's math performance. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 35. No. 1. P. 4—28. <https://www.doi.org/10.1006/jesp.1998.1373>.

Steele C. M., Aronson J. (1995) Stereotype threat and the intellectual test performance of African Americans. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 69. No. 5. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.5.797>.

Stinebrickner R., Stinebrickner T. R. (2013) A major in science? Initial beliefs and final outcomes for college major and dropout. *Review of Economic Studies*. Vol. 81. No. 1. P. 426—472. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt025>.

Stoet G., Geary D. (2018) The Gender-Equality Paradox in Science, Technology, Engineering, and Mathematics Education. *Psychological Science*. Vol. 29. No. 4. P. 581—593. <https://doi.org/10.1177/0956797617741719>.

Szelényi K., Inkelas K. K. (2010) The Role of Living–Learning Programs in Women’s Plans to Attend Graduate School in STEM Fields. *Research in Higher Education*. Vol. 52. No. 4. P. 349—369. <https://doi.org/10.1007/s11162-010-9197-9>.

Vincent-Lancrin S. (2008) The reversal of gender inequalities in higher education. In: *Higher Education to 2030: Demography*. P. 265—98. Paris: OECD. <https://doi.org/10.1787/9789264040663-11-en>.

Voyer D., Postma A., Brake B., Imperato-McGinley J. (2007) Gender differences in object location memory: a meta-analysis. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 14. P. 23—38. <https://doi.org/10.3758/bf03194024>.

Wang M. T., Degol J. L. (2017) Gender Gap in Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM): Current Knowledge, Implications for Practice, Policy, and Future Directions. *Educational psychology review*. Vol. 29. No. 1. P. 119—140. <https://doi.org/10.1007/s10648-015-9355-x>.

Xie Y., Fang M., Shauman K. (2015) STEM education. *Annual review of sociology*. Vol. 41. P. 331—357. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145659>.

Приложение

Таблица 1. Характеристики выборки и генеральной совокупности

	Доля девушек в общем приеме в бакалавриате в 2018 г., в %	Доля девушек в выборке первого курса, в %	Доля отчисленных девушек, в %	Доля отчисленных юношей, в %
Компьютерные науки				
Математика и компьютерные науки (N = 59)	32	42	40	27
Фундаментальная информатика и информационные технологии (N = 23)	25	13	33	35
Математическое обеспечение и администрирование информационных систем (N = 94)	25	31	10	23
Информатика и вычислительная техника (N = 454)	19	21	20	21
Информационные системы и технологии (N = 395)	23	27	11	25
Прикладная информатика (N = 153)	30	39	15	22
Инженерные науки				
Программная инженерия (N = 207)	18	20	17	22
Информационная безопасность (N = 166)	19	23	19	12
Радиотехника (N = 94)	16	11	30	25
Инфокоммуникационные технологии и системы связи (N = 395)	23	20	5	15
Конструирование и технология электронных средств (N = 75)	19	8	17	13
Электроэнергетика и электротехника (N = 359)	11	15	9	12
Электроника и нанoeлектроника (N = 190)	21	25	6	23
Приборостроение (N = 109)	23	21	17	23
Лазерная техника и лазерные технологии (N = 59)	28	31	22	29
Фотоника и оптоинформатика (N = 45)	30	31	21	45
Оптотехника (N = 14)	28	7	0	39

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2020 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 293—311.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): March — April 2020. (2020) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 293—311.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2020

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ЧТО РОССИЯНЕ ЗНАЮТ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ? 294

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ С РОССИЕЙ:
ИТОГИ ПЕРВЫХ ШЕСТИ ЛЕТ 296

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОПРАВКИ:
РЕЙТИНГ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН 300

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

РОССИЯ В ПАНДЕМИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ МЕР 302

ОТДЫХ-2020: ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ? 305

ОБРАЗ ЖИЗНИ

НАБЕГИ НА МАГАЗИНЫ: АЖИОТАЖ СХОДИТ НА НЕТ 308

СЕТЬ КАК СПАСЕНИЕ 310

ПОЛИТИКА

ЧТО РОССИЯНЕ ЗНАЮТ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ? 294

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ С РОССИЕЙ:

ИТОГИ ПЕРВЫХ ШЕСТИ ЛЕТ 296

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОПРАВКИ:

РЕЙТИНГ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН 300

ЧТО РОССИЯНЕ ЗНАЮТ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ?

11 марта 2020 г.

Подавляющее число россиян (87 %) информированы о предстоящем голосовании по поправкам в Конституцию Российской Федерации, и эта доля постепенно растет. Принятие 10 марта Государственной Думой во втором чтении поправок к Конституции стало резонансным событием — 75 % россиян слышали о нем. Примерно столько же россиян (73 %) осведомлены о предложении Валентины Терешковой снять ограничения по числу президентских сроков.

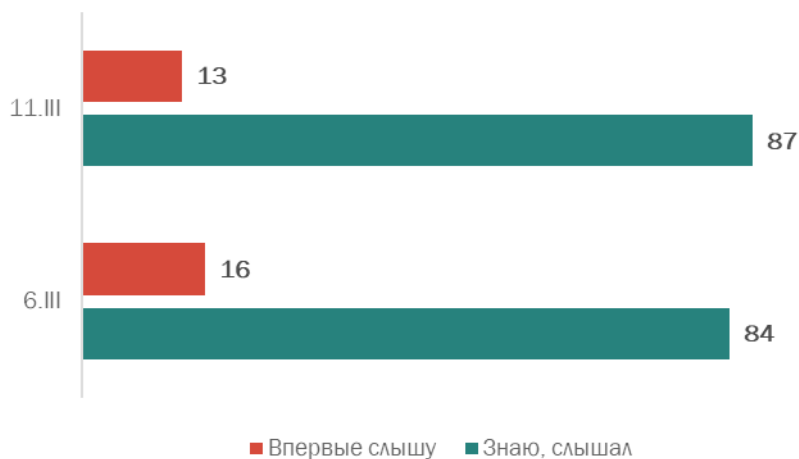
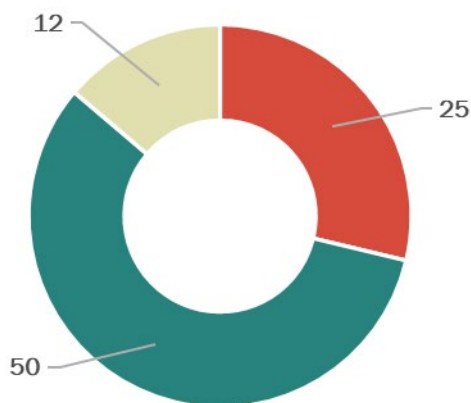
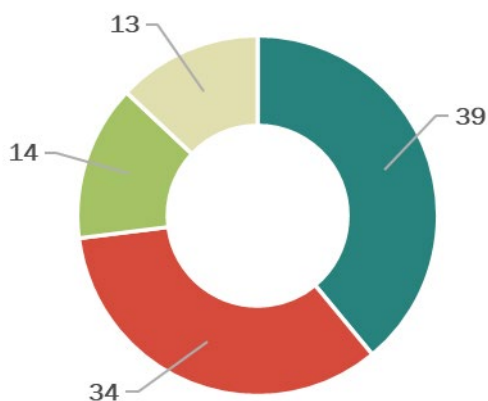

Рисунок 1. Вы знаете, слышали или слышите сейчас впервые, что в ближайшее время состоится общероссийское голосование по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Хорошо знаю
- Что-то слышал, без подробностей
- Сейчас в первый раз слышу

Рисунок 2. Вы знаете, слышали или сейчас в первый раз слышите о том, что 10 марта Госдума приняла во втором чтении законопроект о внесении поправок к Конституции? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Хорошо знаю
- Что-то слышал, без подробностей
- Сейчас в первый раз слышу
- Не отвечал на этот вопрос

Рисунок 3. Валентина Терешкова на заседании Госдумы предложила снять ограничение по числу президентских сроков, либо закрепить положение о том, что после вступления в силу обновленной Конституции действующий президент, как и любой другой гражданин, имеет право избираться на пост главы государства. Вы знаете, слышали или сейчас в первый раз слышите об этом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ С РОССИЕЙ: ИТОГИ ПЕРВЫХ ШЕСТИ ЛЕТ

14—15 марта 2020 г.

Шесть лет спустя абсолютное большинство жителей Республики Крым (93 %) и Севастополя (90 %) положительно оценивают воссоединение Крыма с Россией¹. Также 90 % россиян уверены в правильности решения о принятии Крыма. Почти каждый второй россиянин воспринимает Крым как «исконно русскую землю» (49 %). Три четверти участников опроса в Крыму (72 %) и в Севастополе (67 %) утверждают, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи. Напротив, каждый десятый респондент в Крыму (8 %) и в Севастополе (12 %) считает, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на его жизни. Тем не менее в условиях моделирования ситуации референдума 88 % опрошенных крымчан и 84 % жителей Севастополя заявили, что и при повторном голосовании вновь поддержали бы вхождение Крыма в состав Российской Федерации.

Рисунок 4. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

¹ Инициативные опросы жителей Республики Крым и г. Севастополя проведены 14—15 марта по заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ). В опросе по Крыму приняли участие 1200 респондентов от 18 лет, а по г. Севастополю — 800 респондентов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории республики Крым. Для данных выборок максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 3,5%.

Рисунок 5. В марте 2014 года состоялся референдум о судьбе Крыма. Если бы в ближайшее воскресенье состоялся референдум с теми же вопросами, что и пять лет назад, то какой бы вариант Вы выбрали? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

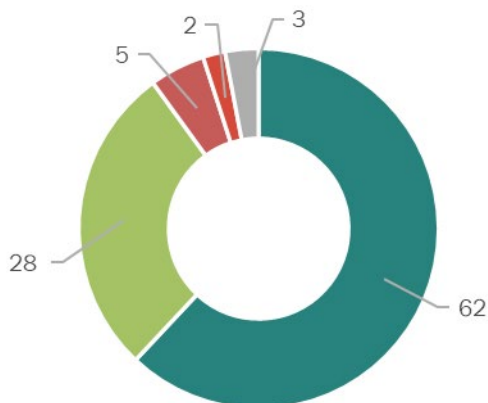
Рисунок 6. Воссоединение Крыма с Россией сказалось или не сказалось на Вашей жизни, жизни Вашей семьи, и если сказалось, то как: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 7. Если говорить про Республику в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в Республике? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 8. Если говорить про ситуацию в Севастополе в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в городе? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Безусловно правильно   ■ Скорее правильно   ■ Скорее неправильно
- Безусловно неправильно   ■ Затрудняюсь ответить

Рисунок 9. Как Вы считаете, Россия правильно поступила, приняв Крым в состав Российской Федерации, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 10. Почему Вы считаете, что Россия правильно поступила, приняв Крым в состав России? Назовите самую главную для Вас причину (открытый вопрос, один ответ, % от тех, кто считает, что решение было верным, представлены ответы, названные не менее 2% респондентов)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОПРАВКИ: РЕЙТИНГ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН

22 и 29 марта 2020 г.

Россияне признают важность конкретных предложений по изменению социальной и политической сферы нашей страны. Самой важной поправкой к Конституции РФ в социальной сфере для 95 % россиян является обеспечение качества и доступности медицины. В политической сфере самой важной признается поправка по снятию ограничений для занимавшего ранее должность президента РФ на участие в следующих выборах (65 %). Больше половины россиян (57 %) в той или иной степени готовы ее поддержать.

Таблица 1. Скажите, пожалуйста, лично для Вас важно или не важно, чтобы следующие принципы были закреплены в Конституции России?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	29.III	29.III	22.III	22.III
	Скорее важно	Скорее не важно	Скорее важно	Скорее не важно
Государством обеспечивается доступность и качество медицинского обслуживания	95	3	95	4
Обязательная ежегодная индексация пенсий	91	6	92	6
Создание Правительством условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры*	88	9	—	—
Признание культуры в Российской Федерации как уникального наследия многонационального народа*	87	10	—	—
Защита животных, формирование ответственного отношения к животным	86	11	85	13
Снятие ограничений для занимавшего или занимающего должность президента РФ участвовать в качестве кандидата на следующих выборах президента РФ	65	26	61	30
Создание единой системы публичной власти	64	21	57	24
Расширение полномочий Государственной Думы РФ. Депутаты Госдумы будут утверждать на должность заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров	55	33	47	39
Расширение полномочий Совета Федерации РФ. Сенаторы будут участвовать в назначении силовых министров и прокуроров, а также судей ключевых инстанций	53	34	47	39
Местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, кроме столицы*	40	49	—	—

Примечание. Вопросы с поправками, отмеченными звездочкой (*), задавались впервые 29 марта 2020 года.

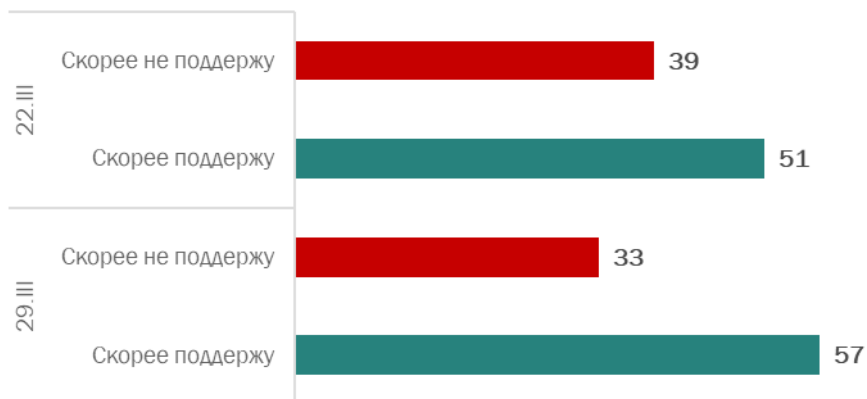

Рисунок 11. Скажите, пожалуйста, а Вы лично поддерживаете или не поддерживаете внесение этих поправок к Конституции РФ? Снятие ограничений для занимавшего или занимающего должность президента РФ участвовать в качестве кандидата на следующих выборах президента РФ (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

РОССИЯ В ПАНДЕМИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ МЕР 302

ОТДЫХ-2020: ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ? 305

**РОССИЯ В ПАНДЕМИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ МЕР**

29—30 марта и 2 апреля 2020 г.

Информационный голод относительно пандемии коронавируса в России уже удовлетворен: абсолютное большинство (88 %) россиян полагают, что информации о ситуации с коронавирусом в мире, путях передачи и профилактике достаточно. Большинство россиян оценивают предпринятые российскими властями меры для предотвращения распространения коронавируса как достаточные (63 %). Более того, за пять дней с 29 марта их доля выросла на 11 п. п. и снизилась доля тех, кто оценивал меры как недостаточные. С 30 марта увеличилась доля россиян, положительно оценивающих предпринятые властями меры для обеспечения подготовки медицинских учреждений к приему больных коронавирусом. По итогам опроса 2 апреля их доля составила 43 % по сравнению 34 % от 30 марта. Уровень положительных отзывов о работе медиков вырос по России в целом и особенно в Москве, где наблюдается наибольшее число заболевших коронавирусной инфекцией. Каждый второй россиянин чаще слышал положительные отзывы о российских медиках от знакомых и в СМИ — 57 %.

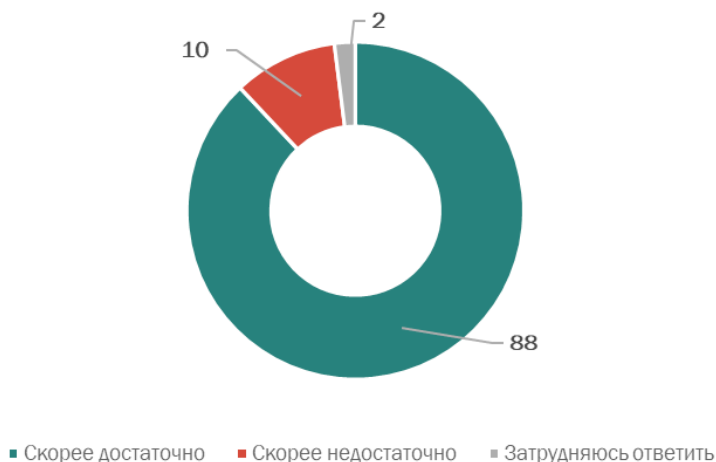

Рисунок 1. Если говорить о Вас, достаточно или недостаточно лично Вам сегодня информации о ситуации с распространением коронавируса в мире, путях передачи вируса, методах профилактики? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. Как Вы считаете, российские власти предпринимают достаточные или недостаточные меры для предотвращения дальнейшего распространения коронавируса? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

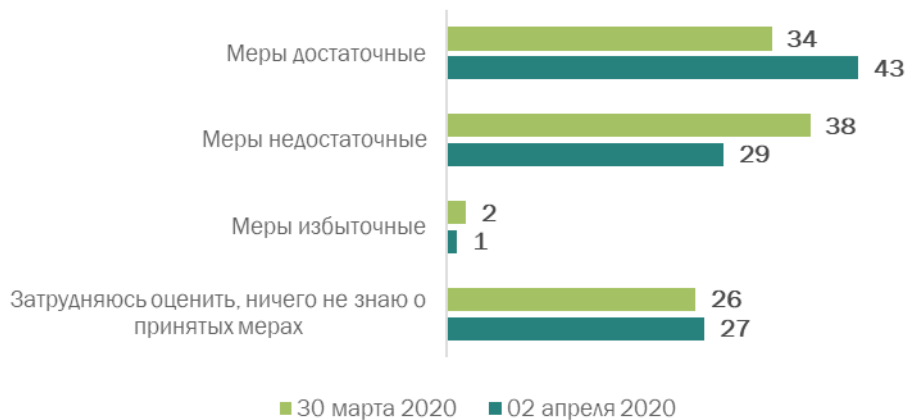

Рисунок 3. Как Вы считаете, российские власти предпринимают достаточные или недостаточные меры для обеспечения подготовки медицинских учреждений к приему больных коронавирусом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Скажите, какие отзывы, суждения о работе врачей, медицинских работников Вы слышали от окружающих людей или в СМИ за последнюю неделю чаще — положительные или отрицательные? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	РФ	РФ	Москва	Москва
	30 марта 2020	02 апреля 2020	30 марта 2020	02 апреля 2020
Чаще положительные	45	57	53	61
Положительные и отрицательные примерно поровну	28	22	21	16
Чаще отрицательные	14	8	9	6
Затрудняюсь ответить	13	13	17	17

ОТДЫХ-2020: ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ?

15 апреля 2020 г.

Россияне постепенно меняют планы на майские праздники и летний отдых: к этому пришлось прибегнуть каждому четвертому (26%). Месяцем ранее, 21 марта, об этом сообщали 17% наших соотечественников. Более половины (57%) летом-2020 будут отдыхать дома, каждый третий — на даче (35%). Декларируемые причины перемен в планах на 15 апреля: коронавирус (50%), карантин (34%), закрытие границ (11%). Те, кто поменял планы, ранее собирались отдохнуть в другом городе или селе России (30%, +10 п. п. с марта), а также в других странах за пределами бывшего СССР (27%, —20 п. п.) или на даче, садовом участке (19%, +10 п. п.).

Рисунок 4. Где Вы собираетесь отдыхать на ближайших майских каникулах или этим летом? Вы можете дать любое число ответов (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

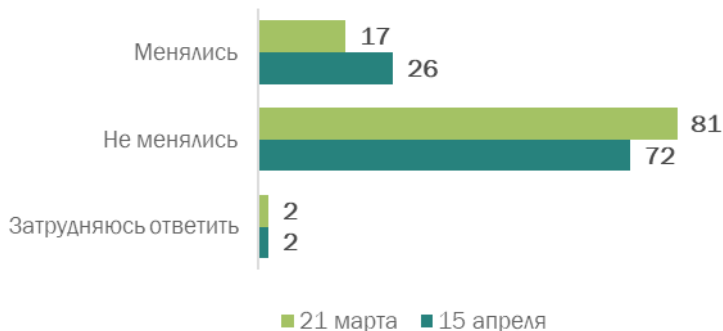

Рисунок 5. За последние два месяца у Вас менялись или не менялись планы отдыха на майских каникулах или этим летом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 6. Почему у Вас изменились планы отдыха на майских каникулах или этим летом? Вы можете дать до трех ответов (открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, у кого менялись майские и летние планы, представлены ответы от 2% опрошенных)

Рисунок 7. А где Вы планировали отдохнуть на ближайших майских каникулах или этим летом до того, как Ваши планы изменились? Вы можете дать любое число ответов (закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, у кого менялись майские и летние планы)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

НАБЕГИ НА МАГАЗИНЫ: АЖИОТАЖ СХОДИТ НА НЕТ.....308

СЕТЬ КАК СПАСЕНИЕ.....310

НАБЕГИ НА МАГАЗИНЫ: АЖИОТАЖ СХОДИТ НА НЕТ*21 марта 2020 г.*

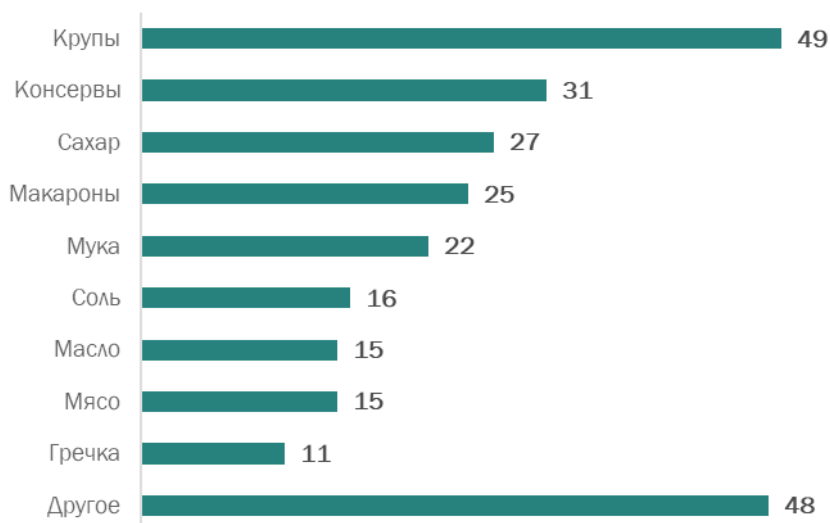
После импульсивных набегов на магазины в связи с началом пандемии коронавируса россияне стали более рационально относиться к продуктовым закупкам. 9 из 10 россиян ответили, что не считают необходимым закупаться продуктами питания в связи с распространением коронавируса. Из 11% россиян, согласных с необходимостью закупки продуктов впрок, воплотили за последние два-три месяца этот план в жизнь менее половины — 43%. В продуктовую корзину запасливых россиян попали крупы (49%), консервы (31%), сахар (27%), макароны (25%) и мука (22%). Также важно закупить впрок соль (16%), масло (15%) и мясо (15%), считают россияне, склоняющиеся к приобретению продуктовых запасов на длительный срок.

Рисунок 1. Давайте поговорим о ситуации в России. Как Вы считаете, сейчас стоит или не стоит закупиться впрок продуктами питания на длительный срок в связи с коронавирусом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Скажите, пожалуйста, в последние два-три месяца Вы покупали впрок продукты питания на длительный срок в связи с коронавирусом? (закрытый вопрос, один ответ, % тех, кто считает, что стоит закупиться впрок продуктами)

	% тех, кто считает, что стоит закупиться впрок продуктами
Да	43
Нет	57

Рисунок 2. Как Вы считаете, какие продукты питания сейчас стоит закупить впрок? Вы можете дать до пяти ответов (открытый вопрос, до пяти ответов, % тех, кто считает, что стоит закупиться впрок продуктами, представлены ответы, названные от 8% опрошенных)

СЕТЬ КАК СПАСЕНИЕ

5 апреля 2020 г.

На сегодняшний день в цифровую среду вовлечены 82% россиян. О ежедневном использовании Сети сообщает 71% наших соотечественников, также почти каждый десятый использует интернет несколько раз в неделю (7%). Не пользуются интернетом 18% сограждан. В условиях самоизоляции, предпринятой россиянами для защиты от распространения коронавируса, изменился ряд практик использования интернета. По сравнению с февралем 2020 г. на 6 п. п. увеличилась доля опрошенных, использующих интернет для получения новостей о жизни в городе, стране или мире (89% vs. 83%). Доля россиян, использующих интернет для обучения и самообразования, выросла на те же 6 п. п. с февраля этого года и составила 69%. Чаще всего пользователи Рунета используют Сеть для общения с близкими, родственниками или друзьями (89%). В Рунет ходят также для досуга и развлечений: смотрят кино, играют в игры, читают книги в Сети 77% пользователей; два года назад их было на 6 п. п. меньше (71%). Вовлеченность в приобретение повседневных товаров и товаров длительного пользования (бытовой техники, мебель) практически не изменилась.

Таблица 2. *Пользуетесь ли Вы интернетом, и если да, то как часто?*
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	1 кв. 2015	1 кв. 2016	1 кв. 2017	1 кв. 2018	1 кв. 2019	февраль 2020	апрель 2020
Практически ежедневно	51	53	56	62	66	69	71
Несколько раз в неделю	13	12	13	12	11	9	7
Несколько раз в месяц	5	4	4	4	3	2	2
Эпизодически, но не реже 1 раза в полгода	2	1	2	2	2	1	2
Не пользуюсь	29	29	25	19	18	19	18
Затрудняюсь ответить	0	1	0	1	0	0	0

Таблица 3. Я зачитаю список, а Вы скажите, для чего Вы на сегодняшний день используете интернет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Год	Использую интернет	Не использую интернет	Не делаю этого
Общение с друзьями, знакомыми, родственниками	2018	79	15	5
	февраль 2020	88	9	3
	апрель 2020	89	9	2
Получение новостей о жизни города, страны, мира	2018	85	12	3
	февраль 2020	83	11	6
	апрель 2020	89	7	4
Банковские операции — переводы	2018	68	25	7
	февраль 2020	72	17	11
	апрель 2020	78	14	9
Развлечения: кино, книги, игры	2018	71	23	6
	февраль 2020	75	17	8
	апрель 2020	77	17	6
Оплата счетов	2018	60	33	7
	февраль 2020	68	22	10
	апрель 2020	71	21	8
Обучение, самообразование	2018	67	25	8
	февраль 2020	63	22	15
	апрель 2020	69	19	12
Государственные услуги — оформление документов, получение справок	2018	57	33	10
	февраль 2020	57	29	14
	апрель 2020	60	28	12
Покупка товаров и услуг длительного пользования — бытовая техника, мебель и прочего	2018	41	48	11
	февраль 2020	35	45	20
	апрель 2020	39	45	15
Покупка повседневных товаров — продуктов, бытовой химии, и прочего	2018	14	72	14
	февраль 2020	24	55	21
	апрель 2020	26	59	16

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.742

Правильная ссылка на статью:

Дудина В. И., Руппель А. Ф. «Меня выводит из себя любая мелочь»: самомедицинализация стресса и паттерны употребления фармацевтических препаратов в цифровом обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 312—330. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.742>.

For citation:

Dudina V. I., Ruppel A. F. (2020) “Every little thing makes me mad”: self-medicalization of stress and the patterns of taking pharmaceuticals in a digital society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 312—330. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.742>.

В. И. Дудина, А. Ф. Руппель
«МЕНЯ ВЫВОДИТ ИЗ СЕБЯ ЛЮБАЯ МЕЛОЧЬ»:
САМОМЕДИКАЛИЗАЦИЯ СТРЕССА И ПАТТЕРНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

«МЕНЯ ВЫВОДИТ ИЗ СЕБЯ ЛЮБАЯ МЕЛОЧЬ»: САМОМЕДИКАЛИЗАЦИЯ СТРЕССА И ПАТТЕРНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

“EVERY LITTLE THING MAKES ME MAD”: SELF-MEDICALIZATION OF STRESS AND THE PATTERNS OF TAKING PHARMACEUTICALS IN A DIGITAL SOCIETY

ДУДИНА Виктория Ивановна — доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.dudina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

Victoria I. DUDINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of the Department of Applied Sociology
E-MAIL: v.dudina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

*РУППЕЛЬ Анастасия Фридриховна — магистр социологии, менеджер проектов направления «Социальные исследования», Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: anastasija.ruppel@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2074-0255*

*Anastasia F. RUPPEL² — Master of Sociology, Social Research Project Manager
E-MAIL: anastasija.ruppel@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2074-0255*

² Regional Public Organization of Social Projects for Population's Well-Being (NGO "Stellit"), St. Petersburg, Russia

Аннотация. Практики борьбы со стрессом и его последствиями в современном обществе все больше опираются на прием фармацевтических препаратов. В самомедикации стресса, когда человек сам диагностирует симптомы и наделяет их статусом болезни, требующей применения медикаментов, большую роль играют интернет-ресурсы, где пользователи могут обсуждать особенности различных лекарственных препаратов. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить типичные особенности самомедикации стресса через изучение дискуссий пользователей интернета, обсуждающих медикаментозные способы управления стрессом. В выборку было включено 13 интернет-ресурсов, посвященных обсуждению применения фармацевтических препаратов для управления стрессом, содержащих в общей сложности 762 комментария. В результате индуктивного и дедуктивного кодирования комментариев пользователей были выделены три паттерна употребления фармацевтических препаратов: самоназначение фармацевтических препаратов, употребление фармацевтических препаратов как дополнительный способ избавления от стресса, употребление фармацевтических препаратов по назначению врача. Выделенные паттерны различаются по степени самомеди-

Abstract. Patterns of coping with stress and its consequences in the modern society increasingly rely on pharmaceutical drugs. In self-medicalization, implying self-diagnosis of symptoms qualified as a disease which needs to be treated medically, a big role is played by online resources where users can discuss the specifics of various medicines. The purpose of the study is to reveal the features of stress self-medicalization by studying the comments of the users discussing pharmacological treatment of stress. The sample included 13 Internet resources (a total of 762 comments) devoted to the use of medications to handle stress. As a result of inductive and deductive coding of user comments three patterns of medication use were singled out: (1) self-prescribed medication, (2) use of medicines as an additional way to relieve stress, (3) use of prescription medicines. These patterns differ in the level of stress self-medicalization and help to understand the extent to which people affected by this problem are capable of solving this problem by themselves, using only online user comments, as well as to detect the situations where they need a professional medical advice.

кализации стресса и позволяют понять, насколько люди, которых затронула данная проблема, склонны решать ее самостоятельно с привлечением советов пользователей интернета, и в каких ситуациях они выбирают профессиональную медицинскую помощь.

Ключевые слова: медиализация, самомедиализация, стресс, социология здоровья, интернет, социальные медиа, фармацевтические препараты

Keywords: medicalization, self-medicalization, stress, sociology of health, Internet, social media, pharmaceuticals

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00726.

Acknowledgments. The study is financed by Russian Foundation for Basic Research under project no. 18-013-00726.

Хронический стресс, неврозы и тревожность стали отличительными явлениями нашего времени. В 2013 г. Европейское агентство по безопасности и гигиене труда пришло к выводу, что стресс, связанный с работой, является одной из самых серьезных проблем в сфере охраны труда, которая затрагивает 51 % работников из 33 стран ЕС¹. В соответствии с этими результатами Всемирная организация здравоохранения заявила, что стресс является эпидемией XXI в., а количество людей, страдающих от стресса, вызванного работой, скорее всего, увеличится [Väänänen, Murray, Kuokkanen, 2014: 117].

В России изучать распространенность стресса в повседневной жизни начали относительно недавно. По данным опроса «Левада-Центра», проведенного в 2017 г.,² 72 % опрошенных испытывают стресс, при этом 39 % испытывают стресс несколько раз в месяц, 22 % — несколько раз в неделю и 11 % — почти ежедневно. Согласно исследованию ВЦИОМ 2017 г., на состояние здоровья россиян больше всего влияют стресс и эмоциональное состояние: 32 % опрошенных выбрали именно эту причину, тогда как такие факторы, как доступность квалифицированной медицинской помощи и доступность качественных лекарственных средств назвали только 24 % и 11 % респондентов соответственно³. Кросс-культурное сравнительное исследование стрессоустойчивости россиян, американцев и тайваньцев [Glei et al., 2013] показало, что в России уровень воспринимаемого стресса был самым высоким. Факторами, повлиявшими на высокий уровень стресса, по мнению

¹ European opinion poll on occupational safety and health 2013 // European Agency for Safety and Health at Work. Электронный ресурс. URL: <https://osha.europa.eu/en/surveys-and-statistics-osh/european-opinion-polls-safety-and-health-work/european-opinion-poll-occupational-safety-and-health-2013> (дата обращения: 10.07.2019).

² Напряжение и стресс [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 15.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/15/napryazhenie-i-stress/> (дата обращения: 01.04.2020).

³ Россия-2017: качество жизни [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 23.10.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116472> (дата обращения: 01.04.2020).

исследователей, стали социальные и экономические изменения, нестабильность, рост неравенства. В исследованиях российских авторов стресс рассматривается как фактор риска здоровью населения и распространения вредных привычек [Бухтияров, 2016; Короленко, 2019; Шафиркин, 2013]. Исследуются особенности преодоления стресса у различных групп населения [Имамгалиева 2017; Давыдова, Козьмина, 2014; Зотова, Зотов, 2015; Сабадаш, 2016].

Практики совладания со стрессом в современном обществе в значительной мере опираются на прием фармацевтических препаратов. В исследовании центра HeadHunter было выявлено, что 18 % респондентов принимают успокоительные препараты и 3 % — антидепрессанты. В качестве основных причин приема препаратов (при условии выбора нескольких вариантов ответа) опрошенные назвали: ссоры с начальством или коллегами (59 %), чрезмерно большой объем выполняемой работы (49 %), недовольство работой (31 %), слишком быстрый темп работы (25 %) ⁴. В опросе «Левада-Центра» 2017 г. в приеме медикаментов для борьбы с последствиями стресса признались 7 % опрошенных ⁵. Согласно опросу Фонда общественного мнения (ФОМ) 2018 г., успокоительные средства постоянно находятся в аптечке у 48 % респондентов ⁶.

Успокоительные часто принимаются в рамках самостоятельного лечения, когда люди сами назначают себе препараты, без консультации со специалистами. В России практика самолечения распространена достаточно широко. Согласно исследованиям, проведенным ФОМ в 2015 г., людей, предпочитающих лечиться самостоятельно, было 46 % ⁷, а в 2017 г. таких респондентов стало уже 63 % ⁸. По данным опроса ВЦИОМ 2017 г., занимаются самолечением 35 % опрошенных ⁹. В опросе ФОМ в качестве основных причин самостоятельного лечения респонденты указали на недоверие официальной медицине (14 %) и недоступность медицинской помощи по финансовым или организационным причинам (14 %), а 4 % опрошенных отметили, что и так знают все о своем заболевании ¹⁰.

В российской медицине долгое время господствовала патерналистская концепция, согласно которой подчинение профессиональному знанию рассматривалось в качестве высшей добродетели «правильного» пациента, а любые попытки обходиться без врачебной помощи считались потенциально опасными. В настоящее время происходит постепенный переход к партисипаторной медицине, когда за пациентом признается право иметь обоснованные суждения относительно

⁴ Самые стрессовые профессии [Электронный ресурс] // HeadHunter. URL: <https://spb.hh.ru/article/14948> (дата обращения: 01.04.2020).

⁵ Напряжение и стресс [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 15.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/15/napryazhenie-i-stress/> (дата обращения: 01.04.2020).

⁶ Домашняя аптечка [Электронный ресурс] // ФОМ. 27.02.2018. URL: <http://fom.ru/Zdorove/13970> (дата обращения: 01.04.2020).

⁷ Как россияне лечатся [Электронный ресурс] // ФОМ. 15.10.2015. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348> (дата обращения: 01.04.2020).

⁸ Образ жизни и здоровье [Электронный ресурс] // ФОМ. 12.12.2017. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/13883> (дата обращения: 01.04.2020).

⁹ Национальный мониторинг здоровья россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 11.05.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁰ Как россияне лечатся [Электронный ресурс] // ФОМ. 15.10.2015. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348> (дата обращения: 01.04.2020).

своего собственного здоровья и лечения. Концепция партисипаторной медицины и «самоменеджмента» заболеваний признает, что человек без специального медицинского образования может принимать ответственные и обоснованные решения на основании информации, полученной как от лечащего врача, так и из дополнительных источников [Leventhal, Phillips, Burns, 2016; Grady, Gough, 2014]. Концепция «ответственного самолечения», или самопомощи (self care), разработанная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), предполагает, что люди, обладающие адекватными знаниями и ответственностью, могут сами заботиться о своем здоровье [Толпыгина и др., 2018]. По определению ВОЗ, самопомощь подразумевает «способность индивидов, семей и сообществ, укреплять здоровье, осуществлять профилактику заболеваний, поддерживать здоровье и справляться с болезнями и недомоганиями самостоятельно или с помощью медицинских работников» [WHO, 2013: 15]. В этом контексте растет интерес не только к тому, как пациенты интерпретируют информацию, полученную от медицинских экспертов, но и к тому, какими дополнительными источниками пользуются для получения необходимой информации. Одним из таких источников выступает интернет. В интернете люди не только находят информацию о болезнях, с помощью которой они могут поставить себе диагноз, но и разные способы лечения или профилактики той или иной болезни, советы других пациентов и врачей. Кроме того, в ряде случаев интернет способен компенсировать недостатки профессиональной биомедицинской информации, адресованной некоему «усредненному» человеку. Даже получая профессиональную рекомендацию врача, многие люди склонны проверять информацию, задавая вопросы на интернет-форумах по поводу опыта других людей со сходными симптомами, по поводу побочных эффектов тех или иных препаратов. Возможности самоназначения лекарственных препаратов облегчаются широкой доступностью соответствующей информации в интернете. Такая информация черпается не только из специализированных информационных ресурсов, но и из разного рода форумов и сайтов социальных медиа, где люди имеют возможность обсудить свои проблемы с другими пользователями, находящимися в похожей ситуации или имеющими опыт употребления определенных лекарственных препаратов.

Использование интернета в практиках самоменеджмента здоровья является темой растущего интереса среди исследователей [Price et al., 2019; Chapman et al., 2019; Khanna et al., 2019; Allen et al., 2019; Middelaar et al., 2018; Sassenberg, Greving, 2016; Pehora 2015]. Есть отдельные работы, посвященные роли интернета в самостоятельном регулировании стресса и в его профилактике [Ebert, 2016; Zetterqvist et al., 2003], которые фокусируются в основном на оценке эффективности специально разработанных интернет-программ стресс-менеджмента. В то же время практически нет исследований, направленных на выявление того, как интернет-пользователи обсуждают медикаментозные способы управления стрессом. Известные нам исследования близкой тематики направлены на выяснение отношения людей к приему препаратов от бессонницы [Barbee et al., 2018; Gabe, Coveney, Williams, 2016; Moloney, Konrad, Zimmer, 2011], но в этих исследованиях не затрагивается аспект использования интернета для принятия решений о приеме лекарств.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить типичные особенности самомедикизации стресса через изучение дискуссий интернет-пользователей, обсуждающих медикаментозные способы управления стрессом. Основные исследовательские вопросы: как обсуждается самодиагностика проблем здоровья, вызванных стрессом? Как пользователи описывают собственные тактики избавления от стресса? Какая роль в этом процессе отводится профессиональному медицинскому знанию и медикаментозным способам управления стрессом?

Сначала рассмотрим концепцию самомедикизации как теоретическую рамку для изучения медикаментозных способов управления стрессом и кратко опишем социальный контекст медикизации стресса в современном обществе. Затем раскроем ключевые паттерны употребления успокоительных препаратов, которые были идентифицированы в ходе качественного анализа комментариев пользователей, размещенных на отобранных интернет-ресурсах.

Самомедикизация как социальный процесс

Стресс и различные проблемы, связанные с ним, такие как раздражительность, бессонница и т. п., находятся на границе между медицинскими и немедицинскими определениями. Поэтому в отношении таких состояний ярко выражены как самомедикизация, когда человек сам диагностирует симптомы и наделяет их статусом болезни, требующей медикаментозного лечения, так и демедикизация, когда состояние здоровья, определяемое профессиональными медиками как болезнь, рассматривается человеком как не требующее вмешательства медицины.

В социологии понятие «медикизация» обозначает редукцию определенных, чаще всего социально нежелательных явлений к индивидуальным биологическим патологиям [Conrad, Waggoner 2017; Conrad, 2007; Михель, 2011]. О самомедикизации можно говорить в том случае, если человек интерпретирует с точки зрения медицины свое физическое или психическое состояние, которое сами врачи могут не рассматривать как требующее лечения. Стремление медикизировать собственное состояние имеет место в различных ситуациях. Человек может приписывать себе определенные болезни, даже не проконсультировавшись с врачом, или «находить» у себя заболевания, которых не находит врач, или стараться «вылечить» проблему, которую врач не считает нужным лечить [Fainzang, 2018: 36]. Обычно самомедикизация рассматривается как воспроизводство механизмов социального контроля на индивидуальном уровне. Хотя самомедикизация часто является следствием воспроизводства медицинского мнения, она может также вытекать из личного решения придать определенному состоянию медицинскую интерпретацию, чтобы прибегнуть к лечению. Понятия медикизации и самомедикизации часто используются также для описания специфической роли фармацевтических компаний, которые через рекламу и создание новых «рынков болезней» подталкивают потребителей к тому, чтобы самостоятельно управлять своим здоровьем, используя лекарственные препараты [Conrad, Leiter 2004].

Самомедикизация — самостоятельная интерпретация определенной проблемы как медицинской, — ведет к выработке соответствующей стратегии решения этой проблемы, включающей самообследование (self-examination), самодиагностику (self-diagnosis), самоназначение (self-prescription) и самолече-

чение (self-medication) [Fainzang 2013]. В ходе самообследования как рутинного мониторинга своего здоровья определенные отклонения в физическом или психическом состоянии могут интерпретироваться как симптомы заболевания, требующего лечения. При этом они наделяются статусом симптома не автоматически, а в зависимости от разнообразных влияний и источников информации, формирующих интерпретацию. Такими источниками могут быть как опыт общения с врачами, друзьями, знакомыми, так и информация из литературы, СМИ или интернета. По мнению С. Файнцанг, сама идентификация симптома поднимает фундаментальный вопрос о том, что считается нормальным и патологическим в определенной культуре [ibid.: 495]. После того как человек удостоверится, что симптом является патологическим, принимается решение об обращении к врачу или о самостоятельном лечении. Последовательность этапов может быть и обратной, и тогда можно говорить о демедиализации состояния, которое раньше было медиализировано медицинскими профессионалами [Fainzang, 2013: 497; Conrad, Rondiniv 2016]. В этом случае человек отказывается от приема назначенного врачом лечения и начинает использовать доступные ему альтернативные способы решения проблемы.

Социальный контекст медиализации стресса

Идея о том, что быстрый темп современной жизни может приводить к различным проблемам со здоровьем, стала активно обсуждаться в XX веке. Хотя диагноз «нервное расстройство» использовался еще в 1920-х годах, бум использования этого понятия пришелся на 1940-е и 1950-е годы, когда оно вошло в повседневный лексикон, в котором фигурировало, скорее, не как болезнь, а как «немедицинский» феномен повседневной жизни, который может самостоятельно диагностироваться и не требует профессиональной помощи врачей [Barke, Fribush, Stearns, 2000: 575]. Со временем биологическая концепция стресса как неспецифического ответа организма на внешние раздражители, предложенная Г. Селье [Selye, 1938], вытеснила психологическую модель «нервного расстройства» и ранее существовавшие культурные референты эмоционального напряжения и неврастении. В 1970-х годах стресс стал рассматриваться как составляющая ряда медицинских диагнозов и как фактор риска возникновения определенных заболеваний. Произошла индивидуализация и медиализация стресса. Именно в таком контексте стресс стал объектом активного обсуждения в медицинских кругах, в СМИ, во множестве популярных книг о самопомощи и в повседневных разговорах [Watkins, 2013]. С 1970-х годов статьи в журналах давали советы, как самостоятельно справляться со стрессом и рассказывали читателям, что они сами могут контролировать свою реакцию на стресс, применяя методы релаксации. Все эти методы регулировать стресс были основаны на понятии самопомощи, а врачи пытались дать понять людям, что избавление от стресса — это индивидуальная задача каждого человека.

Индивидуализация проблемы стресса устранила необходимость критического рассмотрения социальных сил и структур, создающих стрессовые условия. Вместо этого возникли разнообразные коммерческие предприятия для обеспечения самоменеджмента стресса с широким диапазоном товаров и услуг. Фармацевтические

компании стали массово производить лекарства от стресса, тревожности, нервных расстройств. Активно развивающийся фармацевтический рынок вместе с концепцией самопомощи повлиял на то, что люди все чаще начали использовать фармацевтические препараты как способ управления стрессом. Однако поскольку сами проблемы, связанные со стрессом, часто попадают в «серую зону» диагностики, то наблюдается двойственное отношение к применению лекарственных препаратов. С одной стороны, люди массово употребляют их, а с другой стороны, часто их прием считается проявлением слабости характера, недостатка силы воли, неумения справляться со своими эмоциями. Например, в исследовании отношения людей к употреблению снотворных препаратов был выявлен ряд «моральных репертуаров», определяющих отношение к этим препаратам и влияющих на решение об их употреблении [Gabe et al., 2016]. Согласно авторам исследования, человек, решающий вопрос о принятии медикаментов, руководствуется не только объективной информацией, но и собственными представлениями о «хорошем» и «плохом» способах лечения, обусловленными нормами, принятыми в обществе.

Методы

Для эмпирического анализа высказываний пользователей интернет-ресурсов, посвященных обсуждению приема успокоительных препаратов, были использованы данные, полученные в результате поиска в четырех наиболее популярных в России поисковых системах («Google», «Яндекс», «Mail.ru», «Рамблер») ¹¹. Поиск велся по таким словосочетаниям, как «успокоительные форум», «стресс форум», «как справиться со стрессом», «лучшие успокоительные», «как справиться с нервным напряжением» и т. п. Анализировались результаты поиска, выданные на первых пяти страницах. Источники должны были также соответствовать минимальным критериям отбора: наличие форума или обсуждения; тематика обсуждения на сайте касается стресса или нервных состояний; в обсуждении затрагивается хотя бы один фармацевтический препарат или БАД седативного действия; сайт не должен содержать рекламные материалы конкретного препарата.

В результате поиска по заданным словосочетаниям было выявлено 59 соответствующих критериям интернет-источников. Далее отбирались ресурсы, отвечающие следующим требованиям: ресурс должен содержать более 25 комментариев, последний комментарий не должен быть ранее 2013 г. В окончательный анализ было включено 13 интернет-источников, содержащих в общей сложности 762 комментария. Из них шесть представляли собой форумы и семь — обсуждения пользователей под статьями, посвященными применению фармацевтических препаратов для управления стрессом.

Кодирование данных осуществлялось в программе NVivo11 и сочетало дедуктивный и индуктивный подходы. На первом этапе производилось открытое кодирование отобранных текстов, в ходе которого текстовые данные были разбиты на смысловые фрагменты, каждому был приписан один или несколько кодов. Далее часть первичных кодов была сгруппирована в более широкие категории, выведенные из данных (индуктивные категории), а часть — приписана к кате-

¹¹ Рейтинг поисковых систем на 2017 год [Электронный ресурс] // Seo-auditor. URL: <http://gs.seo-auditor.com.ru/sep/2017/> (дата обращения: 01.04.2020).

гориям, сформулированным до начала кодирования (дедуктивные категории). В результате кодирования было получено 17 категорий и 93 подкатегории, структурирующих содержание анализируемых текстов с точки зрения основных аспектов обсуждения медикаментозного управления стрессом.

Результаты и интерпретация

Первый этап самоменеджмента стресса — самодиагностика. Мы определили самодиагностику как интерпретацию определенных физических и психических состояний в качестве возможных симптомов заболевания, требующего лечения. В комментариях пользователи предпочитают описывать свое состояние сразу несколькими симптомами и определяют их через понятия «стресс», «депрессия», «нервное расстройство». «Диагнозы», основанные на повседневном знании, часто далеки от того, как они определяются в рамках профессиональной медицины. Показательно в этом отношении такое высказывание: «У меня обычно какое-то обострение депрессии происходит по весне и по осени и хорошо помогает трава лустырьник». Примеры терминов, в которых пользователи описывают свое состояние, требующее приема успокоительных средств, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Термины самодиагностики

Симптомы	Примеры высказываний	Количество закодированных фрагментов
Нервное состояние	«Нервное состояние», «вся на нервах», «нервишки шалят»	32
Раздражительность	«Очень много из себя выводить стало», «все начинает бесить»	26
Бессонница	«Не хочется спать», «не могу заснуть»	25
Стресс	«Стрессы бывают», «стресс был просто жуткий»	23
Усталость	«Упадок сил», «апатия», «совсем не хочу ничего делать»	14
Агрессия	«Злюсь на детей», «постоянно ору»	13
Депрессия	«У меня депрессия», «обострение депрессии»	12
Чувство страха	«Страх перед...», «боюсь, что все сделаю не так»	11
Плаксивость	« Мокрые глаза», «чуть что — сразу плачу»	9
Проблемы с давлением	«Давление скачет»	8
Навязчивые мысли	«Все время думаю, не могу заснуть», «навязчивые мысли»	6

В ходе анализа было выделено несколько типов стрессовых ситуаций, связанных с употреблением фармацевтических препаратов. Наиболее часто в обсуж-

дениях пользователи упоминали бытовые проблемы, наличие маленьких детей, беременность, проблемы в семье, ссоры. Отдельно можно выделить тяжелые травмирующие ситуации, такие как развод, смерть близкого человека. Другая группа ситуативных контекстов включает проблемы, связанные с работой или учебой, которые могут сопровождаться как постоянной монотонной нагрузкой, так и перегрузками, авралами. Отдельную группу составляют ситуации, связанные со здоровьем (бессонница, болезнь, борьба с вредными привычками) и ситуации, вызывающие чувство страха (боязнь публичных выступлений, перелетов).

Относительно самоназначения и самолечения как составляющих самомедикизации стресса мы выделили три паттерна употребления успокоительных препаратов, различающиеся с точки зрения отношения к медикаментозному способу избавления от стресса, отношения к врачебной помощи и тактик, используемых для избавления от стресса. Далее рассмотрим подробно каждый из выделенных паттернов: самостоятельный выбор фармацевтического препарата как основного средства; самостоятельный выбор фармацевтического препарата как дополнительного средства; обращение к врачу для назначения лечения. Каждый из этих паттернов демонстрирует определенные социальные нормы, касающиеся как особенностей управления стрессом, так и отношения к профессиональной медицинской помощи.

«Надо соответствовать»: самостоятельный выбор фармацевтического препарата как основного средства

Если резюмировать утверждения, характеризующие данный паттерн, то это будет выглядеть так: стресс — неотъемлемая часть повседневной жизни; врач не поможет; успокоительное — не лекарство, а средство привести себя в норму. Данная модель демонстрирует парадокс самомедикизации, когда проблема здоровья рассматривается как не слишком серьезная, чтобы обращаться к врачу, однако требующая приема лекарственных препаратов. Пользователи с легкостью ставят себе диагноз и обращаются за советом к другим пользователям: *«Здравствуйте. У меня после родов повышена нервозность. Посоветуйте, пожалуйста, какие-нибудь таблетки»*. Отношение к стрессу как к незначительной, распространенной и несерьезной проблеме влияет на то, что люди сами назначают себе лекарственные препараты и считают, что нет необходимости обращаться к врачу: *«На фоне этих вечных детских ссор становлюсь раздражительной. К врачу идти с таким пустяком не хочется, а пропить успокоительное не помешало бы»*, *«Нервное напряжение — это вполне типично для многих»*.

Общая черта высказываний, объединенных в рамках этой модели, — стремление регулировать свое состояние фармацевтическими препаратами и в то же время лишний раз не обращаться к врачу: *«Я за прием препаратов во время депрессии, но лишь в пределах разумного, никаких транквилизаторов и т. д. К врачу, правда, тоже не хожу, обхожусь легкими успокоительными...»*. К врачебной помощи приверженцы этой модели относятся скорее отрицательно, что объясняют несколькими факторами. Во-первых, организационные трудности посещения врачей (например, наличие очередей): *«Не дожидаться момента похода в поликлинику и выписки рецепта»*. Во-вторых, наличие сомнений в профессионализ-

ме врачей («*Наши врачи самые опасные. В институте не учатся*»), в их честности и бескорыстности («*Но врачу ныне нужны пациенты. Излечить — значит потерять доход*»), в качестве оказываемой помощи («*Кроме того, многие врачи назначают сильнодействующие препараты, а я их принимать не хочу*»).

Важная особенность этой модели поведения — доверие фармацевтическим препаратам и медикаментозным способам избавления от стресса. Такие пользователи рассматривают фармацевтические препараты как необходимое условие выживания в современном мире, позволяющее получить быстрый эффект: «*Книжки, чай, и любимая музыка это все очень хорошо и даже работает, но когда у вас есть на это время. Я работаю в режиме постоянного стресса, на книжки и музыку времени нет*». Цель употребления препаратов состоит в том, чтобы быстро привести себя в форму и соответствовать требованиям, предъявляемым быстрым темпом современной жизни: повысить стрессоустойчивость («*мне работать нужно, и в то же время стрессоустойчивость поднять*»), успокоиться и попытаться заснуть («*для лучшего состояния, сна хорошего, да и просто успокоить нервы после тяжелого рабочего дня*»), привести себя в «нормальное состояние» («*хороший способ привести нервы в порядок*»), для быстрого, срочного успокоения («*нужно быстро привести нервы в порядок*»), перестать нервничать («*для храбрости, а то каждый раз на совещаниях я начинаю волноваться*»). Некоторые сторонники этой модели считают, что препараты успокоительного действия — это не только спасение от стрессов, но и своего рода профилактика негативных последствий стрессовых ситуаций. Рассматривая нервное напряжение как причину более серьезных болезней, эти пользователи принимают успокоительные в качестве необходимой помощи своему здоровью: «*Нервы нужно обязательно успокаивать, потому что все болезни от нервов и это правда. И сильно отражается на внешнем виде. И стареешь быстрее*».

Сторонники данной модели описывают собственные практики приема препаратов, часто презентуя себя как потребителей, проявляющих разумную осторожность во избежание негативных побочных эффектов. Пользователи сообщают, что они самостоятельно регулируют прием препарата или его дозировку по своему самочувствию. При этом лишь в двух случаях они упомянули, что препарат нужно принимать по инструкции. Например, один пользователь для предостережения других сообщает о негативном опыте самостоятельного решения о прекращении приема препарата, вопреки инструкции: «*Не успел даже до конца высосать упаковку, как нужда в нем совершенно отпала — все пришло в полнейший порядок (и сон, и сердце, и прочее). Пить его резко бросил, и три дня от этого болела голова, сосуды в мозгу резко сузились (он же сосудорасширяющий еще), так что даже случилось временное выпадение небольших участков зрения (смотришь на слово, а последние буквы не видишь!). Это и само по себе неприятно, и может закончиться даже микроинсультом*». Интересно, что даже при неудачном опыте самоназначения препаратов эти пользователи все-таки стремятся продолжить практики самолечения и обращаются в интернет за советом: «*Попробовал пить новопассит — без результата, персен тоже не подействовал, а при употреблении нитроглицерина появляется ужасная головная боль в придачу. Что пить, подскажите?*». Интересно, что процесс приема лекарств некоторые пользователи воспринимают как способ избавления от нервного напряжения: «*Сам факт принятия*

препаратов дисциплинирует мозги. Создается ощущение, что становится все легче и легче... Систематический прием препаратов сам по себе успокаивает».

Пользователи, самостоятельно назначающие себе успокоительные препараты, не прочь поэкспериментировать, часто они сообщают, что пробуют препараты разных фирм, разного состава и разной степени воздействия на организм: *«Очень нервная я, часто стрессы бывают. Лучше всего помог грандаксин, но пошла одышка, афобазол, глицин, фенибут, персен, новопассит не помогли. Сейчас куплю адаптол или тенотен. Настойки, кроме корвалола, не очень помогают»; «Есть масса средств, отпускаемых без рецепта, всех не перепробуешь».* Среди участников проанализированных интернет-ресурсов есть и отрицательно относящиеся к лекарствам, но отказаться от них они уже не могут, так как убеждены, что без лекарств не смогут жить нормально: *«Последнее время на успокоительных живу. Разорилась уже на них. И без них не могу. Перепробовала все что стоит в пределах 300 рублей, на более дорогие боюсь не потяну. Как дальше жить? Спать не могу, спокойно реагировать на малейшие раздражители не могу. Уже стала зависима от таблеток».*

В терминологии моральных репертуаров [Gabe et al., 2016] наиболее яркий тип потребителя лекарств, представленных данной моделью, — это «зависимый пациент». Такой пациент осознает, что он не может нормально жить или справляться со стрессом без лекарственных препаратов, и оправдывает потребление препаратов тем, что ему это необходимо. Хотя такой пациент и задумывается о последствиях, но готов принимать лекарство при любом возможном случае, когда чувствует себя некомфортно или когда надо срочно решить проблему.

«Взять себя в руки»: употребление фармацевтических препаратов как дополнительный способ избавления от стресса

«Человек — часть природы», «стресс — результат неправильной организации жизни», «лекарства — крайняя мера» — такие высказывания резюмируют главные черты второго из выделенных нами паттернов употребления успокоительных препаратов. Суть его состоит в том, что лекарство принимается в качестве дополнительного средства, когда были опробованы немедицинские методы — от попыток «взять себя в руки» до разного рода расслабляющих практик.

Для пользователей, рассматривающих фармацевтические препараты как дополнительный способ борьбы с последствиями стресса, важно сначала самостоятельно справиться с проблемой, используя немедицинские ресурсы. Только в если справиться самостоятельно не получается, они обращаются к лекарствам. У пользователей, придерживающихся данной модели, достаточно много информации о здоровье в целом, о причинах своего состояния, о том, как лучше выстраивать свое поведение. Правильная организация своей жизни рассматривается такими пользователями как ключевое условие избавления от негативных реакций на стрессовые ситуации: *«Нельзя пойти против природы и спать меньшее количество часов, чем это необходимо для твоего организма».*

Альтернативные способы избавления от стресса, о которых пишут пользователи, разнообразны: музыка, хобби, спорт, чтение, прогулки, общение с друзьями и пр. Как показывает анализ, к данным способам пользователи обращаются, когда ситуация не слишком серьезна и не является экстренной, а стресс воспринимает-

ся, скорее, не как неизбежный спутник повседневной жизни, а как следствие ее неправильной организации. Для таких пользователей прием фармацевтических препаратов становится дополнительным способом, когда нелекарственный метод перестает работать или требует много времени: *«В случае, когда совсем ничего не спасает, плюс наваливаются на работе напряженные периоды, то добавляю курс препарата, чтоб мозг нормально функционировал, и чтоб депрессия не навалила окончательно».*

Целью употребления препаратов в данном случае является дополнительная помощь, когда нет возможности справиться со стрессом другими методами: *«когда аврал на работе, еще дополнительно пью хорошее успокоительное».* Наиболее часто пользователи, придерживающиеся данной модели, упоминают гомеопатические препараты и лекарственные препараты натурального состава, так как, по их мнению, они наиболее безопасны: *«Я — за растительные успокоительные (мята, Melissa, пион), много вариантов уже перепробовала»; «Я обычно, если уснуть не могу или перенервничаю, первым делом пробую заварить травки, особенно нравится мне мятный чай».*

Если в первой модели основной мотив употребления лекарства состоит в том, чтобы привести себя в норму и соответствовать предъявляемым обществом требованиям, то во второй модели основным мотивом является забота о здоровье. Для реализации такой модели кроме «силы воли» важно наличие временных и информационных ресурсов для соответствующей организации жизни. Портрет пациента в терминах моральных репертуаров может быть описан, как промежуточный между «ответственным пациентом» и «пациентом, отказавшимся от лечения». Если для «ответственного пациента» применение лекарств всегда подвергается критическому изучению с точки зрения возможных негативных эффектов, то «пациент, отказавшийся от лечения», склонен воспринимать любой недуг как способ проверки своей моральной силы, способности справиться самостоятельно, без применения лекарственных средств. Поэтому в данном случае часто наблюдается демедицинализация стресса как состояния, которое обусловлено не столько биологическими, сколько социальными причинами, такими как неправильная организация жизни и взаимодействия с людьми.

«Не занимайтесь самолечением, оно вам все равно не поможет»:

употребление фармацевтических препаратов по назначению врача

В данном паттерне наиболее четко прослеживаются такие особенности, как экстраординарность стрессовой ситуации, тяжесть состояния, доверие медицине и врачам. Обращение к специалисту — свидетельство восприятия своего состояния именно как болезни и как проблемы, с которой нет возможности справиться самостоятельно. В комментариях пользователей упоминаются следующие эксперты: «врач» (без указания специальности), «невролог», «психотерапевт», «психиатр», «эндокринолог», «кардиолог», «психолог». Часто причиной, заставляющей людей обращаться к помощи специалистов, становятся стрессовые ситуации, выходящие за рамки повседневной рутины, например, смерть близкого человека, развод, когда нет возможности самим справиться с последствиями стрессовой ситуации. Также упоминаются проблемы с работой и семьей: *«... двое детей двойняшек только пошли в сад, болеют постоянно. У меня уже кругом голова от всего. На работе*

не особо приветствуют, что ухажу на больничный. Очень переживаю по этому поводу»; «Жутко устала на работе, почти впала в депрессию».

Большинство пользователей, обратившихся к специалистам, советуют другим пользователям не заниматься самолечением: «Друзья, вам никто не рассказывал, что самолечением опасно заниматься? Сходите к невропатологу, а лучше с несколькими специалистами проконсультироваться»; «При подобных ситуациях не бойтесь даже психиатра, не занимайтесь самолечением, оно вам все равно не поможет!!!». В то же время некоторые пользователи демонстрируют критическое отношение к врачебной помощи, указывая на опасность назначения сильнодействующих препаратов: «Психотропы ламают жизни, притом серьезно ломают. Мне передоз сделали, вот теперь и мучаюсь, Спасибо врачам!». Описываемые проблемы показывают, что использование профессиональной медицинской помощи не избавляет от сомнений в правильности назначенного лечения. Поэтому пользователи, обратившиеся к врачам, обсуждают в интернете фармацевтические препараты для получения информации от других об опыте употребления тех или иных препаратов. «Психотерапевт прописал антидепрессант, но я не стала его пить. Боюсь реакции организма. А психолог сказал, что это проблемы, которые залегли с годами глубоко в подсознании. Вот и мучаюсь периодически. То Афобазол, то Корвалол, то Валериану. Во время приступа пью таблетку Но-шпы и 2—3 таблетки Валерианы».

Пользователи дают друг другу советы о необходимости соблюдения врачебных рекомендаций и приводят примеры того, как несоблюдение режима приема может принести вред. «Врач <...> прописал лекарство, но предупредил, что пропить его надо столько, сколько он рекомендует, ни в коем случае не бросать раньше. Она начала пить лекарство, почувствовала, что ей стало хорошо, т. е. вернулась к своему прежнему состоянию, и перестала пить таблетки, не пройдя и половины курса. В итоге все ужасы вернулись к ней обратно, и она снова отправилась к психиатру». Сторонники этой модели подчеркивают важность обследования перед применением лекарств: «К врачу все-таки сходите. Принимать сильные препараты или нет, решение останется за вами, а вот какие пройти анализы — лучше врача вам никто не подскажет». Пользователи советуют также обращаться к врачам в ситуациях, когда необходимо учитывать совместимость препаратов и более серьезно относиться к побочным эффектам: «По поводу успокоительных: поскольку у Вас диабет, Вам лучше поговорить с лечащим врачом, обязательно!».

Одной из самых часто обсуждаемых причин обращения к специалисту является неудачный опыт самолечения: «Когда уже наглоталась, целую кучу разных препаратов, большинство из них в таблетках, и после того, как появились расстройства кишечника, решила обратиться к специалистам». В качестве другой причины обращения к врачу называется боязнь перед последствиями самолечения: «Мне кажется, что не стоит в таком случае уповать на препараты. Потом только в зависимость от них попадете. Обратитесь к невропатологу». Некоторые пользователи пишут, что инициатива обращения к специалистам принадлежала не им, а родственникам или знакомым, которые дают соответствующий совет или сами организуют посещение врач: «Муж больше этого терпеть не мог, записал меня к врачу».

Для данного паттерна наиболее характерен моральный репертуар «пациент, заслуживающий лечения». Такие пациенты трактуют любые проблемы своего

физического состояния в первую очередь с медицинской точки зрения, представляя себя нуждающимися в лекарстве, и полагаются на препараты, назначенные врачом. Однако они также стремятся получить дополнительную информацию об эффективности приема соответствующих препаратов, обращаясь с этой целью на интернет-форумы. Это свидетельствует о том, что к врачебным назначениям они относятся с некоторой долей опасений, чаще всего касающихся употребления сильнодействующих препаратов.

Заключение

Выделенные в ходе исследования паттерны употребления фармацевтических препаратов различаются по степени самомедикизации стресса и позволяют понять, насколько люди, которых затронула данная проблема, склонны решать ее самостоятельно с помощью медикаментов и советов интернет-пользователей, и в каких ситуациях полагаются на профессиональную медицинскую помощь.

В паттерне «самостоятельное употребление препарата без консультации с врачом» наиболее ярко проявился парадокс самомедикизации, когда состояние, не рассматриваемое как болезнь, приводит к решению о необходимости приема лекарственных препаратов для того, чтобы соответствовать определенным нормативным требованиям, предъявляемым обществом, например, со стороны рынка труда или домашних обязанностей. Стремление быстро привести себя в форму с помощью медикаментов связано со стремлением решить не столько проблему здоровья, сколько проблему соответствия социальной роли, выполняемой индивидом. Такие люди обращаются к интернет-ресурсам в первую очередь для того, чтобы проконсультироваться с другими пользователями или поделиться своим опытом приема разнообразных препаратов.

Паттерн «употребление препаратов как дополнительный способ избавления от стресса» демонстрирует тенденцию демедикизации, когда определенные физические проблемы рассматриваются как следствие неправильной организации жизни, а не как следствие сбоев в работе организма, которые можно исправить приемом лекарств. В таких случаях прием фармацевтических препаратов становится дополнительным методом, только если усилия по правильной организации жизни не приносят желаемых результатов или при возникновении экстремальных нагрузок. Пользователи, демонстрирующие данный паттерн поведения, с удовольствием делятся в интернете советами по «правильной» организации жизни.

Паттерн «употребление препаратов по назначению врача» характерен для пользователей, которые уповают на профессиональную медицинскую помощь, причинами чего могут быть серьезные проблемы со здоровьем, экстремальные стрессовые ситуации или неудачный опыт самостоятельного лечения. Несмотря на большее доверие официальной медицине, чем в двух предыдущих случаях, такие пользователи, тем не менее, обращаются к интернет-источникам, чтобы узнать об опыте других пользователей и оценить адекватность врачебных назначений.

Необходимо упомянуть некоторые ограничения нашего исследования. Поскольку мы полагались на метод анализа текстов, опубликованных интернет-пользователями, у нас не было возможности задать дополнительные вопросы и определить, насколько выделенные паттерны употребления препаратов связаны

с более широким социальным контекстом и с характеристиками самих пользователей, а также выяснить, какова распространенность того или иного паттерна в определенных социальных контекстах. Тем не менее можно предположить, что выделенные паттерны употребления фармацевтических препаратов могут быть выявлены и для других проблем здоровья, что требует проверки в дальнейших исследованиях.

Список литературы (References)

Бухтияров И. В. Профессиональный стресс в результате сменного труда как фактор риска нарушения здоровья работников // Анализ риска здоровью. 2016. № 3. С. 110—121.

Bukhtiyarov I. V. (2016) Occupational stress as a result of shift work as a risk factor for workers' health problems. *Health Risk Analysis*. No. 3. P. 110—121. (In Russ.)

Давыдова И. А., Козьмина Я. Я. Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 169—183.

Davydova I. A., Kozmina Ya. Ya. (2014) Professional stress and satisfaction with the work of teachers in Russian universities. *Educational Issues*. No. 4. P. 169—183. (In Russ.)

Зотова О. М., Зотов В. В. Информационные перегрузки как фактор стресса студентов вузов // Человек и его здоровье. 2015. № 4. С. 108—115.

Zotova O. M., Zotov V. V. (2015) Information overload as a stress factor for university students. *Human and Health*. No. 4. P. 108—115. (In Russ.)

Имамгалиева Л. А. Социологический анализ влияния стресса на учебное поведение студентов // Вестник Тамбовского университета. 2017. № 2. С. 73—76.

Imamgalieva L. A. (2017) A sociological analysis of the effect of stress on students' academic behavior. *Journal of the Bulletin of the Tambov University*. No. 2. P. 73—76. (In Russ.)

Короленко А. В. Стресс как фактор риска здоровья населения и распространения вредных привычек // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 1. С. 3—26.

Korolenko A. V. (2019) Stress as a risk factor for public health and the spread of bad habits. *Human Health, Theory and Methods of Physical Culture and Sports*. No. 1. P. 3—26. (In Russ.)

Михель Д. В. Медикализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 4 (2). С. 256—263.

Michel D. V. (2011) Medicalization as a social phenomenon. *Bulletin of Saratov state technical University*. No. 4 (2). P. 256—263. (In Russ.)

Сабадаш А. Г. Стратегии преодоления стрессов студентами вузов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 44—46.

Sabadash A. G. (2016) Stress Management Strategies for University Students. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. No. 5. P. 44—46. (In Russ.)

Толпыгина С. Н., Марцевич С. Ю., Концевая А. В., Драпкина О. М. Ответственное самолечение — основополагающие принципы и место в современной системе здравоохранения // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2018. Т. 14. № 1. С. 101—110. <https://doi.org/10.20996/1819-6446-2018-14-1-101-110>.

Tolpygina S. N., Martsevich S. Y., Kontsevaya A. V., Drapkina O. M. (2018) Responsible Self-Care — the Fundamental Principles and Place in the Modern Russian Healthcare System. *Rational Pharmacotherapy in Cardiology*. Vol. 14. No. 1. P. 101—110. (In Russ.) <https://doi.org/10.20996/1819-6446-2018-14-1-101-110>.

Шафиркин А. В. Влияние социального стресса и психо-эмоциональной напряженности на здоровье мужчин трудоспособного возраста в России // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2013. № 5—6. С. 27—34.

Shafirkin A. V. (2013) The influence of social stress and psycho-emotional tension on the health of working-age men in Russia. *Bulletin of the Russian State Medical University*. No. 5—6. P. 27—34.

Allen C., Vassilev I., Lin S. X., Culliford D., Rogers A. (2019) The contribution of internet use in personal networks of support for long-term condition self-management. *Chronic illness*. Vol. 15. No. 3. P. 220—235. <https://doi.org/10.1177/1742395318759588>.

Barke M., Fribush R., Stearns P. N. (2000) Nervous Breakdown in 20th-Century American Culture. *Journal of Social History*. Vol. 33. No. 3. P. 565—584.

Barbee H., Moloney M. E., Konrad T. R. (2018) Selling slumber: American neoliberalism and the medicalization of sleeplessness. *Sociology Compass*. Vol. 12. No. 10. e12622. P. 1—16.

Chapman L., Brooks C., Lawson J., Russel, C., Adams, J. (2019) Accessibility of online self-management support websites for people with osteoarthritis: A text content analysis. *Chronic Illness*. Vol. 15. No. 1. P. 27—40. <https://doi.org/10.1177/1742395317746471>.

Conrad P., Leiter V. (2004) Medicalization, Markets and Consumers. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 45 (Extra Issue). P. 158—176.

Conrad P. (2007) The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. Baltimore, MD, US: Johns Hopkins University Press.

Conrad P., Rondiniv A. The internet and medicalization: Reshaping the global body and illness. In: Culture, bodies and the sociology of health. Ed. By E. Ettorre. Routledge, 2016. 115—128.

Conrad P., Waggoner M. (2017) Anticipatory medicalization: predisposition, prediction, and the expansion of medicalized conditions. In: Medical Ethics, Prediction, and Prognosis Interdisciplinary Perspectives. Routledge. P. 95—103.

- Ebert D.D. et al. (2016) Self-guided internet-based and mobile-based stress management for employees: results of a randomised controlled trial. *Occupational and Environmental Medicine*. Vol. 73. No. 5. P. 315—323.
- Fainzang S. (2018) A deviant diagnosis? Doctors faced with a Patient's diagnostic work. In: *Diagnostic Fluidity: Working with Uncertain and Mutability*. Tarragona, URV Publicacions. P. 35—54.
- Fainzang S. (2013) The Other Side of Medicalization: Self-Medicalization and Self-Medication. Vol. 37. No. 3. P. 488—504. *Cult Med Psychiatry*. P. 488—454. <https://www.doi.org/10.1007/s11013-013-9330-2>.
- Gabe J., Coveney C. M., Williams S. J. (2016) Prescriptions and proscriptions: moralising sleep medicines. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 38. No. 4. P. 627—644.
- Glei D. A., Goldman N., Shkolnikov V. M., Jdanov D., Shkolnikova M., Vaupel J. W., Weinstein M. (2013) Perceived Stress and Biological Risk: Is the Link stronger in Russians than in Taiwanese and Americans? *Stress. The International Journal on the Biology of Stress*. Vol. 16. No 4. P. 411—420.
- Grady P. A., Gough L. L. (2014) Self-management: a comprehensive approach to management of chronic conditions. *American Journal of Public Health*. Vol. 8. No. 104. P. 25—31.
- Khanna D., Serrano J., Berrocal V., Silver R., Cuencas P., Newbill S., Battyany J., Maxwell C., Alore M., Dyas L., Riggs R., Connolly K., Kellner S., Fisher J., Bush E., Sachdeva A., Evnin L., Raisch D., Poole J. (2019) Randomized Controlled Trial to Evaluate an Internet-Based Self-Management Program in Systemic Sclerosis. *Arthritis Care and Research*. Vol. 71. No. 3. P. 435—447. <https://www.doi.org/10.1002/acr.23595>.
- Leventhal H., Phillips L. A., Burns E. (2016) The Common-Sense Model of Self-Regulation (CSM): A dynamic framework for understanding illness self-management. *Journal of behavioral medicine*. Vol. 39. No. 6. P. 935—946.
- Moloney M. E., Konrad T. R., Zimmer C. R. (2011) The medicalization of sleeplessness: a public health concern. *American journal of public health*. Vol. 101. No. 8. P. 1429—1433.
- Pehora C., Gajaria N., Stoute M., Fracassa S., Serebale-O'Sullivan R., Matava C. T. (2015) Are parents getting it right? A survey of parents' internet use for children's health care information. *Interactive journal of medical research*. Vol. 4. No. 2. e12. <https://www.doi.org/10.2196/ijmr.3790>.
- Price A., Vasanthan L., Clarke M., Liew S. M., Brice A., Burls A. (2019) SMOOTH (Self-Management of Open Online Trials in Health) analysis found improvements were needed for reporting methods of internet-based trials. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 105. P. 27—39. <https://www.doi.org/10.1016/j.jclinepi.2018.08.017>.
- Sassenberg K., Greving H. (2016) Internet searching about disease elicits a positive perception of own health when severity of illness is high: a longitudinal questionnaire study. *Journal of medical Internet research*. Vol. 18. No. 3. e56. P. 1—11.

Selye H. (1938) Adaptation Energy. *Nature*. Vol. 141. No. 3577. P.926. <https://www.doi.org/10.1038/141926a0>.

Middelhaar T. van, Beishuizen C. R.L., Guillemont J., Richard E., van Charante E. P.M. Engaging older people in an internet platform for cardiovascular risk self-management: a qualitative study among Dutch HATICE participants. *BMJ Open*. 2018. Vol. 8. No 1. <https://www.doi.org/10.1136/bmjopen-2017-019683>.

Väänänen A., Murray M., Kuokkanen A. (2014) The growth and the stagnation of work stress. Publication trends and scientific representations 1960—2011. *History of the Human Sciences*. Vol. 27. No 4. P. 116—138.

Watkins E. S. (2013) An Investigation into the Medicalization of Stress in the Twentieth Century. *Medicine Studies*. Vol. 4. No. 1—4. P. 29—36. <https://www.doi.org/10.1007/s12376-013-0082-7>.

WHO. Self Care for Health. A Handbook for Community Health Workers & Volunteers. (2013) World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/205887/B5084.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 05.03.2020).

Zetterqvist K., Maanmies J., Ström L., Andersson G. Randomized controlled trial of internet-based stress management. *Cognitive Behaviour Therapy*. 2003. Vol. 32. No. 3. P. 151—160.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.764

Правильная ссылка на статью:

Решетников А. В., Айвазян Ш. Г., Присяжная Н. В. Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 331—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>.

For citation:

Reshetnikov A. V., Aivazyan S. G., Prisyazhnaya N. V. (2020) Role of the district physician in shaping the opinions of young and experienced professionals. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 331—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>.

А. В. Решетников, Ш. Г. Айвазян, Н. В. Присяжная РОЛЬ УЧАСТКОВОГО ВРАЧА ВО МНЕНИЯХ МОЛОДЫХ И ОПЫТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

РОЛЬ УЧАСТКОВОГО ВРАЧА ВО МНЕНИЯХ МОЛОДЫХ И ОПЫТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

ROLE OF THE DISTRICT PHYSICIAN IN SHAPING THE OPINIONS OF YOUNG AND EXPERIENCED PROFESSIONALS

РЕШЕТНИКОВ Андрей Вениаминович — академик РАН, доктор медицинских наук, доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных наук, Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия
E-MAIL: niisocmed@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9413-4859>

*Andrey V. RESHETNIKOV*¹ — Academician of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Sociology), Dr. Sci. (Medicine), Professor; Director of Institute of Social Sciences
E-MAIL: niisocmed@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9413-4859>

¹ I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

АЙВАЗЯН Шогик Грандовна — ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения № 1 с курсом истории медицины, Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: shogik.ayvazyan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0001-4598>

ПРИСЯЖНАЯ Надежда Владимировна — кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социальных наук, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва, Россия

E-MAIL: nprusova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5251-130X>

Аннотация. В статье рассматривается феномен социальной трансформации профессиональной роли участкового врача-терапевта в современных общественно-исторических условиях. Авторы на основе изучения особенностей взаимоотношений врача-терапевта и пациента выделяют главный спектр социальных ожиданий в отношении медицинской профессии. Одновременно на фоне преобразований организационных условий профессиональной деятельности, затрагивающих практику работы медицинских специалистов, наблюдается изменение требований к выполняемым представителями врачебных профессий функциям и ролевым задачам. Не менее важным фактором изменений профессиональной роли врача-терапевта выступают революционно трансформирующиеся социально-культурные установки современного общества. Указанные обстоятельства обуславливают формирование ряда ролевых конфликтов при

Shogik G. AIVAZYAN² — Assistant to Department of Public Health and Health-care No. 1 with Medicine History Course
E-MAIL: shogik.ayvazyan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0001-4598>

Nadezhda V. PRISYAZHNAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director for Scientific Work, Institute of Social Sciences
E-MAIL: nprusova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5251-130X>

¹ I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

² Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article explores social transformations of the district physician's role in modern social and historical context. Having studied the specifics of the physician-patient relationships the authors propose a range of social expectations regarding healthcare professionals. Along with organizational changes affecting the activities of healthcare specialists, certain functions and roles of healthcare professionals are also evolving. Revolutionary transformation of social and cultural settings in the modern society is another factor influencing the physician's role. The given circumstances shape certain role conflicts of a physician and have an impact on the way how the professional identities (self-identities) are constructed, thereby transforming professional roles as parts of those identities.

выполнении врачом-терапевтом профессиональных обязанностей и влияют на специфику конструирования его профессиональной идентичности (самоопределения), вследствие чего трансформируются и составляющие профессиональной роли.

Ключевые слова: ролевые конфликты в медицине, профессиональная роль участкового врача-терапевта, взаимоотношения «врач — пациент», медико-социологическое исследование

Keywords: role conflicts in medicine, doctor — patient relationship, professional role of district physician, medico-social research

Благодарность. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Acknowledgments. The authors state that there is no conflict of interest.

Введение

Социальная роль врача — это, прежде всего, коллективные ожидания и представления пациентов о враче; его собственное представление о моделях своего поведения в процессе взаимоотношений с больными и коллегами на основании своих прав и обязанностей; взаимодействие с социальным институтом медицины, одним из важнейших элементов которого является участковый врач-терапевт [Решетников, 2010]. В современной модели медицинской помощи обеспечение качества предоставляемых медицинских услуг невозможно без создания позитивных взаимоотношений в команде медицинских специалистов, что требует тщательного изучения социальных ролей и профилактики межличностных ролевых конфликтов [Almost et al., 2016; Donika, 2015]. Выявление основных причин конфликтов, изучение механизмов их влияния на малые социальные группы способствуют совершенствованию организационной этики и культуры [Montgomery, Lirworth, 2019], что, в свою очередь, влияет на сплоченность медицинского сообщества и создание оптимальной среды для оказания высококачественных медицинских услуг.

Как отмечают зарубежные исследователи, за последнее 10-летие в процессе работы врачи стали более подвержены психоэмоциональному выгоранию [Lasy, Chan, 2018], происходят усиление организационного контроля со стороны системы здравоохранения и страховых медицинских организаций и потеря врачами автономии, что, несомненно, влияет на их идентичность [MacArthur, Dailey, Villagran, 2016]. Это формирует психоэмоциональный дискомфорт, который, несмотря на имеющиеся способы создания организационного климата и «конфликт-менеджмент» [Aripalakul, Kummoon, 2017; Khalid, Fatima, Khan, 2016], в значительной степени обуславливает решение врачей уйти из профессии.

Важным направлением является изучение ролевых конфликтов как факторов трансформации профессионального пространства медицины, прежде всего — роли

участкового врача-терапевта [Доника, 2017]. В этом отношении особый интерес представляют наработки московской школы социологии медицины [Решетников, 2010; Smorodin, Kolesnichenko, 2015]. Ее представителями отмечается, что большое значение для нарастания кадрового кризиса имеют ролевые конфликты не только во взаимоотношениях «врач — пациент», но и в связках «врач — врач» и «врач — работодатель».

Материалы и методы

Исследование реализовано на базе ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России и Института социальных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского университета) в 2018—2019 гг. Целью исследования явилось изучение особенностей изменения профессиональной роли участковых врачей-терапевтов в первичном звене российской системы здравоохранения на современном этапе (на основе мнений молодых и опытных врачей).

В соответствии с особенностями проведения фокус-групп [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991; Крюгер, Кейси, 2003; Оберемко, Терентьева, 2018] были учтены следующие положения: определена ситуация и сформированы гипотезы; подобраны респонденты, которые являлись участниками ситуации, имели общий опыт; разработан сценарий интервью и сформулированы точные вопросы в области предполагаемой гипотезы; модерация интервью предполагала фокусирование на субъективных переживаниях людей по поводу заранее проанализированной ситуации. С учетом того, что необходимый профессиональный уровень в работе достигается молодыми врачами при стаже не менее пяти лет [Жданова, 2008], рекрутинг респондентов осуществлялся по критерию стажа профессиональной деятельности:

- фокус-группа № 1 («молодые врачи»): стаж работы — до 6 лет ($n = 8$, средний стаж работы — $5,25 \pm 1,12$ лет, средний возраст — $27,4 \pm 2,21$);
- фокус-группа № 2 («опытные врачи»): стаж работы — более 10 лет ($n = 8$, средний стаж работы — $24,57 \pm 1,23$ года, средний возраст — $50,2 \pm 2,42$).

Для осуществления исследования использовались вне рабочее время и удобное для врачей место проведения, оборудованное видео- и аудиоаппаратурой. Обсуждение строилось в соответствии со сценарием фокус-группового интервью, при этом модераторы ставили основные, принципиальные темы для обсуждения, и каждый заинтересованный участник имел возможность кратко (две-три минуты) высказаться по обозначенной проблеме. Эмпирический материал мнений был дополнен иллюстративными примерами из опыта работы, «случаями из жизни», практическими предложениями.

Анализ данных был построен согласно рекомендациям [Оберемко, Терентьева, 2018; Мельникова, 2007]: фокусированное интервью предполагало видео- и аудиофиксацию заседаний, материалы были детально транскрибированы (с учетом невербальной речи). Непосредственно анализ и интерпретация данных были реализованы методом группировки данных в соответствии с семантико-смысловым содержанием высказываний и выделением основных эмпирических закономерностей и трендов. Все цитируемые респонденты являлись врачами-терапевтами.

Результаты и обсуждение

Полученные мнения двух групп респондентов — участковых врачей-терапевтов (молодых специалистов и имеющих опыт работы) по ряду ключевых проблем, обуславливающих трансформацию их профессиональной роли и ролевых задач, выступили основой сравнительного анализа, структурированного в соответствии со сценарием фокус-групп по следующим содержательным блокам: трансформация ролевых взаимоотношений в интеракции «врач — пациент», трансформация условий профессиональной деятельности, влияющих на специфику реализации профессиональных ролевых моделей, и изменение социокультурных установок в отношении медицинских профессий.

Трансформация ролевых взаимоотношений в интеракции «врач — пациент» (во мнениях врачей-терапевтов)

Все респонденты, характеризуя изменения профессиональной роли врача, прежде всего, отмечают существенную трансформацию взаимоотношений пациента и лечащего врача. При этом молодые специалисты (участники фокус-группы № 1) более эмоционально описывают особенности современных взаимодействий врача и пациента. Так, в высказываниях молодых медицинских специалистов отмечается, что специфика рассматриваемых отношений во многом обусловлена доступностью информации (дезинформации) о заболевании в интернет-пространстве: *«С пациентами стало тяжелее работать, потому что ложная информация, интернет заполнен информацией и правильной, и неправильной — а пациент чаще всего выбирает наиболее «удобную» для него, поэтому переубедить пациента очень тяжело»* (К.С., стаж 3 года).

Врачи отмечают, что *«это создает дополнительную психологическую нагрузку и отнимает много времени»* (К.С., стаж 3 года). С точки зрения молодых специалистов, *«пациент все равно останется при своем мнении... Очень много времени тратится впустую: ты рассказываешь, объясняешь, но, как говорят, «в одно ухо влетело, в другое вылетело», и даже слушать не хотят»* (К.С., стаж 3 года).

Проблема, как считают врачи, заключается в том, что *«медицинская информация по любым заболеваниям сейчас очень доступна в интернете, с изложением симптомов, вопросов диагностики и методов лечения. Далеко не все пациенты имеют медицинское образование, поэтому то, что написано в интернете, пациент воспринимает как истину и может прийти к врачу с самостоятельно поставленным «диагнозом»»* (К.С., стаж 3 года). В сложившейся ситуации, на взгляд респондентов, авторитет врача снижается с каждым годом, и в настоящее время практикующие врачи отмечают падение престижа медицинской профессии.

Тем не менее они указывают на необходимость выработки правильного подхода к информированию пациента о заболеваниях, направленного на формирование у него понимания алгоритма действий в ситуации того или иного заболевания, а также повышение приверженности пациента терапии: *«Если бы пациент был «подкован» правильно, то с ним было бы легче найти общий язык»* (К.С., стаж 3 года).

Например, медицинские специалисты указывают на низкий уровень приверженности пациентов как к профилактическим мероприятиям, так и к лечению: *«Назначенный курс лечения пациенты не до конца доводят, потому что почувство-*

вали облегчение... То, что ему нужно проходить реабилитацию, заниматься восстановительным лечением, заниматься лечебной физкультурой, — отходит на второй план» (Г. Т., стаж 6 лет). Наряду с этим ложная информированность пациента о заболевании или схеме лечения также способствует формированию негативных установок в отношении профилактических мероприятий: врачи отмечают, что пациенты «не готовы к тому, чтобы усваивать рекомендации по профилактике» (К. С., стаж 3 года). При этом пациенты приводят такой аргумент: «Эти заболевания меня сейчас не беспокоят» (К. С., стаж 3 года).

Именно мнимая медицинская информированность пациента, в дополнение к падению престижа медицинской профессии, является причиной роста числа конфликтов и жалоб на врачей — зачастую необоснованных.

Респонденты фокус-группы № 2 также отмечают низкую медицинскую грамотность пациентов: «...если разобраться, то медицинская грамотность нашего населения очень низкая. И они в силу своей низкой медграмотности порой предъявляют к нам завышенные требования» (Е. А., стаж 19 лет). Во многом такая ситуация становится причиной большинства конфликтов: «...пациент выступает в роли «судьи» врача, оценивает те лечебные назначения, которые Вы делаете, — как бы с точки зрения любителя-профессионала. Хотя он не подготовлен, и его требования часто бывают неадекватны, необъективны» (Е. А., стаж 19 лет).

Так же, как и молодые врачи, участники фокус-группы № 2 отмечают падение авторитета врача: «Пациентам «помогают» инструкции к приему тех или иных лекарств, ведь там все написано: действующее вещество, дозировка, механизм действия, побочные эффекты и т. д., — больные всё читают, а потом сравнивают это с назначением врача. Эта информация может дезинформировать пациентов, и они неправильно оценивают назначения врача» (Н. А., стаж 41 год). Врачи указывают, что пациенты дословно воспринимают то, что написано в инструкциях к лекарствам: «У меня нет такого заболевания, а врач назначил лекарство — с его точки зрения, неправильно. Отсюда вывод: врач профессионально плохо подготовлен, хотя он (пациент) совершенно некомпетентен по данному вопросу» (Е. А., стаж 19 лет). Несмотря на единодушное признание актуальности данной проблемы, молодые врачи более остро реагируют на падение авторитета врача («Ни малейшего уважения!» (К. С., стаж 3 года)) и более эмоционально высказываются, уделяют больше времени обсуждению этого вопроса («Если раньше считалось, что врач — это «Бог», то сейчас: «Кто такой этот врач вообще?»» (Н. В., стаж 5 лет)).

Помимо роста недоверия к профессиональным знаниям медицинского специалиста, врачи отмечают трансформацию восприятия медицинской деятельности как помогающей практики в сферу оказания медицинских услуг, что обуславливает изменение требований и ожиданий пациента в отношении моделей поведения врача: «Рабочий день закончился, пациент не записан, а требует выписать лекарство. Я говорю пациенту: «Приходите завтра, мой прием уже закончился». А мне отвечают: «Ну и что, что Ты закончила прием?!»» (Е. С., стаж 2 года). Кроме того, рутинной моделью отношений доктора и пациента становится, по мнению участковых врачей-терапевтов, модель «предоставление — получение услуг». «Если раньше считалось, что мы оказываем помощь, то сейчас мы услуги оказываем» (К. С., стаж 3 года), «...порой даже имени врача не знают. Обращаются ко мне

со словом «девушка!» ... Я себя чувствую, как за прилавком в магазине в колбасном отделе» (Г.Э., стаж 2 года 6 месяцев).

В свою очередь, пациенты как получатели («покупатели») услуги зачастую ведут себя некорректно: «Пациенты относятся к врачам-терапевтам, кем я являюсь, неуважительно. Да и в принципе ко всем врачам отношение такое» (Е.С., стаж 2 года), «Они заходят и с порога кричат: «Мне анализ такой-то, направление к тому-то». То есть мы — как стол заказов» (Г.Э., стаж 2 года 6 месяцев). Молодые врачи отмечают, что их желание помочь пациенту в ряде случаев приводит к еще большему снижению авторитета врача: «...а если по доброте душевной все же примешь пациента после окончания приема, то он тебя вообще считает потом круглосуточно обязанным» (К.С., стаж 3 года).

При этом молодые врачи указывают, что их отношения с пациентами нельзя назвать партнерскими: всю ответственность за состояние своего здоровья пациент иждивенчески перекладывает на врача, тогда как сам больной считает возможным нарушать предписания специалиста. Одновременно респонденты указывают на отсутствие ответственности пациента за ложный вызов и понимания границ обязанностей врача: «...отношение к вызову на дом безответственное. Я прихожу, а пациент ушел гулять... У него температура 37,5. Да! И все, вот причина вызова — 37,5! И отказать мы не можем» (Н.В., стаж 5 лет). «Или причина вызова: «Мне нужна от Вас справка, что мне можно идти на операцию. У меня дела тут, Вы можете привезти?» И ты везешь, иначе будет жалоба» (Г.Э., стаж 2 года 6 месяцев). Респонденты отмечают, что изменилось восприятие профессии врача как высокопрофессионального специалиста: «Больные предъявляют чрезмерные и необоснованные претензии, они не понимают, что мы потратили на обучение восемь лет жизни» (Г.Т., стаж 6 лет).

Рост числа жалоб пациентов увеличивает психологическое давление на врача: «Если не так взглянешь, не так ответишь — то жалоба. И в итоге ты все равно будешь отвечать на эту жалобу, что ты оказался не прав» (К.С., стаж 3 года). Молодые врачи выделяют среди требований к ним со стороны пациентов обязательность улыбки и хорошего настроения врачей, отсутствие у них права на плохое самочувствие, невозможность усталости или снижения темпа работы специалиста: «Мы — роботы» (К.С., стаж 3 года).

Вместе с тем большинство участников фокус-групп с пониманием относятся к эмоционально-негативным поведенческим проявлениям пациентов, считая это следствиями имеющихся заболеваний и плохого самочувствия: «...он — пациент, мы должны, в первую очередь, относиться к нему как к человеку, страдающему от заболевания» (Г.Т., стаж 6 лет). Это, безусловно, характеризует медицинских специалистов как профессионалов высокого уровня, обладающих необходимыми личностными качествами для работы в первичном звене здравоохранения.

Врачи с опытом отмечают, что важное значение в ситуации конфликта имеет восприятие руководством необоснованных жалоб и негативных обращений пациентов: «...и начинает врач строчить объяснительные на эти необоснованные жалобы. Поэтому у пациентов такое отношение к врачам. Руководство не должно вот так необоснованные жалобы рассматривать и идти на поводу у пациентов» (Е.А., стаж 19 лет).

Специалисты из фокус-группы № 2 акцентируют внимание на проблеме своей незащищенности: *«Мы не защищены ни внутри коллектива, ни вне его. Законодательно врач виноват априори»* (Л.И., стаж 40 лет). По мнению врачей, зачастую причиной сложившейся ситуации выступает перенос ожиданий пациентов в отношении социального института медицины на конкретного специалиста: пациент при обращении в медицинскую организацию надеется на получение высококачественной медицинской помощи, при этом имеющиеся в лечебно-профилактическом учреждении объективные проблемы (нехватка отдельных специалистов в штате, отсутствие необходимого оборудования, длительные сроки ожидания услуги и др.) он воспринимает как некомпетентность участкового врача-терапевта, что обуславливает рост неадресных жалоб. Тем не менее, даже в ситуации, когда негативный отзыв пациента объективно находится вне поля ответственности врача-терапевта, респонденты указывают на свою «вынужденную» ответственность: *«Это даже не факт, что это обоснованная жалоба, это просто обращение пациента на любой сайт — и врач уже виноват»* (Л.И., стаж 40 лет), *«... никого не интересует, по какой причине этот конфликт возникает. Факт обращения — обоснованный или нет — это уже дефектура»* (М.В., стаж 20 лет).

Молодые врачи поддерживают своих более опытных коллег в этом вопросе, отмечая отсутствие социальной защищенности медицинских специалистов: *«... низкая социальная защищенность медицинских работников, врачей в частности»* (К.С., стаж 3 года), *«Да, пациент всегда прав, потому что врач не защищен. Если бы у нас была бы защита, то так бы пациенты не поступали. Если бы решали справедливо вопрос о том, кто прав — пациент или все-таки врач. А сейчас все — на стороне пациента. Тогда, может быть, было бы другое отношение пациентов к врачам»* (Г.Т., стаж 6 лет).

В ходе дискуссии респонденты пришли к общему мнению, что трансформация взаимоотношений врача и пациента во многом обусловлена изменением содержания ролевых задач специалиста (с оказания помощи на предоставление услуги); переносом ожиданий от социального института медицины на конкретного специалиста (повышение качества медицинских услуг вне зависимости от наличия условий для этого); сохранением «иждивенческого» паттерна ответственности врача за здоровье пациента (пациент перекладывает ответственность за состояние своего здоровья на врача при сохранении «права» на нарушение режима терапии, несоблюдение рекомендаций специалиста и др.).

Трансформация условий профессиональной деятельности врача-терапевта

Цифровизация, модернизация отрасли и общие тенденции развития сферы охраны здоровья [Smorodin, Kolesnichenko, 2015] определяющим образом обусловили изменение условий профессиональной деятельности врачей, что также отразилось на специфике их отношений с пациентами.

Так, среди наиболее актуальных изменений участники фокус-групп отметили внедрение современных инноваций в здравоохранении, в частности компьютеризацию деятельности врача. Интересно, что почти все респонденты дали положительную оценку тенденциям информатизации в первичном звене медицинской помощи: *«... в компьютеризации нашей работы есть один положительный момент,*

что использование информационных технологий позволило упорядочить прием больных, то есть большие записываются через интернет, и формируется очередность приема» (Е.А., стаж 19 лет), «Намного легче стало работать, чем это было раньше. Если используется система ЕГИС и если в ней работать правильно, то она идеальная» (Н.В., стаж 5 лет).

Молодые врачи отметили, прежде всего, эффективность системы электронной записи для планирования рабочей нагрузки врача: «Электронная запись — это определенные плюсы. Как врачу, так и пациенту. Пациентам — это однозначно. То, что они экономят свое время... врачу — потому, что он работает по графику с учетом числа записавшихся больных... рабочий день он тоже может планировать» (Н.В., стаж 5 лет).

Одновременно с этим участники обеих фокус-групп выделили ряд проблем, связанных с компьютеризацией деятельности врача:

- дублирование информации: «Мне приходится вносить информацию о больном в компьютер и дублировать ее в бумажном варианте, то есть в амбулаторной карте» (Е.А., стаж 19 лет);
- сокращение времени «живого» общения: «На беседу с больным времени практически не остается» (В.Ю., стаж 27 лет), «На прием врачу дается мало времени, есть задержка приема» (Н.В., стаж 5 лет);
- низкий уровень компьютерной грамотности и скорости работы с компьютером врачей-пенсионеров: «Работает много врачей пенсионного возраста, которые просто физически не могут освоить компьютер на должном уровне» (В.Ю., стаж 27 лет);
- отсутствие единой информационной платформы: «ЕГИС, если в ней работать правильно, то она идеальная. Но многие врачи в ней не работают. В этой системе не работают вспомогательные службы: клиничко-диагностическая, функциональных исследований, рентгеновских исследований и др. Из-за того, что они не работают в системе ЕГИС, информация к врачу поступает не в электронном виде, а на бумажных носителях, как и раньше. Количество бумажной информации не уменьшилось» (Е.А., стаж 19 лет);
- невозможность отследить повторную явку пациента: «...мы не можем отслеживать повторные явки больного, на нашем компьютере и на компьютере в регистратуре не работает функция «повторная явка»» (Л.И., стаж 40 лет);
- рост конфликтов с пациентами из-за переключения внимания врача с непосредственного сбора анамнеза на введение данных в систему: «Доктор, Вы будете играть с компьютером или разговаривать со мной?» (Н.В., стаж 5 лет);
- нехватка техники (компьютеров, принтеров) в отдельных поликлиниках: «...в кабинете врача нужно иметь два компьютера, сейчас один компьютер. ...было бы идеально, если бы при работе с пациентом Вы могли диктовать информацию медсестре, а она набирала бы все это на компьютере» (Е.С., стаж 2 года);
- наличие проблем с обеспечением выхода в интернет с рабочего компьютера участкового врача: «...работают через раз... Выход в интернет — не во всех кабинетах» (Н.В., стаж 5 лет).

Для решения указанных проблем, по мнению респондентов обеих групп, в поликлиниках необходима эффективная система (служба) технической поддержки.

Заметим, что в качестве одной из основных причин конфликтов между врачом и пациентом терапевты выделяют ограниченное время приема: «...но пациента не особенно интересует Ваше время, ему важно, чтобы врач не смотрел на часы, когда проводит прием. Пациент заинтересован в том, чтобы ему уделили как можно больше времени» (К.С., стаж 3 года). Молодые врачи считают, что нехватка времени обусловлена неравномерностью распределения потока пациентов (помимо первичных обращений, врач принимает пациентов повторно, выписывает направления к узким специалистам и др.), и видят решение во введении практики предварительного осмотра и опроса (сбора анамнеза, заполнения данных) первично обратившегося пациента в кабинете предварительного приема: «Предварительный осмотр пациента в кабинете предварительного приема, когда приходит первичный больной... где медсестра... или врач могли бы эту информацию собирать и заполнять эту часть. При предварительном осмотре можно фиксировать такие данные, как антропометрия, масса тела, температура, давление и жалобы» (К.С., стаж 3 года).

Однако существующий кадровый дефицит затрудняет решение этой проблемы. Так, опытные врачи (фокус-группа № 2) считают, что определенного нормативами времени вполне хватает для приема пациента (включая осмотр, сбор анамнеза, консультирование и заполнение документации) при условии достаточного кадрового обеспечения: «О нормативах времени на прием одного больного: при условии, если бы у нас были укомплектованы штаты, как врачебные, так и медсестринские, в общем-то, 12 минут, которые нам выделяются, было бы достаточно. Но, учитывая то, что у нас в поликлинике некомплектованность постоянная, не хватает то врача, то медсестер, время приема за счет этого увеличивается, и мы не укладываемся в нормативы» (Л.И., стаж 40 лет).

В целом дефицит кадров в первичном звене, на взгляд терапевтов, является фактором кумуляции ряда проблем: перегрузки участковых врачей-терапевтов, оттока специалистов из первичного звена, снижения трудовой мотивации, роста числа жалоб пациентов. Так, все респонденты отмечают высокую трудовую нагрузку: «У нас из участковых терапевтов только 2 человека, которые ходят по участку. У меня сейчас 10 вызовов, из них 1 только — из моего участка» (Н.В., стаж 5 лет), «На участке в среднем 2100—2200 человек, но на самом деле больше. И участков 14. На самом деле, если брать по нормативам, 1700 человек — нагрузка на участкового терапевта, значит, 2200—1,5 ставки. Нам не учитывают добавление этих пациентов на участок» (Н.В., стаж 5 лет). При этом именно с нехваткой специалистов врачи-терапевты связывают и увеличение числа конфликтов с пациентами: «...дефицит кадров даже в терапии настолько большой, что, если бы не было дефицита кадров, и не было бы жалоб» (Н.В., стаж 5 лет).

Высокий уровень трудовой нагрузки является одним из факторов оттока специалистов (особенно молодых) из первичного звена: «Они должны быть умными и трудоспособными, а за зарплату в 12 000—15 000 рублей умные девочки не будут работать» (Д.В., стаж 26 лет). Чаще всего, на взгляд респондентов, молодые врачи остаются в профессии, но уходят в коммерческий сектор медицины: «...они идут работать в коммерческие структуры. ...Поэтому они имеют возможность получать доход, и зарплата медицинских сестер [в коммерческой структуре] может быть в два раза больше, чем у врачей в поликлинике» (Н.А., стаж 41 год).

В дискуссии был затронут вопрос оплаты труда, на который молодые врачи также откликнулись более эмоционально, нежели врачи с опытом, демонстрируя, что это довольно болезненная для них тема: *«Это ужасно, что у нас такая мизерная зарплата. У вас там были вопросы по поводу семьи, материального достатка, да мне стыдно своей семье озвучивать мою зарплату, честное слово!»* (Г.Т., стаж 6 лет).

Молодые врачи считают несправедливой такую оплату труда, особенно с учетом длительности профессиональной подготовки, требований непрерывного повышения квалификации, высокой трудовой и эмоциональной нагрузки. Врачи фокус-группы № 2 также отмечают несоответствие своего заработка средней зарплате по региону и высказывают сожаление, что изменился подход к эффективному контракту (утрачен ряд надбавок, в частности за участие в диспансеризации). Кроме того, врачи старшего поколения отмечают, что низкий уровень оплаты труда также провоцирует уход из отрасли молодых специалистов: *«...поэтому молодежь не задерживается в бесплатной медицине»* (М.В., стаж 20 лет).

Высокий уровень нагрузки, рост трудовых конфликтов, недостаточный уровень оплаты труда обуславливают снижение уровня удовлетворенности врачей своей трудовой деятельностью. Это, безусловно, влияет на качество медицинской помощи и мотивацию профессионального роста: *«У меня уже 20 лет работы, и, если 15 лет назад я могла сказать, что у меня было желание совершенствоваться и в чем-то двигаться, сейчас — лишь бы меня не трогали»* (М.В., стаж 20 лет), *«...у нас нет желания, если один человек выполняет обязанности трех, а то и четырех людей... Мы говорим о тех условиях, которые сейчас созданы, в данный момент»* (Л.И., стаж 40 лет).

Таким образом, очевидно, что, несмотря на внедрение инновационных технологий в первичном звене здравоохранения, потенциально способных оптимизировать трудовую деятельность врача-терапевта, в условиях кадрового дефицита указанные нововведения не способствуют совершенствованию организации работы первичного звена, усугубляют конфликты в связке «врач — пациент» и повышают эмоциональную нагрузку участкового врача.

Помимо процессов компьютеризации первичного звена, в современном здравоохранении для повышения качества медицинской помощи разработаны и внедрены клинические рекомендации (протоколы лечения). Интересно, что исследование показало расхождение мнений врачей разных возрастных групп о влиянии внедрения клинических протоколов на качество медицинской помощи. Так, несмотря на то, что в практику деятельности участковых терапевтов внедрены уже сотни протоколов и клинических рекомендаций по клинико-диагностическим подходам с учетом различных видов заболеваний, среди ответов молодых врачей были такие варианты: *«Информация... доходит, просто не всегда удается этим пользоваться»* (Н.В., стаж 5 лет), *«Я не пользуюсь. ...Во многих случаях придерживать стандарта на 100% не получается»* (Г.Т., стаж 6 лет).

Такое отношение молодых врачей к клинико-диагностическим стандартам обусловлено рядом причин, основная из которых — отсутствие индивидуального подхода: *«Больные разные и нуждаются в индивидуальном подходе»* (Н.В., стаж 5 лет), *«...к больному нужно подходить индивидуально... Стандарты не подходят... особенно при осложненных видах патологии, когда назначение тех или иных ле-*

карственных препаратов, что предусмотрено стандартом, может усугубить течение сопутствующих заболеваний» (Г.Т., стаж 6 лет).

В то же время врачи с большим профессиональным стажем не проявляют тревожности в этом аспекте: *«...у нас определенные стандарты, в принципе, всегда были по определенным заболеваниям. Они нам не мешают, помогают» (Л.И., стаж 40 лет).* Тем не менее, врачи старшего поколения отмечают, что из-за проблем с интернет-трафиком зачастую во время приема пациента доступ к стандартам ограничен: *«...а в компьютере, кроме ЕГИС, ничего нет, в мировую сеть не зайдешь. В этой ситуации решением выступает наличие стандартов в распечатанном виде» (Е.А., стаж 19 лет).* Кроме того, врачи старшего поколения также признают необходимость учета индивидуальных особенностей пациентов и проведения консилиумов в сложных случаях.

Таким образом, молодые врачи считают, что стандарты ограничивают индивидуальный подход к лечению, тогда как опытные врачи рассматривают клинические рекомендации (протоколы лечения) как помогающий ресурс.

Кроме того, одним из требований медицинской профессии на современном этапе выступает необходимость непрерывного профессионального совершенствования. Участковые терапевты, прежде всего, подчеркивают, что повышение квалификации способствует росту качества медицинской помощи: *«Конечно, хотелось бы больше учиться и совершенствовать свои знания и умения. Знания врача — это его сила» (Н.В., стаж 5 лет).* При этом основным барьером для непрерывного образования врачи считают кадровый дефицит отрасли и обусловленный им высокий уровень рабочей нагрузки: *«...хотелось, чтобы текущее повышение квалификации было почаще, хотя бы один раз в год. Но так как нехватка кадров, руководство... не всегда нас поддерживает» (Н.В., стаж 5 лет).*

Одним из вариантов повышения квалификации врача выступает участие в научных мероприятиях. В то же время молодые врачи настороженно относятся к балльной системе аккредитации: *«Если бы проводили на территории поликлиники такие конференции хотя бы раз в три месяца, то было бы удобно. А так, когда они по всему городу и их время чаще всего совпадает с твоим приемом, то это становится практически нереальным» (К.С., стаж 3 года).* Врачи обеспокоены не только необходимостью набрать нужное число баллов в условиях удаленности места проведения конференций, но и недостаточно распространенной практикой включения научных мероприятий в систему непрерывного медицинского образования: *«К тому же, не каждая конференция выдает баллы. С января месяца я была на пяти конференциях. Сейчас, 16 апреля, будет шестая конференция и в первый раз будет выдача сертификатов участника, где внизу написано количество баллов. Больше двух-трех баллов не выдают» (Г.Э., стаж 2 года 6 месяцев).* Заметим, что медицинским специалистам необходимо набрать 250 баллов за пять лет, но с учетом высокой трудовой нагрузки эта задача представляется маловыполнимой.

Кроме того, респонденты отметили ограниченное число профильных конференций: *«...нужно посетить более 50 конференций за пять лет, получается... они должны соответствовать профилю вашей работы. А если взять, например, наш университет, то по специальности бывает, в лучшем случае, одна конференция в год. А для некоторых специальностей даже раз в год не проводится» (Е.С., стаж 2 года).*

При этом врачи с большим стажем работы, признавая необходимость регулярного участия в научно-практических мероприятиях, довольно скептически воспринимают балльную систему аккредитации: *«Я прошла аккредитацию. У меня, допустим, повысилась зарплата, я получила перспективы и шанс достичь чего-то лучшего? Нет! Тогда для чего это делается?»* (М.В., стаж 20 лет). В частности, участники фокус-группы № 2 отмечают сложности включения врачей пенсионного возраста в аккредитационную систему получения баллов: *«...такая система аккредитации не принесет пользы многим врачам, особенно пожилым, которые не смогут набрать необходимое число баллов»* (В.Ю., стаж 27 лет). Основные проблемы для этой категории врачей связаны с трудностями освоения новых информационных онлайн-технологий: *«Вот я получил сертификат, занимался подготовкой отчета не один день. Зарегистрироваться на сайте не смог. А люди постарше — они не смогут чисто технически»* (В.Ю., стаж 27 лет).

Помимо этого, респонденты указывают на многочисленные технические ошибки в работе образовательных ресурсов: *«Профессор-терапевт не смогла сдать экзамен, ее вопросы были по желудочно-кишечным кровотечениям. Ей поставили неудовлетворительную оценку. Она говорит: «Уважаемые разработчики, я же сама составляла эти вопросы, как такое могло быть?» ... Так что аккредитация — это вещь не всегда объективная»* (В.Ю., стаж 27 лет).

Молодые специалисты также демонстрируют определенную настороженность в отношении дистанционных форм обучения и аккредитации. Но такое отношение связано, прежде всего, с дисбалансом затрат времени на обучение и с количеством полученных баллов: *«...например, я через интернет слушаю лекции кафедры повышения квалификации, потом прохожу тесты и мне за это дают баллы. ... онлайн-вебинары всевозможные, опять же, в конце прохожу тесты... дают определенное количество баллов. Но за лекции и вебинары дают очень мало баллов, один-два обычно»* (Е.С., стаж 2 года). Кроме того, высокий уровень рабочей загруженности ограничивает время для прослушивания обучающих онлайн-ресурсов.

Таким образом, на фоне общих процессов информатизации и цифровизации отрасли, а также формирования сопутствующих ожиданий к специалистам (стремление к непрерывному повышению профессионального уровня, внедрение современных (и индивидуальных) подходов к диагностике и лечению, освоение новых информационных технологий) в первичном звене здравоохранения наблюдаются сохраняющийся дефицит кадров и обусловленный этим ряд проблем. Это такие проблемы, как перегрузки участковых врачей-терапевтов, отток специалистов из первичного звена, снижение трудовой мотивации, рост числа конфликтов в интеракции «врач — пациент», ограничение возможностей профессионального совершенствования. Очевидно, в сложившихся условиях можно говорить о несовпадении ожиданий врача в отношении своей трудовой деятельности и фактических требований должности, что также влияет на пересмотр им своих ролевых задач как специалиста первичного звена и обуславливает социальную трансформацию профессиональной роли участкового врача-терапевта.

Изменение социокультурных установок в отношении медицинских профессий

Социальная трансформация профессиональных ролевых установок врача-терапевта во многом определяется общими тенденциями изменения социо-

культурных установок в отношении медицинских профессий. В первую очередь, участники исследования отметили снижение авторитета врача и падение престижа медицинской профессии среди россиян. При этом врачи старшего поколения связывают падение такого престижа с общими социоструктурными и экономическими изменениями в стране: *«Это издержки того, что после 90-х годов утрачена система морально-нравственного воспитания людей, молодежи в частности»* (Л.И., стаж 40 лет).

Кроме того, снижение престижа врача (*«Учителя и врачи раньше считались элитой»* (М.В., врач-терапевт, стаж 20 лет)) все респонденты-врачи связывают, прежде всего, с недостаточно объективным освещением деятельности медицинских организаций и специалистов в СМИ. Так, участники фокус-группы № 2 считают необходимым повышать престиж врача: *«Нужно менять общественное мнение, не обвинять врачей по телевидению, для этого есть и другие организации, которые решают эти вопросы»* (М.В., стаж 20 лет), *«...надо как-то освещать везде, чтобы народ понимал, что врач несет ответственность за Ваше здоровье, поэтому должны врача поддерживать, относиться с уважением, а не искать какие-то негативные факты, а потом это выносить на суд общественности»* (Н.А., стаж 41 год). Также участники исследования указывают на необходимость совершенствования законодательной базы в вопросах повышения уровня защищенности медицинских специалистов: *«...нет никакой защиты, ни юридической, ни материальной, ни социальной»* (Г.Э., стаж 2 года 6 месяцев).

Парадоксальное снижение значимости медицинских услуг и уважения россиян к представителям медицинской профессии на фоне роста ценности здоровья и актуализации повышения качества медицинской помощи формирует у респондентов диссонанс восприятия собственной профессии и самооценки своей профессиональной идентичности, обуславливает переосмысление значимости элементов профессиональной роли (профессиональные цели, мотивационные аспекты, модели взаимодействия с пациентами и профессиональным сообществом и др.). Одновременно с этим респонденты отмечают, что в условиях цифровизационных изменений социума и обусловленная общими глобальными трендами информатизации система здравоохранения также динамично развивается по пути внедрения новых технологий в деятельность медицинских организаций. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость усвоения участковым врачом и применения им в практической работе новых информационных и коммуникативных технологий, принятия новых ролевых шаблонов взаимодействия с пациентами и профессиональным сообществом, пересмотра стратегий профессионального развития.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает наличие углубляющегося социального конфликта в сфере оказания медицинских услуг, без учета которого любая социальная инновация в организации медицинской помощи в первичном звене отечественного здравоохранения не может быть эффективной в полной мере. Выявленные у врачей модельной группы особенности коммуникативной сферы, диссонанс восприятия своей профессиональной идентичности и тенденции пересмотра значимости составляющих профессиональной роли на фоне сохра-

нящегося дефицита кадров в отрасли могут быть отражением социальной трансформации профессиональной роли участковых врачей-терапевтов.

Одновременно с этим общие процессы информатизации и цифровизации отрасли, внедрение новых технологий определяют новые требования к кадровому составу системы здравоохранения, что также влияет на переосмысление медицинским специалистом своих ролевых задач в современных условиях.

Список литературы (References)

Доника А. Д. Современные тенденции исследований проблемы профессиогенеза на модели медицинских специальностей // Экология человека. 2017. № 2. С. 52—57.

Donika A. D. (2017) Modern Trends of Research of Professiogenesis Problem on the Model of Medical Specialties. *Human Ecology*. No. 2. P. 52—57. (In Russ.)

Жданова М. Г. Социальные основы мотивации выбора профессии медика // Медицина и образование в Сибири. 2008. № 3. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=277 (дата обращения: 15.04.2020). С. 12.

Zhdanova M. G. (2008) Social Foundations of Motivation for Choice of Medical Profession. *Medicine and Education in Siberia*. No. 3. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=277 (accessed: 15.04.2020). P. 12. (In Russ.)

Крюгер Р., Кейси М. Э. Фокус-группы: практическое руководство / пер. с англ. Т. В. Клекоты, А. И. Мороза. М. : Вильямс, 2003.

Krueger R., Casey M. A. (2003) Focus Groups: Practical Guide. Transl. from Engl. Klekoty T. V., Moroz A. I. Moscow: Williams. (In Russ.)

Мельникова О. Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М. : Аспект Пресс, 2007.

Melnikova O. T. (2007) Focus-Groups: Methods, Methodology, Moderation. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М. : Институт молодежи, 1991.

Merton R., Fiske M., Kendall P. (1991) The Focused Interview. Moscow: Institut Molodezhi. (In Russ.)

Оберемко О. А. К типологии открытых вопросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 97—108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.06>.

Oberemko O. A. (2018) On Typology of Open-Ended Questions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 97—108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.06>. (In Russ.)

Оберемко О. А., Терентьева Н. Н. Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>.

Oberemko O. A., Terenteva N. N. (2018) Focused Interview According to Robert Merton: Features and Criteria of Quality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>. (In Russ.)

Решетников А. В. Социология медицины. Руководство. М. : Медицина, 2010.
Reshetnikov A. V. (2010) *Sociology of Medicine. Guide*. Moscow: Meditsina. (In Russ.)

Almost J., Wolff A. C., Stewart-Pyne A., McCormick L.G., Strachan D., D'Souza C. (2016) Managing and Mitigating Conflict in Healthcare Teams: An Integrative Review. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 72. No. 7. P. 1490—1505. <https://doi.org/10.1111/jan.12903>.

Apipalakul C., Kummoon D. (2017) The Effects of Organizational Climate to Conflict Management amongst Organizational Health Personnel. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 237. P. 1216—1222. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.192>.

Donika A. D. (2015) The Study of Professional Deformations of Doctors as Deviations of Their Professional Role. *International Journal of Emergency Mental Health*. Vol. 17. No. 4. P. 714—716.

Khalid S., Fatima I., Khan W. (2016) Types of Conflicts in Doctors in Private and Public Sector Hospitals. *Annals of King Edward Medical University*. Vol. 22. No. 2. P. 139—143. <https://doi.org/10.21649/akemu.v22i2.1298>.

Lacy B. E., Chan J. L. (2018) Physician Burnout: the Hidden Health Care Crisis. *Clinical Gastroenterology and Hepatology*. Vol. 16. No. 3. P. 311—317. <https://doi.org/10.1016/j.cgh.2017.06.043>.

MacArthur B.L., Dailey S. L., Villagran M. M. (2016) Understanding Healthcare Providers' Professional Identification: the Role of Interprofessional Communication in the Vocational Socialization of Physicians. *Journal of Interprofessional Education & Practice*. Vol. 5. P. 11—17. <https://doi.org/10.1016/j.xjep.2016.09.001>.

Role-Related Conflicts and Value-Laden Quandaries Confronting Today's Medical Professionals. (2018) In: Montgomery K., Lipworth W. (eds.) *Medical Professionals: Conflicts and Quandaries in Medical Practice*. New York: Taylor & Francis Group. P. 3—9. <https://doi.org/10.4324/9780203712221-1>.

Smorodin G., Kolesnichenko O. (2015) Big Data as the Big Game Changer. In: *9th International Conference on Application of Information and Communication Technologies (AICT)*. Rostov-on-Don, 14—16 Oct. P. 40—43. <https://doi.org/10.1109/icaict.2015.7338512>.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1624

Правильная ссылка на статью:

Шок Н. П. Ответственность науки и общество: может ли биоэтика повлиять на медицинскую практику? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 347—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1624>.

For citation:

Shok N. P. (2020) Responsible Science and Society: Can Bioethics Influence Clinical Practice? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 347—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1624>.

Н. П. Шок

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАУКИ И ОБЩЕСТВО: МОЖЕТ ЛИ БИОЭТИКА ПОВЛИЯТЬ НА МЕДИЦИНСКУЮ ПРАКТИКУ?

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАУКИ И ОБЩЕСТВО: МОЖЕТ ЛИ БИОЭТИКА ПОВЛИЯТЬ НА МЕДИЦИНСКУЮ ПРАКТИКУ?

ШОК Наталия Петровна — доктор исторических наук, кандидат политических наук, магистр философии, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: shokonat@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0713-7507>

RESPONSIBLE SCIENCE AND SOCIETY: CAN BIOETHICS INFLUENCE CLINICAL PRACTICE?

Nataliya P. SHOK¹ — Dr. Sci. (History of Medicine), Cand. Sci. (Polit.), MA (Philosophy), Professor, Department of Social Sciences and Humanities
E-MAIL: shokonat@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0713-7507>

¹ Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. Статья основана на материалах интервью с профессором Милдред Соломон, президентом одной из старейших и крупнейших независимых исследовательских организаций в области биоэтики в США — Центра

Abstract. The article is based on an interview with Professor Mildred Solomon, the president of the Hastings Centre, one of the oldest and largest independent bioethics research organizations in the U.S.A. The article aims not only to explain

Гастингс. Цель данного материала не только в том, чтобы пояснить, что такое биоэтика (этому посвящено много книг и публикаций). В большей степени статья нацелена на анализ того, как биоэтика может: 1) влиять на науку и, используя социологические исследования, вносить изменения в клиническую практику, формируя новые нормы общения, а также в политику в сфере общественного здравоохранения; 2) воздействовать на национальное и международное законодательство в области здравоохранения; 3) способствовать созданию междисциплинарных команд, независимых площадок гражданской активности; 4) посредством гражданской активности ученых формировать глобальную сеть образовательных и научно-исследовательских центров по всему миру, ориентированных на исследование национальных аспектов биоэтики и практики медицины, организации научных обменов и проектов, которые призваны создать этику глобального здравоохранения. Также статья рассматривает, что такое Центр Гастингс, как устроена работа независимого исследовательского проекта и каков его вклад в развитие биоэтики в условиях эпидемии. Этот аспект демонстрируется на примере аналитических материалов ученых, а также гражданской инициативы около 1400 биоэтиков и работников здравоохранения США, адресованной федеральному Правительству с рекомендациями о корректировке государственных противоэпидемических мер.

Ключевые слова: биоэтика, Центр Гастингс, интервью, Милдред Солонмон, Иван Фролов, ответственность науки, глобальное здравоохранение, обще-

what bioethics is; it largely aims to analyze how bioethics can (1) impact science using sociological research and make changes to the clinical practice creating new forms of interactions and policies in public health protection; (2) influence national and international regulations in health care; (3) facilitate the launch of interdisciplinary teams, independent platforms dealing with civic activities; (4) help form a global network of educational and research centers through civic engagement in order to study national aspects of bioethics, to conduct scientific exchange and projects designed to build global health bioethics. This aspect is illustrated by analytical materials and a civic initiative of 1,400 bioethical researchers and U.S. healthcare workers who addressed their recommendations on adjustments to the state anti-epidemic measures to the federal government.

Keywords: bioethics, The Hastings Center, interview, Mildred Solomon, Ivan Frolov, responsibility of science, global healthcare, public health, sociological

ственное здоровье, социологические исследования в биоэтике, клиническая практика, этика и коронавирус (COVID-19)

research in bioethics, clinical practice, ethics and coronavirus (SARS-CoV-2)

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

Acknowledgments. This work is part of the RSF project No. 18-78-10018 “Problems of Bioethics in Historical Context and Socio-Cultural Dynamics”.

Введение

Особенность научно-технических достижений XXI века состоит в том, что они создают новую науку, которая способствует развитию технологий и новых способов для спасения и продления жизни человека. Эти процессы затрагивают интересы будущих поколений, влияют на общество, создавая новые вызовы глобального характера. При этом такие процессы сопровождаются ростом числа лженаучных публикаций и антинаучной информации, усилением недоверия мирового сообщества к системам здравоохранения, а также социальной поляризацией. Совершенно иначе актуализируются вопросы ответственности науки и ученых, возникающие на трех уровнях: 1) управление (государство, бизнес, социальные нормы); 2) ключевые морально-этические ценности; 3) общественная информированность и участие. Изменения последних месяцев, связанные с глобальной пандемией COVID-19, позволили убедиться, каким хрупким является мировой социальный баланс. Однако эта ситуация позволяет в новых обстоятельствах рассмотреть роль и значение такого междисциплинарного направления исследований, как биоэтика: и с точки зрения аналитического потенциала, и в части качества человеческого капитала и возможностей профессионального объединения ученых разных стран, связанных общей темой или идеями.

Наиболее многочисленным объединением такого рода является профессиональная Американская ассоциация биоэтики и гуманитарных наук (ASBH). Она была создана в 1998 г. в Хьюстоне (Техас) путем объединения трех более мелких организаций, представители которых осознали, что вместе они смогут больше сделать для развития исследований в области биоэтики. Так, 24—27 октября 2019 г. в Питтсбурге (США) состоялось одно из крупнейших ежегодных событий в области биоэтики этой ассоциации — конференция Annual Meeting of ASBH 2019 «Remembrance and Resilience. How Bioethics Can Move Us Forward?». Это была 21-я встреча-конференция, в которой приняли участие более 1300 человек и в течение 4 дней параллельно работали более 40 дискуссионных площадок по всем направлениям биомедицинской этики.

К сожалению, встречи такого уровня по биоэтике ни разу не проходили в России. Почему? На данный вопрос трудно ответить однозначно. Это в некоторой степени удивительно. История биоэтики в нашей стране развивается с конца 1980-х годов. Однако здесь хотелось бы оговориться: речь в данном случае идет, скорее, об ис-

тории термина и институционализации академической и социальной практики, которая ему соответствует [Nezhmetdinova, Guryleva, 2018; Tikhonov, 2019]. В то же время многие исследователи отмечают, что интерес к проблемам этики науки возник в отечественной науке много раньше. Особую роль здесь сыграл академик И. Т. Фролов, работы которого об этике науки и о месте человека в мире новых технологий стали появляться еще в 1960-х годах [Фролов, 1967; Он же, 1969], а одна из его более поздних системных работ была опубликована на английском языке [Frolov, 1990]. Вместе с тем комплексное историко-научное исследование вклада этого ученого в развитие российской традиции биоэтики и особенностей ее советского этапа еще предстоит провести.

В самом общем виде, с точки зрения социальной истории науки, биоэтика (в современном понимании этого термина) до конца 1980-х годов не была представлена в академическом дискурсе СССР. Во многом это связано с тем, что биоэтика — академический продукт американской культуры, основанный на ее ценностях [Callahan, 1993]. Разница мировоззрений, политическое противостояние, философско-методологические разногласия и социокультурные особенности затрудняли диалог. Да и в целом идеи И. Т. Фролова вызывали настороженность в советском научном сообществе. Так, у Фролова можно найти интересный пример. В 1975 г. в Асиломаре (США) состоялась Международная конференция, посвященная обсуждению социальных и этических аспектов экспериментирования в области генетики. Ее результаты сам Фролов оценивал как начало новой эры в этике науки [Белкина, Корсаков, 2017]. Однако он отмечал, что советских ученых, участвовавших в конференции, западные коллеги называли «молчаливые ученые»¹, в то же время коллеги в СССР называли Фролова «марксистский поп». В СССР шли свои исследования в области коммунистической этики и морали, медицинской этики и деонтологии, что коренным образом отличалось и в дискурсивном, и в смысловом отношении от идей, возникших в США [De George, 1969; Царегородцев, 1966; Деонтология в медицине, 1988].

Сегодня в России работают отдельные исследовательские коллективы, независимые исследователи, журналисты. В начале 2000-х годов в медицинских вузах появился предмет «биоэтика». Но серьезного развития академической активности и широкой публичной дискуссии не произошло. Тем не менее, в последнее время тема, хоть и медленно, но набирает популярность, что может быть связано как с новыми научными разработками, так и с формирующимся общественным запросом.

Известно, что биоэтика как исследовательское поле впервые появилась именно в качестве аспекта академической и общественной дискуссии в США. Существует множество подходов к поиску точки отсчета в начале истории биоэтики. В США это произошло в конце 1960-х годов и было связано с развитием новых медицинских технологий, с их применением на практике (и с относящимися к этому этическими вызовами), а также с развитием социальной истории медицины [Jonsen, 1998].

Что касается современного этапа, то особенно важными в биоэтике становятся международный диалог, сравнительные исследования, обмен мнениями и опытом, более глубокое знакомство с культурой и академической практикой стран,

¹ Их молчание было связано с мнением руководителей советской науки, которые настаивали на активном проведении молекулярно-биологических исследований в условиях острой конкуренции с западной наукой.

научные концепты которых мы активно заимствуем и используем в публичном пространстве. Для более серьезного осмысления этих процессов и стимулирования интеллектуальной рефлексии в национальной академической среде наиболее интересным является формат публикации живых диалогов и интервью. Именно такое редкое интервью с Милдред Соломон — президентом Центра Гастингс публикуется в данной статье. Эта публикация особенно ценна как новый виток развития отношений, поскольку первый контакт с Центром Гастингс был установлен еще академиком Фроловым в рамках работы основанного им Российского национального комитета по биоэтике [Белкина, Корсаков, 2008: 46, 47].

Некоторые штрихи к биографии Милдред Соломон

Милдред Соломон — ученый с серьезной международной репутацией. Во многом это связано с ее исследованиями и публичной активностью по продвижению идеи разумной политики в сфере здравоохранения и науки. Она получила докторскую степень в области методов исследования образования и обучения взрослых в университете Гарвард (Harvard University) и степень бакалавра в Колледже Смит (Smith College). В дополнение к ее руководящей роли в Центре Гастингс она является профессором по глобальному здравоохранению и социальной медицине в Гарвардской медицинской школе (Harvard Medical School), где руководит образовательной программой, которая направлена на сотрудничество с университетскими больницами Гарварда с целью формирования компетенций в области биоэтики. Соломон является специалистом одновременно в области биоэтики и социальных наук. Основные направления ее научных исследований в области биоэтики: этика ухода за детьми и взрослыми в конце жизни, трансплантация органов, защита участников исследований на людях, ответственное поведение ученых-исследователей и управление новыми технологиями.

Академический путь профессора в биоэтике был тесно связан с ее деятельностью в области политики здравоохранения. Она работала в комитетах Национальных академий наук, инженерии и медицины (The National Academies of Science, Engineering and Medicine), в Консультативном комитете министра здравоохранения и социальных служб США по трансплантации органов (The U. S. Secretary of Health and Human Services Advisory Committee on Organ Transplantation) и в настоящее время входит в консультативный совет Программы по общественному здравоохранению и правам человека при Фондах открытого общества (The Public Health and Human Rights Program at the Open Society Foundations). В течение двух последних лет Соломон трудится в составе Глобального совета по технологиям, ценностям и политике Всемирного экономического форума (World Economic Forum's Global Council on Technology, Values and Policy).

Прежде чем возглавить Центр Гастингс, профессор Соломон была старшим директором по внедрению результатов научных исследований в Ассоциации американских медицинских колледжей (The Association of American Medical Colleges). На этом посту она отвечала за оказание помощи академическим медицинским центрам страны в развитии их потенциала в области сравнительного анализа эффективности научных исследований и внедрения полученных результатов. До этого она была вице-президентом Центра развития образования (The Education

Development Center), международной некоммерческой организации, занимающейся исследованиями и разработками, ежегодно выделяя около 140 млн долл. в виде грантов на исследования по всему миру. Соломон — автор около 70 научных работ и постоянный спикер крупнейших международных форумов по биомедицинской этике и самому широкому спектру вопросов в области глобальной политики в здравоохранении. Сегодня профессор Милдред Соломон — один из лидеров мнений в области глобальной биоэтики.

Центр Гастингс: научные исследования и публичная активность

Центр Гастингс основан в 1969 г. и с самого начала стал важным элементом становления и развития исследовательского поля биоэтики. Это независимая некоммерческая организация, объединяющая ученых-исследователей из разных дисциплин. Основной целью Центра является обеспечение общественного диалога по поводу рисков и пользы внедрения результатов научных исследований в практику, поскольку изменения в технологии, медицине и окружающей среде трансформируют ландшафт человеческих возможностей. Такие изменения поднимают глубокие вопросы, которые становятся потенциальными источниками социальных конфликтов. Формирование публичного пространства диалога, поиск общего языка для всех сторон, дискуссии в результате способны помочь найти решение этих вопросов. Основные исследовательские направления Центра находят выражение в программах «Дети и семья», «Старение, хронические болезни и конец жизни», «Здоровье и здравоохранение», «Достижения науки и улучшение человека», «Человечество и природа». Эта работа ведется группой ученых, которые ассоциированы с Центром и часть которых входят во всемирную сеть стипендиатов. Сегодня это более 200 человек, большинство из которых — ученые из Соединенных Штатов, но все чаще к команде присоединяются исследователи со всех уголков земного шара, формируя глобальную сеть биоэтики. Стипендиаты Центра Гастингс представляют собой избранную группу людей с выдающимися достижениями, чья работа привнесла новое в теорию и/или помогла обществу в понимании сложных этических вопросов в области здравоохранения, исследований в области наук о жизни и об окружающей среде.

Центр ведет активную публикационную деятельность. С момента его основания издается главный журнал *The Hastings Center Report*, который выходит шесть раз в год. Публикации в нем представляют разные жанры: научные статьи, колонки о законодательстве и политике, различные кейсы по вопросам клинической практики, истории работников здравоохранения, отзывы на книги, эссе. Другой формат — это «Специальные отчеты» (*Special Reports*), в которых публикуются результаты текущих исследований Центра. Это могут быть как итоги работы одного автора, так и коллекция эссе, а также результирующие документы, живые диалоги между теми, кто пришел к разным моральным заключениям в отношении центральных этических вопросов, и др. В последние годы Центр значительно расширил аудиторию посредством публичных веб-трансляций и публикаций видеоматериалов о событиях, а также бесед с лидерами в области науки и политики. Развиваются такие направления онлайн-публикаций: *Hastings Bioethics Forum*, *Bioethics Briefings* и информационный бюллетень, посвященные разнообразным

комментариям по актуальным вопросам биоэтики, которые представляют большой общественный интерес и формируются лидерами мнений.

Центр Гастингс активно сотрудничает с журналистами в целях информирования общественности, например путем организации семинаров в формате журналистских конференций или ежегодных обращений в СМИ, интервью и публикаций справочной информации. В дополнение к разработке собственных мероприятий ученые Центра часто участвуют в крупных общественных мероприятиях, проводимых другими организациями. Уникальная двойная приверженность Центра Гастингс профессиональному сообществу в области биоэтики и широкой общественности остается одной из отличительных и самых ценных его особенностей.

Текст интервью с профессором Милдред Соломон 2

В 2019 г. Центр Гастингс отмечал 50 лет со дня своего основания. В рамках конференции Annual Meeting of ASBH 2019 был организован юбилейный семинар, на который можно было попасть только по специальным приглашениям. После него удалось пообщаться с президентом Центра Гастингс.

— Каким образом биоэтика появилась в Соединенных Штатах Америки?

— Биоэтика как область исследований появилась в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Середина XX века стала временем больших достижений в сфере биомедицины. Люди называли это время «биологическая революция», потому что именно тогда впервые в медицине появились инструменты, которые могли бы помочь людям. В первой половине XX века большая часть прогресса в области охраны здоровья населения была обусловлена мерами общественного здравоохранения, которые были приняты. Это такие, как создание способов получения чистой воды, улучшение качества очистки сточных вод и т. д. Однако к середине столетия в распоряжении врачей наконец-то появился совершенно новый набор инструментов.

Тогда же появилось множество видов биомедицинских достижений, одним из примеров которых является разработка технологий жизнеобеспечения, таких как аппараты искусственной вентиляции легких и аппараты для диализа. Множество важных открытий произошло в области генетики, а также в разработке таких технологий, как ультразвук.

Центр Гастингс (The Hastings Center) является национальным исследовательским институтом в области биоэтики, и ему часто приписывают основополагающую роль в истории становления и развития биоэтики в США. Наши основатели — Даниэль Каллахан, философ, и Уиллард Гэйлин, психиатр, — наблюдали эту «биологическую революцию». Они довольно быстро поняли, что новые инструменты медицины будут оказывать большое влияние на пациентов, семьи, сообщества и общество в целом. Они полагали, что новые биомедицинские знания и технологии, которые эти знания создают, будут иметь мощные социальные и этические последствия. Они также заметили, что не существует никаких учреждений и ни одной научной области, сфокусированных на исследовании социальных и этических последствий внедрения и использования достижений биомедицины. Таким образом, первоначально они стали приглашать философов, религиозных лидеров, врачей и лидеров

² Interview with Professor Mildred Solomon.

других направлений мысли для обсуждения этих вопросов. Довольно скоро вокруг основных нерешенных вопросов были сформированы группы, которые начали публиковать свои взгляды. В 1971 г. в Центре Гастингс появился собственный журнал «Отчет Центра Гастингс» (The Hastings Center Report), который до сих пор сохраняет свое влияние. Так, собственно, и появилась новая междисциплинарная область исследований — биоэтика.

— **Что привлекло Вас в биоэтике? Каким образом Вы пришли в эту область?**

— Есть несколько особенностей биоэтики, которые привлекли меня.

Во-первых, я рассматривала биоэтику как движение, которое может эффективно противостоять медицинскому патернализму и помочь медицине улучшить свои возможности в интересах пациентов и их семей.

Во-вторых, я верила, что это направление может помочь защитить участников исследований. Были ужасные скандалы, такие как исследование Tuskegee Study³, в котором афроамериканским мужчинам было отказано в лечении сифилиса уже после того, как было найдено лечение от него. Я активно поддерживаю исследования с участием человека, но это требует надзора, и я думала, что биоэтика могла бы помочь установить нормы, политику и практику для обеспечения эффективного контроля над исследованиями.

В-третьих, биоэтики обучены выявлять ценности и принципы, которые могут быть поставлены на карту в результате тех или иных политических решений. В нашей культуре большое внимание уделяется тому, работает ли новая технология, является ли она безопасной, но не так много возможностей для рассмотрения того, как это повлияет на нас. Ни одна технология не является нейтральной — многие технологии могут принести необычайную пользу, но также и причинить вред. В одном случае технология будет поддерживать процветание человека и воспитывать добродетели, которыми мы дорожим. Однако если использовать эту же технологию по-другому, то это может снизить качество человеческих отношений или ослабить роль важных ценностей. Биоэтика позволяет формировать среду для обсуждения этих ценностей и побуждать людей с уважением прислушиваться к мнению друг друга.

— **Каким был Ваш первый исследовательский проект в области биоэтики?**

— В конце 1980-х я узнала, что Центр Гастингс собирается опубликовать руководство в области использования технологий поддержания жизни. Фактически в США мы стали свидетелями того, как некоторые семьи просили снять близких людей с аппарата искусственной вентиляции легких и позволить им умереть. Пациенты умирали или часто находились в состоянии комы, и их семьи чувствовали, что их близкие никогда не хотели бы, чтобы их жизнь поддерживали с помощью этих машин, если бы они не могли подняться или получить пользу от пребывания в таком положении. Врачи часто хотели исполнить такую просьбу, но никто не знал, будет отключение оборудования считаться убийством или нет. Больницы, врачи, пациенты и семьи просто не имели каких-либо руководств относительно того, что было бы этически и юридически допустимо, когда речь шла об использовании, об отказе от лечения или об отключении от поддерживающих жизнь технологий.

³ См.: URL: <https://www.history.com/news/the-infamous-40-year-tuskegee-study> (дата обращения: 08.04.2020).

Центр Гастингс собирался подготовить и опубликовать руководство, помогающее врачам, медсестрам, пациентам и семьям найти лучший способ реагирования на эти ситуации. Руководящие принципы утверждали, что сами пациенты или, если они больше не дееспособны, то их семьи могут принимать решения об использовании, отказе или отключении средств жизнеобеспечения. Наши руководящие принципы дали возможность пациентам и их семьям принимать решения. Они закрепили право пациентов определять, какой объем лечения они хотели бы получить, и позволили отказываться от жизнеобеспечения, если нагрузка перевешивала преимущества их применения с точки зрения пациента. Даже в том случае, когда пациенты больше не могли говорить за себя, руководящие принципы Гастингс позволяли семьям принимать такие решения, исходя из того, что, по их мнению, хотел бы пациент. Именно ценности пациента должны были направлять эти решения, и, если никто не знал точку зрения пациента, врачи были уполномочены принимать решения, основываясь на разумном представлении о том, что могло бы быть предпринято в интересах пациента.

Я социолог, очень интересовавшийся этой проблемой. У вас есть врачи, пациенты и семьи, нуждающиеся в руководстве. У вас есть уважаемая, авторитетная организация, готовая выпустить руководство о том, что является этически допустимым. И все же, будучи социологом и обучая врачей, я знала, что одни только руководящие принципы никогда не изменят практику. Если бы мы действительно хотели, чтобы процесс принятия решений в вопросах, касающихся «конца жизни» (end-of-life decision making), улучшился, нам потребовались бы руководящие принципы Центра Гастингс, а также нечто большее. И вопрос о том, что нам действительно нужно сделать, чтобы улучшить медицинскую помощь умирающим, зацепил меня — это стало моим первым крупным проектом в области биоэтики.

— **И что же Вы сделали?**

— Я решила изучить проблему, используя инструменты, которые были у меня как у социолога. Вместе со специалистами по биоэтике в Центре Гастингс, со специалистами в области социальных наук и с преподавателями Центра развития образования (EDC) в исследовательской организации, расположенной в Бостоне, где я работала в то время, мы запланировали масштабное исследование. Мы хотели лучше понять взгляды самих врачей на то, как помогать пациентам и их семьям в принятии решений об использовании средств жизнеобеспечения.

Мы опросили чуть менее 2000 врачей, в основном анестезиологов, врачей интенсивной терапии и онкологов, а также врачей, проходящих подготовку по этим специальностям, и медицинских сестер отделений интенсивной терапии из семи больниц в разных географических регионах США. Мы также провели фокус-группы перед исследованием и интервью после него. Самой важной находкой нашего исследования было то, что очень высокий процент врачей сообщили, что они действовали против своей совести, оказывая помощь неизлечимо больным. Другие вопросы исследовательского инструментария позволили нам увидеть направления, которые их беспокоили. Оказалось, что они не беспокоились о том, что лечение пациентов недостаточно. Скорее, у них были серьезные опасения, что они чрезмерно лечат («залечивают») пациентов: они предлагают лечение, которое не приносит никакой пользы, а также продлевает процесс умирания [Solomon et al., 1993].

Я нашла это невероятно интересным. Зачем врачам было предоставлять жизнеобеспечивающее лечение, если они не верили, что лечение поможет, и, если предоставление лечения вызывало у них моральное истощение? Итак, я начала изучать это, я проводила последующие интервью в рамках работы над своей докторской диссертацией, в поисках ответа на вопрос: зачем Вы это делаете? Если Вы врач, то почему Вы делаете то, что, как Вы считаете, неправильно [Solomon, 1991]?

И я обнаружила, что врачи действительно не понимают, имеют ли они право рекомендовать прекращение лечения⁴. Они чувствовали, что не вправе предлагать остановить лечение или даже начать разговор об этом с пациентами и их семьями. Они не чувствовали себя комфортно в откровенных беседах с семьями о том, что пациент умирает, и они не знали, можно ли помогать семьям рассматривать более широкий спектр вариантов, включая прекращение неэффективных вмешательств.

Посредством фокус-групп и интервью мы обнаружили, что многое замалчивалось. Врачи не были довольны тем, что они делали, многие семьи также не были довольны, но никто не говорил об этом. Я заинтересовалась разработкой какой-то программы, которая позволяла бы людям структурировано подходить к разговорам об этих проблемах. Наша группа в Центре развития образования (EDC) и коллеги из Центра Гастингс вместе разработали образовательную программу, которая была построена с использованием наших результатов исследований и руководящих принципов Центра Гастингс. Она называлась «Решения у конца жизни» (Decisions Near the End of Life) и включала ситуационные задачи и другие виды учебной деятельности, которые мы разработали для команд медицинских работников. Мы хотели собрать группы людей, которые обычно работают вместе, в одной больнице, чтобы они сообща прошли обучение. Обучение отдельных специалистов не будет таким же мощным, как предложение обучиться командой из одного отделения больницы. Тогда мы надеялись, что они вернуться к работе, будучи лучше подготовленными к изменению своей практики, потому что они вместе прошли обучение [Solomon et al., 1991].

⁴ Большинство штатов США не легализовало эвтаназию. Исключение составляют лишь несколько штатов, например, Калифорния, Орегон, Вермонт. Однако в данном интервью речь идет не об эвтаназии или суициде с участием врача, а о распространенной практике отделений интенсивной терапии в США — о «снятии» лечения с использованием искусственной вентиляции легких (ИВЛ).

Если говорить кратко, то с точки зрения закона и этики клиническая практика withdrawal («снятие») — это право пациента (его родственников) на отмену лечения с использованием ИВЛ в условиях отделения интенсивной терапии. Если такой запрос поступает, то врач начинает процедуру его выполнения в соответствии с рекомендациями больницы, в которой проводится лечение. Прекращение интенсивной терапии с использованием ИВЛ не равнозначно эвтаназии, так как подразумевает иные способы работы с симптомами пациента в дальнейшем (например, паллиативную помощь). Врачи предлагают разные варианты лечения родственникам пациента и предоставляют медицинское, этическое и юридическое заключение. В процесс принятия такого решения включены несколько специалистов. В ходе обсуждения запроса на «снятие» ИВЛ в приоритете остаются интересы пациента. Более того, пациент может заранее оформить advance decision to refuse treatment («предварительное решение об отказе от реализации»), в котором, например, можно указать отказ от определенных видов лечения.

В отношении процедуры «снятия» ИВЛ существуют клинические протоколы, в которых регламентированы: методы отключения ИВЛ; контроль симптомов в процессе отключения; состав команды врачей, задействованных в отключении; место, где происходит «снятие» ИВЛ (например, на дому у пациента); виды информации, которую должны получить родственники до и после отключения и др.

Эта практика не теряет актуальности в биоэтических дискуссиях о способах лечения «в конце жизни». «Снятие» ИВЛ представляет собой глубокий (зачастую травматичный) эмоциональный опыт как для специалистов здравоохранения, так и для родственников пациентов. Более того данная практика существует далеко не во всех странах (например, в России таких протоколов нет) и не так детально разработана как в США.

К этому времени Центр Гастингс опубликовал свои руководящие принципы, поэтому мы разработали примеры, чтобы раскрыть ключевые аспекты этих руководящих принципов. Мы пришли к выводу, что, если бы врачи могли использовать руководящие принципы для осмысления предложенных нами ситуационных задач, они с большей вероятностью смогли бы использовать руководящие принципы в своей повседневной работе.

Мы попросили эти команды из разных больниц прийти на региональную конференцию. Команды, как правило, состояли из старшего и младшего врачей, медсестры, социального работника и пасторального консультанта (больничного капеллана)⁵ — примерно пять человек из любого учреждения. Они должны были прийти как команда, как единый рабочий блок, и мы собрали около 12 больниц, так что у нас была конференция, на которой собралось около 60 человек. Мы использовали случаи, которые разработали заранее, и они были структурированы так, чтобы рассказать историю пациента, который находился на длительном лечении или в отношении которого необходимо было поговорить и принять решение о лечении в терминальном состоянии. Мы использовали эти кейсы, чтобы заставить медицинских работников говорить о том, как это происходит в их учреждении и насколько они удовлетворены этим. Следует ли это обсуждать иначе? Если подобный случай произойдет в вашем учреждении, как ваши коллеги отреагируют на него? Мы хотели тогда, чтобы они подумали о собственной практике, вернувшись в свои учреждения.

Мы также предоставили им те же исследовательские инструменты, которые были использованы для национального исследования, чтобы они провели опрос в своих учреждениях. Это было очень мощно, потому что результаты опроса были о них — данные поступили от людей из их собственных учреждений. Нельзя отрицать, что в их собственных больницах было большое количество примеров серьезного морального истощения и моральной неопределенности. В каждой больнице прошло основное образовательное собрание, чаще всего в формате, который мы называем «большие раунды», когда врачи и другие медицинские работники приезжают примерно на час для профессионального обучения. Результаты опроса были представлены на этих «больших раундах». Внимание людей было приковано к тому, чтобы узнать, как каждый из них, как их коллеги относились к этим чрезвычайно спорным и трудным для обсуждения вопросам. В реальности полученные данные отражали их взгляды, и выявление того, что часто между медсестрами и врачами или между врачами существуют значимые разногласия, помогло создать мотивацию, необходимую для изменений в этих учреждениях.

В результате во многих больницах были организованы этические мероприятия и этические «раунды». Некоторые требовали предварительных разговоров о расширенном уходе или разговоров «о целях ухода». Например, если кто-то находился на аппарате ИВЛ в течение определенного периода, одна больница потребовала,

⁵ Пастырское консультирование — это направление консультирования, в котором задействованы служители, равнины, священники, имамы и другие лица, подготовленные в области психологии. В их работе часто объединены современные психологические методы и религиозная традиция. Сегодня сотни центров психического здоровья, созданных в рамках тех или иных религиозных традиций, можно найти по всей Северной Америке. В 1963 году была основана Американская ассоциация пастырских советников, нацеленная на обеспечение профессиональной сертификации пастырских консультантов и центров пастырского консультирования в том числе и для системы здравоохранения.

чтобы медицинская команда, обеспечивающая уход в отделении интенсивной терапии, провела встречу с семьей, чтобы обсудить варианты и изучить цели пациента и его семьи в отношении дальнейшего лечения. Другие пересмотрели свой подход к использованию искусственного питания и гидратации и разработали иные виды политики госпиталя в целях более корректного принятия решений. Некоторые обученные нами клиницисты по вопросам лучших практик обезболивания стали поддерживать зарождающееся движение по паллиативной помощи.

Первоначальные руководящие принципы Гастингс были выпущены в 1987 году [Guidelines on the Termination of Life-Sustaining Treatment and the Care of the Dying, 1987]. В 1990 году Верховный суд США процитировал наши руководящие принципы, которые стали нормой для принятия решений в отношении пациентов в терминальных состояниях в больницах США. Более 230 больниц в Соединенных Штатах приняли участие в программе «Решения у конца жизни», и в этой программе приняли участие около 40 000 американских врачей. Материалы и ситуационные задачи этой программы были переведены на немецкий язык и апробированы в Германии и Швейцарии. Руководство Центра Гастингс было пересмотрено и полностью обновлено во втором издании, которое мы опубликовали в 2013 г.⁶

Второе издание также затрагивало этику конца жизни в педиатрии, и позже я независимо работала с коллегами над созданием образовательной программы по педиатрии под названием «Инициатива по педиатрической паллиативной помощи детям» (The Initiative for Pediatric Palliative Care (IPPC)) [Browning, Solomon, 2005].

В 2014 г., сразу после выхода второго издания руководящих принципов Центра Гастингс, началась работа Центра с Обществом госпитальной медицины (The Society of Hospital Medicine), чтобы предоставить дополнительные образовательные инструменты для обучения врачей приемных отделений (специалисты, которые осматривают пациентов только однажды, при их поступлении в больницу), чтобы они имели знания, навыки и организационную поддержку для ведения диалога, соответствующего ситуации и потребностям конкретного пациента.

— Какой, по Вашему мнению, самый эффективный стиль руководства для продвижения биоэтики?

— Разные лидеры владеют разными стилями. Многие стили лидерства могут быть эффективными. Я думаю, что мой стиль — сделать все, чтобы расширить горизонты моих коллег, чтобы они могли работать на пике своих возможностей и строить командную работу. От одного из моих наставников я узнала, что такое сила «критической дружбы». Друзья-критики обязуются давать честную, откровенную обратную связь, но вежливым способом и с желанием поддержать, направить. Критические друзья не позволяют друг другу становиться небрежными или делать меньше, чем каждый на самом деле способен. Они привержены строгости, креативности и высоким стандартам всех видов, но они подотчетны друг перед другом: каждый исходит из того, что мы все разделяем одни и те же цели.

— Как Вы думаете, существуют ли гендерные особенности, которые влияют на Ваш стиль руководства?

⁶ См.: URL: <https://www.thehastingscenter.org/publications-resources/books-by-hastings-scholars/the-hastings-center-guidelines-for-decisions-on-life-sustaining-treatment-and-care-near-the-end-of-life-revised-and-expanded-second-edition/> (дата обращения: 16.04.2020).

— Я думаю, что гендерные различия могут влиять на стиль руководства, но это не является определяющим. Я не очень иерархична, хотя я думаю, что сильным лидерам иногда приходится, так сказать, устанавливать закон — они должны ставить цели и делать жесткие указания. Тем не менее, мой основной стиль — коллаборация, неиерархический и ориентированный на построение команд. Я считаю, что действительно важно прислушиваться к мнению других. Я знаю многих женщин, у которых очень партнерский, неиерархический стиль. Однако есть и мужчины, которые делают это хорошо, и женщины, которые делают это плохо. Этот конкретный стиль может быть гендерно-ассоциированным, но не гендерно-обусловленным. И есть другие стили лидерства, которые являются более иерархическими, но также могут быть эффективными. Это как обучение — нет единого стиля, который лучше других, хотя есть много плохих стилей.

— **Вы говорили о биоэтике и моральном истощении врачей и других медицинских работников. А как насчет биоэтики и ученых, например тех, кто работает над редактированием генов?**

— На мой взгляд, ученые несут ответственность не только за то, чтобы овладеть технической стороной своих навыков, но и за понимание того, что они изобретают вещи, которые могут изменить человеческую природу и природу нашей планеты. История науки, а также базовая ориентация на область биоэтики должны быть включены в обучение каждого аспиранта и докторанта по молекулярной биологии и другим наукам о жизни. Аспиранты и докторанты должны знать об исторических временах, когда научная гордыня приводила к большим неприятностям, и их наставники должны воспитывать в своих учениках чувство смирения. Они также должны вместе обсуждать давление, оказываемое на молодых ученых в части большего числа публикаций, что может заставить их действовать поспешно, как это сделал Хе Джайнкуи, когда он взял на себя право редактировать эмбрионы трех младенцев вопреки всемирному научному консенсусу о том, что любые манипуляции в отношении генома человека еще не безопасны и не должны производиться.

Я обеспокоена, например, тем, что российский ученый Денис Ребриков проявляет подобную гордыню. Он объявил: ему все равно, что мировое научное сообщество считает преждевременным делать генетические модификации эмбриона человека. Он также планирует редактировать эмбрионы, хотя, возможно, он передумал теперь, когда Хе Джайнкуи был приговорен в Китае к трем годам тюрьмы. Я надеюсь, ученые будут достаточно социализированы, чтобы понять, что возможно одновременно и продвигать инновации, и позволять более вдумчивый и эффективный надзор за исследованиями.

Ученые должны понять, сколько силы заключено в таких технологиях, как CRISPR-CAS 9, и насколько важно то, что существуют стандарты безопасности и эффективности. Также должны быть обсуждения, выходящие далеко за рамки безопасности и эффективности. Биоэтика может создать пространство для обсуждений других ценностей, помимо безопасности, таких как справедливость (обеспечение справедливого доступа к преимуществам технологий, доказавших свою безопасность и эффективность) или уважение к людям (отношение к каждому человеку с уважением, без предвзятости или дискриминации). Должны

существовать некие стандартные способы решения проблем, находящихся «за пределами безопасности». Так мы сможем гарантировать, что мы используем технологии такими способами, которые способствуют росту процветания человека, а не уменьшают его.

— Как Вы ведете такие дискуссии, когда люди могут не соглашаться друг с другом?

— Важно включать людей, которые не согласны друг с другом, с определенной целью, а также выбирать людей, способных слушать друг друга. Скандал не поможет вам продвинуться вперед, поэтому вы не должны принимать сварливых людей. Вам нужны участники, которые хотят слушать, но вы также не должны скрывать разногласия, которые есть у людей. В Центре Гастингс мы начинаем каждое собрание с того, что говорим участникам: «Вас выбрали, потому что вы расходитесь во мнениях, а также потому, что мы считаем, что у вас есть все, что нужно, чтобы слушать друг друга». Мы объясняем, чего мы хотим, чтобы все высказали свое мнение, и что весь процесс конфиденциален. Всех просят не говорить о наших обсуждениях за пределами круга участников до тех пор, пока кем-либо не будет запрошено специальное разрешение или руководитель группы не даст кому-либо конкретно разрешения. Мы подчеркиваем, что все мы несем ответственность за обеспечение уважительного разговора.

— Каков опыт Центра Гастингс в области биоэтики в других странах?

— Центр Гастингс работал в Восточной Европе немного, особенно в 1990-х годах, когда у нашего основателя Дэна Каллахана там были важные проекты с партнерами. За время своего пребывания в должности президента Центра Гастингс я старалась поддерживать это направление по мере возможностей. Например, в течение двух лет мы с гордостью участвовали в организации конференции по улучшению, программа которой была разработана в Центре изучения биоэтики при Университете Белграда в Сербии (Center for the Study of Bioethics at the University of Belgrade). Прошлым летом мы выступили в качестве одного из спонсоров конференции совместно с Гарвардской медицинской школой, Университетом Цюриха, Университетом Загреба, Оксфордским университетом и Университетом Дубровника в Хорватии.

Возможно, наше самое масштабное сотрудничество за пределами Соединенных Штатов было с Сингапуром и Гонконгом. Мы помогли Национальному университету Сингапура развить его центр биоэтики и первый Азиатский журнал по биоэтике (Asian Bioethics Journal). Мы реализовали несколько исследовательских проектов с нашими коллегами из Сингапура.

Два или три года назад Центр Гастингс помог открыть новый центр биоэтики, базирующийся в Китайском университете Гонконга (CUHK). Вскоре после этого очень щедрый спонсор организовал 10-летнюю программу обмена, которая позволила ученому из Китайского университета Гонконга приехать в Центр Гастингс для обучения и ученому из Центра Гастингс поехать в Гонконг. Такого рода устойчивый обмен, продолжающийся из года в год, очень важен.

В настоящее время мы сотрудничаем с Советом Наффилда (Nuffield Council) в Соединенном Королевстве и с Центром биоэтики в Китайском университете Гонконга в целях организации и проведения конференции «Здравоохранение

следующего поколения», которая должна была состояться в Гонконге в конце марта, однако была отложена из-за пандемии и ориентировочно перенесена на осень 2020 года.

25 октября 2019 года, Питтсбург (США).

Центр Гастингс и биоэтика в условиях эпидемии коронавируса (COVID-19)

С начала эпидемии коронавируса ученые Центра Гастингс активно включились в экспертную работу, которая посвящена различным этическим и социальным аспектам, связанным с эпидемией. В самом общем виде можно выделить два направления деятельности: во-первых, подготовка аналитических обзоров и информирование населения о социальном и этическом измерении разных аспектов эпидемии (о кризисе доверия в обществе; правительственных мерах защиты социальных групп; справедливом распределении ресурсов; конфликтах интересов различных уровней права и др.); во-вторых, объединение ученых, намеренных задействовать влияние их академического авторитета в сфере экспертизы политических решений и убедить Правительство США разработать более адекватный и этичный ответ на пандемию.

Таким образом, около 1400 самых известных биоэтиков и лидеров здравоохранения страны подписали срочное письмо в Конгресс и Белый дом, в котором просили Правительство США немедленно использовать весь объем полномочий федеральной власти и средств реагирования для борьбы с пандемией COVID-19. Документ был разработан Милдред Соломон, президентом Центра Гастингс, и Лоуренсом Гостином, научным сотрудником Центра Гастингс и директором Института национального и глобального права О'Нила в Джорджтаунском университете. Составители письма сфокусировали внимание на том, что может делать в сложившихся обстоятельствах именно федеральное Правительство, а не штаты и системы здравоохранения. В течение недели была проведена мощная информационная кампания внутри профессионального сообщества, чтобы люди с академической подготовкой по биоэтике и/или с клиническим опытом подписали этот документ⁷. Главной задачей авторов письма было желание показать, что профессиональное сообщество поддерживает конкретные действия, основанные на биоэтических ценностях, медицинском профессионализме, научных данных и клиническом опыте.

Фактически письмо призывает к пяти немедленным действиям со стороны федеральных властей: 1) обеспечение производства и распределения необходимых расходных материалов; 2) принятие государством на себя обязательств по оплате ухода за больными и по лечению COVID-19; 3) обеспечение оплаченных отпусков по болезни для всех; 4) принятие мер защиты уязвимых групп населения (пожилых, заключенных, бездомных, содержащихся в миграционных центрах и др.); 5) создание всеобъемлющей и заслуживающей доверия стратегии коммуникации с обществом (прекратить распространение недостоверной информации и новостей, формирующих панику, в социальных медиа).

⁷ Ввиду того, что автор статьи является членом Американской ассоциации биоэтики и гуманитарных наук и, соответственно, частью профессионального сообщества, на электронную почту пришел полный текст этого письма и список подписавших его коллег. Таким образом, была возможность сделать анализ документа «из первых рук».

Как отмечается в петиции, государство воздержалось от использования своих полномочий в полной мере. В настоящее время специалисты по биоэтике призывают к немедленным решительным действиям федерального Правительства по быстрому производству и распространению средств индивидуальной защиты и столь необходимых аппаратов ИВЛ, а также по срочным мерам, которые нужны больницам и работникам здравоохранения. Как отметила Соломон, объясняя цель петиции, «из-за острой нехватки материалов и аппаратов ИВЛ работники здравоохранения будут вынуждены столкнуться с травмирующими решениями в отношении пациентов, которые будут иметь серьезные последствия — на грани жизни и смерти. Как у профессионального сообщества биоэтиков у нас есть опыт, чтобы предложить руководство по выработке стандартов сортировки, однако наша первая и непосредственная обязанность — предотвратить или значительно сократить потребность в таких решениях»⁸.

По мнению 14 ученых Центра Гастингс⁹, одной из главных биоэтических дилемм эпидемии коронавируса стало противостояние, с одной стороны, этики общественного здравоохранения, выражающейся в справедливом распределении ограниченных ресурсов и ориентации на общественную безопасность, и с другой — клинической этики, которая ориентирована на пациента и выражается в уважении прав и интересов отдельных пациентов. Клиницисты, такие как врачи и медсестры, обучены заботиться о людях. Чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения требуют от клиницистов изменения их привычной практики, в том числе в некоторых ситуациях, чтобы расставить приоритеты сообщества над человеком в справедливом распределении скудных ресурсов. Смещение с ориентированной на пациента практики, поддерживаемой клинической этикой, на уход за пациентом, направленный на этику общественного здравоохранения, создает большую напряженность для клиницистов, среди которых не все одинаково хорошо подготовлены к принятию решений и уходу за пациентами в контексте крупномасштабной, возможно, длительной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения. Среди своих задач Центр Гастингс также отмечает важность усилий и работу «за кулисами» с тем, чтобы с петицией была ознакомлены сотрудники Конгресса, члены целевой группы по борьбе с коронавирусом в Белом доме и другие представители власти.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в условиях нарастания глобальной напряженности в области общественного здоровья наличие мощного и слаженно действующего сообщества биоэтиков, представителей клинической медицины и работников здравоохранения позволяет давать экспертную оценку и рекомендации национальным правительствам, глобальному сообществу и общественности. Тем самым активизируется прикладной потенциал всей совокупности междисциплинарных исследований в проблемном поле биоэтики. Идет консолидация мнений, способствующая не только артикулированию проблем, но и поиску их решений с учетом интересов разных социальных групп.

⁸ URL: <https://www.thehastingscenter.org/news/americas-bioethicists-government-must-use-federal-powers-to-fight-covid-19/> (дата обращения: 07.04.2020).

⁹ Nancy Berlinger; Matthew Wynia; Tia Powell; D. Micah Hester; Aimee Milliken; Rachel Fabi; Felicia Cohn; Laura K. Guidry-Grimes; Jamie Carlin Watson; Lori Bruce; Elizabeth J. Chuang; Grace Oei; Jean Abbott; Nancy Piper Jenks. См.: URL: <https://www.thehastingscenter.org/ethicalframeworkcovid19/> (дата обращения: 07.04.2020).

Список литературы (References)

Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. Академик И. Т. Фролов во главе ФО СССР — РФО // Отечественное философское общество. Становление и развитие философии науки. 2017. № 2. С. 137—152.

URL: <https://www.phisci.info/jour/article/viewFile/321/322> (дата обращения: 07.04.2020).

Belkina G. L., Korsakov S. N. (2017) Academician I. T. Frolov as the Head of The Philosophical Society of USSR — The Russian Philosophical Society. *National Philosophical Society. The Birth and Development of the Philosophy of Science*. No. 2. P. 137—152. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/viewFile/321/322> (accessed: 07.04.2020). (In Russ.)

Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. И. Т. Фролов и становление отечественной биоэтики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. URL: https://iphras.ru/uplfile/sov_ph/bioetika-2.pdf (дата обращения: 07.04.2020).

Belkina G. L., Korsakov S. N. (2008) I. T. Frolov and Development of National Bioethics. *Bioethics and Humanitarian Expertise*. Vol. 2. Moscow: IPh RAS. URL: https://iphras.ru/uplfile/sov_ph/bioetika-2.pdf (accessed: 07.04.2020). (In Russ.)

Деонтология в медицине: в 2 т. Т. 1: Общая деонтология / под ред. Б. В. Петровского. М. : Медицина, 1988.

Petrovsky B. V. (ed.) (1988) *Deontology in Medicine: in 2 Vol. Vol. 1: General Deontology*. Moscow: Medicine. (In Russ.)

Фролов И. Т. Генетика и диалектика // Вопросы философии. 1967. № 1. С. 91—101. Frolov I. T. (1967) Genetics and Dialectics. *Voprosy Filosofii*. No. 1. P. 91—101. (In Russ.)

Фролов И. Т. Философские и социальные проблемы научно-технической революции // Вопросы философии. 1969. № 4. С. 3—15.

Frolov I. T. (1969) Philosophical and Social Problems of Scientific and Technical Revolution. *Voprosy Filosofii*. No. 4. P. 3—15. (In Russ.)

Царегородцев Г. И. Диалектический материализм и медицина. 2-е изд. М. : Медицина, 1966.

Tsaregorodtsev G. I. (1966) *Dialectical Materialism and Medicine*. 2nd ed. Moscow: Medicine. (In Russ.)

Browning D. M., Solomon M. Z. (2005) The Initiative for Pediatric Palliative Care: An Interdisciplinary Educational Approach for Healthcare Professionals. *Journal of Pediatric Nursing*. Vol. 20. Iss. 5. P. 326—334. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2005.03.004>.

Callahan D. (1993) Why America Accepted Bioethics. *The Hastings Center Report*. Vol. 23. No. 6.

De George R. T. (1969) *Soviet Ethics and Morality*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Frolov I. T. (1990) *Man, Science, Humanism: A New Synthesis*. Buffalo. New York: Prometheus Books.

Guidelines on the Termination of Life-Sustaining Treatment and the Care of the Dying: A Report of the Hastings Center. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Jonsen A. R. (1998) *The Birth of Bioethics*. Oxford: Oxford University Press.

Nezhmetdinova F. T., Guryleva M. Yu. (2018) Russian School of Bioethics: History and the Present. In: Morales-González J.A., Nájera E. A. (eds.) *Reflections on Bioethics*. IntechOpen. URL: <https://www.intechopen.com/books/reflections-on-bioethics/russian-school-of-bioethics-history-and-the-present> (accessed: 07.04.2020). <https://doi.org/10.5772/intechopen.74526>.

Solomon M. Z. (1991) *Life and Death Decisions: Physician Perspectives and Their Implications for Professional Education*. Ed. D. Dissertation. Harvard University; Ann Arbor: University Microfilms.

Solomon M. Z., Guilfoy V., O'Donnell L., Jackson R., Jennings B., Wolf S., Nolan K., Donnelley S., Koch-Weser D. (1991) *Faculty Guide: Decisions Near the End of Life*. Newton, MA: Education Development Center, Inc. (Revised 1997 with Fins J. J., Crigger B., Heller K. S.)

Solomon M. Z., O'Donnell L., Jennings B., Guilfoy V., Wolf S. M., Nolan K., Stoeckle R. J., Koch-Weser D., Donnelley S. (1993) Decisions Near the End of Life: Professional Views on Life-Sustaining Treatments. *American Journal of Public Health*. Vol. 83. P. 14—23.

Tikhonov V. V. (2019) The Origins of the Russian National Committee on Bioethics: Historical, Sociocultural and Political Contexts. *History of Medicine*. Vol. 6. No. 1. P. 41—44.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

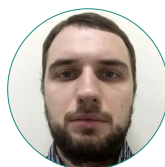
DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.666

Правильная ссылка на статью:

Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Влияние ожиданий населения на макроэкономические параметры: эконометрическая оценка на примере России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 365—384. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.666>.

For citation:

Balatsky E. V., Ekimova N. A., Yurevich M. A. (2020) Impact of people's expectations on macroeconomic parameters: an econometric assessment (Russia's case study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 365—384. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.666>.

Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова, М. А. Юревич

ВЛИЯНИЕ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

ВЛИЯНИЕ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

IMPACT OF PEOPLE'S EXPECTATIONS ON MACROECONOMIC PARAMETERS: AN ECONOMETRIC ASSESSMENT (RUSSIA'S CASE STUDY)

БАЛАЦКИЙ Евгений Всеволодович — доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: ebalatsky@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Eugene V. BALATSKY^{1,2} — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director of the Macroeconomic Research Center; Chief Researcher
E-MAIL: ebalatsky@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

ЕКИМОВА Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: n.ekimova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

ЮРЕВИЧ Максим Андреевич — научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: MAYurevich@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2986-4825>

Аннотация. В статье анализируется проблема влияния ментальной общественной надстройки на фундаментальные параметры экономики. Проблема конкретизируется на изучении связей между виртуальными характеристиками хозяйственной системы (инфляционными ожиданиями населения, ожиданиями в отношении динамики производства) и реальными макропеременными (индексом потребительских цен, темпами экономического роста и производительности труда, нормой накопления). Для оцифровки ожиданий населения используется несколько способов квантификации исходных данных социологических опросов; для макропеременных берутся данные Росстата. Строятся эконометрические зависимости между указанными переменными, которые прошли тесты на статистическую значимость. Модели основываются на ежемесячных данных за период 2014—2017 гг.; для определения величины временных лагов применяется предварительная процедура расчета парных коэффициентов корреляции.

Natalia A. EKIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher
E-MAIL: n.ekimova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

Maxim A. YUREVICH¹ — Research Fellow
E-MAIL: MAYurevich@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2986-4825>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the influence of social mental superstructure on fundamental economic parameters. To be more specific, the focus of the study is the relationship between virtual characteristics of the economic system (people's inflation expectations, expectations regarding production dynamics) and real macro variables (consumer price index, economic growth rate, workforce productivity, rate of accumulation). The authors use a number of ways of quantifying the initial survey data to digitalize people's expectations and the Rosstat data to analyze macro variables. The authors designed econometric relationship between the given variables tested for statistical significance. The models are based upon yearly data (from 2014 to 2017); to find the value of time lag a preliminary calculation of matching correlation coefficients is made.

Calculation confirms that there is a connection between people's expectations and macro variables. The introduced distinction between "light" macro variables (which are subject to rapid change) and "heavy" macro variables (which have poor response to shocks) helped

Проведенные расчеты подтвердили наличие связи между ожиданиями населения и макропеременными. Введение классификации макропеременных на «легкие» (подверженные быстрым изменениям) и «тяжелые» (слабо реагирующие на эмоциональные шоки) позволило установить более общие закономерности в формировании их связей с ожиданиями населения. Кроме того, введена классификация статистических связей, предусматривающая разницу в их силе, устойчивости и скорости отклика. Показано, что по мере «утяжеления» макропеременных происходят ослабление их связи с ожиданиями населения, потеря устойчивости связи и возрастание периода отклика. Обсуждаются возможности использования полученных результатов для краткосрочного прогнозирования ключевых экономических переменных.

Ключевые слова: инфляционные ожидания, экономический рост, производительность труда, норма накопления, модель

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2020 г. (проект № АААА-А19-119080990043-0).

Введение

Нет никаких сомнений, что XXI век будет веком холистической идеологии и полидисциплинарных исследований. Уже сегодня происходит активный синтез различных социальных наук. Наиболее тесные отношения сложились между экономикой и социологией, которые активно и плодотворно заимствуют друг у друга аналитические методы, а порой и борются за главенство в отношении тех или иных проблемных тем. Однако самый животрепещущий вопрос пока остается в стороне от магистральных исследований. Речь идет о влиянии субъективных характеристик экономических агентов (ценности, ожидания, установки и оценки населения) на объективные экономические процессы (рост производства,

to establish a more general regularity in these connections. As the macro variables become heavier, their connections to people's expectations get lighter, the connections become less stable, and the response time goes up. The authors propose possible uses of the obtained results in the short-term forecasting of the key economic variables.

Keywords: inflation expectations, economic growth, labor productivity, rate of accumulation, model

Acknowledgments. The article is part of the state task of the Russian Government to the Financial University for 2020 (project No. АААА-А19-119080990043-0).

безработица, технологический прогресс, инфляция и т.п.). Если первая группа переменных и показателей является прерогативой социологии, то вторая находится в компетенции экономической науки. В то же время очевидно, что между двумя этими гранями бытия имеется взаимосвязь. С одной стороны, в полном соответствии с учением К. Маркса экономические реалии формируют ментальную составляющую общества, с другой — этические установки людей, согласно концепции М. Вебера, определяет характер отношений между субъектами и тип конструируемой ими хозяйственной системы. Именно эти междисциплинарные «стыки» представляются нам наиболее интересными и плодотворными для увязки материальных (объективных экономических) и духовных (субъективных социальных) процессов в обществе.

Цель данной статьи состоит в проверке нескольких гипотез относительно веберовской зависимости, когда ожидания населения влияют на определенные макроэкономические параметры. При этом мы сознательно ограничиваемся только теми макроиндикаторами, которые являются ключевыми для экономики и заслуживают более тщательного рассмотрения: 1) темп инфляции в форме индекса потребительских цен (ИПЦ); 2) экономический рост в виде агрегата валового внутреннего продукта (ВВП); 3) производительность труда (отношение ВВП к численности занятых в экономике); 4) норма накоплений, исчисляемая как доля инвестиций в ВВП. Эти четыре показателя дают агрегированную, но достаточно полную характеристику макроэкономической ситуации, причем как в краткосрочном, так и в средне- и долгосрочном аспектах. Например, ИПЦ характеризует монетарную обстановку в стране, ВВП — экономический рост и производственную активность, производительность труда — интенсивность технологического прогресса, норма накоплений — активность инвестиционных процессов.

Среди показателей ожиданий населения рассматриваются только две их разновидности — инфляционные ожидания и ожидания в отношении динамики производства. Эти показатели имеют непосредственное отношение к экономическому положению страны и могут претендовать на роль объясняющих переменных в соответствующих моделях. Разумеется, в общем случае могут рассматриваться и другие характеристики настроений населения — доверие, семейные связи, отношение к труду и т.п. Однако все эти категории предполагают отдельные исследования, в связи с чем в качестве первого шага в изучении связей между социальными и экономическими переменными мы ограничиваемся только двумя типами ожиданий — в отношении роста цен и производства. Эти параметры являются наиболее простыми, хорошо верифицируемыми и непосредственно относящимися к экономическим реалиям, что позволяет нам не уходить слишком далеко от поставленной цели. Кроме того, такие характеристики, как, например, фактор доверия, имеет смысл замерять лишь в годовом исчислении и изучать на длительном временном интервале, тогда как мы сознательно ограничиваемся краткосрочными эффектами; изучение долго- и краткосрочных закономерностей предполагает, как правило, разные методологические подходы.

Следует отметить, что все указанные выше макропеременные имеют богатую модельную историю, но она распространяется в основном на агрегированные годовые статистические индикаторы, в то время как их краткосрочная динамика

изучена в гораздо меньшей степени, и здесь могут быть установлены важные статистические зависимости, проливающие свет на возможное существование причинно-следственных связей. Поэтому все модельные построения статьи будут выполнены на основе традиционного эконометрического инструментария с использованием помесечных данных для описания сугубо краткосрочных эффектов. Кроме того, конструируя краткосрочные эконометрические модели, мы абстрагируемся от традиционных факторов экономической динамики (численности занятых, объема основного капитала, величины инвестиций, эффективности институтов и т. п.), которые проявляют себя на более длительных временных интервалах. Некоторые из таких показателей (в частности, численность занятых и безработица) мы будем использовать в качестве вспомогательных элементов моделей — например, как контрольные переменные.

Связь макропараметров и ожиданий населения: подходы к установлению связей

Применительно к определенному нами набору макропоказателей и ожиданий можно говорить о следующей аналитической практике: инфляционные ожидания являются незаменимым объясняющим фактором большинства подходов прогнозирования уровня инфляции. При этом используются различные способы получения количественных оценок инфляционных ожиданий: квантификация результатов социологических исследований, анализ биржевого рынка, эконометрическое моделирование или работа с большими данными [Балацкий, Юревич, 2018]. Среди математических моделей прогнозирования инфляции с учетом ожиданий преобладают различные вариации кривой Филлипса, представляющие собой довольно простой и надежный вариант учета настроений населения [Coibion, Gorodnichenko, 2015]. Вместе с тем численные оценки инфляционных ожиданий наравне с набором других макроэкономических индикаторов входят в модели векторной авторегрессии, которые, начиная с работы [Sims, 1992], стали доминирующими в эмпирическом анализе монетарной политики. Та же закономерность верна для динамических моделей общего равновесия, крайне востребованных центральными банками [Gelain et al., 2019]. Проведенные сравнения точности всех наиболее популярных классов моделей прогнозирования инфляции с учетом потребительских ожиданий показали относительно высокую релевантность регрессионных моделей с небольшим числом объясняющих переменных [Faust, Wright, 2013], причем ожидания, полученные по результатам опросов, в таких моделях оказались более предпочтительными [Ang, Bekaert, Wei, 2007].

Если говорить о других важнейших макроэкономических индикаторах, то сегодня считается открытым вопрос о влиянии инфляционных ожиданий на инвестиционную активность. В частности, в [Smith, van Egteren, 2005] показано, что более высокие инфляционные ожидания искажают внутренние финансовые решения фирм, усиливают информационный «шум» на финансовых рынках и приводят к снижению объема инвестиций. Кроме того, более высокие инфляционные ожидания повышают и фактор неопределенности в прогнозах уровня цен, что подталкивает обычных граждан и компании искать более консервативные и безопасные способы сохранения активов [Bloom, 2009]. Например, в работе [Гуров, 2014] показано,

что облигации и банковские депозиты в большей степени подвержены влиянию инфляционных ожиданий, чем инвестиции в акции и недвижимость. Диаметрально противоположные результаты получены на базе изучения бизнес-активности итальянских компаний: в перспективе 12 месяцев увеличение инфляционных ожиданий на 1 процентный пункт приводило к росту инвестиций на 2,5 процентных пункта [Grasso, Ropele, 2016].

Социологические исследования часто применяются для оценки связи между инфляционными ожиданиями и планами приобретать товары длительного пользования у населения. Так, результаты мичиганского опроса потребителей позволили выявить статистически значимую связь между этими явлениями, когда экономика находилась в состоянии, близком к стагнации [Bachmann, Berg, Sims, 2015]. Применительно к японской экономике было установлено, что домохозяйства при ожидании высокой инфляции сокращают потребление товаров и услуг [Ichiue, Nishiguchi, 2015]. Исследования поведения немецких домохозяйств показывают возможности фискальной и монетарной политики, разгоняющей инфляционные ожидания, что, в свою очередь, стимулирует ощутимый рост потребления товаров длительного пользования в краткосрочный период [D'Acunto, Hoang, Weber, 2015].

В российской практике непосредственная оценка тесноты связи между инфляционными ожиданиями населения и его потребительским поведением пока не получила широкого распространения в научных исследованиях. Тем не менее работа по выявлению настроений населения активно проводится различными исследовательскими центрами и информационными компаниями. В частности, Всероссийский центр изучения общественного мнения регулярно проводит опросы населения, на основе которых определяет его инфляционные настроения (индекс инфляционных ожиданий), готовность совершать покупки (индекс потребительского доверия) и осуществлять кредитование (индекс кредитного доверия). Даже поверхностный анализ данных показателей за период с января 2018 г. по январь 2019 г. позволяет констатировать, что с ростом инфляционных ожиданий (с 69 до 83 процентных пунктов) наблюдается устойчивое снижение потребительского доверия и кредитного оптимизма населения (с 40 до 34 и с 31 до 24 процентных пунктов соответственно)¹.

Большую распространенность в академической практике получили прогнозы макроэкономических индикаторов на основе ожиданий населения относительно динамики экономики в целом и производства в частности. Например, результаты мичиганского опроса о потребительских настроениях и исследования потребительского доверия, проводимого фирмой Conference Board, с достаточно высокой точностью предсказывают флуктуации совокупного потребления в экономике США [Ludvigson, 2004]. Итоги того же опроса Мичиганского университета показали себя надежным предиктором колебаний валового национального продукта США [Matsusaka, Sbordone, 1995]. В целом было многократно доказано, что потребительские настроения, ожидания роста или падения деловой активности влияют на множество макроэкономических параметров в национальной экономике раз-

¹ См.: Индекс потребительского доверия // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_potrebitel'skogo_doveriya/ (дата обращения: 01.04.2020); Индекс кредитного оптимизма (доверия) // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_kreditnogo_doveriya/ (дата обращения: 01.04.2020).

ных стран мира: цены на недвижимость [Lemmon, Portniaguina, 2006]; индексы фондовой биржи [Jansen, Nahuis, 2003]; нормы сбережения и объем выданных кредитов [Van Raaij, Gianotten, 1990] и т. д.

В мировой научной литературе непосредственное воздействие инфляционных ожиданий на динамику ВВП, как правило, не рассматривается, однако с учетом вклада инвестиций и объема потребления в ВВП эта связь косвенно подтверждена неоднократно (например, [Juillard et al., 2008] и [Smets, Wouters, 2004]). В таких случаях инфляционные ожидания учитываются как одна из наблюдаемых переменных в одном или нескольких уравнениях, входящих в систему уравнений динамических моделей общего равновесия.

Таким образом, для России представляется актуальной дополнительная проверка некоторых положений, доказанных/опровергнутых применительно к зарубежным экономическим системам, в частности тезис о влиянии настроений и ожиданий населения на реальные макроэкономические агрегаты.

Методология исследования и исходные данные

Цель исследования состоит в построении эконометрических зависимостей между показателями ожиданий населения и макропеременными.

Рассмотрим статистическую основу используемых модельных переменных.

Как отмечалось выше, в качестве ожиданий населения выбраны два класса показателей — инфляционные ожидания и ожидания в отношении динамики производства.

Исходные данные об инфляционных ожиданиях населения в России представляет фонд «Общественное мнение» (ФОМ) в интересах Банка России; данный проект получил название инФОМ. В настоящее время ежемесячные данные инФОМ доступны с апреля 2014 г. (ранее наблюдались пропуски в статистическом ряде). Ключевой вопрос социологического мониторинга звучит следующим образом: «Как, по вашему мнению, в целом будут меняться цены в следующие 12 месяцев (год)?» Варианты ответов (в процентах): будут расти быстрее, чем сейчас (А); будут расти так же, как и сейчас (Б); будут расти медленнее, чем сейчас (В); останутся на нынешнем уровне / не изменятся (Г); затрудняюсь ответить (Д).

Банк России использует вероятностный подход квантификации данных². Полученную таким способом оценку инфляционных ожиданий обозначим EXP_{1t} . Для последующих модельных расчетов показатель переводится в индексную форму (IE_{1t}):

$$IE_{1t} = EXP_{1t} / EXP_{1(t-1)}, \quad (1)$$

где t — индекс месяца.

Некоторые центральные банки (например, в Польше) используют балансовый подход квантификации данных. Как правило, в данном случае вопрос предполагает симметричные варианты ответов (сильно вырастет — слегка вырастет — не из-

² «Методика квантификации инфляционных ожиданий населения Банка России» приведена на официальном сайте Банка России. См.: https://www.cbr.ru/content/document/file/59815/inflation_expectations_guide.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

менится — слегка упадет — сильно упадет), тогда весовые коэффициенты для разных вариантов ответов тоже присваиваются симметричные (2—1—0—(–1)—(–2)). Для опросов ФОМ указанная симметрия отсутствует, поэтому в вычислительной практике могут быть использованы две альтернативные формулы квантификации инфляционных ожиданий — EXP_2 и EXP_3 соответственно:

$$EXP_2 = (2,0 \times A + 1,0 \times B + 0,5 \times B - 1,0 \times \Gamma) / (100 - 1,0 \times D), \quad (2)$$

$$EXP_3 = (1,0 \times A + 0,6 \times B + 0,2 \times B). \quad (3)$$

Коэффициенты в формулах выбраны согласно международной практике применения балансового подхода квантификации результатов опросов [Lyziak, 2010] и здравому смыслу³. В уравнении (2) в знаменателе используется доля затруднившихся ответить (D) с целью учесть эффект неопределенности в ожиданиях населения. При этом принимается предпосылка, что, чем выше неопределенность, тем больше риск роста цен. В формуле (3) использован сокращенный вариант учета ответов населения; во главу угла поставлена прогнозная величина именно роста цен. На наш взгляд, формула (3) более удобна по сравнению с (2), так как в первом случае все оценки всегда положительные, а во втором они могут быть отрицательными. Кроме того, во втором случае индекс строго пронормирован и не превышает единицы (или 100%), тогда как в первом он может быть равен 2 (или 200%).

В целом уравнения (1)—(3) имеют скорее экспериментальный характер и служат для проверки гипотезы о влиянии различных методов квантификации данных на характер закономерностей, проверяемых далее. Сопоставление индексов инфляционных ожиданий, полученных по каждой из формул, приведено на рис. 1. Несложно видеть, что все разновидности квантификации инфляционных ожиданий дают похожую динамику, различающуюся лишь амплитудой колебаний. Это позволяет утверждать, что все рассматриваемые подходы являются эквивалентными и с точки зрения отражения динамики изучаемого процесса обладают свойством инвариантности. Использование того или иного измерителя в дальнейших расчетах детерминируется в основном форматом конструируемых эконометрических моделей и характером получаемых статистических результатов.

Более подходящие источники для оценки инфляционных ожиданий или прогнозов инфляции в России в настоящее время отсутствуют. Например, Высшая школа экономики издает только годовые прогнозы (без месячной разбивки), а компании Reuters, «Интерфакс» и Bloomberg проводят опросы не слишком долго, и есть ряд трудностей, связанных со свободным доступом к их данным. Похожие опросы проводит Росстат, но они также нацелены на изучение мнения потребителей, следовательно, принципиально не отличаются от данных инфОМ.

³ Величины весовых коэффициентов определены на основе своеобразного эмпирического консенсуса в исследовательском сообществе. На практике могут быть выбраны иные весовые векторы, но это, как правило, не имеет большого значения, так как сказывается лишь на степени «выпуклости» получаемых результатов (см. рис. 1).

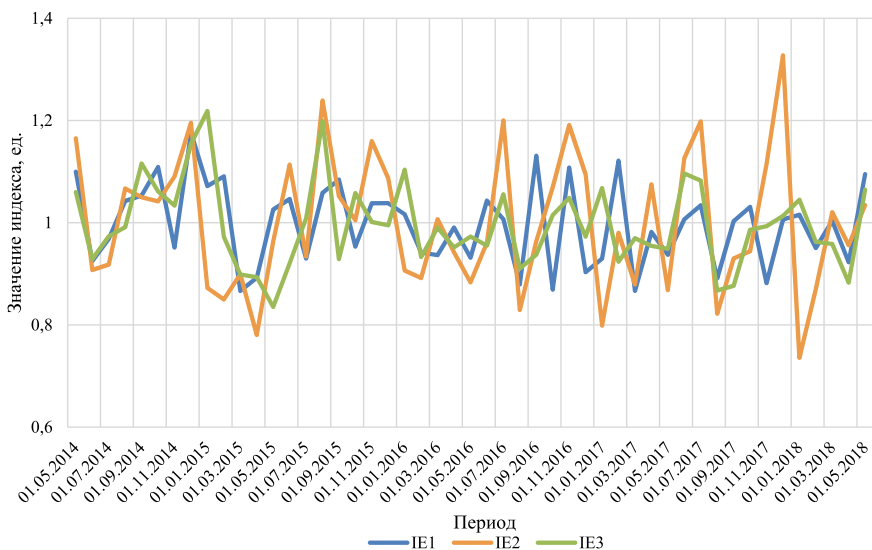

Рис. 1. Сравнение методов квантификации результатов опросов (в индексном выражении)

Показатель ожиданий в отношении динамики производства (EXP_4) нуждается в пояснении. Так, в анкете ФОМ, нацеленной на исследование инфляционных прогнозов населения, есть серия вопросов, посвященная другим макроэкономическим параметрам. В частности, респондентам задается вопрос о снижении/росте уровня производства, на основе которого формируется индекс EXP_4 , рассчитываемый как разница между ответами «вырастет» и «снизится» плюс 100. Ежемесячные данные доступны с апреля 2014 г. по настоящее время.

В модельных расчетах все первичные показатели инфляционных ожиданий — EXP_1 , EXP_2 , EXP_3 и EXP_4 — переводятся в индексную форму по аналогии с формулой (1): IE_1 , IE_2 , IE_3 и IE_4 соответственно.

В число выходных (зависимых) переменных включены:

- ИПЦ (P) — индекс роста цен по отношению к предыдущему месяцу (в процентах); источник — Росстат; используются данные с октября 2014 г. до декабря 2017 г.;
- темпы экономического роста (GDP) — индекс роста ВВП по отношению к предыдущему месяцу (в процентах); данные Внешэкономбанка (ВЭБ)⁴; используются данные с октября 2014 г. до декабря 2017 г.;
- рост производительности труда (LP) — индекс роста отношения ВВП к численности занятых по отношению к предыдущему месяцу (в процентах); расчет производится на основе данных ВЭБ по ВВП и данных Росстата по численности занятых; используется ряд с октября 2014 г. до декабря 2017 г.; показатель учитывается в форме ежемесячного индекса;
- норма накопления (S) — отношение инвестиций в основной капитал к ВВП; ежемесячные данные Росстата и ВЭБ (в процентах).

⁴ Росстат публикует только квартальные данные.

Роль контрольной переменной в эконометрических зависимостях играет показатель прироста численности занятых (L) в форме ежемесячных индексов (источник — Росстат). Кроме того, для ИПЦ контрольной переменной, следуя логике концепции кривой Филлипса, в ряде случаев используется уровень безработицы (U) в форме ежемесячных индексов (источник — Росстат).

С учетом состава входных и выходных переменных далее рассматриваются гипотезы о наличии статистически значимой связи между ИПЦ (P) и инфляционными ожиданиями (IE_1, IE_2, IE_3), а также между GDP, LP и S , с одной стороны, и ожиданиями в отношении динамики производства (IE_4) — с другой.

Так как нами изначально предполагается, что инфляционные ожидания обладают предиктивным свойством, данный показатель берется с определенными лагами. В свою очередь, для расчета величины лага в искомой эконометрической зависимости используется первичный (предварительный) анализ пар переменных при помощи стандартных линейных корреляций для разных величин временного запаздывания. Величина выбираемого лага соответствует максимальному значению парного коэффициента корреляции.

Эмпирические результаты

Наиболее характерным случаем из всех рассматриваемых является зависимость между темпом инфляции и инфляционными ожиданиями. Есть все основания полагать, что ожидаемая и фактическая инфляция образуют некое единство, в котором первое с той или иной точностью предваряет второе, однако на практике не исключена и ситуация, когда оба явления оказываются «разорванными» и существуют в автономном режиме. Чтобы проверить данную гипотезу, рассмотрим разные варианты учета инфляционных ожиданий. При этом не будем игнорировать и такой тип ожиданий населения, как ожидания динамики производства.

Результаты первичного корреляционного анализа приведены в табл. 1. Из нее видно, что наиболее тесную связь имеют балансовые показатели квантификации инфляционных ожиданий с лагом от одного месяца до трех месяцев; более длительные временные упреждения не имеют практической значимости. Вычислительные эксперименты по увеличению глубины задержки корреляционных зависимостей до 6—12 месяцев также не дали статистически значимого результата, в связи с чем данные лаги были исключены из анализа (аналогично для табл. 2 и 3). В дальнейшем эконометрические зависимости строятся, прежде всего, для величины лага, при которой наблюдается наиболее высокий коэффициент корреляции.

Таблица 1. **Корреляционный анализ зависимости ИПЦ от разных форм показателей ожиданий населения**

Показатель ожиданий населения	Величина лага						
	0	1	2	3	4	5	6
IE_1	0,30	0,31	0,24	0,24	0,23	0,18	—0,01
IE_2	0,42	0,53	0,51	0,45	0,41	0,37	0,33
IE_3	0,32	0,42	0,40	0,38	0,38	0,32	0,27
IE_4	0,32	0,42	0,40	0,38	0,38	0,32	0,27

Результаты аналогичного корреляционного анализа для ВВП и производительности труда приведены в табл. 2—3. Обращает на себя внимание тот факт, что инфляционные ожидания проявляют максимальный уровень корреляции с ВВП с лагом в 4 месяца — 5 месяцев, а ожидания изменения уровня производства наиболее тесно коррелированы с ВВП с разрывом в 6 месяцев (табл. 2). Таким образом, можно констатировать, что ожидания населения довольно быстро «переливаются» в динамику цен и с гораздо большим запаздыванием сказываются на объеме производства. Похожая ситуация просматривается в отношении корреляции производительности труда с ожиданиями изменения уровня производства, где период отклика наиболее явным становится только через 5 месяцев (табл. 3); с инфляционными ожиданиями производительность труда не имеет существенных корреляционных связей.

Таблица 2. **Корреляционная зависимость ВВП от разных форм показателей ожиданий населения**

Показатель ожиданий населения	Величина лага						
	0	1	2	3	4	5	6
IE_1	-0,02	-0,18	0,19	-0,16	-0,13	-0,31	0,00
IE_2	-0,02	-0,08	-0,23	-0,23	-0,35	-0,23	-0,20
IE_3	-0,01	-0,02	-0,18	-0,22	-0,29	-0,17	-0,20
IE_4	0,02	-0,15	0,10	0,00	0,11	-0,17	-0,32

Таблица 3. **Корреляционная зависимость производительности труда от ожиданий изменения уровня производства**

Показатель ожиданий населения	Величина лага						
	0	1	2	3	4	5	6
IE_4	0,16	0,12	0,29	0,29	0,17	0,35	0,03

Относительно макропоказателя нормы накопления вычислительные эксперименты показали отсутствие значимой корреляционной связи с параметрами ожиданий населения, что впоследствии не позволило построить ни одной удовлетворительной эконометрической зависимости. Тем самым можно констатировать, что ожидания населения в отношении цен и производства явным образом не влияют на инвестиционную активность в стране. Такой результат можно считать вполне предсказуемым, поскольку инвесторы образуют специфическую социальную группу, намерения и действия которой не могут быть адекватно репрезентированы ожиданиями населения. Иными словами, в отношении инвестиционной активности гипотеза о наличии ее связи с ожиданиями населения не подтвердилась.

Эконометрические расчеты с использованием метода наименьших квадратов позволили установить следующие статистически значимые модели для выбранных наборов объясняемых и объясняющих переменных:

$$P(t) = \underbrace{88,56}_{(27,09)} + \underbrace{6,12U(t-2)}_{(2,07)} + \underbrace{2,74IE_1(t-2)}_{(2,42)} + \underbrace{3,22IE_1(t-1)}_{(2,90)} \quad (4)$$

$$N = 49; R^2 = 0,27; MAE = 0,3\%; DW = 1,09.$$

$$P(t) = \underbrace{57,53}_{(4,51)} + \underbrace{2,26IE_1(t-1)}_{(2,09)} + \underbrace{0,41P(t-2)}_{(3,17)} \quad (5)$$

$$N = 49; R^2 = 0,26; MAE = 0,3\%; DH = 8,36.$$

$$P(t) = \underbrace{92,25}_{(30,55)} + \underbrace{5,74U(t-3)}_{(1,82)} + \underbrace{2,59IE_2(t-3)}_{(3,04)} \quad (6)$$

$$N = 48; R^2 = 0,26; MAE = 0,4\%; DW = 0,69.$$

$$P(t) = \underbrace{91,49}_{(30,29)} + \underbrace{6,19U(t-2)}_{(2,08)} + \underbrace{0,05IE_3(t-1)}_{(3,08)} \quad (7)$$

$$N = 49; R^2 = 0,25; MAE = 0,4\%; DW = 0,72.$$

$$P(t) = \underbrace{28,07}_{(2,99)} + \underbrace{0,02IE_3(t-1)}_{(2,11)} + \underbrace{0,70P(t-1)}_{(7,41)} \quad (8)$$

$$N = 49; R^2 = 0,61; MAE = 0,3\%; DH = 2,41.$$

$$P(t) = \underbrace{90,23}_{(25,10)} + \underbrace{0,03U(t-2)}_{(1,88)} + \underbrace{7,26IE_4(t-4)}_{(2,11)} \quad (9)$$

$$N = 48; R^2 = 0,17; MAE = 0,4\%; DW = 0,64.$$

$$GDP(t) = \underbrace{-34,31}_{(-2,89)} - \underbrace{2,57IE_2(t-2)}_{(-2,33)} + \underbrace{36,88L(t-9)}_{(3,09)} \quad (10)$$

$$N = 30; R^2 = 0,33; MAE = 9,5\%; DW = 2,50.$$

$$GDP(t) = \underbrace{-34,72}_{(-2,90)} - \underbrace{0,05IE_3(t-2)}_{(-2,19)} + \underbrace{37,08L(t-9)}_{(3,08)} \quad (11)$$

$$N = 30; R^2 = 0,32; MAE = 12,8\%; DW = 2,54.$$

$$GDP(t) = \underbrace{-35,06}_{(-2,87)} - \underbrace{0,03IE_4(t-6)}_{(-1,88)} + \underbrace{38,76L(t-9)}_{(3,10)} \quad (12)$$

$$N = 30; R^2 = 0,29; MAE = 24,8\%; DW = 2,57.$$

$$LP(t) = \underbrace{-1368,35}_{(-2,12)} + \underbrace{11,90}_{(2,08)} IE_4(t-5) \quad (13)$$

$$N = 33; R^2 = 0,12; MAE = 0,7\%; DW = 2,10,$$

где t — индекс текущего месяца;

N — число наблюдений;

R^2 — коэффициент детерминации;

DW — коэффициент Дарбина-Уотсона;

DH — h -критерий Дарбина⁵;

MAE — ошибка аппроксимации (в процентах);

в скобках под коэффициентами регрессии приведены их t -статистики⁶.

Все построенные модели удовлетворяют статистическим тестам и могут считаться пригодными к практическому использованию.

Остановимся на некоторых технических деталях построенных зависимостей.

Во-первых, во всех моделях инфляции знаки коэффициентов унифицированные и свидетельствуют об эффекте «разгона» инфляции, демонстрируя устойчивую прямую зависимость между ИПЦ и инфляционными ожиданиями. Кроме того, углубление временного лага при прочих равных условиях ухудшает предиктивные свойства моделей. Тем самым наиболее рациональными представляются зависимости с минимальным запаздыванием (1 месяц) и включением эффекта авторегрессии, который позволяет частично нивелировать волатильность ИПЦ.

Во-вторых, в моделях инфляции (4), (6), (7) и (9) наблюдается положительная зависимость ИПЦ от уровня безработицы, что свидетельствует о нарушении классической кривой Филлипса. Можно предположить, что в современной России ухудшение ситуации в сфере безработицы выступает в качестве универсального маркера ухудшения всей экономической жизни, включая будущий рост инфляции. Аналогичным парадоксом выглядит прямая связь между фактической инфляцией и ожиданием роста уровня производства в модели (9). Не исключено, что и в этом случае ожидаемое расширение производства играет роль глобального маркера роста национальной экономики во всех ее проявлениях, включая рост инфляции. По всей видимости, ожидания в отношении уровня цен и производства подвержены единой логике настроения населения и идут в унисон друг с другом.

В-третьих, в моделях (10)—(12) получена устойчивая отрицательная зависимость между ВВП и инфляционными ожиданиями, что соответствует традиционной экономической логике. Например, высокая инфляция ведет к удорожанию сырья и материалов предприятий, возникновению инфляционных налогов и эрозии оборотных средств [Балацкий, 1997]. Отрицательная связь между ожиданиями роста производства (IE_4) и фактическим ростом производства (GDP) в модели (12)

⁵ В авторегрессионных моделях тест Дарбина—Уотсона дает искаженные результаты и, как правило, не применяется; вместо него используют h -критерий Дарбина.

⁶ Заметим, что наличие в некоторых построенных регрессиях автокорреляции не имеет большого значения для проводимого исследования, так как основная задача состоит в выявлении соответствующих связей, а не в подготовке прикладных прогнозов.

отчасти объяснена ранее синхронностью в динамике двух типов ожиданий. Смена знаков перед переменной численности занятых в моделях (10)—(12) говорит о неоднозначной роли трудовых ресурсов в российской экономике: это, с одной стороны, основа для будущего роста производства (модель (12)), с другой — балласт для его динамичного развития (модели (10) и (11)).

В-четвертых, в модели (13) получена неустойчивая из-за низкой значимости соответствующего коэффициента связь между приростом производительности труда и ожиданиями изменения уровня производства. Согласно выделенной зависимости оптимизм в отношении роста производства стимулирует технологический прогресс. Иными словами, ожидаемый «разогрев» производства ведет к активизации инновационной деятельности с последующим итогом в повышении эффективности самого производства. Однако влияние оптимистичных прогнозов населения в отношении динамики производства распространяется на его технологическую основу не слишком быстро — лишь через пять месяцев. Таким образом, инерция между оптимистичными настроениями и результатами хозяйственных решений довольно велика, что напрямую обусловлено консервативностью технологической составляющей производства.

Особо хотелось бы отметить полученный результат, связанный с системной ошибкой прогнозов населения в отношении будущего производства. Указанная выше взаимообусловленность инфляционных ожиданий и ожиданий роста производства может быть причиной таких ошибок или их следствием. Однако важно другое: индикатор роста ВВП постоянно «обманывает» ожидания населения в отношении производства и тем самым подчиняется режиму «ложных сигналов». Наличие такого режима во многом объясняет и негативное влияние ожиданий роста производства на темпы инфляции в модели (9). Такое положение дел может быть связано с излишне высоким оптимизмом населения относительно перспектив реального сектора. Так, на всем наблюдаемом периоде индекс IE_4 ни разу не опускался ниже 100 единиц. Не исключено, что в сознании населения растущая активность производства связывалась с постоянными официальными прогнозами, которые оказывались систематически завышенными.

Интерпретация полученных результатов

Построенные модели позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, все инфляционные модели ярко продемонстрировали наличие инвариантности относительно способа учета (формы) инфляционных ожиданий. Все три разновидности индекса инфляционных ожиданий могут быть успешно встроены в эконометрические модели; варьируются лишь величина глубины лага и набор объясняющих переменных. Отмеченное свойство инвариантности позволяет с высокой степенью надежности утверждать, что на временном интервале 2014—2017 гг. фактор инфляционных ожиданий однозначно попадает в разряд активных регрессоров инфляции и оказывает самое непосредственное влияние на динамику ИПЦ. Прикладные модели краткосрочного прогнозирования инфляции должны в качестве одной из объясняющих переменных включать инфляционные ожидания населения. Способ учета инфляционных ожиданий можно обсуждать и выбирать в зависимости от методических предпочтений,

однако сам факт их включения в прикладные модели не подлежит сомнению. С учетом того, что все три формы инфляционных ожиданий находят адекватное модельное воплощение, окончательный выбор конкретной формы должен быть сделан в процессе вычислительных экспериментов при построении итоговой эконометрической модели, обладающей наиболее ярко выраженным свойством упреждающей диагностики.

Во-вторых, все построенные инфляционные модели (4)—(9) показывают, что российские потребители имеют верные представления о будущих направлениях изменения фактической инфляции. Таким образом, вопреки расхожему мнению об отсутствии информации и нужных знаний у аутсайдеров рынка, население страны обладает некими предсказательными способностями и верно предугадывает будущие сдвиги в уровне цен. Об этом говорят положительные коэффициенты при показателях инфляционных ожиданий в моделях регрессии, т. е. рост текущей озабоченности населения будущей динамикой цен ведет к последующему росту фактической инфляции. Здесь также может присутствовать эффект сбывающихся ожиданий, когда негативные прогнозы влекут определенные действия самого населения (активизацию покупок и сброс денег на приобретение реальных благ) и тем самым подстегивают рост ИПЦ. Однако разница в интерпретации зафиксированного явления не отменяет наличия связи между ментальным образом будущего у населения и его реализацией.

В-третьих, согласно построенным моделям (4), (6), (7) и (9) для российского рынка труда не характерно действие так называемой краткосрочной кривой Филлипа. Об этом недвусмысленно сигнализируют положительные коэффициенты при показателе безработицы (U). Иными словами, избыток рабочей силы не сбивает темпы инфляции, а, наоборот, подстегивает их. Такое отклонение от классических поведенческих канонов рыночной системы можно объяснить спецификой российской экономики, которая поддерживается на протяжении многих лет и состоит в ее высокой зависимости от внешних факторов — мировой конъюнктуры на энергоресурсы, влияния международных санкций и т. п. Сочетание указанных факторов приводило к тому, что повышенная турбулентность экономики, выражающаяся в стремительном росте цен, проявлялась на фоне одновременного ухудшения ситуации на рынке труда.

В-четвертых, инфляция в России характеризуется высокой инерционностью, когда рост ИПЦ в предыдущий период порождает еще больший рост инфляции в последующие месяцы. Этот вывод подтверждается положительными коэффициентами перед лаговыми переменными инфляции в автокорреляционных моделях (5) и (8). Данный эффект является очень нежелательным с точки зрения прогнозирования, выступая в качестве постоянного источника повышенной волатильности ИПЦ.

В-пятых, модели (4)—(8) показывают, что инфляционные ожидания позволяют прогнозировать будущие значения ИПЦ с лагом от 1 месяца до 3 месяцев; попытки повысить величину лагов приводят к снижению качества эконометрических зависимостей. Все это говорит о том, что для экономической системы характерна «короткая память», когда в фактическую динамику цен переключаются только свежие ожидания, а более ранние игнорируются. В явном виде механизм забывания проявляется в модели (4), где коэффициент при параметре ожиданий

с лагом в 2 месяца меньше, чем при параметре с лагом в 1 месяц. Учитывая, что наиболее точные результаты дает модель (9) при использовании инфляционных ожиданий с лагом в 1 месяц, можно утверждать, что предиктивные возможности населения в отношении инфляции сильно ограничены и резко падают на горизонте, превышающем 1 месяц — 2 месяца.

Главный же вывод, который вытекает из построенных моделей (4)—(9), состоит в утверждении наличия явной связи между таким виртуальным поведенческим показателем, как инфляционные ожидания, и фактическими темпами инфляции. При исследовании краткосрочных траекторий цен пренебречь фактором ожиданий населения нельзя.

Классификация переменных и связей

Чтобы подвести итоги полученным количественным результатам, необходимо дать более тонкую характеристику переменным, используемым в моделях. Для этого сначала подчеркнем, что драйвером макроэкономических параметров мы рассматриваем такой подвижный фактор, как ожидания населения, которые сами легко поддаются различным внешним влияниям. В связи с этим неудивительно, что генеральная гипотеза о влиянии ожиданий населения в отношении цен и производства на основные макропараметры подтвердилась лишь частично: в большинстве случаев такое влияние имеется, но оно является слабым, не определяющим, неустойчивым и не всегда вписывающимся в экономическую логику. Таким образом, можно констатировать, что ожидания населения образуют класс «слабых» факторов макроэкономического каркаса.

Чтобы конкретизировать данный вывод, введем классификацию макропараметров на две условные группы — «легкие» и «тяжелые». Общий пафос данного деления состоит в том, что «легкие» макропеременные по своей природе подвержены быстрым изменениям в результате действия эмоциональных шоков, связанных со сменой настроения населения, тогда как «тяжелые» показатели слабо реагируют на подобные эмоциональные возмущения.

К «легкому» макропараметру относится монетарный показатель темпа инфляции, который отражает процессы в финансовой надстройке экономической системы и сам по себе высоко динамичен, подвержен сильным флуктуациям. Можно сказать, что он меняется почти так же быстро и сильно, как и ожидания населения. В этом смысле названные две переменные являются родственными, что отражается в построенных эконометрических моделях, где оба показателя образуют режим устойчивой взаимообусловленности. К разряду «легких» параметров темп инфляции можно отнести, прежде всего, в силу того, что он подвержен паническим настроениям экономических агентов.

К группе «тяжелых» макропараметров можно отнести другие три показателя — темпы роста ВВП и производительности труда, норму накопления. Понятно, что реальное производство слабо реагирует на настроения населения и в этом смысле его трудно «сдвинуть» посредством эмоциональных перепадов даже больших групп хозяйственных участников. Производительность труда отражает состояние технологического каркаса производства и совсем мало подвержено текущим настроениям населения.

Что касается нормы накопления, то этот показатель мы условно относим к группе «тяжелых» макропараметров в силу его сильной связи с действующим производством. Вместе с тем он включает элементы «легкого» показателя, так как инвестиционные вложения подвержены заметному влиянию предпочтений и настроений держателей капитала. В этом смысле его можно отнести к промежуточной группе «полутяжелых» переменных.

Для понимания закономерностей в передаче влияния на макропараметры по линии ожиданий населения необходимо ввести дополнительную классификацию зафиксированных эконометрических связей. Для этого будем говорить о наличии сильной связи между переменными, когда сумма соответствующих коэффициентов всех регрессий, взятых по модулю, деленная на число коэффициентов, достаточно велика, больше 1 ($b > 1$); в противном случае, когда средняя величина коэффициента регрессий (обозначим его как b) меньше 1 ($b < 1$), связь признается слабой. Аналогичным образом полагаем связь устойчивой, когда имеется больше одной регрессии (число таких регрессий обозначим как c) с качественно одинаковым результатом ($c > 1$); в противном случае, когда не удастся построить альтернативные регрессионные зависимости, связь считается неустойчивой ($c = 1$). Похожая классификация ставится в основу скорости отклика между переменными: отклик считается быстрым, если средняя величина лага во всех моделях (обозначим ее как g) не больше 2 месяцев ($g < 2$ месяцев); в противном случае отклик считается медленным ($g > 2$ месяцев).

В табл. 4 приведены характеристики макропараметров (выходных переменных эконометрических моделей) в соответствии со введенной классификацией. Такое упорядоченное представление переменных позволяет более четко проследить закономерности влияния ожиданий населения на макроситуацию в стране. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, по мере «утяжеления» макропараметров устойчивость статистической связи снижается вплоть до ее полного исчезновения. Так, если темп инфляции обладает свойством инвариантности, когда разные формы регрессии позволяют «поймать» связь с ожиданиями, то для темпа роста ВВП это свойство становится более локальным, а для темпов производительности труда оно и вовсе исчезает; для нормы накопления не удастся найти ни одной приемлемой формы связи.

Таблица 4. Характеристика связей между макропеременными и ожиданиями

Тип переменной	Переменная	Характер связи		
		Сила	Устойчивость	Отклик
«Легкая»	P	Сильная ($b = 2,59$)	Устойчивая ($c = 7$)	Быстрый ($g = 1,86$ мес.)
«Тяжелая»	GDP	Слабая ($b = 0,88$)	Устойчивая ($c = 3$)	Медленный ($g = 3,3$ мес.)
	LP	Сильная ($b = 11,90$)	Неустойчивая ($c = 1$)	Медленный ($g = 5,0$ мес.)
	S	Связь отсутствует		

Во-вторых, «утяжеление» макропараметров приводит к замедлению отклика на ожидания населения. Если, например, «легкий» темп инфляции менее чем через 2 месяца реагирует на сдвиги в ожиданиях, то «тяжелые» параметры — ВВП и производительность труда — откликаются на настроения населения только через 3 месяца — 5 месяцев.

В-третьих, сила влияния ожиданий населения напрямую не зависит от «тяжести» макропараметра. По всей видимости, здесь решающее значение имеет специфика самого макропоказателя. Например, на темпы роста ВВП фактор ожиданий не оказывает большого воздействия в силу большого числа альтернативных упреждающих индикаторов. Так, ранее была установлена краткосрочная (на месячных данных) зависимость между темпом экономического роста и изменением индекса монетарной эффективности с лагом в 8 месяцев [Балацкий, Екимова, 2017]. Тем самым такой макропараметр, как темп экономического роста, в большей степени определяется монетарными и другими факторами, нежели такими «мнимыми» поведенческими детерминантами, как ожидания населения.

Заметим, что остаются вопросы в отношении нормы накопления. Не исключено, что этот параметр не обладает свойством нечувствительности к ожиданиям, однако для установления такой связи следует производить замеры ожиданий целевой группы — инвесторов.

Учитывая все сказанное выше, можно констатировать, что настроения населения не могут быть отнесены к категории экономического «шума», который только создает психологический фон для экономических процессов, но не влияет на них. Наоборот, это значимый фактор макроэкономического климата, которым нельзя пренебрегать, по крайней мере, в краткосрочном аспекте. Разумеется, экономические ожидания по-разному влияют на различные макропоказатели, но наличие их влияния в целом можно считать доказанным.

Заключение

Проведенное исследование является новой попыткой ответить на вопрос о том, влияет ли образ будущего, формирующийся у широких слоев населения, на само это будущее. Построенные прикладные эконометрические зависимости позволяют утвердительно ответить на поставленный вопрос. Разумеется, коннотации этого ответа сильно разнятся в зависимости от конкретных переменных, между которыми ищется связь. Таким образом, можно говорить о том, что веберовская концепция о детерминации экономики культурой в широком смысле слова имеет право на существование.

В прикладном плане полученные результаты открывают очень обнадеживающие перспективы в области краткосрочного прогнозирования. Например, набирает силу такое направление оценки экономических ожиданий, как использование методов «Big Data» [Балацкий, Юревич, 2018]. Если этот подход себя оправдает с точки зрения оперативности, надежности и цены сбора данных, то в дальнейшем это позволит очень быстро строить краткосрочные макроэкономические прогнозы. Установленный факт наличия связей между ожиданиями населения и макропараметрами является инструментальной основой таких прогнозных процедур.

Список литературы (References)

- Балацкий Е. В. Инфляционные налоги и экономический рост // Экономика и математические методы. 1997. № 3. С. 43—58.
- Balatsky E. V. (1997) Inflation Taxes and Economic Growth. *Economics and Mathematical Methods*. No. 3. P. 43—58. (In Russ.)
- Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Индекс монетарной эффективности и его приложения. М.: Перо, 2017.
- Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2017) Monetary Efficiency Index and Its Application. Moscow: Pero. (In Russ.)
- Балацкий Е. В., Юревич М. А. Измерение инфляционных ожиданий: традиционные и новаторские подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. № 4. С. 534—552.
- Balatsky E. V., Yurevich M. A. (2018) Measuring Inflation Expectations: Traditional and Innovative Approaches. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. Vol. 34. No. 4. P. 534—552. (In Russ.)
- Гуров И. Н. Инфляционные ожидания как фактор инвестиционной привлекательности финансовых активов в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2014. Т. 6. № 1 (11). С. 79—90.
- Gurov I. N. (2014) Inflation Expectations as a Factor of Financial Assets Investment Attractiveness in Russia. *Scientific Researches of Faculty of Economics. Electronic Magazine*. Vol. 6. No. 1 (11). P. 79—90. (In Russ.)
- Ang A., Bekaert G., Wei M. (2007) Do Macro Variables, Asset Markets, or Surveys Forecast Inflation Better? *Journal of Monetary Economics*. Vol. 54. No. 4. P. 1163—1212. <https://doi.org/10.3386/w11538>.
- Bachmann R., Berg T. O., Sims E. R. (2005) Inflation Expectations and Readiness to Spend: Cross-Sectional Evidence. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 7. No. 1. P. 1—35. <https://doi.org/10.1257/pol.20130292>.
- Bloom N. (2009) The Impact of Uncertainty Shocks. *Econometrica*. Vol. 77. No. 3. P. 623—685. <https://doi.org/10.3982/ECTA6248>.
- Coibion O., Gorodnichenko Y. (2015) Is the Phillips Curve Alive and Well after All? Inflation Expectations and the Missing Disinflation. *American Economic Journal: Macroeconomics*. Vol. 7. No. 1. P. 197—232. <https://doi.org/10.1257/mac.20130306>.
- D'Acunto F., Hoang D., Weber M. (2015) Inflation Expectations and Consumption Expenditure. URL: <https://voxeu.org/article/inflation-expectations-spur-consumption> (accessed: 8.04.2019).
- Faust J., Wright J. H. (2013) Forecasting Inflation. *Handbook of Economic Forecasting*. Vol. 2A. P. 2—56. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53683-9.00001-3>.
- Gelain P. et al. (2019) Inflation Dynamics and Adaptive Expectations in an Estimated DSGE Model. *Journal of Macroeconomics*. Vol. 59. P. 258—277. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2018.12.002>.

- Grasso A., Ropele T. (2016) Business Investment Plans and Inflation Expectations. URL: https://www.cesifo-group.de/dms/ifodoc/docs/Akad_Conf/CFP_CONF/CFP_CONF_2016/isd16_Wohlrabe/Papers/isd16_Ropele.pdf (accessed: 8.04.2019).
- Ichiue H., Nishiguchi S. (2015) Inflation Expectations and Consumer Spending at the Zero Bound: Micro Evidence. *Economic Inquiry*. Vol. 53. No. 2. P. 1086—1107. <https://doi.org/10.1111/ecin.12176>.
- Jansen W.J., Nahuis N.J. (2003) The Stock Market and Consumer Confidence: European Evidence. *Economics Letters*. Vol. 79. No. 1. P. 89—98. <https://doi.org/10.1007/s00181-014-0873-z>.
- Juillard M. et al. (2008) Optimal Price Setting and Inflation Inertia in a Rational Expectations Model. *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 32. No. 8. P. 2584—2621. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2007.03.010>.
- Lemmon M., Portniaguina E. (2006) Consumer Confidence and Asset Prices: Some Empirical Evidence. *The Review of Financial Studies*. Vol. 19. No. 4. P. 1499—1529. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhj038>.
- Ludvigson S. C. (2004) Consumer Confidence and Consumer Spending. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. No. 2. P. 29—50. <https://doi.org/10.1257/0895330041371222>.
- Lyziak T. (2010) Measurement of Perceived and Expected Inflation on the Basis of Consumer Survey Data. *IFC Working Papers*. No. 5. Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/ifc/publ/ifcwork05.pdf> (accessed: 8.04.2019).
- Matsusaka J. G., Sbordone A. M. (1995) Consumer Confidence and Economic Fluctuations. *Economic Inquiry*. Vol. 33. No. 2. P. 296—318. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.1995.tb01864.x>.
- Sims C. A. (1992) Interpreting the Macroeconomic Time Series Facts: the Effects of Monetary Policy. *European Economic Review*. Vol. 36. No. 5. P. 975—1000. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(92\)90041-t](https://doi.org/10.1016/0014-2921(92)90041-t).
- Smets F., Wouters R. (2004) Forecasting with a Bayesian DSGE Model: an Application to the Euro Area. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 42. No. 4. P. 841—867. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9886.2004.00532.x>.
- Smith R. T., van Eegteren H. (2005) Inflation, Investment and Economic Performance: the Role of Internal Financing. *European Economic Review*. Vol. 49. No. 5. P. 1283—1303. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2003.11.007>.
- Van Raaij W. F., Gianotten H. J. (1990) Consumer Confidence, Expenditure, Saving, and Credit. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 11. No. 2. P. 269—290. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(90\)90007-v](https://doi.org/10.1016/0167-4870(90)90007-v).

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.769

Правильная ссылка на статью:

Шарков Ф. И., Якушина О. И. Концептуальные модели межкультурных отношений в процессе формирования идентичностей индивидов и групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 385—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.769>.

For citation:

Sharkov F. I., Yakushina O. I. (2020) Conceptual models of intercultural communication in the process of individual and group identities' formation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 385—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.769>.

Ф. И. Шарков, О. И. Якушина

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ИНДИВИДОВ И ГРУПП

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ИНДИВИДОВ И ГРУПП

CONCEPTUAL MODELS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE PROCESS OF INDIVIDUAL AND GROUP IDENTITIES' FORMATION

ШАРКОВ Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии, факультет международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

E-MAIL: sharkov-felix@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1477-7414>

Felix I. SHARKOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Department of Sociology, Faculty of International Journalism

E-MAIL: sharkov-felix@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1477-7414>

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

ЯКУШИНА Ольга Игоревна — кандидат социологических наук, специалист, Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья им. Н. М. Федоровского, Москва, Россия
E-MAIL: yakfibio@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7048-8852>

Olga I. YAKUSHINA² — Cand. Sci. (Soc.), Specialist
E-MAIL: yakfibio@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7048-8852>

² All-Russian Scientific-Research Institute of Mineral Resources named after N. M. Fedorovsky

Аннотация. В статье представлено исследование межкультурных отношений и процесса формирования идентичностей индивидов и групп для определения динамики социокультурных изменений в современном обществе. Раскрывается социальная детерминированность межкультурной коммуникации индивидов и групп, приводятся варианты типологизации концепций межкультурного взаимодействия. Рассматриваются способы организации пространства в культурно разнообразном обществе, идентификационные стратегии формирования идентичностей индивидов и групп. На основе анализа моделей и подходов к процессам взаимодействия в многокультурной среде общества выявляются основные тенденции межкультурного взаимодействия и их роль в сохранении устойчивости идентичностей индивидов и групп.

Ключевые слова: культурное разнообразие, межкультурные отношения, глобализация, модели управления разнообразием, гармонизация общества, идентичность, индивид, группа, общество

Abstract. The paper presents a study on intercultural relations and the formation of individual and group identities aiming to determine the dynamics of sociocultural changes in the modern society. The authors describe social determinacy of intercultural communication and propose a number of typologies of intercultural communication concepts. The paper considers different ways to organize space in a culturally diverse community and strategies to build individual and group identities. Based on the analysis of models and approaches towards interactions in a multicultural environment, the authors reveal the basic trends in intercultural communication and their role in maintaining individual and group identities.

Keywords: cultural diversity, intercultural relations, globalization, intercultural communication, intercultural management models, harmonization of society, identity, individual, group, society

Введение

Исследователей всегда интересовали вопросы о том, как индивиды могут классифицировать и идентифицировать себя в социальной среде, свою принадлежность к группам; на чем базируется граница между членами группы и теми, кто к ней не относится; как происходит взаимодействие и на какой основе конструи-

руются идентичности с точки зрения самого индивида и внешних по отношению к нему социальных структур.

Изменчивость современной жизни, глобализирующийся мир, новые коммуникационные технологии при росте потоков миграции привели к усилению культурной неоднородности. В границах национальных государств перемещение населения приобретает большое значение ввиду объемов и массовости потоков, изменяющих этнокультурный и социальный облик исторически сложившихся национальных образований. Культурное разнообразие оказывает определенное влияние на выбор идентичности. Значительный приток населения в иную культурную среду нарушает сложившийся уклад жизни, культурные практики и формы хозяйственной деятельности. Как отмечает С. А. Кравченко: «Если посмотреть на эти темы под углом зрения их значимости для функционирования ныне существующих цивилизаций и культур, их динамики и возможного партнерства, нельзя не видеть, что каждая тема представляет собой проблему, по существу, находящуюся во взаимодействии с другими проблемами человечества в усложняющейся динамичной сети» [Кравченко, 2011: 20]. Поэтому важной задачей выступает изучение межкультурных отношений в современном культурно разнообразном обществе для создания общего пространства культурных и социальных связей.

Межкультурные отношения и идентичности. Анализ подходов и моделей, выявление главных тенденций

Трансформация общества и концептуальные подходы изучения идентичностей

Идентичности формируются в результате сложного комплекса взаимодействий и взаимовлияний разных факторов (исторических, культурных, языковых, религиозных и т. д.) — это многоуровневая и изменчивая система. В настоящее время концептуальные подходы к изучению протекающих в социуме процессов, в том числе формирования идентичностей, чаще всего различают в зависимости от типа общества. Так, в обществах премодерна предполагается, что идентичности аскриптивны, предписаны извне в соответствии с традицией; в обществах раннего модерна их считают достигаемыми на основе социальных статусов; в обществах позднего модерна их оценивают как конструируемые и рефлексивно управляемые.

Ученые [Jenkins, 2004] отмечают, что сегодня сложно говорить об идентичностях как о чем-то раз и навсегда определенном, это, скорее, социальный процесс, в котором в контакт вступает как индивидуальное, так и групповое — социальное. Индивидуальное Я человека — это социальный феномен, однако социальное пространство, в свою очередь, состоит из персональных действий людей с их соответствующими идентичностями. Поэтому в современной социологической теории идентичности определяются, прежде всего, как изменчивые и непостоянные. Отмечается, что они конструируются при непрерывном взаимодействии с другими индивидами. Возрастает роль общественного дискурса, поскольку любые значения могут быть оспариваемы и деконструируемы. В этом смысле идентичности могут рассматриваться как способы мышления, которые проявляются в конкретных социальных и исторических контекстах, то есть не определяются только отдельно взятым индивидом.

Для анализа феномена идентичности используют различные подходы и типологии, которые сосредоточены преимущественно на вопросах о том, в чем состоит отличие традиционных обществ от постмодерна и как это влияет на идентичность индивида [Якушина, 2017].

Обратим внимание на исследование [Hall, Held, McGrew, 2003], авторы которого предлагают выделение трех концептуальных подходов к рассмотрению идентичностей, описанных ниже. Помимо двух крайних вариантов, они называют промежуточный тип, основываясь преимущественно на постулатах символического интеракционизма. И этот промежуточный тип отличается как от идентичностей индивида «проекта Просвещения», так и от идентичностей современного человека, описываемой в терминах постмодерна, постпостмодерна, рефлексивного модерна и т. д.

В первом случае в концепции Просвещения идентичность индивида рассматривают как единую, разумную и сознательную. Это целостный внутренний центр человека, который сущностно сохраняется на протяжении всей его жизни. В данном случае предполагается: идентичность — то, что все имеют, должны иметь или ищут, а ее важной характеристикой является постоянство во времени и среди индивидов. Поскольку в XX веке ученые осознали сложность ригидного понимания идентичности, анализ феномена сместился в направлении влияния именно социальных изменений в обществе. Идентичность стали рассматривать как то, что можно и не иметь, что не предписано извне, не связано с некоей группой и не однородно.

Второй концептуальный подход — об изменчивости и конструируемости идентичности — предполагает учет влияния современных изменений социальной действительности. Он указывает, что ранее автономная и самодостаточная идентичность становится множественной, гораздо менее стабильной и четко определенной. Данный подход связан с символическим интеракционизмом и ролью «значимых других». Основная его предпосылка состоит в том, что индивиды придают символические значения объектам, поведению, себе и другим и передают эти значения во взаимодействиях. Идентичности определяют позицию человека в социальном пространстве посредством отношений, подразумеваемых этими идентичностями; но и сами они являются символами, значения которых различаются в зависимости от субъектов действия и ситуаций. То есть в процессе формирования идентичности акцент сделан именно на интеракцию и коммуникацию с другими индивидами, на общение с самим собой. У индивида есть внутренний центр, Я, самость, но он формируется и изменяется во взаимодействии с разными внешними культурными пространствами, каждое из которых задает свою систему значений. Предполагается, что идентичность сокращает дистанцию между внешним (общество) и внутренним (личное Я), сближая, совмещая их. Здесь прослеживается явное сходство с идеями рефлексивного модерна о том, что идентичность — это рефлексивный проект самого индивида. Но в данном случае идентичность встраивает субъекта в структуру социального мира посредством усвоения им определенных значений и ценностей, создавая сплоченность и согласованность группы и общества в целом.

Третий концептуальный подход передает, по сути, доминирующую сегодня в социологической теории точку зрения и отражает преимущественно идеи пост-

модерна — будь то *ad hoc* концепции или постпостмодерн, которые либо постулируют, что «проект Просвещения» полностью завершен, либо обращаются к рефлексивному модерну и продолжают идеи Просвещения, но уже на новом этапе развития общества. В целом эти подходы к анализу современной социальной действительности обращают внимание на результат институциональных и структурных трансформаций и на их влияние на идентичность индивида, отмечают ее фрагментированность, дискретность, эфемерность и пластичность. Современная идентичность находится в постоянном изменении. Индивид оказывается в пространстве умножающихся мимолетных значений, символов, сигналов, с которыми он может отождествлять свое Я и конструировать столь же постоянно изменяющийся нарратив идентичности.

Итак, социологический взгляд на современную идентичность во многом отражает последняя концепция как сосредоточенная именно на текущих трансформациях обществ XX—XXI веков. Э. Гидденс [Giddens, 2000] описывает этот процесс движения от общества премодерна к позднему модерну и далее к постмодерну. В первом случае традиция позволяет организовывать временные и пространственные координаты, образуя непрерывность прошлого, настоящего и будущего, которые, в свою очередь, структурируются с помощью повторяющихся социальных практик. При этом современность предполагает не только быстрые и непрерывные изменения, но и высокую степень рефлексии, когда социальные практики постоянно изучаются и преобразуются сообразно поступающей информации об этих практиках, таким образом постоянно модифицируя их характер.

Процесс модернизации в целом и процесс глобализации в частности являются главными проводящими каналами радикальной трансформации структур и смыслов социальной жизни, которые формируют основание современной идентичности.

При анализе идентичности внимание уделяется главным образом именно быстрой и масштабу изменений, а также характеристикам социальных институтов. Последние либо радикально отличаются от существующих в традиционных обществах, либо соответствуют им в общих чертах, однако организуются по совершенно другим принципам.

Можно сделать общий вывод, что преобразования времени и пространства ведут к разрыву социальных отношений, к их выходу из локального контекста взаимодействия и к их перестройке [Giddens, 1991: 21, 22, 36—38]. В этом процессе разрушаются традиционные формы понимания общины и группы, а также связанные с ними коллективные модели конструирования идентичности. Теперь идентичность становится проектом [Howard, 2000] поиска того, кем индивид является, что, очевидно, усложняется невероятной скоростью изменений в окружающих социальных контекстах — в группах и связях, социальных структурах и практиках, в которые встроены их идентичности. В посттрадиционном обществе индивиды сталкиваются с возможностью выбора из огромного числа вариантов, которые затрагивают именно социальные связи и конструирование их собственной идентичности. Кроме того, процесс конструирования идентичности все больше связывается с эмоциональным опытом человека, его фантазиями, ожиданиями [Elliott, Lemert, 2006]. В результате возникают фундаментальные вопросы: на-

сколько осознан и свободен такой выбор и к каким конфигурациям современной идентичности это ведет?

Э. Гидденс предлагает идею саморефлексии в принятии индивидами решения о том, какой должна быть их идентичность. Это проект, над которым они должны постоянно работать, чтобы иметь возможность поддерживать целостность и последовательность собственных Я, пусть и пропущенных через фильтр социальных систем. Такая свобода выбора предполагает новое структурное давление и ответственность, но в целом может быть оценена как позитивное явление и часть более широкого процесса демократизации.

Однако если мы обратимся к более ранним теоретическим разработкам, то заметим: несмотря на современную трансформацию общества, данная идея не является новой — элементы и процессы, которые Э. Гидденс рассматривает как позитивные и прогрессивные, в 1970-е годы М. Фуко [Фуко, 1996] определял как механизм проявления дисциплинарной власти, управления и контроля. Произошли лишь изменения в способах реализации власти, которая теперь распространяется через социальные отношения: вместо регулирования преимущественно через внешних агентов — институты сейчас индивиды должны прибегать к саморегуляции при условии, что их собственное поведение соответствует установленным в обществе нормам. Этот процесс Э. Гидденс описывает как саморефлексию и выбор, а М. Фуко — как самоконтроль и самонаблюдение. Данная идея прослеживается и в более поздних исследованиях [Rose, Miller, 2008]. Очевидно, что различные группы индивидов будут претендовать на идентичность совершенно по-разному, и эти требования могут быть в той или иной степени признаны легитимными в обществе. Следовательно, вопросы идентичности неизбежно связаны с проблемой социального статуса индивида и институционального давления на него.

В целом следует отметить, что граница разделения на общество преמודерна и общество модерна маркируется различием базовых понятий классической социологии — «механическая» и «органическая солидарность» Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1996], «община» и «общество» Ф. Тённиса [Тённис, 2002] и т. д. Характерной чертой культуры и идентичности преמודерна является статичность. Идентичность понимается как коллективная и подразумевает однородность в пределах группы. Из этого следует, что есть высокая степень «групповости» — одинаковой идентичности членов группы, а также четкие границы между членами и не членами группы.

Формирование идентичностей в культурном пространстве общества

В современных условиях, в отличие от традиционных обществ, нарушаются устойчивые связи культурной и социальной структур, четкого географического положения индивида с учетом глобальных и локальных взаимодействий, возможности коммуникации без привязки к местоположению и времени. С точки зрения культуры одним из очевидных последствий является то, что конструирование стабильной идентичности оказывается еще более сложным ввиду связей, которые помещают индивидов в социальное пространство групп и культурных сообществ. В определенной степени именно в такого рода множественных связях коренятся истоки проблемы [Nielsen, 2010] понимания культурной идентичности

и культурного разнообразия, поскольку возникает вопрос соединения равных прав всех граждан общества с идеей понимания равенства как динамичной категории, когда возможны дифференцированные права для различных групп в качестве предпосылки создания действительного равенства индивидов с учетом вероятного разрыва между ними. Очевидно, что неравное распределение ресурсов и возможностей не является новой чертой, характеризующей современные общества. Однако оно тесно связано с проблемой идентичности и значением, которое придается этому в этнокультурном аспекте.

В межкультурных отношениях культурно разнообразных обществ неизбежно возникает проблема признания тех форм идентичности, которые в прошлом длительное время могли не только подразумевать неравные права и возможности, но и маргинализироваться [Fanon, 2008]. Современные общества как на индивидуальном, так и на коллективном уровне сталкиваются с культурными различиями, включая иные традиции, нормы, ценности, поведенческие паттерны, привнесенные в том числе глобализацией и новыми коммуникационными технологиями, которые усиливаются столь же новыми пространственно-временными отношениями. Культурные различия могут как представлять собой позитивный ресурс для дальнейшего развития и обогащения культур во взаимодействии, так и вести к новым сомнениям, неопределенности на уровне конструирования идентичности современным индивидом, а также к социальным конфликтам в пространстве всего общества.

То, как определяет себя индивид, какую позицию он занимает в социальном пространстве, влияет на складывающиеся в обществе отношения. Несмотря на многочисленные длительные исследования, тема межкультурного взаимодействия и взаимовлияния остается актуальной. Ранние социологические разработки вопросов аккультурации, культурной составляющей идентичности и ее роли в межкультурных отношениях связаны с именами ученых [Park, Burgess, 1921; Redfield, Linton, Herskovits, 1936] первой половины XX века, в частности с представителями Чикагской школы и социологии города. В то время возник вопрос о проведении многочисленных эмпирических исследований в связи с миграционными процессами и поиском объяснения динамики взаимодействия культурно разнообразных групп в обществе. Была предложена трехступенчатая модель, включающая контакт культур, аккомодацию и ассимиляцию. Именно ассимиляция должна была быть финальной точкой успешного процесса аккультурации и гармоничных межкультурных отношений.

Новые подходы [Schachner, Vijver, Noack, 2017] предлагают выделять в процессе аккультурации компоненты, например условия, ориентации и результаты. Условиями аккультурации могут выступать личные характеристики, аттитюды и структуры возможностей в определенных контекстах; они рассматриваются как факторы, предшествующие аккультурации. Контексты разделяются на общественную и частную сферы жизни (например, участие в жизни общества с его доминирующей культурой, но при сохранении своей отличительной культурной идентичности в личной сфере, в семье). Ориентации индивида опосредуют влияние социальных условий на результаты аккультурации и относятся к идентификационным стратегиям, встраиванию компонентов двух культур в собственную идентичность или исключению их из нее при сохранении отличительной этнокультурной

идентичности, представленной меньшинством общества, либо с ориентацией на доминирующую культуру большинства. Ориентации и результаты являются в данном случае близкими понятиями, но первые представляют собой некоторые аттитюды по отношению к определенному поведению, а вторые — фактическое поведение на этой основе.

В последние десятилетия с теоретическими подходами к аккультурации в социологии связано понятие мультикультурализма, вызывающее множество общественно-политических и научных дискуссий. Чаще всего негативная оценка мультикультурализма связана с противопоставлением социального единства как позитивного факта («плавильный котел») обществу, дестабилизированному и разделенному на этнокультурные группы, но без учета фактора взаимодействия и аккультурации. Однако мультикультурализм не является синонимом ассимиляции [Hartmann, Gerteis, 2005], которая предполагает отсутствие динамики взаимодействия межкультурных групп. Взаимозаменяемое использование терминов «ассимиляция» и «аккультурация» во многих теориях также усилило данное представление о содержании этого понятия.

Даже если обратиться исключительно к научной формулировке понятия, можно увидеть, что мультикультурализм рассматривается в различных аспектах: демографически-дескриптивном, программно-политическом, идейно-нормативном. При этом каждый исследователь делает акцент на той или иной выбранной им существенной характеристике либо исследуемой сфере, которую он считает определяющей в данном понятии, исходя из его авторской оценки. Однако все подходы признают наличие в обществе множества культур. В некоторых областях науки термин «межкультурный» [Poglia, 2006; Нарочницкая, 2013], определенный таким образом, занял большую часть семантического пространства, в котором соседствуют понятия много-, мульти-, поликультурности и т. д.

Культурное разнообразие и концептуализация межкультурных отношений оказываются тесно связанными с понятием идентичности, с признанием права на культурные отличия или с отрицанием такого права. Очевидно, что без социологически обоснованной концепции наличия культурных различий и используемых способов регулирования ситуации многокультурности невозможно решать проблемы межкультурных отношений. Могут появляться новые формы дискриминации, поскольку только формально постулированное признание различий способствует сохранению существующих иерархий [Song, 2007]. Культурные различия не должны нарушать стабильность общества, отношения между группами должны быть гармоничными, взаимоуважительными, но и адаптированными к существующим социокультурным условиям.

Модели аккультурации в многокультурном обществе

Модели аккультурации представляют теоретическую и практическую основу для понимания идентичности индивидов и групп в культурно неоднородной среде. Первоначально исследования проводились преимущественно с антропологически-ассимиляционной позиции, рассматривая, каким образом можно культурно адаптировать, «аккультурировать» и «встроить» группы иммигрантов в быстро развивающееся индустриальное общество. Был принят одномерный подход, при

котором индивиду предписывалось разорвать связи с наследственной культурой и ассимилироваться в рамках нового доминирующего большинства общества, предполагая таким образом противопоставление и взаимоисключение двух культур. В дальнейшем по мере развития теории аккультурацию стали рассматривать с точки зрения различных групп и сфер общества. Исследователи пришли к пониманию, что процесс и степень адаптации для каждой группы и индивида могут полностью различаться.

Процесс и конечный результат аккультурации являются важными звеньями культурного взаимодействия в многокультурном обществе. В широком смысле аккультурация относится к изменениям, которые происходят в результате контакта с культурно разнообразными индивидами, группами и, возможно, различными социальными процессами. Однако существует множество факторов, которые влияют на процесс аккультурации и взаимодействия, а также затрудняют или упрощают его. Они включают многообразные характеристики, которые различаются не только между группами, но и внутри них. Это как традиции, религия, семейные отношения, пол, возраст, так и исходные представления о тех или иных этнокультурных группах в конкретном обществе, которые структурируют отношения между группами большинства и меньшинства. Все названные особенности влияют на идентификационные стратегии.

В современных условиях нельзя характеризовать межкультурное взаимодействие как однонаправленный линейный процесс, необратимый и позитивный, идущий в направлении своего логического завершения в полной ассимиляции, закономерный результат которой — однородность общества, как это было описано Чикагской школой социологии в начале XX века. Аккультурация — гораздо более сложный процесс, чем просто контакт двух культурных групп.

Таким образом, попытки определить, что такое аккультурация, привели к появлению различных теоретических конструкций и моделей, которые продолжают уточняться по мере накопления данных социологических исследований. В связи с этим следует остановиться на конкретных моделях, которые позволяют проследить переход от одномерного к многомерному пониманию межкультурного взаимодействия, сосредоточившись на многомерных моделях как наиболее актуальных для анализа разнообразных идентификационных стратегий индивида.

Все модели аккультурации можно разделить на два типа:

1) одномерные — односторонние модели, в которых процессы характеризуются как линейное движение от наследственной культуры к культуре принимающего общества путем ассимиляции, в результате чего культурное разнообразие должно быть устранено;

2) многомерные — модели, где процессы аккультурации происходят без однозначной зависимости и различным образом в разных сферах, а культурное многообразие не предлагается устранять путем поглощения одной культуры другой.

Одномерные модели основаны на изначальном отождествлении аккультурации с ассимиляцией, которую считали прогрессивной и необратимой. Например, М. Гордон [Gordon, 1978] предложил описание культурных изменений, через которые проходят культурные группы, выделив семь последовательных стадий ассимиляции:

1) культурная ассимиляция и аккультурация могут не зависеть от других стадий и предполагать поглощение культурных норм, традиций, образцов, которые заменяются на установленные доминирующей культурой общества;

2) структурная ассимиляция связана с социальными институтами и является предпосылкой всех последующих стадий;

3) амальгамация, или смешение, происходит в результате браков между представителями различных культурных групп;

4) идентификационная ассимиляция, или идентификация с доминирующей культурой, подразумевает утрату чувства связи и единства с родной культурой;

5) формирование аттитюдов принятия связано с предрассудками, стереотипами;

6) формирование поведенческих паттернов имеет отношение к дискриминации;

7) гражданская ассимиляция подразумевает исключение конфликтов, когда все члены общества ощущают себя как единство с доминирующей культурой и обществом в целом, действуя на основе такого представления.

Характерной чертой одномерных моделей является упрощенное движение от одной крайней точки (культура меньшинства) к другой (доминирующая культура), которое завершается поглощением доминирующим большинством любого культурного разнообразия. Сохранение отличительной культурной идентичности меньшинством исключено, так как успешная аккультурация путем ассимиляции связана с полным принятием доминирующей культуры. Односторонняя адаптация — это единственный путь стать полноценным членом принимающего общества, структура которого должна, по сути, оставаться неизменной. По этой причине проблемы, связанные с адаптацией культурных меньшинств, не изучаются в рамках одномерных моделей.

Теоретики данного направления исходят из того, что стабильность общества и гармонизация отношений групп не может быть достигнута без полной ассимиляции, когда неизбежно реализуется модель «плавильного котла». Именно в этом состоит главная проблема одномерных моделей, поскольку они, по сути, исключают какой-либо механизм обратной связи между группами. Гармонизация отношений групп и их взаимодействия сводится к принятию норм и практик, которые, как предполагается, сделают любого представителя культурного меньшинства полноценной частью общества, равной остальным ее частям. Реальное взаимодействие между группами не рассматривается; не учитываются роль группы большинства в процессе адаптации культурных меньшинств и различия среди идентичностей их представителей. Такое игнорирование проблемы и отсутствие ее исследования могут привести к значительному социальному напряжению и конфликту.

В качестве промежуточного варианта между выделенными двумя типами моделей (одномерные и многомерные) можно рассматривать ситуацию *бикультурности* [LaFromboise, Coleman, Gerton, 1993; Lalonde, Cameron, 1993; Sayegh, Laree, 1993]. Очевидно, что общество не может не изменяться тем или иным образом при столкновении нескольких различных культур. Сложно представить, что культурные меньшинства не сохраняют хотя бы некоторую часть своей наследственной культуры, даже если они успешно адаптируются, усваивая все ценности и нормы принимающего общества. Индивид не обязательно оказывается между «успешной» ассимиляцией и «неуспешной» маргинализацией, возможны и иные

комбинации, связанные с доступным разнообразием идентификационных стратегий и конфигураций.

С. Шварц и его соавторы [Schwartz et al., 2010] предлагают модель, состоящую из следующих компонентов аккультурации: практики, ценности, идентификации наследственной и принимающей культур. Это взаимосвязанные элементы, являющиеся частью аккультурации как большего процесса, который состоит из скрепленных, но относительно независимых измерений. Исследования сосредоточиваются именно на ситуации бiculturalности. Авторы предполагают, что бiculturalные индивиды могут ориентироваться на одну культуру в одном социальном контексте, изменяя ориентацию в другом, или идентифицируя себя с обеими культурами. По сути, идентификационные стратегии при аккультурации могут принимать две формы. Одни индивиды рассматривают культурные потоки наследственной и принимающей культур как отдельные, конфликтные и несовместимые; другие — соединяют элементы нескольких культур в общую стратегию. Данная модель близка к многомерной, но обращается лишь к анализу взаимодействия исключительно двух культур, а также формируемой на данной основе бiculturalной идентичности.

Таким образом, осознание проблем, связанных с межкультурными отношениями, привело к появлению многомерных моделей, которые должны были охватить все возможное разнообразие культур, хотя и сосредоточиваясь на различных аспектах, но одинаково считая необходимым исследование динамики межкультурного взаимодействия, а не статичного одностороннего процесса ассимиляции.

Многомерные модели предлагают проводить оценку идентификации с культурами большинства и меньшинства преимущественно независимо как различные измерения, которые затем сводятся в единую модель с возможностью анализа вероятных стратегий индивида при аккультурации. Предполагается не противопоставление разных идентичностей в рамках одного измерения в линейной зависимости, а формирование идентичности в виде отдельных процессов, которые развиваются вдоль ортогональной системы координат.

Одной из наиболее известных является модель, предложенная Дж. Берри [Berry et al., 1989; Berry, 2016]. В ее основу положено выделение двух проблем: сохранение наследственной культуры и стремление (или его отсутствие) к культурному контакту с большинством общества, которые группируются в четыре вида стратегий — интеграция, ассимиляция, разрыв, маргинализация. Стратегии рассматриваются как независимые измерения процесса аккультурации. Эта модель разработана на основе данных эмпирического исследования, в котором была задана шкала аккультурации из вопросов о сохранении культурной идентичности и вступлении в контакт с другими группами при рассмотрении различных сфер общества: гражданской, экономической, трудовой, образовательной и т. д.

Р. Борхис [Bourhis et al., 1997; Bourhis et al., 2010] предложил модифицированную схему с учетом критики и дополнения четырех идентификационных стратегий, выделенных Дж. Берри. Основная критика была направлена на обозначение одной из стратегий как «маргинализация», поскольку она в редких случаях может быть добровольным выбором индивида, независимым от конкретного социокультурного контекста. По этой причине было предложено разделить данную стратегию на два типа — анония и индивидуализм. Анония возникает, когда индивиды

отвергают как наследственную культуру, так и доминирующую культуру общества. Индивидуализм связан со сходными аттитюдами, но маргинализация происходит ввиду личных идентификационных предпочтений индивида, а не в результате влияния представителей доминирующей культуры. Соответственно предполагается, что одни индивиды могут и не терять свои особенные этнокультурные идентичности, но ощущать изолированность по отношению к доминирующей культуре или отказываться от вступления в контакт с другими культурными группами.

Рассматривая стратегии общества, маргинализацию также можно разделить на два вида — исключение и индивидуализм. В случае исключения доминирующие группы общества одновременно не принимают возможные иные, отличающиеся от доминирующих культурные традиции и нормы, но и не хотят адаптации культурных меньшинств к своим нормам и традициям. При индивидуализме предполагается рассматривать процесс адаптации в категориях не большинства и меньшинства, а личного выбора человека без отнесения его к влиянию со стороны той или иной группы.

Р. Борхис составил ортогональную матрицу с пятью возможными вариантами ориентаций-стратегий. Со стороны общества и его большинства с соответствующей доминирующей культурой это интеграция, ассимиляция, сегрегация, исключение, индивидуализм; со стороны этнокультурных меньшинств — интеграция, ассимиляция, разрыв, аномия и индивидуализм. Результат их пересечения может быть трех типов: согласованным, проблемным или конфликтным. Первый тип определяется ориентациями интеграции, ассимиляции или индивидуализма. Это положительный результат, в отличие от двух других. Проблемный тип представлен аномией, конфликтный — разрывом. В обоих этих случаях подразумевается сегрегация или исключение со стороны большинства общества. Разрыв в форме исключения является наиболее часто встречающейся комбинацией, приводящей к конфликту.

В дальнейшем Р. Борхис с соавторами доработали модель, выделив в ней четыре блока и назвав ее «интерактивная модель аккультурации». В результате она должна не только определять идентификационные стратегии в ходе межкультурного взаимодействия, но и выявлять их воздействие на общество и на разработку политических инструментов государства.

1. *Идеология плюрализма* заключается в том, что меньшинство должно принять демократические ценности и нормы большинства общества, но государство не может регулировать личную сферу, в которой индивидуальные культурные особенности имеют право на сохранение и уважение. Государство может поддерживать культурные меньшинства социально и финансово, поскольку и меньшинство, и большинство являются членами общества, платят налоги; перераспределение части ресурсов в пользу меньшинства рассматривается как справедливое. По сути, это либерально-демократический подход к управлению культурным разнообразием.
2. *Гражданская идеология* базируется на тех же принципах и уважает культурное разнообразие, но отказывает группам в государственной поддержке и финансировании, устанавливая общегражданские нормы. Это не предполагает признания наличия в социуме разнообразных групп с их требо-

ваниями и возможностями. Каждый рассматривается исключительно как гражданин общества, а не как представитель культуры большинства или меньшинства.

3. *Идеология ассимиляции* предполагает, что культурные меньшинства принимают ценности большинства и отказываются от собственной наследственной культуры с ее характерными особенностями. Именно ценности большинства образуют ядро национального государства. Хотя идеология данного типа поддерживает общий принцип, согласно которому государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь и личные ценности отдельных граждан, но остаются области, где предусмотрено вмешательство государства. Ассимиляция может происходить как добровольно на протяжении нескольких поколений, так и принудительно с помощью принятия ограничительных законов.
4. *Идеология этничности* имеет сходство с ассимиляцией в том, что считает необходимым принятие норм и ценностей культурного большинства, признает за государством право вводить ограничения в частной сфере индивидов. В одних случаях адаптацию оценивают как невозможную без полной ассимиляции. В других случаях полную культурную ассимиляцию не считают необходимой, поскольку представителей культурного меньшинства рассматривают как находящихся на периферии общества, не включенных в социум в качестве полноправных его членов. Отличие идеологии этничности состоит в том, что она обычно определяет, кто может быть и должен быть гражданином государства, на основе этнического или религиозного исключения (это, например, право на гражданство по праву крови (*jus sanguinis*)).

Данные выделенные блоки не являются изолированными и, очевидно, имеют точки пересечения, а также могут переходить друг в друга. Идея предложенной Борхисом и его соавторами структуры состоит в том, что политика интеграции, проводимая государством, может существенно влиять на направление процессов аккультурации и идентификации. Основой описанной модели авторы считают межкультурный контакт, исходя из того, что большинство общества влияет на стратегии меньшинства и возможен обратный процесс.

Д. Хартманн и Дж. Гертеис [Hartmann, Gerteis, 2005] разработали подход, базирующийся на описании способов включения социальных различий культурных групп в единое общество. Выделено четыре основных способа: ассимиляция, космополитизм, фрагментированный плюрализм и интерактивный плюрализм. В основе их выделения — следующие критерии: уровень замкнутости внутренних границ групп, характеристики внешней границы социального целого и давление в направлении интеграции. Жесткие внешние границы обеспечивают общую идентичность, которая включает всех членов общества, эти границы также исключают посторонних. Чем жестче заданы внутренние границы в определенном видении различий, тем более четко группы внутри общества рассматриваются как отдельные друг от друга с точки зрения идентичностей, практик и ценностей. Подобно внешним границам внутренние границы включают и исключают индивидов.

1. При *ассимиляции* культурное разнообразие должно быть устранено. Четкое разделение между внутренними и внешними границами отсутствует, груп-

пы и нация рассматриваются как тождественные. Поэтому границы социального пространства являются жесткими, а внутригрупповые границы — слабыми, и они должны быть нивелированы обществом. Это означает, что индивидам нужно утратить свои характерные этнокультурные идентичности и принять «общесоциальные» ценности и нормы. В ряде случаев сохранение идентичностей, отличающихся от доминирующей, возможно, но лишь в личной сфере. Считается, что минимизация культурного разнообразия ведет к росту взаимопонимания, взаимной ответственности и гармонии межкультурных отношений.

2. *Космополитизм* признает ценность разнообразия, но ставит под вопрос групповое членство и его роль в социальной сплоченности. Слабые внешние и внутренние границы означают, что инклюзивные элементы идентификации также слабы и отсутствует социальное давление растворения в социальном целом разнообразных культурных черт. В отличие от ассимиляции, здесь главное значение отводится индивидуальному выбору. Это, очевидно, означает более инклюзивный подход, потому что разнообразие не исключается и не рассматривается как угроза единству общества. В данном случае для индивидов членство в обществе является лишь одним из множества источников идентичности. Важны групповые различия, но не групповые идентичности. Это индивидуалистический подход к взаимодействию социального целого и его элементов.
3. *Фрагментированный плюрализм* предполагает более слабые внешние границы, но сильные межгрупповые. Поскольку именно внутренние, а не внешние границы являются фактором сплоченности и гармонии межкультурных отношений, границы групп контролируются столь же жестко, как при ассимиляции. Наличие культурного разнообразия рассматривается как реальность и неизбежность, поскольку социальное целое растворяется в составляющих его групповых единицах. Если в предыдущем подходе членство в группах — индивидуальный выбор, то здесь это сущностная черта, решающий фактор конструирования идентичности.
4. *Интерактивный плюрализм* признает культурное разнообразие. Но при этом сплоченность общества основана на необходимости развития единого понимания таких различий через их взаимное признание, уважение к различиям и постоянное взаимодействие. Именно межкультурный диалог становится определяющей чертой аккультурации, в отличие от фрагментированного плюрализма, когда разнообразные группы важны и ценны, но оказываются «вещью в себе». При интерактивном плюрализме взаимодействие происходит между группами, а не только внутри них. Из межкультурного взаимодействия возникает новая и постоянно переопределяемая в соответствии с происходящими социальными изменениями макрокультура, которая формирует основу социального целого.

С. Озер [Ozer, 2013] предложил диалогическую модель как ориентированную именно на процессуальную сторону аккультурации с акцентом на индивидуальных идентификационных стратегиях. Данный подход стремится отразить изменения и нарастающую множественность идентичности в условиях культурного

разнообразия и глобализации. Речь идет о межкультурных связях как между культурами в мире с гораздо более частыми и быстротечными контактами, так и между сосуществующими культурами внутри индивидуального Я, что приводит к множественной идентичности. Поэтому межкультурные процессы вовлекают во взаимодействие различные культурные позиции внутри Я индивида. Человек оказывается в пространстве межкультурного диалога, на основе которого он выстраивает свои внутренние и внешние позиции и границы идентичности. Внутренние позиции относятся к тому, что индивид рассматривает как часть самого себя (индивидуальный уровень идентичности), а внешние — как часть социального окружения (групповой уровень). Идентичность оказывается частью процесса изменения позиций в рамках постоянно трансформирующегося социального пространства.

Идентичность индивида предполагает взаимные с обществом изменения, когда изменения в идентичности ведут к изменениям в обществе, и наоборот. Посредством аккультурации и межкультурного взаимодействия расширяется спектр, «репертуар» позиций внутри индивида, делая современную идентичность все более сложной и разнородной. Это может особо остро ощущаться и приводить к конфликтам, например, при переходе в пространство другой культуры или при повседневном взаимодействии с представителями иных культур. Такие противоречия могут создавать напряженность и между внутренними культурными позициями. Именно по этой причине, согласно мнению С. Озера, для исследования данных процессов требуется *диалогическая модель*. Отсутствие сильной культурной позиции рассматривается как явление, приводящее к неопределенности в структуре идентичности. Эта неопределенность может быть положительной, относящейся к увеличению вероятных позиций в структуре общества, или отрицательной, что может привести к угрозе стабильности и согласованности элементов идентичности индивида.

Значение диалогического подхода, по нашему мнению, состоит в том, что в нем не проводится граница и противопоставление между культурой меньшинства и доминирующей культурой. Это позволяет анализировать различные факторы (как внутренние, так и внешние), влияющие на формы конструирования идентичности, выбираемые индивидами или навязываемые им извне. Данный подход рассматривает разнообразие культур и идентичностей как динамичный процесс взаимодействия на основе диалога, непрерывного дискурса. Таким образом, имеет место постоянно изменяющаяся структура культурных позиций, действующих совместно с большим множеством разных позиций. По этой причине идентификационные стратегии существуют не как отдельные, обособленные типы, а как составляющие одновременно различные комбинации.

Роль культурного взаимодействия в формировании идентичностей

Рассмотрев и проанализировав описанные выше современные концептуальные подходы к процессу аккультурации, предлагаемые различными зарубежными исследователями, мы изучили возможности и слабые стороны их моделей в объяснении идентификационных стратегий индивидов в многокультурном обществе, условия гармонизации межкультурных отношений. Исследователи при разработке

моделей акцентируют внимание на том, что в обществе есть разные культуры, их наличие необходимо признать [Colombo, 2015], культурное разнообразие может способствовать развитию общества. Вопрос признания — равенства, равноправия, равной ценности культур общества — является основным для индивида и его идентичности.

С нашей точки зрения, при конструировании модели культурного взаимодействия необходимо принять во внимание фактор коммуникации [Шарков, Понедельков, 2018] в широком смысле — не только как непосредственный диалог представителей разных культур и идентичностей, но и как опосредованное взаимодействие с учетом новых форматов передачи информации. В современном мире именно коммуникация во многом влияет на выбор индивидом своей идентичности — то, к чему он будет стремиться, каковы его ожидания и, исходя из этого, как он будет выбирать и развивать определенную стратегию аккультурации для достижения желаемой позиции в обществе.

В обсуждаемых моделях авторов интересует прежде всего конечный результат процесса культурного взаимодействия, его варианты. В одномерных моделях целью межкультурного взаимодействия называется полная ассимиляция меньшинств, когда индивиды должны полностью встроиться в общество, потеряв свою исходную идентичность. Бикультурная модель выступает как промежуточная, не предполагая ассимиляции, но обращаясь лишь к интеграции двух культурных идентичностей. Многомерные же модели допускают множественную идентичность, при которой межкультурное взаимодействие развивается в разных вариантах стратегий.

Хотя С. Озер и рассматривает диалогическую модель, но диалог — это только одна из составляющих взаимодействия, которое сегодня происходит независимо от географического местоположения, времени суток и личного присутствия, фактически опосредованно и сводится, скорее, к позиционированию себя в глобальном пространстве, к конструированию культурных идентичностей из неограниченного множества вариантов выбора.

В результате проведенного нами анализа современных концепций культурного взаимодействия мы можем сделать вывод, что в современном обществе актуальны именно многомерные модели. Эти модели учитывают разнообразие идентификационных стратегий ввиду наличия в современных обществах множества культур, а также характеризуют два уровня взаимодействия индивидов и групп: культурное меньшинство и большинство. Тем самым акцент делается на возможном разнообразии конфигураций в межкультурных отношениях. Следует особо выделить значение выделения двух уровней взаимодействия и необходимость учета динамической обратной связи между группами меньшинств и обществом в целом. Мы считаем важным дополнить многомерную среду взаимодействия характеристикой стратегий аккультурации с позиции коммуникации и акцентировать внимание на коммуникативной среде общества, в которой в современных условиях происходит межкультурное взаимодействие. Коммуникация — фактор, который значимо влияет на выбор идентичности, Я-концепции индивида и развиваемых им стратегий, позволяет определять внешние и внутренние границы групп и тем самым преодолевать границы культурного контакта.

Заключение

Идентичность является социокультурной категорией, выражающей единство и преемственность целей, мотивов, установок личности, которая осознает себя субъектом деятельности. Трансформации в идентичности (ее множественность, гибкость, фрагментированность) обусловлены изменениями социального контекста организации жизни индивида, которые вызваны глобализацией, влиянием транснациональной экономики, широким распространением новых информационных технологий, доступностью разнообразных коммуникационных взаимодействий, резким увеличением прямых и опосредованных межкультурных контактов. Формирование идентичности в настоящее время — это не ригидная конструкция с заданным набором вариантов выбора, а процесс саморефлексивного конструирования в многокультурной среде, в ходе которого индивид постоянно определяет и переопределяет себя.

Многие положения одномерных моделей ушли в прошлое социологической теории, поскольку они не могут полностью охарактеризовать проблемы современного общества и предложить пути их решения, дать ответы на возникающие вопросы. По этой причине важно вести поиск новых форм организации культурного пространства и условий, при которых может существовать культурное разнообразие; определить направления идентификации индивидов и групп в обществе, модели межкультурного взаимодействия.

Признание наличия и значимости культурного разнообразия — необходимое условие для разработки моделей межкультурного взаимодействия. Эта особенность актуализирует поиск мер и инструментов перераспределения прав при минимизации социального неравенства. В их числе, например, меры символического признания, автономии, защиты и сохранения культур меньшинств, делегирование определенных привилегий. Также важны мониторинг и выявление групп, которые подвергаются дискриминации, например по признакам, находящимся на пересечении культуры и расы или культуры и гендера.

Расширение взаимодействия и взаимовлияния культур актуализирует поиск способов организации общественной и политической жизни, направлений взаимодействия представителей множества разнородных культурных групп. Межкультурное взаимодействие определяется стратегиями идентификации, которые принимают индивиды. Современное социологическое понимание процесса культурного взаимодействия предполагает разнообразие и инклюзию, обеспечивающую равный доступ и участие в жизни общества всех членов вместо ассимиляции как одностороннего процесса, растворения отличительных культурных идентичностей в доминирующей культуре.

Главная задача будущих исследований межкультурных отношений — характеристика культурных групп как неоднородных внутри себя с учетом всего разнообразия идентичностей их членов. Однако выделение аспектов идентичности, которые являются общими, может уменьшать их различия. Модели культурного взаимодействия являются полезной концептуальной схемой как «идеальной тип» в том смысле, в каком использовал данное понятие М. Вебер [Weber, 1978]. Однако необходим учет как факторов истории формирования конкретного общества и его культурного разнообразия, так и характера миграционных потоков и применяемых политик.

Список литературы (References)

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996.
Durkheim E. (1996) *The Division of Labour in Society*. Moscow: Canon. (In Russ.)
- Кравченко С. А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 19—22.
Kravchenko S. A. (2011) *Sociology in the movement to the interaction of theoretical and methodological approaches*. Sociological Studies. No. 1. P. 19—22. (In Russ.)
- Нарочницкая Е. А. Мультикультурализм как философско-политическая концепция // Перспективы. 2013. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php? ID=259962> (дата обращения: 19.08.2019).
Narochnitskaya E. A. (2013) *Multiculturalism as a Philosophical and Political Concept*. *Perspectives*. (In Russ.) URL: <http://www.perspektivy.info/print.php? ID=259962> (accessed: 19.08.2019).
- Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. М. : Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002.
Tönnies F. (2002) *Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology*. Moscow: University Foundation; Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум, Касталь, 1996.
Focault M. (1996) *The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality*. Moscow: Magisterium, Castal. (In Russ.)
- Шарков Ф. И., Понеделков А. В. Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 85—95. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95>.
Sharkov F. I., Ponedelkov A. V. (2018) *Coalitional Models of International Communications in the Context of Global Governance (on the Example of BRICS)*. *Vestnik RUDN. Series: International Relations*. Vol. 18. No. 1. P. 85—95. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95>. (In Russ.)
- Якушина О. И. Культурное взаимодействие и перспективы реализации межкультурной коммуникации // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 6. С. 51—59.
Yakushina O. I. (2017) *Cultural Interaction and the Prospects for the Implementation of Intercultural Communication*. *Communicology*. Vol. 5. No. 6. P. 51—59. (In Russ.)
- Berry J. W. (2016) *Diversity and Equity*. *Cross Cultural & Strategic Management*. Vol. 23. No. 3. P. 413—430. <https://doi.org/10.1108/ccsm-03-2016-0085>.
- Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. (1989) *Acculturation Attitudes in Plural Societies*. *Applied Psychology*. Vol. 38. No. 2. P. 185—206.
- Bourhis R. Y., Moise L. C., Perreault S., Senécal S. (1997) *Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach*. *International Journal of Psychology*. Vol. 32. No. 6. P. 369—386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>.

- Bourhis R. Y., Montaruli E., El-Geledi S., Harvey S.-P., Barrette G. (2010) Acculturation in Multiple Host Community Settings. *Journal of Social Issues*. Vol. 66. No. 4. P. 780—802. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01675.x>.
- Colombo E. (2015) Multiculturalisms: An Overview of Multicultural Debates in Western Societies. *Current Sociology*. Vol. 53. No. 6. P. 800—824. <https://doi.org/10.1177/0011392115586802>.
- Elliott A., Lemert C. (2006) *The New Individualism. The Emotional Costs of Globalization*. London: Routledge.
- Fanon F. (2008) *Black Skin, White Masks*. New York: Grove Press.
- Giddens A. (2000) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. London: Routledge.
- Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Gordon M. M. (1978) *Human Nature, Class, and Ethnicity*. New York: Oxford University Press.
- Hartmann D., Gerteis J. (2005) Dealing with Diversity: Mapping Multiculturalism in Sociological Terms. *Sociological Theory*. Vol. 23. No. 2. P. 218—240. <https://doi.org/10.1111/j.0735-2751.2005.00251.x>.
- Howard J. A. (2000) Social Psychology of Identities. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 367—393.
- Jenkins R. (2004) *Social Identity*. London; New York: Routledge.
- LaFromboise T., Coleman H. L. K., Gerton J. (1993) Psychological Impact of Biculturalism: Evidence and Theory. *Psychological Bulletin*. Vol. 114. No. 3. P. 395—412. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.395>.
- Lalonde R. N., Cameron J. E. (1993) An Intergroup Perspective on Immigrant Acculturation with a Focus on Collective Strategies. *International Journal of Psychology*. Vol. 28. No. 1. P. 57—74. <https://doi.org/10.1080/00207599308246918>.
- Modernity and Its Futures. (2003) Ed. by. Hall S., Held D., McLennan G. Cambridge: Polity Press.
- Nielsen H. K. (2010) Identity and Politics in Late Modernity. *The Nordic Journal of Cultural Policy*. Vol. 13. No. 2. P. 251—265.
- Ozer S. (2013) Theories and Methodologies in Acculturation Psychology: The Emergence of a Scientific Revolution? *Psychological Studies*. Vol. 58. P. 339—348. <https://doi.org/10.1007/s12646-013-0203-0>.
- Park R. E., Burgess E. W. (1921) *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Poglia E. (2006) Intercultural Communication: An Interdisciplinary Model for Institutional Contexts. *Studies in Communication Sciences*. Vol. 6. No. 2. P. 103—124.

Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*. Vol. 38. No. 1. P. 149—152. <https://doi.org/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330>.

Rose N., Miller P. (2008) *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*. London: Free Association Books.

Sayegh L., Laree J.-C. (1993) Immigrants' Adaptation in Canada: Assimilation, Acculturation, and Orthogonal Cultural Identification. *Canadian Psychology/Psychologie Canadienne*. Vol. 34 (1). P. 98—109. <https://doi.org/10.1037/h0078777>.

Schachner M. K., Vijver F. J. R. van de, Noack P. (2017) Contextual Conditions for Acculturation and Adjustment of Adolescent Immigrants — Integrating Theory and Findings. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 8. No. 1. P. 3—36. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1142>.

Schwartz S. J., Unger J. B., Zamboanga B. L., Szapocznik J. (2010) Rethinking the Concept of Acculturation: Implications for Theory and Research. *American Psychologist*. Vol. 65. No. 4. P. 237—251. <https://doi.org/10.1037/a0019330>.

Song S. (2007) *Justice, Gender, and the Politics of Multiculturalism*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490354>.

Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1978.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1637

Правильная ссылка на статью:

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

For citation:

Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

Н. Д. Трегубова ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИГРАНТ В ИНТЕРНЕТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИГРАНТ В
ИНТЕРНЕТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНО-
ВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНА-
ЦИОНАЛИЗМА В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН

TRANSNATIONAL MIGRANTS IN THE IN-
TERNET: THEORETICAL FOUNDATIONS
FOR STUDYING TRANSNATIONALISM
ONLINE

*ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна — кан-
дидат социологических наук, ассистент
кафедры сравнительной социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>*

*Natalia D. TREGUBOVA¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Assistant Professor, Chair of Com-
parative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>*

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Цель настоящей статьи — определить теоретические основания ответа на вопрос: можно ли стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных

Abstract. The paper provides a theoretical foundation to address the question whether it is possible to become a transnational migrant while using Internet resources, i.e. to be a transnational

границ? Автор приводит аргументы, которые уточняют смысл вопроса и намечают возможные ответы на него: если да — то в каком смысле, если нет — то по каким причинам? Статья включает определение транснационализма, характеристики транснациональной миграции, обоснования теоретической и эмпирической значимости распространения онлайн-технологий для изменения транснационализма. Автор дает дефиниции понятий «интернет», «всемирная паутина», «кибер», «виртуальный», «онлайн» и «офлайн» и проводит разграничение между ними. Основываясь на социологии пространства А. Ф. Филиппова, автор предлагает три возможных ответа на вопрос о том, является ли интернет пространством: 1) интернет пространственно не организован, но пространство в интернете может быть тематизировано; 2) в интернете существуют пространства, где люди являются участниками и наблюдателями социальных взаимодействий; 3) интернет представляет собой пространство (а именно пространство возможных маршрутов). На основании сформулированных положений обосновываются два типа транснационализма в режиме онлайн: транснационализм маршрутов и транснационализм мест взаимодействий. В заключение сделан вывод, что их наиболее плодотворно рассматривать в качестве идеальных типов транснационализма.

Ключевые слова: транснационализм, транснациональная миграция, интернет, онлайн-пространство, социология пространства

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-78-10049.

migrant yet not to cross national borders. The author puts forward the arguments clarifying the essence of the question and outlines possible answers to it. The paper starts with a review of definition of transnationalism, updates the notion of transnational migration and outlines the importance of online technologies for dynamics of transnationalism. The author defines and distinguishes the following concepts: “internet”, “world wide web”, “cyber” “virtual”, “online”, and “offline”. Based on A. Filippov’s sociology of space, the author provides three answers to the question of whether internet is a space: 1) Internet is not spatially organized, however, space could be thematized in the internet; 2) There are specific spaces of interaction in the internet; (3) Internet is a space constituted by online routes. In concluding part of the paper, two types of online transnationalism are proposed: ‘routing transnationalism’ and ‘transnationalism of interaction spots’. The author concludes that these two types have to be viewed as ideal types of transnationalism.

Keywords: transnationalism, transnational migration, Internet, online, sociology of space

Acknowledgments. The study was supported by Russian Science Foundation, grant no. 18-78-10049.

Постановка проблемы

Цель настоящей статьи состоит в определении теоретических оснований ответа на следующий вопрос: *можно ли стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных границ?* При видимой парадоксальности (и некоторой искусственности) данный вопрос актуален как для социальной теории, так для осмысления наблюдаемых (но не всегда замечаемых) изменений в социальной реальности.

С точки зрения теории исследовательская задача состоит в том, чтобы понять, как транснационализм, связанный с пересечением пространственных границ, изменяется вслед за развитием новых средств коммуникации? В самом общем виде транснационализм определяется как нахождение одновременно «здесь» и «там» в социальном пространстве, которое охватывает два или более национальных государства. В исследованиях миграции транснационализм понимается как «процесс, посредством которого мигранты формируют и поддерживают многоцелевые социальные отношения, связывающие между собой страны их происхождения и проживания» [Basch, Glick-Schiller, Szanton-Blanc, 1994: 7]. Транснациональный подход представляет собой «попытку осмысления возрастающей «размытости» национальных границ, при этом фиксируя их все еще важное значение как основных «референтных точек» для транснациональных мигрантов» [Кивисто, Резаев, 2015: 9]. В нашу эпоху можно наблюдать рост транснациональных миграционных потоков, одна из важнейших причин чего — развитие средств коммуникации: транспорта, денежных переводов, мобильной связи, наконец, интернета. Здесь и возникает искомая задача: понять, как появление возможности взаимодействовать через интернет и «быть» в интернете влияет на формирование и поддержание транснационализма, связанного с границами национальных государств.

С точки зрения эмпирических проявлений многочисленные исследования фиксируют важность онлайн-взаимодействий для понимания миграционных процессов. Сегодня все больше исследователей миграционной тематики рассматривают проблемы, связанные с использованием новых медиа/информационно-коммуникационных технологий, которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни мигрантов и важным условием реализации решения о миграции (см. детальный обзор в работе [Andersson, 2019]). Появляются проекты, анализирующие влияние различных медиа на поддержание и трансформацию отношений между транснациональными мигрантами и теми, кого они оставляют на своей родине (на наш взгляд, самое значительное исследование в данном направлении — анализ «полимедиа» М. Мадьяну и Д. Миллера [Madianou, Miller, 2012]). Но меняется ли сам транснационализм, или существующие тенденции лишь дополняют его, не трансформируя его сущности? Здесь мы возвращаемся к искомой теоретической задаче, выделенной выше.

В данной статье мы не стремимся дать единый и единственный ответ на поставленный вопрос. Нам представляется, что на данном этапе необходимая концептуальная работа состоит в другом — в том, чтобы наметить аргументы, которые уточнят смысл вопроса и наполнят содержанием ответы на него: если можно стать транснациональным мигрантом в интернете, не пересекая национальных

границ, — то в каком смысле, если нельзя — то по каким причинам? Ранее исследовательским коллективом, к которому принадлежит автор настоящей статьи, был сформулирован тезис: транснационализм в режиме онлайн предполагает пребывание «здесь, там и где-то еще» [Starikov, Ivanova, Nee, 2018; Трегубова, 2019]. Сейчас мы ставим задачу определить, где может находиться это «где-то еще» и как оно связано со вполне реальным пространством национальных государств.

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, сделаем два замечания о том, в каком смысле мы ставим указанный вопрос, и что, следовательно, не является предметом нашего исследования.

Во-первых, вопрос об интернете как о пространстве уже поднимался в научной литературе. Следует назвать, к примеру, работу А. Маркхэм об интернете как инструменте, месте (place) и образе жизни [Markham, 2003]. Эта автор (а вслед за ней и многие другие) рассматривает «место»/«пространство» как метафору, позволяющую фиксировать те или иные свойства интернета. А. Маркхэм рассматривает интернет как место формирования сообщества, вовлечения во взаимодействие. Границы внутри него — это границы между сообществами и группами общающихся: «Место... определяется не физическими свойствами, а тем аспектом контекста, который относится к сообществу» [ibid.: 8]. В отличие от этого определения, мы формулируем вопрос не о том, насколько плодотворно сравнивать интернет с пространством, а о том, является ли интернет пространственным феноменом. Должно ли место взаимодействия с необходимостью мыслиться в категориях пространства? Ниже мы обсудим, в каких случаях вовлеченность во взаимодействие и чувство соприсутствия, возникающие при общении онлайн, конституируют восприятие некоторых частей интернета как места.

Во-вторых, хотя для нашего анализа релевантны понятия «транснационализм» и «национальное государство», в настоящей статье мы не рассматриваем проблематику национализма и не связываем себя с ее обсуждением. Транснационализм — это пространственный феномен, поскольку он связан с национальными государствами, которые «так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается» [Филиппов, 1995: 56]. Именно в этом отношении нам и интересны указанные понятия. Транснациональное пространство конституируется транснациональными практиками¹, которые, в свою очередь, укоренены в различных местах двух или более национальных государств: оставленный дом, съемная квартира, рабочее место, главная площадь города, продуктовые магазины, кафе, метро, залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и т. д. Кроме того, транснациональные практики связаны с обсуждением произошедших событий «здесь» и «там» с родственниками и друзьями, с рассказами о родине новым знакомым, с просмотром новостей в СМИ и т. п. Проблематика национализма, в свою очередь, включает анализ национальных идентичностей, «воображаемых сообществ», национальной идеологии, структур управления и иных

¹ Мы солидарны с позицией А. М. Степанова, который определяет транснациональные практики как «типичные (повседневные для данного типа мигрантов) институционализированные формы социальной активности, которые позволяют мигрантам одновременно участвовать в социальной жизни страны исхода и принимающего общества благодаря нахождению в транснациональном состоянии. К транснациональным практикам... относятся визиты на родину, денежные переводы, гражданское участие в жизни страны исхода (формальное и неформальное), формы взаимодействия с друзьями и родственниками в стране исхода и иные явления» [Степанов, 2018: 43—44].

явлений, связанных с возникновением и существованием современных национальных государств [Фабрикант, 2016], которые выходят за рамки данного исследования. Мы не будем включаться в дискуссию о том, можно ли почувствовать себя гражданином другого государства в смысле включенности в дискурс об этом государстве: нас интересует именно пространственный опыт.

Поставленный в начале статьи вопрос может быть расширен и распространен на опыт пересечения границ внутри национальных государств — при миграции из одного региона в другой. Понятно, что это имеет смысл, если регионы сильно различаются; гораздо менее понятно, что означает «сильно различаться» и как фиксировать это эмпирически. Данная проблема достойна отдельного исследования, укажем лишь на существующие исследования «транслокальности» [Капустина, 2017], в том числе ее проявлений онлайн [Карасева, 2018].

Дальнейшее рассуждение состоит из трех частей. Первая часть проясняет понятия и предлагает рабочие определения, связанные с онлайн-активностью. Вторая рассматривает вопрос, является ли интернет пространством. В третьей части сформулированные теоретические различия прилагаются к рассмотрению поставленного вопроса: можно ли стать транснациональным мигрантом «онлайн»?

Интернет, WWW, онлайн: определение понятий

Прежде чем приступать к рассуждениям о транснационализме в режиме онлайн, следует дать определение категории «онлайн», а также понятиям, которые часто употребляются синонимично с ней². Эта работа до некоторой степени была проделана П. В. Колозаридами [Колозаридами, 2014], наша статья отчасти опирается на результаты ее исследования, отчасти полемизирует с ними³.

Интернет — это инфраструктура в виде системы спутников и протоколов передачи данных (TCP/IP), которая связывает технические устройства. На базе интернета (еще с момента его зарождения в ЦЕРН⁴) существуют многочисленные системы передачи данных; то есть интернет — это суперсистема (система связей систем связи)⁵. Одной из таких систем выступает *всемирная паутина* (World Wide Web — WWW), которая основывается на принципах гипертекстового взаимодействия через Единый указатель ресурса (Uniform Resource Locators — URL). Далеко не весь интернет является гипертекстовым, но то, что обычно понимается под ним, приходится на гипертекстовый трансферный протокол.

² Мы благодарны В. С. Старикову за плодотворную дискуссию о различиях между искомыми терминами и о значении данных различий для социологического анализа.

³ Мы согласны с общим различием интернета как «сети компьютеров и других гаджетов и серверов, соединенных с помощью сетей и протоколов» [Колозаридами, 2014: 119], и понятиями «онлайн», «кибер», «виртуальный», которые фиксируют отдельные свойства того, что происходит в интернете и подобных сетях. Мы в целом согласны с исследовательницей и в трактовке понятия «виртуальный». Несколько по-иному мы трактуем понятия «онлайн» и «кибер», а также отношения между ними.

⁴ Европейская организация по ядерным исследованиям (Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire — CERN). В русском языке применяется аббревиатура ЦЕРН.

⁵ Следует различать интернет как феномен (систему систем связи) и интернет как предмет исследования. В области исследований интернета (Internet studies) вопросы ставятся о технологиях (в том числе — в терминах инфраструктуры), а также о способах использования и о политиках регулирования этих технологий [Dutton, 2013; Sandvig, 2013], что создает возможность расширенного понимания интернета. На наш взгляд, однако, более точным будет объединять эти исследовательские вопросы под рубрикой «интернет и общество», а понятие «интернет» использовать в более узком техническом смысле.

Кибер — это контекстуальный синоним, он объединяет все сетевые взаимодействия между техническими устройствами. Так, подключение к компьютеру по bluetooth — это кибердействие, но интернет в данном случае не нужен.

Виртуальный — это философский термин, который имеет к интернету побочное отношение. Виртуальный предполагает нечто в противовес реальному. В отношении интернета виртуальный — метафора, характерная для более ранних этапов его развития. Сегодня все чаще говорят не о виртуальной, а о дополненной реальности (и это тоже метафора).

Итак, что означает *онлайн*? «Онлайн происходит именно то, что связано с установлением соединения «онлайн»» [Колозариди, 2014: 119]. Онлайн — характеристика того, что происходит при одновременном подключении нескольких устройств в одну сеть. Мы используем данный термин для обозначения принципиальной возможности доступа и получения информации в любой момент времени; он связывает все опосредованные сетевыми технологиями способы взаимодействия, а не только взаимодействия в интернете. В отличие от термина «кибер», который фиксирует факт доступа, «онлайн» обозначает возможность доступа к информации, в том числе к информации от других агентов в режиме взаимодействия в реальном времени.

Для социолога важен следующий факт. Вследствие развития интернета и иных сетей возникают многочисленные способы и формы удаленного взаимодействия между людьми (а также между людьми и программами), которые формируются под воздействием обстоятельств социальной жизни и сами формируют ее облик. Именно из повсеместного распространения онлайн-практик возникает понятие *офлайн*: это все, что происходит «не онлайн» (прежде всего, при физическом соприсутствии).

Еще одна важная характеристика онлайн, которую следует зафиксировать, такова: «Данные онлайн находятся в обычном мире повседневных взаимодействий. Не нужно никакого особенного перевода, чтобы они оказались в так называемом онлайн. Когда телефон отмечает количество пройденных шагов и может прочертить карту ваших передвижений по городу, это является переводом данных из офлайна в онлайн» [там же: 122]. Эта характеристика дает нам важное концептуальное различие: пребывание онлайн может быть *более* или *менее* связано с офлайн-практиками как с точки зрения временных режимов (выходим ли мы онлайн на три минуты или на пять часов), так и по содержанию.

Обобщая, следует сказать, что почти все (но не все), что происходит онлайн, происходит при подключении к интернету. В дальнейшем изложении мы будем использовать эти слова как контекстуальные синонимы, что связано с решающим практическим значением интернета в сравнении с другими сетями. Однако не следует забывать, что в строгом смысле это разные феномены.

Завершая данный пункт, выделим три ключевых характеристики понятия «онлайн» с точки зрения их социологического анализа: 1) онлайн-взаимодействия — это удаленные взаимодействия; 2) в онлайн-взаимодействии в качестве среды и участников часто (все чаще) выступают агенты, наделенные искусственным интеллектом; 3) пребывание онлайн представляет собой возможность переходов по сети. Ранее мы рассматривали первую и вторую характеристики, связанные собственно со свойствами онлайн-взаимодействий [Резаев, Трегубова, 2018;

2019]. Здесь мы, не забывая о первых двух, сосредоточимся на третьей. Именно в связи с ней и возникает вопрос: является ли интернет пространством?

Является ли интернет пространством?

Для ответа на вопрос, является ли интернет пространством, нужно прояснить, что мы понимаем под пространством. Проблематика социологии пространства детально обсуждалась в работах А. Ф. Филиппова, к которым мы обратимся. Не ставя задачу полного изложения теоретических конструкций этого автора, выделим из них несколько положений, наиболее важных в рамках рассматриваемой проблемы.

Первым следует привести метатеоретическое замечание: «Кажется очевидным, что все социальное как-то расположено в пространстве, но преимущественный исследовательский интерес к этой стороне социальных систем, институтов, событий, процессов, действий и взаимодействий, коммуникаций и т. п. — совсем другое дело, нежели одно лишь признание очевидного факта» [Филиппов, 2009: 3]. Данное замечание справедливо и для сети: технические устройства, каналы связи и пользователи интернета где-то расположены, но как сформулировать по этому поводу социологическую проблему?

А. Ф. Филиппов постулирует интуитивную самоочевидность физического пространства: «Мы принимаем как не требующее доказательств, что пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле не нуждается в определениях» [Филиппов, 2009: 5]. Далее его аргумент развивается: «От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и говорит о социальном пространстве как о *порядке единовременного многообразия, порядке сосуществования вообще...* Социальное пространство... с точки зрения пространства тел и мест тел оказывается метафорой, а с точки зрения общего понятия порядка — равноправной, наряду с пространством тел и мест тел, спецификацией» [Филиппов, 2009: 5]. Здесь необходимо зафиксировать два аспекта. Во-первых, пространство тел, которое интуитивно созерцается, — это лишь одна из спецификаций более общего понятия пространства. Это означает, что «пространство» может быть использовано как метафора для того, что не является собственно пространственным (в смысле самоочевидности физической территории). Во-вторых, понятие пространства предполагает одновременное существование некоторых (различных) объектов.

В развитие последнего тезиса необходимо отметить ключевую характеристику пространства: «Каждая часть пространства как такового уникальна, она немыслима во множественном числе. Именно это позволяет говорить о совершенно тождественных объектах — во всех прочих аспектах, кроме пространственного» [Филиппов, 1995: 56]. Как следствие, «любые два тела, все равно, одушевленные или неодушевленные, не могут находиться в одном и том же месте одновременно» [там же: 61]. Как мы увидим далее, эта особенность — камень преткновения при попытке концептуализации интернета как пространства.

Для аргументации этой особенности важно наличие фигуры наблюдателя (который в конечном счете оказывается и участником взаимодействия): «*Наблюдатель*

идентифицирует себя как того, кто занимает место в пространстве, и лишь постольку может наблюдать пространство чужого взаимодействия... Иметь место в таком случае значит для наблюдателя отличать свое место от других мест» [Филиппов, 2009: 6]. Фигура наблюдателя значима, поскольку предполагает рефлекссию о пространстве: «Присутствие наблюдателя позволяет другим участникам взглянуть на свое взаимодействие со стороны. Так или иначе, совершенно неотрефлексированное использование и определение пространства возможны только в диалогическом взаимодействии» [Филиппов, 1995: 61].

Наконец, А. Ф. Филиппов вводит различие между пространством как местом, пространством как местом мест и объемлющим пространством. «Наблюдатель может рассматривать пространство: а) как нечто обозримое, в том числе место данного тела или тел, и б) как большое пространство, обнимающее непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность или вместилище мест и с) как необозримое, в принципе непостижимое для созерцания» [Филиппов, 2009: 5].

После проведенной концептуальной работы вернемся к нашему вопросу, который теперь сформулируем следующим образом: *как пространственно устроен интернет?*

Это парадоксальный вопрос. Очевидно, что компьютеры, соединенные в сеть, где-то находятся. При этом очевидно также, что специфика интернета состоит как раз в том, что важно не это «где-то», а доступ к информации, которая имеет смысловую, а не пространственную характеристику. Можно ли в таком случае дать аргументированный ответ на поставленный вопрос?

Сформулируем один тезис и два контртезиса в качестве альтернативных ответов.

(1) Тезис. *Интернет пространственно не организован, но в интернете пространство может быть тематизировано.*

Интернет — это прежде всего инфраструктура доступа к информации, а информация имеет смысловую природу. «Социология пространства связана с социологией тела; социология времени — с социологией смысла» [Филиппов, 1995: 53], в некотором отношении это противоположные установки. Тем не менее, очевидно, что пространство, в том числе пространство национальных государств, может быть тематизировано⁶ в рамках информационных обменов в интернете (так, тематизация постоянно происходит в СМИ — неважно, электронных или печатных). Следовательно, онлайн-коммуникации важны для социологии пространства в той мере, в какой они это пространство тематизируют. Для транснационального подхода интернет важен в той мере, в какой он способствует тематизации национальных государств, «поверх» которых образуется транснациональное пространство.

Данный тезис легко сформулировать, он, что называется, находится на поверхности вещей. Однако языковая интуиция отчасти ему противоречит: мы часто говорим об онлайн-пространстве, интернет-пространстве, о том, что мы находимся/что-то делаем онлайн/в интернете. Скрывается ли за данным словоупотреблением плодотворная метафора, или это банальная языковая неточность? На каких

⁶ Понятие тематизации мы также заимствуем из концепции А. Ф. Филиппова, где оно характеризует пространство как тему коммуникации наблюдаемых [Филиппов, 2008: 120].

основаниях можно утверждать, что «созерцание и постижение позволяют интерпретировать и онлайн как возможное место, не превращая наше взаимодействие с компьютером в чистое взаимодействие с вещью» [Колозариди, 2014: 120]?

Основным препятствием для концептуализации интернета как пространства является то обстоятельство, что два тела не могут находиться в одном пространстве одновременно. Информация же способна находиться сразу во многих «местах». Тысячи и миллионы пользователей могут в один и тот же момент просматривать определенный сайт — и они не «столкнутся» в одном пространстве. Следовательно, если мы хотим наполнить метафору интернет-пространства более-менее непротиворечивым содержанием, нам необходимо некоторым образом определить единственность нахождения в интернет-пространстве. И здесь, как представляется, возможны два решения⁷.

(2) Контртезис I. *В интернете существуют пространства, где люди являются участниками и наблюдателями социальных взаимодействий.*

Как было отмечено выше, пространство существует там, где есть участник и наблюдатель социальных взаимодействий. В социальных сетях или групповых онлайн-играх происходят социальные взаимодействия, каждый из участников которых обладает уникальной идентичностью, отличает себя от других, и другие также отличают его от себя. Поэтому можно рассматривать, скажем, Facebook как место, а именно место взаимодействия. Либо я там сейчас есть, либо меня там сейчас нет. Я могу находиться в разных частях этого места⁸: в переписке с друзьями, в чьей-то ленте новостей (наблюдая или комментируя), на своей странице (наблюдая или редактируя) и др. В этом смысле Facebook представляет своеобразное место мест. В одно время я могу быть только в одном месте, и это место я занимаю при условии, что я вхожу в свой аккаунт. В качестве примера рассмотрим комментарий к публикации. Даже если два пользователя одновременно читают новость и пишут к ней комментарии, то чей-то комментарий отобразится раньше, чей-то — позже. При этом они займут разное место в списке комментариев (подобно тому, как в диалоге одна реплика воспринимается как первая, другая — как последующая).

Здесь следует добавить еще одно замечание: социальное взаимодействие предполагает взаимодействие тел⁹. Проявляется ли телесный аспект в он-

⁷ Исключают ли предлагаемые решения друг друга? Как будет видно далее, эти решения предполагают разное понимание пространства, однако логического противоречия между ними нет.

⁸ В компьютерных играх, если игра представляет игроку убедительную модель физического пространства, части пространства с точки зрения наблюдателя-игрока являются почти буквальными.

⁹ В социологии пространства А. Ф. Филиппова тело определяется через пространство — как «смысловой комплекс, означающий способность пребывать в пространстве, занимать место» [Филиппов, 2008: 261]. С этим «смысловым комплексом» можно работать по-разному, и в социальных науках существуют разные традиции исследования телесности. Здесь телесность интересует нас как условие взаимодействия, поэтому мы опираемся на дюркгеймианско-гофманнскую традицию [Резаев, Трегубова, 2017], которая нашла наиболее полное и систематическое развитие в теории ритуалов взаимодействия Р. Коллинза [Collins, 2004]. В рамках данной традиции телесное присутствие и ритмическая со-настройка общающихся являются важнейшими компонентами взаимодействия. При удаленных взаимодействиях присутствие и со-настройка не исчезают: они лишь достигаются ограниченными средствами, такими как скорость печати, телесная манипуляция техническими устройствами, пересылка фотографий и голосовых сообщений и т. д. (обсуждение применимости теории Коллинза к анализу онлайн-взаимодействий см. в. [DiMaggio et al., 2018]). При этом, как мы отмечали выше, не следует отождествлять вовлеченность во взаимодействие и собственное пространственный опыт: последний предполагает, помимо прочего, что два тела не могут находиться в одном месте одновременно.

лайн-взаимодействиях? Мы полагаем, что проявляется — вполне ощутимо, хотя и в меньшей степени, чем при взаимодействии лицом к лицу. Собственные действия (написание текста сообщения, пролистывание страницы, управление джойстиком в компьютерных играх) — это вполне телесные действия, причем их наборы связаны с определенным способом или способами онлайн-взаимодействий. Телесные действия другого участника взаимодействия воплощаются в скорости и ритмике ответов, в длине сообщений, в использовании смайлов и знаков препинания (которые воспринимаются как интонации голоса, смех, паузы и т. п.), иногда в голосовых сообщениях. Таким образом, телесность не исчезает.

Производным тезисом в рамках данного контртезиса является следующий: Web 1.0 не был пространством, а в Web 2.0 пространства существуют. До начала 2000-х годов интернет представлял собой собрание информационных материалов, пассивно воспринимаемых пользователями; с 2000-х годов благодаря развитию технологий и смене организующих принципов работы значительная часть информации генерируется самими пользователями при их взаимодействии друг с другом.

Разумеется, предложенная метафора имеет ограничения. Так, не совсем понятно: что значит в таком случае «поменяться местами»? Ясно, что это не означает поменяться аккаунтами (в этом случае была бы смена идентичности). Возможно, наблюдатель представляет, что он поменялся бы местами с кем-то, если бы выполнил сходное действие (поставил лайк или написал первым комментарий, оказавшись «там», увидев обновление). Но здесь, по сути, мы говорим о временном, а не о пространственном измерении (точнее, восприятие места другого участника взаимодействия зависит от последовательности его/ее действий). Тем не менее мы полагаем, что сочетание уникальной идентичности и разных мест внутри места взаимодействия (будь то социальная сеть, компьютерная игра или другой способ организации взаимодействия в интернете) делает, в теории, метафору пространства вполне применимой к некоторым частям интернета. Насколько сами участники взаимодействия воспринимают эти части сети как пространства — вопрос эмпирический.

(3) *Контртезис II. Интернет представляет собой пространство, а именно пространство возможных маршрутов.*

Рассмотрим еще один тезис А. Ф. Филиппова: «Может случиться так, что наблюдатель, собственно, не имеет места статического пребывания, но имеет определенный маршрут перемещений... [Тогда] место не синтезируется через маршруты, но определяется как место маршрутов. В свою очередь, другие наблюдатели также могут быть не статичны, но перемещаться. Таким образом, место оказывается не тем смысловым единством, каким оно могло представляться прежде, не усложнением простой, в сущности, идеи о некоторой позиции внутри все того же огромного контейнера, но подвижным местом в подвижной системе взаимодействий и наблюдений подвижных наблюдателей» [Филиппов, 2009: 7—8]. Наша активность в интернете, собственно, и характеризуется постоянными перемещениями: я начинаю «здесь», потом перехожу «сюда», «отсюда» — «туда» и т. д. Можем ли мы в таком случае говорить об интернете как о пространстве не статичных мест, но возможных маршрутов?

По-видимому, языковая интуиция фиксирует именно этот смысл в словах «в интернете»/«онлайн». Но как быть с единственностью занимаемого пространства? Возможно, единственность определяется уникальностью типичных (рутинизированных) маршрутов для меня как пользователя: да, мы можем одновременно находиться в одном месте, однако из этого места я пойду в одну сторону, а ты — в другую. Поскольку движение имеет более важное значение, чем остановки в пути, восприятие уникальности пространства при этом может и не нарушаться. Уникальность же определяется отчасти содержательной деятельностью самого пользователя, отчасти — алгоритмами, которые регистрируют историю сетевых траекторий данного устройства/аккаунта, создавая «эффект колеи»: я пойду туда, где уже раньше был/была. При этом в пространстве интернета, понимаемом как пространство маршрутов, можно бродить в одиночку, а можно встречаться с другими фланерами. А поскольку интернет (Web 2.0) создается в значительной степени самими пользователями, в ходе своих блужданий я становлюсь наблюдателем социальных взаимодействий или их результатов, даже если не участвую в них.

Как и в случае с первым контртезисом, эта наша конструкция умозрительная, и плодотворность применения метафоры остается эмпирическим вопросом. «В действии имеет силу не понятие, не образ, не общее представление о пространстве. В нем применяется практическая схема пространства, позволяющая перемещаться с места на место и воспринимать данное место как одно из множества принципиально возможных» [Филиппов, 2008: 193]. Для кого и в каких случаях это имеет место применительно к интернет-пространству — вопрос для отдельных эмпирических исследований.

Выводы: как возможен транснационализм в режиме онлайн?

Теперь мы можем вернуться к вопросу, сформулированному в начале статьи: можно ли стать транснациональным мигрантом в режиме онлайн?

Поставим более общий вопрос: когда транснационализм возникает и поддерживается онлайн? Тогда, когда то, что происходит онлайн, тесно связано с местами (пространствами) в национальных государствах. Но при каких условиях и в каких формах такое возможно? Здесь нам пригодится различие между утверждениями (1), (2) и (3), сформулированными в предыдущем пункте.

Говоря об онлайн-активности в смысле утверждения (1), мы приходим к справедливому, но банальному выводу: значительная часть транснациональных практик, в которых тематизируются национальные государства, проходит онлайн. Это, прежде всего, общение с родными и друзьями в интернете и использование электронных СМИ. Данные практики поддерживают и даже усиливают транснационализм, но не дают основания ожидать изменения сущности транснациональной миграции. Тем более нельзя стать транснациональным мигрантом без пересечения границ: в интернете можно многое *узнать* о другом национальном государстве, но нельзя в этом государстве *оказаться*.

Принятие утверждений (2) и (3) дает больше оснований для констатации принципиальной новизны транснационализма в эпоху Web 2.0. Сформулируем гипотезу о существовании двух типов транснационализма в режиме онлайн: транснацио-

нализм маршрутов (если мы принимаем (3)) и транснационализм мест взаимодействий (если принимаем (2)).

Транснационализм маршрутов связан с серфом по интернету, который проходит по маршрутам, охватывающим сайты, где тематизируются два или более национальных государства, включая опыт пребывания в них. Ключевые вопросы здесь следующие. Насколько разница между структурой и содержанием сайтов определяется национальными государствами? Насколько ими задается структура переходов (сами маршруты)? Насколько легко попасть из одного «национального уголка» сети в другой? Наконец, насколько сильно тематизируется само пространство национальных государств?

Транснационализм мест взаимодействий связан с пребыванием в местах, где происходят онлайн-взаимодействия, тематизирующие два или более национальных государства, включая опыт пребывания в них. В данном случае важны именно опыт пребывания, интенсивность тематизации и переживания этого опыта во взаимодействии. Если при транснационализме маршрутов мы говорим о пространстве интернета, которое отображает пространства национальных государств и связи между ними, то при транснационализме мест взаимодействий важны места встреч, контактов, обмена информацией и опытом между представителями разных национальных государств. В первом случае транснационализм создается общей структурой переходов, во второй — взаимодействием в конкретных местах.

Ясно, что оба выделенных типа способствуют поддержанию и даже усилению уже существующего транснационализма, но позволяют ли они стать транснациональным мигрантом, не пересекая географических границ? Нам представляется, что в предельном случае позволяют: или через опыт путешествий по переплетенным национальным пространствам внутри интернет-пространства маршрутов, или через переживание опыта транснациональных взаимодействий. Однако эмпирически это требует очень строгих (невероятных) условий, поэтому более плодотворно рассматривать транснационализм маршрутов и транснационализм взаимодействий как идеальные типы в веберовском смысле слова [Вебер, 1990].

Существуют ли транснациональные пространства онлайн, удовлетворяющие искомому требованию хотя бы отчасти? Это эмпирический вопрос, который требует отдельных исследований, в том числе наших собственных. Однако уже сейчас можно высказать предположение, что воспринимаемое единство интернета, возможно, преувеличено, многое в его разнообразии определяется пространственными границами¹⁰. Национальные (региональные) социальные сети выглядят и воспринимаются по-разному; один и тот же язык (будь то русский, английский или другой) имеет национальную и региональную специфику употребления в разных частях интернета, поэтому люди не всегда могут понять друг друга; поисковики разных стран ищут информацию по-разному, обучаясь на выборках разных пользователей, и т. д. В этом отношении сформулированные идеальные типы позволяют

¹⁰ При этом интернет, безусловно, глобален. Следует вспомнить о парадоксальности процессов глобализации: «Глобальное пространство предполагает движение — поскольку оно размежевано, изборождено. Глобальное пространство предполагает, однако, отсутствие движения — именно потому, что оно гладкое, без рубежей и препятствий. Оно оборачивается то тем, то другим, и нельзя говорить о преобладании одной характеристики. Но зато о каждой из них можно говорить по отдельности» [Филиппов, 2012: 17].

зафиксировать важные (пусть и не преобладающие) тенденции. А именно этого мы и хотим от социальной теории.

Список литературы (References)

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 345—416
Weber M. (1990) The Objectivity of the Sociological and Social-Political Knowledge. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress. P. 345—416. (In Russ.)

Карасева А. Транслокальный Магадан: виртуальное соседство в ВК-паблике «MGDN Магадан» // Бельская Е., Бородулина А., Герасимова А., Глазков К., Дорофеева О., Карасева А., Королева Д., Ляликова Д., Миронова Т., Орехов Б., Паукова А., Пишлэгер К., Томилова Е., Тренихина М., Фомичева Т., Чумакова В. Интернет по ту сторону цифр : сб. ст. конф. М. : Литрес, 2018. С. 51—64.
Karaseva A. (2018) Translocal Magadan: Virtual Neighborhood in VK-Public «MGDN Magadan». In: Belskaya E., Borodulina A., Gerasimova A., Glazkov K., Dorofeeva O., Karaseva A., Koroleva D., Lyalikova D., Mironova T., Orekhov B., Paukova A., Pishleger K., Tomilova E., Trenikhina M., Fomicheva T., Chumakova V. *Internet Beyond Numbers: coll. of conf. art.* Moscow: Litres. P. 51—64. (In Russ.)

Капустина Е. Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. Т. 397. № 5. С. 26—34.
Kapustina E. L. (2017) Between The North and The Land: Road from West Siberia to Dagestan as an Element of Social Space og Translocal Migrant. *Sotsiologicheskie Issledovania*. Vol. 397. No. 5. P. 26—34. (In Russ.)

Кивисто П., Резаев А. В. Введение // Современные проблемы исследований миграции и транснационализма / под ред. П. Кивисто, А. В. Резаева. СПб. : ООО «Типография Палитра», 2015. С. 7—14.
Kivisto P., Rezaev A. V. (2015) Introduction. In: Kivisto P., Rezaev A. V. (eds.) *Current Issues in Transnationalism and Migration Studies*. St. Petersburg: ООО «Tipografija Palitra». P. 7—14. (In Russ.)

Колозариди П. В. Чем онлайн отличается от офлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии // INTER. 2014. Т. 1. № 7. С. 117—123.
Kolozaridi P. V. (2014) What is the Difference between Online and Offline and What Theoretical Sense is in This Difference. *INTER*. Vol. 1. No. 7. P. 117—123. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 1. С. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) New Media and 'Smart Things': How Do New Technologies Objectify the Distinction between Social Intercourse and Communication? *Bulletin of Moscow State University. Ser. Journalism*. No. 1. P. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Социология общения в поле социальных наук // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 133—162. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-133-162>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2017) The Sociology of Social Intercourse in the Social Sciences. *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 2. P. 133—162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-133-162>.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 5—21.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) An Explorative Potential and Limits of Niklas Luhmann's Systems Theory for Studying Interplay Online. *Communications. Media. Design*. Vol. 3. No. 4. P. 5—21. (In Russ.)

Степанов А. М. Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 38—49. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876>.

Stepanov A. M. (2018) Transnational Practices: On the Issue of Defining the Concept. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 38—49. (In Russ.) <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876>. (In Russ.)

Трегубова Н. Д. Можно ли стать мигрантом в интернете? Как онлайн-культура меняет транснациональную миграцию в XXI веке // Молодежь XXI века: образ будущего / Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14—16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2019. С. 494—495.

Tregubova N. D. (2019) Is it Possible to Become a Migrant in the Internet? Impact of On-line Culture on Youth Migration in the XXI century. In: Skvortsov N. G., Asochakov Yu. V. (eds.) *The Youth of the XXI century: The Image of the Future. Proceedings of XIII Kovalevskie Chtenia*. St. Petersburg: Skifia Print. P. 494—495. (In Russ.)

Фабрикант М. С. Сравнительные количественные исследования наций и национализма: вечный поиск теоретических оснований // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции / под ред. А. В. Резаева, П. Кивисто. 2016. Т. II. СПб. : Скифия-принт. С. 29—42.

Fabrykant M. S. (2016) Comparative Quantitative Research on Nations and Nationalism: Perpetual Search of Theoretical Foundations. In: Rezaev A. V., Kivisto P. (eds.) *Current Issues in Transnationalism and Migration Studies*. Vol. II. St. Petersburg: Skifia-Print. P. 29—42. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. № 5. С. 8—23.

Filippov A. F. (2012) Paradoxical Mobility. *Otechestvennyye Zapiski*. No. 5. P. 8—23. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 3—15.

Filippov A. F. (2009) The Applied Sociology of Space. *The Russian Sociological Review*. Vol. 8. No. 3. P. 3—15. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008.

Filippov A. F. (2008) Sociology of Space. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45—69.

Filippov A. F. (1995) The Elementary Sociology of Space. *Sociologicheskij Zhurnal*. No. 1. P. 45—69. (In Russ.)

Andersson K. B. (2019) Digital Diasporas: An Overview of the Research Areas of Migration and New Media Through a Narrative Literature Review. *Human Technology*. Vol. 15. No. 2. P. 142—180. <https://doi.org/10.17011/ht/urn.201906123154>.

Basch L., Glick-Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994) Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. New York: Gordon and Breach.

Collins R. (2004) Interaction Ritual Chains. Princeton University Press.

DiMaggio, Bernier C., Heckscher C., Mimno D. (2018) Interaction Ritual Threads: Does IRC Theory Apply Online? In: Weinger E. B., Lareau A., Lizardo O. (eds.) *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. Routledge. P. 99—142.

Dutton W. H. (2013) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field. In: *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press. P. 1—23.

Madianou M., Miller D. (2012) Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia. London: Routledge.

Markham A. N. (2003) Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being. URL: <https://annetmarkham.com/writing/MarkhamTPW.pdf> (accessed: 06.12.2019).

Sandvig C. (2013) The Internet as Infrastructure. In: *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press. P. 86—106.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Nee M. L. (2018) Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 213—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.17>.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1622

Правильная ссылка на статью:

Попов Н. П. Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 420—440. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1622>.

For citation:

Popov N. P. (2020) Donald Trump and voters: assessments of the key issues. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 420—440. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1622>.

Н. П. Попов

ДОНАЛЬД ТРАМП И ИЗБИРАТЕЛИ: ОЦЕНКИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ

ДОНАЛЬД ТРАМП И ИЗБИРАТЕЛИ: ОЦЕНКИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ

ПОПОВ Николай Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-MAIL: popovnpkm@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2168-2157>

DONALD TRUMP AND VOTERS: ASSESSMENTS OF THE KEY ISSUES

Nikolay P. POPOV¹ — Dr. Sci. (Hist.),
Leading Research Fellow

E-MAIL: popovnpkm@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2168-2157>

¹ Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье на основе изучения обширного массива результатов опросов общественного мнения в США рассматриваются отношения американцев к деятельности президента Дональда Трампа. Анализ общественного мнения за время его президентства показывает, что многие американцы не разделяют подходы Трампа к ключевым проблемам внутренней и внешней политики. На основании этих оценок

Abstract. Based on a vast number of US public opinion surveys the article considers the American attitudes towards the activities of President Donald Trump. The analysis of public opinion during his presidency shows that many Americans do not approve of President Trump's approach to the key domestic and foreign issues. These public assessments might shape voting decisions during the upcoming elections in November 2020.

будут формироваться электоральные намерения американских избирателей на предстоящих президентских выборах в ноябре 2020 года.

Американцы положительно оценивают действия Трампа в сфере экономики, отмечая экономический рост в стране, снижение безработицы, высказывая положительные прогнозы на будущее. В то же время многие отмечают, что от снижения налогов выиграли, прежде всего, богатые слои, при этом среди небелого населения большинство негативно оценивает экономическую политику Трампа. Также критически большинство американцев оценивают политику Трампа по отмене, радикальному изменению системы медицинского страхования, принятой при Бараке Обаме («Обамакер»).

Одним из первых шагов Трампа в области экологии и изменении климата стал выход США из Парижского соглашения по изменению климата. Тогда же, в 2017 г., опросы показали, что большинство населения против этого — 53%, в то время как поддержали этот шаг лишь 30%.

По главным вопросам иммигрантской политики Трампа общественное мнение в основном определилось: американцы готовы принять незаконных иммигрантов, приехавших детьми, они против строительства стены на границе с Мексикой и считают, что число иммигрантов должно оставаться таким же, как сегодня, или увеличиться, а не сокращаться. Эти оценки идут вразрез политике Трампа.

53% избирателей считают, что «президент США Дональд Трамп не говорил

Americans positively assess Trump's activities in economy: they point to economic growth, a decrease in unemployment rate and expect positive changes. However, many of them emphasize that tax cuts have mainly benefited the rich, whereas the majority of non-white population perceives Trump's economic policy in a negative way. In addition, most of Americans are extremely negative about the radical changes to the ACA (ObamaCare).

US withdrawal from the Paris Agreement on climate change was one of the first Trump's environmental initiatives. At that time, in 2017, the surveys showed that a large majority of the population was against that (53%), whereas only 30% supported the decision.

As to immigration policies, Americans have picked a side: they are ready to accept illegal immigrants who came to the country as children; they are opposed to the construction of the US-Mexico border wall and say that the number of migrants should be the same as today or even rise but not go down. These assessments go contrary to Trump's policies.

Fifty-three percent of the voters consider that "US President Donald Trump did not tell the truth about his policy towards Ukraine"; 54% say that "he abused his power regarding Ukraine"; 52%, that Trump was impeding congressional investigation into his actions regarding Ukraine. And 48% believe that Trump committed crimes as president (44% oppose that).

Most Americans are critical of the Trump's actions during the coronavirus outbreak, especially at a starting stage.

правду о своей политике в отношении Украины»; 54 % — что он «злоупотребил своими полномочиями в действиях относительно Украины»; 52 % — что Трамп препятствовал конгрессу в расследовании его действий по отношению к Украине. И 48 % считают, что Трамп совершал преступления на посту президента, 44 % так не думают.

Большинство американцев критически оценивают действия президента Трампа во время эпидемии коронавируса, особенно в начальной фазе кризиса.

В целом деятельность Трампа на посту президента 50 % американцев оценивают отрицательно, 40 % положительно и 10 % не имеют мнения. Лишь в области экономики положительные оценки превышают отрицательные — 50 %: 39 %.

Ключевые слова: общественное мнение, политика президента Трампа, «трампизм», экономика США, иммиграция, стена на границе с Мексикой, оценка деятельности президента, выборы

On the whole, 50% of Americans assess President Trump's performance in a negative way; 40% give positive assessments; 10% have no opinion. Economy is the only area where positive assessments outweigh the negative ones (50% vs 39%).

Keywords: public opinion, President Trump's policies, trumpism, immigration, elections, US economy, US-Mexico border wall, assessment of presidential performance

Президентская избирательная кампания в США в полном разгаре, и хотя многое еще может произойти до выборов в ноябре, что повлияет на их исход, результаты правления Дональда Трампа на посту президента достаточно ясны как для его сторонников, так и для противников. Многие аналитики считают, что деятельность и риторика Трампа до предела поляризовали американское общество — не только по партийной идентификации на «демократов» и «республиканцев», но и по этническому признаку — на «белых» и «небелых» избирателей, образованных и тех, кто не окончил колледжа или университета, мужчин-избирателей и женщин-избирательниц. Как никогда различаются избирательские намерения двух самых молодых возрастных когорт и остальной Америки.

Оценки деятельности и личности Трампа в прессе и в социальных сетях диаметрально противоположны — от того, что он худший президент за всю историю, до того, что он лучший, или, по крайней мере, такой, какой сейчас нужен Америке.

В социальных сетях часто встречаются подобные характеристики деятельности Трампа: «Этот человек — угроза нашей демократии. Все, что обещал, это дема-

гогия, популизм или прямой обман. Большинство его высказываний, особенно в Твиттере, расходятся с фактами. Он обещал рабочему классу снижение налогов на 30 %, этого не произошло — от снижения налогов выиграли миллиардеры и корпорации. Разрушил систему «Обамакэр», не создав эффективную замену. Он рассорил нас со всеми друзьями и союзниками. Он выступает с расистскими утверждениями, оскорблениями в адрес женщин».

На другом полюсе люди, которые видят в президентстве Трампа одни достижения: «Экономика страны на подъеме, большинство чувствуют улучшение своего финансового положения благодаря политике Трампа; безработица на рекордно низком уровне; от снижения налогов выиграли все слои населения; все чувствуют низкую инфляцию, дешевый бензин и дешевые продукты; он строит стену, которая остановит незаконную иммиграцию; он ведет себя твердо и уверенно на мировой арене, укрепляет НАТО, заставил Северную Корею остановить ядерную программу, дает отпор российскому вмешательству в американские выборы».

Наконец, многие полагают, что политика и стиль правления Трампа отражают дух времени, доминирующие настроения американского общества — Америка получила президента, которого она заслуживает: «Это президент, которого мы заслужили, он отражает взгляды обычного американца: озлобленного и запуганного, неуверенного в себе, аморального, потерянного, неспособного сосредоточиться, исключительно самоуверенного, легко поддающегося лести о своем величии, не верящего в науку и влюбленного в свои гаджеты. Немудрено, что американцы проглатывают вранье Трампа и его безумные идеи, они не видят в нем ничего дурного, а если что увидят, тут же забывают. Он так на них похож. Он наш новый образец». Такие наблюдения также изобилуют в сети.

Наконец, многие упрекают Трампа за его нередко грубые и неосмотрительные высказывания в Твиттере («Но на выборах осенью избиратели будут судить не по твитам, а по делам, которые все говорят в его пользу»).

Таблица 1. Какие наиболее важные проблемы определяют ваше решение, за кого голосовать на выборах президента? (возможны несколько ответов, в %)

Экономика	53
Здравоохранение	48
Иммиграция	40
Образование	36
Контроль над оружием	33
Национальная безопасность/внешняя политика	33
Социальное страхование	29
Изменение климата	28
Национальный долг/дефицит бюджета	26
Назначения в Верховный суд	23
Импичмент	19
З/о, нет ответа	2

Источник: Suffolk University/USA TODAY. January 2020. URL: <https://www.suffolk.edu/academics/research-at-suffolk/political-research-center/polls/national#collapse-January> (дата обращения: 13.04.2020).

В остающиеся до выборов полгода трудно ожидать каких-то особых побед или провалов Трампа. Оценки конкретных действий президента, результатов его внутренней и внешней политики за три года на посту уже известны и создают достаточно противоречивую картину. При этом оценки Трампа в различных сферах жизни страны и областях его деятельности будут иметь разный «вес» при принятии избирателями решения, за кого голосовать. Таблица 1 иллюстрирует, как американцы оценивали важность проблем при выборе кандидата в президенты в начале 2020 г.

Экономика страны и личные заботы

Оценивая состояние экономики в конце третьего года правления администрации Трампа, большинство американцев (73%), по данным исследования Университета Квиннипиак, считали его «отличным» или «хорошим» — это наивысшая оценка с 2000 г. Лишь 25% считали его «не очень хорошим» или «плохим». При этом 45% полагали, что на будущий год состояние экономики еще улучшится, 31% — что ухудшится, 25% не смогли дать оценку. Распределение оценок состояния экономики по социальным слоям и группам приведено в таблице 2.

Таблица 2. Как бы вы оценили состояние экономики страны — как отличное, хорошее, не очень хорошее, или плохое? (в %)

Варианты ответа	Всего	Республиканцы	Демократы	Независимые	Муж.	Жен.	Белые	Афроамериканцы	Испаноязычные	18—34	35—49	50—64	65+
Отличное	26	56	6	22	34	19	31	10	21	18	21	34	32
Хорошее	47	37	57	48	47	48	48	38	45	43	55	44	48
Не очень хорошее	19	6	28	20	14	23	15	33	23	26	18	17	15
Плохое	6	1	7	7	4	7	4	17	6	9	7	4	4
Затрудняюсь ответить	2	—	2	3	1	3	1	2	4	4	—	1	2

Источник: Quinnipiac University Poll. December 16, 2019. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3652>

Сторонники демократической партии оценивают состояние экономики существенно ниже, чем республиканцы, но все же и среди них положительные оценки преобладают — 63%. Лишь в одной социальной группе негативные оценки перевешивают позитивные 50%: 48% — среди афроамериканцев.

Однако на электоральное поведение в еще большей степени влияют оценка собственного благополучия и ожидание улучшения в будущем, что связывается в массовых представлениях с политикой властей. В оценках будущего материального положения представителей различных слоев тоже преобладают оптимистические ожидания (см. табл. 3).

Таблица 3. Как вы оцениваете свое материальное положение в будущем — с оптимизмом или пессимизмом? (в %)

Варианты ответа	Всего	Республиканцы	Демократы	Независимые	Муж.	Жен.	Белые	Афроамериканцы	Испаноязычные	18—34	35—49	50—64	65+
С оптимизмом	79	89	71	82	83	76	80	78	73	75	79	83	79
С пессимизмом	18	8	26	16	15	20	16	21	26	23	18	14	16
Затрудняюсь ответить	3	3	3	3	3	4	3	2	1	2	2	2	5

Источник: Quinnipiac University Poll. December 16, 2019. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3652> (дата обращения: 13.04.2020).

Трамп не перестает подчеркивать, что безработица за время его президентства снизилась до рекордного уровня за 50 лет — 3,5%. Это добавляет оптимизма американцам и способствует росту числа избирателей, собирающихся голосовать за Трампа. Безусловно, экономические успехи расширяют электоральную базу президента: если в целом 43% зарегистрированных избирателей одобряли деятельность Трампа на посту президента и 53% не одобряли, то среди тех, кто оценивает экономику страны как отличную или хорошую, 56% одобряют работу Трампа на посту президента, и лишь 40% не одобряют¹. При прочих равных условиях американцы выбирают президента, который обеспечивает растущую экономику.

В то же время положительные оценки экономики и своего благосостояния не превращаются в полную поддержку Трампа, «капитана» экономического корабля: при соотношении положительных и отрицательных оценок экономики 73%: 25%, собственных финансов 79%: 18%, все же одобрение/неодобрение работы президента в большей степени негативное — 43%: 52%².

В исследовании Гэллапа отмечается, что в умах американцев уживаются положительные оценки экономики страны с продолжающимся беспокойством по поводу личных экономических проблем. 40% респондентов утверждают, что у них растут долги или они едва сводят концы с концами. Конкретные области экономических забот и опасений в 2019 г. по сравнению с 2016 г. сведены в таблицу 4.

Как видно из таблицы 4, при рекордном росте экономики страны личные финансовые проблемы и беспокойство уменьшились лишь незначительно за время правления администрации Трампа. Кроме того, исследование показало, что есть две области беспокойства, охватывающие больше половины населения: нехватка средств на лечение серьезных заболеваний и отсутствие накоплений на старость, — которые могут свести на нет положительную оценку избирателями экономики в целом. Различные опросы показывают, что личное экономическое положение воспринимается не так радужно, как экономика страны. Согласно ре-

¹ Quinnipiac University Poll. December 16, 2019. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3652> (дата обращения: 13.04.2020).

² Ibidem.

зультатам опроса NBC News/Wall Street Journal, 39% респондентов говорят, что их благосостояние улучшилось, 42% — что не изменилось, и 18% — что ухудшилось³.

Таблица 4. **Личные финансовые проблемы**

	2016 г.	2019 г.	Изменение в %
Выплата долга по кредитам	21	20	-1
Оплата обучения детей в колледже	37	36	-1
Оплата нормального медицинского обслуживания	45	42	-3
Аренда жилья или квартплата	34	30	-4
Оплата по счетам	41	36	-5
Оплата лечения в случае серьезных заболеваний	60	51	-9
Поддержание достаточного уровня жизни	51	42	-9
Нехватка накоплений на жизнь в старости	64	54	-10

Источник: Despite U.S. Economic Success, Financial Anxiety Remains // Gallup Polling matters. July 12, 2019. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/260570/despite-economic-success-financial-anxiety-remains.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

Важно, что, отмечая улучшение экономического положения в стране во время президентства Трампа, американцы не ставят это в заслугу исключительно ему (см. табл. 5).

Таблица 5. **Как бы вы оценили состояние экономики страны во время президентства Трампа? (в %)**

Варианты ответа	Сентябрь 2019	Июнь 2018	Июнь 2017
Положение в экономике улучшилось, и частично это заслуга Трампа	46	44	38
Положение в экономике улучшилось, но это произошло не благодаря Трампу	25	27	22
Особого улучшения в экономике не произошло	26	25	37
Положение в экономике не улучшилось	1	1	—
Не уверен	2	3	3

Источник: NBC News/Wall Street Journal Survey. Study # 19357. Sept. 2019. URL: <https://s.wsj.net/public/resources/documents/19357NBCWSJSeptemberRegisteredVoterPollFinal.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

При этом большинство американцев (69%) считает, что от нынешнего экономического роста выигрывают лишь богатые, в то время как люди с низкими доходами, без образования на уровне колледжа и пожилые, напротив, испытывают растущие

³ NBC News/Wall Street Journal Survey. Study # 19357. September 2019. URL: <https://s.wsj.net/public/resources/documents/19357NBCWSJSeptemberRegisteredVoterPollFinal.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

трудности. Две трети (64 %) населения говорят в опросах, что бедные страдают от того, что происходит в экономике, 62 % то же говорят о людях, не окончивших колледж, и 62 % — о пожилых⁴.

Поскольку средний класс в значительной мере определяет «дух времени», в том числе электоральные настроения в обществе, важно знать оценку жизненных условий его представителей. Опросы показывают, что и средний класс мало получает от нынешнего улучшения в экономике страны. Так, 58 % населения полагают, что состояние экономики ухудшает положение среднего класса Америки, и 32 % считают, что улучшает⁵.

Борьба с «Обамакер»

При оценке экономического положения — своего и страны — американцы выделяют три главных фактора, от которых она зависит: уровень доходов, зарплаты; возможности трудоустройства; стоимость медицинского обслуживания. Неудивительно, что американцы критически оценивали политику Трампа по отмене, радикальному изменению системы медицинского страхования «Обамакер» (Affordable Care Act, ACA), принятой при Б. Обаме. При самой общей постановке вопроса — «Одобряете ли вы отмену программы медицинского страхования «Обамакер»?» — за отмену выступили 43 %, против — 52 %⁶.

Отношение к этой программе стало результатом поляризации в обществе, в том числе по партийной линии. Программа была разработана и превращена в закон демократами и демократическим президентом Б. Обамой. Ее достоинства были оценены как экспертами, так и многими американцами, на которых она распространялась. За время ее действия число лиц, не покрытых медицинским страхованием, сократилось на 43 %; 20 миллионов американцев впервые получили доступ к страхованию, в том числе 3 миллиона афроамериканцев и 4 миллиона испаноговорящих жителей. Однако оценки программы оказались крайне политизированы. С самого начала действия программы она попала под огонь критики республиканцев в конгрессе, которые успели с 2010 г. внести в палате представителей 60 поправок к закону в попытках ее урезать, сократить ее финансирование или вообще отменить⁷. Само присвоенное разговорное название «Обамакер» подсказывало, что это «козни» демократов во главе с Обамой.

Придя в Белый дом, Д. Трамп избрал программу одной из мишеней для нападок на демократов, и не без успеха. Число сторонников программы лишь немного превышает процент тех, кто поддерживает попытки Трампа отменить программу. Так что роль борьбы вокруг «Обамакер» на выборах пока не ясна — принесет ли она дополнительные голоса Трампу или сократит его электорат. На выборах избиратели будут оценивать состояние здоровья своих семей и финансовые затраты

⁴ Most Americans Say the Current Economy Is Helping the Rich, Hurting the Poor and Middle Class // Pew Research Center Survey. December 11, 2019. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2019/12/11/most-americans-say-the-current-economy-is-helping-the-rich-hurting-the-poor-and-middle-class/> (дата обращения: 13.04.2020).

⁵ Ibidem.

⁶ NBC News/Wall Street Journal Survey. Study # 19357. September 2019. URL: <https://s.wsj.net/public/resources/documents/19357NBCWSJSeptemberRegisteredVoterPollFinal.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

⁷ Why public opinion on ObamaCare should worry us all // The Hill. URL: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/healthcare/284217-why-public-opinion-on-obamacare-should-worry-us-all> (дата обращения: 10.04.2020).

на его поддержание в том числе под влиянием своей партийной принадлежности. Избиратели-демократы отмечают в опросах, что откладывают серьезное лечение из-за высокой стоимости с тех пор, как Трамп пришел к власти, и ожидают ухудшение проблем с лечением, если он останется в Белом доме еще на один срок⁸.

Экологические проблемы, опасность изменения климата

Одним из первых шагов Трампа в области экологии и изменения климата стал выход США из Парижского соглашения по изменению климата. Тогда же, в 2017 г., опросы показали, что большинство населения против этого — 53%, в то время как поддержали этот шаг 30%⁹. С тех пор население критически оценивало различные меры Трампа по ослаблению контроля над загрязнением окружающей среды.

Так, многие возражали против отмены жестких норм по автомобильным выхлопам, принятым в 2013 г. для Калифорнии. В частности, опрос Гэллапа 2018 г. показал, что 66% американцев выступают за введение более жестких стандартов по автомобильным выхлопам. Также две трети возражали против планов Трампа заморозить экологические стандарты по топливу вместо продолжения программы Обамы по ужесточению стандартов к 2025 г.¹⁰

Изменение климата, которое многими специалистами трактуется как угроза выживанию человечества, вызывает смешанную реакцию публики. Хотя эта проблема стоит во второй половине списка наиболее актуальных проблем, все же 51% американцев, по данным Гэллапа, сильно обеспокоены глобальным потеплением и считают, что оно превратится в серьезную угрозу еще при их жизни. Опрос Pew Research показал, что 57% американцев считают «глобальное изменение климата значительной угрозой благосостоянию Соединенных Штатов»¹¹.

В нынешнем году выборов немаловажно, что по данным экологическим проблемам и вопросам глобальных климатических изменений демократы занимают позицию, более созвучную массовым настроениям, в то время как Трамп скорее озабочен отменой большинства программ, начатых демократическим предшественником Барак Обамой.

Иммигранты и стена

С самого начала своей избирательной кампании в 2016 г. Трамп делал упор на проблеме иммиграции, беженцев с Ближнего Востока и незаконных иммигрантов из Латинской Америки, поскольку эти проблемы в опросах общественного мнения занимали первые места как наиболее острые, волнующие избирателей. Будучи сторонником радикальных, быстрых, эффективных мер, он выбрал запрет

⁸ Emotional Partisanship Driving Views of Healthcare // Gallup. Polling matters. December 18, 2019. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/272108/emotional-partisanship-driving-views-healthcare.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

⁹ Trump Fails to Reach Beyond Base As Independents' Disapproval Grows // NPR. Politics. June, 2017. URL: <https://www.npr.org/2017/06/28/534602973/trump-fails-to-reach-beyond-base-as-independents-disapproval-grows> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁰ Newport F. The Environment, Climate Change in the News // Gallup. Polling Matters. September 24, 2019. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/267011/environment-climate-change-news.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

¹¹ Ibidem.

на въезд иммигрантов из нескольких недружественных Америке стран и строительство стены на границе с Мексикой.

К этому моменту в общественном мнении не было явно выраженной позиции по поводу стены, ее вялотекущее строительство мало освещалось в прессе. Тем не менее Трамп сделал «стену» главной темой своей избирательной кампании с соответствующей риторикой. «Я построю великую стену — и никто не строит стены лучше меня, поверьте мне, — и я построю очень дешево. Я построю великую, великую стену на нашей южной границе, и я заставлю Мексику заплатить за эту стену. Запомните мои слова»¹². Называя так стройку, Трамп, очевидно, намекает на Великую Китайскую стену, предполагая также, что проект, как в Китае, вызовет единение нации вокруг лидера. Этого, однако, не произошло.

К началу кампании большинство американцев мало что слышали про «стену», особого мнения на эту тему не имели. Созданное во время кампании «общественное мнение» было отражением лозунгов, которые с яростью в адрес мексиканских иммигрантов провозглашал Трамп. «Когда Мексика посылает к нам своих людей, они посылают не самых лучших... Они везут наркотики. Они приносят криминал. Они насильники... Хотя некоторые, я полагаю, хорошие люди»¹³.

В целом, несмотря на риторику Трампа, американцы придерживаются традиционных оценок роли иммигрантов в жизни страны. Так, в исследовании Гринелл Колледж в октябре 2019 г. 70 % респондентов выразили точку зрения, что «иммигранты обогащают американскую культуру», лишь 12 % сказали, что они представляют угрозу американской культуре. 61 % считают, что приток иммигрантов оказывает положительное влияние на американскую экономику¹⁴.

Общее отношение к вопросу, следует ли сохранить численность иммигрантов на нынешнем уровне, увеличить или уменьшить, показано на рис. 1.

По конкретным аспектам иммиграционной политики, в развитие общей цели Трампа «сократить иммиграцию вдвое», он предложил «справедливый компромисс» с конгрессом, включающим четыре основных пункта:

- возможность получения гражданства для DREAMers — незаконных иммигрантов, которые прибыли в страну детьми;
- строительство стены на границе с Мексикой с увеличением финансирования пограничной службы;
- прекращение лотереи въездных виз;
- запрет на спонсорство американскими гражданами получения грин-карт их взрослых детей, родителей, братьев и сестер.

Уже по прошествии половины президентского срока Трампа отношение американцев к этим аспектам иммиграционной программы в основном определилось. Свыше 70 % поддержали получение гражданства лицами, нелегально приехавшими в страну детьми (74 % «за» при 21 % «против», по данным Pew Research Center¹⁵).

¹² What Does TRUMPISM Mean? // Cyber Definitions. URL: <https://www.cyberdefinitions.com/definitions/TRUMPISM.html> (дата обращения: 13.04.2020).

¹³ Ibidem.

¹⁴ Grinnell College National Poll. October 17—23, 2019. URL: <https://www.grinnell.edu/sites/default/files/docs/2019-10/GCNP%20Toplines%20Oct%202019.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁵ Ibidem.

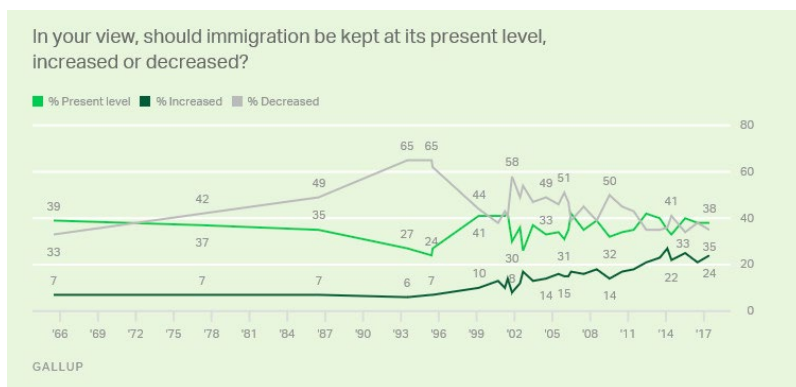

Рис. 1. По вашему мнению, следует ли иммиграцию сохранить на нынешнем уровне, увеличить, или уменьшить?¹⁶

Со строительством «стены» Трамп не попал в унисон с массовыми представлениями: американцы идею не поддерживают. При этом чем больше Трамп ее восхваляет — «я построю великую стену», тем больше американцы отвергают эту программу, по данным многих опросных центров. Ближе к средней оценке результаты CBS News: 61% против строительства стены, 35% ее поддерживают¹⁷.

По более специфическим аспектам иммиграции — прекращение лотерей по визам или спонсорство получения грин-карт для родственников — большинство американцев не имеют сложившегося мнения. о по другим вопросам уже известно, что американцы готовы принять незаконных иммигрантов, приехавших детьми, они против строительства стены на границе с Мексикой и они считают, что число иммигрантов должно оставаться таким же, как сегодня, или увеличиться, а не сокращаться.

Трамп во внешней политике

Традиционно американцам свойственен изоляционизм, парадоксально сочетающийся с мессианскими амбициями играть важную, если не ведущую роль в мировой политике. В одних своих высказываниях и действиях во внешнеполитической сфере Трамп идет в согласии с общественным мнением, в других его политика вызывает неприятие избирателей. Как и по многим проблемам внутренней жизни, оценки его действий американцами сильно политизированы — одобряются республиканцами и отвергаются демократами.

Американцы в целом — семь из десяти человек — считают, что США должны играть «лидирующую» или «важную» роль в «решении международных проблем», но при этом за «лидирующую» роль выступают 23%, а за «важную» — 49%. Большинство американцев (80%) выступают за развитие НАТО — больше, чем

¹⁶ Источник: Polls show Americans are closer to Democrats than Donald Trump on immigration // Vox Contribute. February, 2018. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/2/3/16959458/immigration-trump-compromise-public-opinion> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁷ Most Americans Support DACA, Oppose Border Wall // CBS News Poll. January 13—16, 2018. URL: https://drive.google.com/file/d/1zdp6AIzGfOeBv2QH4RS0E_YEYOKQzUUI/view (дата обращения: 13.04.2020).

за последние полвека; при этом наряду с требованиями, чтобы союзники по НАТО довели свое финансовое участие в организации до оговоренного в уставе. Трамп подтвердил «очень сильное» участие Америки в НАТО¹⁸.

Иерархия целей страны во внешней политике выглядит следующим образом. На первом месте, по мнению населения, стоит борьба с терроризмом. Затем следует предотвращение распространения ядерного оружия; далее — защита путей поставки источников энергии; создание справедливой политики мировой торговли; обеспечение безопасности союзников; развитие международного сотрудничества; лишь затем — поддержка гражданских прав и продвижение демократии. На этом общем фоне формируются оценки действий Трампа по конкретным внешнеполитическим проблемам.

Так, большинство, хотя и незначительное (48%: 43%) одобрило рейд авиации, приведший к **убийству иранского генерала Солеймани**, считавшегося одним из главных организаторов иранского терроризма. Но в то же время 54% высказали точку зрения, что политика администрации Трампа по отношению к Ирану усилила опасность военного конфликта между странами. Эти оценки даются на фоне представлений, что «администрации Трампа нельзя доверять в ситуации с Ираном» — так думают 55%, при 45% полагающих, что доверять можно¹⁹.

Иранская тема станет важной в дискуссиях избирательной кампании 2020 г. и во время выборов. Однако наиболее важными темами в предвыборной борьбе и в решении избирателей будут, наряду с экономическими проблемами, политика в отношении Украины и взаимоотношения с Россией.

Украина присутствует в американской избирательной кампании 2020 г. прежде всего не как иностранное государство, нуждающееся в американской помощи в противостоянии российскому давлению, а как продолжение американского политического пространства, на котором президент Трамп борется с представителями конкурирующей политической партии. В процессе «украинагейт» забыта первоначальная проблема — поставлять ли туда военную помощь, в частности современное наступательное оружие для борьбы с Россией, а главной темой политической борьбы стало обвинение Трампа в том, что он придерживал военную помощь Украине, требуя в обмен компромат на главного своего противника на предстоящих выборах — демократа Дж. Байдена. Эта политическая комбинация, противоречащая американскому законодательству и общепризнанной морали, едва не стала причиной импичмента Трампа в январе 2020 г.

Импичмент, как известно, не состоялся, но настроения американцев, прежде всего избирателей, сформировавшиеся в то время, вероятно, скажутся на их решении в ноябре. Так, 53% избирателей, по данным опроса университета Квиннипиак, считают, что «президент США Дональд Трамп не говорит правду о своей политике в отношении Украины»; 54% уверены, что он «злоупотребил своими полномочиями в действиях относительно Украины»; по мнению 52%, Трамп

¹⁸ Despite U. S. Economic Success, Financial Anxiety Remains // Gallup. Polling matters. July 12, 2019. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/260570/despite-economic-success-financial-anxiety-remains.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁹ By a Narrow Margin, Americans Say Senate Trial Should Result in Trump's Removal // Pew Research Center. Survey of U. S. January 8—13, 2020. URL: <https://www.people-press.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/01/1-22-20-Impeachment-for-release-2.0.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

препятствовал конгрессу в расследовании его действий по отношению к Украине. Однако в соотношении 48%: 47% избиратели в конце января высказались против отстранения Трампа от должности. Но обвинения Трампа в злоупотреблении полномочиями останутся, и тема почти состоявшегося импичмента будет тянуть рейтинг президента вниз.

В разгар процесса импичмента как бы случайно возник **«мирный план» Трампа по урегулированию израильско-палестинского конфликта**. Проблема существует уже семь десятилетий, и все попытки ее решения сменяющимися правительствами были безуспешны. Разрабатываемый три года план Трампа, в котором главную роль играет зять Трампа Джаред Кушнер, по заявлениям Администрации президента США, самый всеобъемлющий план за всю историю конфликта, позволяющий создать независимое палестинское государство с большими новыми возможностями, и в том числе с территорией в два раза большей нынешних земель, занимаемых палестинцами. План по большей части был готов в конце лета 2019 г., и его аспекты уже полгода обсуждались в Израиле, Палестинской автономии и США. Но, очевидно, его обнародование было приурочено к финалу импичмента, чтобы повлиять на его исход.

Особого влияния на результат голосования в сенате план не оказал, но его обсуждение может повлиять на выборы в ноябре, в частности, на голосование еврейской общины. В целом еврейские избиратели больше поддерживают демократических кандидатов: две трети считают себя сторонниками демократической партии, лишь треть — республиканской. Но по столь важной для еврейской общины проблеме, как поддержка Израиля, еврейские избиратели могут голосовать «по проблеме» — «issue voting», а не из партийной лояльности. Кроме того, «независимые» избиратели, не причисляющие себя ни к одной партии, могут более объективно, «беспартийно» оценивать деятельность президента, и многое зависит от успешности или неуспешности плана. Здесь события могут развиваться по разным сценариям.

Первой реакцией руководства Палестинской автономии было осуждение плана Трампа, отказ от переговоров, утверждение, что план придуман для разрушения импичмента, обеспечения поддержки Израиля, и прежде всего для подъема авторитета Нетаньяху накануне выборов в кнессет. Осудили «делку века» и американские демократы — план Трампа «увековечит существующий конфликт», заявил Берни Сандерс, один из ведущих кандидатов на президентских выборах.

В то же время отношение палестинцев к аспектам плана нельзя назвать полностью отрицательным. Опрос общественного мнения палестинцев на Западном берегу Иордана, в Секторе Газа и Иерусалиме в июне-июле 2019 г., когда стали обсуждаться детали плана, показал более осторожные, взвешенные оценки (см. рис. 2).

Больше половины палестинцев предлагают подойти к плану Трампа взвешенно, не отвергать его с порога, и четверть считает необходимым изучить его официальную версию. Тем не менее, треть предлагает отвергнуть план, чтобы продемонстрировать «твердость нашей позиции». Однако престарелое руководство Палестинской автономии может смениться, сторонники компромисса могут способствовать продвижению плана, что поможет успеху Трампа на выборах.

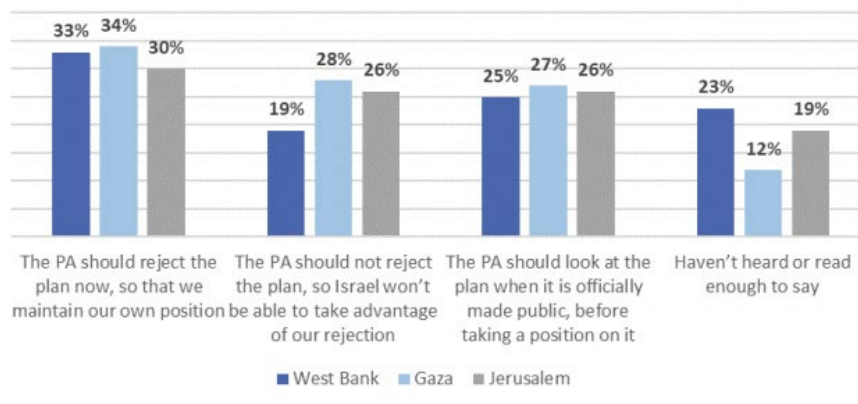

Рис. 2. Президент Трамп заявил, что он представит план мира между палестинцами и Израилем — какое высказывание ближе к вашему мнению?

- (1) ПА должна отказаться от плана, чтобы сохранить свою позицию;
- (2) ПА не следует отклонять план, чтобы Израиль не смог использовать наш отказ в свою пользу;
- (3) ПА следует рассмотреть план, когда он будет официально предложен и тогда выработать свою позицию;
- (4) Ничего не знаю о плане²⁰

Отношения с Россией постоянно присутствовали в избирательной кампании Трампа, в его деятельности на посту президента, будут играть важную роль и в избирательной кампании 2020 г. Нынешнее присутствие России в американской политической жизни было, вероятно, сравнимо с периодом разрядки Никсона — Брежнева или «новых отношений» Рейгана — Горбачева. Впервые после «маккартизма» 1950-х годов «российский фактор» в американской политической жизни возник во время выборов 2016 г. Тогда представители демократической партии, многие политологи и журналисты высказывали обвинения Трампу в том, что он пытался использовать российские связи для влияния на американских избирателей, и это помогло ему выиграть выборы с незначительным отрывом от кандидата демократов Хилари Клинтон.

Эти обвинения со стороны конгресса вылились в создание специальной комиссии Роберта Мюллера для расследования возможных связей избирательного штаба Трампа с теми или иными российскими органами или лицами. Комиссия работала два года и, хотя убедительных доказательств таких связей не нашла, определенные свидетельства о контактах и попытках повлиять на избирательную кампанию стали известны, что отразилось в оценке общественного мнения. Половина опрошенных полагали, что расследование комиссии Мюллера «имеет большое значение для страны», и 78% настаивали, чтобы расследование продолжалось (The Washington Post. January 24, 2018).

В результате обсуждения работы комиссии в прессе у большинства американцев сложилось представление, что Россия пыталась повлиять на выборы, и что люди из окружения Трампа, члены его штаба сотрудничали с российскими организациями, «координировали» свои действия с «русскими». В одном опросе

²⁰ Источник: The Times of Israel, August 3, 2019. URL: <https://www.timesofisrael.com/palestinians-prefer-wait-and-see-approach-to-trump-peace-plan-poll/> (дата обращения: 13.04.2020).

52 % избирателей высказали точку зрения, что «избирательная кампания Трампа вступила в сговор с российскими властями, чтобы повлиять на исход выборов 2016 г.» (Forbes, Jan. 30, 2018).

Комиссия Мюллера закончила свою работу в 2019 г., представив отчет конгрессу. Но ее результаты и выводы не дали общественности однозначных выводов о причастности Трампа к сговору с российскими организациями, которые могли бы послужить основой для импичмента. Тем не менее это расследование и материалы прессы создали в обществе представление, что Трамп так или иначе был связан с Россией, пользовался услугами российских политехнологов или хакеров. Эти представления, в свою очередь, влияли на выработку администрацией Трампа политики в отношении России — всегда существовала опасность попасть под обвинения в «сговоре» с российскими властями.

Действия и риторика Трампа в отношении России сочетали в себе выражение стремления к договоренностям, установлению «хороших отношений» и отпор «российской агрессивности». В результате этих колебаний от «коллораации» до «отпора» общественное мнение по отношению к России за время правления Трампа существенно ухудшилось (рис. 3).

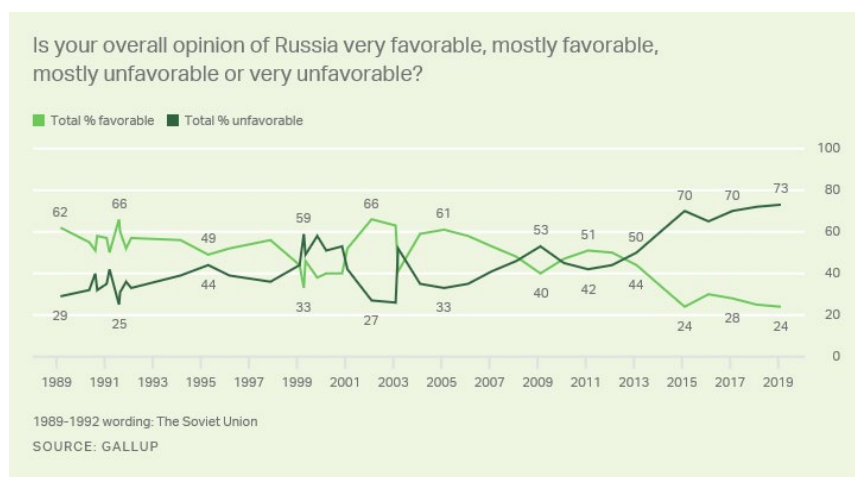

Рис. 3. «Каково ваше общее отношение к России — полностью благоприятное, в основном благоприятное, в основном неблагоприятное или полностью неблагоприятное?»²¹

В силу амбивалентности общественного мнения вообще и отношений американцев к России в частности, эти массовые представления и оценки могут достаточно резко изменяться, что подтверждает опыт последних десятилетий. При отсутствии острых конфликтов в российско-американских отношениях они, как и другие проблемы внешней политики во время выборов, будут менее значимы, чем внутривыборные темы. Однако резкий поворот в этих отношениях может выдвинуть Россию на авансцену предвыборных дискуссий.

²¹ Gallup. In Depth: Topics A to Z. Russia. URL: <https://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

Импичмент и выборы

С самого начала разговоров о расследовании обвинений против президента Трампа в нарушении законов и препятствовании правосудию значительная часть населения поддерживала такие расследования хотя бы в принципе. Для многих американцев это не было чем-то немыслимым — они помнили прецеденты с Р. Никсоном и Б. Клинтонем, когда обвинения президентов оказались обоснованными. Другое дело, что в первом случае до отстранения президента от власти дело не дошло, президент сам подал в отставку, а во втором случае сенат вынес оправдательный вердикт. Но сам факт расследования президента одобряется. Так, в октябре 2019 г. в начале процедуры импичмента в палате представителей 44 % поддержали этот шаг, в то время как 42 % не поддержали. При этом все же большинство, хотя и незначительное, высказывалось против импичмента — 44 %: 42 %²².

Это настроения по поводу самого акта отрешения президента от власти в случае определения его виновности палатами конгресса. В то же время большинство американцев выражали негативное отношение, возмущение по поводу действий, высказываний президента, которые стали известны из материалов слушаний, статей в прессе. Так, подавляющее большинство респондентов (81 %) высказали осуждение действий Трампа, пытавшегося «заручиться помощью иностранного правительства, чтобы выиграть выборы» (речь идет о попытке Трампа получить у украинского президента компрометирующий материал на сына Дж. Байдена, главного соперника на ближайших выборах)²³.

Другие компрометирующие, скандальные детали поведения Трампа во время прошлой избирательной кампании стали известны во время расследований и слушаний по поводу импичмента. Но, как и с иными «тефлоновыми» президентами, чьи рейтинги периодически падали, но потом снова «восставали из пепла» (родоначальником этой традиции «непотопляемости» был Рональд Рейган), они наносили лишь незначительный ущерб рейтингу Трампа — большинство выступало против импичмента. Большинство, хоть и не очень значительное, все же считало, что, находясь на посту, президент вел себя недостойно, совершал противоправные, преступные действия. Но при этом то же большинство считало, что «увольнения» он не заслужил. Сходные оценки американцы давали и во время двух предыдущих процессов импичмента — президентов Никсона и Клинтона. В случае Никсона большинство считало, что и обвинения обоснованы, и их тяжесть такова, что президента надо сместить с поста, что фактически и произошло — под угрозой отрешения от власти сенатом Никсон подал в отставку. Обвинения Клинтону большинство поддержало, но сочло их недостаточными для отстранения от власти, и он усидел на своем посту²⁴. Оценка в общественном мнении обвинений в адрес Трампа в процессе импичмента приводится в таблице 6.

²² Grinnell College National Poll. October 17—23, 2019. URL: <https://www.grinnell.edu/sites/default/files/docs/2019-10/GCNP%20Toplines%20Oct%202019.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

²³ Ibidem.

²⁴ Lance Tarrance V. Trump's Impeachment and Opinion Formation in the Digital Age // Gallup. Polling matters. November 8, 2019. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/267977/trump-impeachment-opinion-formation-digital-age.aspx>

Таблица 6. Как вы считаете, совершил ли президент Трамп какие-либо преступления, находясь на своем посту? (в %)

	Всего	Республиканцы	Демократы	Независимые	Муж.	Жен.	Белые	Афроамериканцы	Испаноязычные	18—34	35—49	50—64	65+
Да, совершил	48	5	86	45	44	51	42	71	59	57	50	40	44
Нет, не совершил	44	89	9	42	50	39	51	13	39	31	42	52	49
Затрудняюсь ответить	8	5	6	14	6	10	7	16	3	12	7	7	6

Источник: Quinnipiac University Poll. December 16, 2019. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3652> (дата обращения: 13.04.2020).

По мере разбирательства в сенате становились известны все новые факты, которые если и не квалифицировались как преступления и не усиливали возможность импичмента, явно воспринимались населением, избирателями как неблагоприятные или вредные для Америки, и уменьшали число избирателей, готовых проголосовать за него на выборах.

Пандемия коронавируса

Несмотря на то что имидж президента во время процесса импичмента был существенно подпорчен, в целом рейтинг его деятельности в результате победы в сенате достиг рекордной высоты за время его пребывания на посту — 49 % одобряющих и 50 % неодобряющих (по данным Гэллапа)²⁵. В конце января большинство аналитиков прогнозировали сохранение высокой поддержки Трампа до выборов, а при росте числа сторонников среди «независимых» и продолжении экономического роста — серьезные шансы Трампа на победу на выборах.

Однако в рутинное течение политики вмешался неожиданный фактор — пандемия коронавируса. Здесь в полной мере проявились черты Трампа как руководителя, на которые указывали критики все три года его правления: отсутствие опыта государственного управления, авторитарный стиль руководства, самоуверенный характер личности, отсутствие самокритики. Первый месяц развития эпидемии в США, в феврале, контроль над ситуацией был практически потерян. Вместо быстрых и решительных управленческих действий Трамп демонстрировал непонимание проблемы, хвастливые заявления, попытки переложить вину на других — «китайцев», «европейцев», администрацию Обамы. Многим запомнились его афоризмы: «скоро это рассеется, как мираж», «я в этом не виноват», «мы делаем классную работу», «у нас великолепная система тестирования» (когда ее вообще

²⁵ President Trump Job Approval // Real Clear Politics. 2020. URL: https://www.realclearpolitics.com/epolls/other/president_trump_job_approval-6179.html (дата обращения: 13.04.2020).

не было), «ситуация у нас полностью под контролем», «к Пасхе, 12 апреля, мы снова откроем страну», «сейчас прекрасное, прекрасное время».

В результате бездействия и неверных шагов федеральной власти уже в конце марта США вышли на первое место в мире по числу инфицированных и числу смертей от коронавируса. Распространение эпидемии по стране и провалы системы здравоохранения в сдерживании вируса привели к росту критики властей и президента. Довольно быстро стали нарастать критические оценки ситуации и деятельности правительства в общественном мнении. Уже в середине марта 53 % не доверяли тому, что Трамп говорит про эпидемию, лишь 30 % доверяли (March 10—15 NBC News/Commonwealth Fund poll²⁶). При этом 89 % опасаются, что кто-либо из их родных и близких заразится вирусом, 9 из 10 американцев говорят, что эпидемия уже ударила по их образу жизни. В целом 61 % американцев считают, что президент Трамп оказался неподготовленным к кризису, 52 % полагают, что его действия «хаотичны» и «ошибочны», и 51 % считают, что он «безответственный» лидер²⁷.

Вторжение коронавируса в американскую жизнь значительно изменило течение политического процесса: избирательная кампания будет теперь в значительной степени зависеть от успехов или неудач правительства и президента Трампа в борьбе с эпидемией и ее последствиями.

Оценка деятельности на посту президента

В конце третьего года президентства Трампа американцы невысоко оценивали его работу. Наряду с общей оценкой избиратели оценивали также успешность/неуспешность его деятельности по различным направлениям, как показано в таблице 7.

Таблица 7. *Одобрите ли вы или не одобряете деятельность Дональда Трампа (в %)?*

	Одобрю	Не одобряю	Не уверен
В целом как президента	40	50	10
В области экономики	50	39	10
По проблемам иммиграции	40	53	7
По торговле с Китаем	38	48	14
По поводу военных действий в Сирии	32	51	17
Как образец для подражания	26	66	8

Источник: Grinnell College National Poll. October 17—23, 2019. URL: <https://www.grinnell.edu/sites/default/files/docs/2019-10/GCNP%20Toplines%20Oct%202019.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

Как показывают эти данные, население одобряет лишь действия Трампа в области экономики, при этом с различными оговорками, как отмечено выше.

²⁶ Edsall Th. B. Covid-19 Is Twisting 2020 Beyond All Recognition // The New York Times. April 1, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/01/opinion/coronavirus-politics-election.html?action=click&module=Opinion&pgtype=Homepage> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁷ So much for Trump's polling bump // Washington Post. April 3, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/04/05/so-much-trumps-bump/> (дата обращения: 13.04.2020).

Суммарная же оценка его деятельности на посту президента в большей степени негативная, чем позитивная, и это отмечалось в опросах за все время его правления. Такого не было за все послевоенное время. С другой стороны, разница между долей одобряющих работу президента и долей неодобряющих не была столь значительной, как это случалось во время президентства Никсона и Рейгана, — больше 20%. Например, замеры общественного мнения в разгар процедуры импичмента в конце января — начале февраля 2020 года дали не слишком большое различие в оценках: от 41% одобряющих и 55% неодобряющих в опросе Politico/Morning Consult до 49% одобряющих и 50% неодобряющих в опросе Гэллапа. Среднее соотношение для 13 опросов в это время, по подсчетам Real Clear Politics, составило 45,2%: 51,8%. То есть за оставшееся до выборов время Трампу надо добрать 5% сторонников, а политическая история США знала и большие колебания в настроениях избирателей²⁸.

В то же время следует иметь в виду, что подвижки в одобрении работы президента не происходят равномерно по всем социальным слоям и группам, которые значительно различаются по своей идеологии, политическим ориентациям и оценкам политических партий и фигур. Как отмечалось выше, личность и политика Трампа поляризовали американское общество. Детальное исследование Института Гэллапа различий взглядов различных социальных слоев и групп в оценке Трампа приведено в таблице 8.

Таблица 8. Положительная оценка деятельности Трампа на посту президента представителей подгрупп населения (в %)

	Взрослое население в целом	Республиканцы	Независимые	Демократы
Вся выборка	41	89	34	5
Мужчины	48	89	40	9
Женщины	34	90	26	3
18—29 лет	28	81	24	5
30—49 лет	39	89	31	5
50—64 года	46	92	42	5
65+	48	90	46	6
Консерваторы	73	94	57	11
Умеренные	29	78	28	6
Либералы	10	70	15	3
Колледж и выше	33	85	30	4
Незакончившие колледж	44	91	36	6
Белые	51	92	44	6
Небелые	18	72	18	4

Источник: Jones J. M. Subgroup Differences in Trump Approval Mostly Party-Based // Gallup Politics. March 29, 2019. <https://news.gallup.com/poll/248135/subgroup-differences-trump-approval-mostly-party-based.aspx> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁸ President Trump Job Approval // Real Clear Politics. February 7, 2020. URL: https://www.realclearpolitics.com/epolls/other/president_trump_job_approval-6179.html (дата обращения: 13.04.2020).

Американские исследователи общественного мнения отмечают, что основные различия в оценках Трампа проистекают прежде всего из партийной ориентации исследуемых групп. Данные показывают, что основное различие в поддержке Трампа — между республиканцами и демократами, 89% и 5%. Такого различия не было в последние десятилетия. Единственное отклонение от этой «партийной лояльности» — 11% поддержки Трампа демократами, характеризующими свои взгляды как консервативные.

Среди основных социально-демографических групп сложились следующие различия в уровне поддержки Трампа. Мужчины в большей степени положительно оценивают деятельность Трампа на посту президента, чем женщины, белые в три раза больше поддерживают Трампа, чем небелое население, зажиточные слои и средний класс — больше, чем бедные. При этом основу поддержки в этих группах составляют люди, считающие себя республиканцами. Две социальные группы выделяются из этого ряда как поддержкой, так и критикой Трампа. Одна группа, составляющая наиболее устойчивый слой избирателей Трампа, это белые без образования уровня колледжа и выше, среди них одобрение деятельности Трампа составляет максимум — 59%. С другой стороны, наименьшей поддержкой Трамп пользуется среди молодежи 18—29 лет — лишь 28% из них одобряют работу Трампа на посту президента. Поскольку в этом слое всего 17% причисляют себя к республиканцам, 32% к демократам и 51% — к независимым, они не связаны партийной лояльностью республиканской партии и высказывают взгляды, критические по отношению к политике Трампа. Это поколение «миллениалов», которые вместе с самым молодым «Поколением Z» на выборах осенью могут составить уже около 40% и помешать переизбранию Трампа на второй срок. Но только в том случае, если они придут на выборы — традиционно молодежь участвует в выборах в меньшей степени, чем старшие возрастные группы, но уже на промежуточных выборах 2018 г. явка молодежи выросла на 20% по сравнению с предыдущими выборами.

Заключение

Дональд Трамп привнес в американскую политическую жизнь, предвыборную борьбу, внутреннюю и внешнюю политику ряд черт, отличающих его от других американских президентов послевоенного времени, позволившие многим аналитикам и прессе называть его политику и стиль руководства страной трампизмом. Вначале, во время предвыборной кампании и дебатов кандидатов, под этим термином понимались в основном его грубость, вульгарность шуток, «народность» стиля, популизм в противовес людям истеблишмента из «вашингтонского болота», которых он вознамерился разогнать. Постепенно этот образ приобрел более конкретные политические черты, включая плохо скрываваемый расизм, женоненавистничество, ксенофобию и национализм, борьбу с иммиграцией, сокращение социальных пособий и налоговые послабления в пользу богатых слоев. Во внешней политике это тарифы, направленные на сокращение импорта, изоляционизм, конфликты со многими странами под лозунгом «Америка превыше всего».

Часть этих черт «трампизма» сработала во время избирательной кампании 2016 г., приведя Трампа в Белый дом. Однако анализ общественного мнения за время его президентства показывает, что большинство американцев не раз-

деляют подходы Трампа к основным проблемам внутренней и внешней политики. Так что если Трампу удастся эффективными мерами накануне выборов и умелой популистской риторикой привлечь большинство избирателей на свою сторону и добиться переизбрания, тем не менее можно сказать, что «трампизм» не стал новой американской идеологией, заместив традиционные идейные течения — либеральную демократию и неоконсерватизм.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.938

Правильная ссылка на статью:

Назаров А. Д., Назарова Е. А. Миграция как новая революция в современной Европе. Рец. на кн.: Крастев И. После Европы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 441—449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.938>.

For citation:

Nazarov A. D., Nazarova E. A. (2020) Migration as a new revolution in modern Europe (Book review: "After Europe" by Ivan Krastev). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 441—449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.938>.

А. Д. Назаров, Е. А. Назарова
МИГРАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ.
РЕЦ. НА КН.: КРАСТЕВ И. ПОСЛЕ ЕВРОПЫ.
М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС, 2018

МИГРАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ. РЕЦ. НА КН.: КРАСТЕВ И. ПОСЛЕ ЕВРОПЫ. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС, 2018

MIGRATION AS A NEW REVOLUTION IN MODERN EUROPE (BOOK REVIEW: "AFTER EUROPE" BY IVAN KRASTEV)

НАЗАРОВ Александр Данилович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института иностранных языков, Московский авиационный институт, Москва, Россия
E-MAIL: prof.nazarov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6235-9102>

Alexander D. NAZAROV¹ — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of Advertising and PR, Institute of Foreign Languages
E-MAIL: prof.nazarov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6235-9102>

¹ Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

НАЗАРОВА Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета международной журналистики, МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-MAIL: helena_nazarova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8710-9281>

Аннотация. В 2018 г. была издана на русском языке книга известного политолога Ивана Крастева «После Европы». Хотя в международном политическом дискурсе поднятая в ней тема об истоках, современных трудностях развития и о будущем Европейского союза, переживающего миграционный кризис, широко обсуждается в экспертном сообществе, в научной публицистике нашей страны ее многие аспекты до сих пор не получили распространения.

В связи с этим в статье сделана попытка дать краткий обзор идей этого учебного, подробнее остановиться на роли массового притока в Европу мигрантов с Ближнего Востока, Южной Азии и Северной Африки в политической дестабилизации, расцвете ультраправого популизма, непростых вопросах, вставших перед странами Восточной Европы, а также тревожной политической и экономической перспективе, ожидающей всю Европу в случае распада ЕС.

Ключевые слова: беженцы, миграционный кризис в Европе, Евросоюз, национальные интересы, этноконфликтный потенциал миграции, интеграция иммигрантов, ксенофобия

Elena A. NAZAROVA² — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology, Faculty of International Journalism
E-MAIL: helena_nazarova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8710-9281>

² MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. After Europe written by Ivan Krastev, a famous political scientist, was published in Russian in 2018. Despite the fact that the topics of the origin, the current migration challenges and the future of the EU raised in the book are widely discussed internationally, its many aspects have not gained widespread popularity in the Russian scientific literature.

The article attempts to outline Krastev's ideas with an emphasis on the role that the flow of migrants who come to Europe from the Middle East, South Asia and North Africa plays in political destabilization. The review also touches upon the outbreak of far-right populism, difficult questions facing the Eastern European countries, as well as an uneasy political and economic situation a possible collapse of the EU might lead to.

Keywords: migration crisis in Europe, European Union, national interests, xenophobia, refugees, migrant potential for ethnic conflicts, immigrant integration

В самом начале своей работы Иван Крастев предпринимает смелую попытку сопоставления двух исторических моментов в жизни Европы, разделенных целым столетием. Первый — во многом роковой для европейской цивилизации распад многонациональной Австро-Венгерской империи, прервавший эксперимент по уравниванию в рамках единого государства интересов наций с абсолютно разными идеями и традициями, чтобы все они «могли и дальше продолжать жить своей особой жизнью, но в то же время ограничили национальный суверенитет до такой степени, чтобы обеспечить мирное и эффективное сосуществование» [Крастев, 2018: 10]. Второй — нынешнее тревожное положение дел в Евросоюзе, стоящем на пороге дезинтеграции и распада подобно Габсбургской империи, которое автор склонен оценивать в качестве результата незавершенности первого эксперимента. Архитекторы европейского проекта, — по его мнению, — заставили себя поверить, что, избегая слова на букву «д», можно гарантированно миновать катастрофу. «Вместо того, чтобы сделать интеграцию необратимой, они предпочли сделать дезинтеграцию немислимой», — остроумно замечает И. Крастев [там же: 11].

Действительно, по иронии судьбы страх дезинтеграции парализовал политических лидеров и простых граждан Европы в момент наибольшей ее интеграции [там же: 12]. Так, финансовый кризис сделал идею банковского союза реальностью, а необходимость действенного ответа на угрозу терроризма подтолкнула европейцев к невиданному доселе сотрудничеству в сфере безопасности. В то же время множественные кризисы, переживаемые Европой сегодня, напротив, обратили простых немцев к проблемам греческой и итальянской экономик, а поляков и венгров — к немецкой миграционной политике. «С ужасом думающие о распаде европейцы не замечают, — пишет автор, — что сегодня Евросоюз ближе, чем когда-либо к «сообществу судьбы» [там же].

К такому настрою европейскую общественность подталкивает печальная судьба СССР, одной из двух сверхдержав, «рухнувшей без войны, вторжения инопланетян или иной катастрофы, если не считать одного нелепого и неудачного переворота» [там же: 13]. Его руководители, облаченные огромной властью и ответственностью, исходили из представлений о каком-то сказочном мире, в котором вдруг перестало действовать геополитическое противоборство, где мировые державы забыли о своих не только геополитических, но и экономических интересах. «Не случайно, — пишет известный российский ученый профессор Е. Н. Мошелков, — что в рамках этих совершенно неадекватных представлений о мировой политике даже наше стратегическое поражение в холодной войне подавалось чуть ли не как «победа»» [Мошелков, 2014: 37—38]. И этот распад действительно произошел на глазах удивленной Европы и всего мира вопреки всем представлениям об этой державе как «слишком большой, чтобы рухнуть, слишком устойчивой, чтобы пасть, слишком вооруженной, чтобы быть поверженной, и пережившей слишком много потрясений, чтобы просто обвалиться» [Крастев, 2014: 13].

Ныне, как и столетие назад, — подчеркивает И. Крастев, — европейцы переживают период, когда «парализующая неизвестность захватывает воображение общества» [там же], прежде немислимый распад ЕС начинает казаться неиз-

бежным, а недавний горький опыт учит, что «если некое событие кажется нам абсурдным и нелогичным, это еще не значит, что оно не может произойти» [там же: 14]. Так, социологические опросы показывают, что большинство британцев, немцев, французов видят, что мир движется к большой войне, внешние угрозы разделяют, а не скрепляют европейский континент. Более того, одно из таких исследований показало немыслимый ранее результат — в случае серьезной угрозы безопасности жители минимум трех государств — членов ЕС (Болгарии, Греции и Словении) будут ожидать поддержки от России, а не от Запада! Видимо, скандальное появление на политическом небосклоне Дональда Трампа — первого американского президента, не считающего сохранение Евросоюза стратегической задачей внешней политики США [там же: 15].

Не менее удручающим, подтачивающим ЕС изнутри автору представляется кризисное состояние европейской модели социального государства. Современный европейский капитализм давно освободился от ограничений, навязанных ему после Второй мировой войны, в результате чего прославленное «налоговое государство» обернулось «долговым». Так, вместо перераспределения налоговых поступлений от богатых к бедным европейские государства обеспечивают свою финансовую стабильность за счет дефицита бюджетов, занимая у будущих поколений, а избиратели утратили возможность влиять на рынок, что подтачивает сам фундамент послевоенного мира [там же: 16].

Тем самым будущее процветание Европы перестает казаться чем-то безусловным. Большинство ее жителей считает, что жизнь сегодняшних детей будет сложнее их собственной и, как показывает миграционный кризис, иммиграция вряд ли улучшит демографическую ситуацию в Европе, где к 2050 г. средний возраст достигнет примерно 52 года против 37,7 в 2003 г. [там же: 15]. Автор, несомненно, прав, что после окончания холодной войны и расширения ЕС его официальные власти, были зачарованы социальной и политической моделью объединенной Европы, сформировали совершенно некритическое представление о векторе истории.

Предполагалось, что глобализация ослабит роль государств в качестве ключевых международных акторов, а также и национализма — как основного ресурса политической мобилизации. Но здесь идеологи Евросоюза жестоко просчитались — пример Китая, Индии, России, большинства мусульманских стран свидетельствует, что именно этнический национализм и религия остаются главными движущими силами в мировой политике, а потрясший Европу миграционный кризис показал, что похороненные национальные идентичности с новыми силами возвращаются и дают о себе знать в современной Европе [там же: 17—18].

Новая реальность, при которой Старый Свет утратил свое центральное положение в глобальной политике и веру собственных граждан в то, что его политический выбор может определять будущее остального мира, заставил ученых и политиков искать адекватный ответ. В частности, И. Крастев выдвигает и отстаивает довольно жесткую конструкцию концепции «После Европы», исходя из того, что континент переживает кризис идентичности, а наследие европейского христианства и Просвещения находятся под угрозой, что предполагает если не конец Европейского союза, то необходимость расстаться с наивными представлениями и надеждами на будущее Европы и мира [там же: 19].

Характеризуя свою книгу как размышления о судьбе Европы в духе грамшианского «пессимизма разума, оптимизма воли», автор верит, что «поезд дезинтеграции давно покинул центральный вокзал Брюсселя и на всех порах мчит к неразберихе на континенте и глобальной неопределенности», когда «дружелюбная среда толерантности и открытости вполне может смениться агрессивным невежеством». И хотя дезинтеграция, по его мнению, не обязательно приведет к войне, она может вызвать кризис либеральных демократий на периферии Европы, крах нескольких действующих государств — членов ЕС, породит смятение и беды, окажется утраченным идеал свободной и единой Европы [там же].

При столь пессимистической картине И. Крастев, тем не менее, продолжает верить и доказывать, что «Европейский союз может вновь обрести легитимность, даже не решив всех своих нынешних проблем», воспользовавшись на практике тезисом немецкого поэта Райнера Марии Рильке «не победить, но выстоять». Но выстоять будет непросто, — оговаривается он [там же: 20]. С оттенком сарказма автор характеризует потенциальную схему распада ЕС, который, по его прогнозу, будет больше похож на банковскую панику, чем на революцию, а пытаясь его предотвратить, многие европейские лидеры и государства предпримут шаги, только приближающие конец европейского проекта [там же].

Размышляя о грядущем, автор обнаруживает политическую силу того, что он называет «хроническим дежавю» — навязчивой убежденности, что все происходящее повторяет прошлые исторические события и эпизоды, — разлом между теми, кто пережил распад в прошлом, и теми, кто знает о нем из учебников, будучи не затронутым этими травмирующими событиями [там же: 20—21]. Опыт мгновенного и ненасильственного краха того, что казалось вечным, полученный автором в молодости, проведенной в Болгарии, поразил его и его поколение сознанием уязвимости и хрупкости любых политических конструкций, с той лишь разницей, что тогда «рушился их мир, а сейчас — наш» [там же: 22—23].

Не соглашаясь с тем, что нужно искать корни европейского кризиса в фундаментальных изъянах институциональной архитектуры, И. Крастев высказывает смелую и неординарную мысль, что единственный способ противостоять возможной дезинтеграции состоит в осознании, что именно миграционный кризис, обрушившийся в 2015—2016 гг. на Европу из-за несогласованных с партнерами по ЕС действий Германии, приобрел в умах европейцев больший, чем на самом деле, невиданный со времен Второй мировой войны масштаб и угрозу (подробнее см. [Назаров, 2016]).

Существенный научный и практический интерес представляет изучение последствий этого кризиса, который, по мнению И. Крастева, изменил европейские общества и вызвал у европейцев недовольство меритократическими элитами — это два главных вопроса, на которые он также пытается ответить в своей книге [Крастев, 2014: 23—24].

Автор не без основания констатирует, что миграционный кризис заставил европейцев распрощаться с мечтой о некой отвлеченной утопии, воображаемой прекрасной стране, в которой они хотели бы жить. Их новая мечта — далекий остров, на который можно сослать всех нежеланных чужаков без малейшего укола совести. По существу, в книге ставится вопрос уже о том, что сегодняшнюю миграцию сле-

дует воспринимать как революцию XXI в., для успеха которой не нужны идеология, политические движения и лидеры, а для все большего числа людей идея перемены означает смену страны проживания, а не правительства [там же: 24].

Здесь автор делает важный, но не бесспорный, вывод о том, что в век миграции демократия из инструмента вовлечения превратилась в механизм исключения, а для правых популистских партий в «единственный разумный ответ на апокалипсис — вызвать другой в надежде начать все с начала» [там же: 24—25].

Европейский опыт мира без границ, именуемый глобализацией, очень быстро из возвышенной мечты обернулся кошмаром, а вызванное падением барьеров воодушевление 1989 г. сменилось приступом тревоги, требованием возвести новые преграды и заборы на границах. В одном из интервью¹ И. Крастев, отмечая, что «открытие границ — это лучшее, что произошло после окончания коммунизма», вынужден констатировать, что Европа уже построила или заложила 1200 км заборов, прямо предназначенных для сдерживания чужаков [там же: 28]. Эта заразная болезнь «стеностроительства» мощно откликнулась и на другом берегу Атлантического океана — в США, где президент Д. Трамп вступил в ожесточенную борьбу за воздвижение обещанной избирателям стены на границе с Мексикой, чтобы пресечь незаконную миграцию с ее территории².

Трудно предсказать, чем окончится эта непривлекательная, бросающая тень на демократические устои история, но большинство европейцев обманулись в своих ожиданиях перемен в лучшую сторону, образ глобализованного мира будущего вызывает у них беспокойство, они все чаще верят, что «жизнь их детей будет тяжелее их собственной, и считают, что их страны движутся в неверном направлении» [там же].

Ситуация усугубляется тем, что своего рода антиподом беженца выступает турист — главный герой глобализации, перевозносимый и принимаемый с распростертыми объятиями, позволяющий европейцам почувствовать связь с остальным миром, не обременяя своими проблемами. При этом беженец — возможно, вчерашний турист, напротив, — символ обратной, нежелательной, стороны глобализации, приходит часто без приглашения, обремененный несчастьями и проблемами другого мира. «Даже среди нас он не один из нас» — отмечает автор, при этом «привлечение туристов и защита от мигрантов — вот краткая формула идеального европейского миропорядка» [там же: 29], заметил — менее благожелательная, чем в античные времена [см.: Платон, 1972: 335—339].

Отмечая и без того обременительные ситуации, которые преследуют европейцев в последние годы (еврозона, Брекзит, антироссийские санкции, революция на Украине, непредсказуемость политики, проводимой в отношении Евросоюза президентом США Д. Трампом и т. д.), И. Крастев пишет, что миграционный кризис «единственный по-настоящему всеевропейский кризис», который «ставит под со-

¹ Подробнее см.: Комин М., Хачатуров А. Иван Крастев: «2019 год в России — это бунт родителей против ценностей их детей». Известный болгарский политолог — о России и Европе на шатком переломе их отношений и понимания самих себя // Colta.ru. 10.04.2019.

² Подробнее см.: Пудовкин Е. Законодатели обанкротили американские госведомства: Затягивание «шатдауна» обернется политическим ущербом для республиканцев // Независимая газета. 2018. 22 января; Акимущкина И. И. Как защитить страну от нелегалов : От Трампа зависит, что с миграционной проблемой будет в мировом масштабе // Независимая газета. 2019. 18 апреля и др.

мнение политическую, социальную и экономическую модели Европы». Этот кризис, необъяснимый лишь притоком беженцев и трудовых мигрантов, на деле, — по его мнению, — означает «миграцию взглядов, чувств, политических идентичностей и голосов», стал для Европы тем, чем 11 сентября 2001 года было для Америки» [Крастев, 2014: 29].

Кроме приведенных глубоких идей и неожиданных выводов несомненным достоинством книги И. Крастева является обширная библиография, привлечение и анализ работ целого ряда ведущих интеллектуалов, рассматривавших проблемы миграции и их влияние на судьбу западного мира [там же: 31—42].

Нельзя не согласиться с автором в том, что современный миграционный кризис имеет решающее значение при оценке шансов Европейского союза на выживание, поскольку, во-первых, он одновременно укрепляет национальную солидарность и сводит на нет шансы на конституционный патриотизм в Союзе как едином целом, во-вторых, представляет собой поворотный момент в политической динамике европейского проекта, в-третьих, отмечает момент, когда требование демократии в Европе трансформировалось в призыв защитить свое политическое сообщество, а значит, исключать, а не принимать и приобщать. По существу, миграционный кризис запустил процесс, в ходе которого европейский проект перестал казаться воплощением либерального универсализма и превратился в печальный образ закрытости и глухой обороны, — пишет И. Крастев [там же: 78].

В последующих главах автор так же глубоко и основательно исследует причины неприязненного отношения жителей стран Центральной Европы к мигрантам [там же: 61—78; 128—132], представление о путях сохранения и будущего Европейского союза [там же: 79—91], роли новых медиа в политике современной Европы [там же: 104—108], особенности поворота к популизму в разных странах [там же: 93—104], которые в той или иной степени характеризуют миграционную проблематику.

Складывающаяся в ЕС неоднозначная миграционная ситуация в оптимистической интерпретации И. Крастева порой принимает афористичную форму: «у нас есть много теорий европейской интеграции, но нет практически ни одной теории европейской дезинтеграции», «европейская интеграция... вроде скоростного поезда, главное — не останавливаться и не оглядываться назад» [там же: 11], «прежде немислимый распад Европейского союза начинает казаться неизбежным» [там же: 14], «постмодернистский порядок стал настолько передовым и специфичным для своего контекста, что совершенно непригоден за его пределами» [там же: 18], «если мы не начнем умирать, то лишимся будущего» [там же: 28], «мигранты — субъекты истории, определяющие судьбу европейского либерализма» [там же: 33], «иммиграция — это форма нашествия, когда чужаки наступают со всех сторон, а местным некуда бежать» [там же: 41], «открытые границы из символа свободы стали символом уязвимости» [там же: 51], «демократическое стало демографическим» [там же: 68], «одна из причин, по которой многие сомневаются в демократии, состоит в том, что эти сомнения обоснованны» [там же: 81], «сделать немислимое неизбежным» [там же: 119], «искусство выживания основано на импровизации» [там же: 140] и др.

С разных сторон и глубоко исследуя современную миграционную ситуацию в Европе, выступающую, по мнению автора, в форме революции, он, естественно,

не мог в столь компактном формате книги охватить все аспекты этой сложной и неоднозначной темы. Видимо, этим объясняется, что целый ряд достаточно актуальных проблем оказался на периферии его интересов.

В частности, это касается такого сопутствующего миграции явления, как возникновение сети зарубежных диаспор, своего рода виртуальных общин, зачастую характеризующихся обособленностью и гораздо более глубокой степенью самосознания, чем раньше. Согласно утверждению известного европейского интеллектуала Тило Сарациона, иммиграция грозит Германии ослаблением, особенно в силу наличия многочисленных мусульманских общин, высокая рождаемость внутри которых ведет к «завоеванию Германии путем размножения» [цит. по: Гидденс, 2015: 146—147].

Не менее важным аспектом для раскрытия избранной И. Крастевым темы исследования представляется анализ истоков возникновения и последующего развития на европейском континенте так называемого джихадистского движения в среде мигрантов из ближневосточных и других стран. Парадокс заключается в том, что их представители, во втором или третьем поколении проживая в Европе, вступают на путь джихада после продолжительной жизни в светском обществе, и это представляет собой наиболее видимые части того, что стало повсеместным процессом. А это, по словам Энтони Гидденса [там же: 146], ведет к еще большему ослаблению Евросоюза, чем экономическая рецессия, и потому, на наш взгляд, заслуживает отдельного исследования.

Думается, что читателей не должно смущать отсутствие в книге «После Европы» развернутого анализа влияния России на политическую ситуацию в ЕС. В одной из давних своих статей И. Крастев утверждал, что «Москва фактически считает Евросоюз временным явлением, интересным экспериментом, у которого нет будущего. Европейская стратегия России основана на предположении, что будущее Европы станут определять государства-нации <...> столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое»³, и, видимо, остается верен своей позиции.

К сожалению, как и большинство его западных коллег, И. Крастев обошел в своем труде слабо изученную, но такую важную сторону миграции, как переселение населения в рамках Европейского союза. Согласно некоторым оценкам, этот поток не только не уступает зарубежному, но и превосходит его. Что побуждает к массовому перемещению жителей одной страны ЕС в другую, с какими трудностями они сталкиваются, играют ли свою роль национальные, религиозные и другие аспекты, только ли лишь рынок труда определяет пути следования европейцев, решивших сменить место жительства?

Исходя из вышеизложенного, представляется, что практически повсеместно сегодня востребуется лишь сильная политика, нацеленная не на заигрывание с мигрантами или коренным населением принимающих стран, а на создание могущественного демократического государства, его эффективной социальной системы, что долгое время удавалось ведущим странам Запада. Возникает резонный вопрос, где предел стихийному наплыву беженцев и нелегальных мигрантов

³ См.: Крастев И. Россия как «другая Европа» // Полит.ру. 09.09.2007.

в государства Европейского союза, есть ли он, заинтересованы ли в нем предпринимательские круги, широкая общественность? На эти вопросы И. Крастев в книге «После Европы» прямых ответов не дает, однако они могут быть найдены им самим или другими политологами и социологами в рамках предложенной аналитической схемы, ее всестороннего углубления и расширения.

Список литературы (References)

Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / пер. с англ. М. : Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

Giddens A. (2015) *Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?* Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)

Крастев И. После Европы / пер.с англ. А. Никитиной ; под ред. А. Смирнова и Я. Охонько. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Krastev I. (2018) *After Europe*. Transl. from Eng. by A. Nikitina, ed. by A. Smirnov and Ya. Ohon'ko. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)

Мошелков Е. Н. Национальный вопрос в российских революционных разломах XX в. // Вестник российской нации. 2014. № 3. С. 8—39.

Moschelkov E. N. (2014) National issue in Russian revolutionary breaks of XX century. *Bulletin of Russian nation*. No. 3. P. 8—39. (In Russ.)

Назаров А. Д. Экзамен на гостеприимность : Кризис с беженцами в современной Европе // Вестник российской нации. 2016. № 2. С. 195—217.

Nazarov A. D. (2016) The examination for hospitality: the crisis of refugees in contemporary Europe. *Bulletin of Russian nation*. No. 2. P. 195—217. (In Russ.)

Платон. Государство. Т. III. Часть 2. М. : Мысль, 1972.

Plato. (1972) *Republic*. Vol. III. Part 2. Moscow: Mysl. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.762

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г. Бауман, или о безразличии. Рец. на кн.: Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019; Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 450—456. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.762>.

For citation:

Ushkin S. G. (2020) Bauman, or On Indifference. [Review of the books. "Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity" by Bauman Z., Donskis L. "Liquid Evil. Living with Tina" by Bauman Z., Donskis L.] *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 450—456. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.762>.

С. Г. Ушкин

БАУМАН, ИЛИ О БЕЗРАЗЛИЧИИ.

**РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З., ДОНСКИС Л. МОРАЛЬНАЯ СЛЕПОТА:
УТРАТА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ.**

СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2019;

**БАУМАН З., ДОНСКИС Л. ТЕКУЧЕЕ ЗЛО: ЖИЗНЬ В МИРЕ, ГДЕ НЕТ
АЛЬТЕРНАТИВ. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2019**

БАУМАН, ИЛИ О БЕЗРАЗЛИЧИИ.

РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З., ДОНСКИС Л. МОРАЛЬНАЯ СЛЕПОТА: УТРАТА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2019; БАУМАН З., ДОНСКИС Л. ТЕКУЧЕЕ ЗЛО: ЖИЗНЬ В МИРЕ, ГДЕ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВ. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2019

BAUMAN, OR ON INDIFFERENCE.

[REVIEW OF THE BOOKS. "MORAL BLINDNESS: THE LOSS OF SENSITIVITY IN LIQUID MODERNITY" BY BAUMAN Z., DONSKIS L. "LIQUID EVIL. LIVING WITH TINA" BY BAUMAN Z., DONSKIS L.]

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия.

E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-4317-6615

Sergey G. USHKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Social Processes Monitoring Department

E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-4317-6615

¹ Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russia

Аннотация. Рецензируемые книги представляют собой анализ различных аспектов утраты чувствительности современного текучего общества, в котором отсутствуют всяческие альтернативы. Авторы указывают, что человечество инфицируется моральной слепотой, ведущей к кризису социальных отношений. Первопричина — в регулярной трансляции насилия; когда зло атакует по всем фронтам, мы прекращаем обращать на него внимание. Парадокс заключается в том, что хорошие новости намного слабее, чем плохие, и поэтому не вызывают эмоционально окрашенного отклика. Бауман и Донскис весьма скептически относятся к технологизации современного общества, склоняясь к той точки зрения, что социальные сети не объединяют, а разобщают людей, подвергая их нескончаемым атакам моральных паник и массовых психозов. И если моральная слепота приводит к утрате доверия и усилению индивидуализации, то выход из ситуации авторы видят в налаживании диалога между различными членами нашего фрагментарного общества.

Ключевые слова: Бауман, Донскис, текучая современность, моральная слепота, текучее зло, ретротопия, диалог

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ

Abstract. The books under review are an analysis of different aspects related to the loss of sensitivity in liquid modernity deprived of any alternatives. The authors state that humanity is infected with moral blindness leading to a crisis in social relationships. Its origin lies in regular line-up of violence: evil is attacking on all fronts, and we do not pay attention to it any more. A striking paradox is that good news has less impact than the bad one, thus causing no emotionally-tinged response. Bauman and Donskis are skeptical about technologization in modern societies; they are more inclined to believe that social networks do not connect but rather disconnect people exposing them to constant panic attacks or mass hysteria. As moral blindness leads to loss of trust and increased individualization, then a way out might be, according to the authors, to establish a dialogue between members of our fragmented society.

Keywords: Bauman, Donskis, liquid modernity, moral blindness, liquid evil, retrotopia, dialogue

Acknowledgments. The study was funded by RFBR, project No. 19-011-

в рамках научного проекта 19-011-00082 А «Нормотворчество в морали, праве, религии».

00082 А “Rulemaking in Morality, Law and Religion”.

Не так давно в издательстве Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) вышел перевод блистательной работы известного польско-британского социолога Зигмунта Баумана «Ретротопия», в центре которой — рассмотрение глобальной ностальгии наших современников по покинувшему их прошлому, щедро приправленной фобиями будущего [Бауман, 2019]. Книга уже стала интеллектуальным бестселлером во многих странах мира, и подобная участь, вполне вероятно, ее ждет и у нас — недаром критики отмечают созвучный русскоязычному читателю подтекст [Багдасарьян, 2019: 487].

Ее появление стало событием, которое можно назвать триумфом минувшего года. Проблема заключается в том, что в тень ушли два других замечательных произведения, подготовленных Бауманом совместно с литовским философом и публицистом Леонидасом Донскисом. Первое — «Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности» [Бауман, Донскис, 2019а]. Второе — «Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив», которое является продолжением и дополнением первого [Бауман, Донскис, 2019б].

Не покидает ощущение, что оба произведения напоминают не то платоновские диалоги, не то вольтеровские письма, представляя собой, по большому счету, беседу ученика с учителем, где Донскис актуализирует различные проблемы текучей современности и проводит их анализ, а Бауман дает к ним свои ценные комментарии. Примечательно, хотя и не удивительно, что многие из этих комментариев впоследствии становятся, если так можно выразиться, главными героями «Ретротопии», а именно темы тоски по прошлому, извечной борьбы свободы и безопасности в общественном сознании или попытках контроля коллективной исторической памяти со стороны властных или, напротив, оппозиционных группировок.

Безусловно, задает тон последующим разговорам «Моральная слепота», а «Текущее зло» направлено на уточнение некоторых моментов, оставшихся непроясненными. Авторы пытаются поставить диагноз, причем далеко не самый оптимистичный, современному обществу — все мы становимся безразличны друг другу, даже любовь перестает нас связывать. Моральная слепота выступает аллюзией на метафору слепоты, предложенную в известном романе «Слепота» португальского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Жозе Сарамаго, где описывается, как неназванный город накрывает внезапная и беспричинная эпидемия слепоты, которая приводит к кризису социальных отношений, возвращая человека к его животным началам; по мысли Баумана и Донскиса, нечто подобное происходит и сейчас в масштабах всего мира, за тем лишь исключением, что моральной слепоте вовсе не нужно быть осязаемой, а для того, чтобы ослепнуть, нужно много видеть, а точнее, потреблять — мы все живем в режиме бесконечных ток-шоу, трагичных новостей и т. д., которые превращают реальных людей в объекты, предметы, способствуя утрате чувствительности [Бауман, Донскис, 2019а: 63]. Когда насилие становится каждодневной привычкой, мы обретаем своеобразный

иммунитет, который может подорвать либо мощный информационный раздражитель, либо наше непосредственное участие в каких-либо событиях.

Парадокс заключается в том, что от зла невозможно спрятаться, оно носит всепроникающий характер, обладая при этом притягательной силой, определенным шармом, ведь на хорошие новости нет спроса [Бауман, Донскис, 2019б: 12]. Как замечает по этому поводу Дж. Александер, «социальное зло не есть отрицание, которое направляет людей к добру, а скорее может быть (а зачастую и является) самоцелью» [Александер, 2013: 336]. Наши сограждане, вероятно, уже давно стали морально устойчивыми к российско-украинским событиям, которые делают информационную повестку последних нескольких лет; тем не менее интенсивность дискуссий на отечественном телевидении по этому вопросу не снижается, что говорит об их притягательности как минимум для тех, кто их заказывает. Иными словами, мы сами тянемся ко злу, а если этого по какой-либо причине не происходит, то у зла есть множество помощников — начиная от телевидения и заканчивая социальными сетями, опутавшими весь мир.

Пользуясь собственноручно разработанной этической категорией моральной слепоты, Бауман и Донскис (пере)открывают концепцию адиафоризации человеческой деятельности, под которой понимаются «стратагемы случайного или спланированного размещения выполненных и/или невыполненных действий в отношении некоторых категорий людей вне оси моральности-аморальности» [Бауман, Донскис, 2019а: 68]. Мир становится все более индивидуализирован, общество теряет общность, а любые твердые договоренности и обещания перестают соблюдаться, по большому счету возвращая человечество к войне всех против всех. Все ужасы, которые происходят по ту сторону экрана телевизора, компьютера или смартфона, прививают тотальное чувство опасности и уязвимости, которое подрывает доверие, наполняя мир различного рода предрассудками — религиозными, этническими, расовыми и т. д. [Бауман, Донскис, 2019а: 173].

Бауман и Донскис неоднократно подчеркивают, что большая доля ответственности за утрату чувствительности лежит на социальных сетях, и это разом подчеркивает все их пропагандируемые достоинства по объединению людей. Более того, вслед за Мишелем Серром авторы предлагают заменить образ «коллективности» на идею «коннективности», поскольку уже сейчас мы наблюдаем ослабление и хрупкость социальных связей, а также «пористость» границ [Бауман, Донскис, 2019б: 38]. Коннективность не подразумевает ничего устойчивого — у подобного рода объединений нет ни целей, ни задач, ни общего будущего. На примере того, как люди участвуют в протестах, Бауман и Донскис вырисовывают мрачную перспективу, где сети становятся идеальным источником не столько солидаризации тех, кто выходит на улицы, сколько возможностью контроля за ними [Бауман, Донскис, 2019б: 21]. Пожалуй, человечество стало заложником нарциссизма, где в качестве отражений используются цифровые аватары; в надежде на пару лишних лайков или репостов происходит утрата приватности, и в виртуальное пространство просачивается все — начиная с вполне невинных мыслей и заканчивая фотографиями нижнего белья. Как отмечает Донскис, «если верить нравственным следствиям барочной литературы, именно мы переняли сатанинские «ценности» и живем в соответствии с ними, даже когда практикуем современные формы

экзорцизма и жестокими методами обращаем их в свою веру» [Бауман, Донскис, 2019а: 355]. По большому счету, мы представляем собой нацию Фейсбука — «сборище мобильных индивидов со своей жизненной логикой, полностью встроенной в механизм ухода и возврата» [Бауман, Донскис, 2019б: 271].

В то же время социальные сети (хотя применимо ли к ним прилагательное социальные?) формируют наши страхи и моральные паники, распространяя информацию намного быстрее традиционных каналов. Неважно, окажутся ли они правдой или сущим вымыслом, но они в конечном счете могут весьма значимым образом повлиять на расстановку сил в извечной борьбе между свободой и безопасностью. Достаточно вспомнить, что происходило в российском виртуальном пространстве после керченского стрелка, пожара в кемеровском торговом центре и многих других событий; все это медленно, но верно подрывает устойчивый социальный и моральный порядок. В своих размышлениях Бауман и Донскис подчеркивают, что «одно чудовищное убийство или, к примеру, крушение поезда, поражает умы и сердца сильнее, чем долгие, нескончаемые беды, которые обрушиваются на человечество чуть-чуть каждый день» [Бауман, Донскис, 2019а: 73—74].

Сожаление Баумана и Донскиса вызывает тот факт, что весь европейский (впрочем, и мировой) проект в последние годы был сведен исключительно к его технологическим и социальным аспектам [Бауман, Донскис, 2019а: 266]. Примерно о том же в своей работе «Как выглядит будущее?» говорит и Джон Урри, недовольный тем, что исследования будущего приватизированы преимущественно технократами и экономистами, но не социальными исследователями [Урри, 2018: 26]. Проблема и в том, и в другом случае в том, что преклонение перед технологиями не только устраняет понятие социальности, но и создает моральный вакуум, который постепенно проникает в политику [Бауман, Донскис, 2019а: 27]. Если он установится в государстве, то рукой подать до рациональных, технологичных и экономичных фабрик будущего с двумя живыми существами — человеком и собакой, где человек будет кормить собаку, а собака — следить за тем, чтобы человек ничего не трогал [Бауман, Донскис, 2019б: 61].

Неоднократно в связи с этим упоминаются ставшие классическими антиутопии Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли, где каждый по-своему рисует мрачное будущее — с любовью по талонам, большим братом или культом потребления соответственно. Как замечает по этому поводу Бауман, они представляют «свое видение бед, грозящих жителям твердой современности, мира строго организованных и помешанных на порядке производителей и солдат» [Бауман, Донскис, 2019а: 82]. Принципиально иной взгляд на наше будущее представлен в романе-предупреждении Мишеля Уэльбека «Возможность острова», анализу которого посвящен целый подраздел «Моральной слепоты», ведь в его центре — полная личностная изоляция вкупе с атомизацией и фрагментацией общества [Бауман, Донскис, 2019а: 327]. Что привлекает Баумана и Донскиса в книге французского писателя? Ответ очевиден. Уэльбек смог уловить метафору текучести, перевести ее на язык художественного вымысла, но вымысла, поражающего своим реализмом.

Кто еще способен противодействовать воплощению ужасающих антиутопичных сценариев, так это старая добрая Европа [Бауман, Донскис, 2019а: 301]. Впрочем,

с этим довольно сложно согласиться, особенно на фоне опубликованного в 2015 г. романа все того же Уэльбека «Покорность», где безволие и равнодушие к своим ценностям со стороны самих европейцев приводят к победе ислама, противостоящему индивидуализму и всему тому, за что они бились все последнее столетие — эмансипацию, аборты, гомосексуальные браки. Тем не менее, и в «Моральной слепоте», и в «Текучем зле» мы видим, что Старый Свет является (или должен являться) воплощением борьбы с внешними угрозами. Одна из таких угроз — навязываемая США макдональдизация общества, проявляющаяся в превращении всего и вся в фастфуд, начиная от образования и заканчивая религией [см. Ритцер, 2011]. Другим монстром, по их мнению, выступает российский путинизм, в котором усматриваются как ностальгия по утраченному прошлому со стороны населения, так и попытки контроля политики памяти со стороны государства [Бауман, Донскис, 2019а: 130]. Впрочем, путинизм логичнее, во всяком случае, изнутри, рассматривать как вынужденную меру, вызванную потребностями общества в консолидации и стабильности в условиях рискованного общества [Выборы на фоне..., 2019: 286].

Рецепт по преодолению моральной слепоты и тотального проникновения текущего зла прост и универсален — и на него Бауман и Донскис дают указания не только содержательно, но и по форме. Как обществу в целом, так и его отдельным индивидам необходимо вступать друг с другом в диалог, дабы понять, в каком направлении все мы движемся, а также правильно ли оно выбрано. Конечно, подобного рода вопросы достаточно часто можно встретить в опросах общественного мнения, но они не только не дают полной картины, а становятся препятствием к изменению реальности, ведь интеракции как таковой не происходит.

Означает ли в конечном счете столь интенсивное обращение к творчеству технологического пессимиста Баумана, как он сам себя называет [Бауман, Донскис, 2019а: 300], что российские издатели почувствовали (а вслед за ними должны почувствовать и мы, преданные читатели) тревожность в отношении нашего будущего? Или же просто сказывается симпатия отечественных интеллектуалов к творчеству не чуждого для нас исследователя (как известно, Баумана многое связывает с Россией)? Каждый найдет для себя свои ответы, но нужно быть готовым к тому, что они не будут простыми — это явно не в духе ни Баумана, ни Донскиса.

Список литературы (References)

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013.

Alexander J. C. (2013). The meanings of social life: a cultural sociology / Trans. from En. G. K. Olhovichov, ed. by D. Yu. Kurakin. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / пер. с англ. А. И. Самариной; науч. ред. Т. Н. Раков. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019а.

Bauman Z., Donskis L. (2019a) Moral blindness: the loss of sensitivity in liquid modernity / Trans. from En. A. I. Samarina, ed. by T. N. Rakov. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. (In Russ.)

Бауман З., Донскис Л. *Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив* / пер. с англ. А. И. Самариной ; науч. ред. М. А. Симакова. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019б.

Bauman Z., Donskis L. (2019b). *Liquid evil: living with tina* / Trans. from En. A. I. Samarina, ed. by M. A. Simakova. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. (In Russ.)

Бауман З. *Ретротопия* / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019.

Bauman Z. (2019) *Retrotopia* / Trans. from Eng. V. L. Silaeva, ed. by O. A. Oberemko. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Багдасарьян Н. Г. *Ностальгия по прошлому или в будущее — с надеждой*. Рец. на кн.: Бауман З. *Ретротопия* / Зигмунт Бауман; пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 2. С. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

Bagdasaryan N. G. (2019) *Nostalgia for the past or looking forward with hope: A book review on Bauman Z. (2019) Retrotopia*. Trans. from Eng. by V. Silaeva; edited by O. A. Oberemko. Moscow: VCIOM. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. В. Федорова. М. : ВЦИОМ, 2018.

The Elections on the Backdrop of the Crimea: Electoral Cycle 2016—2018 and the Prospects of Political Transit. (2018) Ed. by V. V. Fedorov. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Ритцер Дж. *Макдональдизация общества 5* / пер. с англ. А. В. Лазарева; под ред. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011.

Ritzer G. (2011) *The macdonaldization of society 5*. Trans. from Eng. A. V. Lazarev, ed. by T. A. Dmitriev. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Урри Дж. *Как выглядит будущее?* / пер. с англ. А. Матвееенко; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Дело, 2018.

Urry D. (2018) *What is the Future?* / Trans. from Eng. A. Matveenko, ed. by S. Shchukina. Moscow: Delo. (In Russ.)

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1640

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2020) Migrants' settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part II. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ II

РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ II

MIGRANTS' SETTLEMENT PATTERNS IN GLOBAL CITIES AND THEIR DETERMINANTS: PARIS, SINGAPORE, SYDNEY AND MOSCOW. PART II

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

АНДРЕЕВА Альбина Сергеевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

Аннотация. Приводятся результаты сравнительного анализа характеристик расселения этнических мигрантов и их детерминант в глобальных городах (Париж, Сингапур, Сидней и Москва). Статья написана на основании релевантной литературы, а также полевой работы в указанных городах, включавшей экспертные интервью со специалистами по ур-

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Master of Sociology, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Albina S. ANDREEVA¹ — Master of International Relations, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative study devoted to the settlement of ethnic migrants and their determinants in the global cities, such as Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. The article is based on the relevant literature and field studies conducted in these cities including interviews with experts in the urban studies and migrant integration, observation, in-depth and

банистике и интеграции мигрантов, наблюдения, глубинные и экспресс-интервью в городском пространстве, в частности в местах резидентной концентрации иноэтничных мигрантов (этномиграционных анклавов). Основной результат — теоретическая схема, описывающая главные детерминанты расселения мигрантов в разных контекстах. Среди основных факторов, объясняющих расселение мигрантов в глобальных городах, — социально-экономические параметры принимающего общества, характеристики миграционной политики, миграционных потоков, вертикальной социальной мобильности мигрантов и их детей, социальная структура пространства, локальная конструкция этничности, государственная и городская резидентная политика, а также резидентный выбор мигрантов и немигрантов. Для каждого случая набор факторов, объясняющий характеристики расселения мигрантов, различается. В статье приводятся детальные описания городских случаев и показывается релевантный для них набор факторов. Статья разделена на две части, первая из которых опубликована в № 6 за 2019 год, вторая — в № 2 за 2020 год.

Ключевые слова: миграция, расселение мигрантов, этно-миграционные анклавов, места концентрации мигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

express interviews in the urban space, for example, in the areas of residential concentration of non-ethnic communities (ethno-migrant enclaves). The authors propose a theoretical scheme describing the key determinants of migrant settlement in different contexts. The basic factors behind migrant settlements in the global cities are as follows: socio-economic characteristics of the receiving community, migration policy, characteristics of migration flows, characteristics of vertical social mobility among migrants and their children, social structure of the urban space, local construction of ethnicity, state and urban residential policies, and residential choices of migrants and non-migrants. For each of these cases, factors explaining settlement preferences can be different. The article provides a detailed description of each city and depicts a set of factors relevant for each of these case studies. The article is divided on two parts, the first part is published in [No. 6 \(2019\)](#), the second part is published in [No. 2 \(2020\)](#).

Keywords: migration, migrant settlement, ethno-migrant enclaves, migrant concentrations

Acknowledgments. The research behind the article is supported by the Russian Science Foundation (project RSF № 18-78-10086) “Analysis of Ethno-Migrant Enclave Formation in Russian Cities”.

Сидней

26 января 1788 года¹ на юго-восточном побережье Австралии в будущей Сиднейской бухте произвел высадку небольшой флот, состоявший из 11 кораблей и перевозивший из переполненного Лондона в дальний угол Британской империи несколько сотен заключенных. Сейчас эта дата празднуется как день Австралии, а также — день основания Сиднея. За этим флотом, вошедшим в историю страны как Первый Флот, последовали Второй и Третий, и к 1868 году, когда в Австралию перестали отправлять заключенных, порядка 165 тысяч человек были перевезены туда именно в таком качестве. Параллельно с этим, однако, в Австралию отправлялись и свободные британцы — за землей, которой в Австралии было много, и, в целом, лучшей жизнью. Из Сиднея они распространялись по остальной территории, и именно переселенцами из Сиднея были основаны такие города как Мельбурн и Аделаида. Следующая, иная по характеристикам, миграционная волна связана с золотой лихорадкой 1850—1960-х гг., когда золото было найдено сначала в Новом Южном Уэльсе, а затем и рядом с Мельбурном, незадолго до того основанным переселенцами из первых колоний. Именно тогда в Австралии появились первые мигранты-небританцы. Ими стали китайцы из южной провинции Гуандун. Возможность массовой миграции китайцев напугала тогдашних австралийцев, и в том числе для регуляции миграции было решено создать союз до того независимых друг от друга колоний. Так появилось Содружество Австралии, провозглашенное 1 января 1901 года. Одним из первых указов стал Акт ограничения миграции, ставший основой т. н. Политики белой Австралии. Акт напрямую не запрещал иммиграцию не-британцев, однако включал в себя пункт, согласно которому мигранты должны пройти языковой тест — написать диктант из 100 слов на одном из европейских языков. Язык диктанта выбирал миграционный офицер. В результате с начала века до второй мировой войны абсолютное большинство новых австралийцев составили британские мигранты — приехавшие за свой счет и с помощью правительственных дотаций.

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории иммиграции в Австралию. Австралия приняла участие в войне на стороне Великобритании и впервые столкнулась с опасностью военной оккупации. Это серьезно напугало австралийское общество. Слоган «населить или исчезнуть» хорошо выражал общественные настроения того времени. Поскольку общество разрывалось между идеей белой Австралии и необходимостью привлекать мигрантов, было решено в первую очередь обратиться к странам, где население фенотипически максимально соответствовало представлениям о «белом человеке», и, отправившись в европейские лагеря интернированных, министр иммиграции Артур Колвелл пригласил иммигрировать в Австралию эстонцев, латышей, литовцев и поляков². Их прибытие пробило брешь в Политике белой Австралии, и за 1945—1965 гг. туда прибыли порядка двух миллионов человек, при этом британцев из них была лишь половина. Документальное же окончание Политики белой Австралии относится

¹ Фрагмент, посвященный истории иммиграции в Австралию, написан на основании «Истории иммиграции в Австралию» Дж. Йуппа [Jupp, 2002], а также материалов музея иммиграции г. Мельбурна (Immigration Museum (2019). Museums Victoria. URL: <https://museumsvictoria.com.au/immigrationmuseum>).

² Immigration Nation. Part 1 (2011). Australian Perspective. Video. URL: https://www.youtube.com/watch?v=X20748_iOD8.

к 1966 г., когда был осуществлен пересмотр миграционной политики, и тогдашний министр иммиграции Хуберт Опперман заявил, что в качестве иммигрантов станут привлекаться иностранцы, если они «способны интегрироваться в общество и обладают квалификациями, полезными для Австралии» [Watt, 1968].

Мощным символическим актом, указавшим на то, что Австралия теперь принимает мигрантов со всего света, включая тех, кому раньше, как считалось, не место в стране, стал прием в 1978 г. беженцев из Вьетнама [Price, 1981]. Параллельно шла гражданская война в Ливане (1975—1990), и в страну прибыли порядка 30 тысяч ливанцев — суннитов, шиитов и христиан [Tabar, Noble, Poynting, 2010]. Среди прочих эпизодов истории XX века, в результате которых беженцы оказались в Австралии, можно указать конфликт в Восточном Тиморе (1975), установление диктатур в странах Латинской Америки (1970-е), выступления китайских студентов в Пекине (1988), Балканские войны (1991—2001). Примерно тогда же — в 1970—80-х — начинает выработываться миграционная политика мультикультуральной Австралии, действующая по настоящее время. Ее основа — это баланс между экономической целесообразностью и гуманитарными мерами. Экономическую целесообразность обеспечивает т. н. балльная система, согласно которой определяется, мигранты с какими квалификациями нужны Австралии, а также специальные программы для бизнесменов, гуманитарная составляющая — это программа воссоединения семей и программа приема беженцев. С 1990-х гг. и по настоящее время в Австралию прибывают мигранты из разных стран. Новые конфликты открывают новые направления вынужденной миграции — например, из Афганистана, Ирака, а позже — Сирии и других постреволюционных арабских стран. Интенсифицируется миграция с индийского субконтинента (Индия, Пакистан, Бангладеш), а также из Китая и прочих небольших государств Восточной Азии, таких как Тайвань, Гонконг и Макао. Параллельно с этим «посеянные семена» миграции беженцев, прежде всего из Ливана и Вьетнама, «прорастают» прочими видами иммиграции, в частности по линии воссоединения семей, а также — переезда специалистов и бизнесменов. За последние годы Австралия принимает порядка 180—190 тысяч иммигрантов по визам, необходимым для постоянного проживания, из которых около 110 тысяч — это квалифицированные специалисты, 60 тысяч — члены семей, а еще 13—14 тысяч — это беженцы [Phillips, Simon-Davies, 2016]. В этих условиях в 2016 г. наиболее частотными странами происхождения иммигрантов стали Индия (38264 человек), Китай (29604), Соединенное Королевство (16982), Ирак (9771), Сирия (8229), Новая Зеландия (8199), Пакистан (6315) и Вьетнам (5579). Всего же на данный момент порядка 29% жителей Австралии (из 25-миллионного населения страны) родились за ее пределами, а еще порядка 20% — дети мигрантов. Самой распространенной страной происхождения австралийских иммигрантов является Англия (около 1 млн человек), на втором месте — Новая Зеландия (568 тыс.), Китай (557 тыс.), Индия (489 тыс.), Филиппины (252 тыс.) и Вьетнам (243 тыс.). Кроме того в десятку входят Италия, Южная Африка, Малайзия, Шотландия и Шри Ланка [Liddy, 2018].

Сидней с момента основания является воротами в Австралию для мигрантов. Именно он на протяжении XX века чаще всего становился первым местом поселения для мигрантов, и сейчас, если совокупная доля мигрантов и их детей в насе-

лении Австралии составляет 49 %, для 4,5-миллионного Сиднея эта цифра — 68 %, самый высокий процент для всех крупных пунктов Австралии. Мельбурн и Перт несколько уступают (62 % и 64 % соответственно), остальные же столицы штатов, а также столица, Канберра, уступают еще существеннее. Несколько различается этнический бэкграунд мигрантов и их детей, проживающих в Сиднее и в других городах. Так, Сидней проигрывает Мельбурну по доле греков и итальянцев, зато там больше китайских и арабских мигрантов, а также их детей³.

Где живут мигранты в Сиднее? Ответ на этот вопрос зависит от определения мигранта. Австралийская перепись в качестве таковых позволяет выделять родившихся вне Австралии, родившихся в Австралии у родителей, родившихся вне Австралии, а также указавших в качестве своего «этнического происхождения» категорию иную, нежели Австралия, а язык общения дома — иной, нежели английский. Эти множества частично накладываются, поэтому в публичном пространстве и научных дебатах сосуществуют ответы, согласно которым мигранты селятся везде, и Сидней является смешанным городом, и что существует два Сиднея — мигрантский и немигрантский. Для начала — посмотрим на «расовую карту» Сиднея, составленную на основании переписи 2016 года (см. рис. 1).

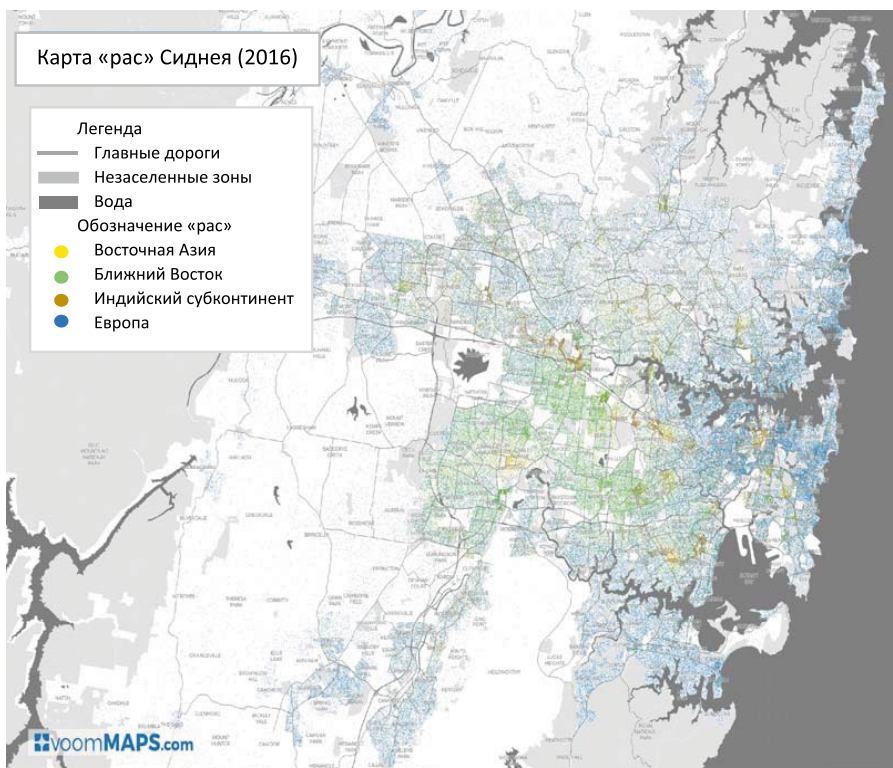

Рисунок 1. Карта «рас» Сиднея. Источник: Sydney Race Map (2016). voomMAPS.

URL: <https://voommaps.com/race-ethnicity-maps/sydney-race-map-2016/>.

³ Australian Bureau of Statistics (2016). URL: <https://www.abs.gov.au>.

Эта карта построена на основании переменной «происхождение» и учитывает, таким образом, и первое, и второе поколение мигрантов, при этом все европейские мигранты и их потомки — отнесены к категории «белые», а кроме того выделены регионы происхождения: «восточная Азия» (прежде всего Китай, Вьетнам и Корея), «Ближний Восток» (прежде всего Ливан и прочие арабские страны) и «Субконтинент» (Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка). Прослеживается несколько четких паттернов.

Во-первых, ближневосточные мигранты живут компактно в кластере западных пригородов Обурн, Гринакр, Фэрфилд, Ливерпуль, Бэнкстаун, субконтинентальные мигранты концентрируются в районе Стрэтфилда и Парраматты, китайские же и вьетнамские мигранты — живут более дисперсно, хотя есть и места концентрации, например — Кабраматта. Очевидно, что эти кластеры находятся преимущественно на запад и на юго-запад от центрального Сиднея. Напротив, «белые» живут в ближайших к центру пригородах, на восток и на север от него, а также — по всем направлениям на окраинах города. Выборочно приглядимся к нескольким районам и посмотрим их этнический состав. В преимущественно восточно-азиатском пригороде Кабраматта⁴ самые большие группы — это вьетнамцы (33%), китайцы (24%), камбоджийцы (8%), британцы (5%) и австралийцы (4%). Этот пригород на слуху и считается самым азиатским в Сиднее. А во внутреннем пригороде Энмор⁵ этот чарт выглядит так: британцы (23%), австралийцы (18%), ирландцы (10%), шотландцы (8%) и китайцы (3%). Посмотрим теперь на северный пригород Мэнли⁶, находящийся на берегу океана и считающийся раем для серферов: британцы (29%), австралийцы (16%), ирландцы (10%), шотландцы (8%), немцы (4%). Вернемся на восток — в Роузхилл: индийцы (22%), британцы (10%), китайцы (10%), ливанцы (7%), австралийцы (7%). И закончим окраиной города — пригородом Маунт Аннан⁷: австралийцы (28%), британцы (25%), ирландцы (7%), шотландцы (6%), итальянцы (3%). Перечисление пригородов можно было бы продолжить, и оно показало бы значительное разнообразие вариантов этнического состава, но в целом можно предположить определенный уровень расовой сегрегации в Сиднее. Так ли это?

Социальные географы Поульсен, Джонстон и Форрест [Poulsen, Johnston, Forrest, 2004] разделили все пригороды Сиднея на пять типов в зависимости от доли иммигрантов, а также стран их происхождения. Пригороды, в которых принимающее население составило 80% и более, они назвали изолированными сообществами местных (isolated host communities). Неизолированными сообществами местных (non-isolated host communities) были названы пригороды, в которых принимающее население составило 50—80%. Третий тип — ассимиляционно-плюральные анклав (associated assimilation-pluralism enclaves), в них принимающее население

⁴ Census QuickStats. Cabramatta (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC10740?opendocument.

⁵ Census QuickStats. Enmore (Inner West — NSW) (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC11425?opendocument.

⁶ Census QuickStats. Manly (NSW) (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12475?opendocument.

⁷ Census QuickStats. Mount Annan (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12745?opendocument.

является значимым (30 %-50 %) меньшинством, а разные мигрантские группы составляют от 50 % до 70 % жителей пригорода. Четвертый тип — анклав смешанных меньшинств (*mixed-minority enclaves*), в которых большую часть населения составляют иммигрантские группы, но ни одна из них не превосходит численно все остальные более чем в два раза. Пятый тип — поляризованные анклавы (*polarized enclaves*), где доминирующая группа меньшинства превосходит более чем в два раза все остальные группы меньшинств. Последний, шестой тип, авторы назвали гетто или экстремально поляризованные анклавы (*Ghettos or extreme polarized enclaves*) и в нем доминирующая группа составляет 60 % населения, кроме того 30 % этой группы в Сиднее живет в такого рода переписных единицах. Такого рода гетто авторы в Сиднее не обнаружили.

Наиболее же типичное для иммигрантов Сиднея проживание — в неизолированных сообществах местных. Для большинства групп иммигрантов доля живущих в таких переписных единицах составляет 50 % и более, распространенным является и проживание в смешанном анклаве (до четверти живущих в таких пригородах для некоторых мигрантских групп). Авторы этого исследования в отличие от авторов карты в качестве местных рассматривали только «англо-кельтов», а прочие европейские группы мигрантов были исследованы отдельно (на карте же итальянцы и греки включены в совокупность белых, с учетом того, что это старая миграция, такой подход представляется более справедливым).

С какой долей уверенности можно говорить о том, что в целом мигранты больше концентрируются в тех или иных районах? Те же авторы провели другое исследование [Forrest, Johnston, 2001], где на основании переписи 1996 г. измерили диссимильность этнических групп в Сиднее. Индекс диссимильности, который они использовали, варьируется от 0 до 100, где 0 означает, что для достижения равномерного расселения никого из этой группы не надо переселить в другие пространственные единицы, а 100 — что всех. Согласно результатам исследования, самая низкая диссимильность у шотландцев, немцев, северных ирландцев, новозеландцев и финнов, а самая высокая — у лаосцев, камбоджийцев, вьетнамцев, мигрантов из СССР, а также иракцев. Паттерн выражен довольно ярко, и авторы объясняют это не культурными особенностями, а временем, проведенным в Австралии, указывая на важную характеристику расселения мигрантов в Австралии: места концентрации мигрантов — это зачастую места аккомодации, то есть первичного поселения; освоившись и заработав денег, мигранты переезжают в другие районы. Эти районы нередко более смешанные, однако в силу того что миграционные волны — это одновременный переезд многих людей со схожими социально-экономическими характеристиками, из первых районов во вторые мигранты переезжают тоже относительно массово, и создаются места вторичной концентрации мигрантов. С учетом того, что важной универсальной детерминантой выбора района проживания для мигрантов в Австралии является близость к родственникам и друзьям, эти районы зачастую находятся недалеко от районов первичного проживания мигрантов. Такими парами районов стали, например, Марриквиль и Эрлвуд для греков, а также Лакемба и северный Бэнкстаун для ливанцев. Расстояние между этими районами не превышает 4 километров.

В результате выработался и другой паттерн, характеризующий расселение мигрантов в Сиднее. Некоторые пригороды, зачастую, являющиеся местами первичной концентрации мигрантов, со временем полностью меняют свой этнический профиль. Это произошло, например, с пригородом Хэррис Парк, который сначала был местом концентрации ливанских мигрантов, но сейчас ливанцев почти полностью заменили индийцы. Это произошло и с упомянутым Марриквиллем: когда оттуда стали выезжать греки, там поселились вьетнамцы; а в последние годы он переживает джентрификацию и становится этнически более разнообразным.

Можно сказать, что Сидней в целом поделен на две части. В одной концентрируются белые мигранты и немигранты, во второй — небелые мигранты. Границы между этими «двумя Сиднеями», в целом, проходимы, более того, старые мигрантские группы, например, поляки и греки, в 1960-х гг., рассматриваясь австралийцами как «небелые» мигранты, с интенсификацией прочих еще более культурно отличных миграционных потоков, стали «белыми», в том числе и в части паттернов расселения, однако «небелый» Сидней, локализованный в западных и юго-западных пригородах, воспроизводит себя новыми мигрантскими группами, которые селятся там, откуда выезжают старые мигранты. Белые же (раньше британцы и австралийцы, а теперь и прочие европейские мигрантские группы) селятся в восточных и северных пригородах, а также на самых окраинах города. В связи с чем сложились именно такие паттерны расселения?

Сидней, появившись в конце XVIII века, быстро разросся из небольшой плохо организованной колонии до экономической столицы региона⁸. Первый этап роста пришелся на начало XIX века и связан с именем губернатора Лаклана Маквари, спланировавшего сеть дорог и возведшего первые каменные строения до того деревянного городка. Второй этап связан с золотой лихорадкой 1850-х, прямым последствием которой стала индустриализация. Мануфактуры (а позже и заводы) скапливались на юге, юго-западе и западе от центральной части Сиднея, там же — появляются районы, в которых живут рабочие. Белые воротнички, а также зарождающаяся буржуазия предпочитала селиться в восточных пригородах. Факторов, связанных именно с таким распределением, несколько. Во-первых, Сидней, расположенный на тот момент на южном берегу бухты, имеет довольно сложный ландшафт, и места для размещения промышленности выбирались там, где полого и были проложены первые железнодорожные пути. Во-вторых, производствам нужна была пресная вода, которая бралась из рек, преимущественно находившихся в западном и юго-западном направлении, а кроме того — там располагались и другие ресурсы, например, глина для кирпичного производства в Марриквилле бралась из реки Кукс. В-третьих, жаркий климат Сиднея заставляет особенно ценить бриз — ветер с моря, который эффективно охлаждает в первую очередь восточные пригороды. В результате, уже к концу XIX века сложилась классовая структура пространства. Бурное развитие транспорта на рубеже веков позволило рабочим переселиться в пригороды, однако эти пригороды находились в тех же направлениях — прежде всего на запад и юго-запад от центра. Там же возникали новые фабрики. После второй мировой войны,

⁸ Урбанистическая история Сиднея написана по материалам Музея Сиднея, а также диссертации П. Спирритта «Урбанистическая история Сиднея 1920—1950» [Spearritt, 1976] и его книги «Век Сиднея: история» [Spearritt, 2000].

когда стали прибывать небританские мигранты, внешние пригороды также были классово дифференцированы.

Приняв решение о стимулировании интенсивной иммиграции, австралийское правительство довольно быстро определилось и с интеграционной концепцией — иммигранты должны как можно быстрее встать на ноги, но в этом им надо помочь. Для этого были открыты центры приема иммигрантов или мигрантские общежития. Зачастую такие общежития представляли собой бывшие военные бараки или промышленные здания и могли располагаться как в черте города, так и за его пределами. Самое известное такое общежитие называлось Бонегилла и располагалось недалеко от города Олбери в 300 километрах от Сиднея⁹. Были, однако, общежития и в самом Сиднее. В частности, на 1966 г. таковых было тринадцать¹⁰ и располагались они в районах Брэдфилд парк (1050 мест), Бротон (250 мест), Буннеронг (1200 мест), Кабраматта (1190 мест), Дандас (410 мест), Ист Хиллз (1200 мест), Хилскот роуд (800), Матравилл (500), Виллавуд (2520). Большая их часть также располагалась на запад от сити.

Такое расположение было связано с расположением инфраструктуры, необходимой для организации таких общежитий, а также с тем, что трудоустройство послевоенных иммигрантов планировалось на заводах, находящихся в этой части города. Впрочем, некоторые комментаторы [Pruor, 2014] также отмечают, что в той степени, в какой миграция была тяжелым компромиссом для австралийского общества того времени, австралийцы хотели вынести интеграционную инфраструктуру подальше — на окраины тогдашнего города.

В общежитиях мигранты жили несколько месяцев, за это время зачастую трудоустраивались на близлежащих фабриках и когда вставал вопрос о том, где жить, покинув общежития, наиболее очевидным решением было поселиться в одном из районов рядом, тем более там уже жили родственники и друзья, также прошедшие через общежития. Согласно исследованию Варвика Вилсона [Wilson, 1990], изучавшего вьетнамских «лодочных» иммигрантов, абсолютное их большинство (96 %) прошло через общежития и жило на расстоянии не более 10 километров от них, а чаще — в радиусе трех-четырёх километров. Иммиграционные волны сменяли одна другую, в общежитиях на место британцев приходили итальянцы, на место итальянцев — вьетнамцы, на место вьетнамцев — балканцы, однако этот механизм поиска жилья оставался единым для всех, и когда интеграционная политика сменилась, на смену расселению в общежитиях пришла установка на максимальное использование помощи родственников, а в случаях, когда это невозможно, на предоставление социального жилья, относительно равномерно распределенного по территории города, паттерн успел сформироваться.

Как и в других контекстах, мигранты и немигранты делали свой резидентный выбор. Универсальными и самыми важными факторами были близость к родственникам и друзьям, однако затем для низкодоходных групп на первый план вышла близость работы [Waxman, 1999], а для средне- и высокодоходных — хо-

⁹ Bonegilla Migrant Experience (2019). URL: <https://www.bonegilla.org.au>.

¹⁰ Migrant Hostel at Randwick, New South Wales (1966). Parliamentary Standing Committee on Public Works. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_Representatives_Committees?url=reports/1966/1966_pp273.pdf.

рошие школы [Chiang, Hsu, 2005]. Параллельно в расчет принимался этнический состав района, а также близость культурных организаций. Установка «жить только среди своих» у мигрантов в Сиднее присутствует редко, однако некоторая их доля может быть желательна.

Зачастую у жителей Сиднея разной этнической принадлежности есть представление о том, с кем им не хотелось бы жить рядом — для белых австралийцев это могут быть, например, индусы (когда они готовят, по дому разносится запах карри) или арабы (районы их преимущественного проживания нередко ассоциируются с высокой криминальной активностью).

В результате действия этих трех факторов складывается этническая мозаика Сиднея. Особым образом в нее встраиваются группы, состоящие преимущественно из квалифицированных специалистов (например, китайцы и индусы), однако и они вписываются в этот паттерн — хотя уже через несколько лет они станут австралийским средним классом, но в первые годы после иммиграции им придется непросто и они предпочитают селиться в районах с невысокой стоимостью недвижимости.

Сидней, в котором 68% населения составляют мигранты, таким образом, делится на две части, одна из них населена белыми австралийцами, а также европейскими мигрантами и их потомками, во второй селятся мигранты из прочих частей света и их дети. Эти две части, однако, местами накладываются. Более того, хотя вторая часть Сиднея, в целом, беднее, эта бедность не является устойчивой и межпоколенческой — австралийское общество предоставляет мигрантам, а особенно их детям возможности для вертикальной мобильности — большинство групп мигрантов второго поколения образованы лучше сопоставимых местных [Khoo, McDonald, Giorgas, 2002]. В результате, значительная часть мигрантского Сиднея — среднеклассовая. Можно, таким образом, говорить об умеренной сегрегации, не связанной с классовыми различиями.

Москва

До 1991 г. Советский Союз, правопреемником которого является Россия, за редкими исключениями, пришедшимися преимущественно на 1920—1930-е гг. (американские инженеры в годы индустриализации, «дети Испании»), практически не принимал международных мигрантов. Вместе с этим за 70 лет существования СССР сложилась масштабная система внутренней миграции, объединившая в себя перемещения, осуществляемые в рамках разнообразия логик и институтов: индустриализация, начавшаяся в конце 1920-х гг. и длившаяся на протяжении всего советского периода, перемещала сельское население в города; модернизация требовала специалистов и сначала притягивала молодежь в города, а затем в рамках системы распределения — отправляла их работать в отдаленные уголки страны, в том числе — и в «национальные» республики СССР и РСФСР; дефицит способствовал появлению торговцев из южных регионов в сибирских городах, репрессивная система — перемещению населения на север и восток страны. В 1991 г. с распадом Советского Союза началось складывание постсоветской международной миграционной системы¹¹ с центром в России.

¹¹ Термин предложен в работе Ивахнюк И. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства [Ивахнюк, 2012].

Сегодняшняя миграция в Россию — это, с одной стороны, отражение процессов прошлого, с другой — важная часть демографических и экономических реалий нынешней российской жизни. В 1990-е гг. из-за конфликтов, политических и экономических неурядиц на постсоветском пространстве в Россию приехали не менее 3,5 млн человек, многие из которых были детьми или внуками когда-то уехавших из РСФСР людей [Зайончковская, 2013]. В 2000-е гг. с ростом цен на нефть российская экономика стала нуждаться в большем числе рабочих рук, которых в силу демографической ситуации в стране не оказалось. При этом в бывших советских республиках, прежде всего закавказских и среднеазиатских, а также в Молдавии и Украине, число людей, готовых работать, превышало число рабочих мест, а те рабочие места, которые были, предполагали более низкую зарплату, чем в России. Так, на основе сохранившихся с советского времени социальных связей стали появляться и крепнуть миграционные потоки, направленные в Россию. Сегодня демографическая ситуация в России характеризуется естественной убылью населения, в том числе, трудоспособного [Вишневский, 2013], снижается общий уровень экономического благосостояния. По прогнозам демографов, через десять лет естественная убыль российского населения может составлять до 500 тысяч человек в год¹², важность миграции в свете этого признается на государственном уровне¹³.

Сколько в России мигрантов сегодня? За 2018 г. в России на миграционный учет были поставлены около 12 млн иностранных граждан, эта цифра включает в себя очень разных людей: туристов, студентов, иностранцев, приехавших лечиться и повидать родственников, а также из них почти пять миллионов указали, что приехали работать. Важнейший регион-донор для России — это Средняя Азия: из пяти миллионов «трудовых мигрантов» больше половины — три миллиона — приходится¹⁴ на три страны: Узбекистан (2 млн), Таджикистан (1 млн) и Киргизию (0,4 млн). Кроме того, на работу многие приезжают из Украины (0,5 млн), Молдовы (0,2 млн), Азербайджана (0,2 млн и Армении (0,2 млн).

Одновременно с этим каждый год некоторое количество иностранцев получает гражданство России, переставая отражаться в миграционной статистике. Например, за 2015—2017 гг. гражданами РФ стали порядка 700 тысяч человек, а за весь постсоветский период — около 9 миллионов человек¹⁵. Важно, что приобретение гражданства не означает желание остаться в России навсегда или даже того, что «новый россиянин» живет в России. Во многих случаях гражданство равняется возможности претендовать на работу с более высокой зарплатой и избавлению от проблем, связанных с оформлением документов для иностранцев

¹² Предположительная численность населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. 26.12.2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

¹³ Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.10.2007. N 42. ст. 5009; Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 05.11.2018. N 45. ст. 6917.

¹⁴ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 год МВД России. 2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

¹⁵ Проблемы миграции. Кто и зачем едет в Россию. Гайдаровский форум. Видео. 16 Января 2019. URL: <http://gaidarforum.ru/news/problemy-migratsii-kto-i-zachem-edet-v-rossiyu-video>.

и взаимодействием с полицейскими. И наоборот — человек может жить в России годами, не приобретая российское гражданство.

Москва, столица России, привлекает мигрантов больше, чем любой другой город России: например, из тех пяти миллионов, кто приехал в 2018 году работать, почти 1,7 миллиона приходится на Москву¹⁶. Значительное число тех, кто получил российское гражданство, живет в Москве. В целом, мигранты в Москве представляют собой разнообразие социально-экономических групп: от успешных бизнесменов, переехавших с семьей еще в 1990-е гг., в чьих семьях выросли дети, считающие родным языком русский, до «одиночек», приезжающих временно на низкоквалифицированную работу и русский язык знающие плохо. Значительная и наиболее видимая часть мигрантов тяготеет ко второму типу. Как и во многих других странах, они занимаются теми видами работы, на которые не претендуют местные жители, и в Москве они в первую очередь заняты в строительстве и сфере обслуживания.

Как расселены мигранты в Москве? Социологические исследования [Rocheva, 2015; Demintseva, 2017] свидетельствуют: 1. В Москве не складываются «этнические районы» (резидентные территории, на которых мигранты или люди с миграционным бэкграундом составляли бы большинство); 2. Несмотря на то что в одних частях Москвы представителей некоторых мигрантских групп может быть чуть больше, чем в других [Вендина, 2004], мигранты в целом равномерно расселены по московским районам. Такие же выводы можно сделать на основании переписи 2010 г., о которой, однако, известно, что по разным причинам информация по этническим мигрантам в ней существенно недопредставлена, представлена некорректно или вводит в заблуждение¹⁷. Так, самая большая доля иноэтничных мигрантов среди всех территориальных единиц столицы обнаруживается в маленьких деревнях Новой Москвы, включенной в состав столицы незадолго до переписи 2010 года. Например, в Юрьевке, деревне, входящей в Вороновское поселение, и удерживающей первенство по доле иноэтничных мигрантов среди всех переписных единиц Москвы (60%), мигранты составляют 12 из 20 переписанных человек. Для всего Вороновского поселения, где проживает 8139 человек, доля иноэтничных мигрантов составляет только 0,7%, из чего можно сделать вывод, что территории компактного проживания иноэтничных мигрантов в Вороново не сложилось¹⁸. Район «старой Москвы» с самой высокой долей мигрантов — Арбат (9,5%), однако, скорее всего, это вновь артефакт сбора данных и настолько высокая доля объясняется, во-первых, наличием в этом районе большого числа гостиниц, во-вторых, тем, что в центре в тот период располагались организации, временно регистрировавшие мигрантов, и вразрез с официаль-

¹⁶ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 год МВД России. 2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

¹⁷ Среди причин такой недопредставленности: наличие специального переписного листа для иностранцев, о котором могли не знать переписчики, уязвимое положение этнических мигрантов, в результате которого дверь переписчикам могли просто не открыть, проживание мигрантов в помещениях, не внесенных в совокупность резидентных, интенсивный график труда, в результате которого на момент переписи мигранты могли отсутствовать дома и проч.

¹⁸ Согласно данным, предоставленным нам администрацией поселения, на данный момент постоянно зарегистрированных жителей в Юрьевке 45 человек, из которых иноэтничными мигрантами первого и второго поколения являются 12 человек, что, с учетом временного лага, снижает указанную долю до 26%.

ной процедурой, данные по зарегистрированным автоматически переносились в переписные листы.

В Пресненском районе, втором «старомосковском» районе по доле мигрантов, их численность составляет только 6,1 %, а в третьем — в Чертанове — только 4,5 %, и далее только снижается. Самая низкая доля мигрантов, согласно переписи, в районе Сокол — 0,7 %, а среднее значение по всем районам Москвы в пределах МКАД — 1,95 %. Доля мигрантов в переписных данных, таким образом, с одной стороны, системно занижена, с другой — когда она высока, нередко это оказывается артефактом сбора данным и не отражает реальность. Данные переписи, с одной стороны, не являются надежным источником, с другой — даже на этих ненадежных данных видно, что доли невелики, разброс небольшой, и мигранты, в целом, равномерно представлены в московских районах.

На этом фоне, однако, можно говорить о некотором количестве типов резидентной концентрации и сегрегации иноэтничных мигрантов в Москве. Прежде всего, речь идет о временных мигрантах в строительных бригадах. Эти бригады, если речь идет о высотном строительстве, требующем наибольшее количество рабочих рук, представляют собой группу людей, сложившуюся на основе земляческо-родственных сетей. В типичном случае строители всей бригадой проживают либо на стройке в строительных городках, либо в одном из специальных общежитий, которые строят компании для своих работников. В обоих случаях строители живут замкнуто и если соседствуют с немигрантами, это соседство происходит через забор стройплощадки или через шлагбаум, отделяющий въезд во двор общежития от прочей застройки.

Иным по структуре типом резидентной концентрации мигрантов являются т. н. «резиновые квартиры». Под этим словосочетанием обычно подразумевается и квартира, в которой зарегистрировано большое количество не проживающих в ней мигрантов, и квартира-общежитие, в которой в одной комнате может жить до десяти человек, спящих на матрасах или двухъярусных кроватях, иногда — по-сменно. Такие квартиры чаще всего находятся в обычных многоквартирных домах, а в соседних квартирах — живут немигранты в адекватном для помещения количестве¹⁹. Жильцы квартир-общежитий могут приходиться друг другу как родственниками, так и абсолютно чужими людьми, более того, распространена ситуация, при которой одна комната в двухкомнатной квартире-общежитии занята семьей в составе муж-жена-ребенок, в другой — живут только молодые мужчины.

Третьим типом концентрации мигрантов в Москве является их более высокая представленность среди населения жилых массивов недалеко от крупных специфически мигрантских рабочих мест — рынков, овощебаз или торговых центров. На протяжении 2000-х гг. крупнейшим таким рабочим местом был Черкизовский рынок, а в 2013 г. стала известна на всю страну Покровская овощебаза в Бирюлеве Западном, закрытая после анти-мигрантских выступлений националистов. В настоящий момент подобными местами концентрации являются дома вокруг ТК Москва в районе Люблино, а также некоторые части г. Котельники,

¹⁹ Согласно Индексу лучшей жизни ОЭСР, в Москве на одного человека приходится 22 квадратных метра жилой площади, что примерно соответствует одной просторной комнате. (см. Как жизнь? Индекс лучшей жизни. 2017. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru>).

расположенного сразу за МКАД и прилегающего к оптово-розничному рынку Садовод и несколькими большим торговым комплексам. Доля мигрантов и мигрантских квартир в подобных домах может превышать 50%, более того, не желая иметь столько мигрантов в качестве соседей, немигрантское население может свои квартиры сдавать или продавать мигрантам.

Такое положение вещей, однако, зачастую характеризует лишь несколько домов, непосредственно прилегающих или находящихся в приоритетной транспортной доступности от рабочего места. Вопреки ожиданиям, дома, в которых происходит такая замена населения, совсем не обязательно представляют собой старую советскую застройку. Напротив, купив квартиры на стадии котлована и столкнувшись при заселении с нежелательным соседством, немигрантское население бюджетных новостроек съедет с большей вероятностью. Вместе с тем зафиксированы случаи, когда замена населения происходит и в домах советского времени, и в частном секторе — например, в деревне Челобитьево, прилегающей к МКАД с северной стороны, в одно- и двухэтажных домах советского времени живут преимущественно таджикские мигранты, резидентная концентрация которых связана с расположенными рядом Мытищинским строительным рынком и неформальной мигрантской биржей труда на Ярославском шоссе.

Можно ли говорить, что жилье, характеризующееся этими типами концентрации мигрантов, больше представлено в одних частях Москвы и меньше в других? Стройки происходят по всей Москве и проживание на стройках, соответственно, не является особенностью какой-либо части города. Квартиры-общежития также относительно равномерно расположены в городе, включая центральные районы, в которых ими могут служить, например, аварийные дома.

Крупные рабочие места, однако, зачастую расположены на окраинах Москвы — в районе МКАД, в результате и связанные с ними места концентрации располагаются на периферии города. Такие места концентрации, равно как и места концентрации в принципе, являются лишь одним из типов проживания мигрантов в Москве. Семейные мигранты и мигранты второго поколения зачастую живут вне мест концентрации, и их проживание не привязано к каким-либо специфическим «мигрантским» местам. Оценить долю мигрантов, живущих вне указанных мест концентрации, — сложная задача, однако можно предположить, что их не больше половины. С учетом того, что и места концентрации не локализируются в той или иной части Москвы, можно повторить, что иноэтничные мигранты расселены по городу, в целом, равномерно.

С чем связано такое положение вещей? Есть один ключевой фактор, который его объясняет: эгалитарность городского пространства «социалистического города» Москвы²⁰. Районирование и локализация социальных групп присутствовали в Москве на протяжении ее дореволюционной истории, но, хотя те или иные части города могли считаться связанными с теми или иными профессиями, этническими и классами, в целом, эта принадлежность, являлась символическим ори-

²⁰ История складывания эгалитарного пространства Москвы на данный момент еще не написана, поэтому этот фрагмент подготовлен на основе серии глубинных интервью со специалистами по пространству Москвы, Д. В. Ромодиним, П. А. Гнилорыбовым, О. И. Вендиной, которых авторы благодарят за предоставленную информацию и одновременно берут на себя всю ответственность за неверно изложенные факты и неправомерные интерпретации.

ентиром и по разным причинам не создавала ситуации социальной сегрегации. Не создавалось в Москве и специфических географических направлений, где бы локализовывались мануфактуры и фабрики. Хотя можно говорить о некоторой их кластеризации на востоке и юго-востоке, строились они в Москве почти везде, где была вода, а затем и железная дорога. Единственное направление, которое было свободно от индустрии — юго-запад. На момент индустриализации оно было слабо освоено в связи с характеристиками ландшафта — Воробьевы горы затрудняли строительство железной дороги. Рабочие до революции жили в специально построенных для них рабочих городках, пространственно примыкающих к фабрикам, и в доходных домах, бараках и прочих типах жилья, расположенных по всему городу. Кластеры дворянских и купеческих усадеб также не были привязаны к специфическим районам и соседствовали с местами проживания прочих социальных групп.

Сложно сказать, с какой вероятностью с ростом рабочего класса при сохранении дореволюционных пространственно-социальных структур классовое районирование бы возникло, однако на момент революции Москва классово-сегрегированным городом не являлась. Революция и пост-революционное «уплотнение» способствовало интенсивному социальному смешению. Ограниченный и в основном дворянско-купеческо-мещанский жилищный фонд наполнился хлынувшими в Москву мигрантами с преимущественно сельским бэкграундом, смешивание происходило на уровне отдельных квартир.

Довоенный период характеризовался ограниченным жилищным строительством, спецификой которого являлась децентрализация и наличие у большинства министерств и предприятий собственных строительных подразделений, возводящих здания. В этих домах жили сотрудники соответствующих организаций, и дифференциация происходила на уровне отдельных домов, подъездов и квартир, но не районов — создание специфически номенклатурного района согласовать было бы сложно. После войны происходит централизация строительства — строительные функции берет на себя город, а через некоторое время возникают строительные комбинаты и начинается массовое строительство хрущёвской и брежневской эпох. Новый жилищный фонд частично распределяется между организациями, частично (поквартирно) выдается жителям аварийного и коммунального жилья центра города, в котором население разного социального происхождения жило с 1920-х гг. Организации пытаются способствовать строительству единичного элитного жилья для руководителей (зачастую — это «сталинки», построенные в пост-сталинскую эпоху, а также панельные дома обычных серий с более дорогой «начинкой»), в целом массовая застройка продолжает традиции московского социального смешения и, хотя, например, в домах на юго-западе Москвы, где с 1960-х гг. начинают кластеризоваться научные организации, в целом, уровень образования жильцов выше, а на востоке рядом с огромными заводами индустриальной эпохи — ниже, и там, и там население социально разнообразно.

Нужно отметить, что соответствующий имидж районов в разных частях Москвы — продукт 1980-х гг., до этого периода для жителя центра, которым выдавали квартиру, сам факт наличия жилплощади был важнее района, в котором она находится, тем более что от района к району они не отличались. Так сложилось

эгалитарное социалистическое пространство в Москве, на которые накладывается постсоветская — внутренняя и международная — миграция.

Оказываясь в Москве, мигранты разных миграционных потоков и волн, если их не селит работодатель (а это касается значительной части мигрантов в строительной сфере) первое время почти всегда селятся у родственников или снимают койко-место, комнату или квартиру, затем же, и это важный индикатор, позволяющий говорить, что мигрант из временного становится постоянным, он может купить недвижимость. Выделяются, таким образом, два паттерна — связанные со съемом и с покупкой жилья. Снимать жилье мигранты чаще всего пытаются рядом с работой, которая не локализуется в какой-либо части Москвы, однако нередко они живут и на существенном от нее отдалении, это чаще всего связано с тем, что жить вместе предложили родственники или «земляки». В этом случае ценность «жить со знакомыми» оказывается важнее ценности «снимать рядом с работой», так как время на поиск жилья у мигрантов ограничено, а родственники и знакомые — ключевой информационный ресурс для них [Варшавер, Рочева, Иванова, 2017], фактическое место жительства складывается из этих двух составляющих.

Важно, что стоимость койко-места в квартире-общежитии мало зависит от района проживания. Расположение каждого из квартир-общежитий, в свою очередь, ретроспективно объясняется близостью к рабочему месту человека, некогда такую квартиру снявшего, а рабочие места, как уже отмечалось, располагаются по всей Москве, как и такие квартиры-общежития.

Несколько отличается паттерн резидентного выбора у тех, кто принимает решение о покупке недвижимости? У таких людей на первый план выходят несколько другие факторы — цены на недвижимость, качество школ, экология, а также близость мест проживания родственников и знакомых. Эти паттерны мало отличаются от соответствующих паттернов у немигрантов или внутренних мигрантов, которые покупают недвижимость в Москве. Поэтому и расселяются этнические мигранты равномерно по доступному жилищному фонду, в том числе и новому, равномерно распределенному по городу. Напомним, что в его строительстве активное участие принимает третья категория мигрантов — мигранты строители. Они живут преимущественно на объектах, а значит тоже относительно равномерно по городу.

Как говорилось выше, места резидентной концентрации мигрантов все-таки складываются и из некоторых мест, расположенных рядом с большими мигрантскими рабочими местами, где мигранты селятся массово, немигранты предпочитают уехать. Почему подобный процесс не происходит на уровне всего города? Во-первых, доля этнических мигрантов в населении Москвы относительно невелика и по разным оценкам составляет не более 20 %, в результате чего подобные места концентрации являются единичными явлениями, и не кластеризуются в тех или иных частях города. Во-вторых, поскольку большинство московских районов мало отличаются один от другого в части качества жилья, социального состава жильцов, а также доли мигрантов в населении, на уровне города такие смены места жительства относительно бессмысленны. В-третьих, слабо развитый рынок покупки-продажи недвижимости скорее осложняет этот акт, и москвичи, зачастую не купившие квартиру, а получившие ее в ходе приватизации, относятся к ней не как к активу, а как к фамильному гнезду, и в результате относительно редко

меняют место жительства. Такое положение вещей является дополнительным фактором, сохраняющим status quo и объясняющим равномерное расселение мигрантов по всей Москве.

Данное описание и объяснение не является исчерпывающим — существует разнообразие моделей проживания мигрантов в Москве, и каждая из них должна быть исследована на предмет пространственного размещения отдельно. Детального исследования требует резидентный выбор — мигрантов и немигрантов. Кроме того, тщательнее предстоит описать историю пространственного эгалитаризма Москвы. Но картина именно такова: этнические мигранты в Москве расселены равномерно, и связано это в первую очередь с эгалитаризмом городского пространства столицы.

Сравнение и теоретическая модель

Итак, резюмируя характеристики расселения мигрантов и их детей в Париже, Сингапуре, Сиднее и Москве, можно констатировать, что в Париже, как и в Сиднее, фиксируется определенный уровень резидентной сегрегации постоянных мигрантов и их детей, которые в целом перепредставлены в бывших рабочих районах; в Сингапуре пространственно сегрегированы большинство временных трудовых мигрантов, в то время как квалифицированные мигранты и постоянные резиденты (два накладывающихся множества), а также недавние граждане в резидентных паттернах не отличаются от немигрантов; в Москве, несмотря на наличие небольшого количества мест резидентной концентрации мигрантов, сегрегации нет, и мигранты селятся равномерно по всему городу. Анализ факторов расселения мигрантов в этих четырех городах позволил выделить ряд значимых факторов и создать схему (см. рис. 2), описывающую взаимодействия этих факторов между собой.

Расселение мигрантов является функцией от разнообразных характеристик принимающего общества и миграционных потоков, а также — миграционной политики, соединяющей первые и вторые. Проанализируем каждый из факторов детально — отдельно и во взаимосвязи с прочими факторами, а затем укажем, какие факторы «ответственны» за расселение мигрантов в каждом из четырех случаев и сравним их между собой.

Характеристики миграционных потоков — человеческий капитал и габитус мигрантов (образованные или необразованные, сельские или городские, квалифицированные или неквалифицированные), а также их миграционные намерения — являются производной от социально-экономических характеристик принимающей страны и ее месте в рамках тех или иных миграционных систем. В частности, Сингапур и Австралия вместе являются частью Тихоокеанской миграционной системы, и, как следствие, основные страны-доноры для них — Китай и Индия, для пост-имперской Франции — основные доноры — ее африканские колонии, а для России — страны бывшего Советского Союза.

Более высокий уровень экономического развития в этих странах, а особенно в столицах, находящихся в фокусе исследования, позволяет претендовать на прием мигрантов всех уровней квалификации, поэтому другим важным фактором, определяющим характеристики потоков, является миграционная политика, проактивная, сфокусированная на привлечении квалифицированных мигрантов в ка-

честве постоянных жителей (в Сингапуре и Австралии) и реактивная, не способная повлиять на «качество миграции» (в России и Франции). Миграционная политика Сингапура, кроме того, проводит четкую грань между неквалифицированными временными и квалифицированными постоянными мигрантами, а в Австралии в свете того, что эта страна принимает гуманитарных мигрантов, работы, которые выполняют временные мигранты в Сиднее, — выполняет именно они. В результате «качество» миграционного потока в Австралии и Сиднее выше, чем во Франции и в России.

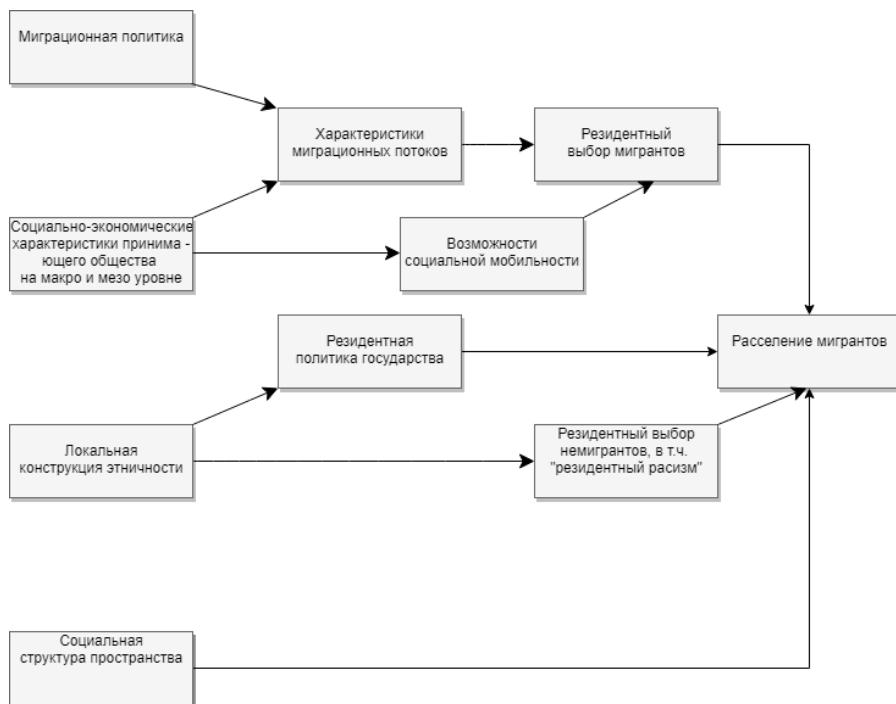

Рисунок 2. Детерминанты расселения мигрантов: теоретическая модель

Социальная структура пространства — наиболее значимый фактор принимающего общества — складывается в ходе социальной истории места и описывает то, как разные социальные группы размещены в стране и городе. Зачастую классовость пространства закладывается в ходе интенсивной индустриальной урбанизации. В Париже, главном центре французской индустриализации, классовая дифференциация пространства сложилась уже к началу XX века. В Австралии индустриализация произошла позднее, однако представления о необходимости резидентной классовой сегрегации Австралия заимствовала из Англии, откуда происходило абсолютное большинство ее населения на момент индустриального бума, в результате чего к 1930-м гг. Сидней также стал классовым городом. В Сингапуре ключевым основанием для распределения людей в пространстве была расовая принадлежность, заявленная в качестве такового в генплане нача-

ла XIX века и остающаяся таковым до настоящего времени — пространственная дифференциация по имущественным основаниям в Сингапуре существовала, но значила меньше, чем расовая, в настоящее же время в связи со строительством массового государственного жилья ее значимость снизилась еще больше. Особая история — у одного из в прошлом ключевых социалистических городов — Москвы. Дореволюционная индустриализация не создала классово дифференцированного пространства, равно как не сложилось его и после революции. Этому способствовала даже не эгалитарная идеология Советского государства, а институционально-организационная структура советского массового строительства. Можно говорить, что в Париже и Сиднее пространство — классовое, в Москве и Сингапуре — эгалитарное.

Играет роль и локальная конструкция этничности [Варшавер, 2016], совокупность актуальных этнических категорий и типичных отношений между ними. Именно она в некоторых случаях имеет институциональное воплощение (например, согласно официальной сингапурской идеологии мультирасиализма, расовые группы являются *separate, but equal*), именно она позволяет некоторым мигрантским группам быстро перейти в категорию «местных» (например, британцам, а затем — итальянцам и грекам в Сиднее), а некоторых — на протяжении поколений оставляет «чужаками» (например, магрибцев в Париже) и именно она определяет наличие или отсутствие «резидентного расизма» — такой характеристики резидентного выбора местных, при котором они в качестве соседей не хотят видеть мигрантов и их детей.

Австралия до 1970-х гг. придерживалась расовой миграционной политики, на смену которой пришел мультикультурализм, однако эта замена была в значительной степени вынужденной мерой, и в настоящее время государственный мультикультурализм соседствует с культурным расизмом некоторой части австралийского общества, выражающемся в том числе в нежелании «слышать запах карри» из кухонь соседей индусов. Сходная ситуация во Франции, в которой расизм, в частности резидентный, принимающего общества накладывается на экономическую депривированность мигрантов и их детей, выраженную в том числе и пространственно. В результате многие французы не хотят селиться рядом с мигрантами.

В Сингапуре «расовый паритет» лежит в основании расселения, жители не могут повлиять на этнический состав своего дома или подъезда, в результате, везде он примерно одинаковый. Вместе с этим, общежития, в которых живут временные мигранты, как показали недавние события, являются нежелательным соседством для сингапурцев, а значит можно говорить о присутствии резидентной ксенофобии.

Конструкция этничности в Москве — с давних пор этнически разнообразном городе — сочетает в себе традиции советского интернационализма, бытовой ксенофобии немигрантов по отношению к мигрантам и тем, кто на них похож, и нежелания жить рядом с ними, а также существенного уровня ингруппового фаворитизма у некоторых групп мигрантов первого и второго поколений.

Важным фактором является и государственная (или городская) резидентная политика, направленная на общество в целом или непосредственно на мигрантов. В Париже власть сфокусировалась на жилищном вопросе после Второй мировой войны, государственная политика была ответом на довоенный жилищный кризис.

В ее рамках немигрантская часть рабочего класса была расселена в социальное жилье, а мигрантская — во временные общежития и транзитные городки. С ликвидацией временного жилья мигранты переселились в «большие ансамбли» социальных кварталов. В настоящий момент власти пытаются осуществить попытку социального смешения, которая состоит в расселении социального жилья.

В Сингапуре государство является главным регулятором расселения как мигрантов, так и немигрантов. Как и Франция, столкнувшись с жилищным кризисом, после Второй мировой войны оно начало массовое строительство многоэтажных зданий, в которых сейчас живет 80 % жителей. В этом жилье государство регулирует расовый состав населения. Кроме того, государство регулирует условия проживания в старом жилье, а также — расположение мигрантских общежитий.

В Сиднее государство и город вмешиваются в расселение мигрантов и немигрантов меньше — в ходе приема первых послевоенных волн мигрантов их аккомодация осуществлялась в специальных общежитиях, сейчас же неимущим мигрантам государство помогает с арендой.

В Москве строительство и расселение до 1991 г. осуществлялось государством, затем же государство почти полностью покинуло эту сферу и на данный момент оно практически никак не модерирует расселение.

Функцией от характеристик миграционного потока и характеристик принимающего общества, в частности уровня безработицы и конструкции этничности, является следующий фактор — наличие вертикальной социальной мобильности у мигрантов, в том числе, межпоколенческой. Париж является примером ее сильной ограниченности — низкий уровень человеческого капитала мигрантов, высокий уровень безработицы в целом и особенно высокий — среди мигрантов и их детей, отсутствие моделей социального успеха, расизм принимающего общества, замыкание социальных районов на себе и складывание там антиобщественной культуры, — все это создало ситуацию, при которой выбраться из таких гетто по социальной лестнице оказывается сложно.

Сингапур, напротив, представляет собой современное динамичное общество с низким уровнем безработицы, в котором мигранты и их дети не имеют структурных ограничений для достижения социального успеха. Одновременно с этим временные мигранты лишены возможностей для социальной мобильности.

Хорошие показатели межпоколенческой социальной мобильности демонстрирует Сидней: известно, что мигранты второго поколения в Австралии лучше образованы, чем местные и не проигрывают им на рынке труда.

Москва в части наличия возможностей социальной мобильности не отстает от Сиднея. Если первое поколение в массе своей работает на низкоквалифицированных работах или занимается бизнесом, второе поколение массово идет в ВУЗы и на рынке труда затем не уступает сопоставимым немигрантам.

Особой переменной, значение которой определяется характеристиками миграционного потока, характеристиками вертикальной мобильности и резидентной политикой, является резидентный выбор, осуществляемый мигрантами. Дело в том, что в обществах, в которых мигранты занимают низкие позиции на рынке труда и где их расселением занимается государство, выбора, строго говоря, мигранты не осуществляют. Напротив, финансовое благополучие — имеющее

домиграционное происхождение или приобретенное в ходе вертикальной мобильности в принимающем обществе — позволяет мигрантам выбирать, где жить. Этот выбор, однако, может быть ограничен нежеланием местных жить с мигрантами. Во Франции мигранты место жительства, в целом, не выбирали. В Австралии для большинства миграционных волн прошлого и гуманитарных мигрантов настоящего также выбор не стоял — их селили в общежития, затем они переселялись в ограниченное число кварталов, однако квалифицированные мигранты настоящего и второе поколение такой выбор имеет возможность осуществлять. В Сингапуре ни квалифицированные, ни неквалифицированные мигранты за некоторыми исключениями не могут выбирать, где жить; за неквалифицированных мигрантов чаще всего отвечает работодатель, а квалифицированные покупают или снимают государственное жилье посредством обращения в специальный распределитель недвижимости. Москва предоставляет наибольшие возможности для выбора — в российской столице нет ни классовой предзаданности пространства, ни вмешательства государства в характеристики расселения. Рынок съемной недвижимости в значительной степени поделен на мигрантский и немигрантский сектора, и эта регуляция осуществляется в том числе за счет этнических маркеров в объявлениях о сдаче квартир, однако находиться квартиры-общежития могут по всему городу. Продажа же квартир осуществляется вне указанных ограничений.

На основании описанных факторов можно формализовать описание городов-случаев и продемонстрировать, как работает тот или иной набор факторов в каждом случае в сравнении. Так, расселение мигрантов в Париже объясняется через низкий уровень человеческого капитала мигрантов (1), миграционную политику, «вопреки» которой мигранты остались во Франции (2), классовую социальную структуру пространства (3), резидентную политику, разную по отношению к мигрантам и немигрантам (4), и локальную конструкцию этничности, в которой существенную роль играет мигрантофобия (5).

Заключение

В данной статье на основании анализа четырех глобальных городов была создана схема, объясняющие характеристики расселения мигрантов затем же было произведено их сравнение. Она релевантна для каждого из случаев, однако действие каждого из факторов в каждом из случаев — различно, объясняется же каждый из случаев уникальной констелляцией этих факторов.

Можно предположить, что анализ других случаев дал бы на выходе иной набора факторов и несколько отличную теоретическую схему. Именно в этой связи работа будет продолжена и дополнена прочими случаями, более того — в фокусе будут как глобальные города, так и прочие населенные пункты и — шире — страновые контексты. В частности, не вошли в этот анализ результаты уже проведенных исследований в Швеции, Канаде и Великобритании; планируются исследования в ОАЭ, США, Израиле и Корее.

Страновые случаи, однако, являются прежде всего контекстом для понимания расселения мигрантов в России, которому постепенно предполагается уделять все больше времени. В частности, на основании переписи с помощью индексов сегрегации предполагается осуществить замер расселения мигрантов в Москве.

Полезным результатом этой работы станет квантификация московских показателей, а значит — выход на более фундированное международное сопоставление. Альтернативная гипотеза, однако, состоит в том, что большинство существующих индексов сегрегации для Москвы нерелевантны в свете качества статистических данных. Степень применимости индексов к московскому случаю будет исследована. Параллельно продолжается исследование в Москве (преимущественно методами глубинного интервью и наблюдения), географическая рамка расширяется до границ соседних областей в связи с тем, что распределение объектов и расселение мигрантов имеет агломерационную логику.

В какой степени Москва в части расселения мигрантов отличается от прочей России? Ответ на этот вопрос авторы планируют получить, исследовав случаи других российских городов — в частности, Екатеринбург и Красноярск.

Другим важным вопросом является перспектива изменения существующей ситуации с расселением мигрантов в России со временем, например, в свете интенсификации и диверсификации миграционных потоков. Если сейчас этнические районы в России почти не складываются, изменится ли такое положение вещей, если Россия выйдет на глобальный рынок мигрантов и станет массово привлекать в качестве постоянных резидентов, например, молодежь из Индии и Китая? Ответ на этот вопрос авторы попытаются дать посредством АВМ (акторно-ориентированное компьютерное моделирование расселения мигрантов и немигрантов).

Приложение

Результаты сравнительного анализа характеристик расселения мигрантов в глобальных городах и их детерминант

	Париж	Сингапур	Сидней	Москва
Социально-экономические характеристики принимающего общества	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения \$ 45775 (25 место), безработица 9 %	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения \$ 10345 (4 место), безработица 2 %.	Постиндустриальная экономика, альфа++ ВВП на душу населения \$ 52373 (17 место), безработица 5 %	Постиндустриальная экономика, альфа+, ВВП на душу населения \$ 29267 (49 место), безработица 5 %
Миграционная политика	Реактивная, потоки не дифференцируются, упор на воссоединение семей	Проактивная, дифференциация не-квалифицированных временных мигрантов и квалифицированных постоянных	Проактивная, упор на квалифицированную миграцию, гуманитарная составляющая	Реактивная, нет дифференциации между потоками
Характеристики миграционных потоков	Неквалифицированная, постоянная миграция	Квалифицированная постоянная миграция, неквалифицированная временная миграция	Постоянная миграция — квалифицированная и неквалифицированная	Неквалифицированная не дифференцированная между временной и постоянной миграция
Социальная мобильность мигрантов, в т. ч., межпоколенческая	Низкая	Отсутствует для временных мигрантов, высокая для постоянных	Умеренная для первого поколения, высокая для второго	Умеренная для первого поколения, высокая для второго
Социальная структура пространства	Классовая	Эгалитарная	Классовая	Эгалитарная
Локальная конструкция этничности	Белая Франция vs. Неевропейские мигранты	Паритет между китайцами, малайцами и остальными	Мультикультурализм, рудименты политики Белой Австралии	Советское мультикультуралистское наследие совмещается с бытовым расизмом
Резидентная политика	Отсутствующая, затем — временное жилье для мигрантов и социальное жилье для немигрантов, затем — переселение мигрантов в социальное жилье, затем — относительно безуспешные политики социального смешения	Государственное жилье, расовые жилищные квоты для резидентов, а также по статусам пребывания для иностранцев, сегрегационная политика в отношении временных мигрантов	Аккомодация мигрантов в специальных общежитиях до 1990-х, адресная помощь и политика социального смешения в отношении беженцев и неимущих мигрантов и немигрантов в настоящее время	Отсутствует
Резидентный выбор мигрантов	Отсутствует	Лимитирован для постоянных мигрантов, отсутствует для временных	Присутствует в первую очередь для освоившихся мигрантов и второго поколения	Присутствует для всех категорий мигрантов
Резидентный выбор местных, в т. ч., резидентный расизм	Присутствует, есть резидентный расизм	Отсутствует	Присутствует, есть резидентный расизм	Ограничен, есть резидентный расизм
Расселение мигрантов	В социальном жилье преимущественно в северных, северо-восточных и юго-восточных пригородах	В HDB для постоянных мигрантов, преимущественно в общежитиях, но также в шопхаусах в старых районах	Преимущественно во внешних пригородах, расположенных в 15—30 километрах на запад и юго-запад от сити	Равномерно по городу

Список литературы (References)

- Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 52—64.
- Vendina O. (2004) Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3. P. 52—64. (In Russ.).
- Amrith S. (2010) Mobile City and the Coromandel Coast: Tamil Journeys to Singapore, 1920—1960. *Mobilities*. Vol. 5. No. 2. P. 237—255. <https://doi.org/10.1080/17450101003665085>.
- Arbaci S. (2007) Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. No. 4. P. 401—433. <https://doi.org/10.1080/14616710701650443>.
- Åslund O. (2005) Now and Forever? Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 35. No. 2. P. 141—165. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2004.02.001>.
- Atkinson R., Kintrea K. (2000) Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93—108. <https://doi.org/10.1332/0305573002500857>.
- Avenel C. (2009). La construction du “problème des banlieues” entre ségrégation et stigmatisation. *Journal français de psychiatrie*. No. 3. P. 36—44. <https://doi.org/10.3917/jfp.034.0036>. (In French).
- Benton-Short L., Price M. D., Friedman S. (2005) Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 4. P. 945—959. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00630.x>.
- Berry B. J. L., Rees P. H. (1969) The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445—491.
- Bidoux P.-É. (2012) Les descendants d’immigrés se sentent au moins autant discriminés que les immigrés. *INSEE Île-de-France à la page*. No. 395. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1292652>. (In French)
- Bidoux P.-É., Couleaud N. (2017) Les quartiers de la politique de la ville en Île-de-France. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 57. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2658852>. (In French)
- Blanc-Chaléard M.-C. (2008) Migrants et logement en France. *Accueillir*. No. 245. P. 4—7. https://www.revues-plurielles.org/_uploads/pdf/47/245/245_les_immigres_et_le_logement.pdf. (In French)
- Briggs X. D. S. (2003) Re-shaping the Geography of Opportunity: Place Effects in Global Perspective. *Housing Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 915—936. <https://doi.org/10.1080/0267303032000135500>.

Clark W. A. V. (1988) Understanding Residential Segregation in American Cities: Interpreting the Evidence. A Reply to Galster. *Population Research and Policy Review*. Vol. 7. No. 2. P. 113—121. <https://doi.org/10.1007/bf00125463>.

Couleaud N., Poncelet T., Capillon J., Ngo Ch., Derosier A., Gilotte O., Didier A., Gauthier L. (2016) Brevet des collèges en Ile-de-France: Réussite à l'examen et inégalités sociales des territoires vont de pair. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 40. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2421947>. (In French)

Cowgill D. O., Cowgill M. S. (1951) An Index of Segregation Based on Block Statistics. *American Sociological Review*. Vol. 16. No. 6. P. 825—831. <https://doi.org/10.2307/2087511>.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Duncan O. D., Duncan B. (1955) A Methodological Analysis of Segregation Indexes. *American Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 210—217. <https://doi.org/10.2307/2088328>.

Epstein R. (2011) Politiques de la ville: bilan et (absence de) perspectives. *Regards Croisés sur L'économie*. No. 1. P. 203—211. <https://doi.org/10.3917/rce.009.0203>. (In French)

Havekes E. A. (2014) Putting Interethnic Attitudes in Context. The Relationship between Neighbourhood Characteristics, Interethnic Attitudes and Residential Behaviour. Ph. D. Thesis. Utrecht: Utrecht University. <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/290127>.

Histoire de l'immigration en France. La contribution des immigrés au développement économique et aux guerres françaises de 1850 à aujourd'hui. Collectif des Luttins. Grenoble, 2004. http://www.preavis.org/formation-mr/Luttins/brochure_immigration_1-0.a5.pdf. (In French)

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. (1947) The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*. Vol. 12. No. 3. P. 293—303. <https://doi.org/10.2307/2086519>.

Janson C. G. (1980) Factorial Social Ecology: An Attempt at Summary and Evaluation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6. P. 433—456. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.06.080180.002245>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007a) Ethnic and Racial Segregation in U. S. Metropolitan Areas, 1980—2000: The Dimensions of Segregation Revisited. *Urban Affairs Review*. Vol. 42. No. 4. P. 479—504. <https://doi.org/10.1177/1078087406292701>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007b) The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 97. No. 4. P. 713—738. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2007.00579.x>.

- Jones K., Johnston R., Manley D., Owen D., Charlton C. (2015) Ethnic Residential Segregation: A Multilevel, Multigroup, Multiscale Approach Exemplified by London in 2011. *Demography*. Vol. 52. No. 6. P. 1995—2019. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0430-1>.
- Krysan M. (2002) Community Undesirability in Black and White: Examining Racial Residential Preferences through Community Perceptions. *Social Problems*. Vol. 49. No. 4. P. 521—543. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.521>.
- Lapeyronnie D. (2006) Révolte primitive dans les banlieues françaises. *Déviance et Société*. Vol. 30. No. 4. P. 431—448. <https://doi.org/10.3917/ds.304.0431>. (In French)
- Lévy-Vroelant C. (2004) Le logement des Migrants en France du Milieu du 19e siècle à nos Jours. *Historiens et Géographes*. No. 385. P. 147—165. (In French)
- Maloutas T., Fujita K. (eds.) (2016) Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315605661>.
- Massey D. S., Denton N. A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*. Vol. 67. No. 2. P. 281—315. <https://doi.org/10.1093/sf/67.2.281>.
- Musterd S., Andersson R. (2005) Housing Mix, Social Mix, and Social Opportunities. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 6. P. 761—790. <https://doi.org/10.1177/1078087405276006>.
- Musterd S., Marcińczak S., Van Ham M., Tammaru T. (2017) Socioeconomic Segregation in European Capital Cities. Increasing Separation between Poor and Rich. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 1062—1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.
- Pan Ké Shon J.-L. (2011) Residential Segregation of Immigrants in France: an Overview. *Population and Societies*. No. 477. https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19145/pesa477.en.pdf.
- Pan Ké Shon J.-L. (2009) Ségrégation ethnique et ségrégation sociale en quartiers sensibles. *Revue française de sociologie*. Vol. 50. No. 3. P. 451—487. <https://doi.org/10.3917/rfs.503.0451>.
- Panics R., Vriend N. J. (2007) Schelling's Spatial Proximity Model of Segregation Revisited. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. No. 1—2. P. 1—24. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.03.008>.
- Park R. E. (1950) *Race and Culture*. Glencoe, IL: Free Press.
- Park R. E., Burgess E. W. (1925) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Phang S.-Y. (2018) *Policy Innovations for Affordable Housing in Singapore: From Colony to Global City*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-75349-2>.

- Préteceille E. (2011) Has Ethno-Racial Segregation Increased in the Greater Paris Metropolitan Area? *Revue française de sociologie*. Vol. 52. No. 5. P. 31—62. <https://doi.org/10.3917/rfs.525.0031>.
- Raden D. (2003) Ingroup Bias, Classic Ethnocentrism, and Non-Ethnocentrism among American Whites. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 803—828. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00355.x>.
- Rahman M. M. (2017) *Bangladeshi Migration to Singapore. A Process-Oriented Approach*. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3858-7>.
- Schelling T. C. (1971) Dynamic Models of Segregation. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143—186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.
- Seng L. K. (2007a) Black Areas: Urban Kampongs and Power Relations in Post-War Singapore Historiography. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. Vol. 22. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1355/sj22-1a>.
- Seng L. K. (2007b) *Dangerous Migrants: The Representations and Relocation of Urban Kampong Dwellers in Postwar Singapore*. Asia Research Centre Working Paper No. 140.
- Skifter Andersen H., Andersson R., Wessel T., Viikama K. (2016) The Impact of Housing Policies and Housing Markets on Ethnic Spatial Segregation: Comparing the Capital Cities of Four Nordic Welfare States. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1110375>.
- Tammaru T., Musterd S., van Ham M., Marcińczak S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. In: Tammaru T., Marcińczak S., van Ham M., Musterd S. (eds.) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. East meets West*. London: Routledge. P. 1—29.
- Tribalat M. (1997) Chronique de l'immigration: Les populations d'origine étrangère en France métropolitaine. *Population*. Vol. 52. No. 1. P. 163—220. <https://doi.org/10.2307/1534513>. (In French)
- Urselmans L. (2016) A Schelling Model with Immigration Dynamics. In: Lewis P. R., Headleand C. J., Battle S., Ritsos P. D. (eds.) *Artificial Life and Intelligent Agents. Second International Symposium, ALIA 2016, Birmingham, UK, June 14—15, 2016, Revised Selected Papers*. Cham: Springer. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90418-4_1.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities — Journal of Urban Ethnography*. Vol. 8. No. 2. P. 42—58. <http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads/2018/11/5-Anna-Rocheva.pdf>.
- Vieillard-Baron H. (2016) Les religions dans les banlieues: territoires et sociétés en mutation. *Géocofluences: Ressources de géographie pour les enseignants*. <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/dossiers-thematiques/fait-religieux-et-construction-de-l-espace/articles-scientifiques/les-religions-dans-les-banlieues-territoires-et-societes-en-mutation>.

- Warren J. F. (2003) *Rickshaw Coolie: A People's History of Singapore, 1880—1940*. Singapore: Singapore University Press.
- White M. J. (1988) *American Neighborhoods and Residential Differentiation*. New York: Russell Sage Foundation. <https://www.russellsage.org/sites/default/files/AmNeighborhoods.pdf>.
- Yang H., Yang P., Zhan S. (2017) Immigration, Population, and Foreign Workforce in Singapore: An Overview of Trends, Policies, and Issues. *HSSE Online*. Vol. 6. No. 1. P. 10—25. https://www.hsseonline.edu.sg/sites/default/files/uploaded/journal_articles/2-peidong.pdf.
- Yeoh B. S.A. (2018) Transnational Migration and Plural Diversities: Encounters in Global Cities. In: Liu-Farrer G., Yeoh B. S. (eds.) *Routledge Handbook of Asian Migrations*. London: Routledge. P. 238—249. <https://doi.org/10.4324/9781315660493-18>.
- Yeoh B. S.A., Lam T. (2016) Immigration and Its (Dis)Contents: The Challenges of Highly Skilled Migration in Globalizing Singapore. *American Behavioral Scientist*. Vol. 60. No. 5—6. P. 637—658. <https://doi.org/10.1177/0002764216632831>.
- Zhou M., Logan J. R. (1991) In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese. *Social Forces*. Vol. 70. No. 2. P. 387—407. <https://doi.org/10.1093/sf/70.2.387>.
- Zubrinsky Ch.C. (2006) *Won't You Be My Neighbor: Race, Class, and Residence in Los Angeles?* New York: Russell Sage Foundation.

